Том V
Наследник святого Малевича. Пятница

Если спро́сите, откуда
эта сказка и легенда,
я отвечу очень просто,
безыскусно и доступно:
это свалка чистых мифов,
это кладбище сюжетов,
крематорий странных баек
и увядших архетипов,
где изысканная правда
бородатых анекдотов
столь причудливо смешалась
с грубой выдумкой суровой,
а разнузданная скромность –
с порнографией стыдливой,
а нечаянная радость –
с ожидаемой бедою,
где и магия доступна,
и религия забыта,
и наука постижима,
и проста литература,
между тем как жизнь сплошною
представляется загадкой,
над которою до смерти
бьётся сердце человечье.

♠ ♠ ♠

Если спро́сите, откуда
эти странные сказанья,
я скажу вам, я отвечу
очень просто: ОТ ВЕРБЛЮДА!

Часть I.
Утро

Однажды вечером Дятел спросил:
– Что такое Срединный Путь?
– Хороший вопрос, – сказал Ворон.
– Ты уклоняешься от моего вопроса, – сказал Дятел.
– Ты уклоняешься от моего ответа, – сказал Ворон.

Вл. Горький «Недописанные дзенские истории»

♠♠♠

О, сколько же смелости, сколько дерзких и крамольных мыслей носим мы в себе, сколько отчаянных решений в нас накопилось, сколько мужественных поступков рвётся наружу! И ведь все они продуманы, многократно разыграны перед зеркалом, а потóм и перед сном, когда голова наконец-то утопает в мягкой подушке, а мы сами утопаем в усталости, осторожности и предчувствиях грядущего. И ночь, эта лучшая подруга уставшего человеческого сердца, смыкает твои глаза, но пускает в душу нетленные строки неизвестного, но явно талантливого поэта:

Пусть свет, который сам пузырь,
пускает пузыри –
ночь хороша и вкось, и вширь
до самой до зари.
И пусть, как шапки на ворах,
горят огни реклам –
ночь хороша и в пух, и в прах
по всем своим углам,
где балом правит солнца тень
и зла не превозмочь –
ночь хороша. И плох тот день,
когда не в радость ночь…

Итак, истекала ночь, наконец-то завершившая прошлый день, названный людьми, населяющими наше повествование, четвергом, и уточнённый ими же, как 28 августа 2003 года. Неслышно густел свет. Город пока ещё дремал – жадно и зыбко, как солдат в окопе. Люди спали тревожным, морочным и сладким сном, пластаясь по своим кроватям, судорожно, как привычных любимых, тискали мокрые подушки и круче вворачивались в коконы простыней.

Чистый предутренний воздух был романтичен, напоминая что-то далёкое и грустно-хорошее, но безвозвратно утерянное. В уже оканчивающемся сне Кулемзин глядел куда-то вверх, в просторы родного космоса. Где-то невдалеке, видимо, за домом № 15 подала голос испуганная раннеутренняя птица, и хозяйка неба Изида бросила последний за сутки настороженный взгляд на затаившегося в постели толстяка.

Между ночью и днём

Не слышны мне шаги, не залает собака,
даже тени покинули эти места́,
только память глядит, существуя двояко –
сверху в виде звезды,
снизу в виде креста…

Тёплая и душная августовская ночь тихо доживала свои последние минуты, когда небо на востоке как-то заметно полиняло, словно чёрные турецкие джинсы, случайно выстиранные в горячей воде. Последним аккордом какой-то проснувшийся раньше других *москвичок* проколол светом фар уже умирающую, но всё ещё шевелящуюся серую темноту, и наконец разрушил очарование ночи. Изида вздрогнула и скрылась в своём небесном домике – до новой темноты.

Под самое утро Альбионычу приснился удивительный сон – вот такой:

И он даже (тоже во сне) написал короткий стишок на эту тему:

Предмет ширпотреба,
предмет ширпотреба,
предмет ширпотреба,
взрывной как фугас, –
компьютер из хлеба,
компьютер из хлеба,
компьютер из хлеба
мне снится сейчас!

Когда Володя окончательно проснулся, его родной город Отцеябловск показался писателю городом особенным. «Это какой-то город-игрушка», признался он сам себе, «ненастоящий город! А, может быть, его вообще нет, и он просто кажется мне – эдакий *человечества сон золотой*[1]…»

[1] Строка из стихотворения «Безумцы» Пьера-Жана Пьеровича Беранже (1862) в переводе Василия Курочкина – прим. лит. редактора

♠ ♠ ♠

«Стоп-стоп!», именно в этом месте неожиданно воскликнул мой читатель, который оказался куда как внимательнее писателя Вл. Горького. «Погоди-ка, автор», завопил он, «почему ты опять начинаешь новый день с Кулемзина? Понятно, что он один из главных героев, понятно, что, кажется, ты даже любишь его немного больше других, понятно даже, что он чем-то близок тебе, так сказать, генетически! Но посмотри-ка сам на твёрдую чёрную обложку этого нового то́ма – ведь ты сам своей недрогнувшей рукой написал его название «Наследник святого Малевича»! Разве это не так? И не логичнее было бы начать эти невянущие страницы именно с этого неве́домого наследника?»

Дед когда-то не был бедненьким –
начал пить, в семье скандал:
объявил сынка *наследником*,
чтобы он бутылки сдал!

Ты прав, как всегда, ты прав, мой читатель, именно этого нюанса я и не учёл. Вот только в одном не соглашусь с тобой – это с тем, что наследник, заявленный в подзаголовке этого то́ма, неве́домый. Кому, как не тебе, было бы легко догадаться, о ком именно в нём пойдёт речь.

Итак…

♠ ♠ ♠

Глава 1. НИКОЛАИЧ РАННЕЮ ПОРОЮ

Думается, что мой внимательный и нервный читатель, начавший эту книгу с укора в адрес автора, совершенно не удивится тому, как же начался этот день у одного из персонажей романа «Русская кочерга», а именно художника и семьянина Валерия Николаевича Муравлёва. В первый момент после пробуждения ему (Муравлёву, а не автору или читателю) уже привычно показалось, что он разобран на какие-то запчасти, намертво приколоченные к влажной от похмельного пота постели, и лишь отделённая от туловища голова пока ещё повинуется слабым мысленным импульсам. Чтобы проверить это ужасное предположение, живописец резко развернул чугунную тыкву набок – и очутился на полу, правда, на счастье, вместе с туловищем.

Лечу, как если б был пернат,
на деревянный пол:
вестибулярный аппарат
опять меня подвёл!

Всё тело ломало, мышцы не слушались, и на память приходили бурлаки из известной репинской картины, а также гребцы на галерах, колодники в рудниках и почему-то русские солдаты начала прошлого века, *отхоженные* николаевскими шпицрутенами.

«Как же много я всё-таки помню!», обрадовалось сознание художника, но тут же застонало – в отсутствие ни каких-то там ненужных картин или дурацких воспоминаний, а элементарной бутылочки любимого пива «Тянь-Шань». Но не было под рукой этой бутылочки, и в отсутствие её творческая душа́ Николаича тихонько завыла, как собака с перешибленной лапой.

Было печально от мысли, что вместо ободрительного пробуждения он сейчас находился в первой (прости, русский язык!) прострационной стадии, как будто бы не спал

вовсе, а несколько часов подряд вкушал крепкий азиатский кальян в тайваньском борделе. Способствовало этим страшным мыслям и то, что в предавшем его затылке начал-ся громкий концерт по заявкам, видимо, неких обиженных на Суку-судьбу жён, – с колоколами и фейерверками. Все внутренние óрганы при этом как бы скатились в прóпасть, организм вибрировал, точно токарный станок, а ужасающая головная боль уже была готова отключить сознание, оставив реальность без присмотра.

Это, братцы, не банальность,
почему я так завыл:
потерял с утра реальность,
словно раньше и не жил!

Валера встал на колени и огляделся, как это частенько бывает на поле боя после контузии. Затем он взъерошил волосы, и без того располагавшиеся на голове в творческом хаотичном беспорядке, наглядно иллюстрируя учение о броуновском движении молекул. «Как странно, святой Малевич», подумал он, грея тёплыми коленками прохладный утренний пол, «ещё вчера мне казалось понятным, в чём смысл жизни, о чём думают женщины, о чём молчат мужчины, как устроен мир, и вообще как всех сделать счастливыми… А сегодня опять ничего не понятно!»

После таких философских мыслей он принялся мечтать о том, чтобы вот прямо сей-час приехал кто-нибудь бодрый и сильный, похожий на его друга Володю, поднял его за уши, выполоскал в горячей ванне с мылом, побрил, переодел в чистое и, как джинн из сказки про Аладдина, отнёс лежать на берег тёплого моря. Но, к сожалению, по оконча-нии этих светлых мыслей его уши так и остались невостребованными. Вместо этого дав-ление у Николаича начало скакать так, что в упомянутых выше ушах словно бы зачири-кали какие-то залётные воробьи.

«Почему у нас, гениальных художников, всегда такая тяжёлая Сука-судьба?», словами всё того же Кулемзина подумал он. «Причём, чем гениальнее человек, тем быстрее настигает его некое творческое безумие – примерно как у Винсента Теодоровича Ван Гога, который именно от осознания своей гениальности отчекрыжил своё правое ухо и, по слухам, выбросил его дворовым детям… тьфу, собакам!»

Когда в наклоне стержень духа,
ко мне опять приходит он:
глядит в меня Ван Гог безухий –
безумный гений вне времён.
Себя я под него ровняю,
а жизнь – под тень его планид,
но, силой стержень наполняя,
Ван Гог опять во мне молчит…

Утомлённое сердце, – то ли от вчерашних напитков, то ли от сегодняшних мрачных мыслей, – колотилось о рёбра с отчаянием узника, требующего немедленной амнистии. В голове, которая расщеплялась, как ядро атома, сгустился комок тяжёлого гудрона, да плюс к тому же что-то случилось со зрением, потому что перед глазами даже перестали плавать цветные пятна, как на картине Огюста Леонардовича Ренуара «Цветы». Тогда потерявший зрение испуганно начал ощупывать пространство перед собой, ибо фокусировка обоих глаз по-прежнему оставляла желать лучшего, и вскоре перед взором вновь замельтешили какие-то пятна, но уже не цветные, а постоянно меняющие оттенки серого цвета. «Ну вот, святой Казимир Северинович, и закончилась моя карьера гениального ху-

дожника», горько подумал похмельный живописец. Он почувствовал себя грязным и липким, словно только что вернулся с многомесячных осенних полевых работ, где в качестве ванны раз в неделю ему приходилось лезть в ледяную воду речки Безназванки.

Пока тепло совсем не улетело,
падёт на тело холод, заклубя:
трепещут клетки доменного тела,
приняв удар стихии на себя.
Поверьте мне, что это не бравада:
мой русский дух в основе здесь лежит.
Ноябрьские купания – услада
для тела! И, конечно, для души…

Здесь Валера вспомнил, как Альбионыч, который знал всё на свете, как-то раз посоветовал ему с похмелья чаще дышать, чтобы насыщением кислорода хоть как-то помогать организму приходить в себя. Он поднатужился и глубоко вздохнул, но тут же понял, что сделал это напрасно, так как сообразил, что пока он спал, какая-то сволочь затолкала ему в горло сосновую шишку, которая не просто провалилась в желудок, а застряла именно в гло́тке, да ещё и поворачивалась, обдирая нежное мясо гортани. «Неужто Наташа постаралась?», мелькнула тревожная мысль, но ей на смену тут же пришло спасительное воспоминание, что любимая супруга вот уже второй день гостит у своей мамы – под обильные завтраки, полдники, обеды и ужины рассказывая ей, как же она жестоко ошиблась в выборе спутника жизни.

Во́т так муж жене попался –
алкашом он оказался!

Тяжёлая голова художника никак не хотела сидеть на шее прямо, а всё норовила тянуться вниз – в полном соответствии с иностранным законом Исаака Исааковича Ньютона. Наконец она (голова, а не шея, хотя и шея тоже) наклонилась так низко, что, во-первых, стал чувствоваться запах, исходящий от немытого пола, и, во-вторых, стала заметна какая-то тетрадочка, лежащая под кроватью. В нелёгкой борьбе со своим строптивым вестибулярным аппаратом он кое-как вытащил из-под кроватки тетрадочку и прочитал её название, написанное красным фломастером, который Николаич вот уже какое-то время полагал потерянным. Тетрадочка, к его удивлению, оказалась дневником, что подтвердила надпись на обложке:

Дневник прохождения супердиеты
Натальи Муравлёвой

Художник несколько секунд тупо смотрел на надпись, пытаясь сообразить, зачем Наташе понадобилось проходить диету – как какую-то воинскую службу, но так ничего и не придумал, после чего открыл тетрадочку и прочитал первую запись, которая, кстати, оказалась и последней:

Первый день новой диеты. Уничтожила в холодильнике все вредные продукты. Они оказались очень вкусными…

Глава 2. НИКОЛАИЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (окончание)

«Как она там без меня?», грустно подумал саксаульский шишкин и неожиданно вспомнил свой недавний разговор с женой, когда однажды утром застал её, стоящей на весах, чуть не вдавившей их в пол и рисковавшей провалиться на второй этаж. Помнится, тогда, заметив его скептический взгляд, супруга сказала ему с гордостью:

– А ты что думал? Люди с золотым сердцем, железными нервами и стальным характером лёгкими не бывают…

Утром села у трюмо
и спросила у него:
«Я ль на свете всех милее,
всех румяней и белее?»
А ей зеркальце в ответ:
«Охренела? В сорок лет?!»

И тут, хотя пива хотелось больше, перед его взором начали одна за одной проплывать сценки из их совместной с супругой жизни – одна страшнее другой.

Вот он увидел, как Наташа, неожиданно разбудив его утром и не дав очухаться, быстро произнесла:

– Валера, опиши наши отношения двумя словами.

– Наши что? – помнится, тогда переспросил он, после чего нарвался на очередной жуткий скандал.

Вот прямо из воздуха соткалось ещё одно воспоминание – из прошлой недели, когда жена, неожиданно разбудив его утром и не дав очухаться, быстро спросила:

– Валера, а ты не видел мои цветные невидимки?

Но и на эту явную фантастику он ответить не сумел.

Вот Николаичу вспомнилось, как любимая жена, неожиданно разбудив утром и не дав очухаться, поволокла его на кухню, усадила за стол, налила себе чая и стала жрать конфеты «Коровка», приговаривая:

– Как бы я не хотела стать коровой...

И, закидывая конфету полностью в рот, добавила:

– Но, похоже, стану...

Я на неё гляжу сурово,
припоминая чью-то мать:
жена толстеет как корова –
пора на мясо забивать!

Именно в этом случае он страшно обиделся на Наташу, потому что свои признания она бы могла сделать и без него – недосмотревшего интересный сон, в котором он бухáл в кафе «Монпарнас» вместе с Камилем Абрамовичем Писсарро, объясняя французу под одиннадцатую рюмочку абсента, что его «Пейзаж в Варин Сент» 1865 года лучше было бы нарисовать не таким мрачным. «Написать», поправлял его Абрамыч, но Муравлёв не сдался и здесь, объяснив иностранцу, что хорошо писать умеет только его друг Кулемзин, а он, Абрамыч, пусть лучше учится рисовать у известного саксаульского художника Николаича, некоторые из полотен которого можно увидеть даже в сельпо торгашки Калимы́.

Вспоминаю временами
супертворчества полёт:

лавка вся в моей рекламе –
и народ в ту лавку прёт!

После ужасных воспоминаний несчастный похмельный решил, что вот так, сидя на полу, ничего не высидишь, после чего, собравшись с силами, тяжело пополз в сторону совмещённого санузла. Когда он пересёк черту, отделяющую заветную дверцу от остального жилища, оказалось, что ближе всего к нему сейчас находился унитаз, поэтому он тут же сделал то, о чём давно просил исстрадавшийся организм.

Стало значительно легче, и даже настолько, что Валера сумел подняться на ноги, руками закрепился на краю ванны, наклонился к крану и, стараясь не обращать внимания на резко закружившуюся голову, стал этой головой пить воду. Вода оказалась тёплой, как из туристской фляжки, и затхлой, словно бочковое пиво на забытой *точке* в жаркую летнюю пору. Наконец он напился и постарался выпрямиться, но лучше бы квартировладелец этого не делал, ибо взором тотчас натолкнулся на самого себя, но отражённого в зеркале. Увиденное впечатляло!

Самоидентифицирование происходило с трудом, ибо выглядел он сейчас как пришелец из созвездия Синего Ужаса. В состоянии, близком к невесомости, Муравлёв заметил, что лицо его покрылось какой-то сероватой бледностью, похожей на благородную сырную плесень, после чего решил собраться с мыслями, но ни одна из них на общее собрание организма так и не пришла, словно все они дремали в потёмках подсознания, словно горсть зёрен в сухой земле.

Прокисшие, как кислый рислинг,
наполненные пустотой,
куда-то убежали мысли,
оставив голову пустой!

Затем Валера вышел из санузла и отправился в нелёгкий путь на кухню, правда, задержавшись на какое-то время у стенки, разделяющей его и её (санузел и кухню), где уже несколько лет криво висел его натюрморт под названием «Икра чёрная и красная без применения». Он немного полюбовался на свою картину и неожиданно вспомнил слова Володи: «Самый лучший натюрморт, который я видел в своей жизни, – это вид на открытый предновогодний холодильник!»

«Кстати, о холодильнике», подумалось страдальцу. «Может быть, там осталась еда?». Но, вспомнив, как вчера перед уходом на кухне немного пошурудил его гость Курманбаев[2], он понял, что ловить нечего, а потом и вовсе осознал, что аппетит всё равно не появился, и это в принципе было довольно плохим зна́ком, который показывал, что в организме произошёл очередной переворот и власть захватила нервная система. «Тогда, может, чайку́?», мелькнула ещё одна бредовая мыслишка.

[2] Об этом случае – в главе 181 четвёртого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

Чаёк горячий по утрам хорош,
как средство от сонливости и лени,
тем более, когда его нальёшь
из чайника на голые колени…

, а за ней ещё одна, не менее бредовая: «Или кефирчику?»

Ищу я истину в вине –
и по утрам хреново мне…

А если бы искал в кефире,
все сутки бы хреновы были!

Не найдя упомянутых напитков, он начал вспоминать названия других, и вскоре ему на радость в тыкве забрезжили знакомые слова́ «водка», «пиво» и даже «покер». Кстати, вспомнив последнее слово, его память совершила гигантский эволюционный скачок и заставила всплыть целое словосочетание «Бермудский Учпучмак», после чего Валера наконец-то понял, куда именно влекут его похмельные волны сегодняшнего утра.

Выхожу я утром из запоя,
а жена как даст по голове.
Что за безобразие такое?
Надо выпить рюмку. Или две!

Разобравшись со своими стремлениями, он всё-таки поел какую-то недоеденную вчерашними гостями еду, убрал крошки со стола – в карман (на всякий случай), неудачно попытался почистить зубы, в результате чего отдал только что употреблённую еду унитазу, а затем разделся, лёг в кровать и приготовился ко сну. И только после этого вспомнил, что сейчас утро, а, значит, пора прогуляться по страницам пятого тома «Русской кочерги» в сторону второго микрорайона, где его ждали новые приключения сегодняшнего дня.

Глава 3. МУСАИЧ РАННЕЮ ПОРОЮ

Прежде чем рассказать о таком же утре ещё одного нашего героя, вначале па́ру слов о том, как он закончил день вчерашний. Совершив привычный вечерний ритуал, то есть протерев бюстик Дзержинского, спрятанный под кроватью, Курманбаев вспомнил, что ещё в главе 258 прошлого, четвёртого тома изъял из полтавцевской котомки кулемзинскую тетрадку стихов, и перед сном решил её (тетрадку, а не котомку) внимательно изучить – дабы было что предъявить этому оппортунисту на каком-то мифическом будущем суде истории. Нуртай полистал тетрадку, с трудом разбирая явно ленинский почерк Альбионыча[3], пока не наткнулся на заголовок, который неприятно поразил его в самое сердце. Перед стихом были небрежно написаны два импортных слова, судя по всему, из латинского языка: Socialismus Rex. Первое педагог, конечно, узнал, но о природе второго догадался только тогда, когда прочёл эту явную антисоветчину:

Socialismus Rex[4]

Пусть промокла от пота рубаха,
был бы взгляд проницательно-острый,
мы такие, мой друг, гегемонстры –
пусть буржуи трясутся от страха!
Мы народ самый мощный и древний,
победим и беду, и ненастье –
вот наладим мы смычку с деревней,
и наступит всеобщее счастье!
Хлеб всему голова и основа,
особливо с бидончиком кваса.
Мы ведь дети победного класса –
победившего класса. Восьмого.

[3] Его образец – в главе 225 третьего тома романа – прим. гл. редактора
[4] Царь Социализм – лат.

Мы с тобою в фаворе, в ударе,
наши ушки всегда на макушке,
пролетим мы с тобой, пролетарий,
над гнездом самой лучшей кукушки!
Всё здесь – наше, на мили и мили,
и слепят перспективами дали,
мы по записи, мы занимали,
отмечаться ночами ходили.
Из цветов в предпочтение алый –
яркий цвет побеждающих истин:
отберите у Карла кораллы,
изымите агаты у Кристи!
Сорняки из сознания выдрав,
враз заштопаем наши лохмотья:
мы *партейные* взносы *заплотим*;
уползай, буржуазная гидра!
Нам достаточно водки и пищи –
мы идём под надёжным конвоем.
И среди этой всей красотищи
мы чего-то прибавочно сто́им…

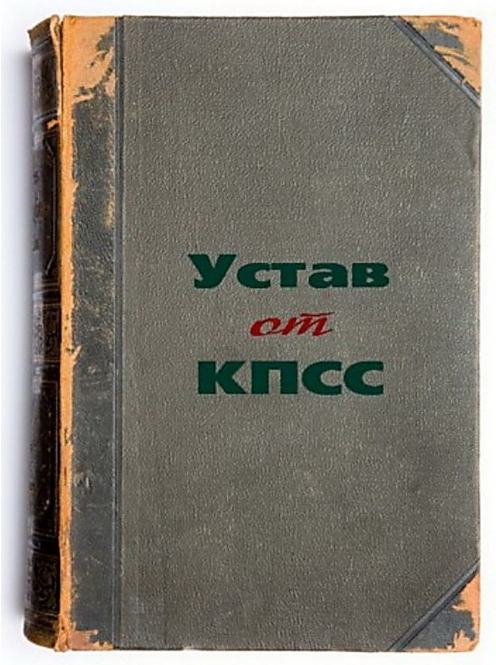
Прочитав сие, Мусаич даже задохнулся от возмущения. «А ведь страна, партия, профсоюз и комсомол попытались воспитать этого урода, да так, видимо, и не получилось!». Затем он обдумал эту мысль и попенял сам себе: да разве может быть такое, чтобы у партии и комсомола, если они за что-то брались, этого не получилось?! Тогда как? А вот как: раз Кулемзин (по слухам) откуда-то с Марсианщины, значит, не все законы диалектического и исторического материализма, а также научного коммунизма властны над этим инопланетянином. Мысль немного успокоила, но Нуртай ещё долго сидел над володиной тетрадкой, отыскивая в ней политическую крамолу и недовольно хмыкая и покашливая.

Всё ещё находясь под впечатлением антисоветских опусов литератора, он вспомнил, как в прошлом году, на день рождения получил от Володи подарок. Правда, вначале Нуртай, наивно полагавший, что писателя ещё можно перевоспитать, сам подарил ему небольшую книжечку, вернее, брошюрку – вот такую:

, а уже в ответ Кулемзин на следующий день отдарился вот такой книженцией – похожей, но немного с другим названием.

Вот вам мудрость ключевая,
и она для всех строга:
книжки разные бывают,
но лучшéй всех – «Кочерга»!

Увидев это страшное для любого коммуниста оскорбление, он даже хотел было стукануть *куда надо* по привычке, но тут же вспомнил, что времена изменились, и за книжки теперь не сажают – даже за такие, после чего страшно расстроился, но дал себе приказ крепиться, а потом дождался ночи, вышел на мусорку и торжественно сжёг преступное издание, на всякий случай отвернувшись, чтобы ненароком не увидеть, как горят прописные буквы на обложке. И пропала бы не только эта книженция, но даже пепел от неё в пучинах времени, если бы не Михаил Афанасьич (дай ему *дедушка* покоя на том свете!), который утверждал, что рукописи не горят. И впрямь – вот она перед тобой, мой любопытный и верный читатель:



Но – пора приступить к дню начавшемуся, потому что, как говорил один из героев нашего повествования, «утро вечера тудым-сюдым, мать честнáя!». Догадался, листающий эти страницы?

Глава 4. МУСАИЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (продолжение)

Не смотря на то, что вчера Курманбаев выпил очень много халявного володиного пива, ночью он блаженно улыбался во сне, что-то беспокойно загребая руками. Ему снилось, что он сейчас крадёт валютные запасы Саксаулкоммерцбанка, причём на этот подвиг его благословил лично Карл Генрихович Маркс, а при самóм воровстве стоял рядом и приговаривал какую-то чепуху – вроде этой: «При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте»[5]

[5] *Карл Маркс, «Капитал», глава XIV – прим. полит. редактора*

Но вот после пробуждения всё оказалось не так счастливо и прозрачно, как во сне. Во-первых, сразу же стало тяжело думать – хоть о чём. В голове было пусто, а редкие беспорядочные мысли, возникая, сразу лопались, словно мыльные пузыри, и были похожи на сгущёнку – такие же белые, длинные и тягучие. От недолгого морочного сна и обезвоженности у педагога в этот момент случились такие пухлые губы, словно он всю ночь целовался с пчёлами.

Наступает утро. Утро –
(хочешь рифму?) это мудро:
просто нужно снова лечь
и забыть родную речь…

Во-вторых, с Мусаичем случился феномен, до этого саксаульской наукой не разгаданный: он всё ещё лежал в кроватке, но при этом чувствовал, как его пошатывает, словно он уже встал, но не может сделать ни шага. Плохо было и в-третьих: глаза заволакивал какой-то тошнотворный мрак, какой бывает только тогда, когда вначале долго лежишь на пляжном солнце, а потом вдруг резко вскакиваешь, чтобы бежать к воде.

Нуртай поднял глаза к потолку, но на монотонной серой поверхности не нашлось ничего заслуживающего внимания. Но он, не зная, как подняться навстречу наступившему дню, ещё какое-то время буровил взглядом потолок, словно ожидая, что именно на нём и именно сейчас неведомая рука выпишет огненными буквами святые ленинские слова: «Социалисту всего тяжелее не ужасы войны – мы всегда за «santa guerra di tutti gli oppressi per la conquista delie loro patrie!»[6], а ужасы измены вожаков…»[7]

[6] «священную войну всех угнетённых за завоевание их отечеств!» – лат.
[7] В. И. Ленин, ПСС, т. 26, стр. 8, «Европейская война и международный социализм» – прим. ист. редактора

«Так это же о Кулемзине, мать моя партия!», поражённо подумал он, не обнаружив заветной надписи. Тогда он перевёл взор ниже и левее, увидел на задней стенке дверки спальни знакомые портреты членов Политбюро ЦК КПСС, после чего, с удовольствием разглядывая их в очередной раз, постепенно успокоился. Затем он перевёл взгляд ниже, на этот раз правее – на книжные полки с томиками Ильича I, и глаза его тут же заслезились от умиления и счастья. И только потом пламенный саксаульский большевик ещё раз на всякий случай посмотрел на потолок, но, кроме полудюжины мух и старых потёков, на нём по-прежнему ничего не обнаружил. Ему остро захотелось привлечь кого-нибудь к ответственности, желательно с суровым наказанием.

Стою в суде я хладнокровно,
как будто принял героин:
ведь знаю Ленина дословно:
«Апрельский тезис»! Но один…

Но вставать всё-таки пришлось, тем более что в его комнатку ворвался сынок, садистски пожелал *доброго утра* и спросил:

– Папа, мне сегодня приснилось, как ёжик играет с зайчиком. А тебе что?

– Эх, сынок, – почему-то вспомнив Кулемзина, проскрипел Мусаич, – тебе до такого ещё спать да спать…

После чего он всё-таки заставил себя… нет-нет, не встать, а просто сесть на своей сиротской кровати… и стал сосредоточенно смотреть себе под ноги – на прикроватный коврик, точно коза, выискивающая клочок травы. Мыслей не было по-прежнему, пока

где-то вдалеке не забрезжила одна, которая стремительно приблизилась к курманбаевской тыкве и взорвалась к ней несомненной мудростью: «А ведь прав был Владимир Ильич, мать моя партия!», но в чём именно, ему доложено так и не было, поэтому, чтобы окончательно придти в себя, Мусаич начал вспоминать, как он отмечал последний день 7 ноября, и ложно вспомнил себя во главе праздничной колонны, несущим красное знамя, хотя на демонстрации не был.

А если бы сейчас его мысли слышал писатель, он непременно бы вспомнил свой стишок по поводу этого пролетарского праздника:

Утром в настроении прекрасном,
выпив, как положено, пивка,
думал обратиться с речью к массам,
только не нашёл броневика…

Но вот наконец педагог встал, немного пошатался, но не упал, так как, качнувшись влево, увидел, что на стене, в рамочке репродукции мирно, что в твоём красном уголке, посиживал с газетой «Правда» в руке Ильич I. И именно виде́ние своего кумира придало Нуртаю невиданные силы: ноги сами встали *во фрунт*, руки вытянулись по швам, а в голове неожиданно прозвенела какая-то пионерская мысль: «Всегда готов!»

Постояв так немного и свыкаясь с мыслью, что он всё-таки жив, Курманбаев встал на коленки на прикроватный коврик и пошарил рукой под коечкой, но вытащил не бюстик Феликса Эдмундовича, как подумал мой догадливый читатель, а шкатулочку с разными ценными для него бумагами. На этот раз он решил проверить смешные бумажки под названием ваучеры, которым уже который год всё ещё надеялся найти применение, но никак не находил.

Припомнилась картиночка мне давеча
из девяностых удалых годов:
продал барыге я на рынке ваучер –
за туфли с парой запасных шнурков.
И будто наяву приснилось давеча
под утро препротивнейшая жуть:
стою в углу, а крысы жрут мой ваучер,
с которым мне просили не тянуть…

Он сидел на коврике с печальным видом, как кастрированный Пьеро, и перебирал давно никому не нужные ваучеры, которые сегодня стоили меньше, чем бумага, на которой были напечаны, но от жадности руки его тряслись, как у вождя ГКЧП (б) товарища Янаева. Наконец вволю налюбовавшись «ценными бумагами», он почувствовал некие позывы и поспешил в туалет, где и совершил всё необходимое для коммуниста в это время суток, после чего оглядел себя в зеркале.

Увиденное Мусаичу понравилось не слишком: под глазами лежала глубокая чернь, словно на старинном сервизе, на душе́ было гадко, как в вокзальном сортире, голова звенела, точно надутый аэростат, и вообще он чувствовал себя человеком, присевшим на электрический стул, то есть так, как будто его только что вынули из печки, не оставив ни одного живого, необугленного о́ргана.

О, как же я с утра контужен,
припомнив старый верный кольт:
скажу вам, что похмелье хуже,
чем стул под 300.000 вольт!

Глава 5. МУСАИЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (окончание)

И всё-таки ленинец всегда стремился следовать томý правилу, согласно которому завтрак нужно съедать самомý, а также обед и ужин, а вот объедки уже отдать врагу. Но, чтобы не ввергать себя во искушение, он предпочитал, чтобы во время приёма пищи поблизости ни врагов, ни друзей не находилось, и можно было спокойно ни с кем не делиться. Поэтому после зарядки, заключавшейся в нелепом подрыгивании ногами и помахивании руками, он отправился на кухню, где и решил позавтракать чем жена послала. Кстати, жены он дома не обнаружил, и наш читатель, как это ни прискорбно, так до конца этой толстой книжки и не узнает, куда же она подевалась с утра.

Итак, зайдя на кухню, Мусаич через минуту интенсивных поисков ощутил страшное гóре: оказалось, что чёрствые родственники в лице только что упомянутой жены, а также сына и дочери не оставили ему сегодня ничего не только на обед, но даже на завтрак! И вот тогда, как это случается с человеком в минуту смертельной опасности, у преподавателя еврейского колледжа сработало спасительное воспоминание: «Ведь я вчера перед уходом из квартиры Муравлёва набил карманы всякими вкусностями!», а мой читатель, чтобы освежить в памяти это паскудное происшествие, должен немедленно заглянуть в прошлый четвёртый том, а именно в главу 181, где этот нечестивый поступок и был описан.

Нуртай полез в карман штанов и действительно обнаружил там поломанное печенье и два кусочка сахара, но кроме того, ещё и какую-то четвертованную сосиску, о которой воспоминаний не осталось никаких.

Знают даже конголезцы,
что живут на берегу:
я сосисками наесться
меньше тонны не могу!

Правда, после съеденной сосиски Курманбаев с удивлением отметил, что сознание его прояснилось аж на 12,8 процента и вернулось почти в прежние параметры бытия. Затем он доел кусочки печенья – с чаем, который, слава КПСС, дома ещё был. На один стакан он не пожалел сразу четырёх кусочков сахара, так как где-то вычитал, что сахар якобы улучшает мозговую деятельность, а её сегодня ему было нужно очень много, чтобы при игре в *русскую кочергу* обязательно одержать победу над оппортунистами всех мастей, и особенно над главным идеологическим врагом Кулемзиным. Поэтому он подошёл к чаепитию ответственно, и сам процесс размешивания белых кубиков в кипятке поглотил его полностью: лоб был нахмурен, губы плотно сжаты. В своём стакане при этом он устроил цéлую бурю, словно мстил сахару за испорченные в детстве зубы.

В детстве грыз я сахар резво –
потому сейчас и трезвый!

После этого Нуртай тщательно собрал все крошки, кинул их в рот, и с сожалением поглядел на кое-как за неделю заполнившееся мусорное ведро. Взять из него было нечего, и он помнил об этом очень хорошо, так как уже дважды (на всякий случай!) проверял его содержимое, с которым наконец-то было пора расставаться.

И тогда у шкодливого педагога родилась блестящая идея. Пересыпав всю гадость из ведра в пакет, и для надёжности обвязав его изолентой, Мусаич выставил полученную конструкцию на лестничную площадку и позвонил в дверь квартиры № 29, где жила

какая-то глуховатая старушка, имени-отчества которой он не знал, и поэтому обращался к ней каждый раз по-разному.

– Василиса Варфоломеевна, позвонить можно? – несмело дохнул он на неё вчерашним перегаром.

– Ась? – приложила руку к уху старушка, но звука это ей не прибавило.

– Матрёна Тимофеевна, у меня что-то телефон не работает, – пробормотал коммунист и, оттеснив бабушку, зашёл в коридор, откуда и позвонил на всем известный по навязчивой рекламе номер Саксаульской МЧС и, после того, как там сняли трубку, загнусавил, по возможности изменив голос:

– Алло! Я звоню к вам с тревожной вестью! В доме № 16 по улице Жубанова на четвёртом этаже стоит подозрительный пакет! Кто говорит? Соседка педагога Курманбаева Авдотья Карповна…

– Спасибо вам за звонок, – ответил ему милый женский голос. – Скажите, а почему ваш голос подозрительно похож на мужской?

– Я недавно поменяла пол, – соврал ленинец и положил трубку.

– Милок, а ты зачем заходил-то? – спросила у него соседка, когда бдительный гражданин поспешил в свою квартиру.

– За спичками, Гликерия Евстафьевна, – ответил ложновызывалец и отбыл восвояси.

Осталось только побриться – и можно было начинать новый день! Телефонный жулик провёл ладонью по небритому лицу и ощутил, что щетина, отросшая за ночь, неприятно кололась и сухо шелестела под пальцами. Поэтому он не особенно удивился, что при бритье сломал одноразовую бритву о подбородок, после чего решил сэкономить немного электричества и не добриваться вовсе.

«Эх, сейчас бы кружечку холодненького пивка, мать моя Октябрьская революция», с чувством потянулся педагог, но тут же испугался этой непартийной мысли и дополнил её качественно новым желанием: «И чтобы Володя за неё заплатил. А потом взял мне ещё. И ещё…»

Неуверенность в походке,
глаз раскрытие с трудом –
шар земной, как будто в лодке,
обогнул за ночь кругом.
Сушь во рту, скрипят суставы,
в животе бурлящий ил –
труд во имя и во славу
отнимает много сил!
Каждый день – мой день тяжёлый,
мозг для тела – лишний вес,
и у мыслей нездоровый
к кружке пива интерес…

В общем, вроде всё было как обычно, и только счётчик пульса Мусаича показывал весьма тревожное число, а его гемоглобин, в котором, по утверждению классиков[8], вся сила, не очень-то активно насыщался кислородом. На улице, куда он собрался выходить, стоял XXI век, но Курманбаеву он не нравился, потому что все главные события его жизни произошли в недавнем XX веке. А автор, вспомнив это столетие вместе со своим героем, неожиданно получил сильнейший поэтический импульс, результатом чего и стал нижеприведённый Хронотоп.

[8] И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев», глава II – прим. лит. редактора

Глава 7. ПУСТЬ БЬЁТСЯ В СЕРДЦЕ ОТРАЖЕНЬЕ (Хронотоп № 29)

Итак, он сдох, XX век!
Он сдох, как жил, в крови и прахе,
измене, ненависти, страхе,
закрыв щиты усталых век.
Он сдох, и пробки в потолок –
неужто всё на самом деле!?
И только в венах еле-еле
струится нефти жирный ток.
Так пусть же встретит свой конец
во тьме архивов и хранилищ –
надёжны скрепы сих узилищ,
и в пломбах тусклый спит свинец.
А мы, поменьше о нужде
и громких клятв, лишь только помнить! –
чтобы когда-нибудь напомнить
послерождённым о беде.
Сейчас же, совесть в ком живёт,
впитаем каждое мгновенье,
пусть бьётся в сердце отраженье,
и это сердце не порвёт.
Не будем траур отмечать!
Но тем, в герои кто не метил,
на ужас подвигом ответил –
живое новое зачать.
Поставим кубок на краю:
я не пророк, но верю свято,
пока что трезво, непредвзято –
из этой чаши отопьют!

Глава 8. АФАНАСЬИЧ РАННЕЮ ПОРОЮ

И если уж речь зашла о тяжёлой ночи Серёжи Полтавцева, то мой читатель наверняка не удивится тому, что автор для обобщения всего этого процесса специально для этой страницы 20 придумал вот такой афоризм:

Сон храпежом красен!

Но, как известно из капитального труда профессора Фекалина «Развенчание сновидений товарища Фрейда», сон сну рознь. И, действительно, снов у Афанасьича сегодня было два, и оба, как назло, страшные. Сначала ему приснилось, что к его персональной могилке подошёл какой-то незнакомый косорылый мужичок, надавил пальцем на мозжечок, о существовании которого сторож узнал только вчера[9], и с укоризной заметил:

– Чего выглядываешь, браток? Сиди ужо!

Затем, уже под утро, ему привиделось ещё более страшное: вроде звонит он в отцеябловскую городскую милицию – почему-то по нелогичному телефону 02ыы, и сообщает, что его похитили инопланетяне. А на вопрос дежурного милиционера: «Вы что, товарищ, пьяный?» он начал уверять его, что это простое совпадение. Правда, чем окончился весь этот ужас, он так и не узнал, потому что в этот самый момент его укусил в щёку здо-

[9] *«Русская кочерга», том IV , стр. 338 – прим. гл. редактора*

ровенный комар, и охранник на мгновение проснулся, тут же потеряв всяческую нить сновидения. А жаль, потому что дальше сон был интересным и захватывающим, хотя заканчивался тоже нехорошо.

В снах кошмары очень многих мучают –
пауки и прочий разный страх:
то ворóны в небе чёрной тучею,
то убийца с ножиком в кустах,
снятся крысы серые хвостатые
с пальцем окровавленным во рту!
Уши затыкают люди ватою,
по кровати мечутся в поту…

Но, как известно из другого, не менее капитального труда всё того же профессора Фекалина «Детерминизм невероятного происходящего», всё когда-нибудь кончается. Поэтому мой ко всему привыкший читатель, надеюсь, не удивится, узнав, что Серёжа всё же проснулся этим утром, ещё раз занеся свою прославленную фамилию в список вечно живых персонажей романа «Русская кочерга». Первым его (Серёжи, а не романа) осознанием было то, что лежал он вполне привычно, то есть на полу, а вот автор, который видит своих героев как бы со стороны, добавит, что лицо Афанасьича в этот момент напоминало зачерствевший плавленый сырок «Дружба», с историей которого мой читатель подробно ознакомился в прошлом томе, в главе 147.

От Оки и Волги до Амура,
и от Колымы до Брахмапутры
твёрдо знают: ежели кто хмурый,
значит, он всего скорее утро!

Разлепив глаза и поймав тошноту на полпути к полу, Полтавцев увидел там свои штаны, – такие грязные, словно он вчера по примеру первых комсомольцев утрамбовывал ногами жидкий бетон, крича при этом «Смены не будет!». При этом запах от штанов он твёрдо определил как зоопарковый. Вставать не хотелось – из-за привычных утренних ощущений, в которых он чувствовал себя грязным, липким и вонючим, словно только что вернулся с многомесячных полевых работ. «Как же так?», пришла в его тыкву сложная философская мысль. Но напряжённая работа «мозга» не дала никакого результата, кроме всё усиливающейся головной боли.

По обоям мозг расплёскан,
от сознанья отделим:
я с утра всегда философ,
коли нечем похмели…

Тогда бывший текстильщик осторожно поднялся, но тут же рухнул навзничь, правда, на этот раз более удачно: извернувшись, как кот в падении с пятого этажа, он придал своему телу некое вращение, которое и позволило рухнуть ему на свой старенький диванчик. Изделие прошлого века возмущённо закричало ржавыми пружинами, но приняло его в свои пыльные объятия, давя на печень одной из вышеупомянутых пружин. Но это было бы ничего, если бы не другие бéды: внутренности охранника переворачивало и выжимало, икота, отдающая изжогой, стала пробиваться наружу. Внятно чувствовалось, что надвигающаяся старость всё больше давала о себе знать.

«Как бы, мать честна́я, не помереть на родной мебели», пришла ещё одна мысль, «а, значит, надо вставать…». Делать это было страшно, так как головокружение не проходило, но наконец он решил, что всё будет нормально, и начал осторожно спускать с дивана на холодный пол кривые ноги системы «Привет Первой конной!» – сначала одну (кажется, левую), а потом и оставшуюся. Мир вокруг него тут же попытался пуститься в пляс. «Стоп!», строго сказал он миру и встал, для верности придерживаясь рукой за спинку дивана. Квартира немного покружилась вокруг сторожа, как грампластинка, и когда она остановилась, Серёжа тронулся в далёкий и опасный путь в туалет, куда хотелось всё нестерпимее.

Унитаз в ванной комнате и до этого дышал на ароматическую древесную смолу, получаемую из деревьев рода *босвеллия*, то есть на ладан, а после грузного падения на него (унитаз, а не ладан) полтавцевского тела и вовсе треснул ещё в одном месте.

Он искромётным взмахом таза
разрушил ложе унитаза!

После этого страдалец и он же ответственный квартиросъёмщик ненадолго застыл в позе *обделанного* роденовского Мыслителя, потом, завершив задуманное, поднялся и внимательно изучил проделанную работу. «Да, не всё то пиво, что жёлтое и пенится», ещё одной философской мыслью подумал он, попутно вспомнив, как на днях Кулемзин объяснял ему, почему серёжино любимое пиво называется именно жигулёвским, а в конце долгого объяснения, увидев, что до туповатого охранника так и не дошло, отозвался коротким катренчиком, после чего Афанасьичу всё стало понятно:

Было б очень справедливо
«Жигули» заправить пивом:
жигулёвским – «Жигули»,
чтоб в дороге пить могли!

«Да тот ли я вообще человек?», подумал он третью философскую мысль, и пусть мой читатель будет уверен, что на этом философские мысли нашего похмельного героя на сегодня были окончены. Чтобы проверить страшное предположение, Серёжа поднялся с унитаза, натянув штаны и, повернувшись на 32 градуса, словно невзначай глянул в потрескавшееся зеркало, испытывая при этом горькую муку самоидентификации, хотя и не знал этого высоконаучного сло́ва.

«Как бы дисморфофобия[10] не развилась», озабоченно подумал он. Увидев себя, сторож укоризненно покачал головой своему изображению, но из строптивого стекла ему в ответ покачал головой какой-то урод. Он всмотрелся пристальнее и понял, что из зеркала на него глядело смутно знакомое лицо, но сделанное как бы из натурального шпона.

Глава 9. АФАНАСЬИЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (продолжение)

– Ну, и как тут не пить, царица лесная? – пробормотал он, поняв, что утренняя амальгама с тяжкого похмелья сейчас показывает не его лицо, а чей-то неудачный фоторобот, по которому саксаульским милиционерам можно брать в этой стране каждого второго.

Не брани меня, прохожий –
у меня такая рожа,

[10] ***От др.-греч. μορφή – наружность и φόβος – страх – боязнь собственного вида***

что, наверное, возможно,
я вчера бухáл до дрожи!

Зрелище было тяжёлое, и всё-таки оно как бы не отпускало, как бы говорило: смотри, Серёнька, во что ты превратился, и если не кончишь бухать, то… Все последние тяжёлые годы охранника дразнили его из потрескавшегося стекла – морщинами, какой-то новой залысиной надо лбом, серыми и пустыми мешами под глазами, а также мутными хрусталиками глаз, где от хрусталя остался только его звучный и прозрачный корень. Если же говорить более общо, то всё вместе это выглядело как редкий экспонат питекантропа Семижопинского краеведческого музея.

Особенно Полтавцеву сегодня не понравилась собственная голова, которая сейчас напоминала неочищенную картофелину с причёской, имеющей нечто общее со срезанной картофелеуборщиком ботвой. К тому же в уголке рта белела капелька слюны, дезертировавшая туда, видимо, во время сна. Он ещё раз косо взглянул на своё отражение и внезапно понял, что с таким лицом, например, было бы очень трудно рассчитывать на какую-то благосклонность родителей, у которых просят руки их дочери.

Говорили мне мордовцы:
«Ты какой-то пьяный, Дим!
За такого за пропойцу
дочь свою не отдадим!»

Плохо было и то, что ко всему прочему, то есть к привычным похмельным болям, в это утро добавились ещё две новых: покалывало в печени и левое колено сгибалось с каким-то подозрительным пощёлкиванием.

Но, кроме перечисленных, была ещё и третья, душевная боль – очень хотелось жрать. Голодный, как блоха на носороге, экс-текстильщик совершил совершенно бесполезный поход на кухню, так как знал, что кроме перегнившей картошки, хранящейся в мешке, у него ничего нет, но на всякий случай заглянул в холодильник, – только для того, чтобы через секунду с хрустом захлопнуть его дверцу, после чего стал прислушиваться к ноющему посасыванию в желудке. Прослушав неприятную мелодию несколько раз, Афанасьич вдруг понял страшное: гибла страна, гибла безвозвратно, хотя логичнее было понять это ещё 16 дней назад – когда внезапно закончились деньги от последней зарплаты.

Десятки бед
пусть жалят колко.
Но денег нет!
А жить так долго…

Чтобы окончательно не сойти с ума, он вспомнил одну методику, которой научил его умный Кулемзин: надо вспомнить какую-нибудь весёлую историю, и тогда своё горе покажется не таким горьким. Своих историй у Полтавцева не было, а если и были, то с похмелья как-то не вспоминались, так что ему пришлось срочно вспомнить историю всё того же Альбионыча. «Открываю как-то утром холодильник», рассказывал тот, «а там боулинг!». «А эт’ чё?», помнится, тогда поинтересовался охранник. «Да шарóм покати…», объяснил писатель.

«Может, как-то отвлечься?», решил страдалец и вернулся в так называемую большую комнату, где на привычном месте отыскал свой чёрно-белый телевизор. Но и аппарат, как и всё остальное в этом похмельном мире, не хотел подчиняться его воле и не по-

казывал ни на одном канале. Напрасно пощёлкав гетеродином с помощью плоскогубцев, Серёжа с горечью убедился в одной народной примете: если вы проснулись с похмелья и увидели перед собой просто Марию, это значит, что вы ещё не пропили свой последний телевизор.

От судьбы одни удары
к пожилым моим годам:
телевизор очень старый –
не дают и 300 грамм!

«Что-то давно Зуля ко мне не заглядывала», подумал страдалец, а потом вдруг вспомнил, почему именно. «Последнее время», укорила его подруга, когда раздражённая уходила после *спокойной* ночи, «ты стал уделять спиртным напиткам времени больше, чем мне!». Правда, Афанасьич так и не понял суть претензии, потому что Зуля накануне вечером пила абсолютно наравне с ним, кстати, если не больше. А вот автор нашего искромётного повествования, конечно же, понял сразу, отозвавшись на этот случай вот таким катреном:

Всегда вдвоём, но мысли наши так греховны,
особенно когда приходится хворать:
она мечтала о прелюдии любовной,
а он сумел всего лишь реквием сыграть!

И тут, словно ответом на его неприятные воспоминания, раздался звонок, отозвавшийся в похмельной тыкве пасхальным набатом. Он с трудом поднял телефонную трубку, судя по всему, весом в 13 кило и с трудом сипящим шёпотом сказал слово *алё*.

– Ой, Серёжа, – заверещал из трубки тревожный голос его подруги Зули, – мне сегодня дурной сон приснился!

– А? – отозвался одной буквой абонент.

– Будто выставляю я тебе утром 100 грамм самогона…

– Дедушкиного? – оживляясь, уточнил Полтавцев.

– Нет, твоего дедушки Михея.

– Ах, так дело было в Семижопино? – попытался включить дедукцию похмельный.

– Да где же ещё? И, короче, тут к нам сам товарищ Назарбаксов заходит.

– Главнокомандующий? – ещё раз сделал попытку угадать Полтавцев, но звонившая, не отвечая, продолжила страшную историю:

– А я бац – и в обморок падаю. А ты кричишь: «Врача! Скорую!». А как их вызвать-то? Телефон только на краю деревни, на пригорке, работает. И так стало мне стыдно, что я сейчас умру, а ты мне помочь не можешь! А ты-то, дурак, вообще не признал Назарбаксова, берёшь стопарик кое-как, руки-то трясутся, и залпом выпиваешь! И мне стало стыдно ещё раз!

Глава 10. АФАНАСЬИЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (окончание)

– Ну, а чем кончилось-то, мать честнáя? – продираясь сквозь терновые кусты чужого сновидения, спросил сторож.

– А я в это время уже проснулась в холодном поту. И тут мысль: что же это за чушь мне приснилась? Ну, не может тут Назарбаксова быть, лёд-то на реке растаял, так что не мог он доехать к нам никак!

Все надежды наши мимо,
вышел нам крутой облом:
автолавку ждём с зимы мы –
с закусоном и бухлом.
Но в деревне каждый мрачен –
и дурак, и идиот:
тает лёд, и это значит –
автолавка не пройдёт!

«Какая же она всё-таки тупая!», посетовал охранник и раздражённо бросил трубку, после чего снова взял её в руку и начал набирать номер литератора – ведь надо было немедленно узнать планы на сегодняшнее утро, а, если конкретнее, то когда он сможет завалить первую пайку холодненького пивка от Калимы.

– Алё, – ещё раз сказал он заветное телефонное слово, которым начинали общаться все люди на планете.

Услышав голос Афанасьича, как всегда, невыразительный, точно у человека, которого среди ночи разбудила артиллерийская канонада, Альбионыч насторожился и решил взять инициативу в свои руки.

– Серёжа, – бодро сказал он, – вот ты, как мне кажется, всё спишь, а там родину снегом заносит!

Но Афанасьича было не поломать: он справился с заветной книжечкой «Для му.мы.», куда с недавних пор заносил все необходимые сведения для жизни, прочитал там английскую фразу Hi to all[11] и громко поздоровался по-русски:

– Нэ-один тэ-ноль а-один-один! Володя, надеюсь, ты меня понял?

– Да уж не дурак, – пробурчал Кулемзин и стал продолжать ждать продолжения занимательного диалога, который не замедлил случиться.

– Так чем ты занимаешься? – задал сторож свой ежедневный вопрос, который уже порядком надоел его абоненту.

Но писатель решил не раздражаться раньше времени, так как копил раздражение на предстоящую дневную игру, и спокойно ответил:

– Да вот размышляю о детерминизме Вселенной.

– А-а-а… Тоже нужно! – с пониманием отозвался звонилец.

От вчерашних кальвадосов
никогда не жди добра:
философские вопросы
часто мучают с утра…

– Так ты за этим позвонил? – сухо поинтересовался утренний страдалец от бестолковых телефонных звонков.

– Нет, что ты, я по важному делу.

– Ну-ну, давай излагай.

– Володя, а как правильно: тво́рог или творо́г?

– Поставь ударение на *о*.

– Ох, спасибо, старик, ты так меня выручил!

– А тебе это зачем?

– На всякий случай.

– Серёжа, что-то не мне верится. Может, ты всё-таки расколешься, что именно хотел узнать?

[11] Привет всем – англ.

– Ладно, – рубанул воздух ладонью Афанасьич, но Альбионыч – по причине расстояния между ними в 234 метра – этого решительного жеста не заметил. – Расскажу!

– Ну, говори, – поторопил его писатель, – а то мне ещё перед выходом немного поработать надо.

– Понимаешь, – замялся Полтавцев, – я с утра хотел свою тельняшку постирать.

Не сигареты-папиросы,
не с табаком большой кисет,
тельняшка – главное в матросе:
коль нет её – матроса нет!

– И что же тебе помешало?

– Да вот не знаю: с белым бельём её стирать или с чёрным?

«А у тебя что, что-то белое осталось?», подумал Кулемзин, но вслух этого говорить не стал, а промолвил следующее:

– Тогда тебе, Серёжа, для начала надо посчитать количество белых и чёрных полосок на тельняшке.

– Ладно, – согласился бытовой страдалец, – я перезвоню.

Через 21 минуту в квартире литератора раздался повторный звонок.

– 91 белая полоска и 90 чёрных, – взволнованно доложил сторож.

– Значит, белых больше, – задумчиво определил знаток всего. – Тогда, конечно, стирай с белым!

– Спасибо тебе, Володя, – со слезой в голосе сказал Афанасьич. – Я так и сделаю. Но позже – порошка нетути…

– Как хочешь, – сухо ответил Кулемзин и, положив трубку, отправился на утреннюю творческую работу.

Охранник ещё немного поалёкал в трубку, для верности подул в её чёрные дырочки, выдув при этом какую-то пыль веков, и также положил её (трубку, а не пыль) на рычаг – так осторожно, словно телефон был хрустальным.

Телефон я берегу́ –
не отдам его врагу!

Пора было выходить из до́ма, но тут за дверью послышался какой-то подозрительный шум. Серёжа осторожно подошёл поближе и заглянул в замочную скважину, эту вечно свистящую дыру, похожую на глазо́к в Вечность. Приглядевшись, он увидел, как на него ответно взирает чей-то глаз, изредка помаргивавая. Полтавцеву стало страшно, но он неожиданно узнал этот глаз – за дверью прятался его сосед по лестничной площадке Нуртай Курманбаев.

– Нуртай, ты? – на всякий случай спросил он.

– Я, – ответил педагог.

– А ты зачем на меня смотришь?

– Да вот показалось что-то, – неубедительно соврал Мусаич, но сторож ответом удовлетворился и, перестав смотреть, поднёс губы к скважине и шёпотом спросил:

– Выходить будешь?

– Да, – также таинственно прошептал Нуртай.

– Когда? – уточнил охранник.

– Да прямо сейчас.

– Тогда подожди меня, я только штаны надену. И пиджачок какой-нибудь.

– А пиджачок зачем?

– Да перед Володей несолидно как-то.

– Ладно, – согласился коммунист, – подожду.

Через минуту соседи объединились в общем стремлении и потихоньку спустились на первый этаж. Пошарив в почтовом ящике, сторож нашёл там очередную квитанцию, в которой сообщалось, сколько на этот раз он задолжал родной стране.

Давно живу я в этой стае,
но не могу её понять:
страна долгов мне не прощает,
а обещает расстрелять!

– Вот не понимаю, – пробормотал он явно чужую подслушанную мысль, – цены на алкоголь поднимают, чтобы люди меньше пили, на сигареты – чтобы меньше курили. А я задумался: с какой же целью поднимают плату за коммунальные услуги?

«Чтобы мы меньше жили, мать моя партия», хотел было воскликнуть Мусаич, но не воскликнул, после чего первым вышел из подъезда. За ним следом выкатился охранник, покачнулся от условно свежего воздуха, опёрся плечом на ближайшее дерево и на всякий случай оглянулся – как шпион, проверяющий наличие слежки.

Глава 11. САЛИХДЗЯНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ

Но самым большим похмельным страдальцем по старой традиции нашего повествования был военный музыкант и несчастный супруг Батыршин. И вовсе не потому, что таковым решил сделать его автор, а просто по науке. Кстати, об этом как-то зашёл разговор тянущегося к знаниям Афанасьича с уже этими знаниями обладающим Альбионычем. И Володя поведал ему, что Талгат, который из-за пакостей педагога Курманбаева успевал за день до 16 раз сбегать в учпучмакские кусты на предмет блевания, изливал из себя только жидкий компонент *принятого*, а вот концентрат спиртного оставался всё-таки в организме, и по прошествии времени, а именно ночи, проявлял свои самые зверские качества именно утром.

Я как будто забракован,
разорвавшись в клочья:
по утрам мне так хреново,
что хочу жить ночью!

Но – обо всём по порядку.

Обер-корнет спал блаженным сном человека, избавившегося от старых долгов и ещё не успевшего обзавестись новыми. Количество спиртного, выпитого наравне с наиболее активными членами покерной хевры (исключая, разумеется, непьющего *тяжёлые* напитки Кулемзина), сильно превысило количество закуски, и поэтому делать что-либо, кроме спанья, он был не готов. И пусть со мной согласится мой читатель, что словосочетание *не готов* здесь было явно неуместно, поскольку старший знаменосец роты трубачей президентского оркестра был именно что готов – в стельку, как сказали бы сапожники, или в шпалу – как возразили бы им железнодорожники, или в лом – как уточнили бы военные строители.

Спать невозможно – гул грохочет тяжко!
Вконец достала чёртова припарка:

у всех в дому – приличный барабашка,
а у меня, похоже, бас-гитарка!

Снились ему Золотые Пески, белый тонкой шерсти костюм без признаков армейских погон, шампанское «Moët & Chandon»[12] на льду и *разведённые* бразильские танцовщицы на коленях. Но, как хорошо известно читателям из «Воспоминаний шаловливого дегенерата» неизвестного автора XX века, сон алкоголика чу́ток, бессмыслен и беспокоен, поэтому белый костюм во сне скоро сменился на арестантскую робу, шампанское – на пиво «Маршал», а стра́стные бразильянки – на любимую супругу Аиду Яковлевну.

И вот вскоре, как всегда, неожиданно наступило утро, но более неожиданным стал крик над самым ухом Талгата: «Рота, ёкарный подъём!». Последний раз такая побудка у него случилась лет 25 назад – ещё в бытность курсантом военно-музыкального училища имени знатного домбриста Курмангазы. В те молодые годы он и сам стоял всю ночь, как тогда говорили, *на тумбочке*, и утром, посмотрев на часы и увидев их армейское показание *шесть разделить на два ноля*, тоже орал не своим голосом, чтобы разбудить своих товарищей по роте.

Кстати, так в любой из армий:
только хочешь засыпа́ть,
как орут с утра в казарме!
Не дают, заразы, спать…

Услышав крик, он вздрогнул измученным алкоголем телом – так подскакивает громада французского танка «AMX-56 Leclerc», получившая снаряд под башню: дёргается, на долю секунды забыв про свой 54-тонный вес, а потом обратно рушится уже груда металлолома без крыши, но с искрами и тучей дыма – в ожидании каких-нибудь французских пионеров и октябрят, которые только и ждут, чтобы сдать этот металлолом в общую копилку нынешнего президента Николя-Поль-Стефана Палыча[13] Саркози.

Салихдзяныч, чтобы избавиться от этого истошного крика, наконец проснулся и тяжело, как Вий, поднял голову. И сразу же на него обрушился жестокий XXI век с его представлениями о счастье и го́ре. Первым впечатлением от наступившего дня было то, что варварские руки какого-то хирурга-садиста извлекли из черепной коробки старшего прапорщика его же мозги и шваркнули их в помойное ведро, где со вчерашнего дня плескались остатки пива «Маршал», а пустое пространство немедленно залили расплавленным свинцом.

Затем уставшего садиста-хирурга сменил полный сил садист-шахтёр, который начал методично долбить черепную коробку изнутри, причём, работал так же напряжённо, как некий Алексей Стаханов, о котором уже было рассказано в нашем замечательном романе, а именно в главе 189 второго тома.

Хоть я в постели и Стаханов
(то не секрет красавиц для),
в ночь, после *белой* трёх стаканов,
не смог дать родине угля!

На месте вчерашнего вечера в сознании зияла огромная чёрная дыра, по размерам значительно превосходящая такую же, но космическую, – в галактике RXJ 1242-11 нашего

[12] Элитное шампанское французской компании «Моэт и Шандон» – прим. соц. редактора
[13] Не шутка: папу Саркози действительно звали Пал – прим. автора

родного Млечного Пути. Перед глазами сновали подозрительные белые мушки, а сердце то и дело проваливалось куда-то в живот, как в прорубь. Крупные капли пота стекали с измученного сновидением лица́, оставаясь серыми пятнами на наволочке. Давило не только на мозг, но почему-то ещё и на глаза и уши, словно у подводника при запредельном погружении. К мукам физическим вскоре добавились и му́ки морального порядка, хотя острое раскаяние в содеянном вчера явилось к нему в виде привычного желудочного спазма, после чего военный трубач почувствовал себя страшно одиноким.

«Белеет парус одиноко…»
Или ещё как там, у Блока?
А, может быть, и не у Блока,
но всё равно – так одиноко!

Глава 12. САЛИХДЗЯНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (продолжение)

Талгат чувствовал, что с ним произошло какое-то чрезвычайное событие, но не мог вспомнить, какое именно, – сейчас он был младенцем, имеющим только будущее. От усилий вспомнить что-либо из вчерашнего дня на его лице проступили коричневые пятна, похожие на плёнку в стынущем стакане какао. Он попытался встать с кроватки, но попытка зачтена не была: было видно, что когда-то подтянутое и спортивное тело сейчас висело на нём отжатой половой тряпкой.

Но особенно плохо было то, что его желудочно-кишечный коллектив по-прежнему выражал явное недовольство действиями хозяина. Салихдзяныч неожиданно вспомнил, что котёночек на иврите будет *кицеле*, и его страшно затошнило, а ноги, наконец-то поняв намерения хозяина, понесли его в место утилизации человеческих отходов. Плодом этого побега стало то, что в унитаз вскоре полетел желудочный сок с мякотью, правда, после этого Стаханов, долбивший голову изнутри, немного притомился и даже убрал свой отбойный молоток. Но, по закону замещения одного другим, открытого профессором Фекалиным, вместо этого пришла печаль.

Печаль вчера пришла ко мне,
и я боролся с ней напрасно –
тоску опять топил в вине,
но, сволочь, плавает прекрасно!

Он неожиданно вспомнил неоднократные рассказы его друга Кулемзина о том, что по утрам в качестве бодрящего компонента тот применяет холодный душ, но на такой подвиг надо было ещё решиться, а сил на применение решения не было совсем. Батыршин, как наяву, увидел довольное лицо писателя, рассказывающего очередную байку о мужском похмелье. А автор в этом месте наивно подумал, что парочка таких баек будет интересна всем, кто в эту минуту держит в руках этот толстый чёрный том. Итак…

Первая короткая байка

Просыпается как-то мужик с дикого бодуна. И вот он, шатаясь, идёт на кухню. Добрался до крана, открыл его на полную мощность и стал жадно пить – со стоном, наслаждением и почти оргазмом.

Напился, отвалился от крана и бодрым, радостным, звенящим голосом стал кричать в пространство своей квартиры:

– Ёперная жена! Вставай сама! Буди детей! Попробуйте, какая у нас в кране йодистая вода вкусная!

Вторая короткая байка

Просыпается как-то этот же мужик с дикого бодуна. И настолько у него было сильное похмелье, что он даже простоял под душем почти целый час! А потом набрался сил и всё-таки включил его…

Это вам любовь, веселье,
ну, а мне – другой сигнал:
расскажу вам, как с похмелья
я страдал и умирал…

Шнапс-капитан понял, что до кухни ему ещё ползти да ползти, а кран с холодной водой был совсем рядом – менее чем в метре от унитаза. Он наклонился, с трудом сдерживая очередной тошнотворный позыв, и стал жадно глотать отдающую хлоркой и другими элементами жидкость. Хорошего в ней было только что, что вода всё-таки была холодной, и именно она немного притупила боль в затылке, ушах, носу, щёках и шее. Военный музыкант попробовал было даже почистить зубы, но и эта попытка закончилась также неудачно, потому что привела его дыхание из состояния *кошка сдохла* в состояние *кошка сдохла в сосновом лесу*.

Кое-как справившись с головокружением, он несколько раз закрывал и открывал глаза́, а когда сделал это в последний раз, то заметил, что как и вчера, и позавчера, и позапозавчера, с утра в доме снова прибавились какие-то новые вещи. Например, на полочке возле зеркала Талгат обнаружил ранее не виденный им новый шампунь. И хорошо, что этикетка его была на русском языке, так что прапорщик легко прочитал название: «Шампунь Крапива с кондиционером».

«Гляди-ка, йодистый шампунь», удивился он, «чего придумали! Надо у Володи подробности спросить – для чего здесь какой-то кондиционер». Салихдзяныч даже обрадовался за неизвестных изобретателей, которые вдруг взяли да и придумали такую полезную штуку, и стал искать кнопку включения кондиционера, но она никак не находилась. «А ведь надо проветрить рот», подумал он, «а то выходить на игру будет просто неудобно…», но, так и не найдя включательного девайса, решил просто посильнее нажать на верхнюю часть, которая немного двигалась под рукой.

Старший трубач приоткрыл рот, приставил шампунь поближе и решительно нажал. Думаю, что мой прозорливый читатель уже догадался, что случилось с несчастным военным. Да-да, потребовалось минут десять, чтобы он (военный, а не читатель) смог как следует отплеваться от миллиона мыльных пузырьков, которые влетели в его гло́тку. Но зато поставленная цель была достигнута на 100 процентов – пасть Батыршина заблагоухала крапивой, как и было заявлено на этикетке, а вовсе не перегаром!

Была литровка допита,
и чувствовал аул
амбрэ такое изо рта,
как будто кот надул!

Глава 13. САЛИХДЗЯНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (окончание)

Талгат наконец выпрямился (как мог) и посмотрел прямо перед собой, но лучше бы он этого не делал. Взгляд его упёрся в какого-то истерзанного муками жизни алкоголика и, приглядевшись, он понял, что перед ним зеркало, откуда на него пялится он сам. На человека из зеркала было страшно смотреть – он выглядел так, словно его сначала испе-

пелили, а затем силой принудили восстать из пепла. Было явно видно, что у этого человека голова с неуставной лохматой причёской была пуста, как Вселенная – до начала строительных работ под руководством прораба Яхве.

В моих глазах застыла тайна…
Уж не шпион ли я случайно?

Посмотрев ещё с минуту на себя, Батыршин для верности даже помахал рукой, но человек из зеркала также криво помахал ему в ответ, после чего Салихдзяныч понял, что махал правой рукой, а амальгамный призрак – левой!

– М-да… Как-то не синхронно…– пробормотал он и, чтобы окончательно не сойти с ума, отвалился от зеркала, почувствовав, что вот если прямо сейчас, немедленно (ну, или хотя бы в течение получаса) не хлебнёт свежего пивка, то тут же погибнет – мучительно и за родину…

Потом он услышал какой-то голос с небес – негромкий, бархатистый и методично-успокаивающий. В нём слышались и шелест мелких саксаульских купюр, и звон давно алкаемых лейтенантских звёздочек, и даже ласковое булькание наливаемой в стакан прохладной водочки, причём, так ненавязчиво, маняще, с какими-то хрустально-серебристыми обертонами. Наверное, именно так когда-то злокозненные сирены сбивали с панталыку доверчивого Одиссея Лаэртовича.

На завтрак водки выпить – это мудро!
В стране, где тьма весёлых дураков,
найдётся тот, кто в шутку скажет утром:
«Эй, будь готов!»
А ты: «Уже готов!»

И тут, как предвестие чего-то хорошего, проре́зался первый росток выздоровления – захотелось не только выпить, но и закусить. Мысленно прикинув расстояние до кухóнной двери, старший тромбонист не рискнул принять устойчивое вертикальное положение и преодолел весь путь в полусогнутом виде, придерживаясь за сте́ны, так что наглядная эволюция превращения обезьяны в человека произошла только лишь возле холодильника. Для этого знаменательного свершения Батыршин сначала вцепился в дверной косяк, а потом мужественно разогнул спину.

Ноги тут же стали подгибаться, будто из них какой-то гад ночью вынул все кости, а оставшуюся шкуру набил ватой. Почувствовалось, что от напряжённых усилий в голове началась вторая серия безобразий, ибо глаза заслезились, а в самóй тыкве, видимо, пользуясь тем, что прапорщик спал мёртвым сном, обустроили гнездо огромные шмели, которые сейчас начали гудеть, как сельская КТП, или, проще выражаясь, комплектная трансформаторная подстанция мощностью не менее чем 35/110 киловольт.

Несчастный еврейский зять обвёл пространство вокруг себя туманным взором и заметил несколько сегодня ещё не виденных вещей. Во-первых, на древней газовой плите родом из СССР (б) изнемогал военных времён алюминиевый чайник, во-вторых, вдоль левой стены пристроились какие-то занозистые неструганые доски, которых ещё вчера явно не было, причём, на досках почему-то лежали старые мужские ботинки, и, наконец, в-третьих, по полу кухни были разбросаны несколько книжечек уставов, по которым жили воинские части Республики Саксаулии. Было совершенно непонятно, как ночью, таинственным образом они со своего места, то есть с деревянной этажерочки, неожиданно переместились на пол, причём, сейчас лежали в строгом порядке – один за одним, как бы указывая путь из комнаты на кухню.

О воин, службою живущий!
Читай устав на сон грядущий,
и утром, ото сна восстав,
читай усиленно устав!

Из привычного же были только бутылки на полу: некоторые, выпитые ранее, дисциплинированно стояли в каре́ по углам, а вот жертвы явно недавних попоек валялись, как бойцы после захлебнувшейся атаки, – где придётся.

И тут произошла ещё одна странность: всё, что случилось с Салихдзянычем в это утро, трансформировалось в неожиданную мысль: «Сегодня буду играть только против педагога, даже не смотря на то, что…». Правда, дальше страшная месть не придумалась, и вот тут автор должен заметить, что совершенно не одобряет решение своего героя, но и противиться его воле не будет. А вот реализует ли задуманное трубач, наш читатель сможет узнать только погодя – в первых игровых главах, начиная со страницы 132.

От планов мщения Курманбаеву музыканта отвлёк телефонный звонок, который ударил по ушам, как первый аккорд композиции «I Feel Like I'm Fixin' To Die Rag»[14], которую сыграла в 1969 году на третий день вудстокского фестиваля американская группа из Сан-Франциско «Country Joe And The Fish»[15]

Он (музыкант, а не фестиваль) поднял трубку и услышал долгожданный голос друга Кулемзина:

– Старичок, ты жив?

Талгат попытался ответить как солдат на плацу, то есть кратко, громко и непонятно, но хорошо получилось у него только последнее.

– Да, – со счастьем ответил он, после чего тоже задал вопрос:

– Володя, а ты сейчас свободен?

– Живой человек свободным быть не может, – философски ответил философ. – Давай-ка, выходи.

– Есть, – пробормотал военный.

– Поешь пото́м, – ответил Альбионыч и повесил трубку.

Не гляди вокруг угрюмо,
понимая – свет не мил,
о еде совсем не думай,
коль с утра *не пропустил*…

♠ ♠ ♠

И ещё один персонаж не спал этой ранней порой – это был *дедушка*, который, забыв все свои небесные дела, с увлечением читал четвёртый том «Русской кочерги», привычно не сетуя на то, что автор своим сатирическим 46-м размером кроссовок изредка проходится по нему самому́. «А ведь талантливый иблис этот Вл. Горький», неожиданно признал он, а на вопрос так называемого святого Петра, с которым, собственно, и коротал Вечность, почему именно, ответил:

– Да понимаешь, Петруччио, вот возьмём хотя бы утренние сцены похмельных героев. Постоянных их (героев, а не сцен), как известно, пять, а томов «Русской кочерги» запланировано семь, значит, таких зарисовок – не похожих друг на друга – надо насочинять как минимум 35, потому что в последних книжках появился ещё какой-то Васюхан. И пока этот Вл. с такой невероятной задачей, надо признаться, справляется!

[15] «Я чувствую себя как тряпка» – англ.
[14] «Страна Джо и рыба» – англ.

На что святой Петруччио ничего не ответил, а лишь со скрежетом почесал свою библейскую бороду.

Этот постулат немаловажен,
ибо он – познания скала:
борода библейских персонажей
даже у Фиделя К. была!

Глава 14. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (О сошествии в действительность)

Итак, начнём ещё раз…

Надеюсь, мой читатель не станет спорить, что ночи летом короткие и тёплые. И, правда, едва на западе погасли последние отблески солнца, глядь – а на востоке уже проклюнулась тёплая заря.

Истекала ночь, неслышно густел свет. Всю ночь Володе снились какие-то невнятные сны, а уже под утро даже приснился чужой сон – тот, который описывал большой друг марсианина Игорь Губерман в своей «Книге странствий», когда он (Губерман, а не марсианин) ехал в машине, причём, ещё той, что возила Ленина, и за рулём у него сидел сам Ильич I – лысый, бодрый, только очень раздражённый, потому что дорога была вся тряская и в колдобинах. Помнится, было это ночью, ни зги не видать, да и фары в машине стояли какие-то слабосильные, а ехать было очень далеко. И сказал ему тогда Ленин с печалью: «Мы всё делали совершенно верно, товарищ, просто нам попался неподходящий и неправильный народ…»

Во сне Альбионыч позавидовал такому сну Губермана, после чего проснулся с лёгкой головной болью, а когда проснулся, то вспомнил, что завидовать нехорошо. Затем этот сон во сне неожиданно прекратился, зато начался второй – уже не такой интересный, потому что литератору вновь приснился благообразный *дедушка* – с нимбом и связкой огромных гаражных ключей.

– Вот ужо не пущу тебя в царствие небесное, – пригрозил он, потрясая связкой.

– Охота была, яйчики-бабайчики, – пробурчал писатель, после чего окончательно проснулся.

Коли мне приснился бог,
значит, в чём-то я убог!

Он вспомнил, как перед сном выглядывал в окно и бросал последний взгляд на Бермудский Учпучмак, потому что ему показалось, что там кто-то ходит. Но это были всего лишь разбросанные по двору обрывки газет, конфетных фантиков и пакетиков из-под чипсов, которые шуршали ночью, как горькая скошенная трава.

Из царства Морфея Гипносовича Кулемзин выпрыгнул так неожиданно, что ударился лбом о суровую действительность. Проснулся он, как всегда, рано. Сладко потянувшись, Володя открыл глаза и лениво посмотрел на часы – было всего лишь полшестого.

Стоял один из тех отрадных безоблачных дней, во время которых последнее летнее солнце стремилось отдать отцеябловчанам остатки своего тепла, чтобы после этого взять на себя чисто осветительные функции. Неслышно вращалась старушка-планета, взрастившая на своём горбу, как ей казалось, хомо[16], да не простого, а именно сапиенса[17]. В подсознании зазвучали первые такты радостного, жизнеутверждающего рок-н-ролла.

[16] Человек – лат.
[17] Разумный – лат.

Ранний ясный рассвет растворил в прозрачном воздухе последние видимые звёзды и тут же овладел ещё досыпающим городом. Невидимое пока солнце словно бы очнулось и ринулось на подъём. Оно, сонно пробираясь сквозь горизонт, с любопытством поглядывало на дворников и взъерошенных со сна воробьёв. Светило не прочь было посмотреть и ещё на кого-нибудь, но в такое раннее утро сложно было найти идиотов, изображающих трудовой подъём.

Не нужны салат и пицца,
и работы никакой:
тяжело с утра трудиться,
а вот пиво пить – легко!

И действительно, любые часы в Республике Саксаулии сейчас были готовы подтвердить, что в стране был ранний час. Ещё не повы́сыпали спешащие на работу добропорядочные граждане, ещё не проснулись граждане недобрые и непорядочные. Рассвет в пустынном городе, пока не обременённом ежедневной суетой, казался идиллией. Наступало кошмарное серое утро, которое, как придумали несколько веков назад явно неопохмелённые русские, было мудренее вечера.

Наш герой прислушался к себе и понял, что его так называемая душá в это время уже пела в тихом восторге, поэтому рассвет он встретил, как влюблённый поэт, то есть без тени сна и в состоянии нервической возбуждённости. Вставать не хотелось, и Кулемзин продолжал валяться в постели, ожидая подходящий повод, способный заставить его подняться. Кстати, один такой повод был уже на подходе: тихонько и нудно начинал позванивать будильник в мочевом пузыре, причём, мелодия будильника была до боли знакомая, но расчухать её можно было лишь тогда, когда организм примет первую пайку волшебного напитка под названием пиво «Тянь-Шань»

«У любой мелодии есть свой точный смысл», всё ещё валяясь на чуть повлажневших простынях, подумал писатель, на некоторое время превратившись в философа, «и, возможно, все мы – лишь звуки, летящие из-под пальцев неведомого пианиста, просто короткие терции, плавные сексты и диссонирующие септимы в грандиозной симфонии, которую никому из нас не дано услышать целиком…»

У Альбионыча вдруг возникло ощущение, будто этот момент уже был в его жизни, или, возможно, ещё будет – странное дребезжание сознания, какое иногда возникает при взгляде на коридор между двумя зеркалами.

Я даю себе задание:
поднапрячь осознавание –
не того, что есть в душé сейчас,
а того, что жизнь мне преподаст…

Богиня утренней зари, однофамилица легендарного крейсера, уже заглядывала во все óкна. Но, не смотря на счастье здорового и довольного жизнью организма, обозначенного во всех документах, как Владимир Альбионыч Кулемзин, переход от внутреннего мира к миру людей требовал некоторого времени. Неожиданно он осознал, что движение – это жизнь, поэтому, лёжа на диванчике, слегка подёргал ножкой и тут же перестал, даже не пытаясь думать ни о какой физзарядке или, тем более, спорте. А вот автор, который за героем следил уже который год, вспомнил, как однажды подслушал вот такой диалог:

– Володя, мать честнáя, а почему ты не занимаешься спортом?

– Да потому, что до завтрака – рано, а после – как-то вредно…

И всё-таки вставать было надо, правда, по-прежнему не хотелось. «Жениться, что ли», подумал писатель, «да вот хотя бы на Наталье Крикуновой[18]. Подойдёт такая утром, поднимет меня на ручки и отнесёт – сначала в туалет, а потом сразу же к холодильнику…»

Расскажу я вам, ребята,
как хреново без жены:
сердце бьётся неженатых
потихоньку об штаны!

«Хотя нет», додумал он мысль до конца. «Слишком молода для меня Крикунова. А ведь если тебе больше пятидесяти, значит, яйчики-бабайчики, пришло время оставить в покое молоденьких девушек и найти женщину, способную распознать признаки надвигающегося из-за пакостей Курманбаева при игре инсульта!»

Альбионыч оттягивал своё вставание как только мог – в основном, путём обдумывания разных разностей. «Вот, знаете, бывает у вас такое?», думал он. «Проснёшься, а настроение такое хорошее-хорошее, небо голубое, тепло, тебе приносят кофе в постель и даже целуют материнским поцелуем в голову… Вот и у меня не бывает!»

После этого он решительно соскочил с постели, надел что-то из одежды и отправился в свой первый нелёгкий путь. Доро́га из спальной комнаты в туалет была тяжела, словно путь на эшафот, но, что весьма нелогично по отношению к первой части этого предложения, всё-таки быстра. И уже через пару минут в голову знатного саксаульского поэта пришёл первый за сегодняшнее утро катрен:

Я в унитаз спускаю воду,
и гордость за себя растёт,
что вскоре часть меня свободу
в открытом море обретёт!

А вслед за катреном – ещё пара строк, которые с большой натугой можно было назвать анекдотом:

– Ну, как дела? – спросили у писсуара.

– Да текучка замучила, – ответил писсуар.

Писатель ещё раз внимательно огляделся в маленькой комнатке, прочёл все мудрости, заключённые в красивые рамочки, изготовленные его приятелем художником Муравлёвым, и, вспомнив только что произошедшее, придумал ещё одну:

Усердие – мать успеха!

Глава 15. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (Об утренних мероприятиях)

Выйдя из такой нужной комнатки, Володе всё-таки стало немного стыдно – за свою лень, но мысли о физзарядке пришли совсем не такие, какие приходят в голову людям здоровым и полностью независимым от утренней бутылочки «Тянь-Шаня»

«Может, начать физзарядку с упражнения для рук?», подумал он. «А ведь лучшее упражнение для рук – это пересчитывание денег!». И вот здесь автор вынужден совершенно согласиться со своим героем. Не веришь в этот постулат, читатель? А теперь представь, к чему приводит такое упражнение – оно

[18] *Чемпионка мира по пауэрлифтингу 2000-2003 годов – прим. спорт. редактора*

а) снимает боль в суставах
б) нормализует давление
в) убирает зубную и головную боль
г) улучшает зрение
д) улучшает аппетит
е) улучшает гардероб, внешний вид и жилищные условия!

Плохо было только то, что Володя не выполнил и это упражнение, а всего лишь пробормотал что-то вроде того, что «Раз-два-три-четыре! Мантры громче, чакры шире!», после чего решил начать жизнь с завтрашнего дня. Но, зная характер этого героя, на 67 процентов состоящий из лени, кто ему поверит?! Тем более, что сам Кулемзин хорошо помнил, что *завтра*, где ты бегаешь по утрам, живёшь полной жизнью и решаешь свои жизненные проблемы, – это не более чем мифическое место. Вот такое:

Стремясь решить пустоголово
проблемы судьбоносных схем,
ты веришь в небольшое слово
для разрешения проблем.
Возьми сейчас любую тему
и смысл пытайся ей задать:
всего шесть букв – и все проблемы
сегодня могут отдыхать…

Правда, после так и не сделанной зарядки ему стало немного стыдно перед читателями «Русской кочерги», и он решил облиться холодной водой, чтобы привести в чувство всё ещё немного сонный организм. Наполнив два ведра из-под крана, Альбионыч решительно двинулся в сторону так называемой улицы, хотя по его курсу был Бермудский Учпучмак, а вот улица, напротив, оказалась за спиной, что подтверждали проникающие через окно спальной комнаты звуки уже начинающих ездить по городу машин.

Так же решительно он открыл дверь – и чуть не упал, потому что рядом с его квартирой в это мгновение оказалась приоткрытой ещё одна дверь – от вонючей берлоги его соседки Галлюцинации, в девичестве Галины Смирновой. Даже без участия его самогó, у Альбионыча тотчас сработала марсианская СОС – Система Опознавания Смрада, которая квалифицировала вонь, доносящуюся из ядовитого жилья как *хаукарль*. Что, мой интересующийся всем читатель, никогда не слышал этого слóва? Да и сам Кулемзин в жизни бы не вспомнил эту дрянь, но пришлось: это было национальное исландское блюдо – тухлое мясо гренландской полярной акулы.

И мыслью этой выживаю,
с утра я голодно-несвеж:
акулу ешь, пока живая,
а дохлую её не ешь!

Миновав вонючую зону на максимальной скорости, которую позволяли 20 литров воды в его руках, писатель выскочил из подъезда и получил уже второй шок за сегодняшнее утро.

– Поберегись! – закричали на него сразу двое странных персонажей с лыжными палками в руках, причём, оба персонажа оказались женщинами. Володя остановился как вкопанный и даже на мгновение зажмурился: не привиделась ли ему эта не актуальная летом картинка? Но потом пришло чуть запоздалое осознание факта.

И ты, мой читатель, наверное, заметил, что в последнее время на городском асфальте не только зимой, но чаще всего именно летом то и дело встречаются странные полулыжники-полупешеходы – некие персонажи с лыжными палками в руках, но без лыж! Чаще всего это женщины, стремительно утрачивающие сексуальность, а именно – околопенсионного или пенсионного возраста. Зачем же им нужны лыжные палки без лыж?

Видит глюки наркоман:
палки есть, а лыж – нема!

Скорее всего, это просто очередная старушечья мода, хотя сами они утверждают, что это – спорт. Якобы при ходьбе ногами без лыж, но с переставлением палок, работают все группы мышц, как будто просто симулируя ходьбу на этих зимних девайсах, они занимаются, как минимум, лыжным бéгом. «Им бы ещё на спину винтовки повесить!», подумал Кулемзин, провожая взором странных спортсменок. «Идёт такая Бьёрндаллен[19]-бабка, палками лыжными по асфальту царапает, и тут глядь – ворона! Винтовку с плеча: пли, яйчики-бабайчики! Попала – умничка, дичь взяла и снова пошла, а не попала – получи штрафной круг. Или, можно проще – реально по-старушечьи: вместо палок в руках – спицы: сходила до супермаркета – носок связала, обратно домой – второй, решила с подружками по парку прогуляться – у каждой по свитеру! Всё не асфальт палками царапать. Да и какой навар к пенсии… Так что (прости, русский язык!) креативность – наше всё!»

Со счёта сбившись, перепутав пéтли,
логичность мыслей потеряв, она
понять не может, что случилось, если
она всю жизнь не с мужем, а одна…

Дальше всё происходило проще и быстрее: марсианин привычно вылил на себя два ведра холодной воды, невнимательно прочёл подходящую к случаю мантру и поспешил обратно в дом, думая по дороге: «А ведь сегодня у меня праздник – ровно год, как я завтра утром выйду на пробежку!». Его мысли сопровождали птичьи звуки, в которых, если внимательно прислушаться, можно было различить разговоры городских горлинок и заезжих ворóн. Горлинки, как куры, квохтали от радости начинающейся утром жизни, ворóны же, отчаянно горланя что-то по-испански, увидев могучую фигуру литератора, на всякий случай взвились в небо и заплескались между ветками грязными тряпками.

Зайдя в подъезд, Володя обратил внимание на то, что проскочило мимо его сознания, когда он позорно бежал от миазматической квартиры Галлюцинации. Возле почтовых ящи-

[19] Уле-Эйнар Бьёрндаллен – норвежский биатлонист, восьмикратный олимпийский чемпион – прим. спорт. редактора

ков сиротливо лежала местная газетка «Караван», которую, скорее всего, мимо назначенной цели просто обронила почтальон Оля. «Караван» был тем изданием, которые принято называть *жёлтыми*, и который читали все, но никто в этом не признавался.

Проживаю жизнь тяжёлую
под газетку с огурцом:
пресса вроде бы и жёлтая,
но воняет дерьмецом!

Глава 16. О ТУХЛОЙ РОЛИ ПРЕССЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ САКСАУЛИИ

Володя поднял газетку и решил почитать её за завтраком, хотя и знал, что ничего радостного и достойного его весёлой натуре там найти было невозможно. Он давно уяснил, что сегодняшние газеты работали по принципу нагнетания страха: не замечая никаких перемен к лучшему (Альбионыч и сам их не очень-то замечал!), газетчики выискивали всякие ужасы и пугали саксаульских обывателей до судорог.

Например, если верить сообщениям этого номера, то по тоннелям московского метро бегали крысы-мутанты величиной до полуметра и свирепые, точно крокодилы. Кроме того, столица СССР (б) оседала в какую-то карстовую про́пасть, и центр её должен был вот-вот рухнуть и провалиться до центра Земли.

Не отличались оптимизмом и сообщения на местные, отцеябловские темы. Загазованность улиц превышала допустимую норму в 7 раз, воду из-под крана можно было пить только самоубийцам, настолько она была заражена фосфором, свинцом, а также (прости, русский язык!) нуклеидами и другими токсичными элементами, которые для чего-то открыл учёный с садистскими наклонностями Менделеев.

Д. И. Менделеев кричал на супругу:
«Опять оказала медвежью услугу!
Когда же запомнишь ты правила эти –
нельзя ничего убирать в кабинете!
Ты в прошлую среду вот с этого стула
два атома стронция тряпкой смахнула!
В субботу в помойке глазастые дети
нашли (слава *дедушке*!) атомы меди!»

Наёмные киллеры прятались за каждым углом и подстреливали любого, чей доход превышал минимальную пенсию. Озверевшие маньяки хватали женщин и детей в парке имени Горького Пьяницы и просто на улицах в разгар дня. «Скорая помощь» не подбирала на улицах упавших людей, если у них не было медицинского полиса. Пищевые продукты в магазинах продавались после срока их официальной реализации, а товар на рынках не проходил никакого контроля и считался абсолютной отравой.

Все проститутки с улицы Са́ина, а также подрабатывающие на других улицах несчастного Отцеябловска, были больны спидом, и вообще на Саксаулию надвигалась эпидемия венерических заболеваний. Удручало и сообщение о том, что какой-то лётчик из компании «СаксаулЭйр» привёз из Индии холеру, чуму и сибирскую язву, причём, последнюю доставил в родной город в подозрительном бумажном конверте, – якобы для передачи каким-то родственникам из вымирающего от этих болезней Кашмира, но первой пострадала излишне любопытная жена пилота!

Из Индии пришла бацилла!
Её я недооценила:

бацилла мне в мозги прокралась –
и я подохла! Что за жалость…

Смертность в бывшей советской республике, утверждал далее «Караван», давно превысила рождаемость, а количество разводов – количество зарегистрированных браков. По словам газетчиков было понятно, что жизнь в вымирающем Отцеябловске теплилась только за счёт расплодившихся гражданских браков.

Радиоактивный же фон был таким, что облысевших напрочь не только мужчин, но даже женщин, было втрое больше, чем до развала Советского Союза (б). Сообщалось также о каких-то подвалах, которые по причине загазованности должны вот-вот взлететь на воздух, чем были готовы подорвать и без того нездоровую сейсмическую обстановку в регионе.

Газета не обошла стороной и цыган, которые, как утверждалось, обнаглели до такой степени, что от нищенства перешли к воровству, врывались в квартиры под предлогом попить воды, после чего выносили всё подряд, включая чугунные батареи отопления, а иногда даже оставляли за собой обворованные трупы.

Короче, каждый прочитавший свежий номер «Каравана» и оставшийся после этого в относительно здравом рассудке, понимал, что *жить в этом городе невозможно*. И полтора миллиона отцеябловчан каждый день вставали, топали на работу, в институт или в детский сад, а вечером продолжали читать газеты, убеждённые, что остались в живых по какой-то счастливой случайности…

За электроблок хватался
(что возьмёшь ты с пьяного?)
и случайно жив остался,
ну, а умер – планово!

Глава 17. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (Об утренних мероприятиях, окончание)

Вернувшись в родное гнездо, Володя поставил влажные вёдра на просушку, а сам, наоборот, постарался стать ещё чуть мокрее, чем несколькими минутами ранее, то есть пошёл принять душ, обязательно чередуя включения холодной и горячей воды – для бодрости не до конца проснувшегося организма. И если после обливания он стал свежим, как разливное пиво, только что привезённое с завода, то после ду́ша отметил, что мысли в голове стали наплывать ясные, как бы крепко сцепленные в своих составных звеньях, словно ко́льца хорошей железной цепи старинной отковки.

Кулемзин довольно оглядел своё ~~старческое~~ ещё довольно свежее тело. После ду́ша он заметил, что кожа на его изрядном брюшке вследствие долгого нахождения в водной среде несколько *мацерировалась*, то есть как бы покрылась мелкими складочками. Впрочем, растянуть её было несложно, что квартировладелец делал каждое утро посредством употребления бутылочки пива «Тянь-Шань». Но – всё по порядку.

Он тщательно расчесал свои рок-н-рольные патлы, стоя перед зеркалом. Из спецстекла, отражающего всё, что попада́ло на его поверхность, на Альбионыча смотрел измученный творчеством, несильно постаревший за ночь человек. Но что-то за время сна в нём всё-таки переменилось: обычно сдобные щёки опали, спустившись вниз и повиснув, как у бульдога, точно такие же мешки, только поменьше, жалостливо повисли под глазами, делая умный взгляд особенно печальным, растрёпанная шевелюра, не стриженая уже добрый десяток лет, сосульками торчала во все стороны, а усы, его единственная мужская гордость, поникли, с грустью указывая на землю.

«Я человек! Я единица!»,
вновь повторяю как в бреду.
«Ещё каких-то лет 130 –
и в мир иной я отойду!»

Он ещё раз поглядел в зеркало и увидел там отражение своих глаз. Строгий эксперт, вероятно, отнёс бы их к разряду карих, и автор готов был здесь с ним согласиться. Вслед за действием, то есть разглядыванием глаз, пришла и первая за это утро мудрая мысль, достойная выделения на этой странице 40:

Ничто так не радует глаз,
как второй глаз.

Литератор обмотал голову чалмой из влажного полотенца и стал напоминать чрезвычайно упитанного сикха, а затем несколько минут подышал по особой системе, зная, что стихия воздуха, разлитого в природе, как кровь в человеке, заключает в себе все тайны метафизических перевоплощений. Впрочем, знал он и то, что в нагнетаемом из воздуха кислороде таилась обманно неощутимая энергия, якобы дающая возможность преодолеть мнимые барьеры пространства и времени.

«Почему в свои 6:30 я выгляжу на 50?», печально подумал философ, потом от óбраза сикха, обозначенного несколькими строчками ранее, его мысль обернулась на Индию вообще, и он неожиданно вспомнил, что вот уже несколько лет не был в этой стране. Закрыв глазá, он представил своё последнее путешествие туда – в коммуну Ошо[20], и ему нестерпимо захотелось трепетно войти в Ганг и там от души набраться праведности, мудрости и благодати, а потом, разумеется, ещё раз сходить в душ, ибо Ганг, несмотря на мировую известность, был ни чем иным, как очень грязной Волгой.

В том, чего и опасался,
я сейчас увязнул:
в Ганге утром искупался –
и до ночи грязный!

Пора было приступать к завтраку, ибо две вещи с похожими названиями, которыми занимался наш герой ежедневно, то есть писание романа «Русская кочерга» и игра в *русскую кочергу*, не мыслились без поступления в организм необходимых ингредиентов для нормального течения химических реакций обмена веществ – белков, жиров, углеводов, витаминов, минералов и микроэлементов. Думаю, что мой талантливый читатель уже догадался, что вся эта роскошная фраза означала просто еду. Володя, погладив себя по урчавшему брюху, с улыбкой вспомнил, как однажды решил не просто сесть на диету, а не есть вообще – несколько дней, и стал вестú дневник этого садистского мероприятия. И вот сейчас, как наяву, перед его взором оказалась страничка из этого дневника:

«Не ем после 6 часов вечера уже 3 дня.
За это время, яйчики-бабайчики, ушли:
живот – на 0,5 %;
бока – на 0,5 %;
желание жить – на 99 %»

[20] Международная коммуна Ошо находится в индийском городе Пуна (штат Махараштра) – прим. автора

Бывает, проснёшься как птица,
крылатой пружиной на взводе,
и хочется жить и трудиться!
Но к завтраку это проходит…

Глава 18. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (О завтраке героя)

«Есть такая профессия – брюхо набивать!», подумал Альбионыч. «Тем более что в моём организме явно не хватает витаминов € и $». Он немного подумал, а затем решительно открыл дверь в маленький чулан с незаметной дверцей, спрятанной под *ростовой* картиной, где хранил всякие ненужные вещи – в надежде, что они когда-нибудь пригодятся. И когда его взгляд упал на некий металлический предмет, задал себе задачку: «Может, сделать небольшой стейк? Или всё-таки большой?», но тут же, вспомнив кое-что, отказался от её решения.

Дело было в том, что на новоселье Кулемзин подарил себе импортную мясорубку, которая благодаря хитроумным насадкам использовалась ещё и как соковыжималка, и как миксер. Правда, агрегат этот со дня покупки до сих пор валялся на антресолях, ибо, рассчитанный на мягкие заграничные вырезки, замертво поперхнулся первой же русской косточкой. «Спи спокойно, дорогой товарищ!», старой советской формулой попрощался с железякой квартировладелец и до сего дня не видел её целых три года.

Чтоб живот не стал пластмассов,
доставай девайс скорей:
мясорубка срубит мясо –
только мясо без костей!

– Придётся искать решение схоластически, – пробормотал Володя, закрыл дверь в чуланчик, но через 15 секунд уже открывал новую дверцу – на этот раз от холодильника. В руку тут же прыгнула первая долгожданная бутылочка «Тянь-Шаня», которая ещё через две секунды начала осуществлять поступление своего содержимого в жаждущий счастья организм.

И тут взор хозяина квартиры упал на лежащую на подоконнике толстую книжку. Нет, мой читатель, это был не один из томов романа «Русская кочерга», а всего лишь «Книга о вкусной и здоровой пище» 1952 года выпуска, которую Альбионыч называл порнографией для советских обжор. А тем, кто никогда не видел её воочию, автор предоставляет такую возможность сейчас:

Полистав её, он наконец решился с завтраком, после чего повторно открыл холодильник, бегло обозрел его богатства, решительно вытащил часть их и тут же приступил к готовке. Прежде всего, он натёр на мелкой тёрке одну крупную морковку, мелко порубил одну крупную луковку, смешал всё это с двумя сырыми яйцами и тремя ложками хорошей сырой рыбьей икры – от судака, потом добавил к полученному полчайной ложечки приправы к рыбе, перемешал и, нагрев сковородку, принялся жарить импровизированные оладьи, коих вскоре оказалось ровно пять – румяных, вкусных и сытных.

– Морковь нечаянно нагрянет,
когда в салат её натрёшь…

, мурлыкал Володя, жадно обозревая приготовленное и на ходу придумывая ещё одну мудрую мысль, которую с этого момента можно будет найти только в этой книге – и нигде больше:

Надеяться только на себя –
хороший способ перестать
разочаровываться в людях
и жить с отличным настроением!

Пока готовились импровизированные оладушки, выяснилось, что первая за сегодняшний день бутылочка любимого напитка как-то незаметно кончилась, после чего Володя почувствовал, что мир начал приобретать привычные очертания.

Откусив первый кусочек первого оладушка, он провёл его *атрибуцию* и отметил, что блюдо оказалось несколько сладковатым – вероятно, из-за очень качественной морковки, а, следовательно, полезных витаминов, клетчатки и углеводов оказалось чуть меньше ожидаемого. «Чем же сбить сладость?», подумал домашний повар и он же едок, и через мгновение принял правильное решение, о котором ещё через мгновение узнает и мой читатель. Итак…

Я и перец

Здоровею сильной кровью
в обрамленье русских рун:
жгучий перец для здоровья
ем, как ел Мао Цзедун.
Я долблю его помельче,
чтоб мне жар он свой отдал,
чтобы всё внутри пропéрчил,
чтоб горел внутри пожар.
Я жую его, смакуя,
и от радости реву:
я ведь только с перцем чую,
что действительно живу!

Глава 19. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (О завтраке героя, окончание)

Надо заметить, что наш герой никогда не довольствовался сиюминутным успехом, а всегда думал о недалёком будущем (о далёком думал, когда не спал, только *дедушка*!), поэтому тут же, после поглощения основного блюда, не стал принимать десерт, а озаботился заготовкой на обеденный приём пищи. Это было одно из его коронных блюд – ноги по-арабски. Автор мог бы, конечно, оставить этот потрясающий рецепт при себе, но,

немного подумав, всё-таки решил поделиться им с человечеством, правда, не рассчитывая на какую-то благодарность. Итак…

С куриных окорочков он быстро снял кожу и отрубил берцовую кость, оставив только голень. Затем всё мясо было снято с костей и мелко порезано. Отдельно от процесса в это время варился скороварящийся рис в пакетике. Затем мясо было смешано с рисом, к этому были добавлены лук и морковь, а также приправы – на этот раз Володя не стал заморачиваться и просто бросил в миску маленькую ложку *хмели-сунели.* Полученную смесь он затолкал в мешочек из куриной кожи и стянул верх ниткой, после чего ножка приобрела первозданный вид, заложенный в неё природой.

Я мудростью с вами делюсь карфагенской –
без мудрости этой на свете не жить:
куриная ножка милее мне женской!
Она и вкусней, и не надо просить…

А далее – всё просто: поливание маслом, духовка, 200°, 20 минут, в течение которых самодеятельный повар довёл курочку до готовности, а себя – до полуобморочного состояния. Сделав необходимую заготовку, писатель приступил к десерту, но, будучи прирождённым философом, ел его не просто так, а в размышлениях – как раз о человеке и еде.

«Не думаю, яйчики-бабайчики, что любая еда имеет отношение к так называемому кулинарному искусству», думал он. «Вот смотри́те: яснее ясного, что человек стал хомо сапиенсом вовсе не оттого, что взял палку, как утверждает учебник истории за 6 класс. Например, все собаки, какие у меня когда-то были, тоже с больши́м удовольствием брали палку. Но стали они от этого человечней? Ни хрена!

Человек сделался человеком, только придумав величайшую штуку – термическую обработку продуктов. И всё! С тех пор в приготовлении пищи он не продвинулся ни на шаг, да особо и некуда было продвигаться. А всё, что наворочено сверху этого, все эти рецепты, вся эта долбанная французская кухня, все эти изыски с супчиком из бычьих яиц – это просто зомбирование мировой закулисы и нас, его голодных жертв...»

Голод забрал мою душу,
голод в тело проник:
хочется очень кушать,
я головою поник.
Голод терзает и мучит,
мысли лишь о еде,
голод меня скоро скрючит –
я оказался в беде.
Я не могу шевелиться,
взгляд потускнел, мыслей нет –
нет, не смогу я смириться
с тем, что не скоро обед!
Чай, кофе, хлеб, бутерброды –
и холодильник скрипит.
«Пищу голодным народам!»,
лозунг мой вечно кричит…

Да, кстати, о десерте, а то как-то нехорошо получается – без расшифровки. Десертов у Альбионыча было сегодня два. Прежде всего, он красиво раздел огромный апельсин, в процессе чего от него отпали толстые, будто подбитые изнутри белым войлоком, дольки

кожуры. Поглощая сочащийся какой-то древнегреческой амброзией плод, писатель по привычке размышлял: «Покупая такой клёвый апельсин, начинаешь его очищать. И вот тут ты замечаешь, что кожура страшно толстая, а сам апельсин внутри очень маленький – как будто он (прости, русский язык!) интраверт, который спрятался от невзгод этого жестокого мира и сейчас живёт за яркой прочной кожурой, и никто не знает, как он страдает от одиночества и непонимания…»

Вторым же десертом писателя стала такая же огромная виноградная гроздь с гигантскими полупрозрачными ягодами, похожими на матовое стекло острова Мурано – они лопались во рту даже от прикосновения языка, как свежая красная икра, вынутая из только что пойманного тайменя.

Покупаю бюллетень:
в этот день
мне жрать таймень!

А завершил свой незамысловатый завтрак Володя, с наслаждением выпив маленькую чашечку настоящего цейлонского чая «Earl Grey»[21]. Это был лучший бергамотовый чай, пиваемый им на земных просторах, ибо запах его был изумителен – он будоражил и поднимал из глубин души оттенки каких-то марсианских воспоминаний. Казалось, что с ним начинаешь глубже и лучше понимать трагедию не до конца состоявшейся Вселенной.

И тут он заметил крошки, оставшиеся от его вчерашнего ужина. И хотя у него с момента въезда в новое жильё никогда не было тараканов, Кулемзин тут же вытащил из кладовки пылесос и немного поработал электрической энергией, экономя человеческую, напевая при этом песенку советского (б) детства:

– Хорошо тому живётся,
у кого есть пылесос,
а кому его не дали,
тот меси родной навоз!

Но, оказывается, его наблюдения на этом не закончились, потому что литератор заметил ещё один непорядок в родном Место-Имении: его слуховые рецепторы уловили еле слышное комариное жужжание. «Наверное, этот летучий динозавр проник в квартиру тогда, когда мне на мгновение пришлось открывать дверь», подумал он. «Скорее всего, в засаде сидел, подлец!». Применив нехитрую марсианскую технологию, он быстро разобрался с ненужным животным, бормоча при экзекуции что-то вроде этого:

– Купить, что ли, какое-нибудь эффективное средство от комаров? Например, квартиру в Лондоне, яйчики-бабайчики!

Но – надо было приступать к утренней творческой части, то есть писанию по графику очередной литературной пародии, парочки хокку, а также продолжить пополнять заветный файл под незамысловатым названием «Предисловие к роману «Русская кочерга». Вот только садиться с утра за компьютер не хотелось совершенно, и причина для этого была серьёзной – лень.

Лень проснулась утром рано,
захотела встать с дивана,
но вставать ей было лень
и – проспа́ла целый день!

[21] *«Седой граф» – англ.*

Глава 20. ЭССЕ О ГЛОБАЛЬНОЙ ЛЕНИ

А чтобы мой читатель не подумал, что такая причина надумана, неугомонный автор решил посвятить этому благородному явлению в жизни своего героя всего одну главу, ведь если говорить о володиной лени, то можно не просто сказать какие-то русские слова́, а спеть большую межпланетную поэму на марсианском языке – с припевом на родном саксаульском.

Кулемзин был не просто лентяй – он был магистр и гроссмейстер лени, её мастак и эксперт, сачок и лодырь высшей пробы (а точнее, пробу ставить некуда!). Если бы какой-нибудь всемирный комитет за лень награждал премиями и призами, то жизнь нашего писателя протекала бы среди загромождения грамот, кубков и медалей.

Будучи бездельником с малолетства, а, значит, вполне осознанно и обдуманно, он бил баклуши с большим удовольствием, и не считал слово *праздный* чем-то ругательным, а, напротив, расшифровывал его от слова *праздник*, тем самым ещё раз подчёркивая, насколько коротка наша жизнь и как душевно важно это время праздновать, а не скорбеть или усердствовать, надрывая пупок.

Я, ленив в седьмом колене,
в лени этой сверхглубок,
так ленился, что от лени
надорвал я свой пупок!

С холодным и спокойным уважением Володя относился к тем людям, что спешат и напрягаются, хотят успеть, достичь, взойти, заполучить, досрочно сделать и в большом количестве. «Они того хотят», говорил он тогда, «и дай им *дедушка*! А мне этого и даром не надо…». Все прочитанные им у Владимира Ивановича Даля русские пословицы как будто осуждали его лично, хотя многие из них он, со своей врождённой казуистикой, легко оспаривал. Например, однажды и навеки было сказано народом: «Не сиди сложа руки, не будет и скуки!»

Но её у меня и так нет, парировал литератор.

Или ещё: «Скучен день до вечера, коли делать нечего»

Да ничего подобного, ничуть не скучен день, который отдан праздности и лени! Кому скучен – занимайтесь на здоровье чем угодно, я же, будучи отпетой (дедушкой Крыловым) Стрекозой, ничуть не осуждаю Муравья, а даже совсем наоборот: я восхищён им (кстати, лучше я замёрзну и помру, чем обращусь за помощью к такому *кулаку*!), но и себя я совсем не склонен осуждать.

Горел закат, кончалось лето,
охапку дров нёс Муравей.
Вдруг Стрекоза ему со смехом:
«Зачем гнёшь спину, дуралей?»
Ох, как же тяжко жить на свете,
когда такой вопрос зверин,
и Муравей, вздохнув, ответил:
«Ревматик я – уж года три…»

Из глубины веков донёсся до нашего главного героя привет от товарища Мишеля де Пьеровича Монтеня. По́мните, как красиво сказал этот мыслитель, врач и мэр города Бордо? «До крайности ленивый, до крайности любящий свободу, я лучше по капле отдам свою кровь, чем лишний раз ударю пальцем о палец…»

Спасибо, мэтр, ибо в вашей фразе есть одно слово – ключевое и краеугольное, для всех душевных устремлений нашего марсианина. Догадался, мой проницательный читатель, какое? Правильно, это слово *свобода*!

А пóмните ли вы, как сделал своё знаменитое открытие некий Архимед Фидиевич с погонялом Сиракузский, так как проживал именно в этом древнегреческом городе? Тиран этого населённого пункта (что-то вроде председателя горсовета) как-то поручил знатному математику и инженеру разоблачить мошенника-ювелира, который что-то там такое химичил с золотыми слитками, подменяя часть благородного металла серебром.

И что сделал Архимед – вместо того, чтобы начать разоблачение? Он полез в ванну! Зачем? Я отвечу: потому, что лень и связанный с ней кайф – это отец и мать любого творческого размышления! И уже сидя в ванне, ему как-то сам собой и явился знаменитый закон, который мы изучали ещё в начальной школе. А Альбионыч вспоминал этот закон крайне редко – ну, хотя бы в такой ситуации:

Мадам, вы так пленительно худы –
как паутинка, впавшая в нирвану,
что, будучи запущенная в ванну,
не изменили уровня воды!

Или тот же Джеймс Джеймсович Уатт, который изобрёл регулировку паровой машины. Помнится, что когда-то он был при такой машине мальчиком, который регулировал её вручную, и вот от этого чистого порыва увильнуть от работы он и изобрёл себе надёжную замену, ибо пусть лучше работает машина, чем он, – она ведь железная!

А Исаак Исаакович Ньютон, уже не раз упоминавшийся в нашем замечательном повествовании? Вот скажите, что делал он под яблоней – в рабочее время?! Правда, если бы сидел он в лаборатории, как и полагается приличному трудолюбивому физику, то хрен бы на него упало яблоко, и мы сегодня до сих пор бы остались без знания о притяжении Земли, а то и вовсе без закона о всемирном тяготении, представляете?!

Глава 21. ЭССЕ О ГЛОБАЛЬНОЙ ЛЕНИ (окончание)

Или наш Менделеев, который, как ни тасовал картонки с написанными на них названиями элементов, так у него ничего и не получалось. А стоило ему плюнуть на науку и улечься спать, как решение тут же и пришло – во сне! И примерам этим несть числа.

Тихий стон деревьев
ветру в унисон –
Дмитрий Менделеев
видит странный сон.
Что там серебрится?
Чей это визит?
Странная таблица
в воздухе висит.
Вот, глаза расклеив,
средь своих хором,
Дмитрий Менделеев
заскрипел пером.
Тень видна на шторе –
свет бы отключить!
Скоро в каждой школе
будет что учить!

Так что скажу вам прямо: трижды благословен и почитаем труд, но праздность и расслабленность – единственный источник его надежды на облегчение! При слове *лень* мы неизменно вспоминаем светлой памяти Илью Ильича Обломова, как хрестоматийный и великий образ абсолютного русского лентяя. И даже думается, что на гамлетовский вопрос *быть или не быть?* Обломов обязательно бы ответил: *конечно, не быть!* – но, так как жизнь сама по себе, по остроумному замечанию писателя Гончарова, «была ему приятна», этот литературный лентяй выбрал свой, ныне классический путь *неучастия*.

А если ближе присмотреться к тем знакомым и приятелям, которые вокруг обломовского дивана непрерывно шуршат, что, мол, жить надо активно (упираясь и стремясь!), то легко увидеть, насколько прав именно Обломов, что ничуть не разделяет их пустого и бессмысленного усердия. Кстати, Альбионычу был симпатичен ещё один герой этого романа – лакей и тоже лодырь Захар, не стирающий пыль, поскольку «она всё равно насядет». А ведь и впрямь насядет!

Быть может, о себе скажу нескромно:
такая в мире я всего одна,
влияние моё на вас огромно,
мои друзья – покой и тишина.
Я не спеша квартиры заполняю,
ложусь повсюду ласковым ковром,
вреж́у вам, аллергию вызываю –
я Пыль! Со мною всяк из вас знакóм…

А началось всё, как мне видится, ни с кого иного, как с *дедушки*. Ведь это именно он в гневе на Адама и Еву однажды обрёк всё человечество на труд[22], а потом, в силу своего преклонного возраста, естественно, забыл об этой жуткой каре, да амнистию тоже забыл объявить – вот поэтому проклятие трудом так и висит над нами до сих пор[23].

Кстати, в этом случае бездельники и лодыри – это весьма отважные и решительные личности, поскольку их отлынивание от труда – прямой и дерзкий вызов *дедушке*, отказ от подчинения его жестокой воле и даже наплевательство на бесконечно затянувшееся наказание!

Бога я не почитаю:
то пишу, а то читаю!

И ещё один аспект лени – как ни странно, политический. Забавно, что великая утопия, то есть коммунистическое будущее человечества, потому, может, и владела с такой силой душами и умами миллионов трудящихся, что в этом мифе содержалось обещание для всех лентяев. Пóмните?

От каждого – по *способности*,
каждому – по *потребности*…

Таким образом, каждый лодырь, который был просто неспособен к *регулярному* труду, оказывался *равен всем* при дележе итогов этого труда. По-моему, довольно низкие это су-

[22] Дословно: «В поте лица своего будешь есть свой хлеб, доколе не превратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься», Первая книга Моисея Бытие, 3:19 – прим. богосл. редактора

[23] А вы говорите, что первые концлагеря с их каторжным трудом были придуманы Лениным или Гитлером. Ничего подобного – читайте библию! – прим. автора

лило перспективы человечеству, и подлинно высокие духом лентяи это поняли раньше других трудящихся, в силу чего и отлынивали от построения коммунизма с выдумкой и страстью…

С выдумкой и страстью
ковыляем к счастью!

О володиной лени не раз заходили разговоры и на просторах Бермудского Учпучмака – во-первых, в перерывах между играми, и, во-вторых, когда его не было в коллективе, а иногда даже случались ссоры на эту волнующую тему.

– Как хорошо известно из трудов незабвенного профессора Фекалина, – улыбаясь, объяснял оппонентам Кулемзин, – у каждого приличного человека есть свой внутренний голос, который постоянно ему талдычит: «Работай, яйчики-бабайчики! Вставай пораньше, мать честнáя! Делай утром зарядку, мать моя партия! Сегодня сделай ёперное то-то и то-то, не откладывай это на ёкарное завтра!». И, если человек легко внушаем, со слабой волей, то он этому голосу склонен подчиняться. И, естественно, делает всё, что ему велят.

– А при чём здесь ты? – не уловил логической связи Курманбаев.

– А при том, что если у человека есть характер (как, например, у меня – в отличие от тебя), то он поступает так, как захочет сам, а не какой-то дурацкий внутренний голос. А вот люди, слабые духом…

И тут Альбионыч торжествующе смотрел на присутствующих.

– … из зависти в отместку называют его лентяем!

И, живя всё время в плюсе,
(ты об этом лишь мечтай!)
пиво пить ведь не ленюсь я!
Так какой же я лентяй?

Глава 22. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (О творческой каторге)

Но вот так сходу, с разбегу за компьютер садиться было как-то не комильфо, и хозяин творческой квартиры – исключительно для вдохновения – немного посмотрел в окно, где, как пишут наиболее продвинутые графоманы, *занимался* новый день.

За окном жизнерадостно сиял очередной август недавно наступившего миллениума, на дворе стояла эпоха уже привычного начального недоразвитого капитализма, наступал очередной день, очередной отрезок-ломоть Суки-судьбы. Писатель очень любил эту предосеннюю пору, особенно утрами, – они были наполнены солнечным и голубым воздухом, как бы похрустывающим от утренней прохлады, и наполняющим живительным кислородом огромные бронхиальные ответвления очистившихся от усталых за лето листьев деревьев.

В трепете радостных солнечных пятен,
в громе прибоя вдвойне
запах любви мне всецело приятен
в сладких глубинах и вне…

Жадно вдыхая печальную прелую свежесть утра, марсианин подумал весьма странную мысль: «А вдруг Земля – это ад какой-нибудь планеты?», после чего понял: пора садиться за работу!

Но, как это бывало и раньше на страницах нашего романа, не все планы тотчас начинали сбываться. Вот и сейчас, едва Альбионыч приблизился к рабочему столику, уставленному разными компьютерными прибамбасами, и наклонился, чтобы включить стоящий под ним прибор для непрерывного их питания, как вдруг в квартире раздался первый за это утро телефонный звонок. Володя хорошо понимал, что в такую рань никто из знакомых звонить не будет, а, значит, кто-то опять банально ошибся номером. Так оно и случилось.

– Нет, ну что за дела пошли в датском королевстве? – поднимая трубку, пробормотал он, но не успел сказать звонившему даже традиционное *алло*, так как из телефона что-то горячо забормотали. Выслушав просьбу, литератор не стал чиниться, а ответил:

– Катюшу? Конечно, можно.

Он набрал побольше праны в грудь и громко пропел, стараясь, чтобы ни одна нотка не пролетела мимо дырочек трубки:

– Расцветали яблони и груши,
поплыли туманы над рекой,
не дала сегодня мне Катюша,
отчего я потерял покой!

После исполнения куплета Володя положил трубку, посмотрел на монитор, экран которого из тёмно-серого уже стал разноцветным и весёлым, как бабочка сатурния мадагаскарская, и подумал: «Человек рождён для счастья, а вынужден работать…». Затем его взгляд упал на клавиатуру, которую он изучал уже несколько лет, но каждый раз находил в ней что-то новое и интересное. Вот и сейчас он вдруг заметил, что значок **@**, который все называют *собакой*, совсем на собаку не похож, зато с удовольствием сделал сразу два собственных открытия: **&** – это птичка, а **$** – зелёный змий!

«Увесистые папки буду наполнять», начал мечтать литератор, жадным взором оглядывая своё компьютерное хозяйство, «символ каторжного труда романиста!»

В прогресс не верую теперь я –
сама концепция глупа:
Сергеич драл из гу́ся перья,
а я же – клавиши компа!

Начал же свой каторжный труд романист с того, что продолжил писать разбухающее с каждым днём предисловие к главному труду жизни, своему codex gigas[24] под названием «Русская кочерга». В са́мом начале в качестве эпиграфа Альбионыч решил поставить слова́ недавно прочитавшего его наброски и наметки своего духовного учителя, индийского мистика, философа и мудреца:

**«Русская кочерга» – это вообще всё,
что надо знать о жизни. Ошо**

Полюбовавшись на лучшие слова́, которые он видел в жизни, Кулемзин продолжил: «Многим может показаться, что роман «Русская кочерга» звучит обвинительным приговором человеческой природе, человеческой жизни и даже человеческой литературе. Но не будем забывать ни о марсианском происхождении автора, ни о вполне земных страданиях на его странном жизненном пути.

[24] ***Огромная книга – лат.***

Это глобальное произведение человеческого ума рассчитано не на всякого читателя, а только на тех, кто не чурается дерзкого полёта фантазии над полями исторических и социальных реалий, тех, кто старается доискиваться всего своим умом, и рабскому следованию «авторитетам» предпочитает здравый смысл и логику. И ещё он для тех, кто смеётся – смеётся над тем, над чем можно плакать при отсутствии чувства юмора, этого единственного чувства, которое отделяет нас от всех остальных животных на этой странной планете, коей выпала честь жить в одно время с нашими героями…»

Пусть в пожизненном нуле
вертится судьба моя,
хорошо, что на Земле
проживаю только я…

И вот здесь автор предисловия, а, значит, и всей книги в целом почувствовал, что горло его пересохло настолько, что он с трудом придумал последнюю рифму *моя – я*, поэтому немедленно отправился в столицу своей квартиры, то есть кухню, открыл холодильник и достал из него очередную бутылочку са́мого прекрасного напитка на свете – пива «Тянь-Шань». И только после того, как все благословенные 0,5 литра провалились в необъятный организм Альбионыча, он понял, что готов сотрудничать со своим *железом* дальше.

Вновь усевшись на удобное кресло, из-под виртуального пера Володи прямо на экран монитора побежали очередные строчки:

«Вл. Горький – не пророк, не гуру и даже не медиум, он – один из величайших *игроков в литературу*. Именно азартные игроки – последние мистификаторы начинающееся века и дня сегодняшнего: сколь бы рациональны ни были предварительные расчёты, приступая к игре, они добровольно, в здравом уме и твёрдой памяти (если, конечно, не с похмелья) отдаются на милость Суки-судьбы и иногда получают возможность непосредственно наблюдать вращение её тяжёлого, скрипучего колеса.

Как и всякий настоящий игрок, Вл. Горький утверждает: брошенные кости порой могут упасть именно на ребро, нарушая все мыслимые и немыслимые расчёты возможных комбинаций. Он не навязывает читателю свой опыт, но даёт ему возможность самостоятельно убедиться: так тоже бывает. Редко, почти никогда, и всё же…

Именно эти слова – *и всё же* – и есть ключ к таинственному очарованию прозы Вл. Горького!

И всё же захлебнётся скверна,
пусть всё ж подобен торгашу,
я всё же знаю, и наверно,
что книгу всё же допишу!

Глава 23. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (О творческой каторге, продолжение)

Люди частенько раздражали Володю своей глупой предсказуемостью. Ему было куда приятнее иметь дело с книгами, и он уходил за ряды строк, словно в лес, скрываясь за буреломом запятых, прячась между страниц, будто среди стволов. С книгами ему было проще: они, если и обманывают, думал он, то никогда не меняют своего мнения, оставаясь на той же позиции, когда к ним ни обратись. В книгах можно было найти ответ на любой вопрос, и тут же отыскать противоположный, они казались нашему писателю бескрайним морем, в котором он водил сачком, вылавливая то сверкающую перламутром ракушку, то трепещущую рыбку, а то и мохнатый куст дурно пахнущих водорослей.

В море нет дорог, а в книгах нет однозначных ответов – здесь можно отыскать любые, но, главное, найти те, к которым прилипает твоё сердце…

Найди одну свою дорогу –
от родстола до некролога!

После того, как Альбионыч отправил свои заметки Ошо и дождался от него хотя и ёмкого, но очень короткого ответа, он решил проверить своё произведение на ещё одном современном писателе, которого тоже почитал – Умберто Джулиовиче Эко, и через какое-то время с благодарностью получил его мнение о «Русской кочерге»

«Читать это литературное произведение», писал ему один из самых блестящих литераторов начавшегося ве́ка, «это значит принимать участие в игре, позволяющей придать осмысленность бесконечному разнообразию вещей, которые произошли, происходили или ещё произойдут в настоящем мире. Погружаясь в роман саксаульского писателя, мы бежим от тревоги, одолевающей человека, когда он пытается сказать нечто истинное об окружающей его реальности. В этом-то и состоит утешительная функция литературы: придать форму и структуру хаосу человеческого опыта. По-моему, в этом есть что-то не только земное, но даже немного марсианское…»

И Кулемзин, прочитав отклик маститого итальянского философа, был поражён тем, что тот сумел разглядеть в обычных строчках его марсианскую составляющую!

Подцепив небесный вирус,
приобрёл земную стать:
я на Марсе с тем и вырос,
чтоб таким серьёзным стать!

И ещё одно авторское отступление по поводу этого романа – возможно, оно тоже покажется любопытным моему внимательному читателю. Дело в том, что «Русская кочерга» написана вовсе не кириллицей, как наивно полагают все, а *константиницей*, потому что брат Мефодия в момент изобретения славянской письменности именовался как раз Константином, а имя Кирилл принял незадолго до смерти, уйдя в монастырь. Но к тому времени новая славянская азбука была уже давно составлена – им с братом!

Вот такая, братцы, клюква,
в непонятках звуковых:
Константин придумал буквы,
а Кирилл присвоил их!

Но Альбионыч не был бы Альбионычем, если бы не проверил своё произведение и на третьем писателе, которого тоже уважал – за плодовитость и необузданную фантазию. Это был Стивен Дональдович Кинг, который, во-первых, был поражён просьбой совершенно неизвестного ему человека, во-вторых, был поражён, когда прочёл первый том кулемзинского романа, и, в-третьих, был поражён ещё тем, какую же до этого бездарную жизнь он (Кинг, а не Альбионыч) прожил, пиша всякую ерунду. Он даже пожаловался на этот факт своей супруге Табите – тоже, кстати, писательнице и авторе девяти романов. Они, посовещавшись, даже хотели покончить с собой, и только наличие троих детей не дало им сделать этот окончательный шаг!

А ведь Володя обратился к американцу только потому, что в своё время прочёл его советы начинающим писателям. И, кстати, пора бы познакомить с ними и моих любопытных читателей, а то вдруг среди них отыщутся как раз начинающие писатели!

Десять советов от Стивена Кинга, или Вы сможете написать всё что угодно

1. Будьте талантливы. В наши дни определяющим фактором того, что человек талантлив, являются деньги. Если тебе заплатили за то, что ты написал и опубликовал, то бездарным себя можешь не называть. Но в какой момент пора осознать, что писательство всё же не ваше? Точно не после 10 неудачных рассказов. Даже не после 100. Хотя, если уже после 1000 прогресса не видно, стоит призадуматься.

2. Будьте аккуратны. Аккуратность очень важна. Не допускайте ошибок в орфографии, двойных пробелов в своей работе. Когда несёте работу издателю, проверьте, что бумага не помятая и чистая. Если же на ней слишком много исправлений, перепечатайте всё заново.

3. Критикуйте себя. Если с первого раза всё получилось идеально, не верьте. Точно что-то да забудете. Перепроверьте.

4. Убирайте каждое лишнее слово. Как правило, в текстах очень много *воды*. Если собрались писать, начинайте с самой сути. Вырезайте все лишние слова, постарайтесь сократить свой текст по максимуму.

Пропитал водой страницы –
как бы смыслу сохраниться?!

5. Не смотрите в справочники, делая первый черновик. Не стоит прерывать свои мысли на начальном этапе создания произведения. Возник вопрос в ходе работы или неправильно написали слово? Поставьте вопросительный знак рядом, позже вернётесь. Во время работы уберите справочники, интернет, энциклопедии как можно дальше.

6. Знайте свою аудиторию. Если собираетесь писать романы научно-фантастического жанра, не отправляйте свою работу в молодёжные журналы. Вас просто не поймут. Забавно, но некоторые авторы очень часто, не разбираясь, отправляют свои работы всюду, куда только могут. Поэтому и случается такое, что рассказ о религии попадает в редакцию «Playboy». Отправляйте свои работы в правильные места.

7. Пишите, чтобы развлекать. Это совсем не означает, что «серьёзную литературу» вы писать не можете. Просто старайтесь сделать так, чтобы умные мысли и серьёзные идеи подкрепляли интересную историю. Читателям вряд ли будет интересно читать сухие факты без ведущего куда-то повествования.

8. Спрашивайте себя: «Получаю ли я удовольствие?». Кстати, ответ не всегда должен быть утвердительным, ведь никто не отменял творческого кризиса. Но, если вам совсем не нравится то, что вы делаете, попробуйте переключиться на новое дело. Или задумайтесь о другой профессии.

9. Как справляться с критикой. Дайте почитать вашу работу небольшой аудитории. Например, состоящей из десяти человек. Выслушайте всё, улыбаясь и кивая. Попросите их написать список недочётов. Если больше чем у половины пункты совпали, например, не нравится характер героя или сюжет простоват, то сто́ит пересмотреть черновик ещё раз. Если же каждый указывает на разные вещи и точек соприкосновения нет, то можете это игнорировать. Каждому не угодишь.

10. Если получилось плохо, начинайте заново. Если вам что-то не нравится и читатели не одобряют то, что получилось, начните заново. Хуже не будет, а новая работа может принести новые плоды.

Чтобы мысль твоя вдруг зазвучала,
выпей, закуси, начни сначала!

Глава 24. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (О творческой каторге, окончание)

Вот так мечтал о своём романе наш герой, ещё не ведая, что угрюмая слава уже бьёт в его дверь здоровенной колотушкой с надписью «Собственность Нобелевского комитета». Хотя, признаться честно, он хорошо понимал, что сумасшедшие игроки, безумные и алчные политики, задавленные жизнью саксаульцы, броуновские дворовые дети, бесполезные бомжи и не менее бесполезные милиционеры, – конечно, не самая лучшая компания для тех представителей человечества, кто когда-нибудь вознамерится совершить путешествие по путаным маршрутам «Русской кочерги»

Гениев мало,
но больше одним
сразу же стало
с рожденьем моим!

«А не написать ли историю родного края?», мелькнула какая-то совершенно ненужная мысль, но тут же решительно была отброшена в сторону, так как из истории Отцеябловска горожанам доподлинно известно было лишь то, что город основан на реальных событиях. Но – пора было заканчивать с сегодняшней работой, посвящённой предисловию к роману. Кулемзин ещё раз сверился со своим планом и удостоверился в том, что на сегодня осталось дописать буквально полстранички. «Вот же», для надёжности тыкнул он пальцем в план, «здесь прямо написано: об амфисбеме»[25]

«А это что за зверь такой?», тут же воскликнет мой любопытный читатель, а автор объяснит ему, что амфисбема – это такая гигантская *двухголовая* змея, вторая голова которой находится на хвосте. И автор нашего повествования здесь вовсе ни при чём, потому что именно такие извращённые фантазии приходили в голову древним грекам!

Кстати, моему читателю повезло в очередной раз – он прямо на этой странице может получить визуальное подтверждение этих, казалось бы, сумасшедших слов, увидев вот эту миниатюру из Абердинского бестиария:

[25] ***От др.-греч. ἀμφίς – с обеих сторон и βάινο – иду***

После принятого решения строчки Альбионыча заскользили по экрану монитора, находя успокоение на виртуальной странице:

«Гай Плиний Секунд[26] объясняет наличие второй головы амфисбемы слишком большим количеством яда, который не может выйти только через одну пасть, но он также говорит и о лечебных свойствах амфисбемы.

Так вот, в некоторых своих чертах Вл. Горький подобен этой амфисбеме, словно для того, чтобы отравить мозг читателя (прости, русский язык!) экзистенциальным ядом своей чудовищно обнажённой души, одной головы ему мало, словно автор не успокоится, пока читатель не будет исцелён от всех и всяческих иллюзий, пока он не останется нагим перед Вечностью и не увидит в ней отражение – автора? себя? – решайте сами, что вам *там* покажут!

Вы меня не излéчите –
вам не хватит сердец:
отражусь я в Невечности
и увижу: трындец!

В «Русской кочерге», как, впрочем, и всегда у данного автора, верлибр европейского стиля соседствует с (ещё раз прости, русский язык!) рециклированием классических форм. Как обычно, здесь много образов, чья ёмкость превышает ёмкость среднего современного лирического стиха – например, один только Лукулл, державший *мазу* в Римской империи[27], врезается в умственную сетчатку намертво, да, кстати, и сам образ *русской кочерги* с его отчаянной, заранее обречённой нежностью – тоже неслабая штука! А вот что необычно и поразительно – то, что в одном из текстов автор словно забывает, что говорит для нас, и раскрывает свою мечту, не подвергая её (и ещё раз прости, русский язык!) вивисекции, не отрицая и не язвя. Хотя, может быть, в том-то всё и дело, может, именно в этом он и видит своего рода прощание с миром, читателями и Сукой-судьбой.

Но лирика лирикой, а к реальности надо относиться профессионально, говорит автор, после чего так и делает: берёт реальность за хвост и раскручивает её как клубок – с конца и до *номера первого*.

Известно всем, что сны – сознанья пустошь,
и верит в них отъявленный глупец,
но только сон приснился, что упустишь
из рук клубок – и всё, тебе конец!
Клубок такой, как бабкин для вязанья –
что может быть внутри заключено?
А, может, отвлекает мне вниманье
судьбы моей реальное кино?
Но сон не сон, а я зубами стиснул
конец клубка, чтоб удержать его,
чтоб не во сне, а навсегда и присно[28]
не кончилось земное существо.
Но как конец зубами ты не стисни,
и как не разрезай своей губы –
покатится клубочек твоей жизни,
покатится клубок твоей судьбы…

[26] Плиний Старший – древнеримский писатель-эрудит, наиболее известен как автор «Естественной истории» – крупнейшего сочинения античности – прим. лит. редактора
[27] III том «Русской кочерги», глава 56, стр. 145, второй стих – прим. гл. редактора
[28] Во веки веков – старорусс.

А лирический герой Вл. Горького – тоже Вл., только Кулемзин, вообще считает, что он бессмертен, то есть, простите, теоретически бессмертен. Правда, боюсь, что то же самое можно сказать и о каждом из нас…»

– Уф-ф-ф! – стёр пот со лба Володя, закончив слишком сложный даже для него кусок.

Ну, а дальше всё пошло гораздо проще и веселей: два хокку, две литературных пародии и один философский стих, запланированные на сегодняшнее утро, были сочинены буквально за несколько минут. Итак…

Хокку № 1

Сидит на ветке
вóрон моей печали.
О, одиночество...

Хокку № 2

Я, как звёздный портной,
небо к земле пришиваю
каждое утро…

Первую пародию наш литератор решил сваять на сказку «Красная Шапочка», как если бы её по-своему написал Михаил Зощенко:

«Волк шумно вздохнул, вытер подбородок рукавом и начал рассказывать:

– Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, или корзиночка у ей в руках, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место. Встречаю раз одну такую в лесу. Гляжу, стоит этакая фря и разворачивает свою идеологию во всём объеме. И решил я лицом официальным к ейной бабушке наведаться: дескать, как у вас, гражданочка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?»

Вторая пародия быстро сочинилась на жизнь одного из любимых Володей писателей – Тигра Николаича:

«Выходил поутру Толстой на покос, махал косой и думал: «Эх, до чего же хорошо! Только тяжёлый физический труд позволяет человеку мыслить, чувствовать и совершенствоваться…». А крестьяне, стоявшие неподалёку, говорили, глядя на него:

– И почто это барин косой капусту косит?

– Да кто же их, образованных, разберёт?»

Не вызвал затруднений и псевдофилософский стишок, наваянный знатным саксаульским поэтом буквально за минуту-полторы, который он назвал

Не обмани себя

Из ада снов в обычность рая
летишь ты, в рог трубя!
На сто процентов доверяя,
не обмани себя!
Не будь наивным и невеждой,
смелее рви стоп-кран –
отринь ты веру и надежду,
они – всегда обман!
А нет – живи всегда несчастным,
чтоб бед своих не счесть.
Когда ж в себя поверишь страстно,
тогда знай: счастье есть…

Глава 25. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (О компьютерной почте)

Завершив утреннюю творческую часть, наш герой довольно огляделся. Он почти всегда делал это с удовольствием, так как в его жилище наблюдалась (прости, русский язык!) перманентная чистота – всё сияло так, словно каждые пять минут по морскому хронометру из потайных ходов выскакивала орда помешанных на чистоте уборщиц, наводила неописуемый лоск и вновь скрывалась в своём убежище, нетерпеливо поджидая, когда же закончится очередной краткий миг безделья. Но та приятная картинка, коя открылась Володе сегодняшним утром, была итогом хорошей работы всего лишь одного человека женского рода – Марины, о которой автор уже рассказывал во втором томе «Русской кочерги» – в главах 195 и 196.

Кулемзин потянулся, подошёл к приоткрытому окну и вгляделся в сияющую даль грядущего. Стало видно, что солнце уже взошло и сейчас висело над городом, как новенькая медаль «За спасение утопающих водолазов». «Как славно, в са́мом деле», подумал литератор, «заниматься буржуазной жизнью!», после чего прошёл по очереди в остальные комнатки, где тоже широко раскрыл все окна и, наконец, уловил блаженный сквознячок, который хлопнул по его лицу, как занавес.

Мысль одну всегда лелею
(ей могу вас научить):
мне сквозняк жары милее,
ведь её трудней лечить!

Он любил именно это утреннее время, хотя и понимал, что деление суток на часы и минуты по сути своей лишь одна из многих условностей, к которым прибегает человек, чтобы максимально упростить и отчасти рационализировать свою жизнь. И всё же Володя признавал, что существуют часы, наделённые некой магией, окутанные мистическим ореолом, за коим, скорее всего, не кроется ничего, кроме извечного пристрастия людей к ловле чёрных кошек, где бы они ни появлялись.

В это время от того места, где стоял его компьютер, раздался тихий звук, как будто *одноразово* тренькнул маленький колокольчик. Альбионыч знал, что звук этот раздавался всякий раз, когда на его почтовый ящик приходило очередное письмо. «А ведь я, кстати, ещё не проверил почту», вспомнил он и на некоторое время присел в удобное кресло, которое недавно приобрёл по случаю.

Кресло было роскошным и выглядело как командирское место на космическом корабле – во всяком случае, так, как показывают такие кабинки в фантастических фильмах. Кресло понравилось литератору сразу двумя параметрами: во-первых, оно вращалось, как центрифуга, и создавало удобный манёвр для того, чтобы (если приспичит!) немедленно встать и побежать на кухню – к холодильнику, который прятал внутри себя несколько холодненьких бутылочек пива «Тянь-Шань», но, кроме того, понравилось писателю ещё и своим названием – «Президент»

Табуреты устарели,
стул уже не в моде, –
подарю себе я кресло,
мне оно подходит.
В нём уютно и комфортно –
и спине и телу:
можно просто отдыхать
иль заняться делом!

Но посидеть спокойно и комфортно не получилось – к ранее прозвучавшему колокольчику добавились ещё с десяток настырных треньканий. «Что они там, с ума сошли?», с ужасом подумал наш герой, поняв, что именно сейчас его почтовую страницу неизвестные доброхоты заваливают своими письмами, скорее всего, глупыми и ненужными. Он тут же вошёл в программу и понял, что оказался прав – *все* полученные сообщения можно было смело заносить в категорию *спама*!

Читая почту по утрам,
ты поступаешь мудро!
Открыл *окно*, почисти спам!
На то оно и утро…

Но убирать всё пришедшее, что называется, огульно, Володя не стал, ибо знал, что как раз эта нелицеприятная страничка его отношений с суровой действительностью может со временем стать несколькими страничками в одном из последующих томов «Русской кочерги». Поработав с пришедшими письмами минут десять, он убедился, что оказался прав и на этот раз. А сейчас в этом убедишься и ты, мой любопытный читатель, ибо кое-что из присланного Кулемзину этим утром тут же вошло в главу 25 пятого тома нашего великого романа! Итак…

«Уникальный семинар-тренинг «Воспитание Харизмы»! Всего $ 1200! Приезжай к нам в Питер и узнай все подробности! Телефон, адрес…»

Володя трижды перечитал сообщение, пока не уяснил, чего от него хотят неизвестные любители халявных денег, и подумал: «Не знаю, сколько воспитанных харизм появится после этого тренинга в Питере, но зато в городе на Неве точно появится фраза «Харизма ты невоспитанная!»

Второе письмо оказалось о любви, причём, литератор понял, что о любви, судя по тексту, именно к нему:

«Привет, меня зовут Катя. Я снялась уже в девяти фильмах для взрослых. Всё это мне очень нравится, и я думаю, что скоро стану мировой порнозвездой. Хочу лишиться девственности именно с тобой. Созвонимся? Телефон…»

«Храни невинность ты всегда»,
твердила мать невозмутимо.
«Вот выйдешь замуж, и тогда
узнаешь прелести интима…»
Зажглась счастливая звезда,
и прискакал жених любимый.
«О, как я ждал тебя всегда!»
«Как я страдала без интима!»

Третий спам оказался почти на ту же тему, и Альбионыч стал подозревать, что пришёл он из одного и того же места. Так и вышло, ибо оба письма оказались отправленными с одного электронного адреса davay-poglubzhe@seks.mail. Текст его (письма, а не адреса) просто-таки хватал за душу:

«Только у нас на портале – эксклюзивные непристойные ролики сношений космонавтов, украденные уборщицей тётей Клавой из Центра управления полётами. Хватит оставаться Незнайкой на Луне! Узнай настоящую правду о Вселенной!»

Затем марсианин с удивлением увидел, что следующее письмо было тоже посвящено ещё одному бизнес-тренингу. «Эко их всех растащило!», подумал он. «Неужели этим людям совсем нечего есть?!». Правда, на этот раз предложение пришло, судя по почтовому адресу, из его родного Отцеябловска:

«Спешите! Именно для вас мы открыли семинар по новому бизнес-тренингу. Каждому участнику гарантированно предоставляется тренер по трате капитала! Телефон…»

Это письмо Володя решительно отправил в *спам*, потому что и сам (как уже успел заметить мой внимательный читатель) являлся весьма успешным тренером по трате своего личного капитала на пивные и иные пристрастия сопокерников и примкнувших к ним художников и антенщиков.

Стать святым? То мне известно
во-первы́х и во-вторых:
капитал потрачу честно
на друзей родных своих!

Глава 25. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (О компьютерной почте, окончание)

Следующее письмо повергло нашего героя в шок. Впрочем, в этом вы можете убедиться сами:

«Внимание!», писал ему неизвестный злодей. «Ваш почтовый ящик взломан! И взломал его я!»

Кулемзин вытер пот со лба, глубоко вздохнул и продолжил чтение шокирующего послания.

«Если вы хотите избежать потери всех своих денег, срочно заплатите 10.000 назарбаксов картой «Яндекс-Деньги» и пришлите мне без лишних вопросов в течение 12 часов данные вашей карты: её номер, пароль и проверочный номер»

«Не дам!», мелькнула у Альбионыча пошлая мысль, но потом он обратил внимание на страшное предупреждение в конце письма:

«Предупреждаю: ваше промедление, глупые вопросы, хамство и угрозы не помогут! Вы потеряете в десятки раз больше, если не сделаете того, что я сказал!»

– А, может, проверим? – пробормотал писатель, после чего отправил на адрес анонима один глупый вопрос, связанный с хамством («Ты что, придурок?»), а также одну угрозу – открыть его (анонима, а не хамства) моральный облик общественности.

А вот следующее предложение было антиподом предыдущего, потому что в нём деньги не отнимали, а, напротив, предлагали:

«Мы поможем вам заработать миллионы! Вступайте в наш Клуб Легальных Миллионеров! Членский взнос $ 300»

Это что же за манеры
(хоть и всё мне по плечу):
чтобы стать миллионером,
членский взнос зачем плачу́?!

Следующих два письма показались Кулемзину не то чтобы подозрительными, а, скорее, какими-то неуместными, так как предлагаемое в них никогда не входило в зону интересов литератора. Вначале он открыл первое письмо и прочёл волнующие строки:

«Вам надоело зависеть от барыг, предлагающих анашу втридорога? Вашему вниманию предлагаются элитные сорта́ конопли «Забористая», которые вы можете выращивать сами – на подоконнике, балконе или даче!»

«Это амулет», доверительно сообщало следующее письмо. И, действительно, под этими словами помещалась картинка какого-то подозрительного кожаного мешочка на цветной витой верёвочке. «Он защитит вас от тёмных сил, демонов и т.д. Пока что амулет в принципе бесполезен, но если его правильно активировать, то он действительно будет

защищать вас до са́мой смерти! Приобретайте у нас код активации по специальной цене $ 99,99, хотя до вчерашнего дня этот код стоил аж $ 100!»

Ждём побольше переводов!
Чтобы мозг ваш ублажить,
активируем мы коды –
тем, кто нам готов платить!

Следующее предложение заинтересовало Володю невероятно, но потом он понял, что по его поводу надо непременно посоветоваться с Мариной – спецженщиной, следящей за порядком в его доме. А само предложение было таковым:

«Невероятные предметы облегчают нашу жизнь! Вам надоел пылесос? У нас появилась потрясающая ему замена – это электровеник «Swivel Sweeper»[29]! Только с ним нудная домашняя уборка превратится в удовольствие! Купите его себе или подарите друзьям на новоселье – лучше подарка и не придумать!»

Альбионыч быстренько набрал маринин номер и, когда она откликнулась, прочёл то, что несколькими секундами ранее прочёл мой читатель.

– Не надо! – истерически взвизгнула ОПП[30].

– Почему? – удивился писатель. – Вот смотрите, что сказано про этот девайс: «Электровеник «Swivel Sweeper» удивительно функциональный и удобный: он метёт в четырёх направлениях, чистит в труднодоступных местах, не требует подключения к сети, поскольку работает от аккумулятора. С ним ваш дом будет сверкать от чистоты!»

– Это разводка! – ещё раз взвизгнула женщина. – Как только вы согласитесь купить этот веник, окажется, что аккумулятор к нему сто́ит в пять раз больше, чем сам прибор! Я с этим уже сталкивалась…

– Огромное марсианское merci, – от души поблагодарил свою venu bonne[31] литератор, чуть было не ставший жертвой очередных мошенников.

Рекламы ненавистные оковы!
Стараясь наступить на ду́ши нам,
опять вопят с экрана голубковы[32],
чтобы всучить народу всякий хлам.

Над следующим предложением обитатель квартиры № 4 просто откровенно посмеялся. И было от чего! Отличное предложение, которые неизвестные благодетели делали Володе, было таким:

«Продается самолёт «Ф-117»[33] (с технологией *стелс*) в аварийном состоянии. Самовывоз из Лос-Анджелеса!»

[29] «Подметальная машина» – англ.
[30] Напомним читателю расшифровку этой таинственной аббревиатуры: оператор половых поверхностей – прим. гл. редактора
[31] Горничная – фр.
[32] Лёня Голубков – персонаж рекламной кампании акционерного общества МММ в 1992-1994 годах, сыгранный актёром театра и кино Владимиром Пермяковым – прим. социол. редактора
[33] «Локхид F-117 («Ночной ястреб») – американский одноместный дозвуковой тактический малозаметный ударный самолёт фирмы «Lockheed Martin», предназначенный для скрытного проникновения через систему ПВО противника и атак стратегически важных наземных объектов военной инфраструктуры (ракетные базы, аэродромы, центры управления и связи) – прим. воен. редактора

Ещё одно послание, к радости потомственного марсианского поэта, оказалось не простым, а именно поэтическим, поэтому Альбионыч решил прочесть его от начала до конца, хотя оно начиналось прозаической щемящей строкой:

«Девчонки! Опасайтесь!

Повстречала Эдика –
оказался педиком.
Всем известно, что Вадим –
тугодум и нелюдим.
Без сомненья, каждый Толик –
стопроцентный алкоголик.
По статистике Андрей –
никакой или еврей.
А у всякого Серёжи –
дурь написана на роже»

«А вот здесь неизвестный поэт, приславший эту рифмованную лабуду под ником giazint-666@krysha-edet.ru, не ошибся», подумал Володя, тут же вспомнив своего закадычного друга-сопокерника Полтавцева, а затем стал читать дальше.

«Каждый встреченный Виталий
состоит из аномалий.
У любого Миши
часто едет крыша.
Каждый встреченный Олег –
аморальный человек.
Пусть наденет юбку Слава –
будет лучше для шалавы. (Интересно, чем?! – Вл. Г.)
Повстречается Иван –
глубже деньги прячь в карман.
В трёх словах любой Алёша –
вредный, злобный, нехороший.
У любого Игорька
член не больше пузырька. (Неужели это зависит от имени?! – Вл. Г.)
А любой из встречных Саш –
неудачливый торгаш.
Каждый встреченный Антон –
незатейлив как презерватив.
И, всегда поверьте, Вовы,
сексуально не готовы. (Враньё! Я хорошо знаю своего главного героя! – Вл. Г.)
Пьяный или трезвый Витя –
лучше плюньте и уйдите.
Как всегда, удачлив Дима –
что не сделает, всё мимо.
И понятно, что Романы –
поголовно наркоманы!»

Заканчивалось послание также одной строкой: «Передай дальше, всем девчонкам!», которая заставила Кулемзина вспомнить одну из глав прошлого тома романа, которая была посвящена письмам счастья[33].

[33] Об этих письмах – в главе 19 четвёртого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

И, наконец, последний спам поразил его не меньше поэтического исследования по поводу мужской силы отдельных носителей мужских же имён. Послание было со множеством ошибок, но, как выяснилось, они имели интернациональное происхождение, так как послание пришло из одной в недавнем прошлом советской (б) республики:

«Страфиствюуйтэ! Я узьбекский вирюс. Па причин ужасный бэдность моей сасдатиля и низкий уровин развитиё технологие наша страна, я не способин причинять какая-либа уред уаш компютыр.

Патаму очина прашю уас, пажальста, сами сатрите какая-нибут важная для уас файл, а патом разашлиты миня па почта другой адриса. Зарания благадарин за паниманий!»

Подивившись такой наивности, литератор уже не стал читать последнее письмо, которое, судя по его названию, пришло с предложением о плоттерной резке от человека по имени Африкан Криворучко…

Для чего нам кривые руки?
Для того, чтоб кривые брюки
надевать на кривые ноги,
чтоб ходить по кривой дороге…

Глава 26. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (О письмах от благодарных читателей)

«Что-то я забыл», подумал здесь наш герой, «что-то хотел ещё посмотреть». И тут вспомнил! Ведь уже пятый день, начиная с понедельника, Володя ни разу не заглянул на сайт, посвящённый своему бессмертному роману, где (как он надеялся) благодарные читатели в Гостевой Книге оставляли свои комментарии по поводу прочитанного первого тома «Русской кочерги»

Быстренько набрав заветный пароль, позволяющий проникать не только в эту таинственную Книгу, но и отвечать на письма почитателей его таланта, писатель открыл интересующую страничку и принялся внимательно изучать послания неведомых ему людей.

Люди оказались разными: мужчинами и женщинами, старыми и молодыми, а также представителями различных профессий, о которых честно сообщали в своих посланиях. Итак…

«Уже около года ваша книга – моя любимая и…»

«Неужели настольная?», обрадовался Кулемзин.

«…и *подстольная*, поскольку успешно заменяет сломанную ножку тумбочки моего стола.

С. Пилин, столяр-краснодеревщик»

«Однако!», изумился литератор и принялся изучать эпистолярщину дальше.

«Книга, на которой тренируюсь я в меткости, обычно утыкана ножами. Ваш шедевр, товарищ Вл. Горький, именно такая книга! Буду рад видеть издание остальных томов, а то в этом первом томе *живые* места уже давно закончились.

Р. Гуд, охотник-высотник»

«Хочу искренне поблагодарить автора: ваша книга стала настоящим спасением от моей бессонницы, которой я страдаю с детства!

Н. Сомов, сторож порохового склада номер 6»

Пятый год моя интрига
мне же отдаёт свой пас:
не могу прочесть я книгу –
засыпаю каждый раз!

«Спасибо за вашу книгу и ту информацию, что вы в неё поместили. Жаль, что объём крайне маловат и всё в ней опубликовано так кратко, что, кроме туалетного освежителя, читать было вообще нечего!

Л. Тряпкина, уборщица Елисеевского гастронома города-героя Москвы»

«Однако!», повторил про себя Альбионыч. «А как же 600 страниц только в первом томе, да ещё 3600 в последующих шести книжках?!»

После такого признания работника веника и совка марсианин даже почувствовал, что у него начинают сдавать нервы, и решил срочно поправить пошатнувшееся здоровье. И мой неравнодушный читатель, который уже давно знакóм с техническими приёмами такой поправки, нисколько не сомневается, что Володя решительно миновал навесной шкафчик, где на всякий случай были спрятаны какие-то ненужные лекарства, и также решительно распахнул холодильник, вытащив оттуда Самое Главное Лекарство На Свете – бутылочку пива «Тянь-Шань», открыл её, залпом выдул из горла и только тогда почувствовал, что здоровье вернулось к нему на все 100 процентов, после чего отправился на изучение писем дальше.

Слава пиву! Слава чуду!
Век его я не забуду!

Он вновь уселся в удобное кресло перед компьютером и настроился на благожелательную волну читательской любви и уважения.

«Приобрёл вашу полезную книгу, но не нашёл в ней ничего полезного.

Н. Е. Знайкин, житель деревни Сколково»

«И этот туда же!», немного расстроился писатель. «Хотя, судя по фамилии, он вообще вряд ли умеет читать…»

«Скурил всю книгу Пишы исчо!

Петрухан Растаманов, огородник»

«Ваша книга очень полезная и, главное, большая. С нетерпением ждём выхода полного собрания сочинений! И ещё очень надеемся, что бумага там будет хоть немного помягче…

Коллектив общественного туалета при доме культуры им. Мориса Затейникова ПГТ Семижопино»

«Спасибо вам за прекрасную, очень полезную и нужную книгу. Она постоянно выручает меня практически каждый день! Я цитирую выдержки из вашей книги не только Ленину, Сталину, Брежневу и Горбачёву, но даже нашему главврачу Исааку Абрамовичу Коржикеру!

Наполеон, спецмедучреждение № 111/112»

Я пришел к тебе с приветом!
Жаль, не знаешь ты об этом…
Покажу тебе потом
справку, что мне дал дурдом!

«Читал-читал, потом забыл, на какой странице остановился, начал читать сначала и снова забыл! Уважаемое издательство, просьба впредь выпускать роман «Русская Кочерга» в рулонах, и желательно без текста…

А. Засранцев, бывший начальник плавильного цеха сыроваренного завода им. Мартина Мартиновича Лютера Кинга»

«Ваша книга послужила отличным *подстольным* пособием.

Я. Бухалкин, ветеран движения»

«Ваша книга послужила отличным *подствольным* приспособлением для стрельбы лёжа.

Т. Меткий, воин-интернационалист»

«Да где же они такие определения берут?!», искренне удивился знатный филолог.

«Купил вашу книгу. Зачем, не знаю, ведь я не умею читать. Писать, кстати, тоже не умею. Ой, кто я?! Что?! Кому?! Зачем?! А вы вообще кто?!

(Без подписи)»

«Уважаемый автор. С вашим творчеством я познакомился случайно, украв в магазине крайнюю с полки толстую книжку. С тех пор я переосмыслил свою жизнь и встал на путь исправления, так что в книжных магазинах больше не промышляю. Не дай *дедушка* опять нарваться на такое!

У. Г. Оловников, читатель-рецидивист»

«Ваша книга послужила отличным руководством по разделке. Спасибо вам за неё.

Люк Трофимович Скайуокер, джедай по переписке»

«Дорогой писатель, после прочтения какой-то вашей или не вашей книги, у меня жизнь началась с чистого листа и головы.

Н. Е. Помнящий, заведующий каким-то отделом треста Главрыбсбытснабпоставка»

«Книга очень романтичная, проплакала всю ночь. Завидую страшно, скорее всего, покончу с собой!

Вирджиния Вульф, английская писательница»

А если будет вдохновенье,
я пёрышком поспешно заскриплю,
и неостановимое мгновенье,
как бабочку, булавкой приколю!

Глава 27. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (О последних квартирных хлопотах)

Но пора уже было собираться на ежедневную битву с существующей реальностью. Правда, перед этим Володя, как настоящий педант, ежеутренне наводил порядок в доме, делая различные маленькие дела, чтобы даже случайно залетевшая сюда муха в его отсутствие не смогла потóм рассказать своим подружкам, какой же бардак творится в квартире № 4, где живёт этот толстяк, который не может убрать за собой!

Первым делом, которое сделал литератор, было то, что сегодня перед выходом он не стал бриться, так как тут же вспомнил, что брился вчера. «И вообще», подумал Кулемзин, «я где-то слышал, что лёгкая небритость сейчас в моде, ибо именно за ней таится ненаказуемая, но всё-таки на грани наказуемости, и потому особо привлекательная мужская порочность…»

Почему я нынче скромен?
Может, кончился бюджет?
Я не бреюсь, ибо в доме
третий день как тока нет!

Он на всякий случай ещё раз заглянул в ванную комнату, где повторно посмотрелся в зеркало. Оглядев себя внимательно, писателю показалось, что перед зеркалом находится какой-то идейно устаревший хиппи. И такое понимание произошло, конечно же, не из-за длинных волос нашего героя, а, скорее, из-за мудрого взгляда, говорящего о постижении того, что знал не каждый живущий на этом свете.

Приглядевшись внимательнее к гражданину, который отразился в честном стекле, писатель вдруг понял, что именно в этот момент он как раз приблизился к границе между средним возрастом и тем, что французы элегантно называют l'age troisiem[34], хотя здоровье у него было, как на картинах Дейнеки[35] 30-х годов прошлого века.

«Может, принять буддизм и отложить все дела на следующую жизнь?», легко подумал он и решительно вышел из совмещённого санузла.

Пропустив с пяток стаканов
(точно вспомнить не берусь),
я решил вступить в «Нирвану» –
индуистский профсоюз!

Но какая-то нереализованная идея, какое-то недоделанное дело продолжали мучить ответственного квартиросъёмщика. Он побродил глазами вокруг себя и остановился взором на двери в кухню. «Точно!», вспомнил марсианин. «А что же я буду есть на обед?!». После этого план предстоящего мероприятия начертался как бы сам собой.

Он (марсианин, а не план) решительно прошёл на кухню, открыл холодильник, обозрел его богатства и на обед решил приготовить *сувлаки*, или, проще говоря, шашлык по-гречески. Впервые Володя попробовал это блюдо на острове Крит, в глухой местности, где не было ни гостиниц, ни туристов. В горах он набрёл на небольшую таверну, но с хозяином поговорить не довелось, так как критянин не знал ни одного языка, кроме родного греческого, а саксаульский турист не знал именно его, поэтому на удачу ткнул пальцем в меню, попав именно на сувлаки. Принесённое оказалось очень вкусным блюдом, попробовав которое, Кулемзин отвернулся к стенке таверны, пальцем расковырял содержимое огромной тарелки и, включив свой марсианский рецептор ХРЕН[36], произвёл химиический анализ местной готовки.

После нескольких секунд изучения он (Кулемзин, а не анализ) понял, что рецепт потрясающе вкусного блюда кроется в маринаде. А теперь автор нашего замечательного романа (конечно же, с разрешения своего главного героя) готов поделиться этим рецептом и с тобой, мой любопытный и вечно голодный (разумеется, на хорошую литературу) читатель.

Итак, приготовить сувлаки можно практически из любого мяса, но лучше всего для этого подходит птица – курица или индейка.

Не кебабы и не пиццу,
и не ма́нты на пару́ –
ощиплю любую птицу
и, поджаривши, сожру!

Вначале Альбионыч разморозил одну куриную грудку, и в то время, когда его микроволновка занялась привычным для себя делом, почистил и очень мелко нарубил пять зубчиков чеснока, а затем, выложив на деревянную доску уже тёплое мясо, нарубил и его, но не мелко, как чеснок, а кусочками как бы на шашлык – примерно два на два сантиметра. Полученное он бросил в миску, добавил к мясу чеснок, выдавил из приготовленного заранее лимона весь сок, влил в миску четыре с половиной ложки оливкового масла «Extra

[34] Третий век – фр.
[35] Александр Александрович Дейнека – советский живописец, монументалист и график, Герой Социалистического Труда – прим. худ. редактора
[36] Химический Рецептор Еды в Наборе – прим. автора

Virgin», нарвал туда же 33 слегка загнутых на концах игольчатых листочков розмарина, и наконец, размешав ложкой получившееся, сложил всё это великолепие в полиэтиленовый пакет, немного потряс его, как в своё время делал фокусник Арутюн Акопян со словами *ахалай-махалай*, затем плотно закрутил его (пакет, а не Акопяна) и поместил в холодильник.

Литератор, а в данное время знатный повар знал, что мариновать такое мясо следует не менее четырёх часов, а ещё лучше выдерживать его в маринаде всю ночь, и вот тогда сувлаки получится очень нежное и вкусное. И ещё в таверне он подсмотрел, что это блюдо следует употреблять с греческим хлебом *питой*, овощами и греческим белым соусом *дзадзики*. Правда, сейчас же пришло и осознание того, что раньше, чем через часов шесть наш герой до кухни не доберётся.

Мне давно уже не 20 –
я давно уже усёк:
мне до кухни бы добраться,
ну, а там я знаю всё!

«А в чём же здесь главный секрет?», воскликнет в этом месте мой читатель, уже привыкший к тому, что его любимый (кроме Серёжи Полтавцева) герой не делал ничего простого и банального. А вот в чём: секретов здесь было два.

Первый из них: марсианин в качестве шампуров использовал… деревянные палочки для су́ши – достаточно твёрдые и немного заточенные им самолично. Второй же секрет заключался в том, чтобы перед насаживанием мяса на эти палочки замочить их предварительно в холодной воде минут на 10-15. И только после всех этих несложных шагов можно было или запекать полученное в духовке минут 20, или просто поджарить на хорошей сковородке – без масла. А то, что сковородки в хозяйстве Альбионыча были хорошими, в этой части Вселенной не сомневался никто!

Глава 28. АЛЬБИОНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ (О последних хлопотах, окончание)

После заготовительных работ, которые хозяин квартиры оценил на твёрдую пятёрку, он посмотрел на часы и понял, что до выхода в свет ещё есть как минимум 21 минута. И одну из них он посвятил сочинению скромного стишка – как раз на тему часов. Но так как Володе было скучно писать что-то вроде того, что

Посмотрел я на часы,
подтянув свои трусы!

, он решил написать про часы *наоборот*. И вот что у него получилось (Кстати, через несколько секунд писатель, а в данное время поэт, сразу же забыл написанное в уме, а вот в этой книжке этот искромётный катрен остался, так что радуйся, мой ненасытный на хорошее слово читатель!):

Проговоришь *часы* наоборот:
ысач в потёмках шевелит усами,
ысач съедает с кровью бутерброд
и шлёт e-mail Бен Ладену Усаме!

Следующим шагом неугомонного демиурга было изготовление лозунга для сегодняшнего игрового дня, которое заняло ещё минуты три:

Покерная общественность Бермудского Учпучмака – за всё хорошее и против плохого!

Третьим завершающим делом оказалось насыпание крошек на подоконник – для завтрака трёх воробьёв и двух горлинок, оккупировавших цинковый лист, прикреплённый для стока дождевой воды. Птички, почувствовав знатную халяву, сгруппировались кучнее, сразу же забыв про распри, хотя до этого недовольно ворчали друг на друга. Воробьи, будучи природными хулиганами, расположились прямо на крошках – весело и беззаботно, как и полагалось воробьям в августе, когда тепло и полно еды прямо под ногами; горлинки же, как дамы более разумные, загребли лапками кучки крошек к себе поближе и тоже принялись за беззаботную трапезу. Наверное, поэтому на душé у кормильца от вида такого приятного зрелища, которое он только что придумал сам, стало также легко, как и у птичек.

«Покормил с утра я птичек:
воробьёв, ворон, синичек»,
говорил Матрёне Тит.
«Так пришёл мой аппетит!»

Мой читатель уже хорошо знает, что у Володи была одна пагубная и неизлечимая болезнь, по сравнению с которой алкоголизм с запоями и галлюцинациями казались всего лишь лёгкими недомоганиями. Он писал стихи, причём, иногда – весьма отвратительные, как утренний остаток макияжа на лице нелюбимой женщины, которая перед сном забыла умыться. Вот и сейчас, ещё раз взглянув на родной саксаульский пейзаж за окном, у него что-то зачесалось в правом полушарии головы, отвечающем как раз за такие нематериалистические проделки, и он срочно кинулся к компьютеру. Печень его, словно кузнечные мехá, нагоняла в мозг лиловую кровь вдохновения.

Через несколько секунд белая виртуальная страничка начала наполняться очередным бредом марсианского сочинителя:

Саксаульские мотивы

Возраст тóполя старше, чем мой,
но растёт он ни дряхл, ни увечен,
воробьиною тонкой чалмой,
точно праведник некий, увенчан.
И деревья стоят на смотру,
возвратясь из полуденной Мекки,
а жара выплавляет смолу
из рассохшейся старой скамейки.
Как её древесина смогла
столько лет сохранять свои соки?
Вот и старая грусть, как смола,
выступает из сердца на солнце.
Но теперь, в поколенье втором,
чувства старые ясны и строги, –
застывают они янтарём,
превращаясь в прозрачные строки.
Не спешите предать их суду,
если старое сердце солгало

и, тоскуя в вечернем саду,
утешенья пустого взалкало…

Напечатав этот стих, Володя обратил внимание на то, что в третьей строке компьютер подчеркнул зелёной чертой слова́ *воробьиною тонкой*, и, щёлкнув правой клавишей, узнал следующее: «Обычно качественное прилагательное предшествует относительному. Поменять их местами?»

«Умный, падла», коротко отозвался автор об электронном механизме и, наконец, стал было собираться на улицу, если бы не внезапно раздавшийся телефонный звонок – от, как выяснилось, человека с неизвестными именем и профессией, но вполне узнаваемой национальностью.

– Цзюцзин нинь шэмма шихоу нэн чжуаньбэйхао?[37] – спросил незнакомец

– Хон хвэ[38], – ответил марсианин и отключился.

Вслед за ним, как в сказке, тут же пришёл второй звонок, и тоже с незнакомого номера, отпечатавшегося на определителе. В ухо литератора ворвался взвинченный женский голос:

– Ты вообще сам мог бы хоть раз в неделю позвонить?!

– Да не вопрос! – весело ответил Альбионыч. – Номер у меня уже есть! Так что диктуйте своё имя!

– Ой! Извините…

– Нет-нет, я уже дал сам себе слово! И не собираюсь его нарушать… Имя!

– А вы правда позво́ните?...

После такого (прости, русский язык!) афронта Кулемзина внезапно затошнило и он немедленно прекратил бесполезный разговор.

Звони́т звонарь,
звоня́т в звонок, –
чтоб ты запомнить
верно смог!

От услышанного от незнакомки *позво́ните* у ответственного квартиросъёмщика, кроме тошноты, началось ещё и головокружение, и Володя решил, что ему не помешает чашечка хорошего кофе, который он тут же и приготовил, правда, не слишком крепкий, а со сливками, получив на выходе напиток цве́та юной мулатки. Честно говоря, наш герой не очень любил весьма забористый кофе по-турецки, которым его иногда потчевал его друг Насиб Кураев, у которого домашний кофе вкусом напоминал настой из сожжённых адмиралом Ушаковым турецких крепостей.

И тут, окончательно подтверждая сказочный вариант, раздался третий звонок. А вот от кого, мой умудрённый чтением нашего бесконечного романа читатель, думается, легко определит сам.

– Привет, Володя. Что делаешь, мать моя партия?

– Да вот услаждаю свою прихотливость плодами пота несчастных африканских невольников.

– Что?!

– Кофе пью.

«Какая расплывчатая политическая формулировка!», мелькнуло в мозгу Курманбаева. «Типичный оппортунизм!»

[36] И когда ты будешь готов? – кит.
[37] Скоро – кит.

Как говорил мой друг букмекер,
спиртным потешив организм:
«Оппортунизм пропью навеки,
чтоб на Земле был коммунизм!»

– А как здоровье?

– Не спрашивай! Правда слишком ужасна, чтобы произносить её вслух…

«О чём это он?», тоскливо подумал педагог.

И вот здесь, ломая привычную утреннюю схему, раздался ещё один звонок – на этот раз в дверь. Оказалось, что пришёл малолетний володин сосед Рома, с которым писатель, у которого уже давно кончились маленькие дети, с удовольствием беседовал, втюхивая в неокрепшую голову школьника разные разности.

Как наверняка помнит мой читатель, Альбионычу недавно стукнул полтинник, но в разговорах с маленьким соседом он иногда чувствовал себя древним старцем отцом Власием из Пафнутьев-Боровского монастыря. И такая виртуальная старость нередко приходила к нему как раз при беседах с Ромой. Помнится, однажды Володя неосторожно обронил при подростке фразу о том, что, мол, «у меня в вашем возрасте не было ни мобильника, ни компьютера, ни интернета», после чего его несколько дней преследовал образ шокированного ребёнка, из которого вопросы посы́пались, как банкноты из прохудившейся инкассаторской сумки: «А как вы с друзьями общались?», «А когда вы на улице гуляли, как вас родители звали домой?», «А как вы в школе доклады готовили?», «А где брали фильмы и музыку?», «А во что вы играли?» и т.п.

Но окончательно добил Кулемзина вопрос, заданный Ромой на полном серьёзе, и даже с ноткой сочувствия и уважения к перенесённым советским (б) страданиям: «А в ваше время хотя бы квартиры были, или вы тогда ещё в землянках жили?»

«Хорошо ещё, что про мамонтов не спросил», подумал тогда резко постаревший Альбионыч.

Мамонты сдали
в житейском процессе…
Значит, всё дело
ни в массе, ни в весе!

Глава 29. БАЛ НАТАШИ РОСТОВОЙ. ВЕРСИЯ 2.0

– Привет, Рома! – поздоровался он с подростком и поинтересовался, что его привело к нему на этот раз.

– Да вы знаете, дядя Вова, я вспомнил, что уже через несколько дней в школу, а нам на лето задавали внеклассное чтение – «Войну и мир» Льва Николаевича То́лстого, – сверяясь по бумажке, сообщил школьник.

– Толсто́го, – автоматически поправил писатель. – И что, у тебя нет этой книги?

– Нет, – опустил голову каникулянт.

– Это не беда, – весело воскликнул марсианин и через пару минут доставил в коридор требуемую книгу.

Обожаю Льва Толстого,
зачитал его до дыр...
У Болконского с Ростовой
был роман – «Война и мир»!

– А успеешь прочитать всю? – улыбнулся он.

– Конечно, нет. У нас всему классу дали задание прочитать отрывки, а потом их пересказать, чтобы мы все вместе имели представление обо всей книге.

«Вот это да!», восхитился литератор. «До такой педагогики в наше время не поднимался никто!»

Володя понимал, что с таким уровнем обучения нынешним школьникам более приличествовали бы современные учебники, написанные простым и доступным языком.

– А тебе какой отрывок достался? – поинтересовался он.

– О том, как Наташа Ростова собирается на свой первый бал.

– Ну-ну, давай, изучай, – пожелал Кулемзин школьнику, выставил его за дверь, и тут писателю пришла на ум придумка: а как бы выглядел такой отрывок в современном, понятном каждому нынешнему школьнику, изложении?

Говорил своей я тёще,
что меня учила жить:
«Нам чего-нибудь попроще:
например, пивка попить!»

Он коршуном кинулся к компьютеру и вскоре под его ловкими и быстрыми пальцами на виртуальный лист посыпались виртуальные буковки:

«Дело стояло за натахиными джинсами, которые были слишком длинными. Сейчас их подшивали две тёлки – Маврушка и Дуняшка, торопливо обкусывая нитки.

– Скоро ли, наконец? – гнобил предок по мобиле. – Перонская уж заждалась. Проскворим стре́лку!

– Готово! – Натаха стала напяливать джинсы.

Тёлки удовлетворённо смотрели на дело рук.

– Скинься в тюбик, череп, я вся в заморочках! – динамила Ростова предка, открывшего дверь.

– Не дёргайся, Натусик! – мазала повидлом спинку тёлка, обдёргивая ей джинсы.

Натаха отчуварила подальше, чтобы позырить в зеркале, и ей показалось, что джинсы были явно лонговые[38].

– Не трави мозг, – сказала Маврушка, ползавшая по полу, как удав по пачке с дустом.

– Хватит пылесосить тайгу, – добавила решительная Дуняшка.

В это время причуварила мамаша в кожаном прикиде.

– Мамахен, лопухнулись мы с джинсами – левые они! – беспонтово выдала Натаха.

– Красавица, клёвая герла́! – прогнала телегу вошедшая уборщица Фимка.

Вот такой простой регламент,
вот такие вот дела́:
чуваки стоят с герла́ми,
квасят *банку*[39] из горла…

В четверть одиннадцатого наконец все смелись в *мерсы* и погнали. Натаха в первый раз живо представила себе, что её ожидает в месте, где замутили такую клёвую тусовку: музыка записей Сердючки, булкотряс, расколбас, встреча с пацанами и вообще всей золотой молодёжью Питера.

То, что её ожидало, подсадило на измену и жестоко рвало крышу. Но она немного покумарила в машине, пока жизнь не встала на место, и всё пошло пучком. Она въехала во

[38] От англ. long – длинный
[39] Бутылка ёмкостью в 0,5 литра – прим. автора

всё, что её ожидает, только тогда, когда зачуварила в подъезд. Её глаза разбега́лись, как тараканы, её колбасило, пёрло и тащило, и пока так неслабо морочило, джинсовая герлуха припала на очко.

В зале стояли пиплы, теснясь перед входной дверью, ожидая пахана. Натаха опять заловила глюки, её немного поплющило, но она услышала, как несколько вставленных гнали про неё, и кинула на них обидки, хотя и выдала мазу, что понравилась чувакам.

– Вот таджикский варщик, видите, удолбленный, – говорила в этот момент Перонская, указывая на старичка, окружённого клёвыми чувихами.

Недосып способен нас убить –
говорят, реальная картина.
И особенно опасным может быть
недосып клиентам кокаина!

– А вот самая продвинутая тёлка Питера – банкирша Безухова, – съезжая с базара, она показала на входившую Элен. – А вот эти два и не кайфовые, и безмазовые…

Наташа очумело крутила тыквой.

– А вот это олигархова невеста, – продолжала грузить Перонская. – А вот и ботва бухариков: брат Безухова – фуфел Курагин, и сам Петруччио Безухов – вот тот жиромяс, в нуликах, фармазон бескрышный. Прикидывается прикинутым, а с женой рядом поставьте – бим-бом покоцанный!

Пьер Безухов канал, прикольно переваливаясь толстым окороком, раздвигая пиплов с полным угаром. Натаха пёрлась, глядя на знакомый фейс Пьера, на то, как он оттопыривается, и думала, что вот клёвый пацан, ибо она точно чухала, что Пьер отыскивал именно её, потому что раньше по мобиле обещал вставить вместе с ней по кубику…»

Школьник тихо ухмыльнулся,
прочитав роман блатной, –
и в гробу перевернулся
гений всех времён Толстой!

♠ ♠ ♠

«Какой ужас»!, прочтя только что сочинённое, вздрогнул Володя. И решил повиниться перед гением: «Извини, старик, что так обошёлся с твоей гениальной прозой…»

И это были не пустые слова: каждые пять лет земной жизни Кулемзин обязательно перечитывал «Войну и мир», каждые четыре года – «Преступление и наказание», каждые три года – «Мёртвые души», каждые два года – всего Курта Куртовича Воннегута, и каждый год – по нескольку книг Ошо.

«Надо бы взять себе за правило заодно перечитывать и *свежие* книжки великого семитомника эпохи «Русская кочерга», подумал он.

Отдав книжку Толстого подростку, он открыл ему дверь и вздрогнул – перед ним стояло привидение дяди Пети из соседнего подъезда, и иначе существо, возникшее перед нашим героем, назвать было нельзя.

– Я за книжками, – выдавил из себя сосед. – Ты вчера обещал.

Володя выпустил Рому и пропустил в квартиру похмельного флотского офицера (б).

Говорю с душевной болью,
честно, как всегда привык:
я не хроник-алкоголик,
я алкашик-бытовик!

Глава 30. О БИБЛИОТЕКЕ ГЕРОЯ

Дядя Петя не стал мяться у порога, а решительно прошёл в комнату, где на многочисленных пóлках стояло множество различных книг. Он знал, что ругаться с Альбионычем не стоило, потому как такая знатная халява могла окончиться в одно мгновение.

– Выбирай, – между тем предложил хозяин, и незваный гость мутными глазами стал обводить книжные ряды, а Кулемзин в это время вспомнил свой старый стих, посвящённый как раз своей библиотеке.

Ветер из сознанья

Надгробия прокисшего ума
и острых фраз, отточенных, как пули –
здесь мудрости покоятся тома,
здесь улицами пóлки протянулись.
Печально ветры звуки здесь родят
под шелест старых жёлтых манускриптов,
как будто бы в сознании шумят
податливые кроны эвкалиптов.
Я чую дуновение всего,
что мне приносит ветер из сознанья.
Здесь скрыто всё, и нет лишь одного,
что в памяти засело филигранью –
здесь нет стиха, в котором я рождён,
здесь книги нет, в которой я записан,
я просто неумело обращён
из полновесного тире – в дефисы.
Несмело я гляжу на переплёт,
прося чуть-чуть, совсем немного, мало.
И вот библиотека отдаёт
всё то, что мне при жизни не давала…

Он вспомнил, что дядя Петя действительно обещал зайти ещё вчера, в главе 194 прошлого, четвёртого тома «Русской кочерги», но не зашёл, так как снова напился.

– А это кто? – услышал литератор странный вопрос, после чего повернулся к гостю и увидел, как тот держит в руках книгу весьма нескромного автора с длинным именем Донасьен Альфонс Франсуа Жан-Батистович, о чём тут же и проинформировал соседа-книгочея.

– А на обложке по-другому написано, – попробовал поспорить дядя Петя.

– Это обычная практика, – объяснил Володя. – Когда начинающие писатели начинают писать, то у них в голове рождаются неуверенные мысли: а вдруг как не получится, и все будут над ними смеяться. Вот поэтому они и ставят на обложку что попало. А этот парень решил прикинуться маркизом де Садом.

– Точно! – сверил полученную информацию с обложкой сосед.

– Берёшь? – поинтересовался хозяин.

– Беру! – решил тянулец к ненужным знаниям.

Володя прочёл название книжки улыбнулся:

– Так ты, дядя Петя, что, «Злоключениями добродетели» похмеляться будешь?

Собравшись наконец-то с духом,
как подобает кобелю,

читал маркизову порнуху
про добродетель во хмелю!

– А что, есть что-то другое? – встрепенулся похмельный.
– Только пиво! – сурово известил марсианин.
– Ладно, – вздохнув, согласился бывший моряк.

Кулемзин достал из холодильника запотевшую одну из бутылочек ледяного «Тянь-Шаня», коих на нижней, самой холодной полочке было ещё немало, и протянул её страдальцу. Дядя Петя щёлкнул по ней грязным, жёлтым от никотина ногтем, как бы чокаясь с невидимым собутыльником, и произнёс тост, которому научился ещё во времена флотской службы:

– Всё пропьём, но флот не опозорим!

, а затем залпом влил в себя благословенную жидкость, после этого три раза икнув.

От лица отставив кружку,
где совсем не лимонад,
я икаю потому, что
пиво просится назад!

Запихав книжку в какой-то мятый пакет, который вытащил из кармана, сосед направился к выходу, но затем вспомнил, что земляне пользуются неким волшебным словом и, не поворачиваясь, пробурчал *спасибо*, после чего покинул Личное Место-Имение писателя. А писатель в это время подумал, как всё-таки он не любит эту нелепую форму благодарности, ведь в простом *спасибо* русские издревле предполагали *спаси, бог*. Сам он предпочитал несколько выспренное *благодарю*, и вот почему.

О, сколько в слове том коварности –
не разглядишь в большой лорнет:
в *спасибо*, кроме благодарности,
ни бога, ни спасенья нет.
А вот второе – деликатное,
а не спасибо-скипидар,
благодарю – словечко знатное:
и благо здесь, и личный дар!

Но пора было собираться в путь-дорогу – туда, где Кулемзина ждали не только его друзья-сопокерники, но и сама великая *русская кочерга* – игра, которой не было равных не только на Земле, но и во всей обозримой части безразмерной Вселенной.

Глава 31. БЫЛИ СБОРЫ ТАК ДО́ЛГИ…

Но быстро выйти из дома у Альбионыча не получилось – оказалось, что после того, как он уже надел свежую рубашку – цве́та Абсолютной Истины, о которой так трогательно писал американский философ, мудрец и мистик Франклин Фаулерович Меррелл-Вольф, ему (Альбионычу, а не Фаулерычу) пришлось отозваться на пришедший ранний телефонный звонок.

Звонок был длинным, как хвост анаконды, и прервать его можно было только окончательным разрывом слабоэлектрической цепочки. Володя снял трубку и бодро проговорил в приготовившиеся слушать чёрные дырочки:

– Владимир ибн Альбион, специалист по случайным связям с общественностью, слушает вас!

Но всё оказалось не так просто: ему пришлось ещё некоторое время слушать хрипы и стоны неясного происхождения. Правда, именно по ним писатель догадался, что ему звонит ни кто иной, как его безумный друг Полтавцев. Наконец в трубке что-то щёлкнуло, видимо, отомкнув какие-то электрические каналы, и на волю прорвался хриплый голос:

– Володя, ты, чё ли, мать честна́я?

Получив подтверждение запроса, звонивший задал обязательный утренний вопрос:

– Чё делаешь?

«А почему не *как жизнь?*», удивился абонент Афанасьича. Володе нравился этот бессмысленный вопрос и, как правило, он отвечал на него просто и незамысловато – японским хокку, придуманным им самим. Вот и на этот раз он вздохнул и проговорил в ожидающие дырочки телефонного пластика:

– Жизнь моя
странно течёт
в ожидании смысла…

– Не понял, – тупо среагировал звонивший.

– Да вот разбираюсь с распавшимся внутренним миром, – уточнил Кулемзин.

– Ты это… смотри… того… – дал ему напутствие на день бывший хлопчатобумажник, но потом всё же спросил умирающим голосом:

– А ты уже кушал?

– Ага, – чтобы было понятно собеседнику, ответил литератор.

– А что именно? – ещё более слабым голосом уточнил страдалец.

– Салат из цианистого калия под соусом кураре, – свободно ответил Володя и рассмеялся про себя, вспомнив очень смешной стишок одного из поэтов начала XX века:

«Упоенье – яд отравы,
не живи среди людей,
не меняй своей забавы
на красу бесцветных дней…»[40]

– Никогда не пробовал, – закручинился абонент.

Разговаривая с Серёжей, Володе иногда казалось, что он работает в очень сложных лингвистических условиях.

[40] Стихотворение Сергея Есенина «Упоенье – яд отравы», посвящённое Николаю Сардановскому (1914) – прим. лит. редактора

– Серёжа, через 15 минут я буду на месте, – чтобы покончить с бесполезным разговором, пообещал писатель.

– На каком, царица лесная? – уточнил туповатый.

– На привычном, яйчики-бабайчики, – уточнил умный и отключился от связи.

Афанасьич не понял, почему вместо голоса его друга в трубке вдруг раздались какие-то посторонние звуки, и проделал весь ряд движений, которые делают туповатые в этом случае, то есть вначале поалёкал, потом подул в трубочку, а потом и вовсе отставил её на некоторое расстояние от лица и внимательно посмотрел в чёрные дырочки, словно призывая их к порядку и восстановлению функций.

Подавился я картошкой,
горлом тут же став больным, –
бросил трубку друг хороший,
оказавшийся плохим!

Между тем взор Альбионыча упал на полочку, где стройными рядами стояло его большое богатство – несколько сот виниловых дисков ещё той поры, когда он был молод, счастлив и не озабочен писанием всяких дурацких книжек. Сейчас на полочке почему-то не стоял, а лежал *двойник* «Deep Purple» 1973 года под названием «Mark I & II», в котором были собраны лучшие вещи этой замечательной группы двух первых составов, что, собственно, и отражало название альбома. И тут квартировладелец вспомнил, что именно этот диск он ещё позавчера[41] хотел поставить своей гостье Стелле, но так и не успел.

И хотя в отличие от других сопокерников, увлекающихся черноплодными напитками, Кулемзин не позволял себе ничего другого, кроме пивка, в его мозгах тут же рок-н-рольно заплясали какие-то жёлтые кляксы. Пластинок в конверте было две:

, и для выбора, какую именно поставить сейчас на прослушивание, писатель-арифметик решил взять число своих лет, перевести его в двоичную систему и, если оно будет оканчиваться на 0, поставить первую пластинку, а если на 1, то вторую. Произведя нехитрое действие, он получил число 110010. Выбор был сделан, поэтому первой же композицией начинающегося дня стала замечательная трёхсполовинойминутка «Black Night»[42]

[41] Роман «Русская кочерга», третий том, глава 228 – прим. гл. редактора
[42] «Чёрная ночь» – англ.

– Black night is not right,
I don't feel so bright,
I don't care to sit tight.
Maybe I'll find on the way down the line
that I'm free, free to be me…[43] –

тут же стал подпевать английским музыкантам литератор, и мой читатель, наверное, даже не удивится, что под такую замечательную вещь марсианин тут же придумал две поэтические строчки:

В эру *цифры* не вступил –
до сих пор люблю винил!

После этого сборы на улицу приобрели повышенную скорость: Володе осталось сделать всего три дела. И он их сделал:

1. подышал, а потом протёр тряпочкой свой орден «Знак почёта, уважения и любви»;
2. положил в пластиковый пакетик клеёнку (для покерного столика), карточную колоду (для всех), а также ручку и тетрадь-*раскладку* (для себя);
3. распечатал на принтере некое объявление

и, наконец, вышел из квартиры, а затем и из подъезда. Здесь он воровато оглянулся, убедился, что его никто не видит, после чего повесил на *доску объявлений* вот это:

Затем он внимательно ознакомился с только что сочинённым и, не удержавшись, оторвал себе один пустой листочек, после чего посчитал, что новый день, то есть 29 августа 2003 года, начался…

Глава 32. ВСТРЕЧА С ЕЖЕДНЕВНЫМ

Второй за сегодняшнее утро путь из подъезда до покерного столика Володя выполнил с грацией обожравшегося бегемота, по дороге отмечая, что к этому времени город Отцеябловск уже проснулся. Поливальные машины умывали его утренние улицы-площа-

[43] Чёрная ночь – это не правильно,
потому что мне вовсе не светло.
Мне не хочется сидеть на месте,
и, может, я найду по дороге вниз черту,
где я свободен! Свободен быть собой… – англ.

ди-деревья-клумбы-газоны. Звенели на поворотах выжившие в годы перестройки трамваи. В карманах первых торопливых прохожих тренькала смешная саксаульская мелочь. В оставшихся домах утихали будильники, не поднимая стариков, которым всё равно некуда было спешить.

Дворники шаркали по прохладному и высохшему за ночь асфальту дворов. Утреннее радио уже начинало нервничать последними ночными известиями. Хлопали входные (и они же выходные) двери подъездов. Ревели мусороуборочные машины, лаяли уже проснувшиеся собаки, гремела посуда на кухнях.

Короче, начинался новый день, который обещал быть не менее жарким, чем вчерашний. Начинался новый день, который неугомонным в своём садизме палящим солнцем наступал на тени домов.

В голове как будто стронций –
изотопом серебра:
как увижу утром солнце,
сразу думаю: «Жара!»

Старые кусты сирени, которые активировались, к сожалению, только раз в году – на володин день рождения, грели на солнышке свои плотные тёмно-зелёные листья, стоя неподвижно, словно не дыша. Листья растения были на удивление чистыми, а кое-где ещё влажными, и Альбионыч понял, что проспал короткий ночной дождик.

Ворона, уютно устроившаяся на газоне, неожиданно трижды каркнула что-то похожее на «Пр-р-ривет, гур-р-ру!». Образованный Володя давно знал, что, например, в экзотической Индии это сообщение служило зна́ком надвигающейся беды, и неграмотные индусы даже могли запустить в пернатое каким-нибудь старинным кирпичом от Тадж-Махала. «Какая же беда может приключиться со мной?», подумал он. «Наверное, скоро встречу Курманбаева!». Правда, с такой бедой Альбионыч научился справляться на раз. И, действительно, ни Нуртая, ни остальных членов покерной хевры пока не было видно.

Можно отметить, что Бермудский Учпучмак *был бы* пуст, словно черноморская гостиница зимой, если бы не дворовые дети, как видно, не ведающие покоя с раннего утра. Несмотря на то, что часы ещё не показали даже 9 часов утра, они уже носились по территории, как биржевые посредники, чертя ногами что-то похожее на символы бесконечности, причём, сейчас сосредоточились на левом круге символа, что соответствовало восточному вектору Великого Покерного Треугольника.

При этом они ещё и вопили, как древнегреческие сирены на заблудившуюся подводную лодку Одиссея Лаэртовича Итакийского, да так сильно, что бетонные параллелепипеды домов содрогались от их криков.

Единственное, что с точки зрения марсианина дворовые дети делали правильно, так это то, что во время своих подвижных игр как бы на автопилоте огибали большой муравейник, расположенный за печально известными моему читателю кустами всяких сорных растений – от конопли до курая́. Обитатели муравейника, видимо, уже привыкшие к этим ежедневным землетрясениям, неспешно делали свои дела по обустройству коллективного быта. Вот и сейчас Кулемзин полюбовался на милую картинку того, что некий маленький муравейчик тащил в родное гнездо травинку, превосходящую его по размеру раза в три.

Он как очисток карандашный
с руки священника Прево[44].
Куда бредёт малец неспешный?
Какое дело у него?
Мне наблюдать за ним в новинку,
как за ножом в руках Прево.
Несёт он малую травинку,
как Ленин дутое бревно.
Он, одержим большой идеей
для всех построить общий дом,
всех на Земле сейчас сильнее.
Вот муравейник – за кустом.
И понял я: мы с ним похожи
и одинаковы с лица,
такой, как я, он тонкокожий,
и бьются наши в такт сердца.
Вот только стан его потоньше,
что быстро прячется в кусты,
вот только лапок чуть побольше,
зато поменьше суеты…

В слишком громком от жизнедеятельности дворовых детей воздухе плавали первые утренние лучи некоего жёлтого карлика астрономического типа G2V, или, говоря проще, начинало светить солнце. На ближайших ветках учпучмакских карагачей устраивали свою маленькую личную жизнь воробьи. «Вот беззаботные твари», до́бро подумал писатель, «только и дел у них, что ешь да размножайся…». Правда, он понимал, что пищу этим малым птахам ещё приходится добывать, да и самому́ не стать такой пищей в лапах и зубах хищников тоже сто́ит приложить усилий. «Всё, как у людей», ещё раз подумал Альбионыч, но, чтобы не отвлекаться от главного, отбросил эти мысли и поспешил к покерному столику.

И в этот момент карман его штанов завибрировал так, как будто в нём начал активацию маленький вулканчик Везувийчик, и Володя понял, что проснулось не это геологическое образование на поверхности коры Земли, а всего лишь его мобильный телефон. Литератор поспешно вытащил аппарат из штанов, нажал специальную кнопочку, обеспечивающую связь с неизвестным пока абонентом, и алёкнул один раз, вызывая Духа Общения. Оказалось, что это звонит Васюхан, который умирающим голосом сообщил, что сейчас придти не сможет, а затем спросил у писателя, кто что ест, и узнал, что все любят курицу, чему, надеюсь, мой внимательный читатель нисколько не удивился…

[44] Антуан Льевенович Прево (более известный как аббат Прево) – крупнейший французский писатель XVIII века, автор одного из первых в истории литературы психологических рома-нов «История кавалера де Гриё и Манон Леско» – прим. лит. редактора

Ты не думай, что шампур
предназначен лишь для кур:
вот настанет год тяжёлый –
полетишь в жаркое, голубь!

Затем он удивился повторно, потому что Митрохин слабым голосом умирающего павиана дополнил своё сообщение страшным известием – о том, что за систематические прогулы Васюхана могут вообще уволить с работы, о чём и предупредил его верховный джус компании, где он работал.

– И что теперь? – затаив дыхание, посочувствовал ему (Васюхану, а не верховному джусу) марсианин.

– Да ничего, – беззаботно ответил новый член покерной хевры. – Меня уже давно переманивали в другую команду.

И рассказал, что, оказывается, в Отцеябловске такая лохоразводческая фирма не одна, а целых 14, чему, кстати, Кулемзин не сильно удивился, потому что этот город стал *миллионником* несколько лет назад, и было бы удивительно как раз наоборот – если бы в нём число мошенников статистически не соответствовало этому показателю.

– Приедешь? – спросил Володя.

– Пока нет, – ответил антенщик. – Давайте лучше вы ко мне – к обеду, – после чего продиктовал адрес, который тут же попал в некий мыслительный центр, а именно в кулемзинский ЗАГС, то есть Запоминально-Адресную Главную Систему.

У меня такой порядок:
не третируя судьбу,
я запомню всё что надо,
что не надо – позабу…

Глава 33. ВСТРЕЧА С ЕЖЕДНЕВНЫМ (окончание)

Володя ступил на жидко-травянистую почву Бермудского Учпучмака (так как она была густо-травянистой до той поры, пока её не облюбовали для своих игр дворовые дети) и остановился, чтобы пропустить цепочку муравьёв, деловито снующих среди травинок, кажущихся им огромными деревьями. На первый взгляд виделось, что бегут они бессмысленно, бессистемно, но, понаблюдав некоторое время, писатель понял, что снуют маленькие животные всё же по делу. Вот они добежали до брошенного в траву пустого пакетика из-под чипсов и приникли глазастыми мордашками к его прозрачной стенке. Затем, подхватив по крошечке, муравьишки развернулись и побежали обратно. Но вместо того, чтобы бежать прямо, они, словно слепые, натыкались на бегущих им навстречу, и делали для этого даже несколько микроскопических шажков в сторону. И тут Кулемзин понял, что это было не случайно – это они так информацию передают: сколько там крошек ещё осталось, и сто́ит ли вообще за ними бежать!

Муравьи бегут по кругу,
чтоб проблему разрешить:
информируют друг друга,
хоть не могут говорить!

За муравьями оказалось наблюдать интересно. Вот другая их группа напала на старую, ослабевшую от жизни муху, и в мгновение ока растащила её на запчасти: один поволок кусочек лапки, другой поспешил порадовать муравейник частью закатившегося

навсегда мушиного гла́за, третий тащил целое крылышко, благо что оно было лёгким. Короче, все работники знали, что там, в муравейнике, начальство разберётся, что куда и кому за труды какая награда. Одно было ясно точно: муху убили не потому, что муравьи были холодными и жестокими, а лишь потому, что надо было делать запасы на зиму…

Не убийца, не ворюга,
не умею воевать:
убиваю всё вокруг я,
чтоб зимой не голодать!

Наконец покерный гуру достиг заветного столика, плюхнулся на него, потревожив осевшую за ночь пыль, и тут же стал думать думу, как это делал всегда, когда его не отвлекали. «Как когда-то утверждал мудрый Анаксагор из Клазомен», вспомнил он, «помимо нашего, существует и некий другой мир, в котором Солнце и Луна, как у нас…»[45]. Альбионыч почитал умных людей – даже покойных, и потому давно знал и любил этого древнего философа, который, например, на вопрос «Ради чего лучше родиться, чем не родиться?», две с половиной тысячи лет назад ответил так: «Чтобы созерцать небо и устройство всего космоса», а прибыв на Землю (Альбионыч, а не древний философ) наконец получил возможность убедиться в справедливости этих слов.

– Где же эти иблисы? – закончив раздумья, вслух спросил литератор и даже огляделся, как бы иллюстрируя свой вопрос. И, как выяснилось, не напрасно: оказалось, что вся покерная хевра (правда, пока ещё без живописца Муравлёва) собралась южнее Великого Игрового Треугольника, то есть стояла у дверей сельпо Калимы. Правда, это виде́ние не взволновало нашего героя нисколько, так как он знал, что *суммарная сумма* назарбаксов в штанах у всех трёх игроков не составит даже половины бутылочки сладкого напитка «Спрайт» ёмкостью в 0,33 литра.

Мыслью трезвой вас контужу
(вот такой вот я прямой!):
для похмелья «Спрайт» не нужен –
только пиво нам помо…

– Эгегей! – по-былинному прокричал писатель в сторону юга. – Надеюсь, ваше внеплановое заседание уже окончилось? Яйчики-бабайчики, все сюда!

Игроки вздрогнули, увидели зовущего и поспешно направились на север, то есть к покерному столику, но не все, а только двое – Нуртай и Серёжа, так как Талгат, спровоцированный откликом педагога «Спешим к тебе, наш старший товарищ!», на минутку заскочил за магазинчик, где и исполнил привычную арию, которую до этого слышали только учпучмакские кусты.

«Ну, вот и родимая шизарня!», тепло подумал Кулемзин, но тут же опечалился, ибо пришельцы выглядели так же, как вчера, позавчера, позапозавчера и позапозапозавчера, то есть угнетёнными накануне принятым алкоголем.

«Я пришёл с физкульт-приветом
вам сказать: «Сегодня лето!»

, хотел было поприветствовать их Володя, но передумал. «Вряд ли поймут», решил он.

[45] Сборник «Анаксагор // Фрагменты ранних греческих философов» (Серия «Памятники философской мысли»), т. I, М., «Наука», 1989 – прим. философ. редактора

Глава 34. ПЕРСОНАЖИ КАК ОНИ ЕСТЬ

«Все сюда!», услышали самые несчастные граждане Республики Саксаулия и поспешили выполнить этот радостный наказ. Но даже те 22 метра, которые разделяли магазинчик Калимы и покерный столик, надо было ещё пройти. А сделать это было нелегко! Человеку, начавшему свою алкогольную биографию после гайдаровских реформ и с малолетства привыкшему к изобилию веселящего зелья в СССР (б) везде и в любое время суток, эта возникшая проблема могла бы показаться надуманной.

Но мой читатель, уже успевший полюбить героев «Русской кочерги», и потому относящийся к ним с искренней симпатией и сочувствием, знает, что это не так, ибо похмелье – это не просто какая-то банальная болезнь, как может показаться многим, это не хворь типа насморка, который лечится просто и быстро, это даже не заболевание типа гонореи, которая вместе с мучениями приносит и радостные воспоминания, это гораздо хуже! Поэтому наши игроки (кроме Кулемзина), испытывающие это нездоровье почти каждый день, всегда думали об этой чуме головного мозга словами из известного фильма прошлого столетия:

Не думай про похмелье свысока,
наступит время, сам помрёшь, наверное,
терпи сушняк, без кружечки пивка
мучения, мучения, мучения…

Вот Батыршин. Он отчаянно махнул рукой, как Пугачёв – виселице, и стал передвигаться на север, раскачиваясь и выписывая ногами замысловатые кренделя, как будто перемещался по зигзагам гигантского генеральского погона. При этих перемещениях он что-то приборматывал, словно повторял перед сдачей экзамена положения Устава внутренней службы вооружённых сил Республики Саксаулия, и голос его при этом хрустел, как новенький лейтенантский ремень.

Вот Полтавцев. Он начал передвижение в сторону Бермудского Учпучмака нетвёрдой походкой новобранца, и сейчас был похож на эскимоса, забывшего просморкаться. Подойдя на расстояние, достаточное для опознания, Афанасьич стал выглядеть словно герой фразы из милицейского протокола: «И долго-долго бился головой о сапоги участкового»

Вот Курманбаев. Он, в отличие от подельников, немного задержался, ибо просто не мог пройти мимо троих дворовых детей, которые ещё ничего не совершили, а всего лишь зашли с утра в лавку за мороженым, но по разумению педагога, вполне могли совершить в будущем, и лекция по нравственности здесь была просто необходима. Правда, развиться лекции было не суждено, так как Мусаич услышал весёлый окрик Альбионыча:

– Что, старичок, жеребец в дороге расковался? Или перебои с овсом?

, и поспешил навстречу своему счастью, даже не смотря на эти грязные и безосновательные кулемзинские инсинуации. В недалёком походе он, как настоящий коммунист, старался сохранить твёрдость осанки, правда, безуспешно.

Похмелье бывает разное:
угрюмое, безобразное,
рассольное, огуречное –
похмелье бывает вечное!
И только одно есть сладкое,
что утром приходит с ласкою,
с улыбкой искристо-нежною,

наивное, белоснежное.
Я пил из того источника!
Вернуться в запой мне хочется…

Наконец все трое, кряхтя, перелезли через оградку Бермудского Учпучмака и достигли ареала своего обитания на ближайшие 9-10 часов. Затем они выстроились по ранжиру и нестройными голосами поприветствовали покерного гуру. Правда, при этом *иблису*, который в это время прятался в учпучмакских кустах, показалось, что каждый из них говорит на разных иностранных языках, неизвестных филологам планеты. Возможно, это казалось оттого, что и Салихдзяныча, и Афанасьича, и особенно Мусаича страшно потряхивало, а, может, по какой-нибудь другой причине, но только литератор, глядя на поднадзорных (прости, русский язык!) визави, подумал сейчас, что прав был библейский пророк Даниил, когда говорил о том, что «ослабли связи чресел и заколотились колени одно об другое»[46]

В общем, все эти персонажи по виду немного отличались от других, но в то же время они весьма уловимо имели один общий опознавательный признак: на их рожах чётко отпечаталось вчерашнее употребление крепкого спиртного в промышленных объёмах. Альбионычу это было видно так хорошо, что он даже вздрогнул, и, чтобы разбить это проявленное впечатление, мгновенно сочинил экспромт, выбрав для подражания известное стихотворение своего друга Сергеича:

Я водку пил. Она ещё, быть может,
мой разум помутила не совсем,
но мысль его уж больше не тревожит,
и не расшевелить его ничем.
Я водку пил запойно, безнаде́жно,
всегда ужасной жаждою томим...
Её любил так искренне, так нежно,
что никогда не наливал другим!

По сравнению с остальными, он (Альбионыч, а не Сергеич) чувствовал себя просто превосходно, как если бы всю ночь врачи-реаниматологи делали ему переливание из капельницы с пивом.

– Пивной дозор! – радостно провозгласил литератор, приветливо оглядев широкие массы страждущих. – Всем выйти из похмелья, яйчики-бабайчики!

– Привет, Володя! Мать моя партия, как я рад тебя видеть! – фальшиво пропел педагог еврейского колледжа и даже как бы подался вперёд, но тут же наткнулся взором на вытянутую ладонь Кулемзина:

– Нет, нет, только без объятий! Мы ещё не проверили глубину наших чувств!

«Какое деморализующее зрелище!», подумал он.

На лицах приглашённых на похмельный саммит отчётливо читалась суровая драматургия Суки-судьбы. Зрелище, как решил внимательный писатель, было прямо-таки эпическое. Теперь, когда все персонажи оказались перед ним на расстоянии вытянутого лома, марсианин подумал о том, что неплохо бы рассмотреть их внимательнее – для того, чтобы вечером, когда он доберётся к компьютеру с заветными файлами своего романа, вставить впечатления сегодняшнего утра, скажем, в пятый том «Русской кочерги», хотя и подумал при этом, что такие впечатления мало чем отличаются от вчерашних или позавчерашних. Но ведь именно в этом и крылась гениальность нашего героя, чтобы описы-

[46] ***Книга пророка Даниила, 5:5 – прим. богослов. редактора***

вать практически одно и то же совершенно разными словами, и всё для того, чтобы моему другу-читателю было не скучно перелистывать эти страницы.

Налей пивка, взгляни вокруг
(пусть не смущают цены!) –
листай мои страницы, друг,
под тихий шелест пены!

Глава 35. ПЕРСОНАЖИ КАК ОНИ ЕСТЬ (продолжение)

Не заметил ли ты, мой читатель, что наяву, то есть в жизни, всё происходит гораздо быстрее, чем, например, в книжках? Вот возьмём прекрасный роман (хотя по *строкажу* явно повесть) «Человек-амфибия» Александра Беляева – он, вы не поверите, всего лишь 170 страниц, но и их читать надо несколько дней. А вот фильм под таким же названием идёт 95 минут, то есть ровно полтора часа с копейками.

К чему бы такие отвлечения, строго спросят с автора «Русской кочерги», который, как уже известно всем, давно страдает словесным… нет-нет, не поносом… а просто гигантизмом, ведь каждый том его произведения не только длиной в 600 страниц, но и ве́сом в два килограмма прекрасной бумаги «Paperline» с гарнитурой (шрифтом) «New Time Roman». И автор честно ответит, что ничего такого не имел в виду, а просто хотел сказать, что его герой Альбионыч разглядывал подотчётный коллектив всего несколько секунд, а вот описать его ощущения от такого разглядывания придётся аж на нескольких страницах, что займёт целую главу нашего искромётного повествования.

А лучшие слова́ для подобного описания в этом томе достанутся на этот раз бывшему текстильщику. Не только Володя, но и остальные, посмотрев на Серёжу, дружно заржали, хотя у некоторых от собственного смеха голова тут же разболелась ещё больше. И правда, сдержаться было действительно трудно, потому что выглядел Афанасьич сейчас так, словно несколькими минутами ранее спешно одевался по команде «Воздушная тревога». Особенный восторг у присутствующих вызвал пиджачок сторожа. И. как оказалось, не только восторг.

Приценяясь к барахлишку,
вижу: тот ведь уценён.
«Пиджачок продай, братишка!»
«Не могу – как память он!»

– Ого, какой пиджачок, мать моя Октябрьская революция! – завистливо произнёс педагог, который купил почти такой же, но лет 17 назад, и носил его до сих пор, надевая по особо торжественным случаям – типа дня рождения жены или годовщины собственного вступления в члены КПСС (б).

– Знаю, мать честна́я, – важно ответил охранник. – Кстати, его ещё мой дед Михей из деревни Семижопино носил.

Затем он вытер невольную слезу и тихо добавил, шмыгая носом:

– В нём его потом и похоронили…

Честно говоря, это изделие, казалось, было специально спроектировано для уничтожения человеческого достоинства: пудовый драп с ватином, совершенно неуместный летом, мерзкий воротник, тесные плечи, короткий загривок и кривая пола́. Остаётся только добавить, что сей пиджачок шёл Серёже невероятно. Но что пиджачок? Это всего лишь одежда, а вот внутренняя сущность похмельного Афанасьича проявлялась в его внешнем облике.

При первом взгляде на него создавалось ощущение, что наблюдатель видит перед собой некий овощ, побывавший на тёрке. Второй же взор замечал глаза охранника, которые выглядели измученными, как у чукотской собаки, издыхающей от усталости и бессердечия *каюра*. На лице его (охранника, а не каюра) тяжело переливалась гамма чувств от *дедушка, за что же это?* до *пропади всё пропадом!*

Сейчас Полтавцев стоял в общем строю со скорбным видом приговорённого к пожизненному заключению суслика, заметно побледнев, отчего рожей стал похож на земского статистика, каким его изображали в советских (б) фильмах по произведениям Чехова.

Кино по всем твореньям есть –
у Чехова как цепь:
«Дуэль», «Палата № 6»,
«Вишнёвый сад» и «Степь»…

– Что с тобой, Серёжа? – озаботился здоровьем товарища литератор, на всякий случай цепко приглядываясь к страдальцу – для последующего занесения итогов наблюдения в пятый том «Русской кочерги»

– Да что-то, кажется, у меня анус понизился, – томясь, признался сторож.

– Ты имеешь в виду, тонус?

– А это, царица лесная, где?

– В тыкве!

– А-а-а, тогда да…

– Может, сон какой плохой приснился? – попытался поставить более верный диагноз Кулемзин, на миг из писателя превратившийся в психолога-психиатра.

– Точно! – оживился больной. – Снилось! То ли мясо, то ли колбаса какая-то! Наверное, было испорченным… Володя, а что это означает?

– Ну, мясо во сне – это к болезни…

Полтавцев заметно опечалился.

– … а колбаса – нет, ну, подумайте, сколько в ней того мяса?

Афанасьич заметно поздоровел на глазах.

Колбаса не растёт в огороде,
не собрать нам её урожай,
не найти на невсполотой грядке
ароматный росток невзначай,
не сорвать для любимой девчонки
из колбасных растений букет.. .
Но как чувства колбасные зво́нки,
когда видим её на обед!

И завершая описание этого героя, остаётся только добавить, что в странном пиджачке, невыясненной обуви и с котомкой за плечами Серёжа сейчас был похож на спелеолога, не один день обдиравшего своим организмом острые стенки пещер.

Не лучше выглядел и старший прапорщик Батыршин. На его лице цве́та мороженой говядины особенно живописно смотрелись мутные, как у вчерашней рыбы, глаза́, которыми он хлопал, явно затрудняясь включиться в сегодняшнюю реальность. Военный стоял сгорбившись, как привокзальный нищий, бледный, точно гибель империи, и что-то пытался прошептать серыми, словно прошлогоднее сено, губами, но губы не слушались, так как были заморожены навязчивым наркозом вчерашних алкогольных утех. Голова его (Батыршина, а не наркоза) расщеплялась на глазах, будто ядро атома.

– Ты что, с пня упал? – весело поинтересовался Володя, но губы трубача ещё не отошли от наркоза, и поэтому ответ так и не дотелепался до этой страницы 84, а, значит, и до моего читателя тоже.

– Тошнит, яйчики-бабайчики? – ещё веселее спросил Альбионыч, но также не получил внятного ответа.

– Не переживай и думай о том, что во всём этом есть какой-то высший смысл. Ну, не может человека тошнить вообще безо всякого смысла! Хотя…

Он прищёлкнул пальцами.

– На наших бессмысленных широтах может тошнить и безо всякого смысла.

– Точно, мать честнáя! – подтвердил Серёжа, и без перехода спросил главное:

– Пиво когда пить будем? А то что-то *печаль внутренностей* прогрессирует…

Володя завистливо поглядел на сочинителя метафоры и решил присвоить сказанное себе, подумав при этом, что похмельные персонажи всё равно это скоро забудут, а вот такие хорошие слова явно пригодятся для описания их страданий.

Чувствую, что у ребят
мысль одна: пивка хотят!

– Подожди, старичок, я ещё не всё выяснил насчёт вашего внутреннего содержания, – попенял он охраннику, и хотя это была явная чушь, ей поверили все – тяжело и сразу.

– Ладно, выясняй, – разрешил Полтавцев.

Глава 35. ПЕРСОНАЖИ КАК ОНИ ЕСТЬ (ещё одно продолжение)

Но изучение индивидуумов пришлось на некоторое время прервать, так как с западной стороны, где находился дом № 16, послышался тихий оклик, хотя окликающему казалось, что он кричит довольно громко:

– Постойте, друзья! Не начинайте, святой Малевич, без меня!

Здесь все послушно обернулись именно в эту сторону света, – чтобы узнать, кто же этот актёр, так удачно имитирующий голос Верховного Напильника из научно-фантастического фильма «Планета Феррум-13 и его обитатели»

А мой проницательный читатель уже наверняка догадался, что только что в коллектив попытался влиться неигровой член покерной хевры художник Муравлёв-Поддатов. И эта попытка оказалась практически зачтённой, потому что пришельца опознали $^3/_4$ коллектива, то есть все, кроме Салихдзяныча, хотя новый на территории Бермудского Учпучмака человек ему кого-то напомнил. «Неужели старшина Кожамкулов?», подумал он. «А почему без формы?»

Но нет, это действительно был художник, который через каких-то 53 секунды занял своё место в нестройном ряду. И так как сейчас в его чертах явно проглядывали признаки казнённого Христа с картины Рогира Анриевича ван дер Вейдена «Снятие с креста», то обер-корнет наконец узнал Николаича и даже сделал слабую попытку приобнять – в знак этого узнавания, но получилось не так, как он рассчитывал, потому что *крутящий момент* кинул его направо, и если бы не могучая фигура Володи, то наверняка бы быть беде, хотя, честно говоря, что может быть хуже похмельной группы, по виду приготовившейся к расстрелу.

Текст из библии так прост,
хоть насквозь фальшивый:
даже на кресте Христос
пил не воду – пиво!

«Стоп-стоп», подумал здесь автор, «а кто из моих героев ещё не охвачен моими же описаниями?». Он быстренько пробежал последние страницы и понял, что пора бы рассказать, как выглядели сегодня ещё двое существ – только что пришедший живописец и появившийся чуть ранее учитель семитского колледжа. «Пожалуй, с Валеры и начну», решил автор. И вот что вышло в результате этого решения.

Кулемзин, словно никогда не видел его ранее, удивлённо разглядывал Муравлёва, даже приоткрыв рот, словно увидел живого дедушку Репина за работой. Выглядел художник сейчас как вещественное олицетворение мировой скорби: была в этой тягостной картине и рожа креветочно-варёного колера, и остановившиеся и не мигающие, как у морских свинок, глаза́, и смачные курдюки под ними страшного фиолетового цвета. В целом же лицо Николаича выглядело словно в старом телевизоре – в тот момент, когда его настраивают при помощи проволочной антенны, выброшенной в форточку на ближайшую ветку урюка. К тяжелой картине добавлялся и такой нюанс, как вы́сыпавший над верхней губой пот. К тому же, страдалец дышал не как все нормальные люди, а точно баян с продырявленным мехом.

Вызывайте *неотложку*
(виновата здесь жена):
порвала мою гармошку –
не играет ни хрена!

Причём дыхание было таким, что даже Талгат, стоявший рядом с художником, автоматически стал отворачиваться от последнего пришельца, так как учуял букет аджики с преобладанием чеснока.

«Откуда бы такой букет?!», взволновался также и автор нашего правдивого повествования. «Ведь Валера же с утра сегодня ничего не ел! И кто, как не я, знает это лучше других?»

В это время Николаич произвёл такой мощный похмельный выхлоп, что зарин, зоман и примкнувший к ним хлорпикрин[47] показались бы просто каким-нибудь «Майским ландышем». Литератор, и он же будущий врач-похметолог, посмотрел на Муравлёва с сочувствием, как отец смотрит на сына-подростка, которого впервые в жизни побили одноклассники.

– Валера, ты как? – осведомился он, хотя хорошо видел, что, скорее всего, никак, но сочувствие всё-таки надо было проявить.

– Лучше, святой Малевич...

– Лучше, чем когда?

– Лучше не спрашивай!

На лице его при этом коротком диалоге застыла суровая усталость, какая могла бы быть у красноармейца в окружении, когда всё уже кончено, а вот сам пока жив, и вообще непонятно, как жить дальше – если немцы не подстрелят, то уж *свои* в назидание другим обязательно шлёпнут! Во взоре саксаульского шишкина ясно читалась тоска – как у пса на коротком поводке, на душе́ было тяжко, а внутри организма ещё хуже – словно в тёмной комнате, где поиски чёрной кошки увенчались её застывшим трупиком.

Как проблему мировую,
бахну сходу из ружья:
в чёрной комнате найду я…
Что нашёл – не вижу я!

[47] Отравляющие вещества нервно-паралитического действия – прим. воен. редактора

– А ты чего такой бледный? – поинтересовался писатель, чтобы в отсутствии на территории Великого Треугольника зе́ркала случайно не выдать истинного цве́та лица́ абстракциониста

– Не выспался, – зло ответил Валера, после чего пояснил:

– Мне сегодня какой-то гад в 16 часов ночи позвонил!

– А чего ему было нужно?

– Не сказал – трубку бросил.

– А вдруг это была тёща? – предположил Володя.

– А, ну, тогда не гад, а гадина! – уточнил живописец.

К земле летела тёща, кувыркаясь,
виднелся старый веник между ног –
ведь жизнь, она короткая такая,
коль зятю мозг сверли́шь не умолкая,
а рядом есть открытое окно!

Глава 36. ПЕРСОНАЖИ КАК ОНИ ЕСТЬ (окончание)

И, наконец, педагог Курманбаев – последний из неописанных вчерашних алкоголиков, а нынешних неопохмелённых. В отличие от других, сегодня он, ритмично хлопая ресницами, как курсистка, был похож на профессора диамата в изгнании, хотя было издалека заметно, что и его – несгибаемого ленинца и борца за счастье пролетариата всей планеты – всё-таки настигла тяжёлая болезнь. Признаки этой болезни прежде всего выдавало его лицо коринфского царя Сизифа Эоловича, оглушённого своим камнем, отчего Нуртай постоянно кривился, будто раскусил таракана. При этом он багровел и отдувался, как тритон. Желудок с сердцем *камлали* предсмертный обряд, так что горечь жизни стала нестерпимой и достигла чисто физического ощущения.

«Но я должен быть стойким!», думал Мусаич. «Нельзя показывать перед врагом Кулемзиным свою слабость. Напротив, надо заманить его в ловушку, притворившись лояльным к этому буржуазному элементу!»

А автор в этот момент подумал о том, что каких только странных мыслей не возникает у его героев под воздействием черноплодных напитков.

– Нуртай, яйчики-бабайчики, о чём задумался? – вывел его из раздумий весёлый голос Альбионыча. – Как вам с Ильичём I реорганизовать Рабкрин[48]?

И уже через мгновение автор понял, что имел в виду его герой, когда думал о ловушке. Педагог внезапно протянул руку Володе, и тот автоматически пожал её. Естественно, рукопожатие паучьих пальцев удовольствия не доставило, но писатель уже привык не обращать внимания на мелкие недостатки окружающих.

– Так как насчёт Рабкрина? – повторил свой вопрос единственный здоровый в этом больном коллективе, с трудом вырвав руку из цепкого курманбаевского захвата.

Мой поступок неожидан,
не вместившись в голове,
ведь здороваюсь я с гнидой,
как с приличным челове…

[48] Статья В. И. Ленина, в которой он с целью борьбы против раскола партии и бюрократизма предлагал установить тесную организационную связь между руководящими органами государственного (Рабоче-крестьянская инспекция) и партийного (Центральная контрольная комиссия) контроля. ПСС, т. 45, стр. 383-388 – прим. полит. редактора

Нуртай хотел ответить Володя, но тут с ужасом понял, что в его голове проносится какой-то белогвардейский вздор типа *поручик Голицын, надеть ордена!* «Как же он политически некорректен!», неприязненно подумал он.

«Какая (прости, русский язык!) раскоординированная психика», удивился паскудным мыслям Володя.

Мусаич, словно услышав этот суровый приговор, стал дышать ещё более сдавленно, чем до этого, – как некая Эмманюэль[49] при съёмках двенадцатого дубля. «Салюта не будет», вспомнились ему слова́ из старого фильма, а потом ещё и совсем какое-то свинцово-советское: «Салютовать будем по врагу!»

После нелепого, как ему показалось, вопроса Альбионыча о Рабкрине, лицо педаго-га сделалось сосредоточенным и злым, как у медведя, выдавливающего из себя *зимнюю пробку*[50]. У него (педагога, а не медведя) по́шло зарумянились щёчки, и от волнения при незримой битве с врагом дыхание стало ещё надсаднее, чем раньше – сейчас оно было как у человека, только что затащившего дорого́й буржуазный холодильник «Rosenlew» на седьмой этаж.

Холодильник явно перегрелся:
стал романсы петь по вечерам,
или просто ветчины объелся –
той, что недоел хозяин сам!

И всё же пойти на явную конфронтацию с покерным гуру (а в данное время со скорым спонсором коллектива) Курманбаев не мог, ибо жаждал не просто пива как лекарства от похмелья, а именно пива халявного, хотя чаще всего такой напиток имел для него и другую, неприятную сторону – от него у жадины почему-то делался запор, и когда не помогал даже широко разрекламированный *фестал*, приходилось делать мучительные клизмы с отваром ромашки. От этих мыслей Мусаич тут же стал бледнее священномученика Христофора – с гвоздями, натыканными по всему телу.

Похмелье принесло ему и ещё одну удивительную особенность, на этот раз зрения: ни один из предметов, окружающих педагога, будь то дворовые дети или те же игроки с примкнувшим к ним живописцем, не выдерживал его долгого внимательного взгляда – всё, что он видел сейчас, немедленно оплывало и теряло форму, как пластилиновая фигурка на горячей батарее.

Ядовитый наркоз ещё не выветрился, и поэтому прошлое в мозгу всё никак не могло сложиться в законопослушный узор, а, скорее, напоминало разбросанные по комнате детские кубики с фрагментами откуда-то до боли знакомой картинки «Проигрыш разума перед материей» австрийского художника Отто Дитмаровича Раппа[51].

[49] Литературный персонаж, а позже и киногероиня французской писательницы Эмманюэль Арсан – женщина, исследующая собственную сексуальность в различных обстоятельствах – прим. кинoредактора

[50] Дело в том, что перед спячкой медведь съедает около килограмма глины, чтобы закупорить задний проход. Считается, что таким способом он препятствует насекомым и прочим антисоветским вредителям проникнуть через прямую кишку в желудок, забитый зимним запасом пищи. А вот весной бедному медведяке приходится выдавливать из себя уже окончательно скремнившийся стержень около 15 сантиметров длиной. Рёв, сами понимаете, стои́т на всю округу! – прим. автора

[51] Эта картина стои́т на первом месте в списке самых ужасных сюжетов мировой живописи – она изображает разлагающуюся человеческую голову, надетую на птичью клетку, в которой лежит кусок плоти – прим. худ. редактора

И тут произошло то, что уже происходило во всех томах нашего романа без исключения, и к чему мой читатель, увы, уже успел привыкнуть.

– Володя, – обратился к литератору Нуртай, – у тебя, мать моя партия, случайно нет в кармане таблетированной валерианы?

Здесь можно было бы написать, что от курманбаевского вопроса бедного прапорщика подкинуло, а потом он по привычке кинулся в учпучмакские кусты, но нет – никто, включая автора «Русской кочерги», даже не заметил исчезновения Салихдзяныча, настолько стремительным оно было. А заметили все старшего трубача только через минуту – с цветом лица, коим он был похож сейчас на зелёную бронзу обкаканного птичками стокгольмского памятника Карлу Карловичу XII.

Наконец все опять расставились по местам, и старательно, лишь бы не встретиться друг с другом взглядами, озирались по сторонам, точно рассматривая одним им видимые фрески. Всё различимое этим утром говорило за то, что вчерашний день у наших персонажей явно удался.

«По-моему», подумал Володя, разглядывая их с холодным интересом энтомолога, «меня окружают милые, симпатичные люди, медленно сжимая опасное кольцо…»

Понимаем с возмущеньем,
почему всегда мы злей:
попадаем в окруженье
не врагов – своих друзей!

Сам же Кулемзин, великий разрушитель устоев и надежд, был весёлым, как патологоанатом, и всем своим могучим видом решительно опровергал мрак пессимизма. В этот печальный для Бермудского Учпучмака момент от него исходило скромное очарование наёмного убийцы. Сейчас, на фоне остальных пришельцев в Великий Игровой ▲, было особенно заметно, что в писателе было ровно 100 килограммов – и один был краше другого! Его арбузное лицо лоснилось, словно смазанное маргарином «Просторы Кубани», как лик святого на внезапно замироточившей иконе.

Серёже, глянувшего на марсианина, в этот момент пришла в голову та же мысль, и он несколько раз поспешно перекрестился, правда, кладя кресты куда попало, а если говорить точнее, то в плечо Батыршина, в руку Курманбаева и в голову Муравлёва, отчего в последней прогремел маленький локальный ядерный взрыв. Наследник святого Малевича пошатнулся и сделал напряжённое лицо, которое делал всегда, когда хотел сохранить равновесие. Литератор же, глянув на него, предположил совсем другое:

– Старичок, неужели ты сейчас обдумываешь тему будущей диссертации «О значении красного цвета в творчестве Пабло Руисовича Пикассо»?

Был Пикассо изощрённым,
выражаясь мастерски:
красным рисовал знамёна,
голубым же – васильки!

– Нет, – честно признался Николаич. – Я думаю о том, чтобы как можно быстрее выпить немножко пивка – исключительно для поправки пошатнувшегося здоровья.

Фраза получилась страшно длинной, но сама мечта была такой простой и светлой, как фонарный столб, что ей хотелось верить, что ей хотелось внимать, что ей хотелось даже доверить ближайшие часы бермудского существования.

И тут Володя понял: да они же просто хотят похмелиться!

Глава 37. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (Мучительные ожидания)

Мысль эта, как и многое во Вселенной, скоро стала горькой, ибо Альбионыч понял ещё одно: ни его гениальные стихи, ни его искромётная проза сейчас совершенно не волнуют вот этих полудохлых персонажей. В их напряжённых взорах читалось только одно короткое, но страшно огромное слово

ЖАЖДА

, и сейчас именно оно заменяло всем собравшимся на этом тесном клочке земного шарика и родину, и мать, и даже зарплату!

Хотя, если говорить честно, Кулемзин в этот момент и сам бы не отказался от пары-тройки бутылочек ледяного «Тянь-Шаня» – для увеличения своего персонального счастья аж на 81 процент!

А лёгкий, прозрачный дымок, поднимающийся из свежевскрытой бутылочки! И до того, как пена подступает к горлышку, всегда достаточно времени, чтобы взять эту бутылочку в руки и, не торопясь, спокойно, но и не медля ни секунды, начинать заливать волшебный напиток в изнывающее от нетерпения горло!

Правда, от этих сладких грёз его отвлёк коллективный стон группы страдальцев. Особенно плохо, как виделось, было татарскому трубачу Батыршину, которого, судя по виду, сегодня назначали старшим больным в этом полевом лазарете имени Луи Жан-Жозефовича Пастера.

– Ну, вы, батенька, и нажрались накануне, – удивлённо прокомментировал литератор увиденное.

– Накануне, это что? Вчера? – напряг память военный. – Или сегодня утром? Нет, всё-таки ёкарное вчера…

– Что такое вчера, яйчики-бабайчики? – задал философский вопрос Володя. – Это сегодня, которое уже было буквально на днях…

В голове музыканта щёлкнул какой-то клапанок, после чего в черепе потихоньку заиграла увертюра к опере Джузеппе Карловича Верди «Аида»

– Вот те раз, – услышав неслышимую для других мелодию, удивился Володя. – Склероз и солнце – день чудесный?

– Володя, не говори так, – попросил Салихдзяныч писателя. – Лучше пивка…

«Ну, что ты хочешь от меня,
поэта местного разлива,
с утра алкающего пиво,
иль по-народному – *с ранья*?
Ну, что ты хочешь от меня,
цивилизованная детка,
когда я – сломленная ветка,
пригодная лишь для огня?..»

, хотел было процитировать самого себя знатный саксаульский поэт, но не стал, так как понял, что этим людям сейчас действительно не до поэзии. А вот мой читатель страшно обрадовался, ибо он, в отличие от персонажей «Русской кочерги», всё-таки ощутил прикосновение таланта марсианина.

– Ну что, мои маленькие друзья? – весело предложил вечный спонсор похмельного коллектива. – Предлагаю по-быстренькому провести (прости, русский язык!) референдум о вхождении вашей варикозной группы в так называемый *опохмеллениум*. Итак, ваши предложения. А так как свои мысли по этому поводу уже высказал наш недоделанный генерал-аншеф, то продолжим, пожалуй, прослушивание мнения гражданина Полтавцева.

Сторож, не смотря на неизлечимую болезнь мозга, тут же приосанился.

– Ну, что, Серёжа, давай своё спокойное, на грани истерики, слово.

– Одно, царица лесная? – уточнил Афанасьич.

– Хорошо, давай одно.

– Пиво!

Говорят, что алкоголь
вреден нам для печени,
но похмельный наш синдром
только пивом лечим мы!

Затем он напряг голосовые связки и проскрипел, расширяя поток информации:

– Мне бы одну бутылочку «Жигулёвского»

– И что тогда будет? – улыбнулся Володя.

– И тогда я снова возродюсь – как птица Пенис!

– Отлично, – одобрил писатель. – Теперь слово предоставляется нашему бравому оловянному унтер-офицеру!

– А я бы просто выпил, – со слезой в голосе попросил военный.

– Выпил – в смысле что? – с подозрением на измену спросил Кулемзин.

– Лучше бы, конечно, йодистой водочки, – тут же начал проваливаться в бездну мечты еврейский зять, – но разве от тебя дождёшься?

– Талга-а-ат, – укоризненно пропел Альбионыч. – Как ты можешь? Какая может быть водочка – без единой сыгранной партии в *русскую кочергу*, без единой победы над врагом нашей организованной группы (не буду называть его паскудную фамилию)…

– А что я? – внезапно выкрикнул педагог, окончательно выдав себя именно за этого неназванного врага.

– …без того куража, – продолжил *филиппику* писатель, – коий начинает стучать в наши переполненные отвагой сердца, когда мы открываем заветный роббер о 12 картах на средней *тёмной*? А ты предлагаешь такую пошлость, как водку с утра…

Мы поедем, мы помчимся
за бутылкой утром ранним,
и к открытию ворвёмся
в алкогольный магазин!
Ты увидишь, что напрасно
«Три семёрки» звали дрянью –
он вкусней, чем *тормозуха*,
клей БФ и керосин!

– Ну, а ты, сынок, что скажешь? – грустно, как мать на сына в военкомате, посмотрел Володя на Муравлёва.

В ответ Валера кинул взор на литератора, но с таким выражением, словно не узнавал старого друга. Было видно, что он (Валера, а не старый друг) до сих пор страдает от головной боли в собственных висках и всеобщего человеческого свинства. Затем он пот-

ряс головой, словно сбрасывая быль и небыль вчерашнего, но так ничего и не сказал, хотя все ждали от него именно людских слов.

Не смотря на несостоявшийся диалог, покерный гуру выглядел невозмутимым, словно попавший в плен краснокожий из американского вестерна «Дилижанс» 1940 года режиссёра Джона Генриевича Форда.

– Ну, а ты что скажешь, несгибаемый борец за счастье всех? – обратился Володя к педагогу.

Нуртай поднял на него больные от выпитого и передуманного глаза́, но вот взгляд его от простых русских слов тут же остекленел, и Кулемзину показалось, что вот если сейчас Мусаича заставить пробежаться *стометровочку*, то он уже на восьмом метре просто рассыплется на кусочки, точно замороженный жидким азотом железный герой из голливудской ленты «Терминатор-2»

О, Терминатор, ты – единый:
ты от добра и зла всех спас,
с какою нежностью звериной
на нас глядит твой каждый глаз!
Огромный, страшный, но прекрасный,
сомненьем дерзким ты велик:
то твёрдый, то газообразный,
то жидко-огненною плазмой
ты в сердце всякому проник!

Удивительно, но и этот персонаж, далеко не случайно попавший в наше правдивое повествование, тоже промолчал, а вместо слов натужно и неестественно улыбнулся, правда, вышло это у него, как *камаринская* у дрессированного медведя Прошки. А всё почему? Да всё потому, что туфли, которые в спешке натянул Курманбаев, сидели на его нижних конечностях несколько кривовато, словно они (конечности, а не туфли) страдали от хронической водянки. Именно от этого, а вовсе не из-за отсутствия речи, ленинец стыдливо опустил голову, словно первоклассник, уличённый в списывании со стены *интересного* сло́ва, и стал часто вздыхать, как паровая машина Джеймса Джеймсовича Уатта. Теперь вся его фигура имела основания быть увековеченной в мраморе – под названием «Обречённость»

«Да, по-моему, пора подсуетиться насчёт приличного санатория с ненавязчиво-принудительным лечением», поочерёдно разглядывая будущих соперников по игре и примкнувшего к ним художника, подумал Альбионыч.

«Весело смеются,
пряники жуют…»

Глава 38. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (О подвиге Полтавцева)

И вот здесь знатный ВПС[52] почувствовал на себе коллективный взор сразу четырёх человек, да так, что у него что-то зачесалось в районе левого кармашка его, как, наверняка помнит мой читатель, марсианской рубашки цве́та Абсолютной Истины, а ведь именно там Володя и держал главные боеприпасы для предстоящего дня, то есть значительную сумму в назарбаксах. Именно за них владелица магазинчика/сельпо/лавки Калима соглашалась выдавать нашим героям главный товар во Вселенной.

[52] ***Великий Пивной Спонсор – прим. автора***

«Ума не приложу, где достать такую *палестину* денег?», вспомнил он популярное выражение своего тёзки Александра Герцена – известного в революционных кругах России и Европы писателя и философа, после чего похлопал правой рукой по левому кармашку, и внезапно возникшая финансовая чесотка тут же прекратилась.

– Талгат, пиво будешь? – неожиданно вопросил Кулемзин, даже не подумав, насколько садистки прозвучал этот, в общем-то, невинный вопрос. Он даже поймал себя на мысли, что произнёс своё искреннее предложение медленно и раздельно, словно не слишком надеясь на то, что трубач понимает человеческую речь. Наступила, как пишут плохие писатели в плохих романах, гнетущая тишина, в которой внезапно стал слышен еле различимый треск, и всем показалось, что это от напряжения понимания вопроса потрескивают прапорщицкие мозги.

– Буду, – наконец послышался ответ, и всё облегчённо вздохнули, словно именно от этого короткого, но важного сло́ва, зависело, жить им сейчас или умереть, а если всё-таки жить, то долго или нет.

Не думай про похмелье свысока –
наступит время, сам помрёшь, наверное,
терпи сушняк – без кружечки пивка
мучения, мучения, мучения…

И вот, наконец, настал ещё один психологический момент, тайну которого Кулемзин, как ни стремился, не мог постичь уже который год. Каждое утро он видел мучения этих людей, желающих только одного, но как только речь заходила о том, кто же именно доставит в коллектив ЖЖЖ, то сразу оказывалось, что у каждого из них есть весомая причина, чтобы этого не делать.

«Что-что?», воскликнул здесь автор романа, услышав сразу с нескольких сторон света возмущённые возгласы читателей, прислушался к ним и понял, что забыл расшифровать только что написанную им (прости, русский язык!) аббревиатуру. А ведь всё было куда как просто: непонятное ЖЖЖ на самом деле означало Живую Жидкость Жизни! Или проще говоря, всё то же пивко…

– Слушай, Серёжа, – обратился к сторожу Альбионыч, – а тебе не кажется, что вовлечение в информативное эхо – это абсолютное забвение тела, сконцентрированное в смысловой бесцельности движения?

– В смысле, мать честная, за пивом сходить? – догадался гениальный охранник и, поражённый своим умением разгадывать тайные смыслы слов, тут же выхватил из котомки заветную книжечку «Для му.мы.» и торопливо накаракулировал несколько строк.

О, как же рад тупой мальчонка,
что твёрд его наук гранит,
как хорошо, что есть книжонка,
где гений свой он сохранит…

Салихдзяныч посмотрел ему через плечо, но не понял ни то что хотя бы одного сло́ва, а даже на каком из языков, которые с недавнего времени изучал Полтавцев, это было написано. А автор, который никогда не забывает о нуждах и чаяниях своего читателя, порадовался вновь: покерный коллектив, занятый исключительно похмельными мыслями, так никогда и не узнал об этих волшебных строчках, а ты, кто держит в руках эту двухкилограммовую книгу, сейчас узнаешь:

«Если ты с похмелья, только информационный эхолот может подсказать тебе, в какой стороне сконцентрирован магазин Калимы!»

В это время строптивый Серёнька Полтавцев вспомнил, что он – часть коллектива, который сам добровольно за пивом не ходит, и заявил:

– Володя, а почему опять я? Давай посчитаемся!

– Давай, – согласился писатель, хотя тут же выяснилось, что у Афанасьича за предыдущие четыре тома все считалки кончились, так что, не думая ни секунды, знатный поэт двух веков тут же сочинил свою, которую и стал декламировать, тыкая пальцем при каждом слоге в выстроившихся по кругу жаждущих, кстати, не исключая и себя тоже:

– Чтоб вы все остались живы
в страшной боли головной,
в этот раз пойдёт за пивом
тот, кто умный, но больной!

И справедливость восторжествовала: условно умным, но безусловно больным оказался всё тот же бывший текстильщик!

– Прибереги, Володя, – попросил Серёжа, отправляясь в поход, и передал писателю вытащенную из котомки какую-то важную и, очевидно, секретную документацию в виде замусоленной странички газеты «Караван»

– Ступай себе с *дедушкой*, – откликнулся Альбионыч и спрятал страничку в правый, до этого пустой кармашек рубашки.

А Курманбаев в это время ревниво посмотрел на левый (ближе к сердцу) кармашек, скрывающий, по его сведениям, значительную сумму спонсорской помощи коллективу.

– Иди, Серёжа, – напутствовал сторожа саксаульский сергеич, – но помни, что ещё великий Фритьоф Бальдурович Нансен[53] говорил о том, что прелесть любого путешествия – в возвращении! – после чего выдал *доставлянту* необходимую сумму.

В магазин доставлянт понёсся, как лошадь, после трое суток непрерывной ска́чки почуявшая вожделенную конюшню.

– Ого, – посмотрев вслед пыльным завихрениям, восхитился Альбионыч. – Два метра в секунду! Да это же рекорд ускорения на открытых площадках Вселенной!

– Какого ещё, мать моя партия, ускорения? – недовольно откликнулся педагог еврейского колледжа, не упускающий момента подколоть писателя.

– В метрах в секунду в квадрате, – объяснил бестолковому знаток физики и посмотрел в сторону сельпо. Педагог закусил губу. Крыть было нечем.

Надо как-то ненароком приосаниться,
например, билет куда-нибудь достать:
в Рио можно или в Ниццу, – что понравится...
В общем, телу ускорение придать!

Вот тут и выяснилось, что зайти в искомое помещение оказалось не просто. А дело было в следующем. Отдышавшись, сторож покачал головой, как поросёнок над корытом с ботвиньей. И было от чего! Оказалось, что вход в магазинчик был перекрыт неизвестно откуда взявшимся автомобилем, который, видимо, поняв, что заехал не туда, решил развернуться, но из-за отсутствия достаточного пространства для манёвра перекрыл заветный вход в пещеру наслаждений и порока. Кроме того, тут же выяснился ещё один вопиющий факт: с левой стороны машины вышел мужчина, очевидно, водитель, и скрылся в чреве лавки. Может, пользуясь моментом, решил он взять какой-нибудь прохлади-

[53] Норвежский полярный исследователь, лауреат Нобелевской премии 1922 года – прим. науч. редактора

тельный напиток – для дальнейших поездок по раскалённому жарой городу, а, может, просто обладал сволочным характером, плюя на мнения страждущих – кто его знает!

А дальше случилось и вовсе невероятное: машина вдруг тронулась с места и потихоньку стала смещаться в сторону Бермудского Учпучмака.

Я что-то страшное видал:
машина шла! Но не туда…

– Дави на тормоз! – заорал Полтавцев, но тут же понял, что кричать-то было некому, ведь автомобиль остался без владельца. И тут выдающийся член покерной хевры совершил подвиг: мгновенно оказавшись перед капотом авто, он очутился на пути разъярённого механического чудовища и стал своим телом сдерживать его натиск, спасая друзей и дворовых детей!

Но что это?! В лобовое стекло автомобиля пивной скороход с ужасом, словно увидел пришельца из звёздной системы Кайнбир[54], разглядел улыбающееся мужское лицо! В этот момент стекло *с правой стороны* приоткрылось, откуда это лицо и выглянуло, после чего весёлый голос произнёс:

– Мужик, ты чего? Дай развернуться!

Да-да, мой читатель, всё оказалось просто: описываемый автором автомобиль оказался, как говорят продвинутые водители, *праворуки*м, а высадился из него, скорее всего, некий пассажир, приехавший по своим надобностям во второй микрорайон.

А как же подвиг? А он, как считает автор, был всё-таки совершён, ведь Серёжа честно не знал, что в разбушевавшемся авто был кто-то ещё. Вот так, в мирное время, думаю, каждый из нас, не задумываясь, отдаст свою единственную жизнь за жизнь своих товарищей по *русской кочерге* и бутылочке пивка!

Из горячей преисподней
с 9 и до 6
главный подвиг на сегодня –
пиво целым нам нести!

Глава 39. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (Об информационном взрыве)

И вот, наконец, путь в чрево сельпо оказался открытым. И ты, мой читатель, подумал, что все приключения окончились, и Серёжа беспрепятственно проник в заветную пещеру? Отнюдь! На этот раз на его пути встала старушка, смутно опознаваемая как жиличка из дома № 21. В руках она держала большое эмалированное ведро, полное каких-то полевых цветов.

– Молодой человек, купи́те своей жене цветы! Смотрите, какие они красивые! – напористо выкрикнула она, явно соврав, так как молодости в увиденном мужике не было уже лет тридцать.

– У меня нет жены, царица лесная, – угрюмо ответил Афанасьич, но потом решил расширить сообщение и добавил:

– Только, царица лесная, Зуля какая-то.

– А это кто? – прицепилась старушка. – Невеста? Тогда купите цветы невесте!

– Нет, не невеста, – сознался охранник, – а просто так…

– Так купите цветы себе! – несколько по-еврейски радостно воскликнула старушка. – Ведь это такая радость, что у вас такая спокойная жизнь!

– Слушайте, бабушка, – с вежливой злостью ответил Полтавцев, у которого без вся-

[54] *От нем. Kein bier – пива нет*

ких старушек раскалывалась голова. – Не морочьте мне голову! При чём здесь вообще какие-то цветы?!

– А как же тогда? – растерялась неудачливая продавщица саксаульской флоры.

– У меня настоящая радость, мать честнáя, – закончил ненужный диалог сторож, – это когда я покупаю себе пиво!

В мире нет ситуаций безвыходных –
все проблемы легко устранить,
я три способа знаю, как минимум:
наплевать!
начихать!
и забыть!

И, обойдя старушку, всё-таки проник в магазинчик, где его, как пивного скорохода, уже заждалась с утра владелица лавки Калима.

А что же оставшиеся в горе и печали остальные члены покерной хевры? Они посидели несколько минут, но Серёжа так и не появлялся. Кстати, и подвиг охранника, который только что спас им жизни, остался незамеченным, потому что все углубились в своё – кто во что: Володя задумчиво вертел в руках оставленный Полтавцевым газетный лист, Нуртай, чтобы время прошло быстрее, пытался вспомнить хотя бы начало выдающейся ленинской работы 1918 года «Как организовать соревнование», Талгат с ужасом думал о том, что вот уже скоро (через день-два) должна вернуться в родной Отцеябловск его жена Аида, а Валера с грустью вспоминал Наташу, которая однажды встала на весы и поняла, что прочитанное ею на фантике слово «Коровка» – это не название, а предупреждение. И только Володя не заморачивался подобными размышлениями, потому что из персонального жизненного опыта хорошо знал, что так называемая любовь – это как китайская пиротехника: и состоит *иблис* знает из чего, и срабатывает непредсказуемо!

Не постигшие жизни науку,
не познавшие тайн бытия,
если просят у женщины руку,
значит, им надоела своя…

– А что это ты в руках вертишь? – наконец обратил внимание на пожелтевший листок Николаич.

– Да Серёжа дал на сохранение, – ответил писатель и тут же решил стать читателем, а также вовлечь в этот процесс ещё троих слушателей, ибо понял, что ходока за счастьем можно ждать ещё очень долго.

– Надеюсь, это листок, выг’ванный из газеты «Пг’авда»? – от волнения стал картавить саксаульский большевик.

– Нет, Нуртай, это всего лишь страничка из газеты «Караван», так что ты можешь на несколько минут или отойти в сторонку, или вообще сбéгать домой и почитать там что-нибудь другое – помнишь, такое страшно интересное в бордовых томиках на пóлках в твоей спальне.

Курманбаев пробурчал что-то невнятное, но остался, так как понял, что если он послушается совета Володи, то рискует зачитаться, а в это время вот эти выпьют всё принесённое пиво без него.

Без меня прошла гулянка!
Вот такая вот подлянка…

Глава 40. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (Об информационном взрыве, окончание)

Между тем Альбионыч развернул газетный листок и, пообещав слушателям информационный взрыв, приступил к вынужденной политинформации. Правда, уже через несколько секунд почётные бермудцы поняли, что им немного не повезло, так как листок оказался полностью посвящён рекламе. Но – деваться было некуда, и день открытых дверей в избе-читальне начался. Вскоре стало казаться, что все жители Отцеябловска поголовно бросили работу и кинулись в пункт приёма подобных объявлений:

«Сезонная распродажа! Фирма «Ваше авто» продаёт «Роллс-Ройсы», «Мерседесы», «Порше» и «Линкольны». В честь 7-летия нашей фирмы студентам и пенсионерам предоставляется скидка – 7 процентов!»

«Ликвидация предприятий в присутствии заказчика. Тел. 11-22-33»

«Городское общество слепых примет на работу секретаршу, приятную на ощупь»

Принимаю на работу
секретарш попроще:
чтоб потом мне без заботы
их понять на ощупь!

А вот при прочтении следующей рекламы Кулемзин споткнулся и даже поперхнулся. Не поверив глазам, он ещё раз вслух перечитал поразившую его строку:

– «Воткнул и наслаждайся!». Яйчики-бабайчики!

– Ни хрена себе! – поразился и военный трубач. – Неужели сейчас и *об этом* писать стали?

Между тем марсианин продолжил чтение столь интересного объявления:

– «А вы о чём сейчас подумали? Ха-ха-ха! Ведь речь идёт всего лишь о беспроводной телевизионной антенне! Тел. 33-22-11»

– Ах, вот в чём дело, святой Малевич! – воскликнул художник. – А я ведь тоже на днях проходил по родной улице Са́ина и увидел, как рабочие устанавливают возле мое-го дома рекламный щит, так там было написано что-то похожее на это: «Не грусти, бабуля, вставим!». Я ещё тогда подумал, что мне это по пьяни мерещится, а потом увидел, что это всего лишь реклама пластиковых окон! Как сейчас помню: сидит бабка у старенького деревянного окна и страшно грустит…

Затем старшему читателю стали попадаться объявления с фотографиями каких-то девиц, которые, судя по формам и минимуму одежды, никогда не работали на стройках народного хозяйства.

– «Хочешь стать обладателем шикарного тела?», – продолжил чтение Володя.

– Хочу! – автоматически откликнулся прапорщик Батыршин. – Правда, не сейчас, а лучше после десятка бутылочек «Маршала»…

– Талгат, это предложение не тебе. Так что слушай дальше: «Это проще, чем ты думал. 100 $ в час! Звони по тел. 22-11-33. Любовь»

На Любашу глядеть любо-дорого,
но кусается больно цена –
по цене сорока пачек тво́рога
хоть кому продаётся она.
И хотя аппетитна кудесница,
творожок я купил в этот раз –
буду кушать его больше месяца,
а Любовь бы схомячил за час!

– Любовь – это хорошо, – неожиданно откликнулся педагог еврейского колледжа. – Вот я, например, мать моя партия, люблю родину!

Надо ли говорить, что увлекательное чтение пришлось продолжить только минуты через две, дождавшись из учпучмакских кустов старшего музыканта, которого так паскудно отправил туда вероломный Мусаич.

А вот следующее объявление с фотографией заинтересовало буквально всех.

– Смотрите, это же наша Ира! – воскликнул литератор.

Все склонились над газетным листком, а подслеповатый от похмелья Салихдзяныч для верности даже прищурился, чтобы лучше разглядеть пышные формы объявлениедательницы, и попросил:

– Читай, ёперный Володя.

– Хорошо, – откликнулся Кулемзин и с выражением, как на детском утреннике, прочёл волнующие строки:

– «Приглядела себе будущего мужа. Подскажите, куда деть его жену? Подсказавшему – солидное вознаграждение. Можно натурой. Ира. Тел…»

– Зачем ей это надо? – пробормотал Валера. – Вот я же подходил к ней на днях, хотел познакомиться…

– Да при чём здесь ты? – как настоящий ленинец, взволновался чужой Сукой-судьбой Курманбаев. – Может, она просто ищет свою половинку!

Володя скептически скривил губы: он с юности не любил этого дебиловатого выражения, придуманного каким-то восторженным недоумком ещё во время плавного перехода обезьяны в так называемого человека, и даже однажды провёл его (выражения, а не человека) арифметическое исследование:

Я сижу, считаю, как кретин –
это арифметики игра:
половинка – ты, и я – один,
значит, нас с тобою полтора!

– Да, дела, – пробормотал Талгат, затем схватил ручку, которой гуру отражал в покерной *раскладке* все победы и поражения, и на всякий случай переписал ирин телефон на левую ладонь, ведь сколько раз он просил её об этом, но всегда натыкался, как выражаются плохие писатели в плохих романах, на холодную стену равнодушия.

Много ль нужно солдафону
лет примерно тридцати?
Позвоню по телефону,
уточню: когда придти?

– И всё-таки я, мать моя Октябрьская революция, – воскликнул неугомонный педагог, посмотрев при этом на писателя, – мечтаю о том, чтобы каждый холостой мужчина нашёл в жизни свою половинку!

– А чего ты на меня смотришь? – возмутился Кулемзин. – Если мне когда-нибудь повезёт, то я найду себе не какую-то половинку, а настоящую, це́лую женщину!

В течение мгновения изучив остатки странного газетного листка, писатель отметил про себя, что именно на этом было как нигде много объявлений и реклам, связанных с женским полом. Что это могло означать, анализировать не хотелось, так как навыки системного анализа жизни могли пригодиться ему уже очень скоро – с началом первой партии в *русскую кочергу*. А ведь она должна была начаться буквально через некоторое время – на странице 130 этой толстой книжки.

– «Молодой член Партии любителей пива…», – начал читать он очередное объявление, но здесь почва Бермудского Учпучмака немного подпрыгнула, и отнюдь не из-за усилий дворовых детей, а только потому, что при заветном слове *пиво* будущие игроки и примкнувший к ним живописец дружно вздрогнули.

– «…желает познакомиться с симпатичной дамой, у которой сиськи больше, чем у него»

– Как это? – заинтересовался Курманбаев.

– А тебе для чего? – под смех остальных остановил его любопытство Альбионыч, после чего озвучил ещё одно предложение неугомонных отцеябловчан:

«Продам маленькое чёрное платье 62 размера»

«Где же взять хоть мало счастья?» –
вот моя простая цель:
не влезаю я в то платье,
что советует Шанель[55]!

«Девушки! Если у вас восхитительные, бездонные, словно океан, глаза и нежная, бархатистая кожа, значит, вас просто тупо разводят!»

– Никто из вас ничего почитать не хочет? – неожиданно предложил Кулемзин, впрочем, тут же устыдившись такого наивного предложения, ибо о каких книжках могла идти речь с персонажами, которые сейчас жаждали только одного, и мой читатель наверняка знает, чего именно! А возник этот странный вопрос оттого, что Володя увидел в конце страницы сообщение о продаже новых книг для любопытных горожан в сети магазинов «Книжный город». Это были следующие издания:

«Обогащение урана в домашних условиях»
«Детство дальтоника» (книжка-раскраска)
«Руководство по убийству пользователей. Библия системного администратора»
«Жизнь без рекламы: мистика или реальность?»
«Учимся считать до двух» (том 3)
«Если вы не купите это прямо сейчас...» (серия «Жемчужины русского мата»)
«Да-дю-дя» (сборник шуток для умственно отсталых)
«Две sms, изменившие мою жизнь»
«Написание KeRNeL-драйверов под win32 для чайников»
«Тетрис» (полное прохождение)

Катятся кубики, доверху полнится
мерная ёмкость: попал – не попал.
Чувство победы не раз ещё вспомнится:
уровень новый – до ночи пропал!

«Приземление с нераскрывшимся парашютом за 30 дней»
«О вреде чтения в транспорте» (серия «Книга в дорогу»)
«Печатаем деньги» (самоучитель) и
«Уход за кошками и блюда из них»

Но не успел литератор вслух подивиться предпочтениям саксаульцев, живших в его родном городе, чтобы обсудить книжные новинки, как на горизонте наконец-то появился скороход Полтавцев

– Вспомнил! – неожиданно завопил педагог и, как помешанный, забормотал:

[55] ***Коко Шанель – – прим. ист. редактора***

– «Буржуазные писатели исписали и исписывают го́ры бумаги, воспевая конкуренцию, частную предприимчивость и прочие великолепные доблести и прелести капиталистов и капиталистического порядка»

«Совсем с ума съехал», возмущённо хором подумали остальные. Дело же было всего лишь в том, что Нуртай просто вспомнил начало одной ленинской статьи, о которой говорилось тремя страницами ранее – в прошлой главе 40.

Ленин предлагал: «Народ, не бедствуй»,
но с тех пор века уже прошли –
изучаю Ленина наследство:
к сожаленью, книжки – не рубли!

Глава 41. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (О побеге Афанасьича и загадке Альбионыча)

– Серёжа, ты чего так долго? – возмущённо загалдел брошенный на произвол Суки-судьбы коллектив.

– Да ругался с Калимой, мать честна́я!

– Опять? – удивился Володя. – И что на этот раз?

– Да попросил у неё жалобную книгу, а она не даёт. И тут я твёрдо решил проявить беспринципность и сказал, что буду жаловаться выше, а она засмеялась и сказала, что выше моего четвёртого этажа только крыша! И откуда она, подлюка, всё знает?

– А книга-то тебе зачем понадобилась? – удивился Муравлёв. – Ты же, святой Малевич, всё равно читаешь плохо…

– Так жалобу написать, – удивился бестолковости художника сторож.

– А на что жаловаться? – попробовал пробиться к истокам смысла Батыршин.

– Не на что, а на кого, – поправил его Афанасьич. – На неё же, Калиму эту иблисову! Подсовывает, понимаешь, честным покупателям что попало!

– И что же она, мать моя партия, тебе подсунула? – поинтересовался Курманбаев – исключительно для того, чтобы начавшаяся (прости, русский язык!) дискуссия не прошла без идеологической составляющей.

– Да бутылку вискаря!

Закипает в мозге ток,
так хочу прогнуться:
ви́ски мне хотя б глото́к –
чтобы *восторгнуться*!

– А тебе она зачем? – тихо вопросил Кулемзин, и ещё тише зловеще добавил: – Тем более, с утра…

– Да я покупать и не собирался, ведь цена там была просто буржуазная. За эту бутылку нам всем вместе пиво пить можно целый месяц!

– Яйчики-бабайчики, так что же? – уточнил Альбионыч.

– Так я не за себя, я за другого богатого обиделся, у которого деньги есть, чтобы купить и наслаждаться. Посмотрел на этикетку, чтобы узнать, свежий в магазине вискарь или нет, а там надпись «1608»! Короче, понял, что эта золотозубая нам *просрочку* впарить хочет, нехорошая женщина! Вот с этого всё и началось…

– А закончилось? – глупо поинтересовался Салихдзяныч.

– А закончилось здесь – моим искромётным рассказом об этом трагическом происшествии, – отрапортовал скороход. – Ну, и пивком, конечно же – еле уговорил после этого её продать!

– Ну что, друзья, – взял инициативу в свои мозолистые (от карт, авторучки и *раскладки*) руки писатель. – Предлагаю приступить к началу мероприятия, которое я сегодня своей волей решил назвать *опохмелленциум*! И этому есть объяснение…

– Да зачем что-то объяснять? – вскричал военный музыкант. – Серёжа, открывай свою котомку!

Но тут Полтавцев, не сказав ни слова в ответ, вдруг сорвался с места и быстро побежал в сторону своего жилища, то есть к дому № 16.

«Да, наверное, просто в туалет захотел», тут же сделал поспешный вывод мой друг-читатель. Но ошибся, ошибся он на этот раз! «Да как же?», продолжал упорствовать читатель. «Я вот нахожусь в пространстве аж пятого тома «Русской кочерги», а до сих пор ни разу (кроме утренних страданий) не видел, чтобы твои герои, дорогой автор, днём, как выражаются армейские уставы, отправляли естественные нужды. Comprenez-vous?[56]»

Конечно, понимаю, мой слишком внимательный друг, и поздравляю тебя уже в который раз. С чем же? А с тем, что только к этой (с начала всей мениппеи) 2500-й странице (4 тома по 600 страниц + эта № 100) ты узнаёшь, что такую не слишком приятно пахнущую тему исключил вначале покерный гуру Кулемзин, применивший простую марсианскую технологию *трръъътрръ*, которая позволяла немного по-другому работать земным организмам, а затем и автор, с которым Володя поделился этим секретом.

«Писать, конечно же, не трудно:
запряг словцо – вперёд беги!»
О, сколько нам открытий чудных
поведал автор «Кочерги»!

– Володя, не отвлекайся! – вскричал нетерпеливый, как Ленин в 1917 году, педагог еврейского колледжа. – Чего его ждать? Может, он сегодня вообще не придёт?

– Нуртай, – попенял ему (Курманбаеву, а не Ленину) Альбионыч, – как ты можешь? А где же твоё присущее всем коммунистам планеты чувство локтя? Где твоя пролетарская солидарность с твоим товарищем по одной лестничной площадке? Где то единение и родство партийной этики и социалистического строительства, о чём уже второй век талдычут любимые тобой классики марксизма-энгельсизма?!

– Так ведь хочется сильно, – со слезой в голосе поведал саксаульский большевик.

– «Хочется – перехочется!», как писал в своём капитальном исследовании «Основы морали при пивопотреблении» профессор Фекалин, – поставил точку в дискуссии Володя. – Будем ждать!

Представляешь пиво живо,
как чудес, его ты ждёшь:
в ожидании налива
ты не раз с ума сойдёшь!

– Чтобы время не тянулось так долго, дам вам, други мои, маленькую загадку, – предложил литератор, но как выяснилось через мгновение, ещё и знатный арифметик.

– Давай, святой Малевич, – обречённо согласился художник.

– Итак, слушайте. Некая мама старше своего сына на 21 год. Но через 6 лет она будет старше его в 5 раз. Вопрос: где папа?

– Как папа, ёкарное условие? – подпрыгнул на скамеечке Батыршин. – При чём здесь какой-то папа?

[56] Понимаете меня? – фр.

– А папа, мать моя партия, тоже был некий? – уточнил коммунист.

– Конечно, – без колебаний ответил загадыватель. – А тебе кажется, что эта информация поможет тебе в разгадке?

– Как знать, как знать, – забормотал Мусаич и стал с хрустом загибать пальцы сразу на двух руках, а Володя порадовался, что у педагога не три руки или четыре, иначе совместный хруст множества рук мог бы даже заглушить крики, издаваемые дворовыми детьми, которые сейчас орали, размахивая конечностями, как индейцы во время ритуала посвящения в мужчины, бегая при этом так быстро, как это делают только вампиры – при прямой угрозе чесноком.

В знак сурового протеста
против злыдня-ворога,
я чеснок засуну в место,
что вампиру дорого!

Минут пять прошло… нет-нет, не в молчании… так как оставшиеся без полтавцевского присмотра Нуртай, Талгат и Валера что-то тихо приборматывали, решая страшно сложную задачку. На шестой минуте разгадывания они посовещались и дружно сдались, хотя Курманбаев считал это не вполне правильным по отношению к «Моральному кодексу строителя коммунизма»

– Внимание, яйчики-бабайчики, правильный ответ, – скрипучим голосом ведущего телеигры «Что? Где? Когда?» торжественно произнёс Кулемзин.

Все насторожились, так как им не терпелось узнать таинственную разгадку.

– Итак, допустим, что возраст сына *x*, а возраст мамы *y*. Тогда $x + 21 = y$, а через 6 лет $5(x + 6) = y + 6$.

Муравлёв схватил валявшуюся в пыли под ногами веточку и стал лихорадочно покрывать эту пыль математическими символами, которые сейчас спокойно озвучивал саксаульский марсианин.

– Решаем, – продолжил Володя, – берём $5x + 30 = x + 21 + 6$, откуда получаем, что *x*, то есть возраст сына, $= -{}^{3}/_{4}$.

– Не может быть! – хором завопили неудачливые угадайцы. – Не может у людей быть минусовый возраст!

– Ещё как может, – засмеялся литератор. – У меня получилось, что сыну сейчас минус ${}^{3}/_{4}$ года, или, проще говоря, 9 месяцев. А это значит то, что в данный момент папа, о котором и шла речь в задачке, *находится на маме*!

Что же мы решали с вами,
знает лишь учётчица:
папа возится на маме –
сильно деток хочется!

– Валера, проверь, – попросил ленинец и даже прикусил губу от горя.

Художник ещё немного повозил веточкой в пыли, после чего кивнул головой: мол, всё правильно. Все потрясённо замолчали и даже на время забыли и о своём похмелье, и о том, что ждали Серёжу, чтобы это похмелье избыть.

Но, к счастью для наших героев и тебя, мой нетерпеливый читатель, ждать пришлось недолго. Буквально через пару минут на горизонте появился запыхавшийся Афанасьич, торжественно неся впереди себя свой правый кулак.

– Ну, и где тебя носило? – строго вопросил его Альбионыч.

– Вот, – показал зажатый кулак Полтавцев, а потом медленно, как фокусник Арутюн

Акопян, разжал его, после чего все увидели, что целью такого поспешного похода стали две скрюченные, наполовину поломанные сигаретки «Прима» – без фильтра.

Сигареточка как конфеточка –
для души бальзам, просто смачная:
сизый дым обрамляешь колечками!
Ох, зависимость ты табачная…

– Понимаешь, Володя, – не дожидаясь нового вопроса, объяснил охранник, – пива-то я сейчас выпью, это так, но вот для *полного счастья бытия* мне, царица лесная, как раз не будет хватать пары-тройки затяжек!

Глава 42. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (О первых бутылочках)

– Кстати, Серёнька, я тут краем гла́за видел: а что это за бабка к тебе возле сельпо приставала?

– Да предлагала купить букет цветов!

– Ну, купил? – задал глупый вопрос Нуртай, так как все хорошо видели, что сторож еле дотащил двумя руками свою котомку, полную счастья.

– Не-а, – свободно подтвердил слова автора Полтавцев.

– И правильно сделал, Серёжа, – похвалил его Кулемзин.

– Почему это? – недовольно поинтересовался Курманбаев, который последний раз дарил цветы своей жене на годовщину её вступления в КПСС (б).

Афанасьич тут же сделал стойку, сообразив, что услышит сейчас некую мудрость, и быстро выхватил заветный блокнотик «Для му.мы» – для того, чтобы сделать первую за сегодняшний день, а, значит, и в этом пятом томе, запись. И он не ошибся, потому что писатель торжественным голосом продиктовал ему:

– Запомните, друзья:

**Все алименты – это следствие
всего лишь покупки первого букета
цветов понравившейся вам женщине!**

– Ну, вперёд, яйчики-бабайчики! – весело дал команду на старт Альбионыч. – С песнями и блюзами…

Да, пора, давно пора было начинать жизнь. И она началась – с первыми же глотка́ми из первых бутылочек! Сделав их (глотки́, а не бутылочки), игроки и примкнувший к ним живописец сразу же начали понимать, что родной Бермудский Учпучмак – это маленькая действующая модель рая на Земле, правда, для ограниченного контингента саксаульских граждан.

Рай не каждому даётся –
лишь тому, кому в рот льётся!

Но напрасно мой наивный читатель думает, что вот сделает некий персонаж пару *прихлёбов* из пивной тары, и сразу ему счастье. Все присутствующие сейчас за покерным столиком (кроме спонсора *опохмелениума*) напоминали давно не бывший в работе резиновый шланг – рассохшийся и потрескавшийся, который оживал, превращаясь в мощную и тугую анаконду только через некоторое время, когда вначале блаженной жидкостью наполняются все его трещинки, а затем уже и само длинное нутро!

Поэтому первая бутылочка, выхлебанная каждым из страдальцев практически залпом, мало что изменила в их внешнем облике. Убедитесь сами!

Неизменная дорога –
нам, кто к счастью не пришёл:
надо выпить слишком много,
чтобы стало хорошо!

Вот Муравлёв, которому было особенно плохо: во-первых, из-за банального похмелья, и, во-вторых, из-за того, что он уже который день не видел жену Наташу, к которой, надо признаться, за эти годы привык. У него и раньше был такой измученный вид, словно он родился уже с коликами в животе, сейчас же Валера выглядел, как человек, которого долго били бейсбольной битой, перепутав с другим должником.

– Чего, старик, такой грустный? – поинтересовался Володя, глядя на его осунувшееся лицо. – С Наташей, что ли, поругался?

– Да не то что бы поругался, святой Малевич, и не то что бы сегодня…

– А как же? – уточнил литератор.

– Да это ещё позавчера было, – начал туманное объяснение художник. – Помню, прямо с утра крепко мы разошлись с ней во взглядах на международную политику.

– Можно подумать, мать моя партия, – встрял в разговор политически подкованный педагог, – что вы с ней в этом вопросе разбираетесь!

И хотя в башке поносы,
и противно черепку,
в политических вопросах
я, как выпью, так секу!

– Представь себе, Нуртай! В общем, крепко мы тогда повздорили из-за этого иблиса Буша: я ей сказал, что он в последнее время ведёт себя не так, как хотелось бы мировому сообществу…

– Ну, вот видите, – обратился за поддержкой к коллективу Мусаич. – Я же говорил!

– А она что? – уточнил прапорщик.

– Кто? – уточнил Николаич.

– Да ёперная жена.

– А она сказала мне, что вообще никакого Буша не знает, и я всё это выдумал с похмелья. А вот осознание этого трагического происшествия пришло ко мне почему-то только сейчас…

– Да, дела, царица лесная, – покручинился вместе с ним Полтавцев, которого уже охватило счастье предстоящего хмеля.

Похмелиться бы мне, братцы!
Ну, и в пьянку не сорваться…

Кстати, о Полтавцеве. Только сейчас, когда зрение у наших больных похмельной проказой персонажей немного прояснилось, все обратили внимание на одежду сторожа. На Серёже были тёмные штаны, да, не брюки, а именно штаны, в меру заношенные и грязные. А, например, на его тыкве пытливый взгляд писателя тут же отметил какую-то вязаную шапочку с невнятными заграничными буквами над правым ухом. Володя вспомнил, что именно с этой шапочки и началось увлечение Афанасьича английским языком,

когда два года назад Кулемзин наотрез отказался перевести ему написанное, а предложил самому́ выучить язык.

«Отмыть, накормить, дать выспаться в сытости», подумал Володя, «глядишь, на недельку и помолодеет!»

Молодеет всяк из нас,
кто не ест гнилых колбас, –
тот, кто пиво много пьёт,
долго в счастье проживёт!

Охранника с похмелья ни в коем случае не надо было показывать детям, потому что сейчас он выглядел как вурдалак, прибывший по распоряжению Стивена Арнольдовича Спилберга на съёмку фильма ужасов «Взрыв на Отцеябловском пивзаводе № 1». По идее, именно такой русский человек должен курить *приму*, лакать самогон и терпеливо дожидаться своей очереди на бесплатное усыпление. Его оттопыренные уши были прижаты к заросшим вискам, из-за чего он был похож на случайно ожившего мертвеца.

Не вызывала приятных ассоциаций и его рожа, похожая на разбитую просёлочную дорогу. Её (рожу, а не дорогу) в нашем великом литературном произведении, конечно, можно было бы назвать и лицом, если бы оно не приобрело тот зеленовато-жёлтый оттенок, какой присущ лишь телам утопленников на третий день *неприятности.*

Случай страшный на планете
вдруг случился не со зла:
утонул, но не заметил –
ванна с водкою была!

Внезапно схватив бутылочку «Жигулёвского», Серёжа вдруг сделал какой-то особо продолжительный и даже устрашающий для неподготовленного читателя глото́к, почувствовав, что жить стало лучше, жить стало веселей! И ту его пронзила мысль, ранее бывшая для него недоступной: «Оказывается, товарищ Сталин кое-что понимал в психологии похмельного советского человека…

Глава 43. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (О первых бутылочках, продолжение)

Вот Батыршин. Выставив вперёд неуставной животик, он вздыхал, точно беременная или, как называют её наиболее продвинутые колхозники, стельная корова. При этом военный что-то бормотал, затейливо переступая с ноги на ногу, как человек, которому неожиданно *приспичило.* Было видно, что его нервная система окончательно подорвана экзистенциальной сущностью бытия. Цвет лица́ Талгата сейчас напоминал нечищеную солдатскую бляху. «Острая мозговая недостаточность в крайне серьёзной форме», поставил мысленный диагноз Володя.

Если бы известный скульптор Эрнст Неизвестный задумал ваять статую, символизирующую *тотальную* безнадёгу, лучшей модели, чем Салихдзяныч, придумать было невозможно. Да и платить такой модели можно было немного – по бутылочке «Маршала» каждые полчаса.

Как-то раз из пластилина
стал лепить я Буратино.
Что за странный пластилин?
Получился лишь пингвин!

Внезапно старший прапорщик поймал себя на том, что ощущает в душé и теле какую-то пустоту или, если выражаться, по-военному, некомплектность. От такой сложной мысли рожа его немедленно изменила цвет и сейчас же стала такой красной, что Володе подумалось о том, что если еврейский зять с такой ряхой спрячется где-нибудь в помидорах, то отыскать его будет практически невозможно.

– О чём задумался, сынок? – спросил он военного страдальца, желая как можно быстрее узнать тайну такого поспешного перевоплощения.

– Да вот про тебя думаю, – натужно ответил трубач.

– Про меня?! – изумился писатель. – И что же именно?

– Ну, вот ты утром насыпал в кружку кофе, залил кипятком, размешал и выпил.

– И что, яйчики-бабайчики?

– А то, что этот ёкарный кофе кто-то перед этим сидел и *сублимировал*. Не могу перестать думать об этом! – неожиданно с надрывом закончил он мысль.

«Да», подумал Кулемзин. «Реанимация здесь вряд ли поможет…»

Мы с трудом, но всё же живы!
Мысль приходит по утрам:
«Кофе – это вам не пиво:
не поможет кофе нам!»

– Забей, сынок, – дал он стандартное напутствие унтер-корнету. – Лучше выпей ещё одну бутылочку – и будешь как новенький паяльник!

Но Талгат почему-то не ответил, и Альбионыч пригляделся к нему более внимательно, словно решил не пропустить того волнующего момента, когда так называемая душá отлетает от вполне реального физического тела. Батыршин выглядел так страшно, что Володя просто не смог удержаться от вопроса:

– Слушай, старичок, а ты в детстве случайно не читал книжку «Харакири: притворись его знатоком»?

Прапорщик в ответ укоризненно посмотрел на вопрошальца, словно голодный беспризорник на *красного педагога* Макаренко. Глаза его (прапорщика, а не Макаренко), ещё вчера вечером бывшие карими, сегодня сделались светло-серыми, как невский лёд, медленно тающий где-нибудь у причалов Петропавловской крепости.

И тут Кулемзин заметил, что, как выяснилось, его визави выпил уже два «Маршала» – и когда успел?!

– Талгат, а ты пиво ещё будешь? – садистски вопросил он.

Наступила гнетущая тишина, в которой внезапно стал слышен еле различимый треск, и всем показалось, что это от напряжения понимания происходящего потрескивают батыршинские мозги. От простого володиного вопроса его светлые устричные глаза съёжились, как под брызгами лимонного сока.

Крепко-крепко сжали створки
маленькие устрицы.
Эй, ракушки-черноморки,
доброе вам утреце!

Литератор поймал себя на мысли, что произнёс своё искреннее предложение медленно и раздельно, словно не слишком надеясь на то, что трубач понимает человеческую речь. И это предположение было сделано не на пустом месте, ведь вид у Салихдзяныча сейчас был такой же отвлечённый и безучастный, какой бывает у человека, занятого сво-

ими мыслями на скучном профсоюзном собрании. Не добавляло понимания в диалоге и то, что вчерашний перегар татарина был таким густым, что Кулемзин подумал о том, что если его (перегар, а не Кулемзина) поджечь, то Талгат мог бы оказаться лучшим за всю историю человечества исполнителем номера «Глотатель огня»!

Я отвагою не ме́лок,
полюбивши рублики,
и огонь глотают смело –
на потеху публике!

И, наконец, обратим внимание на четвёртого игрока в славной когорте покеристов. Это был Курманбаев. Тут же выяснилось, что обратил внимание на педагога не только автор нашего захватывающего повествования, но и Володя.

– А-а-а, ещё один солдат революции! – воскликнул он. и внимательно осмотрел персонажа.

Надо заметить, что Нуртай с похмелья выглядел не хуже и не лучше других, правда, смотрелся сейчас как-то обшарпанно, словно явился в Бермудский Учпучмак сразу же после дефолта. Прихлёбывая пивко, он невинно хлопал глазами, как сова, которую вытащили из дупла среди бела дня, но чувствовал, что с каждым глотком на душе́ немного легчало, потому что появилась хоть какая-то определённость в начавшемся дне..

Альбионыч на всякий случай ещё раз осмотрел ленинца, щурясь и складывая губы гузочкой, как это делают на вернисажах некоторые разборчивые посетители, подчёркивая тем самым свою причастность к миру искусства. Что же он увидел? У Мусаича было лицо ребёнка, вдруг узнавшего какую-то страшную тайну, и под бременем этой тайны внезапно постаревшего.

– Мать моя партия, ты чего на меня так смотришь? – наконец прорезался и голос педагога.

И если бы его (голос, а не педагога, хотя и педаога тоже) сейчас услышал какой-нибудь детский доктор, то он немедленно выписал бы пациенту таблетки от ларингита.

«По-моему, это как раз тот случай», подумал Володя, «когда говорят: «А мог бы жить да жить!»

Слышен мат пятиэтажный:
«Эй, вставай-ка, мать твою!»
Мог бы жить солдат отважный,
да в неравном пал бою!

– Что-то у тебя лицо какое-то… – попенял Володя.

– Какое? – стонущим голосом уточнил Курманбаев.

– Как говорят наиболее продвинутые портные, – перелицованное!

– Не понимаю, – в отчаянии прошептал Нуртай.

– Я имею в виду, – пояснил писатель, – что ты сними напряжение с лица, а то им скоро будет можно запускать динамо-машину!

– Пиво ещё будешь? – задал литератор тот же вопрос, что минутой ранее военному музыканту.

– Я… так сказать… как бы это поточнее выразиться… – начал элегию большевик, после чего икнув, продолжил:

– В смысле… одним словом… в крайнем случае, – закончил он, словно поражённый моторной афазией. Чувствовалось, что язык внутри нуртаевского рта залипал, и при раз-

говоре казалось, что во рту перекатывается небольшой бублик. Со стороны казалось, что коммунист жуёт слова́, как жлоб – последнюю макаронину.

«Вывернуть бы тебе чакру наизнанку», астрально подумал Альбионыч, и не подумай, мой читатель, что это было со зла.

Есть у каждого задача-макро
в этом, так сказать, земном пути –
изучить серьёзно свои чакры,
чтобы совершенство обрести!

Глава 44. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (О первых бутылочках, окончание)

В общем, если говорить совсем коротко, то зрелище глаз не радовало и душу не грело, ибо сцена, протекавшая сейчас на благословенной территории Бермудского Учпучмака, имела ярко выраженный сюрреалистический оттенок. Если же говорить длинно, то на эту тему можно понарассуждать ещё с десяток страниц, а то и более!

«Да это прямо-таки сюжет», подумал Кулемзин, «для полотна *передвижника* Ярошенко «Всюду жизнь!». Удивлённо глядя на сидящих перед ним людей, он (Кулемзин, а не Ярошенко) мгновенно провёл фейс-контроль участников предстоящего ралли, уже не удивляясь ничему, потому что как вчера и позавчера, а также как всегда, их лица поражали бледностью и (прости, русский язык) экстатическим дрожанием глаз.

И предо мною проходил
тоскливых лиц печальный ряд:
бульдог, сова и крокодил,
и десять сусликов подряд.
И хоть кричи, хоть не кричи –
вокруг тебя железный круг:
идут по кругу палачи,
и каждый – самый лютый друг!

«Вроде бы и печально», думал медицинский исследователь, «но, с другой стороны, какой всплеск чувств, впечатлений, потрясающих историй, которые хочется запомнить, судеб и характеров, которые может описать в своих произведениях только крупный и выдающийся писатель, коим, безусловно, являюсь я сам!»

На фоне персонажей «Русской кочерги», чьи мысли сейчас были заняты только одним – как бы раскрутить писателя на ещё одну бутылочку перед игрой – один только Альбионыч был радостным, как человек, обнаруживший в пустыне автомат с «Кока-колой».

Он торжественно поднял свою сохранённую бутылочку над головой и, чуть покачивая её рукой, так же торжественно провозгласил:

– А вот и она –
«Тянь-Шаня» полна!

Все завистливо смотрели на раскачивающуюся бутылочку, следя за ней глазами, как пациенты психиатра за блестящим молоточком. Видимо, это медицинское сравнение пришло в голову и Альбионычу, который в это время подумал: «Как говорит мой персональный психиатр Иван Иваныч Кишокер, всё в порядке – сдвиг есть!»

– Володя, кончай издеваться, – наконец произнёс Нуртай, а все остальные загалдели, как актёры, играющие на сцене толпу, и тогда стало понятно, что Курманбаев обратился к спонсору от имени всего коллектива.

«Дети советского охлоса[57]», умилённо подумал Альбионыч. «Может, дать им почитать книжку профессора Фекалина «Кормление ребёнка на 50-м году жизни»?»

– А вы, други мои, не хотите ли немного поиграть в русскую кочергу? – задал он, как тут же выяснилось, наивный и бессмысленный вопрос, на который, видимо, по-прежнему делегированный больными, ответил всё тот же Мусаич:

– Старичок, давай по-хорошему.

– А это как, яйчики-бабайчики? – уточнил писатель.

– Тем более, ты же сам в прошлой главе предлагал, – обрёл речь живописец Муравлёв, после чего все хором подумали, что вот, наконец, Валера и допился!

– Так по-хорошему, это всё-таки как? – ещё раз осведомился марсианин

Знают граждане, гражданки,
плюс известно докторам:
по-хорошему – *по банке*[58],
по-плохому – 30 грамм!

– Ну, ты нам, а мы тебе, – туманно объяснил педагог.

– А по-плохому? – уточнил Володя.

– А по-плохому, если только ты нам.

– То есть, что в лоб, что по лбу, всё равно мне расплачиваться?

– А что делать, святой Малевич? – продолжал обретение речи Николаич. – Диалектика, понимаешь…

– Хорошо, – решил литератор. – Исключительно из-за уважения к философии. Но предупреждаю сразу: по одной – и за игру!

На удивление, с этим кабальным решением согласились все, включая дядю Петю, который, как выяснилось, прятался недалеко от коллектива – в уже не раз упоминаемых в романе учпучмакских кустах.

– А я и схожу, – предложил он свою вьючную помощь.

А вот от этого все дружно отказались, ибо доверие старый моряк потерял раз и навсегда, когда однажды взял у такого же коллектива, только не покерного, а насквозь алкашиного, денег аж на 4 литра водки, но пропал, как в 1940 году голландский торговый корабль «Орандж Медан» – в Ост-Индии, а вернулся через три дня – без напитков и денег.

Пришёл сегодня я к реке,
кораблик у меня в руке.
Пускай в страну чудес плывёт,
друзьям привет передаёт!

«Кто же пойдёт за добавкой?», птичками замелькали в тыквах героев одинаковые мысли одной паскудной тональности. Совсем недавно вернулся из похода Афанасьич, так что отправлять его снова было как-то неудобно, и потому было решено *разыграть* очередного скорохода покерным вариантом. Кулемзин впервые за сегодняшний день взял в руки карточную колоду, попенял сам себе, что взял её не для игры, а для *забавы*, после чего сдал всем, включая художника, по одной карте *в открытую*. Выпало идти Курманбаеву, что он, конечно же, и сделал, но с великой неохотой во взоре.

[57] От гр. ochlos – толпа, чернь. В др-гр. учении о государстве (Платон, Аристотель) охлократия – власть толпы – прим. автора

[58] Так в Советском Союзе (б) выпивающие граждане называли поллитровую бутылку водки – прим. соц. редактора

Глава 45. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (О диагональном аргументе)

И тут случилось то, чего боялись все: Мусаич, отойдя от коллектива буквально на восемь шагов, неожиданно остановился, а, вернее, его остановил один дворовый ребятёнок, врезавшийся в педагога со всего маха. И до этого происшествия знатные бермудцы видели, что дворовые дети носились туда-сюда с заметно бессмысленной энергией, а Володя даже подумал о том, что с такой завидной энергией бегают или на Олимпийских играх, или от медведя, разбуженного зимой и злого до ненормальности. Не добавляло примирения с похмельной действительностью и то, что эти маленькие монстры при передвижениях кричали так, как будто им всем одновременно подожгли штаны.

Провинившийся ребятёнок, пойманный Курманбаевым за руку, теперь смирно стоял возле него и ожидал своей участи. А участь его, как, вероятно, уже догадался мой умный читатель, была незавидной. И игроки, и примкнувший к ним Муравлёв знали, что большевика теперь ничто не остановит от непременной лекции о нравственности, морали, добродетельности и порядочности, не говоря уже о честности, благородстве и даже (прости, русский язык!) дидактичности.

Хоть для вас и поздновато
(год остался до женитьб),
научу вас, пацанята,
по понятиям как жить!

– Вовка, – тяжёло поглядев на Нуртая, обратился к писателю сторож, – вот ты мне скажи: почему твои литературоведы такие дураки?

Кулемзин, который как раз допивал вторую бутылочку, тут же поперхнулся, и все некоторое время ждали, пока могучая длань прапорщика не выбьет из его спины всю скопившуюся за ночь пыль.

– Крррр… кгхмммм… хмрррр… – наконец пришёл в себя знатный саксаульский литературовед. – Старичок, за что же ты нас так?!

– А чего они, мать честнáя, говорят, что Пушкин – это наше всё? Наше всё – это ведь пиво!

– Серёжа, – печально посмотрел на страдальца Альбионыч. – Человек, как хорошо известно из книги профессора Фекалина «Общий курс схоластики», хозяин своей Суки-судьбы. Честно говоря, я не очень согласен с этим утверждением, но что-то в нём есть…

– В пиве? – уточнил художник.

– В утверждении, яйчики-бабайчики, – уточнил писатель.

– А-а-а, – согласился с ним Афанасьич.

Набивши шишку не одну,
уразумел до боли я:
нельзя дразнить, идя ко дну,
начальство, дедушку, жену,
а уж судьбу – тем более!

– Слушай, старик, – видя, что Мусаич и не думает заканчивать свою педагогическую поэму, попросил марсианина Батыршин, – может, пока расскажешь нам что-нибудь – для процесса сокращения времени?

– Да это-то можно, – не стал отнекиваться штатный учпучмакский лектор. – Вот только что? Разве что поведать вам о диагональном аргументе?

– А это что ещё за зверь? – удивился Афанасьич. – Никогда об таком не слышал.

Все немного посмеялись, так как на свете осталось ещё 842 миллиона 396 тысяч 448 вещей, о которых никогда не слышал сторож, вовсю тянувшийся к ненужным знаниям.

– Хорошо, – согласился энциклопедист. – Диагональный аргумент, Серёжа, это доказательство теоремы Кантора.

– Кантор, Кантор… – неожиданно забормотал художник, подняв очи к живописному небу цвéта амианта. – Это не тот ли Георг Георгович, который был учеником у самогó Карла Теодоровича Вейерштрасса? Кстати, Володя, рот закрой.

– А как ты? – с ужасом глядя на Валеру, спросил Салихдзяныч, который в очередной раз подумал о том, что надо бы плотнее общаться с лучшим философом второго микрорайона – для набирания знаний, которые могут пригодиться в жизни и даже на службе.

– Да учиться, святой Малевич, надо было лучше в своё время, – объяснил Муравлёв. – А не постигать там разные приёмчики убегания от локального ядерного взрыва…

У прилавка в магазине,
чтоб не видела жена,
тот философ объяснил мне:
водка лучше, мол, вина!

– Вы это прекращайте, – твёрдо оборвал их Полтавцев. – Так что там с аргументом, Володя?

– Да всё просто. Любой, кто это поймёт, легко докажет теорему Кантора о том, что множество всех подмножеств данного множества имеет бóльшую мощность, чем само множество.

– Действительно, просто! – обрадовался экс-текстильщик. – Утверждаю!

– Что именно?

– Ну, ты спрашивал, не рассказать ли нам об этом? Утверждаю: рассказывай!

– Так, собственно, всё, – огорчился тугоумости слушателя писатель, а в данное время большой учёный.

– Как всё? – расстроился охранник. – А само доказательство?

– Экий ты настырный, – удивился Кулемзин. – Ну, хорошо, слушай. Пусть есть взаимнооднозначное соответствие, которое каждому элементу $\boldsymbol{x}$ множества $\boldsymbol{X}$ ставит в соответствие подмножество множества $\boldsymbol{X}$. Пусть $\boldsymbol{d}$ будет множеством, состоящим из элементов $\boldsymbol{x}$ таких, что $\boldsymbol{x} \in \boldsymbol{s_x}$ (диагональное множество). Тогда дополнение этого множества $\boldsymbol{s} = \boldsymbol{d}$ не может быть ни одним из $\boldsymbol{s_x}$. Следовательно, соответствие…

– …было не взаимнооднозначным! – закончил Серёжа и воскликнул ещё раз:

– Действительно, просто! Только, Володя, ты дальше не рассказывай, а то…

Он показал пальцем на остальных членов покерной хевры и сочувствующих ей, и тут оказалось, что Талгат и Валера уже как минуту впали в незапланированную интеллектуальную кому.

Смысл науки слишком плотен,
кроме, правда, одного:
много умники молотят,
но по делу – ничего!

– Да, этого я как-то не учёл, – расстроился Кулемзин. – Действительно, пора заканчивать умные мысли…

– Ладно, – согласился сторож. – Ты напоследок только одно проясни: вот этот значок между $\boldsymbol{x}$ и $\boldsymbol{s_x}$ – это что такое?

– $\in$? – уточнил учёный.

– Да, – подтвердил друг учёного.

– А это значок принадлежности к множеству. Он так и читается – *принадлежит*…

Полтавцев достал из котомки заветную книжечку «Для му.мы.» и на чистой страничке аккуратно записал поразившее его открытие: «Он так и читается – принадлежит», после чего припрятал блокнотик обратно и поглубже – в полной уверенности в том, что только что полученное знание отныне навсегда изменит его жизнь.

Сообщают в некрологах
подведение итогов:
тот, кто знает слишком много,
тот живёт совсем недолго…

Глава 46. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (О собственно процессе)

Наконец произошло долгожданное: Курманбаев, приведя дворовым детям примеры из жизни великих педагогов прошлого Макаренко, Корчака, Штайнера и Ушинского, исчерпал все аргументы, оставил малолеток в покое и отправился в сельпо Калимы.

– Надо было просто так его не отпускать, – пробормотал Альбионыч.

– А как, царица лесная? – поинтересовался охранник, уже жалея о том, что так глубоко засунул в хурджин заветную книжицу.

– Да надо было этому иблисову Нуртаю в путевой лист поставить вот такой штамп

МЕДОСМОТР ПРОЙДЕН
К РЕЙСУ ДОПУЩЕН
Подпись _____
« ___ » _____ 20___ г.
Время _____

И тут Альбионыча как громом пробило: он уставился на котомку бывшего текстильщика, а потом хлопнул себя по лбу, хотя, по правде, надо было хлопать охранника.

– Серёжа, а почему твоя котомка с тобой? – шёпотом осведомился он у охранникаа.

– А где же ей быть? – удивился сторож. – Я такую ценность редко кому доверяю, разве что только пива принести…

И тут до него дошло! Он посмотрел в южную сторону города – туда, где и располагалась лавка Калимы, и растерянно пробормотал:

– А Нуртай с чем за пивом пошёл?

После чего сорвался с места и, прихватив с собой девайс, побежал в гнездо порока.

В магазин везут продукты,
но не овощи, не фрукты –
сыр, сметану и творог,
глазированный сырок,
привезли издалека
три бидона молока.
Очень любят дети наши
йогурты и простоквашу –
это им полезно очень,
магазин ведь наш молочный.
Почему же я, дурак,
водку там купил – для драк?!

И, как выяснилось, это было сделано вовремя! В магазине Афанасьич застал как раз тот момент, когда большевик уже купил пивко и теперь тщетно озирался вокруг – видимо, в надежде, что заветная котомка свалится ему сейчас на голову. Но свалилась она всё-таки через дверь – вместе с повторным приходом Серёжи в лавку. И уже через каких-то полторы минуты оба доставляльца чинно уселись на покерные скамеечки – рядом с заждавшимися коллегами по пивному промыслу.

Вновь защёлкали металлические пробки, и по пыльной территории Великого Треугольника вновь пронёсся хмелевый запах напитка. И надо ли говорить, что пыль эту добавляли в и без того не слишком свежий летний воздух дворовые дети, которые сейчас одновременно щебетали, размахивали руками, сверкали голыми коленками и крутили головами, рассекая воздух прядями и косичками, отчего очень напоминали сброшенные с самолёта в партизанский лес фашистские листовки с требованием прекратить сопротивление и сдаться.

– А знаете ли вы, друзья мои, – торжественно произнёс Володя, – что через пиво в нас вливается так называемый дух святой?

– Да ну? – усомнился сторож

– А кто не верит, яйчики-бабайчики, тот может отправляться домой!

– Нет-нет, – тут же открестился от своего неверия Полтавцев. – Я уже почувствовал: вот прямо сейчас в меня что-то начало вливаться! – после чего, видимо, для подтверждения своих слов сделал циклопический глотóк из плохо пахнущей бутылочки «Жигулёвского»

«Два похмельных русских, похмельный саксаулец, похмельный татарин и практически трезвый марсианин!», подумал Володя. «Прямо-таки какой-то Двадцать Восьмой Интернационал!!

Национальность может быть любая,
но все от пива мы заболеваем!

Постепенно ко всем присутствующим – разумеется, на покерной скамеечке, так как в Бермудском Учпучмаке толклись и другие персонажи – стал возвращаться здоровый скептицизм, помогающий выжить среднему жителю Республики Саксаулия. С каждым новым глотком судьбоносного напитка смысл жизни, о котором так любят талдычить в своих сочинениях философы, становился очевидным, как таблица умножения, придуманная неким Пифагором Мнесарховичем Самосским.

На душé у Кулемзина стало не только хорошо, но и стихоносно. Ему внезапно остро захотелось побыть наедине с природой и поплакаться в её цветастую жилетку. Строчки всплывали прямо из сердца, точно жуки-плавуны из придонной травки.

– Я вижу, святой Малевич, – заметив его состояние, сделал вывод Муравлёв, – что у тебя какие-то строчки всплывают прямо из сердца! Может, поделишься?

Альбионыч не стал чиниться и продекламировал своим товарищам недавно сочинённую басню, хотя смутно подозревал, что что-то подобное когда-то уже было написано до него. Успокаивало только то, что своё стих был придуман как раз про пиво:

Уж сколько раз твердили миру,
что лесть – фигня, реальна только сила,
и в сердце гад всегда отыщет уголок…
Васильич где-то раздобыл бутылку пива;
на лавочку Васильич взгромоздясь,
открыл её, негромко матерясь,

да закурить решил, а пиво он в руках держал.
На ту беду менты близёхонько ходили.
Вдруг дух пивной ментов остановил:
менты, блин, видят пиво,
ментов тот дух пленил!
Менты толпой к Васильичу подходят,
вертя́т дубинками, ПМ[59] с него не сводят,
и говорят так сладко, чуть дыша:
– Эй, ты, на лавке! Документы дай!
На фотку не похож, прописка здесь поддельна,
ты только рыпнись, блин, пятак сломаю вмиг!
Мы личность выяснять три дня имеем право!
Вдруг ты, блин, террорист?! Иль может педофил?
Что ежель гражданин,
при внешности такой ты фетишист проклятый?
Ведь ты б у нас тогда совсем пропал!»
Васильича с угроз вскружилась голова,
от бешенства в зобу дыханье сперло, –
и на приветливы ментовские слова
Васильич им отдал бутылку пива!
Менты с добычей были таковы…

– Да, слабовата йодистая рифма, – попенял стихотворцу военный трубач. – Но зато какая правда жизни! Так что – ёкарный зачёт!

– Володя, – решил проявить участие в судьбе литератора охранник, – скажи, а трудно быть поэтом?

Писателю, которому не хотелось снова отвлекаться от пивка, быстро, но туманно объяснил ему (Серёже, а не пивку), что, например, Ленин писал свои бессмертные произведения на пеньке возле шалаша и не жаловался. По сравнению с остальными, он (писатель, а не Ленин) чувствовал себя просто превосходно, как если бы всю ночь врачи-реаниматологи делали ему переливание из капельницы с «Тянь-Шанем»

– Кстати, други мои, предлагаю этими светоносными глотка́ми обмыть мой сегодняшний персональный праздник.

– А у тебя чё, мать честна́я, день рождения, чё ли? – вопросил экс-текстильщик.

– Нет, этот праздник особенный, – улыбнулся Альбионыч. – Сегодня с утра я иду на побитие собственного рекорда по количеству прожитых мной дней.

– А это сколько, мать моя партия? – заинтересовался Курманбаев.

– 18391 день! – с гордостью ответил юбиляр.

– А как ты посчитал?

– С помощью Внеземного Разума, – просто объяснил марсианин. – Обращаюсь, знаете ли, к нему по удобным случаям, ведь только Внеземной Разум, в отличие от нас может при подсчётах учитывать лишний день в високосных годах!

Я от мысли холодею,
как зимою старый пень:
«Високосный год длиннее,
чем обычный! Но на день…»

[59] Пистолет Макарова – самозарядный 9-мм пистолет, разработанный советским конструктором Н. Ф. Макаровым в 1948 году. Является личным оружием в советских и постсоветских вооружённых силах и правоохранительных органах – прим. воен. редактора

Глава 47. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (О собственно процессе, продолжение)

Гулкий колодец двора нависал над Бермудским Учпучмаком высохшими за ночь до облупливания извёстки стенами окружающих домов. Линялым флагом Республики Уагадугу над ними трепетало небо, потерявшее к утру все свои красивые коньячные звёздочки. Но наши герои не видели этой красоты, погрузившись в действо, которое, как они надеялись, могло вернуть их интерес к жизни. Они пили пивко. Припав каждый к своей бутылочке, будущие игроки и сочувствующий им живописец словно бы погрузились в сон, как в болото, покрытое проплешинами изумрудного мха.

Взглянув на членов подотчётного ему коллектива, Володя невольно вспомнил фильм о вскрытой усыпальнице фараона и подумал о том, что египетский *пахан*, даже несмотря на свой весьма преклонный возраст и кучу бинтов на теле (б), сегодня выглядел несколько свежее вот этих.

Говорили санитары:
«Пей-ка бром быстрее –
фараон куда как старый,
а стоит в музее!»

Местный римейк суриковской картины «Утро стрелецкой казни», как и ранее, протекал на так называемых покерных скамеечках, хотя сейчас никто из сидящих на них о покере, который назывался здесь *русская кочерга*, не помышлял. Кулемзин, который во всём не любил неопределённостей, давно называл эти скамеечки по-своему, но партнёрам об этом не говорил, потому что думал, что человечество в их лице ещё просто не доросло до такой мудрости. Левая скамеечка была названа им именем Индиры Джавахарлаловны Ганди, а правая – именем её отца Джавахарлала Мотилаловича Не́ру, сам же покерный столик предполагалось в будущем (путём всеучпучмакского референдума) назвать именем отца-основателя. Кстати, старушечий столик, или, как называл его Кулемзин, СС, предполагалось переименовать в ОПК, или Объект имени Подкидного Дурака.

Важнейшее в жизни наших героев мероприятие вначале проходило спокойно, тихо и даже где-то скучно. Все молчали, изредка похлюпывая неспокойным пивком, которое, будучи несколько загазированным производителями, так и норовило выскочить из бутылочек как можно быстрее, по пути обливая всё, до чего могло дотянуться своими весёлыми пивными пузырьками.

Впрочем, такое молчание не могло быть слишком долгим. Вот и сейчас Салихдзяныч внезапно схватился за голову и тяжело застонал. Все дружно посмотрели на страдальца и отметили, что тот сейчас выглядит как намёк на принудительное лечение в ЛТП[60].

Жили, словно мы в могиле,
вспоминая слово *мать*, –
в ЛТП трудом лечили,
не давая нам бухать!

– Что, царица лесная, не отпускает? – сочувственно спросил его Серёжа, но трубач, не в силах сказать ни слова, только показал куда-то влево.

[60] Лечебно-трудовой профилакторий. В СССР (б) – вид лечебно-исправительного учреждения, предназначенного для тех, кто по решению суда направлялся на принудительное лечение от алкоголизма. Кстати, первый в стране ЛТП был открыт в 1967 году в Саксаульской Советской Социалистической Республике – прим. юр. редактора

Все повернули головы в сторону восточного катета Бермудского Учпучмака и увидели, как по нему в направлении улицы Жубанова шла какая-то женщина, стуча каблуками по асфальту, как метроном.

«До боли известная картина искусственной стерилизации мозга!», воскликнул писатель, но, как уже понял мой внимательный читатель по вот этим кавычкам, исключительно про себя, поэтому столь проникновенная фраза никого не впечатлила.

– Володя, ну почему с похмелья так болит голова? – наконец выдавил страшно длинную фразу военный музыкант.

– Это очень просто, – объяснил Альбионыч. – Всё происходит потому, яйчики-бабайчики, что от алкоголя мозг уменьшается и, болтаясь внутри тыквы, бьётся об стенки.

– Да ты что! – удивился Талгат. – А почему же после опохмела эта йодистая штука перестаёт болеть?

– Так мозг же уменьшается ещё больше, – удивился его бестолковости научный лектор, – и уже не достаёт до стенок.

– Поразительно! – воскликнул Полтавцев и на всякий случай достал блокнотик «Для му.мы.». – А ты не знаешь, от чего у людей вообще бывает похмелье?

– Знаю, – мечтая завершить неожиданную лекцию, произнёс Володя. – Просто когда человек пьёт алкоголь, в организме погибают все микробы, а с утра оставшиеся в живых устраивают поминки…

Порой похмельные страданья
нам позволяют заглянуть
в сокрытый смысл немирозданья,
в неизъясняемую суть!

Серёжа тут же нашёл чистую страничку и торопливо накаракулировал: «Когда кто-нибудь сдохнет, и мы устраиваем по нему поминки, тогда оказывается, что все, кто остались в живых, это микробы!». Он ещё раз перечитал написанное и подумал, что обязательно покажет эту научную мысль вечером своей подруге Зуле.

Не лучше старшего прапорщика выглядел сейчас сидящий рядом с ним живописец, остатками похмельного мозга думая о своей супруге Наташе, которая из-за его пьянки вот уже который день была вынуждена скитаться по чужим… тьфу, родным людям в лице её мамы. Вспомнив жену, Валера загрустил ещё больше, после чего решил сегодня надраться как следует, базируясь на традиционной национальной русской теории *никто меня не любит.*

Одно было хорошо: Муравлёв пил не один, ибо питьё в одиночку заканчивается сами знаете чем! Кулемзин, например, хорошо понимал художника: он знал, что *нашему* человеку пить в одиночку обидно и тоскливо. Это было всё равно, что пить с диктором телевидения, или с календарём – за понедельник, за четверг, за субботу…

Сочиню такую строчку:
«Трудно пить нам в одиночку!»

Марсианин прислушался, так как выяснилось, что насквозь творческая личность сейчас что-то тихонько бормотала, как будто выплакивала свои горести у еврейской Стены Плача. Выглядел Валера жалко, как импотент, заброшенный садистами в раздевалку парижской «Мулен руж»[61]

[61] «Красная мельница» – фр. Знаменитое классическое кабаре в Париже, построенное в 1889 году, одна из достопримечательностей французской столицы – прим. автора

Даже вдалеке сидящим старушкам, которые к тому времени уже собрались на сегодняшнюю битву в подкидного дурака, было видно, что лицо художника было недовольным и хмурым, как у родственника покойного, глаза выглядели пустыми, точно пересохший пруд, а улыбка, если она вдруг случалась – невпопад и в никуда – получалась натянутой, словно губам стало больно, а лицевые мышцы заломило, как коленку ревматика перед ливнем.

– Кстати, Валера, – обратился к нему Кулемзин, чтобы хоть немного вывести из тягостного состояния, – ты слышал, что наше родное саксаульское МЧС объявило конкурс на лучший памятник перед входом в министерство? Между прочим, проект, занявший первое место, они оценили в 100 тысяч назарбаксов.

– Ух ты, святой Малевич! – обрадовался саксаульский роден, и Альбионыч понял, что нашёл правильную тактику творческого опохмеления. – А что там надо изобразить?

– Точно не знаю, но могу помочь идеей. Серёжа, запиши, а потом отдашь листок Муравлёву. Итак, назови свою скульптуру «Противоминин и Противопожарский»!

Полтавцев аккуратно открыл книжечку «Для му.мы.» и неспешно записал на чистой страничке:

«В брезентушных шароварах,
чтоб народ вокруг воскрес,
против минов и пожаров
мы воюем в МЧС!»

, после чего вырвал листок и отдал его живописцу. Николаич вгляделся в кривые строчки, не понял ни слова, но тщательно сложил бумажку в 8 раз и спрятал в карман штанов. Затем он поднял голову и увидел лицо литератора, который ждал от него ответа на своё предложение.

– Да нет, – начал отдакиваться и одновременно отнекиваться художник, – у меня же просто нет времени для такой глобальной работы – то одно, то другое…

– … то пивасик, то водочка! – подхватил сложную мысль сторож.

– Вот именно, – солидно подтвердил несостоявший саксаульский вучетич.

– Ну, тогда сделай что-нибудь совсем простое, – предложил Володя. – И продай это простое в какой-нибудь ресторан – для заработка.

– Идей нету, – отозвался Муравлёв. – Мне хотя бы название…

– Пожалуйста, – не стал чиниться Кулемзин. – Запоминай: «Медведи на лесоповале» художника Шишкина-Колымского!

– Так это же картина, а нужна скульптура.

– Пожалуйста, – ещё раз ввернул в разговор не слишком популярное вводное слово писатель, – тогда скульптура «Безрукая, или Венера Милосская на русской кухне»

Соседка возвратилась из музея –
теперь ей о скульптурах всё известно:
и то, что пенис мал у Прометея,
и то, что он теплее, чем у Зевса!

Глава 48. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (О собственно процессе, ещё одно продолжение)

Ну, а что же двое остальных игроков-одноэтажцев, то есть Полтавцев и Курманбаев? Неужели эти квартировладельцы в доме № 16 выглядели в столь тревожные и одновременно сладостные минуты лучше, чем другие учпучмакцы? Конечно же, нет, если не сказать ещё честнее!

Особенно живописно выглядел Серёнька – словно сошедший персонаж ненаписанной картины Муравлёва «Плод неудачных фантазий пластического хирурга, купившего диплом в подземном переходе на улице Великих Саксаульских Преобразований (бывшей им. Ленина)». Сейчас он был бледен, точно рыбье брюхо, и выглядел как Брежнев – после тяжёлой и продолжительной болезни.

«Интересно, далеко слышно, как у меня мозги скрипят?», озаботился случайной мыслишкой сторож. «Ведь скрипят, падлы, вот-вот дым пойдёт…», но его только было начавшиеся мысли перебил его же голос.

– А я вот вчера вечером, когда домой добрался, телевизор включил, – поделился он воспоминаниями. – Гляжу, мать честнáя, а там *дедушку* показывают!

– Да ну? – на всякий случай отодвинулся от него Талгат.

– Да вот тебе истинная геометрическая фигура, состоящая из двух или более пересекающихся линий или прямоугольников, – сотворил кривоватое крестное знамение бывший текстильщик. – Вижу: под ним облака, океаны, города, а он стоит в таком скромном костюмчике и при галстуке, да про погоду завтрашнюю… тьфу, сегодняшнюю… рассказывает!

Приятно поругать погоду,
прогноз на завтра злополучный,
но не обманешь ты природу,
и климат тоже не улучшишь!

– Да, когда нажрёшься, – глубокомысленно заметил Николаич, – и не такое приснится. Вот мне, например…

Но присутствующие так и не узнали, что же снилось когда-то художнику, потому что, не слыша его, продолжал свои бредни Афанасьич.

– Такая жара, – прихлёбывая из бутылочки «Жигулёвское», делился счастьем он, – что пришлось спать в чём мать родила – в трусах и майке!

Здесь Нуртай понял, что в коллективе, который и до этого момента отличался крайней чёрствостью, про него просто забыли.

– И мне, и мне сегодня, мать моя партия, какой-то кошмар приснился! – затараторил он скрипучим голосом ветерана Беломорканала.

– А можно подробнее? – попросил его охранник и даже приготовил книжечку «Для му.мы.»

– Да забыл! – с сожалением поведал ленинец, и сторож досадливо спрятал заветный блокнотик обратно в котомку, причём от огорчения сотворив такое лицо, что всем стало ясно: вот же он, лидер ежегодного слёта деревенских идиотов! К тому же, всем присутствующим было хорошо известно название этой деревни – Семижопино.

Но, к счастью, всех, кто сидел сейчас на покерной скамеечке, с суровой похмельной действительностью примиряло только пиво – лучший в мире реанимационный напиток, придуманный русскими за миллион лет до рождения одного библейского персонажа.

По траве бродят кошки и ёжики,
а на крыше – ворóны рядком.
Оживленье души́ искорёженной
происходит холодным пивком…

И вот это заявление автора – насчёт миллиона лет и русских – он просит своего читателя не считать бредом, так как совершенно убеждён в этом историческом факте. А в доказательство приведёт сейчас то, что совершенно отсутствует в других языках мира, коих

на сегодняшний день, как известно Счётной комиссии Парижской Академии наук и ремёсел, насчитывается аж 6892. Ведь только русские назвали то, что варят, вареньем, то, что пекут, – печеньем, а то, что пьют, – не квасом, не кефиром и не какой-то банальной кока-колой, а именно *пивом*!

Мысль свою я спрячу в сейф:
«Пили мы не то, что все!»

– А я вот слышал, – выдавил из себя Полтавцев, – исключительно для того, чтобы с этого момента все считали его умным, – что с похмелья лучше всего помогает *крепкое* кофе: выпьешь его па́ру больших кружек – и изо рта *вчерашним* меньше воняет…

– Можно, Серёжа, конечно, и так попробовать, – отозвался на его научную мысль Кулемзин. – Но для начала запомни афоризм одного великого человека, правда, из огромной природной скромности я не смогу назвать тебе его фамилию:

К тому, кто пьёт слишком много кофе,
однажды придёт его сердце и спросит:
«Ничего, что я без стука?»

– Да это же Ленин сказал, – подтвердил военный трубач. – И чего тут, спрашивается, скромничать, покойнику-то уже всё равно!

«Вот сволочь!», адресно подумал большевик, который страшно не любил, когда в разговорах издеваются над его кумиром детства, юности, молодости, зрелости и текущего момента. «Ну, я тебе сейчас устрою!». И неожиданно, срывая голос от волнения, пропел куплет одной из лучших песен, которые знал:

– Красоту увидеть в некрасивом,
разглядеть в ручьях разливы рек…
Кто умеет в буднях быть счастливым,
тот и впрямь советский человек!

И партийное колдовство сработало! Старший прапорщик, едва услышав торжественный голос Мусаича, опрометью бросился в уже и без того неоднократно поруганные бермудские кусты, откуда через мгновение стало слышно его отношение к Ильичу I, песням тревожной молодости и самому́ Курманбаеву. Но партийцу этого было мало: вслед за военным ураганом понёсся ещё и припев:

– И поют дороги и мосты,
краски леса и ветра событий,
звёзды, птицы, реки и цветы:
«Дорожите счастьем, дорожите!»

«Вот же СУКА!», наблюдая картину случившегося безобразия, подумал Альбионыч. И не подумай, мой благонравный читатель, что главный герой романа «Русская кочерга» вот так запросто употребляет такие нехорошие слова, ибо то, что сейчас про себя произнёс писатель, было обычной (прости, русский язык!) аббревиатурой, которая расшифровывалась очень просто:

Сомнительные
Удовольствия
Кулемзинского
Антипода

Глава 49. ОПОХМЕЛЛЕНИУМ (О собственно процессе, окончание)

Словно услышав мысли литератора, Нуртай горько изобразил мучающую потомков улыбку Лизы Бартоломеовны Герардини или, проще говоря, Джоконды. Сейчас он выглядел как типичный представитель исторической общности людей, называемых советским народом. Салихдзяныч же, через какое-то время вернувшийся в коллектив, смотрелся не в пример партийцу ужасающе – как неудачливый гражданин с санпросветовского плаката о диарее, случившейся после первой пробы заморского батончика «Баунти»

Сверху шоколадка,
а внутри кокос:
было очень сладко,
а теперь понос!

– Не морщи эллипс, старичок! – подбодрил его Володя и подумал: «Да, яйчики-бабайчики, без взаимной индуктивности продвигаться в сегодняшнее будущее будет совершенно невозможно…»

Батыршин, как видно, всё никак не мог отойти от запланированного извержения. Он сидел на покерной скамеечке притихший и только тёр себе глаза, как будто они пострадали от произошедшего больше всего.

– Что с тобой, Толик? – странно озаботился его сосед по скамеечке, а вот кто это был, мой читатель сразу же догадается сам – по следующей фразе:

– Болит, что ли, святой Малевич?

– Да что-то я ни хрена не вижу! – простонал музыкант. – Что со мной?

– А что ты вчера последним пил? – заинтересованно спросил его единственный научный диагност в этой хевре.

– К-к-кажется, ёк-к-карный к-к-коньяк, – начал заикаться унтер-корнет.

– Тогда не расстраивайся, – успокоил его Кулемзин. – Скорее всего, у тебя обычный *коньяктивит*!

– А это проходит? – тревожно поинтересовался Афанасьич. – А то как бы мы, царица лесная, не потеряли одного игрока…

– Не волнуйся, Серёжа. Ещё па́ру глотков «Маршала», а именно столько осталось в бутылочке Салихдзяныча, – и излечение гарантировано.

Надо ли говорить, что предсказание лечащего врача всего коллектива тут же подтвердилось!

Страх, конечно, мой ничтожен,
так что, *дедушка*, прости! –
только пиво мне поможет
жизнь в цветочках обрести!

Писатель глядел на своих будущих соперников со странной *запечатлённой* улыбкой, какая обычно бывает у человека, пытающегося по возможности весело поведать о своих несчастьях. Он был спокоен, как бог посевов Сатурн во время своих плановых вакханалий. Разглядывая страшную в своём похмельном сплочении компанию, он (писатель, а не бог посевов) отвернулся в сторону, как это делают провинциальные актёры на сцене и тихо пробормотал:

– Дети, крепитесь, с вашим дядей Авелем произошло несчастье…

Невооружённым глазом было видно, что сегодня, как, впрочем, и всегда от Альбионыча исходил могучий, совершенно несокрушимый оптимизм.

В это время к литератору подошла его бывшая кошечка Несси, которая теперь нашла прописку в соседской квартире у Анны Петровны, и, приветственно промурлыкав, запрыгнула к нему на колени. Володя погладил замеревшую от счастья киску, затем ещё раз бросил взгляд на окружающих его героев нашего блистательного повествования и подумал о том, что надо бы отвлечь их от мыслей о жизни, после чего спросил:

– А знаете ли вы, други мои, что некий Есенин, которого, как хорошо известно литературоведам, назвали в честь нашего товарища Серёжи Полтавцева, изначально написал стихотворение «Ты жива ещё, моя старушка?» как эпиграф к так и не написанной книге некоего Достоевского «Преступление и наказание-2»?

При этих словах Несси, несмотря на страшные запахи, которые издавали люди справа, слева и прямо от бывшего хозяина, заурчала ещё громче – как деревенский мотороллер, у которого в момент ремонта дёргается *ведущая звезда*, передачи – от первой до второй – переключаются, но на третьей агрегат глохнет всего лишь на 6000 оборотах.

Я, педаль нажавши, очень бледен –
ну, не получается полёт,
не могу кататься на мопеде:
страшно он трещит – как зимний лёд!

Охранник, который услышал володины слова, прозвучавшие как мёдом по сердцу, напыжился и ненужно загордился. И только Нуртай, у которого любые слова Кулемзина вызывали (прости, русский язык!) идиосинкразию, горько подумал: «Как же он всё-таки чужд сердцу истинного ленинца!». Как бы в ответ этим паскудным мыслям марсианин холодно кивнул Курманбаеву – с видом португальского короля, к которому в окно дворца заглянули известные русские ханыги Витёк и Димон и попросили штопор.

– Да, Валера, – обратился почему-то к одному лишь Муравлёву сторож. – Пиво, царица лесная, – это залог здоровья…

Но откликнулся на этот лозунговый призыв не художник, а всё тот же писатель:

– …и основа счастья!

– Ну, знаете ли, мать моя Октябрьская революция! – возмутился педагог, который хорошо помнил ленинские слова из Полного собрания сочинений о том, что «Наша победа в классовой борьбе есть истинное счастье пролетариата!»[62]

Пролетарии всех стран,
бейте в красный барабан!
Сил на это не жалейте,
не глядите вкривь и вкось –
в обе палки вместе бейте
так, чтоб небо затряслось!

«А расскажу-ка я своим собуты… тьфу, сопокерникам… анекдот. Может, искренний весёлый смех поспособствует тому, чтобы великая русская игра, ради которой мы и собираемся здесь каждый день, началась как можно скорее», подумал Альбионыч. А вслух произнёс резюме подуманного:

– Анекдот, яйчики-бабайчики.

[62] В. И. Ленин, ПСС[63], т. 26, стр. 36, статья «Положение и задачи социалистического интернационала» – прим. полит. редактора

[63] Эту аббревиатуру герой романа Кулемзин расшифровывал по-своему: Подменённое Состояние Сознания – прим. автора

– Давай, святой Малевич! – разрешил от имени всего коллектива живописец, который как раз дохлебал последние капли из бутылочки «Тянь-Шаня»

– Итак, анекдот, – ещё раз объявил литератор и приступил к рассказу:

– У одного мужика была гулянка. И вот наутро ему, как вы догадываетесь, стало плохо, короче, похмелье, голова болит. И вдруг звонок в дверь. Он открывает, смотрит: стоит перед ним девочка с ящиком пива.

– Класс, мать честная! – восхитился экс-текстильщик. – Вот мне бы так!

Володя строго поглядел на восклицальца и продолжил:

– Девочка, это мне, да?

– Да, дяденька, вам!

– А ты кто, тимуровка?

– Нет, дяденька, я белая горячка!

Не бей, охотник, бéлок –
не будь таким жестоким,
не делай алкоголика
ещё и одиноким!

Закончив анекдот, Кулемзин тонко улыбнулся и посмотрел на слушателей, но искреннего весёлого смеха, ради чего и задумывалась эта история, он почему-то так и не услышал. И понял тогда марсианин одну земную истину, которая до этого дня не давалась его космическому разуму:

Желание похмелиться лучше самóй пьянки,
ибо надежды — лучше действительности…

Глава 50. О ФИННАХ И ОЛИМПИАДЕ (Хронотоп № 30)

– Я не понял, – наконец нарушил молчание Полтавцев. – Она чё, ему так и не дала?

– Кто кому? – уточнил литератор.

– Да пионерка эта – алкашу!

Все немного посмеялись, а Салихдзяныча неожиданно пробило на воспоминание:

– Мне всегда хорошо пилось, а закуска никогда не лезла. Поэтому я любил *это дело* запивать. Но лучше всего мне запивалось во время олимпиады, помните, в 80-м году была? Тогда, как с неба, посыпались и кока-кола, и пепси-кола, и фанта какая-то…

А вот у Володи, едва он услышал слово *олимпиада*, внутри тренькнул какой-то звоночек, который и вызвал очередной Хронотоп нашего романа. Итак…

Голова как бандеролька,
в коей всё внутри темно:
хорошо я помню только
то, что было так давно!

История о финнах, которую я хочу рассказать, случилась очень давно, и сейчас, конечно, забыта. Хотя по меркам нынешних времён многие не найдут в ней ничего особенного, но двадцать лет назад[64] в московских архитектурно-строительных кругах она какое-то время имела широкое хождение, пересказывалась в различных вариантах и даже обрастала подробностями, искажениями и дополнениями! Поэтому главное достоинство мо-

[64] Напомню читателю, что действие романа «Русская кочерга» происходит в 2003 году – прим. автора

его рассказа в том, что он записан, что называется, из первых рук, то есть со слов главного участника, находившегося прямо в центре событий.

Многие, наверное, помнят, что перед московской Олимпиадой 1980 года в столице СССР (б) и вокруг неё развернулось большое строительство. И строить пришлось не только большие и малые спортивные объекты, но и дороги, и объекты современной – по тогдашним меркам развитых западных стран – инфраструктуры. Отели, например, огромный пресс-центр и новый телерадиокомплекс, а также терминалы в аэропорту Шереметьево. Для их строительства, поставок материалов, отделки и оснащения активно привлекались зарубежные фирмы с Запада – впервые в таких объёмах.

Знают даже и в Китае,
проводя все тендеры:
Запад круто помогает[65] –
со времён О. Бендера!

Партия и правительство не скупились на нефтедоллары, хотя и стремились всё-таки оставить для своих советских исполнителей те работы, с которыми они могли справиться, – например, грузовой терминал в аэропорту Шереметьево. Он был не самой крупной, но по ряду причин совершенно необходимой стройкой. Объект подобного класса строился в Союзе (б) впервые, и был одним из ключевых звеньев олимпийской логистики. И вот (прости, русский язык!) тендер на проектирование и строительство «грузовика», проведённый *без дураков* под усиленным надзором соответствующих органов, строго контролировавших тогда любые контакты с иностранцами-западниками, выиграла одна финская фирма.

Короче, в ударные сроки финны спроектировали терминал, советская сторона утвердила проект, и – стройка началась. И вот тут надо подчеркнуть, что на этапе рабочего проектирования в качестве соисполнителя *для проработки деталей* был привлечён некий советский профильный ведомственный проектный институт. Наши архитекторы, задействованные в том числе и для выбора решений по отделке конкретных помещений, разумеется, были в восторге от совместной работы с финскими коллегами[66], от качества и разнообразия цветов и фактур самых современных на тот момент отделочных материалов – финских и других западноевропейских. Однако, поскольку авторство проекта в целом оставалось за финнами, выбранные нашими *спецами* решения по отделке подлежали формальному утверждению финской стороной.

Хоть мы сами самородки,
и полны больших надежд,
но все наши разработки
утверждает зарубеж!

И вот идёт очередное заседание согласительной комиссии, где с советской стороны присутствуют архитекторы, – в основном женщины, и представители другой организации – исключительно мужики с суровыми глазами. Веера пробников – пронумерованных образцов фирменных отделочных материалов от разных производителей – разложены на столе, так что повестка двигается достаточно быстро – пункт за пунктом. Архитекторы-

[65] «Запад нам поможет» – известная фраза из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», глава XIV – прим. лит. редактора

[66] По воспоминаниям очевидцев, все заначки жевательной резинки были изъяты у финнов на три года вперёд! – прим. автора

финны (все – мужчины), как всегда, вежливы, улыбчивы, галантны, предупредительны, и конечно, на всё согласны. И та, и другая делегации пребывают в прекрасном настроении – стройка идёт по графику, оплата поступает в срок, в общем, стороны довольны друг другом. Более того – заседание последнее в году, у финнов на носу путь домой к семьям на рождественские каникулы, а у наших – Новый год. Заготовленные подарки друг для друга разложены по пакетам в соседней комнате.

Словом, как говорится, ничто не предвещало…

Говорил один физрук
опосля излишеств:
«Происходит ужас вдруг –
по приказу свыше!»

И вдруг, при обсуждении отделки очередного (правда, большого и важного) зала грузового терминала, происходит нечто очень странное. Причём, происходит с финнами: они мнутся, переглядываются, мямлят что-то, косятся друг на друга, на переводчиков, и, главное, не улыбаются больше! Через минуту постепенно всем становится ясно, что они не согласны с предложенным решением. И жёстко, категорически не согласны!

Ничего подобного раньше никогда не было! Цветодизайнеры *в штатском*[67] в полном недоумении, но и наши архитекторы тоже ничего не могут понять. Что произошло? И что всех особенно напугало, это то, что у финнов вдруг разом изменилось выражение лиц – как будто на поминках в доме повешенного кто-то заговорил о повешенном.

И вот на фоне всеобщего смятения объявляется (прости, русский язык!) кофе-брейк. В кулуарах некая дама – глава нашей делегации крепко берёт под локоть своего визави, русскоговорящего финна, уже давно и хорошо знакомого, с которым вместе выпита не одна рюмка чая, и решительно отводит его в сторону:

– Тойво, мать моя партия, в чём дело?

– Но феть мы – финская ёкарная фирма!

– Да, вы – финская фирма. Ну и что, царица лесная? Прости, но чем вам не понравились тёмно-синие панели и ковролин, и жёлтая пластиковая и алюминиевая окантовка? Чем, объясни мне внятно?

– Яйчики-бабайчики, ну как ше фы не понимаете?!... Мы финская фирма, а это – цвета́ шведского флага[68]!

Вот что нам всего важнее:
дело в колерах цветных –
государства флаг имеют,
только разный цвет у них!

Глава 51. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЭТОТ ДЕНЬ

И как только Володя закончил свой трагический рассказ, левый кармашек его рубашки завибрировал, да ещё и со звуком. Полтавцев, испугавшись неожиданного, столь резво отшатнулся от писателя, что поневоле сбил на уже начинающую желтеть позднюю летнюю травку педагога. Курманбаев с осторожными и, на всякий случай, тихими проклятиями поднялся с земного шарика и кое-как уселся на прежнее место.

[67] Люди в штатском – так в СССР (б) называли сотрудников КГБ (б) – прим. автора

[68] Нелюбовь финнов и шведов давняя и взаимная. Вот, например, самый любимый «приличный» финский анекдот про шведов: «Какая самая маленькая книга на свете? Книга о героях-воинах Швеции» – прим. автора

Оказалось, что звонок, пришедший почти что в сердце Кулемзина, был никчёмным, но выяснилось это только после того, как он нажал на кнопочку, включающую громкую связь, после чего все услышали томный девичий голос:

– Вас беспокоит фирма «ОМОН»!

Мы желаем, чтоб успешен
был ваш каждый громкий шмон!
Нервно курит Терминатор,
когда видит наш ОМОН…

– В смысле? – испуганно спросил владелец миниатюрного аппарата.

– Не пугайтесь, – успокоила его неведомая абонентша, – «ОМОН» – это «Общественное Мнение. Отцеябловские Наблюдатели»

– И за чем же вы наблюдаете? – поинтересовался литератор.

– За общественным мнением, – объяснила отцеябловская наблюдательница.

– И что же вы, яйчики-баабйчики, хотите от меня лично?

– Если позволите, несколько вопросов.

– Нет-нет, – открестился от долгого разговора марсианин. – Я страшно занят, потому что именно сейчас на моём финансовом и интеллектуальном попечении находятся несколько индивидуумов, пострадавших ещё вчера!

– Хорошо, – согласилась девушка. – Скажите, какое время года вам нравится больше всего?

– В пятницу – любое! – ответил Володя и тут же отключился.

– А сегодня, святой Малевич, что, пятница? – поинтересовался Муравлёв, который в этой странной компании окончательно потерял счёт времени. Плохо было и то, что с начала текущей недели он каждый день забывал взять с собой висевший на стенке кухни календарь, от которого, чтобы не сбиться с ритма жизни, надо было каждый день отрывать по одному листочку.

Дни мелькают, словно искры –
им не скажешь ведь «Сожмись!»:
календарь худеет быстро –
убывает наша жизнь…

– Володя, а почему ты сказал, что ёперная пятница – лучше всего? – поинтересовался ещё один член покерной хевры.

– Вообще-то это тайна, но тебе, Талгат, как почётному снайперу музыкальных войск Республики Саксаулии, я, так и быть, её открою.

– Открывай, – разрешил почётный снайпер.

– Не только я, но и все мы – пятницефилы и понедельникофобы, ибо наследие нашей памяти имеет своё начало в СССР (б)!

– Погодь, погодь, мать честная, – забормотал Афанасьич, споро вытащил из котомки заветный блокнотик «Для му.мы.» и тут же записал поразившее его открытие: «Ещё в СССРе выяснилось, что мы какие филофобы, а я и не знал!»

Не любили СССР мы –
он всегда для нас был скверным!

– Старик, а ты помнишь, мать моя КПСС, что случилось в этот день? – иронично осведомился Нуртай, надеявшийся, что к пятнице изрядно надоевший ему своими знаниями писатель окончательно потеряет память.

– Конечно, – легко ответил Володя. – Я помню даже то, что сегодня – 29 августа 2003 года.

– Неужели 29-е? – ещё раз поразился Серёжа и обрадовался, что не успел спрятать далеко книгу жизни. Он лихорадочно нашёл чистую страничку и красным концом двуцветного карандаша – как всегда, когда хотел выделить что-то очень важное – записал: «Как быстро летит жизнь – вчера я не помнил, в какое число мы живём, а сегодня уже знаю!»

Календарик не листаю,
ибо дней вообще не знаю!

Альбионыч через плечо прочёл записанное и произнёс, глядя почему-то на одного живописца:

– Бывают дни, когда ты голубь, и бывают дни, когда ты памятник.

– А я что? – испугался Валера. – Я ничего!

И для верности даже показал писателю пустую бутылочку из-под «Тянь-Шаня»

Затем марсианин поднял вверх палец, призывая к вниманию, и значительным голосом, который он сам называл *афористичным*, произнёс:

– Запомните, други мои,

Этот день обмену и возврату не подлежит!

«Чепуха какая-то», подумал Полтавцев и не стал фиксировать псевдомудрость.

– Ты, что ли, сказал? – поинтересовался военный трубач.

– Нет, – покачал головой Кулемзин, – это некий Уоррен Говардович Баффетт – кстати, третий в списке самых богатых людей мира.

– А ты? – с тайной надеждой на ещё один *пузырь* «Жигулёвского» спросил охранник.

– А я – где-то 1.892.364-й, – скромно подсчитал спонсор покерного коллектива.

Закуривши папиросу,
шмурдяком испуган,
не нашёл я в списках «Форбса»
ни себя, ни друга!

Глава 52. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЭТОТ ДЕНЬ (продолжение)

«Историки знают всё, правда, каждый из них знает историю по-разному. И всё же именно они подсчитали, что за последние 3000 лет человечества на планете Земля отгремело 5000 войн. Что же делали люди, кроме того, что постоянно сражались? Этого не знает никто, но зато доподлинно известно, что 70 процентов созидательной людской энергии уходит именно на войну. Мы могли бы превратить всю Землю в рай, но сами сделали из неё ад. *Дедушка*, ау!»

Именно такие мысли вихрем пронеслись в голове писателя, который на короткое время вновь был вынужден стать историком, вспоминая то, что произошло в этот день – но много лет назад. Правда, кое-какую информацию он всё же утаил от коллектива, так как просто не хотел разлагать этих неустойчивых психикой людей подробностями из жизни так называемой Русской православной церкви. Надо заметить, что и другие дни года эта мозгозасерательная организация постаралась максимально насытить некими датами, событиями и праздниками – видимо, для того, что русский православный христианин не расслаблялся ни на один день, смиренно относя денежки во славу *дедушки* в церковную лавку.

У дедушки боли в затылке –
он пьёт за таблеткой таблетку,
а я для него из копилки
сегодня достану монетку.
Я в церковь отдам свою денежку,
с молитвой поставлю свечу, –
и *дедушка* вылечит дедушку!
Я этого очень хочу…

Вот и сегодня, как вспомнил знатный историк Кулемзин, РПЦ отмечала кучу неких дат. Во-первых, она постаралась, чтобы её верные адепты свято чтили память не только мучеников (например, Диомида-врача, жившего аж в III веке, или преподобного Херимона (!) Египетского, жившего на век позже, или сразу 33-х мучеников палестинских), но и отдельно некоего пресвитера *священномученика* Александра Соколова, а также *преподобномученицы* Анны Ежовой!

Чем отличается мученик от священномученика, вряд ли объяснит вам даже поп в церкви, но разве это так важно? Ведь самая дешёвая – так называемая *медовая* свеча (пóмните, такие коричневые, сто раз переплавленные?) стóит в церковной лавке, если перевести на иностранную валюту, 13 центов. А теперь, если вы верный христианин, поставьте именно сегодня такие свечки за каждого из 33-х палестинских мучеников! Ну, что, не жалко выбрасывать больше 4 долларов, на которые, кстати, можно купить килограмм отличной говядины для мужа и детей? Мученикам, о которых сегодня помнит только РПЦ, от твоей свечки как-то всё равно, а вот муж и дети могут остаться голодными…

Не душевно- ж я больная,
головой контужена:
в церковь деньги отдала я –
и сижу без ужина!

Но и это далеко не всё, так что раскошелиться (опять-таки, если ты истинный православный) придётся более основательно, ведь именно сегодня, во-первых, некое празднование в честь *всех икон* божьей матери, во-вторых (прости, русский язык, ибо не так тебя ещё ломали!), *попразднство* успения пресвятой богородицы; и, наконец, в-третьих, перенесение из Едессы в Константинополь нерукотворенного образа Иисуса Христа. Правда, сейчас мало кого волнует, что это таинственное перенесение случилось аж 1059 лет назад, но отметить-то надо!

Теперь ты понимаешь, мой читатель, почему Альбионыч скрыл такие душераздирающие факты от коллектива. Вот представь себе, что притворяющийся верующим Полтавцев взял бы да и начал с сáмого утра отмечать все эти праздники! И что тогда? А тогда на этой странице 122 и закончилось бы наше интереснейшее повествование, ибо как его можно продолжить без главного героя «Русской кочерги»?! Вот то-то и оно…

Персонажи – пчёлы в рое!
Как их всех запоминать?
Расстрелять бы всех героев –
и не надо сочинять!

Ох, отвлёкся автор на церковную тему, да забыл про самое начало. А говорил он, помнится, про вóйны. Вот и в сегодняшний день, но только много-много лет назад случилось аж три настоящих сражения и одно потешное. «Как это?», воскликнет мой читатель.

– Как это, царица лесная? – воскликнул Серёжа.

Оказалось, что последнюю фразу про сражения писатель, а в данное время историк нечаянно произнёс вслух.

– А так, – ответил Кулемзин. – Все вы знаете, что в истории я большой любитель хронологии, поэтому не люблю путаться в очерёдности дат.

– А что любишь, святой Малевич? – поинтересовался Муравлёв.

Володя вместо ответа приподнял свою всё ещё наполовину заполненную бутылочку «Тянь-Шаня» и показал её художнику.

– Понял, – важно качнул головой живописец. – Можешь продолжать исторический обзор!

Эти слова пришлись ровно на последний глото́к из нуртаевской бутылочки, после чего педагог поперхнулся, после чего тут же начал получать удары по спине от Салихдзяныча, после чего начал кашлять ещё больше, после чего понял, что может скончаться, после чего вскочил с покерной скамеечки и отпрыгнул подальше от разошедшегося военного музыканта.

– Вы закончили вашу битву, друзья? – осведомился Альбионыч и, не получив внятного ответа, начал рассказ о битвах былых времён.

Памяти разрушенной я внемлю,
где мои мечты погребены:
сколько я с печалью помню Землю,
день она не может без войны!
Сталь не вся в горниле закалилась
для изготовления резцов –
на войну судьбина приходилась
не дошедших дедов и отцов.
Всем не повезло тогда в финале –
многим не пришлось дожить до жит,
без войны они нам завещали
жизнь свою единственную жить.
Если бы не призрачное бремя,
были б мы давно воскрешены!
Нам досталось золотое время –
золотое время без войны.

– Итак, мои маленькие друзья, – начал он исторический обзор, как и завещал ему Николаич, – первая из трёх битв, о которых я упомянул, случилась 247 назад – в 1759 году. Помню как сейчас: в один из летних дней, видимо, перегревшись на солнце, прусский король Фридрих Фридрихович II по фамилии Гогенцоллерн, но с погонялом Alter Fritz[69] со своей шестидесятитысячной армией вторгся в Саксонию, кстати, этим своим поступком положив начало Семилетней войне 1756-1763 годов.

– Зачем же он так? – расстроился старший прапорщик. – Ведь можно было как-то договориться, пивка с врагом попить, в карты поиграть. Чего воевать почём зря?

– Ты прав, мой друг, – согласился Володя. – Тем более что Семилетняя война захватила буквально всю Европу, а потом даже перекинулась за океан, продолжившись в Северной Америке, в странах Карибского бассейна, в Индии и на Филиппинах. Представьте себе, что в этой войне приняли участие даже некоторые индейские племена!

[69] Старый Фриц – нем. И это не шутка, хотя совершенно непонятно, почему этого короля назвали старым, ведь, например, на описываемый в романе день ему исполнилось всего 45 лет – прим. автора

Здесь экс-текстильщик, покопавшись в памяти, которую ему не смогла отбить даже советская власть (б) и руководство ОХБК[70], восторженно воскликнул:

– Надеюсь, в этой войне победил некий Чингачгук – двоюродный сын Большой Медведицы?

Все немного посмеялись над дурковатым, а Серёжа ещё некоторое время недоумевал, почему на его прямо заданный вопрос он так и не получил внятного ответа. «Наверное, он всё-таки проиграл…», решил он и стал слушать историческую лекцию дальше.

Я – индеец Чингачгук!
Мне неведом страх, испуг!
Меткий лук и зоркий глаз
от врагов спасли не раз!

Глава 53. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЭТОТ ДЕНЬ (ещё одно продолжение)

– А про ещё два сражения расскажешь? – неожиданно спросил Кулемзина живописец, и все невольно подивились такой памяти, коей у остальных – по причине затяжного алкогольного кризиса – было совсем мало.

– Конечно, – не стал чиниться марсианин. – Следующая *по хронологии* битва, названная историками Ошаканской, была очень странной: она произошла 17 августа – по старому стилю…

– А мы сейчас, мать честнáя, по какому живём? – поинтересовался Полтавцев, вовсю тянущийся к ненужным знаниям.

– А мы – по новому, поэтому сражение, о котором я вам рассказываю, *по новому стилю* случилось как раз сегодня, 29 августа, но 176 лет назад.

– А ты откуда о нём знаешь? – не успокаивался сторож.

– Да от ветеранов этой битвы, – свободно ответил Володя. – Яйчики-бабайчики, ты разве не знаешь, что у нас в Отцеябловском совете ветеранов есть секция именно Ошаканского сражения?

– Конечно, знаю, – солидно подтвердил «знаток» сражений, но тут на него все зашикали, и Серёжа на время умолк.

– Да, так вот, в 1827 году в ходе Русско-персидской войны между армией наследника персидского престола Аббас-Мирзы Фетховича Али-Шаха и русским отрядом генерал-адъютанта Афанасия Ивановича Красовского эта битва и произошла.

– Володя, подожди, – проснулся ещё один «знаток» истории, а вот кто именно, читатель, надеюсь, догадается сам:

– Вот ты сказал, что эта ёперная битва была очень странной…

Все границы нарушались
теми, кто бывал наглей:
очень странно, что сражались
люди супротив людей!

– Конечно, странной, старичок, ведь *мочилово* между персами и русскими произошло не в России или Персии, а в Восточной Армении – близ знаменитого Эчмиадзинского монастыря. Что там забыли персы, до сих пор ума не приложу!

– Может, они всей армией, святой Малевич, туда помолиться завернули? – высказал свою версию ещё один «знаток» исторических сражений, но Альбионыч эти слова пропустил мимо ушей, после чего продолжил:

[70] Напомню, что это Отцеябловский хлопчато-бумажный комбинат – прим. автора

– Кстати, это была одна из самых славных побед русского оружия, ведь для того, чтобы снять блокаду армянского монастыря, отряд Красовского сражался с персидским войском, который превосходил наш отряд *вдесятеро*! И всё-таки мы победили!

Дворовые дети, заслушавшись лектора, восторженно захлопали в ладоши, а после продолжили то, ради чего, собственно, и торчали весь день на территории Бермудского Учпучмака, то есть завизжали так, что будущие игроки и примкнувший к ним Муравлёв тут же получили децибелов не меньше, чем аэродромная обслуга при взлёте реактивного истребителя, а затем начали бегать по периметру Великого Треугольника, напоминая взрослым о Времени.

Время – странная паскуда:
то течёт, а то идёт –
повреждает нам рассудок:
то назад, а то вперёд!

– Между прочим, два года назад, – закончил свой рассказ про славное сражение литератор, а в данное время историк, – 19 апреля 2011 года состоялось торжественное открытие Ошаканского памятного комплекса «Русским воинам-спасителям первопрестольного Эчмиадзина, павшим в Ошаканской битве 1827 года»

– Молодцы, армяне, не забыли, мать моя партия, – вставил свои партийные три копейки педагог, чем чуть было не спровоцировал старшего прапорщика на метание похмельного харча. Но оно всё-таки не состоялось, потому что именно в этот момент Батырши-на отвлёк телефонный звонок, прозвучавший из кармашка володиной рубашки. Восьмым чувством, которое напрочь отсутствует у людей штатских, военный догадался, что звонит его супруга. Так оно и оказалось.

– Алло, – вежливо ответил в трубочку писатель.

– Дай трубку этой скотине! – раздался визгливый и, судя по обертонам, женский еврейский голос.

Альбионыч оглянулся, но ни Бори, ни Несси, ни Пушка́, ни даже черепашки, слоняющейся неподалёку аж со времени первого тома «Русской кочерги», не заметил, но, как почётный литературовед Саксаульской Академии Словесности и Беллетристики имени Альфонса Винсеновича Доде́, тут же догадался, что названная Аидой неведомая *скотина* является всего-навсего метафорой, после чего протянул трубку семейному страдальцу, тихо прошипев имя любимой женщины на ухо бравому оловянному унтер-офицеру.

– Здравствуй, дорогая Аида, – медово-имбирным голосом произнёс Салихдзяныч, – свет очей моих, тьма йодистого кошелька моего...

– Что?! Тётя, срочно сдавай билет! Ах ты, гад! А я-то, дура, уже собиралась тебя простить и вернуться…

После этой полной трагизма фразы связь, к счастью, прервалась, а трубач президентского оркестра неожиданно вспомнил стишок своего друга Кулемзина, который слышал от него аж в прошлом году:

Красивых больше, чем желанных,
желанных больше, чем одна –
меж этих параллелей странных
не помещается жена!

И здесь Кулемзин понял, что завершить рассказ о славной битве прошлого нужно ещё одним нюансом. А вспомнился этот нюанс оттого, что, несмотря на ранний час, горячее светило какими-то желтоватыми пятнами уже давно странно горело в листве негустых

саксаульских карагачей, напаивая воздух горьковатым запахом близкой осени. Литератор вытер пот со лба и произнёс:

– Кстати, на ход этого сражения в огромной степени повлияли стоявшая в тот день страшная жара́ и отсутствие водных источников на пути следования обоих отрядов.

– Прямо как у нас, святой Малевич! – закинул пробную удочку Николаич, который вовсю старался отсрочить начало покерных битв, так как сам в них участия не принимал. – Может, ещё по пивку? Как в том сражении…

– Валера, ты очень невнимательно слушаешь мои рассказы, – попенял ему марсианин. – Ведь я только что произнёс *водных источников*, а не пивных!

Муравлёв потупился и дал себе слово в следующий раз быть внимательнее к другу, который и без того пострадал от

1. жизни,
2. советской власти (б) и
3. неарелизованных творческих ощущений!

Говорила королевна
каждой из своих подруг:
«Я страдаю каждодневно –
от всего, что есть вокруг!»

Глава 54. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЭТОТ ДЕНЬ (почти окончание)

– Итак, мои маленькие друзья, продолжим наши тайные игры разума, – возвестил писатель начало очередного рассказа о событиях, случившихся в этот день, но много лет назад, тем более, что Афанасьич, несколько потрясённый только что прошедшим телефонным разговором между его другом и супругой друга, немного позагибал кривые пальцы по очереди, после чего усомнился:

– Володя, царица лесная, а сегодня правда пятница?

«Да что же это они, правда с ума все посходили?», подумал исторический лектор, но вслух сказал совсем другое:

– Серёжа, да и остальные тоже! Чтобы ни у кого из вас больше не возникал этот неактуальный вопрос, предлагаю перед очередной лекцией прослушать некий стишок, наваянный одной гениальной творческой личностью, фамилию которой… то есть которого… я не могу разгласить.

– Полагаю, что из личной скромности, мать моя КПСС? – усмехнулся педагог.

– Именно из неё, Нуртай. Итак…

Четыре дня. За ними пятый.
Без изменений. Хорошо...
Идёшь ни разу не помятый
вдоль по квартире нагишом.
Не преисполненный отваги,
но будто бы навеселе…
Белее сна листы бумаги
лежат на кухонном столе.
Как за покойником помыты
полы, повсюду тишь да гладь,
и если пишешь слово *мытарь*,
то лишь бы рифме подыграть.

Перерабатываешь вроде
страстей вторичное сырьё –
уже приравнено к свободе
все одиночество твоё.
Тебе ни голодно, ни тошно,
совсем расслабленный, пустой,
и никакого смысла в том, что
за пятым днём идёт шестой…

– А шестой – это ёкарное завтра? – уточнил старший трубач.

– Именно, – подтвердил Володя. – Но уточню: завтрашний день – это прости, русский язык!) прерогатива следующего, то есть шестого тома.

«По-моему, началось», подумали все сидельцы на покерной скамеечке (кроме писателя). «Опять про какой-то том заговорил…»

– Так что там про борьбу идей? – вернул Альбионыча к предмету лекции Валера.

– Бор-р-рьба пр-р-родолжается! – раздалось карканье откуда-то сверху и все, не поднимая головы, поняли, что к покерному коллективу присоединилась некая ворóна, а чуткий к изменению состояний охранник даже тихо пропел припев некогда популярной песенки[71]:

– Я ворона, я ворона! На-на-на-на…

– А второе сражение, мои неразумные братья, произошло в этот день, но в 1831 году в ходе Польского восстания – близ некоего места под Мендзыжецем-Подляским.

– Володя, подожди, – истерически выкрикнул экс-текстильщик, нашёл чистую страничку в заветной книжечке «Для му.мы.» и быстро-быстро, чтобы не забыть, записал его поразившее: «Только что великий гуру Моего Разума тайно дал мне понять, что сражения между Мудацким и Подлючским происходили ещё в XIX веке!»

Кулемзин через плечо прочёл записанное и с удивлением отметил, что слова́ *великий гуру* Серёжа написал со строчной буквы, а вот *Мой Разум* – с прописной!

– Как понятно из названия Польского восстания, – продолжил лектор, – одной из сражающихся сторон были польские восставшие, а второй стороной являлись части русской императорской армии, чего поляки до сих пор не могут простить президенту Путину!

«Мы позора не забудем!»,
клял поляк, так возбуждён.
Как всегда, виновен Путин,
хоть и позже был рождён!

– А Путин с какой стороны воевал, мать честна́я? – поковырявшись в носу, поинтересовался Серёнька.

Все немного посмеялись над необразованным.

– И, кстати, кто там кому навалял? – дослушав глупый смех до конца, ещё раз поинтересовался любитель истории.

– Да понятное дело, – непонятно ответил ему Салихдзяныч и обратился к литератору-историку:

– Володя, а вот ты говорил, что было ещё одно ёперное сражение – весёлое.

– Не весёлое, а забавное, мать моя партия, – поправил его Курманбаев.

[71] Её в своё время пела некая Линда (в девичестве Светлана Гейман), кстати, уроженка саксаульского городка Кентау – прим. муз. редактора

– Не забавное, а смешное, святой Малевич, – поправил Талгата и Нуртая немного пришедший в себя живописец.

– Не смешное, а потешное, – поправил их всех рассказчик. – И это было действительно так, ведь речь идёт о том, что 29 августа 1882 года страна Австралия первый раз победила страну Англию в игре в крикет, в результате чего газета «Sporting Times»[72] даже опубликовала некий «некролог английскому крикету»!

После этого Володя по случаю вспомнил первые четыре строчки так никогда и не дописанной 1000-строчной поэмы «О крикете в свете сплетен»:

«Хоть майка от игры мокра,
хоть зол как кочегар,
неинтересная игра,
не то что *кочерга*!»

, но вслух этого катрена не произнёс.

Глава 55. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЭТОТ ДЕНЬ (окончание)

– И, чтобы закончить рассказ о событиях, случившихся в этот день, – закончил рассказ рассказчик, – вспомню, яйчики-бабайчики, последний факт: 29 августа 1966 года великие «The Beatles» дали свой последний концерт в парке Кендлстик в Сан-Франциско, а завершили они его песней Литтла Ричарда[73] «Long Tall Sally[74]»

– Да, дела! – подвёл итог рассказанному сторож. – Вот так живёшь, живёшь, а потом бац – и всё! Тут поневоле задумаешься о когнитивном диссонансе…

– Да, да, – подтвердил его слова педагог. – Но я думаю, что всё-таки главное – это роль личности в истории. Как говорил великий Ленин…

Но что сказал Ильич I по этому поводу, узнать так и не пришлось, потому что через 4 секунды из-за учпучмакских кустов раздался мощный рык Батыршина, выражающий, как все поняли, явное несогласие как со словами Мусаича, так и со словами вождя мирового пролетариата.

Дворовые дети, услышав потусторонние звуки неземного происхождения, даже на несколько секунд приостановили свои игрища, но тут же вновь принялись беспорядочно метаться по двору, как *ростовые* мишени в стрелковом упражнении № 3, крича при этом самозабвенно, как будто действительно ничего не знали о *прекрасном далёко* и о том бардаке, который взрослые называют жизнью.

Как много *положительных* эмоций,
как здорово на этом свете жить, –
когда тебе с успехом удаётся
на все проблемы разом *положить*!

– Кстати, о личностях, которые упомянул в своём слишком коротком спиче Нуртай, – неожиданно хлопнул себя по лбу Володя. – Ведь сегодня можно вспомнить о некоторых из них, которые родились как раз 29 августа.

– А художники среди них есть? – с придыханием спросил Муравлёв, и все вспомнили, что Валера тоже считал себя художником.

[72] «Спортивные времена» – англ.
[73] Настоящее имя Ричарда Уэйна Пеннимана – американского певца, пианиста и композитора, который стоял у истоков рок-н-ролла – прим. муз. редактора
[74] «Длинная высокая Салли» – англ.

– Конечно, есть, – на радость ему ответил Альбионыч. – И даже два: в 1780 году родился французский художник Жан-Огюст-Доминик Жан-Мари-Жозефович Энгр, а в 1826 – русский живописец и график Александр Бейдеман.

– Что-то сомневаюсь я, – вслух засомневался Полтавцев.

– В том, что он родился? – улыбаясь, спросил писатель.

– В том, что он русский, – объяснил охранник. – Что-то не видел я среди русских всех этих бейдеманов!

– И, тем не менее, – поставил точку в споре марсианин.

Я слышал раз, наверно, 100,
как раздаются ахи, вздохи –
что жить с евреями не то,
и без евреев как-то плохо!

– А философы есть? – продолжил опрос Серёжа. – А то ведь трудно миру без нас, умных людей!

– Есть и такие, – весело ответил просветитель. – Например, ты, старичок, сегодня вечером сможешь поднять свой *двухсотовый* за английского философа Джона Джонови-ча Локка.

– Какого Лоха? – поинтересовался живописец, после чего залился тихим смехом, выдав тем самым свою принадлежность к безумному миру искусства.

– Это не тот ли Локк, который придумал эмпирическую теорию познания? – поднял вверх брежневскую бровь Афанасьич. – Володя, рот закрой. Нуртай, рот закрой. Валера, рот закрой. Талгат, рот закрой.

– Т-т-тот, – выдавил из себя Альбионыч и, чтобы избыть шок, решил порадовать и себя:

– Кстати, порадую и себя. Сегодня день рождения празднуют многие мои друзья: это итальянский поэт Джамбаттиста Джованниевич Касти и бельгийский писатель Морис Полидорович Метерлинк, а также американский джазовый музыкант и, кстати, основатель стиля би-боп Чарли Чарлзович Паркер!

– Ну, это ты загнул! – вновь засомневался сторож. – Стиль бип-бип, наверное, какой-нибудь шóфер придумал.

На пакости горазд и скор,
газуя без помех,
«Бип-бип!», бибикает шофёр,
пугая звуком всех…

Все повторно посмеялись над глуповатым. И тут в два голоса одновременно прозвучал, пожалуй, последний вопрос в этих непростых главах о событиях 29 августа, а о том, что они непростые, думаю, нисколько не станут сомневаться знатные литературоведы грядущих веков:

– А педагоги, мать моя Октябрьская революция, среди них были? А йодистые военные среди них были?

На что Кулемзин также решил ответить сразу обоим, так как сил отвечать каждому по отдельности у него на этот момент ещё не накопилось:

– Нет дважды. Но, чтобы вы не расстраивались, скажу и тебе, Талгат, и тебе, Нуртай, что именно сегодня вы оба можете помянуть немецкого уролога Вернера Бруновича Форсмана, который для того, чтобы получить Нобелевскую премию, однажды поднапрягся и изобрёл метод (прости, русский язык!) катетеризации!

Глава 56. ОХ, КАК ТРУДНО В НАЧАЛЕ ПУТИ!

И всё-таки наконец-то произошло то, что обязательно должно было произойти.

– Вот и первая партия, – тихонько пробормотал Кулемзин, открыл *раскладку*, навострил авторучку для записей итогов всех игорных ситуаций, затем под изумлённые взоры покерной хевры аккуратно снял рубашку и скатал со своего могучего торса некий плакат, который тут же и повесил между двух карагачей, своими хилыми кронами составляющих арку над столиком.

– Что это? – воскликнул Курманбаев.

– Это – лозунг, – просто объяснил Володя, – в котором есть маленькая хитрость: кто поймёт его до конца, тот сегодня обязательно выиграет эту начальную партию!

Все, включая неиграющего Муравлёва, тут же принялись пялиться на полотно, поэтому автор даёт такую возможность и тебе, мой читатель:

Пялились все долго, шевеля губами, а также мозгами, пытаясь выудить в простых русских словах какой-то тайный смысл, пока Валера не известил о найденном решении:

– Понял, святой Казимир Северинович! Но я не играю…

– Мне, мне скажи, царица лесная, – зашептал ему на ухо Полтавцев, наполняя это приёмное устройство перегарными запахами былого.

– Долго объяснять, ещё засекут! – так же тихо ответил ему художник.

Говорили двое в чайной –
дядька и совсем пацан:
«Тайный смысл остался тайной,
не раскрытой до конца…»

Надо заметить, что Альбионыч очень любил вот эту волнующую минуту перед началом игрового дня, и в этот момент всегда задумывался о жизни, наполненной игрой, и об игре, наполненной самой жизнью. Эта простая идея неоднократно приходила в его шалую голову, хотя он точно знал, что *любая идея*, как только она обретает реальность, начинает неизбежно *портиться* – в чём-то недотягивает, в чём-то изменяется, в чём-то приобретает неожиданные черты и детали.

Кстати, именно это пару лет назад и произошло с неофитами от покера, только-только начинающими постигать покерную науку: вроде бы и правила нетрудные, вроде бы и карты приходят неплохие, а выигрыша всё нет, а если и есть, то достаётся, как поэту сла-

ва, то есть в обыденной суете, с грызнёй и пахотой. А где же обещанная романтика насыщения измученной души главными победами?!

Бывает ведь так: ве́рхом романтики покажется тебе какой-то белый парусник в синей дали, так что влазь в кубрик и плыви навстречу приключениям! Ан нет! Приглядишься, а паруса-то не совсем и белые, а какие-то серовато-жёлтые – грубая вылинявшая холстина, и пахнет не морем, а дёгтем и смолой, да и в кубрике тесновато и темно, и запах стои́т не приведи *дедушка* – несвежим бельём и потным телом. Всё отсырело, преет, просушки требует. Да и жратва однообразная, матросы хамоваты, офицеры звери, в общем так же тяжело, как и на суше… А вы говорите – романтика!

Вот что определило
мою смурную жизнь:
романтика погибла,
когда мы родились…

– Перед игрой в *русскую кочергу* нужно встать – строго и задумчиво, – решил немного поучить сопокерников Володя, – а, может быть, даже и величаво.

– Почему? – вымучил из себя охранник.

– Потому что к концу игры, яйчики-бабайчики, – ответил литератор, – уйдёт ещё какое-то время нашей жизни, и можно будет подвести текущие, промежуточные итоги.

«О чём это он?», тоскливо подумал Мусаич.

– Сегодня нужно думать о том, – между тем продолжал марсианский философ, – что наше время летит непоправимо быстро. Вот наш покерный столик…

Он повёл рукой, словно раскрывая присутствующим закрытые ранее глаза.

– …видите, он за́мер, ощущая его, то есть времени, полёт. А мы, беспечные, знай веселимся, забывая о краткости бытия и помня только о его первичности.

Услышав эти слова, Афанасьич тут же вспомнил о первичности своей нужды и даже открыл было рот, чтобы сообщить о ней писателю. А сказать он хотел что-то вроде того, что «ещё немного бы пивка попить, мать честна́я», но не сказал, так как оказалось, что речь Кулемзина всё ещё продолжалась.

– Вот столик, – повторил писатель, – он железный, то есть практически вечный, но и он немеет перед временем…

– И правда, молчит всё время, – потрясённо пробормотал живописец.

– …а мы бродим по жизни и поём свои непонятные песни. Тоска и грусть ожидают нас впереди, ведь время такого не прощает. Беспечность наказуема…

Постулат, в натуре, вечный,
как про Салли комиксы:
наказуема беспечность –
уголовным кодексом!

Тут Талгат не выдержал и заплакал навзрыд, все же остальные бросились утешать его как могли, а Серёжа даже постучал музыканта по спине, словно бы тот подавился. Но истерика, видимо, накопленная старшим прапорщиком, оставшимся без родного музыкального подразделения вот уже почти месяц, не заканчивалась, и тогда Кулемзин сделал то, что было для него делом привычным, то есть спас товарища. У него, в отличие от других членов покерной хевры, ещё оставалась треть бутылочки «Тянь-Шаня», которую он великодушно пожертвовал страдальцу. Трубач молча вылакал предложенное, затем отрыгнул, произведя страшный автомобильный выхлоп, и произнёс:

– А «Маршала» у тебя нету?

Глава 57. ОХ, КАК ТРУДНО В НАЧАЛЕ ПУТИ! (продолжение)

Но – прочь ненужные размышления, ибо в этот момент покерный гуру уже сдавал всем игрокам, включая себя, по одной карте – лицом кверху. Именно это действие, как частный случай великого Случая, во многом определяло весь игровой день. Почему?

Например, сейчас всем достались карты с цифровыми, а, значит, маленькими значениями, а Афанасьичу выпала бубновая дама, то есть старшая по званию. А означало это то, что именно он будет делать и первый заказ в первой партии, и первым будет ходить. Был здесь ещё один нюанс: карт в этом коротком роббере было всего четыре (по числу игроков), и существовала весьма высокая вероятность, что карта, положенная первой, не будет побита остальными, поэтому игрок, которому выпадала честь первого удара по мячу… тьфу, первого хода, нередко заказывал одну взятку и – брал её! А это, в свою очередь, значило то, что он сразу вырывался вперёд, потому что взятие *своей* одной взятки оценивалось в 25 очков, а на *тёмной* вдвое больше – в 50! Остальные же, взяв каждый по своему заказанному пасу, получали лишь по 10 очков.

В общем, чтобы не утомлять читателя этими суровыми подробностями, с которыми, как надеется автор, он давно уже разобрался сам, скажу, что произошло именно так, как было описано несколькими строками выше. Сторож выиграл – не играя! – свою взятку и сейчас сидел такой важный и гордый, словно только что защитил докторскую диссертацию на тему: «Колесо как второе (после пива) величайшее изобрететение человечества»

Как похожа жизнь на колесо,
то, что называют *обозреньем*:
место занял – вот оно пошло,
лишь слегка позвякивают звенья…

Постепенно маховик игры набирал обороты, и после семи начальных робберов выявился явный лидер. Им оказался всё тот же охранник, который надулся как шарик.

– Серёжа, яйчики-бабайчики, смотри не лопни! – предупредил его марсианин.

– Не лопну! – пообещал локальный победитель, после чего надулся ещё больше.

Наивный, он сейчас обсасывал в голове простую мыслишку о том, что *и дальше будет так же*, а вот этого великая *русская коч*ерга не прощает никому! Нет, она прощает ошибки, но лишь тому, кто тщательно анализирует их, постигает, в чём же он ошибся, докапывается до сути, осмысливает произошедшее, усваивает полученный урок и, наконец, справляется с ситуацией, не впадая в панику. Но Полтавцев просто не знал предложенных здесь автором глаголов и поэтому пустил дальнейшую игру на самотёк, о чём вскоре и пожалел.

Не пускай игру на самотёк –
чтоб последний мозг твой не утёк!

А дело было так: на роббере из девяти карт бывший текстильщик, как это случалось и раньше, впал в ересь всемогущества и, обладая младшим джокером и парой козырей, неожиданно заказал три взятки, оставив остальным всего шесть, хотя до этого Кулемзин, мечтающий о первом в сегодняшнем дне мизéре, сделал заказ тоже в три взятки.

«Три да три будет шесть», в это время лихорадочно соображал Салихдзяныч, который занимался арифметикой последний раз в четвертом классе начальной школы, «значит, нам с Нуртаем остались всего три взятки на двоих. Это что же получается – по полторы на брата?!». После этого старшего прапорщика переклинило, и он тоже заявил три взятки. Нуртай же, испугавшись такого массированного натиска на свои позиции, проле-

петал *пас*, и только потом осознал, что в его руке, кроме остальных карт, зажат ещё и Его Величество Покер!

Вот какие ситуации случаются в игре! А если ещё учесть, что участвующие в ней не до конца пришли в себя, и мозги их в недостаточной степени смазаны реанимирующим напитком, так как явно скрипят в похмельных тыквах, то вообрази себе, мой читатель, что творилось сейчас за покерным столиком.

Знают в покерных кругах,
кто уже обстрелян:
как играть, когда в мозгах
слишком мало хмеля?

– Талгат, мать честная, – неожиданно обратился к обер-корнету сторож, бросив карты на стол, – ты можешь меня поддержать?

И, не дожидаясь ответа, начал падать в сторону военного музыканта. Трубач не успел среагировать и в результате этого принял удар на себя, после чего оба игрока упали на позднелетнюю травку, рассыпая свои карты, в которые острым орлиным взором тут же вперился педагог.

– Ты для чего это сделал, ёперный придурок? – встав с травы и покряхтывая, как после сеанса клизмы, спросил Полтавцева Батыршин.

– Да я думал, что ты меня поддержишь в трудную минуту – как Лермонтов покойного Пушкина!

– А у тебя что, трудная минута была?

– Раньше не было, а теперь настала! Ведь у меня из девяти карт всего два козыря и один младший джокер, а я сдуру ещё и три взятки заказал…

– Серёжа, извини, но я тебе записываю минус 100 очков, – внезапно раздался голос литератора.

– Как? – заорал обиженный. – За что?

– Согласно Покерному Уставу Второго Микрорайона, – объяснил Альбионыч. – Твои только что прозвучавшие слова этот Устав в своём § 112, п. 666 квалифицирует как *подсказку* – для всех остальных!

Никого ведь не волнует,
что колода краплена́:
сам себе не подскажу я,
ведь не знаю ни хрена!

Вот так, лидируя с 99 очками, Афанасьич получил минус 1, и страшно обрадовался, потому что если бы до этого у него было заработано ровно 100 очков, то сейчас они могли бы превратиться в страшную *жопу*[75]!

– Вот повезло как, – бормотал он, постепенно забывая о горе, которое постигло его до этого. – Вот повезло, мать честна́я!

А ты, мой читатель, теперь вспомни, как часто думал о том, что горе и радость одновременными не бывают, и только великий Швейк нашего искромётного повествования смог сейчас тебя в этом разубедить!

«Ох, как мир наш иллюзорен»,
говорил продюсер.

[75] О происхождении этого весёлого термина – в главе 93 первого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

«Радость суть всё то же горе,
но со знаком плюсик!»

Следующая сдача была как раз серёжина, и сейчас все с удивлением и интересом наблюдали за усердно-бестолковым сторожем, у которого дрожали руки, в результате чего он постоянно ронял то одну, то другую карту, которые приходилось пересдавать, и вскоре за покерным столиком даже возникло нечто подобия (прости, русский язык!) тотализатора, где стали делаться ставки на то, сколько именно раз переживший одновременные радость и горе Полтавцев будет пересдавать роббер.

И это было не лишено актуальности, ибо, кроме пережитого, на дрожание рук Афанасьича накладывалось ещё и не до конца прошедшее похмельное состояние: руки его водило, как дрель на малых оборотах с безнадёжно тупым сверлом, да ещё в руках пьяного работника.

– Ну что, граждане, товарищи, господа и примкнувшие к ним джентльмены? – возвестил Володя и посмотрел почему-то на Муравлёва. – Есть предложение: можно ли мне сдать очередной роббер за Серёжу, а ему дать время успокоить свои нервы, вконец расстроенные с момента его первого (в возрасте полтора месяца) падения со стола в домике бабушки Федоры и дедушки Михея из деревни Семижопино.

Охранник хотел было возразить, что не помнит такого случая, но именно потому, что не помнил, возражать не стал. А Николаич, решив, что писатель обращается персонально к нему, важно кивнул головой. Впрочем, на этом консенсус и завершился.

Альбионыч споро взялся за дело, кидая карты точно перед каждым игроком, включая себя. Удивительно, что при этом он ещё успевал что-то говорить. Автор, прячущийся в это время за вторым от покерного столика карагачом, слышал всё это своими ушами, и теперь передаёт умные слова микрорайоновского философа тебе, мой читатель. А оказалось, что Володя всего лишь изрекал свою очередную мудрость, близкую по смыслу к тому, чем сейчас занимались наши герои, то есть об игре:

**– Начиная новое дело,
надо быть готовым даже к тому,
что у вас всё получится!**

, при этом отодвигая ногой котомку с книжечкой «Для му.мы.» в сторону. Бывший текстильщик поводил глазами по сторонам, котомки не нашёл и, тяжело вздохнув, решил володину мудрость просто запомнить, но забыл уже через 1,7 секунды, а вот в нашей книге она осталась на векá!

Я читаю без проблем,
хоть и мозгом узкий.
Хороши книжонки чем?
Изданы по-русски!

В это время игроки перевернули пришедшие карты лицом к себе, тщательно пряча их от взоров соперников, пока их не заставил вздрогнуть невольный вскрик всё того же Полтавцева. Лицо сторожа, и без того пугавшее так называемых *добрых людей*, сейчас стало таким, что его захотелось немедленно закрыть хоккейной вратарской маской.

– Мизéр, царица лесная, – тихо произнёс он.

– Ну, вот и произнёс наш маленький первое слово, – умилился Володя. – Растёт карапуз на радость районному психиатру… Кстати, Серёжа, тебе минус 20 очков!

– Почто, друг? – воскликнул охранник.

Глава 58. ОХ, КАК ТРУДНО В НАЧАЛЕ ПУТИ! (ещё одно продолжение)

– Да по то, – ответил ему марсианин, – что раньше времени мизе́р не объявляется. Ты что, забыл, что объявлять можно только после всех заявок?

– Забыл, мать честна́я, – опустил покаянную голову Афанасьич. – И сколько я там уже накуролесил?

Писатель подвинул к себе *раскладку*, нашёл строчку, куда вписывал все куролесные подвиги охранника, и озвучил приговор:

– Минус 21 очко.

– А-а-а, ну тогда ещё ладно, – непонятно чему обрадовался покерный страдалец. – Тогда запиши мне три взятки.

– Серёжа, тебе минус 20 очков, – бесстрастно повторил литератор.

– Володя, ты не заболел? Ты ведь только что говорил такую фразу? – выдавил из себя бестолковый. – А на этот раз почто?

– Да по то, – пришлось ещё раз произнести игровую формулу почётному храните-лю покерной мудрости, – что, прежде чем ты озвучишь своё решение, ты должен был дождаться (прости, русский язык!) вердиктов Талгата и Нуртая.

Я *вердикт* провозглашаю,
сло́ва этого не зная!

– Ой, как мне жалко тебя, Серёжа, – фальшиво воскликнул большевик и даже попытался приобнять вечного ошибальца, но был чуть не сбит воздушной волной – от метнувшегося в многострадальные учпучмакские кусты Салихдзяныча.

А вот зачем он туда метнулся, думаю, не составляет никакой тайны ни для тебя, мой терпеливый читатель, ни даже для дворовых детей, которые в этот момент метались, как при бомбёжке, отчаянно пытаясь разбить земную кору своими грязными пятками.

Но – не будем отвлекаться от того, что составляло смысл бытия наших героев. Уже были завершены первые 12 робберов, и сейчас игроки сидели напряжённо, пялясь на свои карты, а напряжённо потому, что это была последняя сдача перед средней *тёмной*, которая решала если не всё, то многое. Именно на этой позиции, где всё произошедшее удваивалось, можно было и рвануть вперёд, оставив соперников далеко позади, и откатиться назад самому́, чтобы в тоске смотреть на удаляющиеся крупы чужих лошадей.

При этой мысли Володя вспомнил одну из фраз старшего прапорщика, которую даже записал – для будущего романа: «Нам что наступать, что отступать,– лишь бы движуха была!», и тихонько засмеялся. Мыслей его никто не услышал, а вот этот смешок был замечен Курманбаевым. «Это хорошо», подумал он. «Первая партия не кончилась, а этот оппортунист, кажется, уже потихоньку сходит с ума!»

И, доверяя лишь своим колодам
и таинству *раскладки* как письма,
играя день за днём и год за годом,
мы все съезжаем с общего ума!

Сам же Кулемзин, с помощью марсианской технологии *ппъъътрррръъаъ* избирательно читая отвлечённые мысли Нуртая (но только не те, что касались игры́), оценил подлое заключение Мусаича и подумал о том, что либерализм – слишком пассивная позиция для только что начавшейся половины XXI века. И это открытие лишь увеличило горькую усталость души. При этом взгляды его (Кулемзина, а не Мусаича) оставляли на лице его (Мусаича, а не Кулемзина) лёгкие ожоги.

Тяжко приходилось и унтер-офицеру Салихдзянычу. Сейчас он напряжённо разглядывал свои карты и, скорее всего, видел в них не картонки для игры, а какого-то мифического врага, с которым ему предстояло сразиться – именно так, согласно народным поверьям, кролик смотрит на удава.

Очень странным выглядел сейчас и Серёжа, хоть делай с него иллюстрацию для научной монографии о проблемах амбулаторного лечения прогрессирующего слабоумия.

У самогó же Альбионыча, которому пришла весьма неплохая карта, желания как-то радикально изменять ход игры не было, и поэтому он, даже при наличии двух джокеров, мизер объявлять не стал, а скромно сделал заявку в три взятки.

– Как три, йодистый покер? – воскликнул Батыршин, который должен был объявлять следующим и сам хотел заказать тоже три. – Странно всё это…

– А что тут странного? – пожал плечами Полтавцев. – Ты, главное, не расстраивайся! Меня вот Володя научил, так я теперь всегда спокойный.

– А меня научишь? – подпрыгнул на скамеечке музыкант.

– А то, – согласился сторож, наклонился к лежащей под ногами котомке, вытащил оттуда заветную книжечку «Для му.мы.», открыл только ему известную страничку и выразительно прочитал:

– Он сказал, что сегодня лучше, чем было завтра, а завтра будет хуже, чем позавчера.

«А и действительно!», подумал военный трубач и сразу же успокоился.

В час глобальных потерь
мне поддержкою служит
примитивное: «Верь,
всё могло быть и хуже!»

Прослушав мудрую мысль философа в исполнении сторожа, Талгат ещё немного «подумал» и заказал тоже три взятки, хотя карты его для взятия такой крупной крепости словно были рождены для мизéра. «А вдруг?», мелькнула в голове татарина странная русская мысль.

– Ну, а ты что молчишь? – обратился Володя к партийцу, который лихорадочно соображал, как бы сделать пакость всем остальным, но при этом взять свои… вот только сколько: две… или три… или даже четыре взятки! Правда, на этот раз победила не жадность, а трусость, и педагог скромно промолвил:

– Две.

И только литератор записал все эти неуёмные фантазии в раскладку, и только было хотел сделать первый ход, как раздался голос Полтавцева, который, как тут же выяснилось, обращался к Курманбаеву:

– Вот ты, Нуртай, Ленина любишь, а не помнишь его слова́…

– Какого Ленина? Какие слова? – обалдело повторил преподаватель еврейского колледжа.

– Какие, какие… – передразнил его Серёжа. – Лучше кратьше, да метче! – и, не давая опомниться, закончил мысль:

– По мизéрам!

«Ура!», запрыгало в голове музыканта короткое слово, которому на этот раз, кажется, улыбнулось счастье, ведь он мечтал именно о таком развитии роббера.

Мне с утра не надо рая –
курсом верным следую:
счастье – если я играю,
да ещё с победою!

Глава 59. ОХ, КАК ТРУДНО В НАЧАЛЕ ПУТИ! (и ещё одно продолжение)

Моему читателю, конечно, не надо объяснять, что при объявленном мизе́ре все старшие карты волшебным образом превращаются в младшие, и наоборот, поэтому планы, построенные как раз на наличие хороших карт, рушатся, как это произошло в 1989 году с мостом в Сан-Франциско, рассыпавшимся в течение нескольких секунд, когда случилось землетрясение.

Итогом этого непростого роббера стало то, что педагог и прапорщик пролетели – каждый на две взятки, или 45 очков, Володя взял свои три, заработав на этом пустячном подвиге 60 очков, а вот Серёжа тоже взял 60, но радовался больше, чем Альбионыч, так как к середине партии наконец-то вышел из минуса!

Ох, меня жизнёха била –
чуть умом не двинулся:
страшно плюсы полюбил я,
побывавши в минусе!

И тут все обратили внимание на Муравлёва. Ему явно было плохо: во-первых, пивко закончилось так давно, что он, даже напрягшись остатками мозгов, не мог вспомнить этикетку, совсем недавно мелькавшую перед его взором, во-вторых, когда играли остальные, ему нечего было делать, и, в-третьих, в отсутствие такого же неиграющего Митрохина не с кем было тихонько поговорить – чтобы как-то занять время до следующего похода в магазинчик Калимы.

– Кстати, а где Васюхан? – воскликнул он.

Все встрепенулись и поглядели на писателя.

– Его не будет с нами, – торжественно произнёс Володя, – пока он не придёт в себя.

– А ты, царица лесная, откуда это знаешь?

– Да воробей Ипполит Матвеевич на крылышке весточку принёс, – пошутил литератор.

– И где он сейчас? – поинтересовался сторож.

– Воробей? – уточнил шутник.

– Васюхан, – уточнил не понимающий шуток.

– В златоносных сферах бытия своего ареала проживания, – ответил Альбионыч.

«Мудрёно загнул», подумал Полтавцев и вопросительно посмотрел на военного трубача.

– В ёкарной квартире своей сидит, – перевёл с литературного на русский Талгат. – Не можется ему, наверное.

– Так надо помочь товарищу, – загалдели остальные.

Дружба нам всего дороже
при раскладе при любом:
мы товарищу поможем –
за него пивко допьём!

– Поможем, други мои, обязательно поможем, – пообещал марсианин. – Вот только доживём до обеда, сыграем партии три-четыре, а потом и навестим болезного.

– Какого облезлого? – переспросил глуховатый охранник. – А у него что, такая болезнь страшная?

– Даже страшнее, чем ты думаешь, – расширил медицинские познания экс-текстильщика просветитель.

– Так надо ему лекарство какое-то привезти!

– Возьмём, обязательно возьмём, – ещё раз пообещал Володя. – От болезни, которую назвал наш друг Серёнька, есть только два лекарства – *облезин* и пара-тройка бутылочек «Тянь-Шаня»… Но всё в будущем, а в настоящем времени, мои маленькие друзья, нас ждёт средняя *тёмная*.

Все, кроме живописца, тут же опечалились. Мало того, что предыдущий роббер на 12 картах оказался таким сложным, так теперь придётся ломать голову на тех же 12 картах, но только сделать заявку, не глядя в них!

Ох, несладко нашим ранам,
ох, и скуден наш бюджет:
сложно втёмную играть нам,
коли света в доме нет!

Но – надо было как-то жить, в смысле играть, дальше. Трясущимися руками старший знаменосец сдал роббер – опять на 12 картах, но теперь каждый последующий должен был убывать на одну карту. Все схватили своё и принялись изучать пришедшее – в силу физического состояния и интеллекта.

Первым крайне опечалился Батыршин, который сам себе сдал такую чепуху, что обрадоваться ей можно было только именно в этом случае – из-за того, что сейчас ему:

1. можно было делать заявки не *втёмную*, а глядя в карты;
2. можно было делать любой заказ – да хоть бы и пас.

От волнения военный вспомнил, что он ещё и музыкант, и тут же негромко засвистел до этого никогда не написанную мелодию.

– Талгат, чего это ты насвистываешь? – решил завязать непринуждённый разговор Валера, который до сих пор не принимал участия в игре, но страшно боялся, что когда-нибудь именно из-за этого неумения его просто выгонят из бермудского коллектива.

– Да ёперную оперу Хованского «Мусоргщина», – непонятно ответил трубач, но оказалось, что Муравлёв его прекрасно понял.

– А-а-а, слышал, святой Малевич, занятная вещица, – одобрительно покачал он похмельной головой.

Наш мир подлунный тошнотворен,
и я опять хочу посметь
всё, что не скажешь в разговоре,
ну, например, в «Кармен» пропеть!

И тут случилось незначительное происшествие, которое, тем не менее, так таки повлияло на ход дальнейшей битвы. Курманбаев, сидящий между писателем и Салихдзянычем, увидел, что карты ему пришли отменные, и, зажав их в одной руке, второй стал ощупывать пространство за своей спиной, но хвоста *иблиса* не нащупал, немного расстроился, но решил бороться «по-честному». И вот это непонятное для других верчение закончилось тем, что Нуртай просто отдавил Альбионычу ногу, причём, довольно ощутимо, и Кулемзин аж подпрыгнул на покерной скамеечке, после чего посмотрел на напавшего. Такого взгляда от литератора Мусаич ещё не получал никогда! Наверное, таким же обладал сфинкс, замерший на страже фараоновых сокровищ. Кстати, именно за этот взгляд его и расстреляли французские пушки, навсегда избавив мир от этого вечного неживого укора, выдерживать который было выше человеческих сил…

– !بله، آمن این بدبخت امت ار شکنجه داد اند[76] – горячо выругался на каком-то языке Володя и, аккуратно положив карты на столик, наклонился и стал массировать раненую ногу.

– Ну, ты даёшь, – покраснел Афанасьич и даже хотел было уйти, чтобы придти в себя после такого, но всё-таки остался, так как вспомнил о страшных санкциях для вот таких уходящих.

А Нуртай вглядывался в лицо покерного гуру, тщетно пытаясь прочесть в нём свою Суку-судьбу. Особенно внимательно он всматривался в писательские зрачки, так как читал в каком-то детективе, что на сетчатке гла́за якобы отражается всё, что видит человек в данный момент. Но тщетно!

«Нет, ну всем же понятно, что я совершенно случайно наступил ему на ногу», молча страдал педагог, «а он смотрит на меня таким матом!». Его сердце большевика проявляло стойкую тенденцию к движению в направлении пяток.

Каюсь, был не осторожен,
вижу – мне не сдобровать! –
лучше б палкою по роже,
чем вот так вот взор бросать!

Глава 60. ОХ, КАК ТРУДНО В НАЧАЛЕ ПУТИ! (почти окончание)

Но вот закончился и этот роббер, а за ним ещё один, и ещё. Положение к этому игровому моменту было тревожным: лидерство опять захватил неугомонный большевик, на втором месте был Кулемзин, отстающий от Нуртая на 14 очков, а вот Талгат и Серёнька плелись далеко сзади, то обгоняя, от отставая друг от друга, и от этого они совершенно забыли об общем конкурировании и занимались только тем, чтобы стать третьим, а не четвёртым. В принципе, тем же самым занимались и Альбионыч с Мусаичем, но им было куда как интереснее, так как, в зависимости от конечного результата, они получали в общую рейтинговую строку или 4, или 3 очка.

И тут Полтавцев, увидев, что к нему пришли два джокера в роббере на 9 картах, не стал смотреть дальше, а решил заказать две взятки и объявить при этом мизе́р. А зря, так как, кроме двух *грандов*, в его мини-колоде не было ничего достойного для реализации нелепой выдумки. Сделали свои заявки и остальные. Сторож дождался этого волнующего момента и звонко, как на пионерском сборе, объявил:

– Мизе́р, царица лесная!

После этого игра началась, но сразу же пошла не так, как «планировал» Афанасьич. Во-первых, первым же ходом старший трубач бросил на столик самую главную карту в игре, то есть покера, и торжественно объявил:

– По йодистым джокерам!

Охранник вздохнул и расстался с одним из младших джокеров. Но зато следующим ходом, когда Салихдзяныч пошёл какого-то некозырного туза, тут же пригрёб взятку, в которой, к досаде Курманбаева, оказался и его козырь.

Смысл не трудно разгадать,
коль запахло трупным:
козырь будет бит всегда,
если он – не крупный!

Вскоре все поняли, что объявление охранником мизе́ра было для его противников ка-

[76] *Примерный перевод: да замучали уже эти козлы – перс.*

кой-то нелепой выдумкой, пустым звуком, как, например, для трёхлетнего ребёнка непонятное слово *секс*. Особенно понимал это писатель.

– Какой-то стиль игры у тебя странный, – обращаясь к Полтавцеву, заметил он. – Я бы назвал его, яйчики-бабайчики, *босиком по соплям*.

Сторож насторожился, но даже эти слова не заставили его отказаться от «плана».

– Надеюсь, я твоё самолюбие не ущемил, – улыбнулся марсианин, – и характер не испортил?

Донести уполномочен
я для близких и чужих:
коль характер скверный очень,
то ни с кем ты не дружи!

При этих словах он ещё раз глянул на сторожа, пытающегося продолжить игру с «умным» видом, и подумал о том, что если человек рождается тупым, бедным и некрасивым, то в дальнейшем имеет много шансов развить в себе все эти качества.

И уже через какую-то минуту выяснилось, что Альбионыч был прав: бывший текстильщик всё-таки недобрал одну взятку, но зато испортил игру и остальным: Батыршин недобрал также одну, Володя – целых две, а вот Нуртай, которому особо везло именно на таких нелепостях, перебрал две взятки, хотя мог бы этого не делать, а дать Серёже наконец-то хоть немного подняться в *раскладке*. Но, к сожалению, удержать обладателя *иудостоверения* с могендовидом от пакостей было труднее, чем, например, обратить движение «Талибан» в христианскую веру.

Увидев подлость ленинца, печалью наполнилось сердце великого поэта и страдальца за простой народ. От возмущения он даже побагровел, точно школьник, вызванный к доске, и не то что не знающий, что отвечать, а даже не понимающий, чего вообще от него хотят. Возмущён поступком педагога был и Талгат.

– Нуртай, зачем же ты перебрал? – недоумённо спросил он. – Взял бы свои – добавил в *раскладку* 45 очков, а перебрал – получил всего 4. Что за ёкарное жлобство?!

Всё это военный музыкант говорил тоном, которому позавидовал бы сам маршал Жуков, славившийся резкостью и непререкаемостью суждений.

И действительно, Курманбаев выглядел сейчас как заурядный ресторанный жлоб, дающий официантке вместо чаевых поощрительный шлепок по тому месту, куда свисают завязки фирменного передничка.

Таков наш мир: любая бездарь,
любой зачуханный баран
изображает высь и бездну,
стуча в жестя́ный барабан!

– Да я не нарочно, мать моя партия, – пытался оправдаться еврейский преподаватель, – у меня так случайно получилось! И вообще давайте уже дружить как следует, то есть не предъявлять мне постоянных претензий…

Разумеется, никто не поверил в искренность намерений Мусаича, а сторож так даже вспомнил мультфильм своего золотого детства в деревне Семижопино.

– Ну, хватит уже, Нуртай, – поморщился он. – Ты же помнишь, мать честна́я, как говорил кот Леопольд: давайте, мол, жить дружно, а то всем пасть порву!

Леопольд дружил со всеми
кошками в своём гареме!

И здесь неожиданно к и без того тяжёлому разговору решил примкнуть Муравлёв, который до этого сидел на покерной скамеечке индифферентно, время от времени рисуя веточкой в пыли под ногами каких-то фантастических зверюшек, а потом стирая их подошвой сандалика. Но из-за того, что он не играл со всеми, нить спора от него как-то незаметно ускользнула в сторону, и поэтому все услышали слова, обращённые к Афанасьичу:

– Ну,ты, Серёжа, даёшь! Нельзя же постоянно так себя вести! Ты хотя бы немного считался с мнением коллектива!

– Что?! – заорал сторож. – Оказывается, я ещё и виноват?

– Святой Казимир Северинович, а кто же ещё? – резонно рассудил Валера. – Я, сколько себя помню, всегда видел, что виноват именно ты…

Вот этого семижопинский уроженец не мог простить никому: он тут же вскочил с покерной скамеечки и рванул в сторону дома № 16 с низкого старта. Альбионыч безуспешно попытался поймать его за рубаху или штаны, но не смог.

– Валера, ты что, с ума сошёл? – попенял он живописцу. – При чём здесь Полтавцев? Это всё Нуртай устроил.

– Да? – удивился Николаич. – Ну, тогда я, может быть, схожу за Серёжей?

– Ага, – скептически заметил литератор. – Не волнуйся, он придёт сам, так как минут через 15 забудет, кто его обидел и как он в разгаре дня вообще оказался до́ма.

Помогите мне, больному,
вспомнить, с кем сегодня спал:
если я очнулся до́ма,
значит, тут я и бухáл!

Глава 61. ВЫНУЖДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ, или ИСТОРИЯ И ОДИН СТИШОК

А что же 15 минут, о которых только что сказал марсианин? Неужели наши игроки и примкнувший к ним художник, который сейчас сидел прибитый своей виной, будут прозябать в безделье и невежестве? Конечно же, нет, ибо всегда с ними великий просветитель коллектива Кулемзин! Вот и сейчас, пользуясь вынужденным перерывом, Володя решил занять свободное от игры время некими литературным поделками – своего и не только сочинения, и для начала рассказал присутствующим весьма поучительную историю под названием

Об эволюции еврейской мысли

– Итак, – начал он,

– Великий еврей Моисей сказал: «Всё дело там», – и указал на небо.

Великий еврей Соломон сказал: «Всё дело здесь», – и дотронулся пальцем до головы.

Великий еврей Христос сказал: «Всё дело здесь», – и взялся рукой за своё сердце.

Великий еврей Маркс сказал: «Всё дело здесь», – и погладил свой живот.

Великий еврей Фрейд сказал: «Всё дело здесь», – и цапнул себя за то место на брюках, где ширинка.

А великий еврей Эйнштейн сказал: «Всё относительно»…

Всё в мире этом относительно,
взять нашу жизнь из года в год, –
то, словно ласточка, стремительна,
то черепахою ползёт.
Такого мира многоликого
нам не понять порой никак,

где связь смешного и великого,
от одного к другому – шаг…

– Глупая какая-то история, – неожиданно решил встать на скользкий путь критиканства педагог.

Валера сердито посмотрел на Нуртая и воскликнул:

– Эх, Нуртай, какая же ты пропадлюка!

Но оказалось, что история, только что рассказанная писателем, здесь вовсе не при чём.

– Что?! – взревел педагог.

– А как тебя ещё назвать? Ты разве не понимаешь, что я из-за тебя хорошего человека обидел?

– Это Полтавцев-то хороший? – задохнулся от возмущения партиец. – А знаешь ли ты, что он – полный моральный разложенец?! А знаешь ли ты, что он, будучи не состоящим в браке, состоит в незаконных интимных отношениях с некоей Зулей?

– И что? – в ответ заорал Муравлёв.

– А то, что этот факт полностью противоречит «Моральному кодексу строителя коммунизма»!

Вот этого живописец вынести не смог – он опрометью бросился к уже не раз испоганенным учпучмакским кустам и высказал им всё, что думает о Курманбаеве, коммунизме и его строителях.

Я живу в любви коммуне:
коммунарки хороши –
телесами (каплют слюни!)
и бесстыдностью души.
Это счастье – жить в коммуне,
жизнь в коммуне – сущий рай,
ибо все дают, к кому не
подойдёшь и скажешь: «Дай!»

И тут Володя, мгновенно поняв, что покерная хевра из-за возникшего скандала, кроме Серёньки, может к тому же лишиться одного игрока и одного сочувствующего, решил ещё раз отвлечь их привычным способом, то есть прочесть какой-нибудь весёлый стишок. И тут же сдержал данное себе слово – прочёл некий вольный пересказ одного из известнейших творений русского помещика Некрасова, но на саксаульские мотивы:

– Однажды в горячую летнюю пору
я шёл по бархану: был зной очень лют.
Гляжу, поднимается медленно в гору
нагруженный тяжко двугорбый верблюд.
И шествуя важно, как конь на параде,
верблюда ведёт под уздцы бедуин –
в больших чувяка́х, в долгополом халате,
в высоком тюрбане, а сам – с карабин.
«Салам, правоверный!
«Ступай себе с миром!»
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда верблюд?»
«С каравана, вестимо.
Отец, слышишь, грабит, а я отвожу!»
Вдали раздавался призыв муэдзина...

«А что, у отца-то, богатый гарем?»
«Гарем-то богатый, да только мужчины –
отец мой да я. Задолбались совсем!»
«А как тебя кличут?»
«Али Бен Махмудом»
«А кой тебе годик?»
«Аллах разберёт…
Иди же, шайтан!» – рявкнул он на верблюда,
рванул за уздцы и потопал вперёд…

К удивлению исполняющего, шквала аплодисментов не последовало, что несколько расстроило Альбионыча. Но тут оказалось, что на выручку поспешил его заклятый друг Курманбаев.

– Нравятся мне твои стихи, – фальшиво поведал Нуртай. – Они зовут, они ведут!

– Куда? – ужасным голосом спросил поэт.

– В будущее, – ответил педагог.

– Надеюсь, яйчики-бабайчики, в светлое? – уточнил Володя.

– Конечно! – звонко выкрикнул Мусаич.

И тут Кулемзин стремительно сорвался с покерной скамеечки и бросился к неоднократно опаскуденным кустам. Да-да, читатель, впервые за пять томов нашего великого романа его позвало туда сам догадываешься что и сам догадываешься для чего!

Глава 62. ОХ, КАК ТРУДНО В НАЧАЛЕ ПУТИ! (ещё одно почти окончание)

Живя довольно долго на свете, автор совсем недавно понял, что *символы места* – это не пустой звук: символы образуют фантомы, из которых скачивают энергию множество людей. Вначале человек сам создаёт такой призрак, а потом уже этот призрак начинает формировать атмосферу, тем самым меняя человека. Вспомните хотя бы иконы, и особенно так называемые *намоленные*. Или Кремль в Москве – это не просто виртуальный образ, так же, как и египетские пирамиды, и чёрный камень в Мекке, и Стена плача в Израиле. Всё это фантомы, которые образуют то, что принято называть национальным самосознанием.

Таким же национальным самосознанием для игроков стал покерный столик и покерная скамеечка, сделанные (по идее Альбионыча) руками вначале его друга Насиба Кураева, а затем врытых в землю на территории Бермудского Учпучмака самими покеристами – с помощью подручных лопат. И случилось чудо: через железо столика со временем стал протекать такой мощный энергетический поток, что он чувствовался даже на значительном расстоянии – например, так же, как энергетический поток, подвигающий француза быть французом, а не чехом или каким-нибудь бельгийцем, протекает через ржавый скелетик Эйфелевой башни: перестройте её – и французы станут иными…

Мне при встрече Эйфелева башня
так сказала, правды не тая:
«Пью я дождик из небесной чаши.
Кто же, если не жирафа, я?»

Соприкасаясь со столиком руками, а со скамеечкой задницами, наши игроки создавали электрическое поле, в которое тут же начинала включаться и голова – предмет, который, как наверняка уже успел заметить мой внимательный читатель, не лишний в *русской кочерге*. И вот эти разряды, искрящие от, казалось бы, простой штукенции, которой яв-

лялся покерный столик, и давали ту необходимую энергию, которая из ordinarius populus[77] в конце концов делает homo sapiens[78].

Во мне грехи сомнений велики:
ведь если homo sapiens разумен,
откуда же берутся дураки?
Ну, как тут снова не ополоуметь?!

Но прочь авторские изыски, ибо нашим героям именно в этой главе предстоит завершить первую на сегодняшний день битву! А она уже действительно подходила к концу, потому что оставалось сыграть всего ничего: четыре коротких роббера и последнюю *тёмную*, которая решала всё. Расклад сил на этот момент был следующим: на первом месте с 672 очками закрепился Курманбаев, на втором дышал ему в спину Кулемзин, который к этому моменту успел навоевать 644 очка, на третьем скромно притулился Батыршин со своими 403 очками, а на последнем, как это бывало часто, находился живописец Муравлёв. Шутка. На последнем месте был Серёжа, который к тому времени уже вернулся.

Неужто заказ снова сорван?
О, да! Быть не может точней:
пейзаж не закончен, ведь снова
в запое художник шесть дней!

И вот такие короткие робберы, о которых было сказано десятью строками выше, играть было очень трудно. Почему? Да потому, что при малом количестве карт, например, когда их в руке всего четыре, количество игроков по-прежнему оставалось тоже четыре, и очень-очень редко случалось так, что каждый из них брал свою одну взятку – и все расходились миром. Тем более всё меньше времени оставалось на то, чтобы выровнять ситуацию и, если позволит великий Случай, который, как теперь известно моему читателю, и правит нашим миром, даже выиграть партию.

Но вот промелькнули и эти короткие игрёшки, мало что изменившие в общем положении дел. Оставалось сыграть только последнюю *тёмную* – в роббере на 12 картах. Казалось бы, привычная ситуация для людей, которые вот уже пятый том просиживают за этим занятием, но ведь перед само́й игрой надо было сделать заказ, *не видя карт*, а это было не просто трудно, а трудно психологически!

Мой мозг на пять частей расколот,
ведь я пишу вот этот стих.
Диагноз ставит мне психолог:
«Да вы, товарищ, просто псих!»

Наверное, поэтому Полтавцев поднатужился и, решив не сходить со своего четвёртого места, которое давало всего 1 очко в общий игровой рейтинг, заикаясь, вымолвил только одно слово:

– П-п-пас.

Все, включая неиграющего Валеру, немного посмеялись над сторожем, ибо даже Валера знал, что на *тёмных* нельзя было делать заявки меньше трёх взяток. А литератор в это время придумал афоризм, который прямо сейчас станет достоянием общественности в лице наших читателей:

[77] Человек обычный – лат.
[78] Человек разумный – лат.

Глубинная суть паса –
знать, чего ты не можешь…

Но вот, наконец, все определились. Труднее всего в этой ситуации было Володе, ибо для того, чтобы он закончил эту партию на первом месте, нужны были сразу несколько факторов: во-первых, чтобы он взял свои три заказанные взятки, во-вторых, чтобы хотя бы на одну взятку пролетел педагог, причём, независимо, недобрал или перебрал её, и, в-третьих, чтобы дворовые дети орали чуть слабее – скажем, на 150-160 децибелов. Но вышло так, что проще других оказалось выполнить именно третий пункт, но *наоборот*!

Пусть кто-то скулит
про морщины и складки, –
у нас, оптимистов,
всегда всё в порядке!

«Как это?!», удивлённо воскликнет мой читатель, и будет прав, ибо ни до того момента, ни после в обозримой Ойкумене такого больше не случалось никогда. А вот это *наоборот* заключалось в том, что дворовых детей стало не слышно совсем, потому что их визг, постоянно усиливаясь, вскоре перешёл в ультразвук, на что довольно нервно отреагировал только пёс Боря, который завертел кудлатой башкой, как будто ему в уши попала вода.

– Итак, в дурдом, яйчики-бабайчики! – дал команду командующий. – На крейсерском ходу!

Глава 63. ОХ, КАК ТРУДНО В НАЧАЛЕ ПУТИ! (окончание)

При этом сам командующий старался выглядеть беззаботным и весёлым, как бразилец Педро Педрович ди Оливейра на карнавале в Рио, что также являлось частью его (командующего, а не бразильца) плана по дезинформации противника. «Да, неплохо было бы устроить этим оборванцам прослушивание Жака Исааковича Оффенбаха[79] в нокауте!», подумал писатель.

Первым должен был ходить Салихдзяныч, но, видимо, в этот момент силы его персонального татарского *дедушки* Махмыра[80] оказались сильнее сил божества Русской Кочерги, поэтому музыкант, даже несмотря на то, что его уже два раза подёргал за штаны доброволец из народа Николаич, молчал, как водолаз на работе.

«Что же там скрывается – за лобной костью?», подумал Кулемзин, а вслух сказал несколько другое:

– Да, глядя на некоторых людей, понимаешь, как сильно их армейская фуражка сдавила остатки мозга.

– Эт’ ты про кого? – оглядел присутствующих Серёжа и, на всякий случай, погладил себя по голове, как бы проверяя, тот ли головной прибор сейчас сидит на его причёске.

Вот уже довольно долго,
с глубиной наедине,
позабыв о чувстве долга,
водолаз сидит на дне.

[79] Не удивляйся, читатель: папу этого французского композитора действительно звали Исаак Иегуда Эберит, так как он был немецким евреем из города Оффенбаха-на-Майне – прим. автора
[80] Похмелье – тат.

За минутою минута!
Неподвижный и немой,
возвращаться почему-то
не желает он домой…

Наконец прапорщик вышел из спящего режима и сделал первый ход. Надо ли говорить, что ход этот был нелепым до крайности: Талгат бросил на покерный столик… козырного бубнового туза, после чего тихим голосом умирающего скворца пролепетал:

– За ёкарную простую.

Все, включая ничего не понявшего Афанасьича и всё понявшего Муравлёва, немного посмеялись, потом объяснили Батыршину его ошибку, но не заставили переходить, ибо в этом случае он бы получил минус 20 очков в *раскладку* на простой игре, но ведь сейчас игра шла *втёмную*, а, значит, его штраф мог увеличиться в два раза. И вот тут-то выяснилось, что ход трубача был не таким уж и нелепым, потому что писатель, зная, что ничем хорошим это не кончится, сбросил козырную тройку, затем козырного короля побил Серёжа – таким же козырным тузом, и в конце короткой схватки всё это забрал Курманбаев – младшим джокером.

– Да это просто гиньоль[81] какой-то! – увидев сие ужасное действие, воскликнул знаток языков Володя.

– Да, старичок, – попенял педагогу Афанасьич, – то, что ты сделал, мать честнáя, это не канифоль…

– Серёжа, правильно нужно говорить (прости, русский язык!) *не комильфо*, – поправил его Володя.

– А разве это не симфонии? – удивился сторож.

– Нет, это не синонимы, – подтвердил писатель с филологическим уклоном.

После первой *локальной* победы педагог воодушевился и, как это бывало уже не раз, впал в ересь всемогущества, ведь кроме ушедшего младшего джокера, у него был ещё и сам покер. «Стоп!», вдруг заорал он, и хорошо, что не вслух. «Почему же я не объявил мизéр?!». Но, как пишут плохие писатели в плохих романах, было поздно.

Слишком поздно понял я,
что случилась вдруг фигня!

И тут ленинец понял, что не знает, что делать: то ли придержать покера *на потом*, то ли сделать им ещё какую-нибудь пакость. Разумеется, в данном случае перевесила пакость, и Мусаич двинул вперёд покера с нелепыми словами:

– По старшим крестям, мать моя Октябрьская революция!

, ибо у него ещё имелся крестовый король, на который он – по своей неопытности в *русской кочерге* – и надеялся.

Наконец-то литератор мог вздохнуть свободнее и спокойнее! Почему? Да потому, что у него было два некозырных туза, но среди них не было именно крестового, так что с чистым сердцем Альбионыч отдал крестовую десятку.

А вот Нуртай в этот момент понял, что остался без всякой поддержки. Правда, у него ещё была козырная дама, которая, как показалось, даже подмигнула ему правым глазом, подарив некую надежду. И напрасно!

Дамы дарят нам надежды
на счастливый светлый брак,

[81] Спектакль, изобилующий злодействами – фр.

мы же, глупые невежды,
знать не знаем: это враг!

Далее покерный аксакал действовал интуитивно, точно шахтёр, погребённый лавой и пытающийся самостоятельно выбраться из забоя наружу, хотя и видел, что Нуртай держался до последнего, как крейсер «Варяг». Глаза преподавателя еврейского колледжа обрели такое же выражение, как у зверолова со стажем, который поутру в своих силках вместо ожидаемого зайца вдруг обнаружил уникальное чудище с артефактными достоинствами типа трёхголового *семихера.* Но, как говорил кто-то из классиков САНКИ[82], на всякую хитрую учёную жопу с сероводородным выхлопом всегда найдётся плотная затычка из веточки карагача.

Особенно страшно Мусаичу стало после того, как Кулемзин, взяв свои три взятки, пошёл пиковой двойкой, которая к тому времени оставалась самой маленькой картой в игре и была немедленно зверски убита, неожиданно сказал твёрдым голосом, глядя в глаза большевику:

– Человек подобен комплексному числу и состоит из вещественной части и мнимой. Вещественная часть – это то, кем он является в глазах окружающих, а мнимая – то, кем он себя считает сам…

– Ты что, это сам придумал? – удивился, услышав такое откровение, охранник, споро вытащил из котомки заветный блокнотик «Для му.мы.» и быстро записал, чтобы не забыть, а вечером показать Зуле эту мудрость: «Комплексные числа, из которых состоит человек, являются чем-то, что я уже успел забыть, пока писал первую строчку!». Он довольно перечёл записанное и понял, что значительно умнее своей подруги Зули, которая вряд ли поймёт даже слово *комплексные.*

Комплексные числа
в воздухе повисли,
ну, а мнимое число
вовсе чепуху несло!

И вот, наконец, трудная первая партия была завершена. Первое место и законные 4 очка в общий (прости, русский язык!) рейтинг завоевал Володя, второе всё-таки осталось за педагогом, ну, а последние два места по праву заняли унтер-корнет и Полтавцев. И, кстати, оба радовались этому, так как ни Талгат, ни Серёжа в результате игры не попали ни в *шпалу*, ни в *жопу*, ибо, если бы это случилось, вместо завоёванных с таким трудом очков у них в *раскладке* списалось бы соответственное их глупости количество, что в покерном коллективе являлось неким заменителем позора.

– Кстати, а давайте-ка назовём нашу первую партию «Операция «Манящий хаос жизни», – предложил покерный философ, и такое более чем странное предложение почему-то было принято с восторгом и в первом чтении, после чего Кулемзин добавил то, без чего эти трудные главы были бы неполными:

– А вот, яйчики-бабайчики, и вся наша жизнь, описанная без единой буквы:

? ! … .

[82] ***Саксаульская Академия Наук Креативных Исследований – прим. автора***

Глава 64. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Но разглядывания всех этих хитрых знаков препинания, которые сейчас висели в воздухе перед покерным столиком, и в которых наш герой почему-то увидел как бы концентрат жизни, были прерваны посторонним звуком. Все прислушались и опознали звук вызова володиного телефона.

– Звонок с неизвестного мне номера, – приглядевшись к маленькому монитору, произнёс Альбионыч. – Кто бы это мог быть?

Он нажал вначале одну кнопку, которая включала громкую связь, а затем вторую, которая, собственно, и позволяла слышать собеседника, и только было собрался уверенно произнести что-нибудь прямо в аппарат, как ему в ухо ворвался незнакомый голос.

– Аллё, это ты?

– Да, – ответил писатель, так как это действительно был он. – А это кто?

– Я, – правдиво ответил неизвестный абонент.

– А можно уточнить? – попросил Володя.

– Конечно, можно. Я – это 33-я буква русского алфавита.

– Понятно, – пробормотал марсианин и отключил аппарат.

Так я скоро буду хворым,
мозжечку дав перерыв –
вновь пустые разговоры
отвлекают от игры!

Глава 65. ПОХОД ЗА ВНЕПЛАНОВЫМ ВЕСЕЛЬЕМ

Кулемзин, закончив странный разговор ни о чём, начал вглядываться в лица сидящих перед ним людей. И вот почему. Он вдруг заметил, что только что закончившаяся первая партия была настолько напряжённой, что даже автор романа «Русская кочерга», описывая её, назвал несколько по-страшному «Ох, как трудно в начале пути!», да ещё для выразительности поставил в конце этого предложения восклицательный знак.

Видимо, почувствовали это буквально все персонажи нашего великого повествования, так как сидели молча, притихшие и какие-то пришибленные. Мой читатель давно заметил, что покерный гуру не был садистом, и потому неудивительно, что считая игру самым важным делом в своей жизни, он решил сейчас сделать внеплановый подарок коллективу.

– «И похвалил я веселье, потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться…»[83], весело сказал он.

Наслаждений силуэты
нам сейчас *иблис* предрёк:
«Пей, закусывай, ведь в этом
счастье ты найдёшь, дружок!»

– Хорошо сказал, Володя! – взволнованно воскликнул Серёжа, потом немного «подумал» и уверенно добавил:

– Мать честнáя!

– Да это не я, – поморщился писатель. – Это некий Соломон.

– Ёкарный еврей какой? – поинтересовался Батыршин, вздрогнув всем телом.

– Он, – коротко ответил Володя, не вдаваясь в ненужные подробности.

[83] ***Библия, Книга Екклесиаста, или Проповедника, 8:15 – прим. богосл. редактора***

– Умный, наверное, был пацан, – оценил цитату и Муравлёв, потом немного «подумал» и уверенно добавил:

– Святой Малевич!

– Да уж не чета некоторым, – подтвердил Курманбаев, но посмотрел при этом почему-то на Полтавцева. Затем он немного «подумал» и уверенно добавил:

– Мать моя партия!

– А я что? Я ничего, – открестился сторож. – Я только до конца уяснить хочу: этот еврец про чё сказал? Про пиво?

– Конечно, – легко ответил Альбионыч и достал из кармашка ещё одну купюру. – Ну, кто на этот раз за внеплановым весельем?

Я хоть и трудолюбивый,
но скажу вам без проблем:
«Счастье может дать лишь пиво,
а не труд на радость всем!»

Удивительно, что и на этот раз на заманчивое предложение никто не отликнулся. Тогда писатель решил усилить своё решение следующими словами:

– Ладно, – добродушно проронил он, – пользуйтесь моим великодушием! Вам повезло: меня внезапно скрутил приступ доброты – есть такая трудноизлечимая болезнь.

И вот здесь все, как одинаково заведённые игрушечные мартышки, повернули головы в сторону Афанасьича.

– А почему снова я? – заартачился охранник.

– Да, может, потому что именно ты матери-истории менее ценен, – философски отозвался Володя.

– А-а-а, ну, тогда ладно, – согласился Полтавцев и сурово, по-бендеровски[84], добавил:

– Деньги давай, царица лесная!

– Да ты, как говорил саксаульский классик Кулемзин, какой-то луч фонарика в тёмном сортире!

После этого предложения саксаульский классик Кулемзин достал очередную купюру и вручил её скороходу. Надо заметить, что когда это было надо, литератор швырялся назарбаксами, как американский автомат Джона Джеймсовича Томпсона – мощными пулями из патронов 45 ACP.

– Иди, Серёжа, – напутствовал ходока Володя, – но помни, что ещё великий Фритьоф Бальдурович Нансен[85] говорил о том, что прелесть любого путешествия в возвращении!

Получив деньги, охранник тут же сорвался с места, словно стартовал в открытый космос. Володя с ужасом поглядел на мчащегося в магазин бегуна и пробормотал:

– Всё-таки страшная штука – это пивостремительная сила!

Он кудрями потрясёт,
нам по пиву поднесёт!

Глава 66. ПОХОД ЗА ВНЕПЛАНОВЫМ ВЕСЕЛЬЕМ (окончание)

Вскоре оказалось, что ходок, как это уже бывало не раз, задерживается. «Чем бы занять коллектив?», подумал Альбионыч, а вслух произнёс:

[84] И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев», глава XXXIX – прим. лит. редактора
[85] Норвежский полярный исследователь, лауреат Нобелевской премии за 1922 год – прим. ге-огр. редактора

– Пиво мне нравится исключительно из-за того, что оно жидкое. А иначе бы я его вообще не пил, а только грыз!

После этого таинственного сообщения ожидание стало ещё более осязаемым, а Салихдзяныч даже «вспомнил», что сторож перед походом за внеплановым весельем вроде бы как бы якобы обещал, что принесёт пиво через семь минут. Но времени прошло уже куда как больше, и жаждущим казалось, что эти семь минут растянулись на час, как если бы в школу на уроки шёл первоклассник, которому старший брат-второгодник уже успел рассказать все подробности про прелести школьного обучения, после чего нос младшего братишки стал несколько распухшим.

Не люблю ходить я в школу,
как примерно на уколы!

Кулемзин нагнулся, сорвал облетевший жёлтый одуванчик и засунул нос в его мохнатые лепестки, немного испачкав лицо лимонного цвéта пыльцой. Запах цветка, пробивающийся через пыль, поднятую дворовыми детьми, напоминал о неустаревающем чувстве любви, наполнял сладким желанием и рождал в голове поэтические строчки. Поэт и сам не заметил, как открыл в голове запоминательный центр *жржжъъъааааъъът*, куда сходу начал помещать наваянные рифмованные слова́:

Граничит с полной тьмою свет нерезкий,
упершийся в плакат: «Конец пути»
Взамен икры – колбасные обрезки,
взамен души – обрывки конфетти.
Кровоточа́т бесчисленные раны,
и этот дантов путь в сплошную тьму
есть результат непения *осанны*
осанке нашей, силе и уму...

И вот здесь случилось нечто невероятное: дверь сельпо Калимы распахнулась, отту-да выкатился Полтавцев с выпученными глазами и побежал, но не прямо – в сторону покерного столика, как бы по условной биссектрисе Великого Треугольника, а по его восточному катету! Игроки и примкнувший к ним живописец не успели моргнуть ни одним из своих восьми глаз, как Афанасьич уже скрылся за поворотом, за которым начиналось его родное гнездо, то есть дом № 16.

И вот тебе, мой читатель, ещё одно несомненное преимущество этой великой книги: ни один из героев «Русской кочерги» так и не узнал, что случилось с хворым на голову охранником, а ты это узнаешь прямо сейчас! Дело в том, что с детства у Серёжи было одно невинное увлечение: он собирал конфетные фантики. А так как детство у него было тяжёлое, то конфеты он видел (не пробуя) очень редко, потому что эти сласти обычно съедал его дедушка Михей из деревни Самижопино, затем облизывал бумажку, а уже потом отдавал её внуку, как до него делали только графини Вишенки из нетленной сказки про (прости, русский язык!) антропоморфный говорящий лук великого итальянского сказочника Джанни Джузепповича Родари.

Пусть каждый год крепчают
коварные ангины.
лекарства дорожают,
лечиться недосуг.
я съел сейчас на ужин
частицу Чиполлино,

все знают, как целебен
порой обычный лук!

Когда внучок подрос, то понял, что детское увлечение не прошло, и вот с тех пор он где только мог находил различные конфетные фантики, облизывал их сам, а затем тщательно разглаживал чугунным угольным утюгом, доставшимся ему в наследство от бабушки Федóры (вот таким)

, и складывал в коробочку из-под советских леденцов «Лимонные»

А при чём же здесь фантики? Да при том, что увидев, как в магазин привезли корóбки со свежими конфетами, экс-текстильщик проявил недюжинную швейковскую смекал-ку, схватившись за голову, как если бы она внезапно заболела *ишачизмом*, и попросил хозяйку принести ему полстакана воды, а когда она, ворча, ушла в подсобку, то быстро распихал по карманам по одной конфете из всех вскрытых коробок. Вот так Серёнька Афанасьич совершил банальное воровство, правда, оправдывает его только, как уже было замечено ранее, тяжёлое детство да ещё то, что преступление было совершено в особо малых размерах.

Знают в нашей деревеньке:
я любитель леденцов,
но ворую помаленьку,
не набили чтоб лицо!

♠ ♠ ♠

И почувствовал здесь автор, что, хотя и многое уже он рассказал об этом персонаже в предыдущих четырёх томах «Русской кочерги», но вот этот, пятый том, просто-таки будет неполным, если ещё хотя бы немного не отразить на его страницах некоторые факты из жизни нашего главного героя. И решил он (автор, а не герой) сделать это в своём излюбленном стиле покерных нотаций. Итак…

Глава 67. О НЕИЗВЕСТНЫХ ДО ЭТОГО МОМЕНТА ФАКТАХ ИЗ ЖИЗНИ СЕРЁНЬКИ ПОЛТАВЦЕВА, СОСТАВЛЕННЫХ ПО ВОЗМОЖНОСТИ ХРОНОЛОГИЧЕСКИ (о детстве и школьных годах)

«Как уже не раз упоминалось в нашем великом романе, родился Серёжа Полтавцев в деревне Семижопино Семижопинского района какой-то области СССР (б), которая по странной прихоти издателей мирового географического атласа так и не была внесена в список мегаполисов планеты Земля»

«С детства жил наш герой в своём перпендикулярном мире, и только его дедушка Михей и бабушка Федóра знали, какие у будущего сторожа в голове проходили атмосферные осадки»

«Кроме не нужных мозгов, Афанасьич не вполне удался и лицом: глядя на него внимательно, очень хотелось подарить ему на день рождения противогаз, с которым он ещё мог сохранить реальный шанс устроить свою личную жизнь»

«В детстве по утрам, проснувшись на сеновале, он мечтал о стаканчике мороженого, а теперь с удивлением отмечал, что каждое утро мечтает тоже о стаканчике, но только водочки. «Видимо», решил он в процессе долгого обдумывания этого личного феномена, «плохое мороженое сейчас стали выпускать!»

«С теплотой вспоминал бывший семижопинец своих единственных родственников, и особенно бабушку Федóру, которая, не смотря на свой преклонный возраст, в маразм впадать и не собиралась, а, напротив, к своим 80 годам увлеклась ЗОЖем, или, по-русски говоря, здоровым образом жизни»

Бабка с дедом умирают
в 99 лет,
в рай, конечно, попадают –
и чего там только нет:
сауна, вино, красотки,
кофе, сигареты, джаз…
Выпил дед рюмашку водки –
и как даст старухе в глаз!
«Ах, ты, изверг бородатый!»
«Понимаю, что грешно –
мать, не твой бы ЗОЖ проклятый,
жили б так уже давно…»

«Лет с десяти Серёнька начал пить самогон, а участковому Кобылкину, когда тот ловил его за овином, объяснял, что делает это «для возмужания личности», за что дедушка Михей драл его ремнём нещадно, но не за что, что пил, а за то, что пил, не оставляя самому́ дедушке»

«Глядя на нехитрую бабушкину стряпню, будущий текстильщик однажды высмеял деревенского дурачка Соломошу, который утверждал, что икру продают в банках, куда её откладывают рыбы – прямо через стекло. Сам же Сережа бы твёрдо уверен, что икру мечут только кабачки и баклажаны, которые его бабушка готовила очень вкусно, так как всё *какашко*, которое у других соседей вывозилось специальными людьми-золотарями, вываливалось ею прямо на огород!»

Люди умные нынче далече ушли,
утопая и в розах, и в позах,
но, увы, не придумал никто для земли
удобрения лучше навоза!

«Главным же разочарованием серёжиного семижопинского детства стало недоумение о том, почему родному государству нельзя напечатать столько денег, чтобы всем хватило до старости?! Кстати, детство Афанасьича давно прошло, а он до сих пор этого не понимал…»

На всю деревню славился балбесом:
бывало, в детстве забирался в хлев
и там грешил мыслительным процессом
с самим собой. Но бросил, повзрослев…

«В школу маленький Серёжа идти боялся, поэтому целый год прятался от участкового Кобылкина и инспектора Семижопинского районо Придыхалкиной по овинам, клетям и подклетям, а если уж совсем припекало, то сбегал в лес и жил там по нескольку дней, питаясь сырыми грибами и волчьими ягодами, которые сами волки почему-то есть брезговали»

«Из всей школьной программы маленький Полтавцев твёрдо запомнил только то, что слово *евонный* пишется с двумя *н*, а *ихний* – с одной»

«Ещё во втором классе у маленького Афанасьича появились идеи, которые его учительница Андромеда Абрамовна Многостонова назвала капиталистическими. А дело было так: когда на утреннике, посвящённом Дню советского (б) металлурга, выясняли, кто кем хочет быть, будущий герой «Русской кочерги» заявил, что больше всего на свете он хотел бы быть Дедом Морозом, а на вопрос учительницы *почему?* ответил:

– Классная профессия! Недельку посуетился – и весь год свободен!»

«С горем пополам перебравшись то ли в седьмой, то ли в восьмой класс, который стал последним учебным в его жизни, он с упоением принялся изучать географию, биологию и астрономию, правда, считая последнюю наукой недоказуемой, так как до звёзд было слишком далеко, и ни один из авторов учебника по этой дисциплине не был в космосе ни разу, а врал про это дело прямо из головы – например, говорил, что некое звёздное скопление называется очень смешно – Гоночные Псы»

«Так, из школьного курса географии Серёжа помнил лишь о том, что Америку открыли в каком-то там веке американцы, после чего назвали континент в честь себя, а вот басни, которые ему очень понравились на уроках родной речи, он называл вполне по-научному: изжопов язык»

«А этот случай до сих пор вспоминают в Семижопинском районо. Как-то раз на уроке биологии однорукий учитель Иванишвили, кстати, ветеран войны, спросил:

– Дети, а вы знаете, что бутон тюльпана на ночь закрывается, а утром опять открывается?

– Как пивной ларёк? – уточнил Полтавцев.

– Да, Серёжа, как пивной ларёк, – сглатывая слюну, ответил учитель»

Сейчас я снова стану пьяным,
как будто брошусь со скалы:
ларёк откроется тюльпаном –
и будут люди веселы!

«А на уроке истории на вопрос учителя: «Итак, дети, ответьте: война 1812 года была между...», будущий охранник вполне логично ответил, что она была между 1811 и 1813 годами»

За то, чтоб полслова хотя бы понять,
полголовы я согласен отдать!

«Дневник этого ученика, впоследствие ставшего знатным учпучмакским покеристом, в школьные годы чудесные был переполнен записями учителей, которые *стучали* на него не только за школьные проделки, но даже на отдыхе. Работая над романом «Русская кочерга», автор, заплатив сторожу школы Дормидонтычу *на пузырь*, как-то ночью извлёк из школьного архива дневник двоечника Полтавцева и нашёл там, например, такую запись: «Уважаемая Федóра Гвидоновна![86] Ваш внук Серёжа единственный, кто взял в поход водку. Спасибо вам за внука!»

«И ещё некоторые записи в серёжином дневнике, добытом автором в процессе работы над романом «Русская кочерга»:

«Не знает ни одного слова о полку Игореве!»

«Пришёл в школу с опозданием на несколько дней»

«Кидался не могу написать чем на уроке анатомии!»

«В столовой кричал «Хамы!», но съел всё и попросил добавки…»

Вот, пожалуй, и всё, что автор хотел рассказать о школьных годах своего главного героя. Будучи знакомым с Афанасьичем лично, он постоянно приглядывался к сторожу-охраннику, словно бы ждал, когда же наконец томý в жизни пригодятся изучаемые в школе дециметры…

Каждый индивидуален –
умный кто, а кто дурак:
всё, что в школе изучали,
пригодилось кое-как!

Глава 68, короткая. ОБ ОСВОЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШТОПКИ

А что же в это время делал сам герой только прочитанных заметок? Серёжа, бесцельно послонявшись по квартире, вдруг заметил, что порвал штаны и обрадовался, что никуда не надо торопиться и что у него полно свободного времени. Он приставил к стенке старый деревянный стул, который, по выражению церковников, *дышал на ладан*, кряхтя, взобрался на него и где-то под потолком открыл заветную буратиновую дверцу антресоли, откуда, покопавшись в старом тряпье, достал специальную коробочку, которую ему когда-то подарила подруга Зуля на 23 февраля – красный день календаря.

В таинственной коробочке находились несколько катушек с разного цвета нитками, четыре иголки разной толщины и медный напёрсток. Сторож ещё раз изучил место швейной катастрофы, после чего взял из коробочки самую толстую, так называемую *цыганскую* иглу, потому что именно в неё уже была вставлена суровая нитка, да ещё и скрученная вдвое. «Хорошо-то как, вот повезло», подумал страдалец с порванными штанами, «сильней держаться будет!».

Затем он, также кряхтя, кое-как слез со стула, который в этот момент молился *дедушке* о том, чтобы именно сейчас не оборвалась его (стула, не сторожа) деревянная жизнь, сел ближе к никогда не мытому окошку, после чего минут двадцать измывался над своими штанами, осваивая хитрую технику художественной штопки, пока не исколол все пальцы, потому что забыл про напёрсток, и не бросил это занятие.

Старый напёрсток лежал на полу
средь паутины под шкафом в углу.
Хвостик мышиный скользнул по нему, –
видно, не нужен он был никому…

[86] Вот так, только к пятому тому, читатель наконец-то узнал отчество бабушки Полтавцева! – прим. гл. редактора

После тяжёлой золотошвейной работы Афанасьич даже немного припотел, но тщательно изучил место реставрации, после чего решил, что и так сойдёт. И тут он с удивлением заметил свою котомку, поднял её и удивился ещё раз, так как она оказалась тяжёлой. «Наверное, это от мудрых мыслей в моей книжечке «Для му.мы.», решил экс-текстильщик, но тут же вспомнил, что взял всему коллективу пива. «А почему же я до сих пор не в этом коллективе?», удивился он. «Вот Сука-судьба! Как же меня, мать честна́я, занесло так далеко от родных друзей, которые, наверное, меня потеряли и теперь ищут с пожарными и милицией…»

Ищут пожарные, ищет милиция,
кто же ограбил всю нашу столицу?!

Глава 69. О САКСАУЛЬСКОМ «ВНЕШТОРГЕ» (Рассказ Кулемзина с оттенком Хронотопа)

А родные друзья Полтавцева в это время сидели на покерной скамеечке и ждали, пока к скороходу вернётся память, и он вновь не вернётся в коллектив, состоящий сплошь из людей с сухими гло́тками. Но сидели они, конечно, не просто так, а слушали занимательную историю, которую им сейчас втюхивал Кулемзин. Сам он её знал не понаслышке, а с того времени, когда работал в газете «Саксаульская правда», и даже освещал в прессе это важное для СССР (б)[87] событие.

– Заключил как-то «СаксаулВнешТорг», – рассказывал он, с трудом проталкивая слова́ сквозь пересохшее горло, – договор с одной китайской фирмой на поставку в республику аж целого, яйчики-бабайчики, миллиона махровых банных полотенец.

– Зачем им, святой Малевич, нужно было так много? – удивился живописец, который вспомнил, что и у него до́ма до сих пор есть одно такое.

– А в те годы, – объяснил рассказчик, – республиканским Министерством махровых полотец руководил некий Гиви Шалвович Потолокер, который задумал следующую комбинацию: после того, как в Саксаулии произойдёт плановое насыщение этим товаром, остатки сбагрить в сопредельную Киргизию – по двойной цене – и круто навариться, набив собственную мошну!

– Как ты говоришь, Володя, мать моя партия, его фамилия? – сурово поинтересовался партийный педагог и остро пожалел, что сейчас с ними нет Серёжи, а, значит, и его котомки, а, значит, и карандаша и листочка в ней. Ему вдруг остро захотелось разоблачить какого-нибудь врага из бывшей партийной элиты.

Пора спекулянта схватить за штаны
и выставить вон за пределы страны!
Пусть горькие слёзы прольёт на чужбине:
пощады не будет подобной скотине!

– Не парься, Нуртай, – весело произнёс Альбионыч. – Во-первых, давно нет такого министерства, во-вторых, нет само́й СССР (б)[87], и, в-третьих, сам Потолокер, как я слышал, после такой удачной сделки выписал себе командировку в Швецию и сделался там политическим эмигрантом – с весьма солидным счётом в иностранной валюте в одном из тамошних банков!

– Да, дела, – задумчиво отозвался военный трубач, – я про таких умных давно не слы-

[87] Напомним читателю, что в данном случае СССР (б) – это Советская Социалистическая Саксаульская Республика – прим. ист. редактора

шал, кроме, разумеется, моего старого друга по службе ёперного старшины Аблая Кожамкулова[88]…

– Так что там дальше с полотенчиками? – нетерпеливо встрял в разговор Валера.

– А дальше всё просто, – продолжил увлекательный рассказ марсианин, – по старой формуле, придуманной ещё Карлом Генриховичем Марксом: мы вам деньги – вы нам товар. Но, как на грех, в это время наши отношения с Китаем, причём, на высшем уровне, уже начинали немного пробуксовывать! Поэтому хитрые китайцы поставили в Саксаулию только половину партии этих самых полотенец, а вторую половину продали подороже во Францию – видимо, и среди них нашёлся свой Пото Ло Кер! А французы, не будь лохи, тут же пошили из этих полотенец купальные халаты и продали их уже аллеманам[89], разумеется, со своим интересом.

– Вот он, звериный оскал капитализма! – не обращая внимания на незнакомое ему слово, не выдержал потока антисоветской информации Курманбаев, после чего рассказ пришлось прервать на пару минут – по причине, уже хорошо известной моему догадливому читателю.

– Как говорится, бизнес, ничего личного, – коротко глянув на вернувшегося из бермудских кустов Талгата, продолжил Володя. – Короче говоря, все в шоколаде, кроме нас.

У бизнеса понятная задача:
быть прибыльным и каждый год расти,
поэтому успех в нём много значит!
Не каждый может к этому придти…

Через некоторое время руководство «СаксаулВнешТорга» озадачилось: «Денежки уплыли, а сделку закрыть не можем, товара-то нет!». А *наверху* к тому времени уже грозно хмурилось начальство. Поэтому в Китай, благо дело близко, была срочно направлена специальная группа сотрудников – для разрешения возникшей ситуации. Группе было дано конкретное указание: либо недостающие полотенца, либо выбить из китайцев неустойку по контракту!

И вот во время переговоров китайцы со своими загадочными восточными улыбками сообщили нашим представителям, что они согласны с предъявленными претензиями и не отказываются от поставок недостающей партии товара, но только поставляемые полотенца будут… с портретом Мао Цзэдуна! Каково?! И ведь эта их заявочка прозвучала на фоне ухудшающихся политических отношений!

– Смотри-ка, – озабоченно произнёс Салихдзяныч, – а ведь я до этого ёкарного момента считал жизнь внешторговского сотрудника легкой и беззаботной!

– Вот именно, – непонятно подтвердил писатель. – А вот ты бы попробовал найти выход из такой ситуации!

– Так что же, святой Малевич, пролетели саксаульцы? – расстроился Николаич.

– Что ты, Валера! На то они и сотрудники внешторга, что ещё и не такое видали! После бессонной и нетрезвой ночи в гостиничном номере нашей группой всё-таки был найден достойный ответ на китайское коварное предложение. И какой ответ! Истинно русский… тьфу, саксаульский… – прямой, изящный и очень доходчивый.

Видали эти мы нагрузки,
нас ими не перепугать:

[88] О приключениях этого персонажа – в главе 137 второго тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

[89] Allemagne (Алемань) – так по-французски называется Германия – прим. автора

ответим истинно по-русски
на злые происки врага!

На следующее утро, придя на переговоры, наши внешторговцы сообщили другой договаривающейся стороне, что они тоже согласны на их предложение о поставке товара с портретом Мао Цзедуна, но при этом просят китайских товарищей учесть, что в Советском Союзе, в состав которого в то время входила и Саксаулия, полотенцем вытирают… не только лицо!

– Отлично! – расцвёл Мусаич. – Я и не сомневался, мать моя Октябрьская революция, что все сотрудники из этой группы были настоящими коммунистами!

– Вот так, – завершил свой интересный рассказ с оттенком Хронотопа Володя, – в результате ситуация разрешилась самым благоприятным образом. Короче, китайские товарищи учли предупреждение, после чего в Отцеябловск пришли недостающие полотенца с совершенно нейтральными изображениями – китаянок с зонтиками, ласточек и прочих бамбуков...

Наш подарок полотенце
пригодится, чует сердце.
Не стесняйся, получай:
им хоть руки вытирай,
хоть всё тело после ду́ша,
оно мягкое к тому же –
не какой-нибудь простой,
чистый хлопок набивной!

Глава 70. ЗАМЕНА ТОВАРА С КАЛЬКУЛЯЦИЕЙ

– Да где же этот йодистый Полтавцев? – поняв, что глупый володин рассказ наконец-то закончился, в сердцах воскликнул старший корнет.

– Да вот же он, святой Малевич! – вслед за ним воскликнул саксаульский шишкин, и все послушно повернули головы туда, куда он указывал пальцем. Правда, тут же оказалось, что Валера ввёл их в заблужение, так как никакого Малевича никто в указанном направлении не увидел, а увидели ковыляющего тяжёлой походкой кривоногого мериноса Афанасьича.

– Пардоньте меня, друзья, – отдышавшись, повинился он, после чего сообщил новость, о которой все знали и без него:

– Что-то я маненько заплутал.

Серёжа плюхнул на покерный столик свою котомку, которая отозвалась на этот возмутительный жест страшным звяком полной стеклотары. Володя сразу же определил на звук, что пиво, запечатанное в эту стеклотару, за время отсутствия сторожа потеплело аж на 12 градусов и теперь приближалось к температуре окружающей Бермудский Учпучмак среды.

Мечет атом, словно стронций,
превращая нас в икру,
жаркосветящее солнце,
добавляя жар в игру!

Кулемзин молча подхватил котомку и, не взирая на возмущённые крики подотчётного коллектива, вновь направился к магазинчику. Зайдя в полумрак сельпо, он обозначил своё присутствие громким голосом:

– Калима! Ты где?

– Здесь! – по-военному ответила владелица лавки, словно была одним из сказочных братьев по фамилии Двое-Из-Ларца. Здесь она заметила, что писатель пришёл к ней с полной котомкой и удивилась, а потом и расстроилась, так как подумала, что сейчас в её магазине будет происходить самое страшное (после ревизии) действие – возврат товара.

– Не пугайся, – видя, что она испугалась, быстро проговорил Володя. – Мне бы пивко заменить, а то оно что-то совсем тёплое стало.

– А-а-а, – с облегчением выдохнула Калима, после чего сразу же приобрела присущий всем магазинщицам с советской закалкой хамоватый оттенок обращения с покупателями:

– Придётся доплатить!

И только лет уже на склоне
«За всё платить!» я страшно понял…

– Сколько? – автоматически спросил Кулемзин, тут же устыдившись своего наивного вопроса.

Владелица сельпо взяла калькулятор и погрузилась в таинственные расчёты.

– А что ты считаешь? – поинтересовался знатный покупатель.

– Так я ведь сейчас твоё пиво, которое раньше уже стояло в моём холодильнике, снова туда поставлю, – объяснила хозяйка. – А раз оно когда-то забрало электроэнергию, то теперь заберёт его снова, вот за это и надо будет *отслюнявить*!

Альбионыч молча кивнул головой и стал ждать результатов сложных математическо-электрических расчётов. Наконец Калима с сожалением оторвалась от калькулятора и счастливым голосом произнесла формулу сурового платежа:

– С тебя ещё 10 назарбаксов!

Много денег – это много:
мы на них возьмём спиртного!

Литератор, на мгновение превратившийся в местный вариант архимеда, быстро разделил в уме 10 тёплых бутылочек на 10 условных саксаульских единиц и понял, что за охлаждение каждой бутылочки придётся доплатить по 1 назарбаксу. «Однако!», подумал он при этом, дивясь жадности магазинщицы, но молча выложил требуемую сумму на прилавок. Калима тут же заменила тёплые бутылочки на холодные, после чего покупатель, потерявший деньги на пустом месте, поспешил обратно.

А температура в магазине, сделанном из металлических контейнеров, ощущалась такой, словно дело происходило в топке паровоза. И это было неудивительно, так как солнечные лучи хлестали по металлу, точно горячий чугун из доменной *летки*. Володе, который плохо относился к высоким температурам, остро захотелось зимы, чтобы с демократического неба Отцеябловска наконец-то начали падать вот такие снежинки:

* * *

* * *

* * *

* * *

, похожие на концлагерную проволоку.

Глава 71. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (Восьмой блок)

И как бы автору ни хотелось побыстрее начать рассказ о второй за сегодняшнее утро партии в *русскую кочергу*, но не может он отступить от логического продолжения, а логика этого продолжения заключалась сейчас в том, что истосковавшаяся покерная хевра, включая примкнувшего к ней Муравлёва, жадно хлюпала холодным пивком, которое наконец-то стало успокаивать растревоженные сердца страдальцев.

Время уже перевалило за 10.30, и оставалось совсем немного до того мгновения, когда за 3107 километров от Бермудского Учпучмака, на Красной площади ударят знаменитые куранты, возвещающие, что в Москве стукнуло 9 часов, а вот в Отцеябловске уже наступил полдень. Пронзительно голубое небо с трудом удерживало в своих космических глубинах пульсирующий расплавленный шар, один только взгляд на который сразу же будил мысль именно о холодном пивке.

Природа в стройном сарафане,
главою в небо упершись,
весь день играет на органе!
Мы называем это *жизнь*…

Лёгкие перистые облака, проплывающие над головами игроков, а в это время *питоков*, были с алыми отливами, и чем-то напомнили Володе стаю розовых фламинго, которых он когда-то видел в детском сне.

Пивопитие было локальным счастьем – вторым для марсианина после игры в покер, и первым для коллектива. Хотя иногда Полтавцев, особенно в вечернем подпитии, утверждал, что для него первым делом является секс, – видимо, для поддержания своего, как он выражался, *хреноме*, что всегда вызывало весёлый смех у остальных.

Секс или пиво? Не тема для спора!
Тут даже не думай: вопрос – ерунда!
Зависит ведь секс от желанья партнера,
а пиво быть выпитым хочет всегда!

И всё-таки для полного счастья не хватало некоторой интеллектуальной изюминки. «А не рассказать ли мне очередной блок сказочек III миллениума?», подумал литератор, и все как один поддержали это начинание, так как выяснилось, что последнюю мысль он подумал, а, вернее, произнёс вслух. Альбионыч поудобнее устроился на покерной скамеечке и приступил к ознакомлению коллектива со своим искромётным сказочным творчеством. Итак…

1

Попав в Лилипутию, Гулливеру очень скоро стало скучно, и он стал развлекаться тем, что ловил очередного лилипута и спрашивал, кем тот будет, когда вырастет.

2

– Да, иногда жалеешь, что твой друг не был большой свиньёй, – приговаривал Винни-Пух, доедая шашлык из Пятачка.

3

Старик Хоттабыч женился на молодухе и за месяц у него кончилась борода.

4

Закинул старик невод – пришёл невод с травою морскою. Покурил дед этой травы, а дальше, как в сказке: и рыбки начали говорить, и желания сбываться…

5

У Буратино никогда не было проблем с похудением, ведь под рукой в каморке всегда был рубанок папы Карло…

Повзрослевший Буратино
как-то в приступе тоски
воссоздать решил Мальвину
из берёзовой доски.
Неразлучны и едины
с той поры, как башмаки,
из полена Буратино
и Мальвина из доски!

6

Раскольников, когда прочитал сказку, как солдат сварил кашу из топора, тоже решил пройтись с топором по старушкам, но что-то сразу пошло не так ...

7

«Слишком лёгкая смерть для Кощея», подумал Иван-царевич. «А пусть-ка его немного поколбасит!». И вставил иглу в швейную машинку…

8

Только много лет спустя, обзаведясь женой, тёщей, тестем и тремя детьми, Робинзон Даниэлевич Крузо понял, что 28 лет прожил на Острове Свободы!

9

Было у царя три сына. И говорит он им однажды:
– Стреляйте из лука, куда стрела попадет – на той и же́нитесь!
Стрельнул первый сын – попал в купеческий двор, женился на купеческой дочери.
Стрельнул второй сын – попал в боярский двор, женился на боярской дочери.
Стрельнул из лука младший сын, и попала стрела в болото сибирское, и взял в жёны Иван-дурак дочь владельца Сургутского нефтяного месторождения.
– Вот сука, везёт же дуракам! – сказали и отец, и братья, и их жены… и автор этих «Сказок III миллениума»

10

Жила-была девочка, и звали её Красная Шапочка. Но на самом деле шапочка её была вовсе не красная, а серая – просто носила она её мясом наружу…

У Красной Шапочки в корзинке
волк ищет с мясом пирожки,
а там для бабушки перцовка,
презервативы, блок «LM»…

Глава 72. ЛОКАЛЬНЫЙ СУМАСШЕДШИЙ ДОМ

– Ну что, други мои, – оглядев коллектив, сказал покерный гуру, – пора за работу!

Он, в отличие от Валеры Николаича, очень не любил вот такие непродуктивные перерывы, а художник, напротив, любил, так как, не смотря на многочисленные предложения присоединиться к игровому коллективу, делать этого решительно не хотел, мотивируя это тем, что, мол, он и так с ним, как когда-то сообщал в телеграмме володин дедушка Остап Бендер, «мысленно вместе»[90]

Но, как это случалось уже не раз, немедленно начать игру было не суждено. А дело было в том, что на территории Бермудского Учмакмака, время от времени превращавшегося в какой-то проходной двор, как муравьи, сновали другие, второстепенные персонажи нашего повествования. Прежде всего, несколько мешали плавному течению этой главы 72 дворовые дети, которые бегали по Великому Треугольнику, что твои электроны по своим кривым орбитам, мелькая перед глазами, как форели в ниагарских водоворотах.

Падением воды заворожённый,
стою у Ниагары водопада,
и кажется, что силой отчуждённой
вода течёт, но ей туда не надо…

Глядя на метавшихся в броуновском движении детей, Нуртай с неприязнью подумал об их удручающе малом возрасте, а также о том, что они никак не могут помочь своим родителям в вопросах собственного воспитания. Но долг перевесил, и, вздохнув, саксаульский макаренко решительно бросил коллектив, не смотря на возмущение остальных сопокерников, и пошёл объяснять малолеткам, как они неправильно ведут себя на такой почётной территории, как знаменитый Бермудский Учпучмак, который уже было пора заносить в список культурного наследия ЮНЕСКО.

Курманбаев сразу же взял домашнее животное за рога и стал объяснять притихшим малькам о сознательном и бессознательном, о внутреннем *я*, об ограничении потребностей собственного *эго*, о необходимости воспитания в себе чувства ответственности, а также о мышлении не только на первом, но и на втором и третьем уровнях. Было заметно, как в ярком пламени его речи постепенно обугливаются красивые и правильные слова.

Не устаёт болтун болтать,
а мог бы просто помолчать…

Не лучше дворовых детей вели себя и люди постарше: например, за СС, или Старушечьим Столиком, стоял шум, как на заседании мажилиса – в тот момент, когда депутаты обсуждают вопрос о повышении им зарплаты в 8 раз…. или в 9… или даже в 10! Правда, на минуту игра *в дурака*, которой занимались неутомимые пенсионерки, была прервана бибиканьем целого выводка разномастных машин, украшенных ленточками, куклами на капотах и шариками, которые сейчас проносились по улице Жубанова. Было видно, что бибикают они не просто так, а из-за того, что страшно опаздывают в ресторан – после оформления некоего документа в загсе.

Все процедуры здесь соблюдены,
в них усмотрел наличие сюрприза:
о «браке» штампик – это для жены,
а для меня он, как «въездная виза»!

[90] И. Ильф и Е. Петров «Золотой телёнок», глава X – прим. лит. редактора

Игра старушек возобновилась лишь после того, как гудки машин стихли, а баба Лида, переживая появление свадебного кортежа, задумчиво не произнесла:

– Ну вот, ещё одну повезли посуду мыть…

Ещё одним примечательным фактом в эту минуту стало то, что по территории, о которой так много рассказано в нашем романе, слонялись сразу шестеро (!) явно нетрезвых личностей. «Не может быть!», воскликнет недоверчивый читатель. «Да где же только автор их набрал?!». Но нет, мой дорогой, может, и ещё как может. А чтобы ты и дальше так не вскрикивал, то вот тебе поимённый список означенных индивидуумов:

1. Глав-Бух
2. Галлюцинация
3. Дядя Петя
4. Саша Дубровский
5. Танкист
6. Одиссей

Но – обо всех по порядку.

Руслан (б) и Галя (б) боялись близко приближаться к покерному коллективу, да и знали, что им здесь ничего *не обломится*, поэтому мигрировали по периметру ▲, по неверному ходу движения судорожно цепляясь за ветки карагачей и урючных деревьев. Они успели нажраться уже с утра, и этому везению способствовал вот такой факт: ровно в 7.30 к магазинчику, расположенному в торце дома № 16, подъехала большая машина с ящиками вина и водки, но только с одним грузчиком вместо двух, и шофёр (он же экспедитор) за две бутылки самого дешёвого шмурдяка нанял Кацоева (б) на разгрузочные работы, после чего выдал ему обещанное, а одну бутылку в процесе разгрузки украл сам Глав-Бух.

У меня на жизнь – ухмылка,
потому что надо знать:
своровал одну бутылку,
а нажрался – словно 5!

Не лучше выглядел и дядя Петя, у которого как раз вчера вечером полностью закончилась полученная неделю назад пенсия, и теперь ему было не на что похмелиться, а его кобра (она же стерва, она же скотина безрогая), то есть супруга тётя Надя заныкала семейную заначку так круто, что хоть весь дом переверни, не найдёшь!

Скромно притулился за ближайшим карагачом бывший володин водитель Дубровский, который стоял и смирно ждал, когда на него обратят внимание. И его ожидание вскоре увенчалось успехом: Кулемзин вытащил из серёжиной котомки одну бутылочку «Тянь-Шаня» и передал её страдальцу, который тут же прижал сосуд с волшебным напитком к чахлой груди и поспешил восвояси. И даже автор не знает, увидит ли этого персонажа мой читатель в этом томе или нет. Но: поживём – увидим…

Для раздумья мысль подброшу –
на земле, не в небесах:
мы живём, но видим то, что
нам показывают в снах!

И, конечно, как же было обойтись в пятом продолжении нашей волшебной истории без неразлучных друзей-клошаров Танкиста и Одиссея, которые смирно стояли за 5 метров от покерного столика, всем своим видом выдавая горячее желание исполнить какое-нибудь выдающееся произведение из тюремного репертуара. Вот и сейчас, заметив знак литератора, они встали ровнее и затянули на два голоса:

– Чередой, за вагоном вагон,
с мерным стуком по рельсовой стали
спецэтапом идёт эшелон
с пересылкой в таёжные дали.
Заметает пургой паровоз,
в окнах блещет морозная плесень,
и порывистый ветер донёс
из вагона печальную песню.
Здесь на каждом вагоне замок,
две доски вместо мягкой постели,
и, укутаны в синий дымок,
нам кивают угрюмые ели.

Альбионыч прислушался к словам, не узнавая их, но зато неожиданно узнал музыку – ведь раньше, до того, как неизвестный зэк переиначил эту песню на свой лад, это было танго «Тоска по родине» Жоржа Ипсиланти и Георгия Храпака, которое они написали ещё в 1944 году в Бухаресте – для русского эмигранта Петра Лещенко. «Вот это да!», безадресно подумал писатель и стал слушать пронзительную песню дальше, заодно вспомнив, что этот вариант он впервые услышал в исполнении Аркаши Северного.

– Двадцать лет трудовых лагерей –
вот подарок рабочему классу,
там, где были тропинки зверей,
мы проложим таёжную трассу.
Утопали в снегах трактора,
даже «сталинцу» сил не хватало,
и тогда под удар топора
эта песня в тайге прозвучала.
Среди серых отрывистых скал,
где раскинулись воды Байкала,
где бродяга судьбу проклинал,
эта песня и там прозвучала…

На голове Танкиста во время исполнения, словно иллюстрируя его прозвище, красовалась порванная солдатская панама, выдаваемая ещё с советских времён (б) в этом жарком регионе и без того раскалённой планеты. Удивительно, но Одиссей тоже был в панамке, правда, уже в детской, кое-где подрезанной ножом, видимо, для того, чтобы она беспрепятственно налезала на его тыкву.

Прослушав пронзительный шлягер до конца, писатель, тонко чувствовавший русское слово, достал из серёжиного хурджина ещё одну бутылочку, прибавил к ней свою – ещё не начатую, после чего попросил Афанасьича передать всё это богатство *аликам*, что сторож немедленно и сделал, удостоившись за свой трудовой подвиг сразу двух благодарностей – от Володи и бомжей. И тут случилось то, о чём ещё долго вспоминали во втором микрорайоне.

– Товарищи, – обратился к клошарам Нуртай. – А вот вы не знаете такую песню?

И запел тихим проникновенным голосом:

– Как у нас в садочке,
как у нас в садочке
розы зацвели…

Бомжи бросились к кустам и долго-долго блевали.

Глава 73. ВАСЮХАНЫЧ РАННЕЮ ПОРОЮ

И вот только сейчас, к концу первой части нашего пятого тома, автор вдруг призадумался: а всё ли он осветил в жизни наших героев – начиная с сегодняшнего утра? И понял: нет, не всё. Он для верности ещё раз пролистал уже наваянные страницы и нашёл там описание некой ранней поры Николаича, Мусаича, Афанасьича, Салихдзяныча и, конечно, Альбионыча. Но ведь с какого-то времени в романе появился новый персонаж, который проводил время в Бермудском Учпучмаке не меньше, чем основные герои нашего повествования. Васюхан – пóмните такого?

Толпой толкутся персонажи!
А ведь не всех я знаю даже…

Хотя забавное имя Митрохина всё-таки уже один раз появилось в этой толстой книжке – почти сто страниц назад, в главе 32, когда он по телефону сообщил Володе, что с утра придти не может. А вот почему, ты, мой крайне любопытный читатель, сейчас и узнаешь. Хотя тому, кто пристально следит за Сукой-судьбой кочерговских героев, догадаться об этом, наверное, будет несложно. Как и остальные герои, то есть покеристы и примкнувший к ним Муравлёв, Васюхан завершил прошедший четверг довольно стандартно – нажрался вместе со всеми, после чего кое-как добрался до своей квартиры, которая располагалась где-то в центре Отцеябловска, и, не раздеваясь, тяжело рухнул на холостяцкую кровать, точно раненый Сергеич в январский снег.

Забрызган кровью стылый снег,
дымится пистолет Лепажа[91] –
нет, не поэт, а человек
вписался в зимние пейзажи.
Игрушкой сломанной на снег
упало тело, словно в вечность.
И не поэт, а человек
свою навек обрёл конечность.
И не нашлась в пути помеха
насквозь промёрзшим этим днём.
Неужто он не мог не ехать
таким холодным февралём?
И мéста не было осечке –
пришлось той пуле просвистать!

♠ ♠ ♠

Эх, лучше б мне на Чёрной речке
под эту пулю молча встать!

Спал Васюхан как щенок – время от времени издавая тихие всхлипы и дёргая конечностями, хотя иногда похрипывал и вздыхал, словно намаявшаяся за день лошадь. Когда он проснулся, стояло раннее утро, и в прозрачном космосе кое-где ещё пылали неугомонные звёзды. И первым, что Митрохин ощутил сразу же после пробуждения, было то, что в комнате стоял какой-то портяночный аромат, хотя он точно знал, что последний раз нюхал портянки много лет назад – во время службы в Красной Армии (б).

[91] Жан Анриевич Лепаж (1746-1834) – знаменитый французский оружейный мастер, придворный оружейник сразу трёх монархов: короля Людовика XVI, императора Наполеона I и короля Людовика XVIII – прим. ист. редактора

Проснувшись, знатный антенщик (по профессии) и старший джус[92] (по должности), почувствовал себя неким Царевичем-лягушом, так как был покрыт холодным пóтом – подобно капелькам росы на реторте алхимика после получения заветного золота из всяко-го подручного дерьма. Чтобы причислить беднягу к мертвецам, не хватало только кинематографической свечи в сложенных на груди руках. Сразу же родилось ощущение, что в голове кто-то *завёлся*, и тут же пришла как бы расшифровка этого ощущения: в тыкве изнутри явно скрёбся большой голодный таракан.

Бейте громче в барабаны:
съели кашу тараканы,
съели масло и лепёшки,
не оставив даже крошки!
И, довольные, сидят,
молча из щелей глядят…

Антенщик осторожно поднял голову и осмотрелся. Постель напоминала могилу. Вокруг не рвались снаряды, не летали самолёты, да и танки своими тяжёлыми гусеницами не подминали невинные одуванчики. «Откуда же этот страшный шум, рёв и гул?!», подумал Васюхан. Он был похож сейчас на живого покойника: щёки провалились и имели во впадинах зеленовато-трупный оттенок, кожа неожиданно открылась крупными пóрами, под глазами набрякли пыльные угольные мешки, точно после долгой и смертельно опасной болезни.

И тут он почувствовал, что с ним произошла какая-то коварная метаморфоза, – когда человеческий организм начинает жить отдельно от разума. Руки и ноги страдальца были вывернуты под каким-то странным углом, не предусмотренным геометрией Евклида. Профессиональный йог при взгляде на него сейчас лопнул бы от зависти. Каждому начинающему анатому известно, что скелет человека состоит из 206 костей. И что? – спросит автора читатель. Да то, что у Митрохина в этот момент болели они все!

Ох, ломает мои кости!
Не пойду сегодня в гости…

Надеюсь, теперь мой читатель точно поймёт, почему этот герой утром не присоединился к покерной хевре? И всё-таки нашему герою надо было вставать (хотя бы для того, чтобы принять участие в данной книге), хотя сделать это простое движение было чрезвычайно сложно: голова виделась как гироскоп, где мысли болтались отдельно от мозга, под языком скапливалась какая-то кислая слюна, а под так называемой ложечкой, которой никто никогда не ел, постоянно проступала лёгкая холодно-подрагивающая тошнота. К тому же во рту мешали собственные зубы, стучащие сейчас со скоростью, которая могла изумить даже легендарного Сэмюэла Финлиевича Морзе.

Я по утренней поре
бью то точки, то тирé!

И всё-таки тошнота победила, потому что ноги, только что отказывающие своему хозяину в движении, вдруг сорвались с места и понесли старшего джуса к унитазу, где тут же подломились в коленях, заставив принять позу, знакомую буквально всем на просторах и России, и Саксаулии.

[92] О происхождении этого термина – в главе 155 третьего тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

Сделав такое важное для организма дело, ответственный квартиросъёмщик кое-как поднялся на ноги и поглядел в зеркало над умывальником. Глаза его за ночь словно бы потускнели – точно маслины, слишком долго лежавшие на тарелке, рассол на которых совершенно высох, придав продукту матовость, а после блевания они (глаза, а не маслины) сделались белесо-выпученными, как у изрядно поднадоевшего публике слабого юмориста Владимира Винокура. Само же лицо побелело, как простыня тёти Аси из надоевшей рекламы.

Глядя на себя в зеркало, Васюхан вдруг вспомнил, что по правилам школьной арифметики сначала нужно выполнять действия с числами, заключёнными в скобки, а потом уже всё остальное. «Неужели с ночи не прошло?», тяжело подумал он и его снова затошнило. Чтобы перебить это неприятное чувство, с которым он в последнее время стал сталкиваться всё чаще, джус решил что-нибудь перекусить и направился на кухню, но в коридоре споткнулся о почему-то разложенную гладильную доску с кипой выстиранного белья. Кто и когда ему постирал все эти вещи, так и осталось за гранью «разума». «Может, это я сам?», мелькнула безумная мысль. Внезапно он представил, что возит по доске горячим утюгом, и ему вновь стало плохо.

Утюг летал над городом
и громко песню пел:
– Как хорошо быть утюгом,
как лёгок я и смел!
Могу летать над городом
и песню петь могу!

♠ ♠ ♠

Вот что приснилось в пятницу
на кухне утюгу…

Именно в этот момент он и позвонил своему новому другу Кулемзину, чтобы сообщить, что если сегодня и достигнет территории Бермудского Учпучмака, то значительно позже, а если нет – то вообще никогда, причём последнее слово выкрикнул звонко, как пионер мантру *всегда готов*!

– Жаждой изнурён, аки грешник в аду? – весело поинтересовался у него добрый товарищ Володя.

– Да как-то так, – ответил антенщик и спросил его о тех сортах мяса, которые предпочитают игроки и художник, но об этом автор уже сообщал читателю – в главе 32 этого тома. После утомительных телефонных переговоров Митрохина зашатало. Плохо было и то, что из головы куда-то делся таракан, а, впрочем, было ясно, что он просто сбежал, так как на освободившееся место пришёл весёлый и зажигательный африканский оркестр, который сходу заиграл странную мелодию на барабанах и трещотках.

Затем взор Васюхана вновь упал на утюг с висящим до полу шнуром. «Интересно, как люди работают в прачечных?», слабо подумал он (Васюхан, а не утюг). «Или там вручную не гладят? Или их оттуда пачками отвозят в сумасшедший дом?»

Я пришел к тебе с приветом,
жаль, не знаешь ты об этом.
Покажу тебе потом
справку, что мне дал дурдом...

Организм требовал обильного отдыха после вчерашнего банкета, но надо было как-то

жить дальше, а потом и принимать гостей, ведь недаром он интересовался у Альбиныча о предпочтениях в еде остальных бермудцев.

Память услужливо подсказала страдальцу, что последнюю бутылочку пивка он, скотина, так и не оставил на сегодняшнее утро, а допил именно вчера ночью, так что нужно было тащиться в ближайший лабаз, благо хоть денег было навалом, ибо работа старше-го джуса оплачивалась весьма неплохо.

♠♠♠

«Подожди-ка, мой дорогой автор!», в этом месте воскликнул мой слишком внимательный читатель. «А почему это твоя глава называется «*Васюханыч* раннею порою»? Разве до этих страниц ты где-то упоминал отчество товарища Митрохина?». И ты прав, мой слишком внимательный читатель! Просто здесь и сейчас пока не время открыть эту волнующую тайну, а вот в главе 252, на странице 555 тебе всё будет ясно! Просто немного подожди…

Я сознание настрою,
на судьбу чтоб мог влиять, –
тайны сами приоткроют
занавеску бытия…

Глава 74. ПОХОДНЫЙ ОРДЕР

Но вот, наконец, число персонажей на благословенной территории Бермудского Учпучмака несколько сократилось: скрылись за магазинчиком Калимы друзья-бомжи Танкист и Одиссей, проклиная педагога Мусаича, заставившего их морально страдать; отчалил в независимые слабоалкогольные сферы володин водитель (б) Саша Дубровский; не обретя утреннего счастья в виде похмельного напитка, горько направился домой дядя Петя – в надежде всё-таки отыскать заначку своей супруги тёти Нади.

И вот на пространстве Великого Треугольника, кроме покерной хевры, остались только две группы людей, условно называемые Старые и Малые. К Старым относились пенсионерки, которые, явно подражая нашим главным героям, проводили ожесточенные бои за Старушечьим Столиком, или, как называл его Кулемзин, СС, к Малым же – несосчитаемые даже автором дворовые дети.

В песочнице дети друг с другом делились,
кто как и откуда на свет появились:
Виталик со Славиком мямлили грустно,
что их отыскали на грядке с капустой,
Наташка (откуда взялась?) на вопрос,
похвасталась важно,что аист принёс,
но самой крутой стала девочка Света,
которую папа скачал с интернета!

У дворовых детей в это время, как видно, завязалась какая-то новая игра, потому что они стали дружно прятаться друг от друга, – как алиментщики от участкового. Стараясь спрятаться понадёжнее, они носились по Учпучмаку, словно зайцы от лисы, а людям, сидящим за покерным столиком, эти мелькающие персонажики казались какими-то одинаковыми, *калиброванными*, как шарикоподшипники. Но остановить это безумие было невозможно, и игроки молча глотали пыль, интенсивно выбиваемую этими шарикоподшипниками из пересохшей земли.

Но всё когда-то заканчивается, и мой читатель сам может в этом убедиться: вот только что закончилась страница 171, после чего началась следующая. А, значит, жизнь продолжается, а вместе с ней и наше великое повествование.

– Итак, вернёмся к нашим мутантам! – объявил писатель начало второй партии сегодняшнего дня. И она началась! Первым, как доложили розданные карты (по одной на брата и Нуртая), выпало ходить военному музыканту. Талгат внимательно прислушался к тому, что происходит в его организме. Он только что вспомнил, что именно так рекомендовал поступать Кулемзин, когда не знаешь, как правильно пойти, и, видимо, какие-то таинственные послания из недр организма должны были помочь найти верный ход. Но, к сожалению, два звука, услышанные им, уверенности не прибавили, а звуки эти были следующими: неприятное бурчание в желудке и тонкое позванивание в тыкве. Вздохнув, старший прапорщик решительно сказал: «Одну!», после чего все остальные отпасовались.

Чтоб не стукнули инфаркты,
я открою третий глаз
и скажу на слабой карте:
«Ни одной! Короче, пас…»

Надо ли говорить, что никакой одной взятки Салихдзяныч не взял, так как у счастливого Полтавцева нашёлся козырный валет, который и позволил ему взять два очка (удвоенный перебор в одну взятку), зато трубач с самого начала партии проиграл 50 очков, залетев в минус. Было видно, что до впадения в глубокое отчаяние Батыршину остался какой-то миг, и тогда Альбионыч применил старый, но проверенный жизнью трюк, решив отвлечь покерного страдальца.

– Как говорил некий Наполеон Карлович Буонапарте в одной из бесед со мной, – пробормотал он, – больше батальона, яйчики-бабайчики, всегда правы.

– А? – встрепенулся Талгат, услышав знакомое слово. – Какой ёперный батальон?

– Во времена Наполеона, – объяснил знаток истории, – батальоном называлось основное тактическое подразделение в сухопутных войсках, состоящее от шести до девяти рот.

– Как интересно! – воскликнул сухопутный дудочник, тут же забыв о только что случившемся (прости, русский язык!) афронте.

– Давай я расскажу об этом подробнее чуть позже, – остановил его восторги литератор. – Сам понимаешь – игра!

– А, ну да, ну да, – смущённо ответил ему обер-корнет, после чего Кулемзин вновь раздал всем по одной карте, чтобы сыграть их на этот раз не в *тёмную*, как было только что, а глядя прямо в глаза не только червовой даме, но даже простой пиковой тройке.

Без задора и азарта,
но надеждою согрет,
тупо пялюсь я на карты –
и… не вижу в них побед!

Дальше короткие робберы полетели один за другим. Игроки разыгрывали две, три, четыре, пять карт, и всё шло по накатанной, за исключением мелких неприятностей, но от них не был застрахован ни туповатый Афанасьич, ни сам покерный гуру. Но эти, казалось бы, незначительные робберы на самом деле были, как выражаются военно-морские люди, *походным ордером*, то есть тем порядком, который строится лишь *на период перехода* кораблей морем. И этот ордер был чрезвычайно важен впоследствии, так как его теперешнее построение должно было в дальнейшем обеспечивать и эффективное применение оружия, и рассредоточение, и свободу манёвра, и быстрое развёртывание в уже

боевой ордер! А если говорить совсем коротко, то получался старый военный трюизм: «Тяжёло в ученье – легко в бою!»

Било нас и молотило
по тыквизму и подвздох –
тяжело в ученье было,
а в бою совсем подох!

Но вот прошли и эти короткие робберы, а, значит, пора заканчивать эту главу, которая именно им и была посвящена…

Глава 75. АНАНДА

И всё-таки гораздо интереснее игра стала, когда робберы по своей значимости приблизились к десяти картам и более. Во-первых, здесь было больше возможностей продемонстрировать своё умение распоряжаться столь солидным игровым капиталом, во-вторых, увеличивалась вероятность выигрыша не какого-то *паса* в 5 очков, а взятия полноценных 45 или 60 очков на соответственно двух или трёх выигранных взятках, и, в-третьих (чему особенно радовался Кулемзин!), время роббера увечивалось за счёт числа разыгрываемых карт, а, значит, игроки в пылу азарта на некоторое время забывали прихлёбывать из своих бутылочек, что давало сразу два преимущества: экономия средств в кармашке марсианской рубашки писателя и вре́менное сбережение печеней действующего состава.

И только живописца Муравлёва всё это как-то не радовало: чем дольше длился очередной роббер, тем ему становилось скучнее и тоскливее, причём, до такой степени, что он уже давно изрисовал веточкой в пыли под ногами всю истоптанную нервными игроками землю, и сейчас пытался тайком сделать мелкие эскизы прямо на покерной *раскладк*е!

Я рисую где попало
антиподы и аналог!

Между тем наши герои только что сыграли сложный роббер на 11 картах, где назаказывали кто во что горазд: Батыршин взялся за невыполнимую задачу по взятию четырёх взяток, Курманбаев – трёх, так же три заказал Полтавцев, и только Кулемзин осторожно заявил две взятки, но не потому, что испугался чего-то неведомого, а просто потому, что ему пришли два туза некозырной национальности, а это и были практически две взятки, так как из 11 карт, находящихся на руках у каждого игрока, да учитывая, что мастей в колоде всё-таки четыре, была очень большая вероятность того, что у каждого найдётся хотя бы по одной карте нужной масти. А что такое *свои* две взятки – в контексте того, что игра уже приближалась к средней тёмной? Это были такие нужные 45 очков, позволяющие немного закрепиться в общей конфигурации данной партии!

Хоть мозгами я разношен,
но не до последних клюкв:
заработаю побольше –
больше мяса прикуплю!

Чем же закончилось это противостояние? А вот чем: прапорщик пролетел на две взятки, педагог, страстно не желая проигрывать, начал хапать всё подряд и, в конце концов, перебрал одну взятку, получив вместо ожидаемых 60 очков всего 4 – за перебор, писатель сыграл так, как задумывал, то есть заработал свои законные 45 очков. И вот тут всех ожи-

дал большой сюрприз: сторож Афанасьич, положившись на капризную и ветреную Сукусудьбу, кидал карты как попало, но именно это его спасло – он взял точно три взятки, как и обещал во вступительном перед роббером слове, что, кстати, и отразила честная володина *раскладка*!

Серёжа обалдело смотрел на кучку карт, лежащую перед ним, а потом взялся их лихорадочно пересчитывать, пока не насчитал ровно 12, затем разделил полученное (в так называемом «уме») число на 4 и, наконец, получил 3! Да, он действительно взял свои три взятки! Ещё не веря в привалившее счастье, бывший текстильщик криво воспроизвёл так называемое крёстное знамение, а потом даже начал приборматывать слова, которые до этого момента не знал вовсе:

– *Дедушка* мой небесный! Теперь-то я верю, что ты не фраер, как всегда утверждал мой друг Володя, а настоящий пацан, который всегда придёт на помощь тому, кому надо!

В лесу родилась ёлочка,
с молитвою росла,
смиренною и кроткою
и набожной была.
И хоть её, как водится,
срубили в Новый год,
душа её еловая
в раю теперь растёт!

А Альбионыч, глядя на эти жалкие попытки приобщиться к так называемым «небесам», в это время тихо улыбался и думал о том, почему же человек уходит в религию? И понял, что только потому, что большинству из нас просто не хватает веры! В чём это проявляется? Да в том, что многие чувствуют себя одинокими и как бы отделёнными от всего остального мира. Мы часто ощущаем себя замкнутыми, ограниченными, слабыми, противостоящими всему окружающему, и в результате неизбежно несчастными. Вокруг нас полнó таких же несчастных – они с удовольствием слушают о наших невзгодах и ведают нам о своих. Но всё это – признаки болезни, которые легко лечатся практикой.

А самая мощная и действенная практика – это когда человек просто отворачивается от бессмысленной суеты внешнего мира, перестаёт метаться, жаловаться, скулить и, наконец, по-настоящему обращается не к *дедушке*, а к самомý себе, и начинает работать. Сознание такого человека подобно улитке: оно сворачивается само в себя и начинает само себя наблюдать и изучать. И делается это с единственной целью – погрузиться в свою собственную глубину и постичь собственную тайну.

И если человек полностью *стирает* себя, то приходит сила. Ведь есть сила, способствующая практике, и есть сила, противодействующая ей. Но источник обеих – один. Дошедший до этого осознания практик больше не исполняет дурацкие ритуалы и молитвы, не шепчет мантры и не мечется от одного гуру к другому, он больше не читает попсовой духовной литературы и не совершает паломничеств по «святым» местам. Теперь его храм и мастерская – он сам, а инструментом и предметом работы такого человека становится его собственное сознание.

Что же он делает? Он просто осознаёт, что происходит. Индусы называют это *ананда* – блаженство…

Не ища в миру главенство,
и неглавных не любя,
ощущаю я блаженство,
лишь поверивши в себя!

Глава 76. ПРИЗРАЧНЫЕ ФЛЮИДЫ ТРЕВОГИ

Между тем, игра вступила в очень интересную фазу – когда нашим героям предстояло аж три раза подряд сыграть робберы на 12 картах: одну до *тёмной*, вторую – саму *тёмную*, и третью – условно говоря, послетёменную! И играть их было непросто, так как наличие 12 карт у тебя не предполагало, что у противников их будет меньше, или они будут хуже, или что ряды твоих антагонистов будут состоять сплошь из людей неумных, которым не под силу оценить всё величие твоего ума.

Сдавать первый роббер из только что названных выпало (по очереди) Салихдзянычу, что он и сделал, правда, только на третий раз, потому что строптивые карты так и норовили выпасть из трясущихся рук.

Вот же может усложниться
жизнь простая, как чердак:
как же мне опохмелиться,
коль трясутся руки так?

Наконец, все, немного поворчав на музыканта, успокоились и стали делать заявки. И здесь неожиданно первым прокололся Курманбаев: вначале он произнёс число 4, а потóм, без паузы, тут же объявил мизéр, что, как уже знает мой толковый читатель, было нарушением правил – правда, не страшным, потому что за него следовала санкция в виде всего минус 20 очков, что Володя с удовольствием и сделал.

Рядом с Нуртаем сидел Полтавцев, который, разглядев пришедшие карты, неожиданно вскрикнул, как будто ему на голову с карагача упала двутавровая балка. Все насторожились, так как поняли, что сейчас произойдёт нечто (прости, русский язык!) экстраординарное, и разглядывали сторожа с настороженным интересом. По всему было видно, что идея Серёже пришла в голову без стука.

– Ат… ат… ат… – заклинило у охранника.

«Неоперабельная грыжа головы?», сделал попытку диагностики Володя.

– Аты-баты, шли ёперные солдаты? – попытался помочь ему военный.

– «Атомную энергию – в мирных целях!», мать моя партия? – вставил свои партийные пять копеек педагог, всё ещё не отойдя от досады на самогó себя, но винившего в случившемся Кулемзина, потому что ему (педагогу, а не Кулемзину) показалось, что он (Кулемзин, а не педагог) посмотрел на него как-то не так.

– Антропов Алексей Петрович? – вставил лишнюю букву в отгадку Муравлёв.

– А это ещё кто? – удивился Полтавцев, чудом обретя голос.

– Да русский же художник, – удивился такому невежеству живописец. – Неужели ты, святой Малевич, не помнишь его «Портрет Анны Карловны Воронцовой»?

Художник, так же, как поэт,
сюжет в себе переживает –
он оставляет в душах след,
хоть о последствиях не знает.
Вблизи посмотришь, так мазня:
всё так аляписто и криво,
а отойдёшь, поёт душа –
в картине всё играет мило!

– Конечно, помню, мать честнáя, – степенно отозвался Афанасьич.

– Серёжа, так ты что хотел сказать, когда тебя немного Вселенная пристукнула? – по-

интересовался Кулемзин.

– Когда? – удивился сторож.

– Да только что, когда ты говорил ат… ат… ат…

– А-а-а, – вспомнил экс-текстильщик. – Я хотел сказать, атменяю!

– Чего?

– Да нуртаевский мизер!

– Так вот что хотел наш маленький проагукать! – восхитился Альбионыч, порадовавшись за автора романа, который и сам оказался рад вставить такой эпизод в эту главу 76.

У меня привычный навык,
так как в творчестве погряз:
я в роман пихаю главы,
главы я леплю из фраз…

Но психика экс-текстильщика, подорванная многолетней работой на ОХБК[93], была уязвима, как туберкулёзные бронхи для любого слабого сквознячка.

– Кто это маленький? – взвился он со скамеечки, и все тотчас поняли, что сторож сейчас вновь уйдёт домой, похеривши игру. Понял это и Володя, который кривил так называемой душой редко, но сейчас понял, что сделать это было просто необходимо, ведь ситуация выходила из-под контроля, пугая человеческими жертвами. Сознание Альбионыча сжалось, как боевая пружина автомата имени товарища Калашникова, готовая загнать в ствол патрон.

– Серёжа, – обратился он к вскочившему, – помнишь, яйчики-бабайчики, ты мне показывал справку из нашей микрорайоновской поликлиники?

– Какую справку? – уже тише заорал Афанасьич.

– Да про твою глухоту, – невозмутимо ответил литератор. – Ты её ещё брал для того, чтобы получать лишние талоны на усиленное питание в столовой ОХБК.

– Помню, – ещё тише с сомнением в голосе произнёс бывший текстильщик. – И что?

– Да то, что твоя болезнь за время перестройки, распада СССР (б), лихих девяностых и возрождающих экономику нулевых годов не только ослабла, но и прогрессировала…

После этого Альбионыч значительно снизил степень децибелизации разговора и почти шёпотом проговорил:

– Понимаешь, о чём я?

– А? – завертел головой Полтавцев, не зная, откуда к нему приходит чей-то шёпот.

– Это я сказал, – уже громче известил писатель. – Вот видишь…

– Вижу что? – ещё раз поинтересовался охранник.

– Да то, что слова́, на которые ты обиделся, были сказаны вовсе не тебе.

– Какие слова? – удивился Серёжа, после чего все поняли, что уловка марсианина удалась на все 100 процентов!

Вот же чёртовы прохвосты –
в глотку им гнилой судак!
Обмануть меня не просто,
хоть и думают: дурак!

Вот поэтому этот игровой момент и обошёлся без последствий, чему оказались рады все, включая автора романа и, надеюсь, моего читателя.

[93] Напоминаю читателям, что наш герой в советское (б) время работал на Отцеябловском хлопчато-бумажном комбинате – прим. автора

Глава 77. ПРИЗРАЧНЫЕ ФЛЮИДЫ ТРЕВОГИ (продолжение)

Но всё заканчивается хорошо, коли заканчивается неплохо. А написал это автор к тому́, что охранник, отменивший курманбаевский мизер, сыграл на руку аж сразу трём игрокам: себе, Володе и Талгату. И только верный ленинец закусил от обиды губу, и что бы было с ним дальше, не знает даже Вл. Горький, обозначенный на обложке этой книжки, если бы не мудрые ленинские слова, которые вовремя вспомнил Нуртай – из статьи вождя «Развитие революционной стачки и уличных демонстраций», где были воистину проникновенные строки, полностью отражающие нынешнюю игровую ситуацию бермудцев: «Отдельная забастовка может состояться неудачно или в неудачный момент. Но говорить *об игре* в забастовки перед лицом одного из величайших в мире движений, поднявших на ноги почти миллион пролетариев, позволительно лишь либералам и контрреволюционерам!»[94]

Какая нестыковка,
понятно нам самим:
играя в забастовку,
работать не хотим!

«Забастовка!», мелькнуло в голове Мусаича. «Вот истинно революционный шаг, который нужно сделать по отношению к этим оппортунистам! Правда, с Кулемзиным такая штука вряд ли пройдёт – твёрд, подлец, как Гибралтарская скала!»

– Нуртай, царица лесная, ты уже ходишь будешь? – толкнул мыслителя в плечо его сосед по покерной скамеечке с отчеством Афанасьич.

От толчка несколько карт педагога упали на столик и, как назло, открылись так, что все увидели, чем именно собирался Курманбаев объявлять мизе́р – двумя младшими джокерами. Сделав гигантское аналитическое усилие, писатель и музыкант поняли, что у Серёжи, который отменил мизер большевика, на руках находятся старший джокер и покер. Плохо для партийца было и то, что именно Полтавцев должен был сделать первый ход в роббере. И даже мой читатель, который вообще не сыграл ни одну партию, но уже, как надеется автор, хорошо изучил все правила и тактические приёмчики нашей великой игры, знает, как сейчас должен был пойти сторож – вначале пройтись по джокерам, затем ещё раз по джокерам, взяв законные две взятки, а дальше, как говорится в русском народе, как *дедушка* на душу положит.

Но не таков был Серёжа, чтобы пользоваться чужой, хотя бы и народной, мудростью! Он поглядел на притихший от его вре́менного могущества коллектив и смело пошёл червовым тузом – при бубновых козырях. В другое время, да ещё при 48 розданных картах, такой ход наверняка бы имел успех, потому что черви были у всех, но вот только педагог (и, кстати, по правилам!) не стал бросать в общую кучку свою червовую десятку, а забрал взятку одним из джокеров, после чего пошёл тузом – на этот раз крестовым.

«Отомщу!», мелькнуло в голове сторожа, и этот глупый про́мельк обернулся вот таким ходом: когда Альбионыч и Салихдзяныч скинулись по небольшим крестям, он забрал всю взятку аж покером!

Как же жизнь нас опустила,
обозначивши наш грех:
покер мы побить не в силах –
он главнее всех в игре!

[94] В. И. Ленин, ПСС, т. 22, стр. 285 – прим. полит. редактора

Но и после этого в глупой тыкве бывшего текстильщика не нашлось мысли о том, что на руках у педагога есть ещё один *гранд*. Он (бывший текстильщик, а не педагог), совершенно распоясавшись «мозгом», смело пошёл козырным тузом, который, разумеется, тут же погиб в неравной схватке с оставшимся у Курманбаева вторым джокером, после чего ворона, сидевшая над игроками – в ветвистой части карагача, не выдержала и объявила на весь Бермудский Учпучмак своё мнение об игре охранника:

– Ну и дур-р-рак! Надо же было стар-р-ршим джокер-р-ром!

И только Альбионыч равнодушно наблюдал за этой нелепой схваткой покеристов, которые, владея неплохими картами, умудрились один, то есть сторож, проиграть две взятки, а другой, то есть педагог, перебрать одну. А для успеха всего-то и надо было, что немного подумать, но где там! Правда, в результате такого обоюдного демарша пострадали не только сами участники конфликта, но и старший прапорщик, который тоже недобрал одну взятку. И только литератор, который заказывал три взятки вообще без козырей, всё-таки взял их (взятки, а не козыри). «Как же он сумел?», воскликнет мой любопытный и неравнодушный читатель, а автор объяснит ему, что при роббере на 12 картах, когда практически вся колода находится в игре, вероятность того, что у кого-то из игроков не найдётся нужной масти, крайне мала, а именно 1,738 процента, хотя в многолетней практи-ке Володи случалось и не такое! Но не в этот раз…

Правил этих – миллионы,
но одно нам лишь нужней:
коли масти нет в ладони,
смело козырем всё бей!

Именно поэтому все, включая неиграющего Валеру, сидели немного обалдевшие.

– А как ты это сумел? – полюбопытствовал Муравлёв, и было видно, что этот же вопрос буквально устроил бурю во всех без исключения пострадавших тыквах игроков.

И понял тогда великий покерный гуру, что в данную минуту не обойтись без короткой лекции на эту тему, которую он, не долго думая, назвал «Сбей масть!»

– Я игрок по жизни, – начал с очевидного Кулемзин, – и поэтому твёрдо знаю и сейчас передаю вам по (прости, русский язык!) инстанции первую заповедь игрока:

Если не везёт – сбей масть!

И, кстати, эта фраза не только о картах. Сбивать масть надо в том случае, когда ты думаешь, что тебе не повезло, или что-то пошлó не так, как ты рассчитывал.

– А почему ты сказал не «тебе не повезло», а «ты думаешь, что тебе не повезло», йодистый лектор? – поинтересовался Салихдзяныч.

– Молодец, – с уважением глянул на военного трубача литератор. – Хороший вопрос! Отвечаю на него: да потому, что великий Случай – наш единственный бог в этом мире – переспорить не удаётся, как ни старайся А вот обхитрить можно!

Случай – он в игре колючий,
вот такая вот фигня:
обхитрить хотел я Случай –
Случай обхитрил меня!

Сбивать масть – великое искусство, которым, конечно, владеют не все. Лично я считаю это умение *корректировкой кармы*, хотя и не верю в неё. Я с одинаковым совершенством чувствую и удачу, и катастрофу, и с одинаковой безукоризненностью овладеваю первой и до возможного максимума смягчаю последствия второй.

«Как же он нескромен, мать моя Октябрьская революция!», подумал Курманбаев. «Но именно поэтому ему, когда я поднапрягу все силы, которые даёт мне Единственно Правильное Учение, будет больнее падать!»

«Почему же сейчас упал не я, а именно ты?», в ответ подумал Володя, после чего завершил свою короткую лекцию такими словами:

– Как я это делаю – вряд ли сумею объяснить, но попробую.

Все насторожились, а Полтавцев, не медля ни секунды, тут же навострил красный конец двуцветного карандаша на чистый листочек заветного блокнотика «Для му.мы.»

– Записывай, Серёжа, – увидя его приготовления, пожелал покерный лектор:

Главное – это услышать в пространстве своего мира щелчок приближающегося события и прочухать, что это именно тот самый щелчок!

И игроки, и неиграющий Николаич сидели потрясённые силой мысли своего наставника, и даже дворовые дети, которые только что напоминали муравейник, в который какой-то негодяй вылил целую бутылку скипидара, притихли на целые 4 секунды! И только Афанасьич быстро-быстро, чтобы не забыть прозвучавшую мудрость, строчил на листочке медицинским почерком: «Оказывается, самый главный секрет игры в покер – это не уметь играть, а сидеть с дурацким видом и слушать, как что-то щёлкает в голове!»

Как же мне диапазонно,
как болезнь моя остра:
в голове щелчки и звоны –
видно, много пил вчера!

А Кулемзин, анализируя только что пронёсшийся роббер, который принёс ему победу, а другим разочарования, сидел и вспоминал благословенное время учёбы, когда у его будущих соперников вообще не было никакого понятия об игре, зато было то, чего явно не хватает сейчас – чистые, не замутнённые «разумом» тыквы.

Глава 78. ПРИВИВКА ПОКЕРОМ

Надо ли говорить моему умному читателю, что в каждом из нас, даже тихом и безответном, до поры до времени живёт бунтарь, задавленный гнётом суетливых и никчёмных будней, глупым и (прости, русский язык!) эгоцентрическим чувством самосохранения, а также традиционной национальной лени? Думаю, что не надо, ибо все, кто сейчас перелистывает страницы этой толстой книжки, читают именно по-русски, а, значит, будучи *любой* национальности, являются невольными носителями великой русской культуры и его квинтэссенции – русского языка.

Именно такие недоделанные бунтари сидели перед Альбионычем несколько лет назад, и даже он тогда не знал, что именно вырастет из этого сидения – прекрасный розовый куст талантливой игры или вязкий репейник невзрачных ходов, делаемых лишь для того, чтобы показать, что человек чему-то научился в жизни.

Прыгнуть вниз без парашюта
иль пешочком по Днепру:
научиться хоть чему-то –
цель учёбы по гуру!

Тогда он смотрел на этих людей первой стадии обучения и думал о том, что ему, как потомственному марсианину, было хорошо видно, как неизвестность запечатывает горла этих будущих персонажей романа «Русская кочерга» комком возбуждения. «Как же они всё-таки завязли в желе обыденной жизни», жалел новых знакомых Володя. У него была трудная задача, ведь он собирался не просто научить их играть в ранее неведомую игру, а поставить на этих живых людях научный опыт – с целью проверки сомнительного ленинского тезиса насчёт того, что практика есть критерий истины. К тому же покерный гуру хорошо понимал, что до этого момента в их серой жизни не было са́мого главного, что должно быть у мужчины – Приключения. «По-моему, всем этим людям пора́ приступить к изучению покерной камасутры!», думал он тогда, но вслух говорил совсем другое:

– По-моему, яйчики-бабайчики, настала пора́ заняться вашим одомашниванием!

– А правила лёгкие, мать честная? – помнится, спросил его самый, как ему показалось, перспективный будущий игрок Полтавцев.

– Как сказать, – задумчиво промолвил литератор, а в данное время, как говорили в ареале его земного проживания, карта мұғалімі[95]. – Должны пройти годы и годы тренировок, прежде чем в вашей душе́ загорится маленький прожектор знания, освещающий темноту и сумятицу вашего нынешнего бытия.

После этих таинственных слов изумлённые аборигены почувствовали, что перед ними раскрывается целый мир таинственных возможностей, а Кулемзин, вдохновлённый поставленными им самим перспективами, даже в мгновение ока сочинил катрен о простоте покерных правил:

Трудно жить в подлунном мире,
ибо в обществе двуногих
то, что дважды два – четыре,
раздражает очень многих…

Володя, будучи философом-парипатетиком, знал, что среди незнакомых людей, когда они объединяются ради какого-то дела, начинают происходить странные вещи. Каждый из них в течение короткого времени становился не тем, кем был раньше: из глубин их организмов как бы выныривали качества, которых эти люди раньше в себе и не подозревали. Правда, иногда бывало и наоборот – в некоторых исчезали черты и особенности, которые их когда-то угнетали и мешали жить. Главная же трудность заключалась в том, что покерному гуру достались не одинаковые персонажи для обучения, а совершенно разные – со своими характерами, повадками, привычками и жизненными укладами.

Проще всего Альбионычу было со сторожем-охранником, который искренне хотел научиться играть хотя бы в силу 5 процентов писателя. Вначале Афанасьич чувствовал себя среди остальных игроков, которые, к его удивлению, довольно быстро *врубились* в правила, как панк на концерте Бедржиха Франтишковича Сме́таны, но потом немного пообвык, хотя и по прошествии нескольких лет с начала игры от него можно было слышать хотя бы такой вопрос:

– Володя, а если у меня все джокера́, то что делать?

На что, разумеется, получал один и тот же ответ:

– Играть!

Жизнь моя была сера –
пёстрой сделала игра!

[95] Учитель игры в карты – сакс.

Труднее всего Альбионычу было с педагогом Курманбаевым, задававшим слишком много, как ему казалось, каверзных вопросов, которые, впрочем, отскакивали от Володи как теннисный мячик от стенда. До встречи с литератором Нуртай с сомнением относился к азартным играм, но после того, как Володя объяснил, что это большой умственный труд, решил, что такой труд непременно должен быть коллективным, и только тогда приносить радость от общения. Правда, была ещё одна причина, которую он не решился назвать вслух: преподаватель еврейского колледжа считал себя умнее других, и сейчас почувствовал, что именно здесь сумеет ненавязчиво закрепить за собой это преимущество.

Правда, прослушав весь свод правил игры, он протяжно вздохнул, словно прощаясь со своей спокойной жизнью, в которой до появления этого толстого человека всё было так хорошо и просто.

Нам мудрость расстилается не тканью,
она струится мимо, словно дым:
учёба проявляется в познанье,
а мудрость – в наблюдении за ним…

Глава 79. ПРИВИВКА ПОКЕРОМ (продолжение)

Кстати, именно с подачи Мусаича в первые дни учёбы на будущей территории Бермудского Учпучмака были внедрены в массовое сознание лозунги – как часть идеологической составляющей великой игры.

– Поймите, дг’узья, – картавя от волнения, уговаривал остальных педагог, – что без лозунга каждое начатое дело обг’ечено на пг’овал! Я надеюсь, вы все пóмните, что сказал Владимиг’ Ильич в своей гениальной статье «О лозунгах и постановке думской и внедумской с.-д. г’аботы»[96]?

«Какой такой ленин, царица лесная?», подумал тогда сторож, но вслух своё невежество проявлять не стал, так как почувствовал, что для этого у него ещё будет время.

– А сказал он, – звенел от счастья цитирования голос Нуртая, – следующее: – «И пусть не говог’ят нам, что лозунг г’еспублики не соответствует стадии политического г’азвития г’абочих и кг’естьян»!

«При здесь какие-то ёперные кг’естьяне?», подумал тогда военный трубач.

У нашей жизни – вечный стресс,
и каждый с ним знакóм:
несёт *крест*ьянин некий *крест*,
*раб*очий стал *раб*ом…

К идее *лозунгирования* каждого игрового дня Альбионыч, разумеется, отнёсся с прохладцей, но, как успел заметить мой читатель, прочитавший уже больше четырёх томов, всё-таки спорить не стал, поэтому и автор поспешил напихать этих лозунгов в упомянутые тома более чем достаточно. А первым из них (лозунгов, а не томов) стал вот такой – применительно как раз к начавшейся покерной учёбе:

Они сражались за родинку!

Лозунг этот Курманбаеву, конечно, не понравился – в силу своей слабой политической инициативы, но гуру объяснил и ему, и присутствующим, что каждая партия в *русскую кочергу* – суть битва, и если в глобальном смысле каждый из живущих на Земле сра-

[96] *В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 26. стр.17 – прим. полит. редактора*

жается за свою родину, то они, в смысле мы, сражаемся за родину крайне малую, поэтому нашу игровую территорию я и назвал *родинкой.*

После этого все в очередной раз убедились, что эти так называемые цветочки имеют коварную особенность подстерегать в самых неожиданных местах, а сам цветочек оказывался ничем иным, как банальным кактусом, да ещё и колюче-болючим.

«Вот и пригодился кусочек ничейной земли, столько лет простоявший пустым, как поле *под пáром…*», подумал писатель, довольно оглядывая территорию, которой уже ско-ро предстояло стать знаменитым Бермудским Учпучмаком. Так что, мой милый читатель, приезжая на новое место жительства, оглянись по сторонам: может, и тебе глянется часть суши, которая сидит себе и ждёт, когда ты вкопаешь в неё свой покерный столик…

Не надеясь на сиесты,
как какой-нибудь турист,
обживай любое место,
только сильно не сори!

С ностальгической слезой вспоминал Кулемзин, что всю базу сложных и не очень игровых правил он заставил новых друзей заучить наизусть – так же, как Полтавцев к девятому классу наконец-то выучил таблицу умножения с 1 до 4, а рецидивист к шестой *ходке* – все нужные статьи УК.

– И, главное, никакого доктринёрства! – сурово прикрикнул он на новых учеников.

«Так у нас же дипломов нет», хотел было поперечить ему Афанасьич, но благоразумно промолчал, и, кстати, это было первое и последнее благоразумие, которое мог заметить мой читатель, осиливший эти четыре с половиной тома «Русской кочерги»

Затем литератор, а в данное время покерный просветитель, огласил общие характеристики потенциального игрока в русскую кочергу: нестандартное мышление, отличное владение приёмами покерного рукопашного боя и, главное, невосприимчивость к какому-либо эмоционально-психическому воздействию, но тут же сообразил, что под эти характеристики подпадает только он сам.

– Вы должны радоваться встрече со мной, – вещал он притихшим неофитам, – ведь я – тот самый чудак, который пожелал освободить человечество в вашем лице от оков мещанства и вырвать его же из плена тоски. Как только ваша жизнь обогатилась знакомством со мной, этот мир (чувствуете?) сразу перестал казаться вам серым и заурядным.

Приговор был беспощадным,
но не нам его судить:
серый мир и заурядный,
ну, а нам в нём жить и жить!

После этого сообщения покерные новички оглянулись вокруг, но, кроме серого и заурядного мира второго микрорайона г. Отцеябловска, более ничего не заметили, и всё же на всякий случай покорно закивали головами – типа: ну, как же, братка, конечно, почувствовали, после чего новоявленный гуру радостно закончил свою мысль:

– Итак, яйчики-бабайчики, пора уныния закончилась, и наступила эра радости, свободы и творческой неопределённости!

Правда, после такого важного сообщения писатель заметил, что его красивые литературные слова́ дошли явно не до всех, и решил воздействовать на свалившихся к нему неизвестно откуда учеников словом более действенным, то есть цитатой из одного умного дядьки, жившего ещё в XVI веке. Звали его Мишель Пьерович Монтень, а сказал он следующее: «Массе свойственны глупость и легкомыслие, благодаря которым она позволя-

ет вести себя куда угодно, завороженная сладостными звуками красивых слов, и не способная проверить разумом и познать суть вещей»[97]

После этих слов, произнесённых Володей *с нажимом*, все закивали головами, словно действительно поняли что-то из сказанного, а сторож-охранник, помнится, даже сделал памятную запись в заветную книжечку «Для му.мы.»: «Если вспомнить, что масса – это скалярная физическая величина, определяющая инерционные и гравитационные свойства тел в ситуациях, когда их скорость намного меньше скорости света, то как ей могут быть свойственны глупость и легкомыслие?! По-моему, пора бы обратиться нашему гуру если не к психиатру, то хотя бы к простой житейской логике, ибо только что сказанное им прозвучало глупо и легкомысленно…»

Сомнения злодействуют молчком,
поскольку в плоть и кровь давно впитались:
меня не посчитали дураком!
На самом деле? Или просчитались?!

Глава 80. ПРИВИВКА ПОКЕРОМ (ещё одно продолжение)

Вначале неофитам казалось, что правила *русской кочерги* крайне сложны, вызубрить которые ещё было можно, но вот понять – нет, поэтому им только и оставалось, что усердно смотреть в рот Кулемзину, когда он *развёрнуто* втолковывал им какое-то из них. Но очень скоро весь свод правил, который Володя вкладывал в тыквы будущих сопокерников, стал отступать от нравственного начала, которое тот же Кулемзин закладывал в игроков вместе с правилами.

– Игра без правил, – говорил в своей лекции покерный просветитель, – это уже игра с правилами, когда, конечно, знаешь, что это именно игра без правил.

Слушатели ускоренных покерных курсов вылупились на него все как один, а Полтавцев даже что-то пробормотал про царицу лесную.

– Покер вообще похож на русскую рулетку, – продолжил обучение Альбионыч, – правда, с тем отличием, яйчики-бабайчики, что в барабане карточной колоды вообще нет пустых гнёзд, а все патроны – боевые!

Мы от боя не сбегаем
к стопарю и колбасе –
холостыми не стреляем,
ведь женатые мы все!

– Но главное, господа и товарищ, – сказал тогда марсианин, – всех нас во время игры не должно покидать чувство локтя…

И после секундной паузы уточнил:

– … в горле соседа!

– А чтобы выиграть, мать честная, что надо делать? – наивно поинтересовался бывший текстильщик.

– Разумеется, учиться, – ответил Володя. – И даже учиться, учиться и учиться, как завещал нам этот парень![98]

– А это по ёкарным правилам? – вслед за ним поинтересовался военный музыкант.

– Конечно, и правила эти очень просты, – втолковывал своим ученикам покерный

[97] *М. Монтень «Опыты», т. I, глава XXI – прим. лит. редактора*
[98] *Какая кульминация авторского цинизма! – прим. ист. редактора*

педагог. – Здесь всё – как в мультфильме «Бобик в гостях у Барбоса» – пóмните такое кино режиссёра Владимира Попова?

– Как это, мать моя партия? – подпрыгнул на скамеечке ещё один педагог – на этот раз еврейского колледжа.

– А так, что разрешается всё! – объяснил объяснялец. – За исключением некоторых запрещающих правил, коих всего-то 15-20…

– Ни хр-р-рена себе! – резюмировала ворона, прячущаяся в скудной кроне близрастущего карагача.

– Сам по себе покер – как карта семь пикей, – продолжил образование необразованных просветитель, – это не более чем щепотка соли на куске чёрного хлеба, то есть всей игры в целом: вкус есть, а сытости нет.

От досады раскраснелся,
как подвыпивший мулла:
съел фуáгра – не наелся:
слишком порция мала!

– Как это? – на этот раз подпрыгнул на будущей покерной скамеечке Серёжа, который до этого отличался поаышенной понятливостью.

– Да так: если у тебя есть покер, но к нему нет поддержки, то возьмёшь ты одну свою взятку плюс нагадишь кому-нибудь, если перебьёшь им чьего-то *гранда*. А толку?

Кстати, именно в этот момент будущие покеристы впервые услышали от Кулемзина слово *гранд*, которое, оказывается, до этого дня понимали совсем неправильно: Курманбаев думал, что это название óкруга в американском штате Колорадо, Батыршин предполагал, что это фамилия датского пробста[99] Йенса Якобовича Гранда XIV века, а Полтавцев был уверен, что гранд – это дворянский титул в средневековой Испании. И только сам Альбионыч знал истину: гранд – это термин для обозначения виниловых грампластинок размером 10 дюймов, или 25 сантиметров, со скоростью вращения 33 и 78 оборотов в минуту – в отличие от *миньона* диаметром 7 дюймов или *гиганта* диаметром 12 дюймов.

А чтобы мой читатель ни на секунду не усомнился в этом знании, автор показывает на этой странице 180 все три означенных грампластинки:

[99] Пробст (от лат. propositus – начальник) – титул в христианских церквях: у католиков – настоятель церкви, у лютеран – старший пастор – прим. богосл. редактора

– Поэтому сделайте последнее усилие, мои новые маленькие друзья, – пожелал писатель-реалист, – выучите все правила игры – и тогда, как утверждает одна забавная книжка без картинок, «отверзнется вам»[100]!

Надо ли говорить, что с лёгкой руки гуру будущие игроки обрели вторую, а кто и третью молодость, поскольку первая уже никуда не годилась от ветхости и алкоголизма.

Правда, труднее всего им, до этого никогда не сталкивающимся со столь интересной игрой, было разобраться с так называемой (прости, русский язык!) *катахрезой,* то есть сочетанием логически несовместимых понятий. Ну, действительно, как можно было понять, что при наличии у одного игрока двух *грандов* игра для всех остальных вдруг переворачивается вверх дном, где все крупные карты становятся маленькими, или что одно-му из покеристов неожиданно приходит в голову, имея на руках всё те же крупные карты, заказать пас, чтобы заморочить голову остальным, а потом методично брать взятку за взяткой, сажая всех без разбора? И, что самое удивительное, все вышеперечисленные безобразия были по правилам!

Говорил игрок угрюмо,
оборвал что свой полёт:
«Тот, кто правила придумал,
несомненно, идиот!»

Глава 81. ПРИВИВКА ПОКЕРОМ (окончание)

С каждым днём учёбы лекции покерного гуру становились всё изощрённее, ведь, наряду с правилами, которые он вбивал в головы будущих соперников, Володя давал им ещё и некие, как он их называл, фундаментально-ментальные знания, услышав о которых, трое из троих его потенциальных оппонентов захотели тут же бросить всю учёбу и скинуться на литр беленькой. И только кривая усмешка Альбионыча и его тихое предложение «Неужели вы все тру́сы?» заставили их остаться в учебном классе на относительно свежем бермудском воздухе.

– Даже маленькому зверьку из семейства афроевразийских млекопитающих, входящем в отряд насекомоядных, или, проще говоря, ежу, понятно, – говорил на своих семинарах Кулемзин, – что бэтмены, джеймсы бонды, крутые уокеры и прочие герои, спасающие стра́ны, планеты и даже целую Вселенную, встречаются только в художественных фильмах, народных сказаниях и в бредовом воображении автора, надо признаться, великого романа «Русская кочерга». Во все остальные места обитания нормального человечества этим выдающимся личностям вход строжайше запрещён!

Если кому-то вдруг помощь нужна,
я прилечу, вас спасу, – обращайтесь!
Даже ночами сижу я без сна,
я – смелый Бэтмен! Прошу: не стесняйтесь…

Людям, которые живут на свете шестой десяток лет, хорошо известно, что маленькие ошибки жалят больнее, – точно так же, как вязкий, сырой сквознячок иногда наносит больше вреда, чем свирепый ветрила, срывающий крыши с домов.

– Поэтому всё происходящее зависит только от тебя самого́, – не переставал повторять марсианин, – от того, как ты продвигаешься, улучшаешь себя и своё мастерство. И вот, чтобы исправить конкретно ваши недостатки, *дедушка* направил вам в помощь муд-

[100] Библия, Евангелие от Луки, 9:11 – прим. богосл. редактора

рого посланника (из врождённой скромности не могу назвать его великую фамилию!) и дал ему задание: показать вам ваши же изъяны, подтолкнуть вас к некоему пониманию. Ведь человек привык ходить по знакомым дорожкам, и сойти с них без хорошего толчка почти невозможно…

Последнее предложение также насторожило будущих игроков, которым показалось, что Альбионыч хочет не только усадить их за игровой стол, но и заставить ходить по каким-то дорожкам, как каких-нибудь скандинавских спортсменов. Но в результате всё оказалось ещё страшнее, чем они воображали!

В конце игры совсем мы скисли –
от этих покерных страстей:
вначале было страшно в мыслях,
ну, а потом – ещё страшней!

– Покер с его условностями и массой незначительных правил, – объяснил им игровой тренер, – держится на ритуале и, как однажды справедливо заметил один фабрикант канительной фабрики некто Станиславский[101], начинается с вешалки. То есть *падение* покера как игры начинается с пренебрежения к нему, и поначалу это всегда пренебрежение к мелочам. Так что любите мелочи, старайтесь принять их всем сердцем, как всем сердцем принимает тухлое пиво под противным названием «Жигулёвское» наш друг Серёжа, или как принимает решение в очередной раз изменить любимой супруге наш друг Талгат.

Пристыженные сторож и трубач немедленно покраснели, а вот педагог развеселился – от того, что на этот раз литератор оставил его персону без внимания.

– У этой игры нет наград и привилегий, – продолжил объяснение Володя. – Здесь нет приказов, начальников и подчинённых, нет устава, иерархии и бюрократии. Есть только правила, и вот они-то – дух святой! Так что старайтесь, други мои, не ошибаться! Певец может не попасть в ноту, актёр – забыть слова́, повар – пересолить суп: все имеют право на ошибку, включая пресловутого неосторожного сапёра. И только в покере, великой *русской кочерге* ошибка неисправима!

Володя ещё раз с тоской оглядел неофитов и подумал: «Мужчина, как гласит народная мудрость африканского племени бамбара, должен посадить тамаринд, построить караурию и вырастить здорового нсеана[102]. Но вот у меня этих нсеанов, как выяснилось, получилось целых три. Так что будем считать, что первые два пункта – с известной натяжкой – я всё-таки выполнил. А вот третий – увы! И, думаю, на так называемых небесах *дедушка* мне не простит, если я именно из-за своего природного мягкосердечия не исполню свой гражданский долг…»

Лучше б было больше молний –
по башке мне самому́:
призывают долг исполнить –
я ж не должен никому!

– Ну что, иблисовы дети, начнём играть по-взрослому? – вопросил гуру, на что тут же получил какой-то нематериальный ответ – в виде отрицательного махания руками.

– А чего так, яйчики-бабайчики? – задал он ещё один вопрос.

[101] К. С. Станиславский – это псевдоним, подлинная фамилия реформатора российского театра Алексеев. Его отец был фабрикантом, в ведении которого в числе других предприятий была золото-канительная фабрика, продукция которой даже однажды получила медаль Всемирной промышленной выставки в Париже (1900) – прим. ист. редактора

[102] От n'seun (наследник) – африкаанс

– Поучиться бы, царица лесная, ещё маненько, – за всех ответил Афанасьич.

– Ну что ж, поучиться так поучиться, – обнадёжил Кулемзин. – Так что в конце нашей маленькой лекции предлагаю кому запомнить, а кому и записать цитату из евангелия от Владимира:

На склоне лет блаженны те,
в ком азарт участия в жизни плавно
меняется на интерес к её течению…

– И что это, мать моя партия, означает? – надменно спросил педагог.

– Да только то, что сама игра гораздо важнее всех правил, а ежеробберная её интерпретация важнее само́й игры.

Курманбаев не понял ни слова из сказанного, но признаться в этом, конечно же, не мог, и потому только важно покачал головой, как бы подтверждая: я, мол, и без тебя такие простые вещи знал.

А вот Серёжа не растерялся, он мгновенно выхватил из своего потёртого хурджина заветную книжицу «Для му.мы.» и поспешно, чтобы не забыть, записал: «Из интереса к течению неизвестно чего вытекает, что на склоне лет обязательно станешь блаженным, то есть просто сумасшедшим». Он перечёл записанное, немного испугался и спросил:

– А, может, мы, мать честна́я, во что-нибудь другое поиграем?

– Домино? Го? Триктрак? – улыбнулся Володя, но тут же посуровел:

– Нет, мои маленькие друзья, не пойдёт! Как говаривал Пётр Первый, тоже, кстати, не последняя скотина в реформаторстве, «которому знамени единожды присягал, под оным и умереть должон!»

От переживаний слягу –
повышенья не видать:
принял только раз присягу,
а нарушил – целых пять!

Так покер стал для нашего главного героя испытательным полигоном для психологических опытов над живыми людьми, а воспитательно-дрессировочные меры постепенно начали приносить свои плоды: оказавшиеся незажатыми от суеты жизни, будущие игроки наконец-то повели себя так, будто одновременно делали шаг навстречу друг другу, хотя ещё долго спотыкались на этом суровом пути…

Глава 82. О РОДСТВЕННИКАХ ЧЕЛОВЕКА

И вот пора́ бы уже продолжиться второй за сегодняшний день партии, а лучше, так и вовсе окончиться, потому что конец первой части этой книжки, как говорят писатели-трюизматики, *не за горами*, да не всё идёт по плану, который мучительными зимними вечерами придумывал неутомимый в своём творчестве автор.

Я мечтать не перестану
снять надетый мне хомут:
ведь хочу я жить по плану –
строго лишь по своему!

Что же случилось на этот раз? Неужели грянул гром, да так сильно, что сделал на какое-то время оглохшими наших героев? Или вдруг из-за магазинчика Калимы появилась киносъёмочная группа, которая именно сегодня, именно в это время, именно в этом мес-

те решила снимать сцену из будущего блокбастера «Вставай, суровый Отцеябловск!»? Или на покерный столик неожиданно упало письмо с пролетавшего мимо почтового голубя – о том, что Серёнька Полтавцев наконец-то стал наследником давно почивших дедушки Михея и бабушки Федóры из деревни Семижопино, а именно сарайчика с верстаком и набором слесарных инструментов да старой колхозной паровой молотилки с соломоподъёмником?

Но нет, всё оказалось гораздо проще: игровое пространство знатных учпучмакцев неожиданно разбавили своим присутствием сразу несколько *дедушкиных* созданий, о которых надменное человечество придумало унижительный термин *братья наши меньшие*. Проще говоря, вокруг бермудских покеристов стало замечаться нахождение неких представителей фауны.

О братьях наших меньших

Идея доброты! Её извечно
внушаем нашим детям бесконечно,
и в паузах меж ложечками каши
любви их учим к мéньшим братьям нашим.
И коль не ест дитя , упрямо вторим:
«Давай, лапуля, червячка заморим!»
Коль новости звучат довольно жутко,
ребёнку объясняем: «Это утка!»
Коль начисто лишён ребёнок слуха, –
виной медведь, что наступил на ухо.
Чтоб лидером он стал, ведём атаку:
«Ты должен в каждом деле съесть собаку!»
Не нравится когда дитяти блюдо,
Мы говорим,что блюдо – от верблюда.
И скажем , объясняя бред дебила:
«Дебила бляха-муха укусила!»
Коль дети в неприятность угодили,
мы скажем, что свинью им подложили.
А папочка едва живой с похмелья,
Заявит: «Это змей подсунул зелье!»
И у детей в мозгах идёт работа:
что всё-таки зверью нужна забота,
ведь чем к нему относишься нежнее,
тем шницель из него потом вкуснее!

Володя давно замечал, что у разных людей отношение к животным тоже разное. Вот, например, находишь *дедушкину* коровку, любуешься ей и замираешь, когда она щекочет твою руку, а находишь таракана – и шмяк его тапком! И попробуйте потом объяснить тому же ребёнку из стишка тремя строками выше, что внешность не имеет значения.

Но на этот раз весь зоопарк, посетивший покерное пространство Бермудского Учпучмака, был давними знакомыми игроков. Первыми они заметили стайку воробьёв во главе с их генсеком Ипполитом Матвеевичем, которые, присоседившись на карагаче возле карликовой русалки, стали вести себя крайне шумно, видимо, делая этой сказочной барыш-не с хвостом нескромные предложения.

– А ну брысь, яйчики-бабайчики! – прикрикнул на воробьёв Альбионыч и даже громко хлопнул в ладоши. Воробьи вместе с лидером послушно сорвались с места и стайкой улетели куда-то в сторону Нидерландов.

«Сволочи сытые», ласково подумал писатель о пернатых. «С пищеварением у них полный порядок, да и процесс дефекации, видимо, тоже проходит без проблем – даже можно позавидовать!»

Вторым животным персонажем, увиденным рускокочергинцами, стала также знакомая моему читателю киска Несси, которая вдруг озаботилась тем, что, запрыгнув на колени марсианину, заглянула в покерную *раскладку*, не спеша проверила, правильно ли Володя ведёт записи, затем совершила обратные движения, то есть спрыгнула с колен на позднелетнюю травку, после чего пошла заниматься делом куда интереснее, чем какие-то карты, – обнюхивать ближайшее дерево.

Кошкой быть совсем не мало,
и скажу вам без причуд:
«Я гуляю с кем попало,
как хочу и где хочу!»

Третьим и четвёртым зверями стали старые друзья по володиному подъезду – кот Семён и пёс Боря. Семёна Альбионыч, как только познакомился с ним, называл с тех пор Будённым, ибо, как и псевдовеликий красный командир, был этот котяра хитёр, усат и нагл. Более скромным поведением отличался Боря, ибо распоясаться в своих нескромных собачьих желаниях ему не давала его хозяйка Жанна Пантелеевна, или, как кратко называл её Кулемзин, Ж.П.

– А я знаю, мать честная, за что нас любят собаки, – поглядев на Борю, неожиданно поделился сокровенным знанием Афанасьич.

– И за что же, Серёжа? – заинтересованно произнёс писатель и даже на всякий случай включил свой запоминательный мозговой центр с виртуальной кнопочкой *safe*.

– А за то, что внутри нас – кости! – зловещим шёпотом объяснил Полтавцев.

Покеристы и примкнувший к ним живописец вздрогнули, но видя, что представители фауны покидают игровое пространство, наконец-то приступили к тому, ради чего и затевалось писание всех этих толстых книжек, то есть к *русской кочерге*.

Этих строчек звонких ради,
приобут и приодет,
на игру большую глядя,
сочиняет стих поэт!

Глава 83. ПРИЗРАЧНЫЕ ФЛЮИДЫ ТРЕВОГИ (ещё одно продолжение)

И хотя Альбионыч сбил масть ещё пять глав назад, у остальных игроков числом три ещё оставалось время, чтобы отыграться. Правда, для этого должно было совпасть множество факторов: и везение отдельных личностей, и удачные комбинации ходов и взяток, но, самое главное, совместная борьба против тирана-гуру, а вот этого в володиных противников как раз не было. А была, напротив, как выражался Мусаич, только «жажда наживы», хотя этой са́мой жаждой он страдал больше других.

Но в течение оставшихся девяти робберов до последней *тёмной* случались и приятные неожиданности, впрочем, как наверное, и в любой игре, а не только в нашей *русской кочерге*.

Хорошо в игре иль худо,
узнаём мы каждый час:
Случай нам вручит то чудо,
а порой и горе даст…

Так, сдуру заказав четыре взятки, охранник неожиданно выиграл их все, но не потому, что отличился каким-то особенным умом и умением прочухать сложную комбинацию, а только потому, что Кулемзин перевернул роббер, произнеся волшебное слово *мизе́р*. Совершив этот подвиг, Серёжа, видимо, окончательно уверовав в своё всемогущество, почувствовал облегчение, словно защитил дипломную работу «Пиковая дама как символ борьбы с тиранией червового короля», после чего его с почестями выкинули в большую жизнь.

– Ты чего всё время улыбаешься, как йодистый придурок? – хмуро поинтересовался у него старший военный тромбонист.

– Да потому что, царица лесная, радости моей нет беспредела! – просто объяснил сторож, после чего Батыршин решил немного попсиховать, но всё-таки взял себя в руки, кое-как справившись с первым желанием взвиться *на дыбы*.

Я вам тайны не открою,
но открою её часть:
на дыбы встаю порою,
чтоб на ды́бу не попасть!

Писателю же эти пронёсшиеся в учпучмакском эфире *дыбы́* неожиданно отозвались целой кучей литературных примеров – таких, как в «Молохе» Куприна: «Испуганные лошади храпели, взвивались на дыбы и не давались зануздывать», или как в «Медведе» Гаршина: «Зверь встал на дыбы, подняв передние лапы», или как в «Мастере и Маргарите» Булгакова: «Злая вороная взмокшая лошадь шарахнулась, поднялась на дыбы», или как в «Острове сокровищ» Роберта Томасовича Стивенсона: «Он напоминал жирного дракона, ставшего на дыбы», или как во «Всаднике без головы» Майна опять же Томасовича Рида: «Лошадь встала на дыбы и несколько секунд сохраняла равновесие в этом положении», и даже в классическом романе Анри Шерюбеновича Стендаля «Красное и чёрное»: «Эполеты его сверкали ярче всех других, так как они были новёхонькие; конь под ним то и дело вставал на дыбы»

То и дело производил мелкие пакости Нуртай, так как в конце игры избрал для себя порочную, но уже проверенную тактику садить всех без разбора, при этом поднимаясь на незначительное количество очков, так как в результате такой игры не брал своих заказанных взяток, а всего лишь перебирал, за что, как наверняка помнит мой читатель, игрок получал малое количество очков – по числу перебранных взяток. При этом он, чтобы сбить с толку противников, несколько робберов подряд произносил невыразительное слово *пас* – голосом, похожим на запах протухшего клея.

Голос мой бывает разным:
то певуч он, то скрипуч –
я игрой владею грязной:
пакость всем – надёжный ключ!

Тяжело приходилось и третьему члену покерной *квадриги* – прапорщику музыкальных войск Салихдзянычу. После принятого с похмелья слабоалкогольного напитка в голове, с одной стороны, что-то тихонько позвякивало, а, с другой, была усыпляющая бдительность лёгкость. Талгат лихорадочно старался припомнить из правил игры что-нибудь умное, но в тыкву лезла всякая чепуха – вроде какого-то лиха, которое не стоило будить. В общем, как писали в старинных романах, лицо его выражало внутреннее борение, но победа казалась недостижимой, точно поверхность Юпитера. К тому же, в голове мелькала чья-то нелепая фраза «Покер – в студию!»

И только Альбионыч сохранял полнейшее самообладание, точно древний эллин перед лицом персидской конницы. Из собравшихся за покерным столиком он один знал абсолютно точно, что случайность в нашей великой игре – это профессионально подготовленная закономерность.

К концу партии, то есть к последней *тёмной*, положение всё ещё оставалось шатким: у писателя к тому времени набралось 599 очков, у педагога 571, у военного трубача 313, а у бывшего текстильщика – аж ровно 100! Поэтому не удивительно, что именно последняя *тёмная* должна была стать местом решающего сурового боя – за право записи в *раскладку* против своей фамилии или 4 очка или 3 – в общий рейтинг игрового дня.

«Каспаров в такой ситуации», подумал здесь автор романа, «просто бы сдал партию. Но не таков мой главный марсианский герой!»

Те, кто с Марса, не сдаются
рядовым земным врагам –
в ли́ца их они смеются,
надавав им по рогам!

Здесь автор хотел бы кое-что объяснить моему читателю, нисколько не сомневаясь в том, что он (читатель, а не автор) уже значительно поднаторел в *русской кочерге*, и всё же… В покере, как и на настоящем театре военных действий, действовали те же правила, что и в бою. Например, в данное время относилось к этому и соотношение наступающих (Афанасьич, Салихдзяныч и Мусаич) и обороняющихся (Альбионыч), то есть три к одному. Да, Володя был вынужден держать оборону сразу против трёх игроков, которые, хотя и относились к нему по-разному, но неожиданно объединились в одну опасную банду, которая общими усилиями старалась не допустить его выигрыша, причём, явно не понимая того, что, если они и *завалят* своего мудрого гуру, то *сразу всем троим* выиграть всё равно не получится! И всё же ему было легче, ибо, обороняясь, он как бы врылся в заранее укреплённое место, и этим сейчас был равен по силе действия наступающим.

«Да я невооружённым нюхом чую», подумал полтавцевскими словами Кулемзин, «что победа всё равно будет за мной!»

Я врагов не избегаю,
матом их всегда кляня,
и победу призываю:
чтоб она была моя!

Глава 84. ПРИЗРАЧНЫЕ ФЛЮИДЫ ТРЕВОГИ (почти окончание)

И вот пришло время заказов на последней *тёмной*. Это был один из самых ответственных моментов в игре, ибо карты до заказа видеть не разрешалось, а рисковать или нет было делом исключительно каждого из покеристов.

– Ну-с, други мои, снимайте по очереди штанишки! – пробормотал старший кочергист. – Сейчас я вас буду порицать – жестоко, но заслуженно…

После чего повысил голос и звонко известил на весь Бермудский Учпучмак:

– Четыре!

Нуртай после такого потенциально опасного заказа тут же раскраснелся, словно комсомолка первой пятилетки. «Чистый Дейнека[103]!», мысленно оценил изменившийся колер его лица Володя.

[103] Александр Александрович Дейнека (1899-1969) – советский живописец, монументалист и график, педагог, профессор – прим. худ. редактора

«Тоже четыре? Или пять?», лихорадочно бились мысли в голове Мусаича, а между ними, этими сугубо практическими раздумьями откуда-то из глубины гниловатой душонки знатного большевика начали вылазить воспоминания о том, что же и когда-то говорил о победе Владимир Ильич? «Думаю, что именно это знание может помочь мне сейчас победить иудушку Троцкого нашего времени…». И он вспомнил! В 12 томе полного собрания сочинений вождя, на странице 33 он совсем недавно прочёл искренне взволновавшие его строки: «Радость и законная гордость по поводу первой *победы* не мешают новой организации сил для доведения до конца революции, а её успех зависит от привлечения на сторону свободы ещё более широких слоёв народа, их просвещения и организации»[104]

Революции буревестник!
Тянет гарью в проём окна...
Полыхнуло тогда на Пресне,
а сгорела дотла страна!

И тогда Курманбаев, вдохновлённый пламенными ленинскими словами, тоже заказал четыре, что, надо признаться, делал очень и очень редко, так как трусоват был безмерно, и предпочитал гадить потихоньку – как бы спрятавшись в засаде. Вот и сейчас, когда за покерным столиком решалась Сука-судьба этой партии, он приготовил для одного из игроков (и мой читатель уже наверняка догадался, для которого) куплет одной из лучших песен, которые выучил за свою партийную жизнь. Но его пакостные мысли тут же перебились остальными заказами на последней тёмной.

– Три взятки, царица лесная, – озвучил свою позицию Полтавцев.

– Три йодистые взятки! – как бы поправил его Батыршин.

И тут Кулемзин решил, что ещё до начала этого решающего роббера следует навести некоторый порядок в головах сторожа и музыканта, так как в собственной голове беспорядка пока не наблюдал.

– Знаешь, Серёжа, почему рыба не клюёт? – спросил он сами знаете у кого.

«Совсем с ума съехал», тепло подумал Валера. «Ведь вы же сейчас в карты играете! Какая же тут рыбалка?»

Туман клубится над водой,
скрывая поплавки,
природы утренний покой
в ветвях моей души.
Но вот подсечка, рыба есть!
Удилище в дугу –
и золотой красавец линь
лежит на берегу!

– Знаю! – неожиданно ответил Серёжа.

– Да что ты вообще знаешь? – тут же встрял в разговор педагог, не упускающий возможности сравнить свой ум с умом Афанасьича, и частенько проигрывая в этом споре. – Вот как, например, по-итальянски будет игра в карты?

– А итальянцы ни в какие карты и не играют! – парировал охранник. – Он всё больше пиццу трескают!

– Нуртай, то, что ты спросил, – улыбнулся Альбионыч, видя, что его уловка удалась, – будет carte da gioco, но Серёжа прав, хотя и не до конца: итальянцы трескают пиццу или с сыром пармезан, или с соусом бешамель.

[104] В. И. Ленин, ПСС, т. 12, статья «Первая победа революции» – прим. полит. редактора

– Да я же не об этом! – завопил ленинец. – Вот раз он такой умный, пусть что-нибудь по-итальянски скажет!

– Да что же я, вашего итальянского не знаю, что ли? – возмутился экс-текстильщик. – Ну, тогда слушайте все и не говорите, что не слышали: Мама Миа, Коза Ностра и Джанни Родари!

– 1:0, – констатировал писатель. – А тебе, Нуртай, за проигрыш – щелбан! – и выразительно посмотрел на живописца.

Поручение покерного гуру было тут же исполнено, после чего Курманбаев затаил на своего соседа по покерной скамеечке Муравлёва обиду.

– Кстати, Серёжа, – попенял сторожу Кулемзин. – А ты же обещал ответить на мой вопрос.

– Какой вопрос? – обалдел знаток иностранных языков.

– Да я же вас до всех этих итальянских страстей спрашивал, знаете ли вы, почему рыба не клюёт.

– А она, что не клюёт?

– Я в переносном смысле – в контексте игры.

– А-а-а, – «догадался» охранник, – в этом смысле? Тогда отвечаю: потому что у неё нет клюва!

Понял наконец ошибку,
хоть десятый год я сед:
не клюёт на зорьке рыбка, –
потому что клюва нет!

Глава 85. ПРИЗРАЧНЫЕ ФЛЮИДЫ ТРЕВОГИ (окончание)

«Какой-то бессмысленный разговор!», начал соображать преподаватель еврейского колледжа, но вслух свои сомнения озвучить не решился. А кто был искренне рад вот таким разговорчикам, которые совершенно не относились ни к какой игре, так это был Муравлёв. Он хорошо знал, что партия закончится уже через пару-тройку минут, затем ещё минут пять уйдут на переваривание игровых ситуаций и переживания – у кого радостные, а у кого и не очень, а затем наверняка кто-то ещё раз сходит за пивком, и, хорошо, чтобы это был не я.

Между тем последний роббер наконец-то начался. И хорошо, что по очереди первый ход был именно писателя. Он тут же решил озаботиться контрразведывательным обеспечением операции, после чего пошёл с маленького козыря, так как на его удивление никто не объявил мизéра. А означало это только одно: что все *гранды*, кроме козырного туза и младшего джокера, которые были у Володи, рассредоточились по разным игрокам. И это было так хорошо, что у Кулемзина даже мелькнула какая-то слишком литературная мыслишка: «Да не за ради звонкого бакса сражаюсь я с глобальными силами мрака!»

Под гременье рок-н-роллов
жду, когда придёт успех:
я сражаюсь не за доллар –
за идею! Против всех!

Он понимал, что этот трюк был старым, как мумия фараона Рамзеса, но, как ни удивительно, уловка сработала: все поспешили забрать первую взятку, кидая всё бóльшие и бóльшие номиналы. А это было тоже показательно, ведь означала эта ситуация то, что у каждого, кто сейчас мечтал взять первую взятку, был припасён второй – ударный ход!

Наконец, Талгат, сидящий слева от Альбионыча, а, значит, кидающий карту последним из квадриги, забрал её младшим козырем.

«Та-а-ак», трансцендентально подумал философ с литературным образованием. «И у кого же тогда старший джокер и покер?»

Но ответ на его неслышный вопрос пришёл тут же: саксаульский унтер-офицер сделал свой ход. И он был страшным – кое для кого, так как Салихдзяныч выложил на столик покера и звенящим шёпотом, как в мистических сериалах, объявил:

– По ёкарным старшим джокерам!

И это, конечно же, было его большой ошибкой, ведь на покерный столик с горестным стоном ~~племенного~~ пламенного партийца упал сражённый военной пулей только старший джокер Мусаича, а младший, который, как уже сообщалось несколькими строками выше, по правилам игра остался у Кулемзина, остальные же – так же по правилам – скинули самые незначительные карты. «Мать моя партийная организация Ленинского района Отцеябловска, неужели Ильич не поможет?!», мелькнула одна из самых страшных мыслей в жизни саксаульского большевика.

Но вождь мирового пролетариата, который сейчас, тихо загорая в своём кремлёвском гнёздышке, и даже не подозревая, какую ответственнейшую ставку на него сделали только что, так таки не помог.

Я как будто в преисподней,
и дышу тяжёлой мглой:
слово Ленина сегодня
мне никак не помогло!

«Прямо какая-то рубка в конном строю!», удовлетворённо подумал марсианин, и было от чего: теперь он один знал, что в его руках остались две самые старшие карты в игре – его сохранившийся козырной туз и ещё один туз – трефовый, но к нему – в отсутствие козырей – плюс трефовые же король и дама, что, как говорил его (марсианина, а не короля) дедушка Остап Бендер, давало неплохие шансы.

– Как же так? – наконец расчухал свой афронт Нуртай. – Как же так? Как же так?

– Эко тебя переклинило, – озаботился Валера и звучно саданул по спине педагога.

Мусаич вздрогнул и внятно произнёс:

– Чей следующий ход?

Никто не ответил ему, хотя ответ знали все и даже неиграющий Николаич, который, затаив дыхание, ждал конца партии Но чей бы ход ни был или сейчас, или через раз, Альбионыч ждал трефей. И он их дождался, вначале забрав тузом вторую взятку, после чего тут же пошёл ещё одним маленьким козырьком, который к тому моменту потерял былую актуальность. Не удивительно, что остальные игроки, которые запаниковав, ибо остались без *грандов*, стали стараться хапать всё подряд: то, что благоразумно оставлял им Альбионыч – чтобы не перебрать самому́.

И вот тут педагог понял, что проиграл, и правильно подумал, потому что Кулемзин к тому времени уже взял свои четыре, а остальным надо было думать только о том, чтобы взять побольше – и постараться пробраться ко второму месту в игре, а, значит, к заветным трём очкам в общем рейтинге, ибо такие же заветные четыре очка уже были записаны за покерным гуру большими огненными буквами!

Судьба хихикает глухая,
тузом выделывая па:
победой буквы полыхают,
и буквы те – *ж, о, п, а*!

А после того, как к ленинцу пришло такое понимание, он и сделал то, что задумал непосредственно перед началом этого роббера – поднатужился и как бы залпом, без перерыва и даже практически без мелодии спел два куплета давно им заготовленной песенной бомбы:

– Солнце майское, светлее
с неба синего свети,
чтоб до выси мавзолея
нашу радость донести,
чтобы ярче заблистали
наши лозунги побед,
чтобы руку пóднял Сталин,
посылая нам привет!

И, наверное, ни для уже не секрет, что бедного военного трубача пришлось ждать целых две минуты, после которых он вернулся за покерный столик, пошатываясь и с внезапно разболевшейся головой, отчего конец роббера смазал и, как и предполагал нечестивый педагог, покручивающий в этот момент хвост *иблиса*, конечно же, проиграл. Бедному Батыршину осталось только радоваться, что в процессе игры некто Серёнька отстал от всех так далеко, что даже проиграй он (Батыршин, а не Серёнька) все заказанные три взятки, то и тогда тот (Серёнька, а не Батыршин) не смог бы его догнать.

«Вывести бы тебя на чистую воду!», подумал литератор. «Да там и утопить…», но вслух сказал совсем другое – весело и задорно:

– Как и предполагалось, други мои, мастерство не пропьёшь!

– В смысле, мать честная? – попросил уточнить игрок, по традиции оказавшийся на последнем месте.

– В смысле – только в двух случаях:

1. нет денег на выпивку и

2. нет мастерства.

Что-то в жизни поломалось –
жизнь как будто бы в пурге,
что длинней всегда казалась,
чем колготки на ноге.
Крутят мысли пассатижи
дней былых, иных, гнилых,
и сейчас отлично вижу,
что длинноты недлинны.
Гравирую и гипсую
я её, пока не сдох,
жизнь короткую такую –
мимолётную, как вдох…

Глава 86. АТЫ-БАТЫ, ШЛИ СОЛДАТЫ…

Выиграв вторую партию, Володя ещё пару минут посидел гордый, как первый покоритель горного Памира Мушкетов[105] – в ореоле собственноручно созданной им мегаломании, но потом взял себя в руки и понял, что неплохо бы поднять настроение только что проигравшему коллективу – сами знаете чем.

[105] Иван Васильевич Мушкетов (1850-1902) – выдающийся русский геолог и географ, автор фундаментального труда «Туркестан» – прим. геогр. редактора

– Володя, за пивом бы сходить, святой Малевич, – вертясь на покерной скамеечке от нетерпения, наконец-то предложил живописец, после чего все вздохнули облегчённо.

– Зачем? – индифферентно поинтересовался писатель.

– Да что-то мне цвет лица у Серёжи не нравится! Как бы он не заболел…

– А от пива, ты полагаешь, он сразу излечится? Вот что, Валера, ты давай-ка дурака не включай. И на будущее запомни, что дурака надо включать осторожно, а то вдруг потом переключатель сломается…

Всё в мире подлунном возможно,
и вам я сигнал смог подать:
включать дурака осторожно,
чтоб сходу его не сломать!

Но все знали, что слова эти вечный спонсор коллектива говорит не со зла, а как бы по обязанности – чтобы никто не расслаблялся раньше времени. И следующее предложение как нельзя лучше подтверждало этот незыблемый – до наступления вечера – принцип:

– По сложившейся в нашем порочном коллективе традиции предлагаю посчитаться – чтобы ни у кого из нас не возник ореол мученика или, не дай *дедушка*, лишенца. Серёжа, друг мой, не соблаговолишь ли ты вспомнить ещё какую-нибудь считалочку?

– Собла… говла… бабла.. болю, – справился с трудным словом сторож и стал тыкать в грудь каждого из пятёрых главных бермудцев, не забывая и себя, отсчитывая с каждым ударом железного пальца по одному слогу:

– Аты-баты,
шли солдаты,
аты-баты,
на Багдад,
а в руках
не автоматы –
для детишек
шоколад!

Наконец палец остановился, и все с интересом поглядели на Курманбаева, а сам Мусаич в это время начал думать об исторической несправедливости, позволяющей вот так издеваться над лучшими сынами эпохи.

– Сам придумал, яйчики-бабайчики? – между тем восторженно воскликнул писатель и даже потянулся к котомке – достать из неё книжечку «Для му.мы.», из которой можно было добыть девственно чистый листочек бумаги для записывания полтавцевской мудрости.

– Ну что ты, царица лесная, – натурально расстроенно поведал Афанасьич. – По-моему, это Есенин…

Не слушая его далее, Альбионыч расстегнул левый кармашек своей марсианской рубашки, извлёк из неё крупную купюру в 1000 назарбаксов и протянул педагогу. Нуртай сокрушённо взял деньги и скорбно направился в сторону магазинчика Калимы. Сделав пару шагов, он всё-таки обернулся и укоризненно произнёс в сторону спонсора:

– Какой же ты, мать моя партия, всё-таки ленивый, Володя!

– Лень – мать всех пороков, старичок, – весело отозвался Кулемзин. – И это придумал не я, а ещё в XII веке великий князь киевский (и мой тёзка) Владимир Мономах.

– Точно! – вспомнив что-то своё, подтвердил Полтавцев. – Если бы этот Владимир жил в наше время, он бы уже давно был не моно, а Стереомах!

Применив из глины пудру,
не сказав жене на кой,
Мономах стал очень мудрым,
как Полтавцев, блин, какой!

– А ты про мать – это к чему? – заинтересовался Валера.

– Да к тому, что родителей, кем бы они ни были, пусть даже и ленью, всё равно надо уважать!

Педагог дослушал прения сторон и молча поплёлся в сельпо. Всем показалось, что он даже нарочно замедляет шаги, и осиротевшие без пива игроки и примкнувший к ним живописец поняли, что скоро партийца можно не ждать.

– А не рассказать ли вам какую-нибудь поучительную историю? – предложил Володя. – Причём, такую, чтобы в ваших тыквах осталось хоть несколько капель разума – за прошедшие четыре дня и текущий пятый.

– Ну, тогда что-нибудь глобальное, – попросил Афанасьич, которому казалось, что после каждого дня общения с литератором он становится немного умнее.

– Хорошо, – согласился Альбионыч. – Я думаю, что нет ничего глобальнее, чем окружающая наш Бермудский Учпучмак космическая субстанция, наречённая *дедушкой* Вселенной. Вот о ней и пойдёт этот научный рассказ, а, скорее всего, лекция.

Всем показалось, что лекция – это скучно, но куда было деваться от неуёмной энергетики учпучмакского лектора! Итак…

Глава 87. О ТРЁХ ЗАКОНАХ ВСЕЛЕННОЙ

– О Вселенной, други мои, я вам, если помните, рассказывал ещё в первом томе[106], – начал лекцию почётный лектор второго микрорайона города Отцеябловска, не обращая внимания на нелепые переглядывания по поводу «первого тома» троих друзей. – Поэтому сейчас, чтобы не повторяться, я расскажу вам «нечто глобальное», как и просил меня мой друг Серёжа, вовсю тянущийся к бесполезным знаниям, а именно, о трёх главных законах Вселенной.

– А кто их придумал, святой Малевич? – поинтересовался один из слушателей, который страшно любил вот такие отвлечённые разговорчики.

– Из скромности, которой, как я надеюсь, мне не занимать, я не могу назвать его великое имя, – ответил писатель, после чего продолжил:

– Чтобы понимать, что происходит в нашей жизни, например, почему приходят или уходят различные люди, как строить отношения с близкими людьми и детьми, как помочь родственникам и друзьям меняться в лучшую сторону, нужно знать три очень важных закона Вселенной, которые дадут вам ответы на очень многие вопросы, а также помогут сформировать ваше светлое будущее.

Путь к познаниям так труден –
я одно из них припас:
наше будущее будет,
настоящее – сейчас!

– Итак, Первый Закон. Он хорошо известен всем.

– И даже мне, царица лесная? – восторженно воскликнул охранник, который до этого времени думал, что его все считают дураком.

[106] Действительно, рассказ «Вселенная и время» опубликован в главе 216 первого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

– Конечно, старичок, просто ты никак не догадаешься его верно сформулировать. Мы используем этот закон в повседневной жизни, порою даже не замечая этого. И наши действия – прямое тому доказательство.

– А как этот ёкарный закон звучит? – спросил второй слушатель, который поинтересовался про это ради приличия, так как вовсю мечтал о быстрейшем приходе Мусаича.

– А звучит он, как остроумно выразился наш музыкант, так:

Подобное притягивает подобное

– Как это, мать честна́я? – воскликнул третий слушатель и даже немного подпрыгнул на покерной скамеечке.

– А так, что своим внутренним состоянием, – объяснил Альбионыч, – мы притягиваем во внешнюю жизнь различные события и различных людей. Поэтому, например, всем женщинам, которые мечтают заполучить в мужья настоящего мужчину, нужно стать настоящими женщинами, то есть с полным набором женских качеств.

Легли на землю белые снега,
зима, сугробы – на душе отрада!
Короче, я слепила мужика,
да и морковку вставила где надо…

– Так что, други мои, – продолжил Володя, – если хотите, чтобы люди считались с вашими чувствами, обращайте внимание на чувства людей и вы. Одним словом, относитесь к ним так, как хотели бы, чтобы они относились к вам. Звучит, конечно, банально, но это истина. Серёжа, запиши!

Полтавцев немедленно достал блокнотик «Для му.мы.» и записал только что услышанное: «Относитесь к людям относительно, а они в ответ будут относиться к вам соотнесённо!», потом немного подумал и поставил знак ударения над одним из слов, которое, как ему показалось, писатель произнёс неправильно: людя́м.

– Если хотите быть богатыми, – между тем вовсю лекторствовал Кулемзин, – перестаньте ходить по распродажам и социальным магазинам – это лишь притягивает бедность. И если хотите видеть рядом хороших людей, которые вас любят, разгребите внутри завал негатива и начните мыслить радостно!

Мудрой мудростью я соткан,
потому душой красив:
как увижу я красотку,
убираю негатив!

– Среди знакомых мне женщин, которых я изучаю всю жизнь и всё никак не могу изучить до конца, а так и числюсь их вечным учеником, я часто слышу: «У неё муж такой-сякой-эдакий, а она очень чистая хорошая девушка». Помните, другим мои, что это ложь! Не бывает такого! Значит, внутри неё живут какие-то разрушительные программы, которые притягивают всю эту гадость. Как говорит одна из моих учительниц Стелла по фамилии то ли Кудряшкина, то ли Энгельгардт, «Ты заслуживаешь того мужа, который у тебя есть!», хотя я точно помню, что у самой Стеллы с невыясненной фамилией никакого мужа отродясь не было, и откуда она знает эту мудрость, не знает даже всё знающий автор «Русской кочерги»

И автор «Русской кочерги» на этой странице 194 подтверждает эти слова своего любимого главного героя!

– Однажды я даже повстречал девушку внешне очень милую, добрую, красивую, которая покупала всем подарки и думала обо всех, но к ней постоянно привязывались незнакомые неадекватные мужчины, пытаясь изнасиловать, а её знакомые мужчины издевались над ней, как могли! И вот в ходе *терапии*…

После этого слова старший прапорщик неожиданно густо покраснел, видимо, вспомнив что-то своё, личное.

– …и работы с ней всплыли очень мощные программы саморазрушения, так как я понял, что она неосознанно притягивала к себе всё, что ее убивало.

«И при чём здесь, святой Малевич, Вселенная?», подумал в это время Валера, но вслух такую крамолу, конечно, не произнёс.

– И наоборот, когда внутри нас изобилие и радость, – закончил мысль Альбионыч, – даже самые последние люди начинают меняться рядом с вами и становиться позитивнее. Так что, други мои, настраивайтесь правильно – и нужные люди косяком пойдут в вашу жизнь!

Поделюсь гармошкой я
и друга поддержу,
ведь дружу с хорошими –
с плохими не дружу!

Глава 88. О ТРЁХ ЗАКОНАХ ВСЕЛЕННОЙ (окончание)

– Теперь о втором законе. Он тоже довольно известный, правда, чуть меньше первого. И, предупреждая вопрос Талгата о его звучании, отвечаю – вот так:

Подобное порождает подобное

Если вы хотя бы что-то пóмните из школьной программы, то в вашей памяти должна остаться одна весьма сомнительная поговорка: «Яблоко от яблоньки недалеко падает», подумав над которой, всё-таки приходишь к выводу, что она не такая уж и сомнительная, ведь любое действие порождает подобное действие!

– Как это? – подпрыгнул на покерный скамеечке на этот раз военный трубач.

– А так, например, что если вы плохо относились к своим родителям, то не ждите, что ваш ребёнок будет хорошо относиться к вам, даже если вы будете пытаться его воспитывать, ведь то, что вы создаёте, является вашей голографической копией и обязательно будет вести себя так же, как вы.

Лектор был вполне вменяем,
преподав *братве* урок:
«Был папаша негодяем –
негодяем стал сынок!»

Поэтому всегда смотри́те на то, кто вы и что создаёте. И, кстати, с каким настроением вы это делаете!

«И при чём здесь Вселенная?», подумал в это время Афанасьич, но вслух такую крамолу, конечно, не произнёс.

– Где это ёперный Нуртай запропастился? – не выдержав пытки под названием «Без пива», задал прямой вопрос музыкант с прапорщицким образованием.

– Талгат, как ты можешь? – пристыдил его Серёжа, после чего повернулся к Володе:

– А третий закон ?

– А третий закон, мои подневольные слушатели, – улыбнулся марсианский лектор, – малоизвестный, но очень важный. Серёжа, запиши, пожалуйста, и его:

То, что не может стать подобным, – отторгается

– Как это, мать моя партия? – прозвучал откуда-то с юга вопрос ещё одним знакомым голосом, и все поняли, что так увлеклись лекцией Володи, что даже не заметили возвращения педагога.

– Садись, Нуртай, и не мешай слушать, – попенял пришельцу Полтавцев, который, видимо, примерил на себя роль всехнего одёргивальца. – Я тебе потом – *когда всё образуется* – основное расскажу.

Курманбаев шумно плюхнул на покерный столик котомку и с сомнением посмотрел на сторожа, но спорить не стал.

– Итак, что мы имеем по этому третьему закону?

«Ого!», подумал Мусаич. «Кажется, я слишком многое пропустил…»

Отдаёт в мозги и ногу,
и горит одна из труб:
пропустил я слишком много –
и страдаю поутру!

– Если мы вдруг стали хорошими-прехорошими, и ведём себя порядочно и добро относимся к людям, а кто-то в нашем окружении не в силах достичь подобного…

Все в этот момент дружно посмотрели на пивного ходока, сам же большевик сделал вид,что прозвучавшая фраза его не касается вообще никак.

– … то ваше общение прекращается, то есть Вселенная уводит его от вас. Так как в моём сегодняшнем окружении почти все мужчины…

Здесь все повторно посмотрели на Курманбаева.

– …то скажу от имени постоянно раздражающих вас женщин: если вы становитесь женственной, любящей, принимающей, а муж не хочет меняться, не хочет работать, развиваться, не позволяет рожать детей, то Вселенная сделает так, что он очень легко для вас двоих уйдёт к другой, а к вам притянется подобный вам.

– Как это? – хором спросили Афанасьич, Салихдзяныч, Мусаич и Николаич.

– А как именно, вы узнаете только из второй части этого тома, где обязательно будут несколько глав, посвящённые семейным отношениям, о которых столько уже переговорено, а мы всё никак не можем наговориться.

Прочитал немало книжек,
но трещит по швам мой брак:
у чужих беду я вижу,
а в своей семье – никак!

– Наливай! – распорядился сторож, который понял, что от жары у его друга Альбионыча перегрелась тыква, раз он опять заговорил о каких-то главах и томах.

Батыршин ловко открыл бутылочку «Тянь-Шаня» Володе, а себе бутылочку «Маршала», после чего отдал открывашку экс-текстильщику, который тут же стал копошиться, словно бы не замечая нервничающего преподавателя еврейского колледжа.

– А сегодня, – завершил лекцию литератор, – скажу только одно: если вы стали мыслить позитивно, а также стремиться к духовному и внутреннему изобилию, но ваши подруги по-прежнему перемывают всем косточки при встрече, да ещё и втягивают вас в это

гиблое дело, не переживайте, ведь очень скоро Вселенная даст вам новых подруг! И это – единственный шанс многое изменить в своей жизни…

И здесь неожиданно для всех прозвучал звонок мобильного телефончика писателя. Оказалось, что это звонит Митрохин, и все обрадовались тому, что новый друг их не забыл, хотя и не явился с утра.

– Как дела? – старинной, но абсолютно бессмысленной русской формулой поинтересовался Васюхан.

– Не знаю, – честно ответил марсианин. – Очень трудно разобраться в вихре гамм и красок внутренней противоречивой жизни…

– Ну, тогда разберёмся вместе, – пообещал старший джус. – Подкатывайте ко мне часикам к двум, да смотри́те не забудьте взять с собой сами знаете что…

И вот только в этот момент автор книги обратил внимание, что дело происходит уже аж на странице 201, и хорошо, что заметил, так как пора́ было заканчивать первую часть этого пятого тома. Что он и сделал, по традиции завершив её (часть, а не традицию) хорошим стихом о хорошем человеке.

Глава 89. О КРУ́ЖКЕ ПУШКИНА

Алексей Максимыч Пушкин
с первых до последних дней
никогда не ставил кружку
в место, свойственное ей:
то на спор забудет в бане,
то закинет на плетень,
и потом, как ёж в тумане,
ищет кружку всякий день.
И к ночи́ для пересудов
самый свежий матерьял –
редко кто свою посуду
в доме часто так терял.
В сентябре от грусти пьяным,
как тинейджер-экстремал,
кружку он дарил цыганам,
правда, тут же отнимал.
Даже мягкую игрушку
мог он бросить под кровать
и забыть, но мог за кружку
кой-кому и пасть порвать.
Набубенятся с получки
с декабристами в полку:
хрясь! – и смотришь – вместо ручки
только дырочки в боку.
А поэт глядит с досадой,
результат стрельбы презрев,
– Няня, – скажет, – клеить надо.
Что лежим? Ищи «БФ»!
Но любовь поэта к кружке
ей давалась не за так –
ведь вмещала три *чекушки*
да ещё входил кулак!
Людям нравится и ныне

по трагизму и цене
песнь о жёлтой субмарине
под названием «На дне».
Прочитаешь – будто рана,
на душе алеет след.
Мог ли он с простым стаканом
написать такое? Нет!
Ну, а пушкинская няня
как просила перемен:
«Ложь на место кружку, Саня!
Задолбал, кудрявый! Хрен
ты получишь кружку к пьянке,
лучше даже не проси.
Приловчись-ка пить из банки
от селёдки *иваси*!
Нету кружки – нет карьеры,
так, событий череда…
Хорошо, хоть офицеры
навещали иногда:
Декабристы как припрутся –
грузди, сало, фуагра!
И из банки, как из блюдца,
пьют до двух часов утра,
надрывают печень, сердце
в мыслях, чем живёт страна,
как там Лондон, как в нём Герцен,
не опух ли он со сна?
И с настойчивостью танка,
соблюдая страсть и злость,
так вылизывают банку –
чуть ли аж совсем насквозь!
Утром внутрь – там пунш игристый,
и его настал черёд!
За руками декабристов
Пушкин взором не ведёт.
И спокойствие не ложно,
нет заботы на челе –
потому как цепь надёжно
держит банку при столе.
Просто завтрак иль гулянка,
так с тех пор и повелось,
что вопрос «Так где же банка?»
в этом доме – *г*-вопрос...
Вещи це́лы – в Эрмитаже
им охрана и покой.
Цепь покрыта дёгтем даже,
чтоб не лапали рукой...

Конец первой части

Часть II.
День

Глава 90. ДОБРОЕ УТРО, ТОВАРИЩИ!

И тут случилось событие, которое по факту было незначительным, поэтому только Володя его и заметил: после последних слов Васюхана «да смотри́те не забудьте взять с собой сами знаете что» он нажал на кнопочку, отключающую телефонную связь, но, как ему показалось, включающую другой электроаппарат, а именно радиоприёмник незабвенной соседки из дома № 16 Ангелины Ивановны. Приёмник гулко прокашлялся и возвестил на весь Бермудский Учпучмак:

– Доброе утро, товарищи!

– И тебе привет, далёкая Москва! – раздался в ответ такой же бодрый голос.

Оказалось, что пивной скороход Курманбаев соскочил с покерной скамеечки, выкрикнул ответное приветствие неодушевлённому предмету и даже сделал в сторону означенного до́ма что-то похожее на реверанс. Правда, в порыве административной страсти он не заметил метнувшегося стрижом к бермудским кустам несчастного Салихдзяныча, который сейчас радовался только одному – что не успел сделать ни одного глотка́ из свежей бутылочки «Маршала»

Гляжу наверх одним глазком
(другой зову «косилка»):
глоток уходит за глотком –
и вот уж нет бутылки!

Как же педагог расчухал, что радиоголос принадлежал именно московской барышне? А всё просто: разница во времени между саксаульским Отцеябловском и столицей СССР (б) была в три часа, и если в Москве начинали звучать утренние новости, значит, в городе пребывания наших героев точно наступил полдень!

Кстати, именно это через мгновение подтвердила ведущая:

– Московское время 9 часов! Говорит радиостанция «Маяк». Прослушайте утренние новости.

Здесь все собравшиеся за покерным столиком, включая вернувшегося из трудного похода военного музыканта, поняли, что не только играть дальше, но даже просто посидеть спокойно им не удастся, потому что Ангелина Ивановна любила слушать радио не только сама, но и с удовольствием предоставляла такую возможность всем желающим, включая аппарат, как выражаются наиболее передовые швеи-мотористки, на всю катушку!

Говорила нам старушка –
в наставленье молодым:
«Я живу на всю катушку,
не мешая жить другим!»

И вот что услышали игроки вместе с примкнувшим к ним саксаульским тицианом:

«Президент Российской Федерации Владимир Путин издал указ о том, что всё в стране, что делается ключом меньше чем на 24, отныне считается нанотехнологией»

«Российские историки после многолетнего изучения наконец-то выяснили, как поступали в XIX веке с микрозаймовыми организациями. Прозрение наступило после того, как один из учёных прочёл роман Достоевского «Преступление и наказание»

Сенсационное сообщение пришло к нам из Инновационного центра «Сколково». Учёные, работающие там, доказали, что в России выпускают абсолютно безвредные сигареты, алкогольные напитки и продукты, а также выяснили, как они называются: «не прикуренные», «не выпитые» и «не съеденные»

«Две новости из столицы», сообщила далее ведущая, после чего сделала короткую паузу в 1,377 секунды. «В Москве начато строительство нового аэропорта, который будет обслуживать только чиновников. Аэропорт решили назвать Дармоедово»

Вторая новость оказалась более тревожной:

«После прошедших обильных осадков в Москве затопило мастерскую знаменитого художника Никаса Сафронова…»

Услышав про горе своего собрата, Муравлёв сделал сразу два дела: 1. особо крупный глоток из своей бутылочки «Тянь-Шаня» и 2. скорбное лицо.

«Непоправимый ущерб для всемирного культурного наследия», продолжила новость ведущая, «который наносил Никас, практически сведен к нулю»

Художник, так же, как поэт,
сюжет в себе переживает –
он оставляет в душах след,
хоть о последствиях не знает.
Вблизи посмотришь: вот мазня,
всё так аляписто и криво,
а отойдешь, поёт душа –
в картине всё играет мило,
там каждый штрих или мазок
душой художника сияет,
и чем древней картины срок,
шедевр бесценность обретает!

«Новости регионов. Странный случай произошёл на днях в российском Саратове: в одном из неблагополучных районов города ребёнок пришёл из школы грязный, в разорванной одежде и без учебников. Но родители не расстроились: ведь они его именно таким и отправляли!»

«Владикавказскими правоохранительными органами была задержана партия коньяка «Мартель» в подарочных десятилитровых канистрах»

«В Тюменской области распалась организация ханты-мансийских сепаратистов «За жизнь без центра». На вопрос корреспондента, почему, члены организации признались, что они не могут выговорить своего названия»

«Новости культуры. В Москве состоялась премьера нового мюзикла «Анна Каренина». Главным хитом спектакля критики признали арию Вронского «Я спросил у поезда, где моя любимая»

«На киностудии «Мосфильм» приступили к съёмкам римейка «Подвиг разведчика». Главный герой фильма – Владимир Путин, который за три года своего президентства так и не выдал своих планов!»

Хочу увековечить
я подвиг «Творогá»:
разведал ведь разведчик
все тайны у врага!

«В Урюпинске с успехом прошёл финал регионального конкурса бомжей «Сильные духом». Спонсором этого культурного мероприятия выступила местная компания «Надёжный противогаз»

«И ещё одна тревожная новость поступила в нашу редакцию из Урюпинска. Известная в городе стриптизёрша Изабелла Голопупова выложила в интернет свою фотосессию в одежде, после чего подверглась травле в социальных сетях и по месту работы»

Слушая новости из общей бывшей родины, знатные учпучмакцы потихоньку прихлёбывали пивко, и правильно делали, потому что дневное светило к этому времени уже распоясалось окончательно, посылая практически смертельные лучи прямо в тыквы наших героев.

Особенно томился наступившей жарой толстый Кулемзин, сидевший на покерной скамеечке румяный, словно именинный пирог в духовке. Он ясно оценивал степень жаркой опасности, видя, как пожухлые листья обречённо висят на ветках распятых солнцем деревьев. По расплавленному асфальту всех катетов и гипотенузе Великого Учпучмакского Треугольника было видно, что единственной его битумной мечтой в эту минуту было превратиться в некую кашу, после чего перевариться где-то в *дедушкиной* утробе, чтобы в дальнейшем не испытывать этих сковородочьих мук.

Володя почесал кудлатую горячую голову и не стал сильно ругаться на звезду, которая как-никак всё же давала нашей планете жизнь. Он даже вспомнил свой стих, коий как раз объективно оценивал степень важности этого светила:

В сиянье солнечного танца
живут огнём протуберанцы –
им нет числа: они во мне,
и в русском каждом, и в малайце,
и в тихом пне, и в быстром зайце,
и в наливающемся льне.

Сияет утренним приветом
планета, Солнцем разогрета –
нужны ей нежные лучи,
и даже ультрафиолета –
для нас губительного света –
мы не боимся без причин.

Пока нам жизнь не погасило,
пока судьба не заломила,
нам нужно Солнце – подавай!
Свети на радость нам, светило,
как сто веков до нас светило,
свети ещё – не уставай…

Глава 91. ДОБРОЕ УТРО, ТОВАРИЩИ! (продолжение)

Между тем радиострадания наших героев продолжались, и не было от них спасения, но с холодным пивком, которого Мусаич принёс коллективу в достаточном количестве, жизнь вновь стала казаться немаловажной.

К этому времени российские новости не то чтобы кончились, а как-то внезапно прервались, и вот по какой причине. Автор уже где-то упоминал, что в силу сосудистых нарушений Ангелина Ивановна потихоньку выживала из ума, посвятив остаток дней незамысловатым радостям бытия, среди которых главной было как раз прослушивание несколько раз в день не только московской радиостанции «Маяк», хорошо известной ещё с советских времён (б), но и многих других радиостанций, которые производители этого прибора запихали внутрь, включая недавно созданную как бы в противовес московской «Европе плюс» местную – под названием «Азия минус»

Не отличаясь оригинальностью, местная станция тоже передавала новости, и даже голоса обеих ведущих были похожи как две смородинки с одного куста.

«Спортивные новости. На соревнованиях по биатлону наш спортсмен Ибрагим Караев занял предпоследнее место, но всё-таки уехал домой с золотой медалью. «Как, спро́сите вы?», прокомментировал новость тренер спортсмена. «Всё очень просто: Ибрагим отобрал медаль у чемпиона, потому что наши не сдаются!»

Хоть порой сдавались города,
и кричали варвары: «Sehr gut!»[107],
наши не сдаются никогда,
и из плена толпами бегут!

[107] Очень хорошо – нем.

«Новости бизнеса и экономики», анонсировала ведущая свои очередные сообщения.

«В стране сейчас идёт третий этап заключительного периода окончательного завершения последней стадии продолжения окончания выполнения правительственной программы стабилизации экономики Саксаулии»

И, не дав слушателям ни секунды – для того, чтобы понять, о чём сейчас было рассказано, продолжила:

«Саксаулкоммерцбанк» предлагает своим клиентам новую форму микрокредитования – «Опохмел». Новый кредит удобен тем, что залогом к нему может стать пустая стеклотара»

«А теперь – новость из мира технологий. Саксаульские химики выяснили: чтобы точно знать, посолен ли борщ, достаточно опустить в него два электрода и пустить ток. Если появится запах хлора, значит, борщ посолен»

Но не успели наши герои подивиться таким космическим знаниям местных монстров науки и техники, как одно за другим прозвучали сразу три важных сообщения о новых заслугах учёных.

«Саксаульские учёные-генетики скрестили дятла с червяком. В первый же день животное задолбало себя до смерти»

«Саксаульские учёные выяснили, что самка человека съедает мозги того самца, который после спаривания не успел отойти на безопасное расстояние»

«Саксаульские историки предположили, что русский крестьянин Иван Сусанин на самом деле был женщиной! В доказательство они привели вот такой довод: а иначе зачем бы сорок здоровых мужиков пошли за ним в лес?»

И сказал полякам И. Сусанин,
пробираясь бодро через лес:
«Заблудиться не должны мы с вами, –
у меня с собою GPS[108]!

[108] ***Global Positioning System – система глобального позиционирования – англ. Читается как Джи Пи Эс – прим. науч. редактора***

Здесь неугомонную Ангелину Ивановну не иначе как *иблис* под руку толкнул, потому что вместо продолжения местных новостей покеристы и примкнувший к ним Муравлёв неожиданно услышали ещё два коротких радиоспектакля, припомнив, что парочку подобных уже слышали то ли вчера, то ли в какой другой день[109]. Послушай их и ты, мой любознательный читатель.

[109] ***Первые два спектакля прозвучали в томе IV, в главе 124 – прим. гл. редактора***

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Иван! Ива-а-а-н! Куда же он подевался?

ВТОРОЙ ГОЛОС: Да вот он, твой Иван, в стогу спит.
ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Опять, собака, нажрался?
ГОЛОС ДИКТОРА: Вы прослушали радиоспектакль «Собака на сене»

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Дорогая, хочешь зайдём в ювелирный магазин и поищем для тебя золотое кольцо с бриллиантом?
ВТОРОЙ ГОЛОС: Нет.
ГОЛОС ДИКТОРА: Вы прослушали радиоспектакль «Разговор идеального мужа с идеальной женой»

В этом месте в радиоприёмнике соседки из дома № 16 опять что-то щёлкнуло, потом хрюкнуло, после чего совершенно неизвестная станция хорошо поставленным мужским голосом огласила новости, случившиеся за прошедший день за рубежом, то есть не в России и не в Саксаулии.

«Британский пенсионер нашёл у себя во время генеральной уборки в доме китайскую вазу стоимостью 280 тысяч долларов. А за день до этого некий житель Франции нашёл у себя на чердаке старинную шкатулку стоимостью 670 тысяч долларов. «Ну надо же», комментирует наш обозреватель Арнольд Богемов, «как только не изворачиваются зарубежные пенсионеры, чтобы выжить в загнивающей Европе!»

«Трагедия в Риме! Уборщица итальянского музея приняла современное искусство за мусор и выбросила»

«Вчера китайские учёные сообщили, что наконец-то научились клонировать человека. Мировое сообщество в шоке!»

Сон китайский, а не русский,
как стряслась со мной беда:
столько гла́зок страшно узких
я не видел никогда!

Глава 92. ДОБРОЕ УТРО, ТОВАРИЩИ! (окончание)

Тут Ангелина Ивановна, явно нервничая, закрутила ручку настройки дальше и неожиданно вновь попала на волну радио «Азия Минус». Здесь, по всей видимости, как раз начался музыкальный блок, всегда отличающийся крайним разнообразием – видимо, для привлечения к своей радиостанции большего количества слушателей. Но объявление музыкального номера наши герои, видимо, упустили, поэтому минут пять слушали какую-то приятную мелодию в классическом стиле, после чего дружно повернули головы в сто-

рону единственного музыканта в коллективе – Талгата, но тот был слишком увлечён своей бутылочкой «Маршала», и музыку не слушал вообще. Тогда все, включая военного музыканта, повернули головы к Володе, который давно узнал эту музыку и тут же объяснил им, что́ же только звучало из окна второго этажа:

– Чайковский, «Первый концерт для фортепиано с оркестром»

– А что, царица лесная, – тут же отозвался Серёнька Афанасьич, – весьма неплохо для первого концерта!

– Ото ж, святой Малевич, – согласился с ним художник. – Классика как-никак!

Есть какая-то здесь связь?
Или это только пшик?
Хочешь в классики попасть, –
значит, классику пиши!

Следующий музыкальный номер оказался хорошо знакомым всем, включая притаившихся в кустах алкашей Глав-Буха и Галлюцинацию, которые, в отсутствие бутылки, начали немедленно отбивать песенный ритм двумя пластиковыми крышечками от суррогатной «Фанты», производимой в отцеябловском городке-спутнике Каскелене из гнилых яблок и просроченного скипидара. Короче говоря, радио «Азия Минус», наверное, в десятитысячный раз передавало старую песню в исполнении Аллы Пугачёвой, певшей, видимо, о погибшем красном командире Чапаеве:

«Я покинул берег свой родной,
а к другому так и не пристал…»

– А у нас звонок в студию, – радостно провещала ведущая. – Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста, и расскажите немного о себе.

– Добрый день! Меня зовут Иван Спиридонович! У меня есть красавица-жена Мария, передаю ей горячий привет! Машенька, солнышко, целу́ю тебя! Ещё у меня есть трое детишек: сынуля Колечка и две доченьки – Катенька и Светочка! Родные мои, целую вас и обожаю! И отдельный привет моей любимой тёще Тамаре Егоровне – самой лучшей тёще на свете! Мама, я вас люблю! В общем, у меня не жизнь, а настоящий рай!

– Хорошо, Иван Спиридонович, мы очень рады за вас! Какую же песню вы хотели послушать?

– А поставьте-ка мою любимую песню в исполнении группы «Король и Шут» под названием «Разбежавшись, прыгну со скалы»…

Кто-то впрок запасает варенье,
кто-то на зиму варит компот,
у меня же запасы терпенья
на две тысячи жизней вперёд!

И тут невольные радиослушатели из числа покеристов и живописцев поняли, что ошиблись, потому что музыкальный блок этой заявкой и закончился, и без перехода начал-ся последний блок в этом получасе – рекламный. И здесь наши герои тоже услышали немало интересного и полезного.

«С тех пор, как я попробовала новый «Dove», моя кожа помолодела, стала нежной и приятной на ощупь, по́ры раскрылись, и я почувствовала прилив бодрости и новых сил! А поначалу я даже удивилась, ведь на вкус – мыло как мыло!»

«Уговоры, слёзы, обещания дорогих подарков, душещипательные беседы, примеры из жизни, книги по детской психологии? Всё это осталось в прошлом! Новый ремень – и ваши дети и нервы в полном порядке! Спрашивайте в магазине «Кожгалантерея»

«Акция в нашей торговой сети бытовой техники! Только для холостяков! Купи микроволновку, посудомоечную и стиральную машины – и ты получишь резиновую женщину в подарок!»

Кулемзин, видимо, вспомнив, что он холостяк, тут же перевернул покерную *раскладку* и спешно записал на обороте телефон людей, сделавших персонально ему такое чудесное предложение.

Резиновую женщину
кладу к себе в кровать,
резиновую женщину
не умолять, не звать –
она, такая мудрая,
не будет вас пилить
похмельным тяжким утром:
«Бросай, скотина пить!»
Резиновая женщина
не вешает лапши,
резиновая женщина –
отрада для души!

«У вас набрякли мешки под глазами, не держат ноги, водочный запах изо рта? Самое время опустить своё лицо в винегрет «Весенний»! Рекомендации лучших косметологов Республики Саксаулия!»

«Покупайте новую интересную книгу! «Не разлей вода», «не рассыпь мука», «не сломай нога» и ещё много других весёлых таджикских напутствий в новом юмористическом сборнике «Не склони падежа»

«Новый «Óрбит-Конопля» – самая смешная защита от кариеса!»

«Новые прокладки «Олвейз Зимние»! Теперь крылышки до колен!»

«Богатырское пиво «Рать». С «Рать» в жару веселее!»

«Ты постоянно работаешь с людьми и устаёшь от них? Сделай паузу – съешь гороховый суп с чесноком!»

У нас на обед гороховый суп,
гороховый суп на обед!
Кто варит тот суп,
тот вовсе не скуп, –
друзей пригласит на обед!

И вот на этом месте произошло что-то непонятное: то ли рекламный блок неожиданно закончился, то ли Ангелина Ивановна, которой в её шалую голову пришла некая другая мысль, просто выключила свой приёмник. Игроки и живописец на миг оказались оглушёнными внезапно наступившей тишиной, но только на миг, потому что её тут же разбавили дикие крики дворовых детей, которые орали не хуже павианов, но более мелодично. «Поколение детей с помрачённым сознанием», литературно подумал литератор.

И только Курманбаев с умилением вдыхал пыль, поднятую маленькими монстрами и думал о том, как же прав был Михаил Сергеич, когда за 15 лет до наступления миллениума затеял перестройку. «Вот не было бы перестройки», думал он, «и не светились бы сейчас счастьем лица этих маленьких саксаульцев!». А Альбионыч, который хорошо слы-

шал эти глупые мысли (ведь сознание его в этот момент было не в игре), прикрыл глаза, потому что на его блок памяти тут же накатил очередной Хронотоп под названием

Глава 93. ГЛОБАЛЬНАЯ ОШИБКА (Хронотоп № 31)

Знаешь ли ты, мой любопытный читатель, почему к событию, которое все эти годы называли «величайшим достижением современности», так резко изменилось отношение тех, кто когда-то назывался гражданами СССР (б), а теперь – гражданами суверенных республик? Не знаешь? А я вот знаю, и сейчас попробую объяснить это тебе.

Психологи утверждают, что в зависимости от интенсивности обработки пропагандой буквально в течение 6 месяцев массовому населению можно внушить абсолютно любые мысли и представления. И история только что закончившегося XX века даёт тому немало примеров.

Вот только один из них: Лейба Давидович Бронштейн, более известный в истории как товарищ Троцкий, был и истинным вождём Октябрьского переворота, и создателем Красной Армии, и главным друганом товарища Ленина. Но спустя некоторое время – в си-лу возникшей целесообразности – внезапно превратился в исчадие ада. И, кстати, до сих пор Троцкий воспринимается нашими согражданами скорее как враг народа, нежели как сподвижник Ильича I. А сделала его (Троцкого, а не Ильича I) та самая пропаганда, которая, если надо, превратит любого ангела в *иблиса*, а любого самого распрекрасного вождя – в предателя и врага народа.

Однажды чёрт жениться загадал,
себе подстать он и жену искал –
осатанеть хотел сильнее с нею,
но *ддушка* послал добрячку фею.
А фея лаской и теплом
так в душу к чёрту влезла,
что ангелом стал чёрт, и в нём
навеки злость исчезла.
Женился ангел: не курил, не пил,
дружил со спортом,
но в жёны ведьму взял –
и стал рогатым чёртом!

Что касается горбачёвской перестройки, то Политбюро (б), разумеется, не собиралось говорить народу всю правду. Оно не собиралось, например, говорить о том, что войска из Германии выводят не потому, что СССР (б) – страна миролюбивая, а потому, что банально закончились деньги на содержание войск, что кооперативы разрешили не потому, что внезапно полюбили экономическую свободу, а потому, что экономике страны вообще пришло слово, рифмующееся со словом *конец*. Потому что экономисты Советского Союза (б) наконец выяснили, что подсобные хозяйства колхозников дают 50 процентов всей продукции страны, а другие 50 – все огромные колхозы, совхозы, госпланы и т.п. Заодно они выяснили также, что свободный труд продуктивнее подневольного, но денег от этого вывода так и не прибавилось.

В общем, руководство страны, как обычно, хотело сделать всё лучше, но в результате этого хотения в 1991-1992 годах к власти пришли не столько патриоты, как они сами себя позиционировали, сколько люди совершенно безграмотные. Эти либеральные реформаторы не знали и не понимали реальной жизни, руководствуясь в своих изысканиях своими же надуманными теориями. А к практической власти тем временем прорвались

люди, которые мечтали просто-напросто приватизировать под себя абсолютно всё, что до этого было создано народом.

Что справедливо поделили – не совру,
кто блага здесь не видит – тот ослеп:
теперь один в три горла чёрную икру,
другой за обе щёки чёрный хлеб!

И вот по прошествии нескольких лет народ, сдуру размечтавшийся о разрекламированном счастье, убедился, что он жил плохо 15 лет назад, 10 лет назад, 5 лет назал, да и сегодня жизнь не лучезарна, и пряники, которые должны были раздавать чуть ли не даром, исчезли в магазинах даже за деньги! И возник естественный русский порыв: выяснить, кто виноват? И вот тут, словно стали крутить старое кино, вновь возник образ чудесного Советского Союза (б) – с парадами на Красной площади, где физкультурники все в белом и товарищ Сталин с доброй улыбкой, где все равны, обучение бесплатное и жизнь прекрасна. И если бы не этот проклятый Горбачёв!

И тогда вспоминается старая истина: когда человек недоволен, он ищет в прошлом что-то хорошее, если не видит его в настоящем и будущем. А ещё он ищет, как же это хорошее прошлое уничтожилось, и какой гад всё это сделал? И не потому ли в мифологизированном массовом сознании образ Горбачёва сегодня закрепился как человека, который *испортил* счастливое государство равноправных трудящихся, в которых, если бы не он, негодяй, мы жили бы и сейчас? Ну, а про нищих колхозников-рабов, карточную систему конца 80-х и дефицит всего на свете – про это, конечно, думать как-то не хочется…

Перестройка – мать родная,
хозрасчёт – отец родной…
Не нужна родня такая –
лучше буду сиротой!

Глава 94. В ПРИВЫЧНЫЙ ПОХОД

Время на невидимых володиных часах было даже в двух экземплярах: первое показание виднелось на экранчике его мобильного телефона, а второе, более точное, в голове, или, чтобы быть ещё точнее, в кулемзинском марсианском центре ПИВО, или, чтобы было уж совсем понятно моему читателю,

Показания
Интервселенского
Времени
Организма

Именно поэтому Альбионыч, когда ему надо было узнать, например, сколько времени ещё осталось до отбытия домой к Васюхану, с которым он предварительно договорился часа на два, на телефончик не смотрел, а сразу же заглядывал во внутренний центр, который сейчас сообщал, что до того, как можно будет на время покинуть родной Бермудский Учпучмак, покеристы смогут сыграть ещё пару партий.

Но делать такие умственные упражнения на оглушительном солнцепёке было, конечно, ве́рхом садизма, тем более, что раскалённый покерный столик уже давно превращался в настоящий курорт для саламандр, если бы в Республике Саксаулия, конечно, водились эти животные из отряда хвостатых земноводных. Но хорошо, что их не было, зато было много солнца с его прожигающими насквозь рентгеновскими лучами. От созер-

цания раскалённого асфальта – между заборчиком Великого Треугольника и магазинчиком Калимы – плыли мозги и возникало нелепое желание медитировать, спрятавшись в холодильнике.

Жара! Не верилось зимой,
что может быть горячим ветер,
и что бывает где-то в свете
полуденный палящий зной
что будет плавиться асфальт,
а воздух масляно струиться,
и что, как сказка, будет сниться
прохлада пресловутых Альп.

– Ну что, други мои, – весело обратился к коллективу его вечный спонсор, – кто же на этот раз, яйчики-бабайчики, принесёт нам счастье? – после чего залез в кармашек рубашки и достал оттуда неприлично крупную купюру.

После этого предложения в головах наших героев тут же начали проноситься мысли разной степени паскудства, удивления и других человеческих чувств.

«Надо же, царица лесная», философски подумал Серёжа, «похоже, у этого Кулемзина денег как у американского буржуя Пропеллера!»

«Я бы сходил, святой Малевич», фальшиво подумал Валера, «да именно сейчас у меня что-то члены ног не работают!»

«А у меня», прямо подумал Талгат, «члены ног работают ого-го как, зато совершенно не работает ёкарная голова!»

«Как же всё-таки, мать моя партийная организация, большие деньги портят человека», подумал Нуртай.

«Как же всё-таки маленькие деньги его просто уродуют», подумал Володя.

То ль сосуды, то ли нервы –
разболелся как на грех.
Ну их, доллары и евры,
назарбакс – он лучше всех!

Альбионыч легко прочёл все промелькнувшие мысли, включая свои собственные и решил отметить остроумного Полтавцева, попытавшегося сравнить его с Рокфеллером.

– Велика Саксаулия, Серёжа, а отступать некуда! – торжественно произнёс он, вручая вечному скитальцу денежную бумагу. – Впереди – сельпо!

Сторож, получив *подъёмные*, не стал чиниться, а, напротив, посмотрел на писателя таким преданным взглядом, что, наверное, мог бы расцеловать его, если бы Кулемзин, неожиданно сойдя с ума, позволил бы ему это сделать.

– А почему бы тебе самому́ не сходить? – видя, как охранник засовывает купюру поглубже в карман штанов, неожиданно осмелел Мусаич.

– Да я бы с радостью, – улыбнулся спонсор, – но вдруг вспомнил одну старую историю. Однажды решил я сходить за пивом в дальний магазин, и, собравшись с силами, пошёл. А в результате страшно устал, да к тому же чуть не заблудился. Нет, такой туризм – это всё-таки не моё!

К счастью путь мой каменист!
Ох, хреновый я турист…

И тут все обратили внимание, что бывший текстильщик так заслушался Володю, что даже присел обратно на покерную скамеечку, да ещё и открыл рот – словно бы в надежде, что сейчас приобретёт к пиву невеликую закуску в виде какой-нибудь невнимательной мошки.

– Да когда ты уже пойдёшь? – занервничал военный трубач.

– Сейчас, сейчас, – задумчиво забормотал сторож.

– Слушай, а ты хоть что-нибудь делаешь быстро? – занервничал живописец.

– Ага! – тут же откликнулся Полтавцев. – Я устаю быстро…

– Серёжа, – занервничал литератор, – по-моему, по тебе сильно соскучились в нашей лавке!

– Это Калима-то? – внезапно разъярился Афанасьич. – Да я знаешь сколько раз ей намекал, что я ещё парень *хоть куда*!

– А она?

– А она смеялась только и просила уточнить, куда именно.

На этом столь длительные переговоры закончились, и сторож отправился в свой привычный поход. Впрочем, вернулся он минуты через две, но с пустой котомкой.

– Что, йодистого пива нет? – тоскливо спросил его Салихдзяныч.

– Да нет, есть, – ответил снабженец. – Только там его оказалось более восьми сортов!

– А именно, яйчики-бабайчики? – попросил уточнить Кулемзин.

– Девять! – ответил гениальный математик.

– И что из этого?

– Да то, что моё сознание как-то растерялось перед этим информационным потоком!

После этого нелепого сообщения все (кроме Полтавцева) заговорили разом – громко, жёстко и настолько плохими словами, что сторож тут же подхватился и на этот раз полетел в сельпо, словно бронепоезд «Лошадь Ильича» в светлое будущее.

А Володя, чтобы время до воссоединения с любимым напитком пошло быстрее, прочитал оставшимся бермудцам свой старый стишок как раз об этой странной форме протекания физических и психических процессов, то есть о времени:

Нет, я отнюдь не фарисей,
и к людям не спешу пираньей,
но почему из жизни всей
зимой приходит осознанье
того, что время – только бег
по тем камням, что кто-то стелет?
Но я обычный человек –
в своей поре и мягком теле.
А, может, проще мне зимой
всё увидать, что холодело
во мне неясною порой,
моё с которой спорит тело?
Но знает только талый снег,
которым я попрал цикуту:
мои часы спешат на век,
а жизнь отстала на минуту…

– Вона как, – прослушав стих, расстроился Муравлёв. – Может, я схожу, потороплю этого медленного иблиса?

Но охранник уже показался на условном горизонте и вскоре прибыл в родной коллектив строго по расписанию, после чего раздал добытые боеприпасы утомлённым бойцам

покерного фронта, которые эти боеприпасы тут же начали усиленно применять – против самих себя!

Глава 95. ТЩЕТА ИНСТИНКТОВ

Наскоро и жадно охладив перегретые организмы, игроки чинно расселись на скамеечке попарно, правда, к одной паре – Нуртаю и Талгату – сбоку присоседился худой Валера, который участия в игре не принимал, но не уходил, так как идти, кроме дóма, ему было некуда, но дóма не было ни друзей, ни пива, ни еды. Остальные в это время следили за быстрыми руками Альбионыча, который сдавал по одной карте картинками вверх, как делал всегда, когда покеристы хотели узнать, кто же начнёт очередную партию.

На этот раз самая крупная карта, а именно червовый туз, выпала пивному скороходу, и Серёжа сильно обрадовался, что успел к началу игры, а если бы не успел, то как бы она сейчас началась – без него!

Матч был нами оговорен,
да играть мне не с руки,
и застыли в страшном горе
остальные игроки!

Начались заявки, – разумеется, с одной взятки на *тёмной*. Первым слева от Полтавцева оказался саксаульский большевик. От ощущения того, что именно ему предстояло сделать первую заявку, а, значит, рискнуть больше других, Нуртай мгновенно вспотел и, забыв о том, что первая взятка на *тёмной* – по статистике – выигрывает в 77,81 процента случаев, тихонько промямлил свой *пас*. Отпасовались и остальные, так как глупо было надеяться на оставшиеся 22,19 процента успеха.

Но всё оказалось не так, чего на этот раз испугался Мусаич – первым же своим ходом вслепую он бросил на покерный столик аж козырного валета, который, конечно же, не смогла побить ни одна из трёх предъявленных игроками карт. Статистика торжествовала своё превосходство над паникой, а перепуганный педагог в результате своего ужаса перед неведомым получил всего 2 очка за перебор, тогда как остальные – по 10. Да, мой верный друг читатель, статистика – это не только наука, в которой излагаются общие вопросы сбора, измерения, мониторинга и анализа массовых количественных или качественных данных, но иногда и средство заставить некоторых преподавателей еврейских колледжей задрожать от ужаса происходящего!

Мне из «Госжмурстата» пацаны
рассказали тему, чтó есть чудо:
ни один мужик от рук жены
не погиб, когда он мыл посуду.
Я с тех пор, как прихожу от баб,
или приползу без сил с попойки,
как бы люто телом не ослаб,
сразу за посуду, сразу к мойке!

Начитанный Кулемзин, глядя на до сих пор дрожащего Нуртая, вспомнил, что австрийский психиатр Зигмунд Якобович Фрейд однажды, наступив на поливальный шланг, и подумавший, что это змея, срочно вернулся с прогулки в свой кабинет и записал поразившее его открытие о том, что испуг – это рефлекторная реакция на возможную опасность. «В состав реакции, мать честнáя», вздрагивая с расширенными зрачками, писал он,

«обычно входит вздрагивание и расширение зрачков, а также застывание тела и ощущение холода». А писатель сейчас подумал о том, что, если бы у него немедленно наступило ощущение холода, то он был бы не против испугаться вместо партийного.

После этого он решил, что только что созданная в его мозгу комбинация слов и понятий требует того, чтобы он ознакомил с ней весь коллектив, что Альбионыч и сделал, наблюдая за тем, как потешаются над испугом Курманбаева его соперники по покерному промыслу. Затем на эту тему высказались по очереди все, кроме Мусаича, весьма довольные тем, что сейчас не по ним конкретно проезжается тяжёлый асфальтовый каток володиного сарказма, а художник Николаич в конце обсуждения даже поднял левый указательный палец вверх и важно произнёс одно из многочисленных существительных в русском языке вместе со словом, по своим морфологическим признакам относящимся к изъявительному наклонению единственного числа настоящего времени:

– Наука, понимаешь!

– Да зачем ваша наука вообще нужна? – фыркнул штатный незнайка коллектива. – Да она сейчас, царица лесная, в жизни никогда не пригождается!

– Не скажи, яйчики-бабайчики, – сурово поправил его штатный знайка.

– А приме’г п’гивести можете, батенька? – по-ленински хитро прищурился штатный тампакс второго микрорайона.

– Конечно, – насмешливо глянул на него литератор. – Но особенно внимательно рекомендую прислушаться к моим словам автору вопроса.

– Какого вопроса? Какому автору? – задал два новых вопроса Серёжа.

– Да это же ты, болван, – ткнул его локтем в печень живописец. – Ты же, святой Малевич, только что про науку спрашивал.

– А-а-а, – наконец расчухал сторож. – Так бы сразу и сказал.

И тут до него дошло, что его только что назвали болваном, и он решил, как когда-то нау-чил его Кулемзин, проанализировать оскорбление. «Итак, что сказал Валера? Он сказал: «Да это же ты, болван». Возьмём первую часть предложения: «Да это же ты». Сказано это было про меня, и это действительно я! Так что же здесь обидного? Ничего!», после чего забыл про часть вторую, и успокоился. Альбионыч же в этот момент молчал, словно до-жидаясь окончания мучительных раздумий.

Посетила мысль взрывная,
как смолой тягучею:
«Мучаюсь я, размышляя,
размышляя, мучаюсь!»

– Так что с приме’гом, батенька? – повторил настырный педагог, и тут все некстати вспомнили, где именно работал этот человек.

– А пример такой, – улыбнувшись, ответил писатель. – Возьмём для него нечто статичное, например, магазин и улицу, и динамичное, например, поездку. И вот тут нам на помощь приходит как раз наука! Серёжа, записывай.

В магазинах сейчас сплошная химия,
на улице – сплошная физика,
а если поедешь куда-нибудь –
вот там уже сплошная география!

– Точно! – восторженно завопил познавший истину, и поспешно, чтобы не забыть мудрость, записал в заветную книжечку «Для му.мы.»: «Только что узнал, что ни в магазин,

ни на улицу, а особенно в поездку не надо собираться без Володи, который только один знает, как применить науку в походах или поездках!»

Говорил доцент с ухмылкой,
чтобы Фрейду угодить:
«Без науки за бутылкой
невозможно нам сходить!»

Глава 96. ТЩЕТА ИНСТИНКТОВ (продолжение)

Между тем партия, получив такое трагическое (для Курманбаева) начало, постепенно раскочегаривалась, стремясь вперёд – к новым трагедиям. И была она в чём-то уникальной для нашего повествования, а именно: не было в ней явного лидера, ибо везло с картами всем понемногу, словно бы Сука-судьба, приглядевшись к этому странному коллективу, решила не потворствовать никому конкретному, и даже дала уже пару раз по лапам настырному *иблису*, который, вздрагивая хвостом от нетерпения, несколько раз пытался помочь неутомимому в пакостях ленинцу.

Подотчётный инвентарь в виде карточной колоды с каждым новым роббером выбрасывал из своего чрева всё большее количество карт, словно проверяя игроков на способность правильно оценить то немыслимое количество комбинаций, которые они рождали.

А если во что я и верю,
пока моё время течёт,
то только в утрату, потерю,
ошибку, урон и просчёт!

И всё же постепенно алгоритм игры выравнивался, ведь не может быть так, чтобы у всех противников было всё одинаково. Кто-то немного вырвался вперёд, кто-то немного скатился назад, но в минусе, слава *дедушке*, пока не было никого. Одинаковым было, пожалуй, только отношение всех участвующих в турнире к самому́ турниру. Художник Муравлёв давно заметил что-то неладное, но пока не мог сформулировать, что же именно. А вот писатель смог: он понял, что в результате каких-то внешних факторов (скорее всего, из-за жары) соперники сделались как бы немного варёными.

Так, Батыршин молча смотрел в свой роббер, вообще никак не реагируя на абстрактную Вселенную.

– Ты чего? – обеспокоенно толкнул его локтем охранник.

– А в армии вообще так, – объяснил гуру. – Если прапорщик молчит, значит, он или пьяный, или портрет.

Так, Курманбаев невнимательно поглядел в пришедшие карты, после чего стал тихо напевать ранее популярную песню о некоем матросе, сошедшем на берег, причём, старался делать это голосом Эдуарда Хиля, чтобы все поняли, что карта к нему пришла отменная, но по роже было видно, что он собирается блефовать. Затем большевик, видя, что его театральные мистификации впечатления не производят, принялся привычно вертеть головой из стороны в сторону, сделавшись похожим на аэродромный локатор, но остальные уже знали этот его пакостный манёвр, и карты прятали, как аббат Фариа – свои сокровища на острове Монте-Кристо.

Кто б не хотел тащить со стороны
сундук сокровищ графа Монте-Кристо!
При медленном развитии страны
дела идут быстрей у карьериста…

Так, Полтавцев неожиданно бросил карты на покерный столик и стал копаться в своей котомке, но вместо привычного блокнотика «Для му.мы.» вдруг вытащил из неё очки с одной правой дужкой и одним левым стеклом, видимо, решив изобразить из себя персонажа басни дедушки Крылова «Мартышка и оптический прибор, предназначенный для коррекции человеческого зрения при оптических несовершенствах гла́за»

– Серёжа, что это за демарши? – строго поинтересовался у него Альбионыч с таким ледяным холодом в голосе, с каким *смершевцы* на фронте вопрошали у дезертиров, как это они дошли до жизни такой, на что получил совершенно конкретный ответ:

– Знаешь, Володя, я только что понял, что с возрастом моё зрение испортилось окончательно, и теперь я совершенно не вижу перспектив!

Так, сам Кулемзин сейчас усмехался с присущей ему капиталистической язвительностью, но при этом был похож на предводителя галлов, стоящего перед поверженной армией Рима, и все поняли, что карты к нему пришли отличные, но распоряжаться ими он будет не по-садистски, как Мусаич, а по справедливости, правда, с условием, что при этом заберёт свои заказанные взятки.

Но все соперники Володи знали и ещё одно: пытаться вытянуть из него информацию было тем же самым, что стараться найти подберёзовик в застывшем семь лет назад бетонном фундаменте. И всё же они решили рискнуть, правда, не все. На роббере из 10 карт Салихдзяныч неожиданно для всех, а главное, для себя, заказал три взятки, хотя по-хорошему должен был заказать две, после чего испугался и вжался некоей частью тела в покерную скамеечку аж на 2 ангстрема[110], после чего задышал, как бегемот на водопое.

– Боишься? – толкнул его локтем в бок Николаич.

– А чего мне бояться, – срывающимся голосом ответил военный музыкант, но в конце фразы совсем уже тихо пробормотал что-то страшно ругательное, – как в своё время битл Пол Маккартни при записи альбома «The Beatles Again»[111], а именно песни «Hey Jude»[112], воскликнул: «Oh, fucking hell!»[113], и это восклицание, хотя и очень тихое, вошло в окончательный вариант пластинки.

Тогда была весна на белом свете,
и хипповало солнце, ночь поправ,
и эхом разносилось по планете,
по всей планете: «All You Need Is Love»[114]!

[110] Внесистемная единица измерения длины, равная 10^{-10} метра – прим. науч. редактора
[111] «Битлз снова» – англ.
[112] «Эй, Джуд» – англ.
[113] О, долбанный ад! – англ.
[114] «Всё, что нам нужно – это любовь» – песня «The Beatles» из девятого альбома «Magical Mystery Tour» («Волшебное таинственное путешествие») 1967 года – прим. муз. редактора

Также три взятки заказал и Афанасьич, и у этого заказа, кстати, была своя платформа, потому что к сторожу из 10 карт пришли три козыря, один посторонний туз и сам покер. Серёже оставалось только правильно распорядиться этим сокровищем, но вот как, он не знал, и теперь мучился, не поторопился ли, не погорячился ли, не поспешил ли.

Видя такую лихость, осторожный заказ в две взятки сделал Нуртай, хотя по-хорошему можно было рискнуть если не на четырёх, то на трёх – наверняка, но природная трусость сделала своё дело, и преподаватель еврейского колледжа сейчас успокаивал себя тем, что если случайно переберёт, то тогда посадит всех – не взирая на авторитеты!

«Как бы мне отвлечь их от главного?», подумал Альбионыч, а вслух сказал:

– Знаете ли вы, други мои, что Дон Кихот сражался с ветряными мельницами, потому что был сторонником твёрдого топлива?

– Нет, не знаем, – признались все, включая неиграющего живописца

– Ну, тогда – мизе́р!

– Не может быть, – заблажил Курманбаев.

– Ну, что же мне, землю есть, как Тому Сойеру? – улыбнулся писатель и сделал первый ход – своим младшим джокером.

Володя знал, что эту взятку он, разумеется, не возьмёт, что через несколько секунд и случилось: трубач и Мусаич вынуждены были скинуться по оставшимся джокерам, причём, педагог с тоской попрощался со старшим шутом, а всё это великолепие забрал своим покером Полтавцев.

Бьёмся мы, что было мочи,
правда, о друго́м мой стих:
покер бьёт кого захочет:
белых, красных и своих!

Глава 97. ТЩЕТА ИНСТИНКТОВ (ещё одно продолжение)

– Нет в мире ничего отважней глупости, – произнёс Альбионыч и, предупреждая расспросы, пояснил:

– Это сказал вовсе не я, а некий Менандр Диопифович из дема[115] Кефисии, древнегреческий поэт и драматург.

– Да как же не ты? – заволновался охранник. – Я же, царица лесная, своими ушами сейчас слышал! Ты давай это… меня не путай… а то…

А по поводу ушей
компромат ты мне не шей!

[115] Территориальный округ в Древней Аттике, начиная с конца VI века – прим. ист. редактора

Но Володя, конечно, не испугался этих глупых угроз, а, напротив, сделал замечание владельцу качественных ушей вслух:

– Серёжа, яйчики-бабайчики, взял взятку – твой ход!

, а про себя подумал, что если достаточно долго тренироваться, то можно маяться дурью с очень большой скоростью!

– А, ну да, – не слыша этих мыслей, быстро согласился с замечанием Полтавцев.

При этих бессмысленных словах он, похоже, немного «задумался». Ну, может, не совсем задумался, но, во всяком случае, что-то сморщилось в районе его лба. Затем сторож решительно кинул постороннего туза и забрал им вторую взятку, после чего «задумался» ещё сильнее, ведь ему надо было добрать всего лишь одну взятку, а на руках оставались ещё три козыря, два из которых были дама и валет.

И тогда Афанасьича посетила та же мысль, что несколькими минутами ранее Нуртая, то есть садить всех! Он решительно пошёл козырным валетом, на который тут же налетела толпа карточных гангстеров: Батыршин сделал вид, что забрал его королём, Мусаич был вынужден скинуть самого старшего козыря – десятку, а взятку забрал Кулемзин – козырным тузом из рукава. Шутка.

Поняв, что он только что проворонил взятку, педагог неслышно застонал – своей карликовой ушибленной совестью, и стон этот услышал только *иблис*, который незадолго до

этого исчез для подзарядки своих пропадлючьих аккумуляторов и минуту назад вернувшийся из этой командировки. Впрочем, услышал его и литератор, который, особо не радуясь своей уже практически свершившейся победе в этом роббере, размышлял как раз о Курманбаеве – горько и иронично: «А я-то думал, что такие глупые бедняжки бывают только в дамских романах с розовыми буквами на мягких обложках», после чего началось то, что великий Ярослав Йозефович Гашек называл *торжественной поркой*[116].

Я танцую твист и шейк,
как солдат великий Швейк,
потому что тот не знал,
как сам автор тут скакал!

[116] Ярослав Гашек «Похождения бравого солдата Швейка», название части третьей – прим. лит. редактора

Дальше всё пошлó веселей: первую переборную взятку (а по номиналу аж четвёртую) воспрянувший духом Афанасьич взял оставшейся самой старшей картой в игре – козырной дамой, а потом ещё одну – трефовым королём, так как ни у кого в отсутствие козырей не нашлось такого же туза.

И здесь произошёл некий парадокс: Альбионыч, чтобы наверняка посадить партийного, пропустил одну взятку, дав забрать её всё тому же сторожу, а когда роббер неожиданно закончился, выяснилось, что он (Альбионыч, а не роббер) тоже не добрал одну взятку! И всё-таки это было не критично, так как до этого писатель немного оторвался от коллектива, а вот теперь опустился на величину одной взятки, но нелогично радовался этому факту – только потому, что Мусаич пролетел на 45 очков, недобрав две взятки.

– Да, теперь я начинаю верить, что параллели не пересекаются, – грустно произнёс Кулемзин, списывая себе 25 очков в *раскладке*.

– Разве что иногда! – радостно поправил его охранник. – Ты мне пять взяток не забудь приписать!

И писатель, конечно, не забыл, правдиво отобразив весь драматический расклад только что отгремевшего роббера, и для того, чтобы изжить некоторую досаду от случившегося, воспользовался старым приёмом – тут же придумал *анекдот-экспромт*, но вслух его рассказывать не стал. Поэтому, мой друг читатель, радуйся, что тебе повезло больше, и ты узнаешь этот анекдот прямо сейчас: «Древние преподаватели еврейских колледжей не знали о существовании Кулемзина, поэтому во всех бедах винили силы природы!»

Анекдот нам как награда –
виден нам его объём:
в анекдоте – сила правды,
ну, а в жизни нет её!

За этим роббером промелькнул ещё один, а потом и ещё – не слишком драматичные, как только что описанный, пока игроки не приблизились к средней *тёмной*. И вот у Полтавцева, который до сих пор находился в эйфории от своего случайного успеха двумя робберами ранее, случился, как выражался марсианин, рак головы.

– Володя, дай-ка посмотреть *раскладку*, – попросил он записывающего, затем начал водить корявым пальцем по столбикам, что-то подсчитывая в «уме» и тихо пришепётывая какие-то цифры и числа.

Покерный гуру посмотрел на Серёжу как на неожиданно заговорившую курицу – не только с удивлением, но и с сожалением.

– По-моему, здесь *всё* неправильно! – наконец вынес вердикт сторож, педалируя определительное местоимение, которое строчкой выше автор выделил курсивом.

– Если вам в голову лезет всякая чушь, значит у неё там гнездо, – пробормотал Альбионыч и предложил:

– Может, тогда сам записывать будешь?

– Давай, давай, мать честная! – почему-то дважды энергично согласился экс-текстильщик. – Я не ошибусь, уж вы мне поверьте!

Афоризма смысл заветен,
и он мудростью явлен:
«Ошибаются на свете
все, и гений – в том числе!»

После чего не стал возвращать *раскладку*, а, напротив, начал записывать результаты робберов сам, правда, через пару коротких эпизодов игры выяснилось, что у него, по словам учёного Кулемзина, проявился *писчий спазм*, то есть полное нарушение функции письма как левой, так и правой руки, ибо вместо внятных результатов на листе появились какие-то криптографические значки, похожие на детские каракули, отчего писатель тут же присвоил охраннику звание заслуженного каракулевода Саксаульской ССР (б).

Приняв пивка три килограмма,
я понял, громко крикнув: «…мать!
Каракуль, братцы, криптограмма,
что нам вовек не разгадать!»

Правда, после всех мыслей и телодвижений литератор неожиданно тихо рассмеялся, чем очень обрадовал Мусаича, в голове которого даже вспыхнула надежда на то, что вот Володя, слава КПСС (б), и сошёл с ума, так что именно эту партию ему, безумному, выиграть не удастся! Но дело здесь было, конечно же, не в предполагаемом безумстве покерного вождя, а в том, что Альбионыч просто вспомнил к случаю некую выдуманную народом, к которому сам и принадлежал, историю, кою автор назвал

Глава 98. САМАЯ РУССКАЯ СКАЗКА

Было у царя три сына. Пошли сыновья во двор, и тут наступил на грабли старший сын. И попали ему грабли в самый лоб

Вышел во двор средний сын, и ему грабли тоже попали в самый лоб.

Пригорюнился тогда младший сын, заплакал, но тоже пошёл во двор. Делать-то нечего, ведь сказка – русская…

У отца всего три сына:
старший сильный был детина,
средний умный, как компьютер,
ну, а младший – дистрибьютер!

Глава 99. ТЩЕТА ИНСТИНКТОВ (почти окончание)

Между тем разыгрываемая нашими героями партия подошла к своему *экватору*, то есть к средней *тёмной*. Этот момент, как правило, был одним из самых драматичных в каждой партии, ибо именно здесь, когда на руках игроков сосредотачивалось по 12 карт, происходили или самые приятные вещи, когда очки по числу заказанных и выигранных

взяток увеличивались вдвое, или самые неприятные, то есть всё наборот. Вот этого *наоборот* боялись все без исключения, с тихим ужасом представляя, как всё нажитое за половину партии может в один момент стать процентов на 10, а то и наполовину меньше!

Был и ещё один опасный момент, и мой читатель, уже закалённый за четыре с половиной тома нашего великого повествования, наверняка догадался, какой именно: до начала игры на этом страшном роббере смотреть в карты было нельзя, а вот заказы на нём делать всё равно было необходимо. Такую ситуацию, честно говоря, недолюбливал и сам покерный гуру, и даже однажды сочинил про неё вот такую присказку:

Иногда, пока мозг думает, задница успевает принять такое решение, что тараканы в голове аплодируют стоя.

И вот сейчас не только игроки, но даже Муравлёв и Митрохин, которым было, в общем-то, всё равно, гипнотизировали пришедшие карты, которые в ожидании этого сражения пока смирно отдыхали на покерном столике рубашками кверху. А обдумывать здесь было что: к середине описываемой нами партии расклад сил случился вот такой: на первом месте неожиданно оказался старший прапорщик Салихдзяныч – с наигранными к тому времени 249 очками, на втором педагог Курманбаев, которому удалось собрать в условную игровую копилку 211 очков, а вот Кулемзин только на третьем – с позорным для него числом 194. Про чётвертое место автор решил не говорить ничего, дабы не компрометировать игрока, который по любому входил в четвёрку лучших игроков Бермудского Учпучмака.

Пусть штанами я потёртый,
пусть мозгами я курин,
пусть на месте я четвёртом,
но для мамы – лучший сын!

Кулемзин понимал, что надо рискнуть, тем более, что эта партия была для него очень важной, правда, он не помнил, из-за чего именно, но в то же время соображал, что в случае проигрыша может оказаться не на третьем месте, а вовсе на четвёртом, что означало для него окончательную потерю лица. Но до него должны были сделать заказы все трое противников, и он, разглядывая их лица, анализировал увиденное.

Так, Нуртай, глядя в пришедшие карты, как-то неприятно щурился, словно вёл сумеречный образ жизни и нормальный дневной свет его сильно раздражал. В конце концов он тяжело вздохнул и объявил три взятки – минимальное количество, которое можно бы-ло заказать при *тёмной*.

Так, Талгат, который отчаянно имитировал хладнокровие, наконец тоже промолвил:

– Три, ёкарный бабай.

Причём, произнёс это он голосом человека, враз потерявшего все деньги в финансовой пирамиде, и одновременно с этим узнавшего, что его жена родила ему пятерых негритят. Трубач помнил, что в данный момент находится на первом месте, и ему очень не хотелось его терять.

Так, Афанасьич, выглядевший так, словно несколько дней подряд – без еды и пива – мучился несовершенством мира, почему-то громко выкрикнул:

– Пять, царица лесная!

И без перерыва, правда, понизив голос на 14,3 процента, гордо добавил:

– В моём словаре нет слова *смирение*!

«Как, впрочем, и ещё 21746 других слов, которыми пользуюсь я», подумал писатель, а вслух, но очень тихо пробормотал на ухо сидящему рядом с ним Муравлёву только что поставленный охраннику диагноз:

– Открытый переломный момент со смещением приоритетов в результате падения с высоты своих иллюзий.

Постигла судьбина иная,
чем та, о которой мечтал:
иллюзией страшно страдая,
в реальность тяжёлую впал!

Живописец не понял ни слова из произнесённого, но для поддержания своего реноме, важно кивнул головой и даже мысленно помянул святого Казимира Севериновича.

Он (писатель, а не переломный момент) хорошо понимал, что сколько бы сейчас ни заказал Полтавцев, не имело никакого значения – правда, только до того момента, когда тот возьмёт всё заказанное, но чтобы такой случай всё-таки случился, было нужно совпадение множества факторов, и главным среди них был даже не тот, когда к сторожу пришла самая лучшая карта, а тот, как если бы Серёжа внезапно научился играть и смог распорядиться пришедшим сокровищем. Но этого, к сожалению, мой читатель так и не дождётся, а если захочет дождаться, то пусть помучается до выхода в свет 14569 тома «Русской кочерги»!

Альбионыча сейчас волновали только двое – Батыршин, который был на первом месте, и Курманбаев, который отставал от военного всего на 38 очков, а это в условиях *тёмной* было даже меньше, чем одна взятка – в 50 очков. Здесь надо было исхитриться не просто или не дать Салихдзянычу добрать одну взятку, или, напротив, сделать так, чтобы тот перебрал хотя бы одну, а ещё и проделать точно такую же операцию с Мусаичем. И вот только тогда можно было говорить, как выражался диктор Левитан в 1945 году по радио, о полной и окончательной победе над врагом!

Вот представь такой вот случай:
хоть и голос был уныл,
Левитан стране озвучил,
как Кулемзин победил!

Последняя заявка была его, и именно в этот момент, за мгновение до того, как его уста чуть-чуть было не вымолвили слово *шесть,* в голове литератора звякнул неслышный другим колокольчик, и он коротко выдохнул:

– Четыре!

Глава 100. ТЩЕТА ИНСТИНКТОВ (ещё одно почти окончание)

Но вот, наконец, все успокоились, открыли пришедшие робберы и стали жадно в них вглядываться. Но только не Володя: он бы не был покерным гуру, если бы не воспользовался ситуацией, когда за ним никто не наблюдает. Зато он сам, глядя поверх своих карт, внимательно смотрел, как меняются ли́ца его соперников, и читал их, словно в раскрытой на вот этой 223 странице книге. Затем он коротко глянул на свой роббер, мгновенно оценил реалии, внутренне улыбнувшись, так как карты оказались весьма приличными, после чего подумал: «Внутри меня столько тепла и нежности, что хочется их кому-то дарить. На всех, конечно, не хватит, но вот кто-то один огребёт по полной»

Несколькими секундами ранее по мимике счастливой рожи партийного он понял, что Нуртай сейчас будет объявлять мизе́р, и это было плохо, тем более, что первый ход был тоже его (Нуртая, а не мизе́ра). «Как бы немного отвлечь этого внебрачного сына *иблиса*?», подумал он, а вслух произнёс:

– Да, Мусаич, не завидую я тебе.

– Почему это, мать моя партия? – срывающимся от волнения голосом пролепетал Курманбаев.

– А ты знаешь, яйчики-бабайчики, как собак стригут? – сурово ответил Альбионыч. – За хвост да об забор!

Саксаульский большевик представил себе эту страшную картину и сделал сразу два дела: во-первых, порадовался, что у него нет хвоста, а, во-вторых, произвёл первый ход, забыв, как предполагалось вначале, объявить мизе́р, причём, от волнения перепутав козыри, пошёл с козырной бубновой десятки.

От волнения дурея,
словно в тыкве диссонанс,
хода нет – хожу с бубей я,
точно режусь в преферанс!

И вот тут оказалось, что к этому нелепому ходу оказался готов только Кулемзин, который смело скинул бубновую двойку, на всякий случай приберегаемую именно для мизе́ра. А дальше началось то, что навело его на давнее подозрение, что если сапёр ошибается только один раз, то коллектив сапёров способен ошибаться многократно. Как наверняка помнит мой читатель, для преодоления этого самого важного роббера в игре сопокерники заказали аж 15 взяток из 12 возможных, поэтому сейчас каждый старался кто во что горазд – для того, чтобы успеть даже не взять, а просто хапнуть максимальное количество взяток, порой даже забывая, сколько на самом деле они заказали.

Больше других отличался в этом пакостном стремлении, конечно же, педагог, который, осознав свою ошибку в необъявлении мизера, теперь как бы сидел в засаде и, дождавшись крупной карты соперников, просто одну за одной забирал взятки. Но пусть никто из читающих эту книгу сейчас, сильно не волнуется, ибо на два курманбаевских джокера получилось как раз две взятки, тогда как Мусаич, как и Батыршин, заказывал три.

Вот и сейчас, дождавшись, когда Полтавцев выбросит своего козырного короля, он перебил его младшим джокером, чем вызвал неподдельное расстройство тыквы сторожа.

– Может, поговорим, мать честна́я? – сурово предложил он ленинцу.

– Давай, – испуганно подчинился педагог.

– Вот ты, например, Джона Эрнстовича Стейнбека читал?

– Читал.

– Ну вот, а я не читал. И о чём нам с тобой разговаривать, эрудит хренов?

Мой очевиден интеллект,
и я иду по жизни гордо,
ведь очень мало на Земле
таких разгадчиков кроссворда!

Затем экс-текстильщик неожиданно «вспомнил», что вчера (или позавчера, или вообще на днях) Курманбаев посадил его ни за что ни про что и, заметив, как тот пошёл козырным тузом, тут же забрал его (туза, а не Нуртая) своим младшим джокером, чем нанёс непоправимый урон психике охранника.

– Серёжа, ты что, с ума сошёл? – пролепетал педагог, понимая, что теперь, когда у него возникла опасность образования минус одной взятки, к тому же в 50 очков, ему не то что выиграть партию, но даже Альбионыча уже не догнать.

– Просто ты, Нуртай, плохо физику знаешь, – снисходительно объяснил ему свою позицию сторож.

– Какую физику?!

– Физическую, царица лесная, – ещё раз объяснил Полтавцев. – Володя, скажи ему.

Пойми универсальное –
давно что понял я:
ведь физика астральная
не химия, друзья!

– С удовольствием, – включился в разговор знайка. – Нуртай, Серёжа сейчас намекает тебе, что по закону Исаака Исаакыча Ньютона на всякое действие объект отвечает равным ему противодействием.

– Какому закону? – пискнул Мусаич, хотя хорошо помнил ещё со школы, по какому.

– По третьему, – уточнил писатель, на время ставший пропагандистом науки. – А чтобы не только до тебя, но и до всех остальных, включая некоего художника, который никогда об этих законах не слышал, они дошли в полном объёме, я, как знатный саксаульский поэт-технолог, расскажу вам сейчас обо всех трёх – по крайней мере, известных земным учёным.

– А их что, три? – изумился незнайка.

– Конечно, нет, – отмахнулся марсианин. – Просто Исаакыч, хотя и прожил 84 года, но так и не успел открыть ещё 14 *фундаментальных* законов Вселенной, которые, надо заметить, давно известны на моей исторической родине, то есть на Марсе.

– Давай! – разрешил сторож.

Глава 101. ТЩЕТА ИНСТИНКТОВ (окончание)

И просветитель дал. Итак, три закона Ньютона…

Первый закон Ньютона

Закон задолго до Ньютóна
известен этот был давно:
пока мы óное не тронем,
лежит спокойное оно!

Второй закон Ньютона

Закон инертности и лени
всегда суровый даст урок:
лишь тот достоин ускоренья,
кто крепкий получил пинок!

Третий закон Ньютона

Согласно третьему закону Нью́тона,
который мы с тобой не доучили,
коль ненависть с любовью перепутаны,
они должны быть равными по силе!

Но тут все сообразили, что партию-то надо было заканчивать, тем более, что от начальных двенадцати на руках игроков осталось ещё по 4 карты у каждого. Была и ещё одна причина к скорейшему завершению битвы – усиливающаяся жара, кою можно было победить только одним лекарством – очень холодным пивком, произрастающем в сельпо Калимы.

Но вот то, что произошло далее, было слишком невероятным для любого другого литературного произведения, но только не для «Русской кочерги», где могло произойти всё что угодно: выяснилось, что лишние заказанные три взятки в этот раз *не пришлись* на Талгата, Нуртая и Володю, в результате чего каждый из них недобрал по одной, или по 50 очков. А что же Серёжа? Бросая карты как попало и совершенно не думая, чем это может закончиться, он в конце партии посчитал взятое, после чего чуть окончательно не сошёл с ума от радости, ведь сейчас перед ним лежало 5 заказанных им взяток, а затем чуть окончательно не сошёл с ума – от удивления – и *записывающий* литератор, потому что выяснилось, что выигранные Афанасьичем 210 очков (или 105 удвоенных) позволили ему переместиться на первое место!

Зря на самых сильных я равнялся,
зря решил, что полный я дебил,
и в своей победе сомневался,
но в итоге всё же победил!

Но этому факту особенно расстроился почему-то Салихдзяныч: от ярости на его губах закипела слюна – серая, как пена на краях суповой тарелки, и Володя даже был вынужден заметить:

– Что, сынок, пролетел?

– Как фанера над Парижем! – радостно завершил мысль старым трюизмом счастливый охранник.

И тут Кулемзин понял, как отвлечь проигравших от их невосполнимой печали.

– А ты, Серёжа, кстати, знаешь, откуда возникло это выражение?

– Какое? – заинтересовался Полтавцев. – Чёрт нерусский?

– Да почему же? – изумился вынужденный просветитель коллектива. – Я про многослойный строительный материал и столицу Франции.

Если ты над городом
радостно паришь,
значит, ты – фанера,
под тобой – Париж!

– А-а-а, – отозвался любопытный. – Рассказывай.

– Итак, – начал короткий рассказ Альбионыч, – в 1908 году некий французский авиатор по имени Огюст Пьерович Фаньер, совершая показательный полёт над Парижем, врезался в Эйфелеву башню и погиб.

– Жалко-то как! – воскликнул живописец Муравлёв. – Может, помянем хорошего человека – по 100 грамм? Я думаю, святой Малевич меня бы поддержал…

– Нет, Валера, поминки сегодня будут позже, ближе к вечеру. И, возможно, все пьющие в рамках нашего романа даже попробуют продукцию АПАЧИ.

– Это что, индейские напитки из кактуса? – проявил знание алкогольных реалий пьющий исключительно на халяву педагог.

– Нет, Нуртай, это нечто другое, а именно:

Антиконституционные
Производители
Алкоголя
Чемергесных[117]
Ингредиентов

[117] Русское народное название крепких алкогольных напитков, включая самогон – прим. автора

– Не мешай, – дёрнул за рукав художника старший дудочник. – Володя, так что с йодистым покойником?

– Да с покойником было всё в порядке – похоронили не хуже людей. А вот известный меньшевик Мартов…

Услышав фамилию революционера, который был среди тех, кто начинал вместе с Лениным борьбу за создание социал-демократической партии, а затем стал его оппонентом, Мусаич вздрогнул так сильно, что на покерном столике даже подпрыгнули уже пустые и оттого лёгкие бутылочки из-под любимого напитка.

– …написал в газете «Искра», – завершил рассказ невольный историк, – что «царский режим летит к своей гибели так же быстро, как г-н Фаньер над Парижем». Вот именно отсюда и пошлó выражение *пролететь как фанера над Парижем.*

Иду однажды я и вижу:
летит фанера над Парижем!
Штамп ОТК на ней стоит,
а с края валенок торчит!
И моментально мысль созрела:
знать, из России прилетела!
Не может из другой страны –
фанеры там самим нужны…

Вот так, на этой искромётной фразе нашего главного героя, и закончилась для моего читателя эта глава романа «Русская кочерга»

Глава 102. ОБ ОТВЛЕКАТЕЛЬНОЙ ЗАГАДКЕ

Но не только на этой фразе, как было объяснено в конце прошлой главы, закончилась она (глава, а не фраза) – завершилась и очередная партия в *русскую кочергу*, которая вдохнула уже было угаснувшую жизнь в Полтавцева. Он, который до этого никогда не зарабатывал 4 очка в общий игровой рейтинг, то есть не выигрывал партию *на первом месте*, вдруг почувствовал, что не всё ещё потеряно, что будущее, которое казалось далёким и призрачным, неожиданно придвинулось к нему на несколько сантиметров, что если он и дальше будет также хорошо думать, как в этой партии, то уже очень скоро вырвется в лидеры забега… тьфу, рейтинга!

И невдомёк было глуповатому Швейку второго микрорайона, что вовсе не его «ум» был причиной столь неожиданной победы, а всего лишь удачная шутка великого Случая, который, как уже хорошо известно моему читателю, является родным и самым любимым сыном самóй Суки-судьбы. Об этом постоянно помнил только один член покерной хевры, а именно философ Кулемзин, который твёрдо знал, что тараканы в голове есть у всех, просто у одних они одомашненные, а у других – дикие, бойцовые!

Есть тараканы в каждой голове –
живучие и хитрые создания,
решишься вывести, искоренить в себе,
они тогда – само очарование.
И если вы не любите скучать,
весёлых приключений ждать подолгу,
то тараканам нужно волю дать,
и никогда их тапками не трогать!

«Кто из вас, яйчики-бабайчики, в своей жизни хоть раз пилил опилки?», думал Альбионыч. «Конечно, вы можете мне возразить, что никто не может пилить опилки, что они уже напилены. Так вот знайте, что то же самое происходит и с прошлым. Когда вы начинаете восторгаться тем, что когда-то произошло, думать о событиях, которые уже случились, вспоминать о том, что давно прошло, вы занимаетесь тем, что пилите опилки». Правда, писатель тут же сообразил, что столь сложные размышления процентов на 89 будут недоступны людям, которые только что пережили сильнейший стресс из-за проигрыша.

«Как бы их немного отвлечь от оптимистической трагедии, которая случилась несколькими минутами ранее?», продолжал обдумывать ситуацию Володя. «Ну, не посылать же снова кого-нибудь за пивом![118] Если мы будем отвлекаться от главного, что составляет суть этого романа, вот такими посылками и походами, то вместо мениппеи, заявленной в подзаголовке книги, получим всего лишь болото, наполненное водой, хмелем, солодом и дрожжами.

[118] А почему бы и нет?! – прим. гл. редактора

«Состав у пива крайне прост –
оно есть счастье!», рёк матрос.

«Может, рассказать им о проделках великого Случая, в результате которых человечество получило массу хороших и полезных вещей для своего пользования? Но нет, пожалуй, это делать рано – надо бы перед этим загрузить их «мозги» чем-то простым. Например, загадкой…»

– Как вы думаете, други мои, что означает число 18391? – наконец прорезался голос у литератора с математическим уклоном, и все обрадовались, что внезапная немота земного марсианина наконец-то кончилась.

– Не знаем, – хором признались все обитатели покерного столика.

– Точно не знаете? – уточнил счастливый загадывалец, которому хотелось самому́ озвучить разгадку.

– Точно! – нестройным хором подтвердили присутствующие.

– Я, я знаю, мать честна́я! – неожиданно прокричал с места Афанасьич.

– Ну, давай, – поощрил его Кулемзин.

– Это зашифрованная дата, – начал объяснение охранник.

«А ведь он близок к истине!», подумал отвлекалец.

Мудрость вам скажу большую
в объяснимой простоте:
даты жизни мы шифруем
на могильной на плите…

– Какая же, мать моя партия? – насмешливо попросил уточнения Мусаич.

– А вот какая: в этом числе 6 цифр, и если между каждой парой поставить точки, как мы делаем в автобиографиях, то получится 18.39.91.

– И что, ёперный арифметик? – попросил уточнения Салихдзяныч.

– А то, что это 18 число 39-го месяца 91-го года!

– Какого, какого месяца, святой Малевич? – попросил уточнения Николаич.

– 39-го, – пролепетал Серёжа.

– А такой, яйчики-бабайчики, бывает? – серьёзно попросил уточнения Альбионыч, хотя тут же вспомнил, что у его тёзки Гоголя в «Записках сумасшедшего» как раз упоминалась примерно такая дата – 32 мартобря.

– Ну, не знаю, – обиделся сторож. – На вас не угодишь!

Тут Володя испугался, что экс-текстильщик может просто слинять домой, как до этого он частенько поступал, когда думал, что кто-то его обидел, хотя наши герои понимали, что человека, обиженного Сукой-судьбой с первого дня рождения, обидеть более было невозможно.

– А ведь это количество дней, – поспешно сказал он отгадку, – которые я прожил со дня своего рождения.

Нет смысла в этих странных точках,
которыми я жизнь купил:
печально сделаю глоточек –
за каждый век, что я прожил…

– Включая сегодняшний день, царица лесная? – всерьёз заинтересовался внучок дедушки Михея и бабушки Федóры из деревни Семижопино, тогда как остальные просто приняли володину информацию на так называемую веру. Но Серёжа был не таков!

Он схватил раскладку, перевернул её чистой страничкой и начал что-то писать, покрывая лист корявыми числами и цифрами.

– Чего это он? – ужасаясь, тихо спросил живописец, наклонившись к кулемзинскому плечу.

– Наверное, ловит свой ШАНС, – так же тихо ответил писатель.

– Шанс хоть немного поумнеть? – предположил Муравлёв.

– Валера, почему ты произносишь это слово как бы строчны́ми буквами?

– А ты какими? – вопросом на вопрос ответил Николаич.

– А я произношу так, что у меня все буквы – прописные!

– Большие? – уточнил наташин супруг.

– Ага, – по-полтавцевски уточнил Володя, затем поднял веточку, валявшуюся под ногами, написал в пыли искомое слово и тихо расшифровал его:

Шизофреническая
Арифметика
Неугомонного
Серёжи

– А-а-а, ты в этом смысле? – «догадался» художник.

– Знаешь, старичок, – улыбнулся марсианин, – применительно к нашему другу Афанасьичу слово *смысл* можно применить (извини за тавтологию!) только так – и не иначе.

Думать верно понапрасну –
как страховка от всего:
смысл размыт, но очень ясно,
что не ясно ничего!

Глава 103. ДЕЛО СЛУЧАЯ

– И всё-таки Серёжа выиграл случайно! – долго крепился Курманбаев, но не выдержал и произнёс эту фразу.

И, кстати, это был тот редкий случай, когда Альбионычу практически нечего было возразить. «Почему же практически?», спросит мой любопытный читатель, а автор ответит ему: не всё так просто и очевидно, как кажется. Действительно, как и было написано ранее, Полтавцев кидал карты на покерный столик как *дедушка* на душу положит, и от этого могло сложиться впечатление случайного выигрыша.

Вот только как при этом было не учитывать такие факторы, как стремление каждого из противников взять свои взятки, да перекрёстный огонь из-за этого, да взаимные обиды, которые особенно вспоминаются именно в такие напряжённые моменты, да один из просчётов Салихдзяныча, когда он мог взять свою третью взятку, но банально ошибся – от волнения, когда в конце последнего роббера, а, значит, и всей партии, вместо червовой дамы бросил на серёжину десятку тройку той же масти! И ещё с десяток вот таких мелочей можно было упомянуть, да не хочется, во-первых, забивать голову читателю, и, во-вторых, всё-таки умалять победу Афанасьича. Ведь победил же – пусть случайно, пусть из-за своей дури, пусть из-за чужих ошибок, пусть из-за везухи, но победил!

Со мною Случай вдруг случился,
и я, увидев в этом знак,
нисколечко не удивился,
ведь по натуре был дурак.
Вокруг меня тот Случай вился,
как будто мне хотел сказать
о том, что зря не удивился,
что не включились тормоза.
Понять пытаясь Случай честно,
вертел его и так и сяк,
как будто раньше не известно
всем было, что я есть дурак.
И Случай приоткрыл немного
ту тайну, что в себе хранил,
позволил сделать шаг с порога,
но дальше шага не пустил.
И мне тогда открылась тайна,
которой раньше не владел:
случился Случай не случайно,
а так, как я того хотел…

Литератор понимал, что успокоить коллектив, который никак не хотел смириться с поражением, можно было только массовым вливанием любимого напитка в разгорячённых битвой игроков. И даже не только игроков, ведь и Муравлёв, и Митрохин сидели здесь же с красными мордами, и было непонятно, то ли это произошло из-за жары, которая проникала во все поры организмов, то ли от волнения за психическое здоровье только что отсражавшихся. Зато была в этой ситуации и приятная сторона медали: именно сейчас не надо было снова решать, кто же из хевры пойдёт на очередной поклон к Калиме.

– Serge, mon ami, – обратился Кулемзин к сторожу, – voudriez-vous s'il vous plaît four-nir à notre sympathique compagnie de la bière pour tous les goûts?[119]

– Oui, pas de problème! – радостно ответил Афанасьич. – Pourquoi me parles-tu en français, parce que j'apprends l'anglais?[120]

[119] Серж, друг мой, не соблаговолите ли обеспечить нашу дружную компанию пивом на все вкусы? – фр.
[120] Да без проблем! А почему ты обращаешься ко мне по-французски, ведь я учу английский язык? – фр.

– Не морочь голову, сынок, – улыбнулся спонсор коллектива. – Всё это, яйчики-бабайчики, тебе послышалось из-за жары. Держи!

Охранник схватил предложенную купюру, после чего тяжело перебрался через оградку Бермудского Учпучмака, словно преодолевал заветную планку в 2 метра. «ДУРА», весело подумал Володя. И пусть моему читателю не покажется, что писатель неожиданно решил обидеть своего товарища сразу по двум промыслам – покерному и пивному, пусть он (читатель, а не писатель) обратит внимание на то, что данное слово прозвучало как некая аббревиатура:

Декоративно-
Унифицированная
Раритетная
Арматура

, что и означало ту самую оградку, которую только что с блеском преодолел наш скороход, поскакавший за пивом, как конный партизан генерала Доватора.

А народный просветитель второго микрорайона города Отцеябловска в это время решил окончательно закрыть вопрос о тех случайностях, которые сопровождают всю нашу жизнь, ибо считал, что великий Случай и есть тот самый единственный бог во Вселенной, который создал и эту самую Вселенную, и нашу Землю, и нас с вами – из одного-единственного атома, случайно утерянного *дедушкой* в несуществующем пространстве

– Нуртай, – обратился он к педагогу, – даже если Серёжа и выиграл сейчас случайно, то это всего лишь дело Случая.

– Как это? – поднял бровь уже немного успокоившийся Мусаич.

– Вот ты же пользуешься микроволновкой? – задал Кулемзин неожиданный вопрос, на который Курманбаеву очень захотелось соврать, он он не смог, так как буквально позавчера принимал всех вот этих у себя дома[121], а они обшарили взглядами всю квартиру, включая туалет.

[121] Об этом визите – в третьем томе «Русской кочерги», в главах 106-132 – прим. гл. редактора

– А при чём здесь, мать моя партия, мой электроприбор, позволяющий совершать разогрев водосодержащих веществ благодаря электромагнитному излучению дециметрового диапазона?

Мама в печку ставит кашу,
две минутки – вся готовка:
очень быстро варит наша
новая микроволновка!

А вот этого издевательства Батыршин выдержать не смог и стремглав понёсся на поругание учпучмакских кустов.

Глава 104. О СЛУЧАЙНЫХ ОТКРЫТИЯХ

– А при том, мой нетерпеливый враг, – ответил просветитель, – что очень многие вещи, которыми мы сейчас с удовольствием пользуемся, были или открыты, или придуманы, или изобретены совершенно случайно.

Большевик тут же засунул палец в ухо, пытаясь выковырять несуществующую мушку – для того, чтобы сделать вид, что не заметил володиного слова *враг*.

– Как это, ёперный вопрос? – вместо него задал ёперный вопрос Талгат.

– Ну ты же, Салихдзяныч, не будешь отрицать, что все основные изобретения были придуманы для того, чтобы облегчить жизнь человеку?

– Не буду, – согласился военный музыкант, и тут же задал очередной вопрос:

– А какие?

– Ну, например, чтобы передвигаться быстрее, чем ногами, человек сначала придумал телегу, потом автомобиль, а потом даже и самолёт!

Замену придумали бегу:
ведь вместо коня с хомутом,
машина быстрей, чем телега,
а планер быстрей, чем авто!

– Точно! – восторженно отозвался старший прапорщик..

– Или, чтобы не натружать уже упомянутые мною ноги, человек придумал лифт, хотя до этого с проклятиями поднимался на десятый этаж, как выражаются пролетарии, *на своих двоих*.

– Так что с микроволновкой, святой Малевич? – вернул разбушевавшегося лектора на грешную землю живописец.

– Да-да, – вернулся к теме разговора Курманбаев. – Надеюсь, её придумали советские учёные?

– А вот и нет, – торжествующе поведал Володя. – Как раз наоборот – американец!

– Не может быть, – поражённо пробормотал партийный.

– Может, может, – уверил его Альбионыч. – А случилось это в 1945 году. Некий американский учёный Перси Джинджерович Спенсер как-то раз с утра был занят изучением и разработкой (прости, русский язык!) магнетронов – таких устройств, на основе которых работали ранние радарные установки. В те времена, когда война только-только закончилась, разработка таких радаров, конечно, была приоритетней, чем изобретения бытовых кухóнных приборов. И именно поэтому первая микроволновка стала совершенно случайным открытием.

В одно прекрасное солнечное утро, стоя рядом с включенным магнетроном, Спенсер обратил внимание на то, что плитка шоколада у него в кармане начала медленно плавиться. И тут своим американским инженерным умом он быстро сообразил, что причиной этого могут быть только микроволны, исходящие от включенного прибора. Съев растаявший шоколад, он тут же стал экспериментировать с попкорном, и, наконец, испытал воздействие микроволн на яйце, которое в результате этого опыта и взорвалось.

– Ни хрена себе! – оценил учёный опыт трубач. – Вот так случай!

– Именно случай, – подтвердил покерный гуру, а ныне научный лектор. – И, кстати заметьте, что самая первая микроволновка была размером с большой холодильник.

Не суйте яйца в микроволны,
а суйте в волны Pacific![122]

[122] ***Тихий океан – англ.***

– А причём тут случай? – завопил педагог. – Ну, открыл себе какие-то дурацкие волны да открыл.

– Э, нет, – возразил писатель. – А если бы жена этого Джинджеровича положила ему в тот день в карман не шоколадку, а бутерброд с колбасой? Чему там было бы плавиться? Или этот Перси накануне напился бы холодным ви́ски и наутро вообще не смог экспериментировать? Или в 1912 году, впечатлившись гибелью «Титаника», он устроился бы не в морской флот, а в пехоту?

– А это тут при чём? – ещё раз завопил Нуртай.

– Да при том, что именно в морском флоте этот Спенсер получил весьма приличные теоретические знания и практические навыки в области физики радиоволн и электромагнитных колебаний, в результате чего после *дембеля* и стал учёным в этой области.

– В какой области, святой Малевич? – уточнил Валера.

– В Массучусетской, яйчики-бабайчики, – объяснил Володя.

И вот здесь выяснилось, что лекция, не имеющая ничего общего с картами, захватила двух слушателей – художника и музыканта. Честно говоря, интересно было и Курманбаеву, но он по партийной привычке ни в чём не сознаваться сейчас не сознавался и в этом.

– А ещё знаешь про такие изобретения? – хором спросили Валера и Талгат.

Подстегнув воображенье,
мир старался изменить:
изобрёл изобретенье –
как теперь его внедрить?

– Конечно, – не стал отнекиваться литератор. – Таким же способом, то есть совершенно случайно, были изобретены пенициллин, вафельные рожки для мороженого, записки-наклейки, суперклей, картофельные чипсы, тефлон, пластик, нержавеющая сталь, динамит, застёжка-липучка, небьющееся стекло, целлофан, пакеты для мусора, тележка для супермаркета, пластилин, чайные пакетики, резиновые перчатки, тонометр и даже шампанское! Так о чём вам ещё рассказать подробнее?

– О пластилине! – воскликнул Николаич, выдав свои тайные наклонности к скульптурным работам.

– О шампанском! – воскликнул обер-корнет, выдав свои тайные наклонности к алкогольной продукции.

– О пакетах для мусора! – воскликнул ленинец, выдав свои тайные наклонности к накопительству.

– О тефлоне! – воскликнул подошедший к этому времени Полтавцев, выдав свои тайные наклонности к красивым словам.

Когда усиленно буха́ю,
ищу я старую тетрадь:
люблю красивые слова я,
но не могу их прочитать!

Глава 105. О СЛУЧАЙНЫХ ОТКРЫТИЯХ (продолжение)

– Хорошо, – согласился Альбионыч. – Итак, по порядку поступления ваших заявок. Начнём с пластилина.

Муравлёв приосанился и гордо посмотрел на остальных, но от бутылочки, которую сунул ему в руку скороход Полтавцев, не устранился.

– До того, как стать одним из любимых детских развлечений, пластилин аж в течение 22 лет использовался в качестве… чистящего средства для обоев.

– Ни хрена себе! – ещё раз подтвердил свой интерес к такого рода историям старший трубадур.

– И тут в дело вмешался наш большой друг – вездесущий Случай. В 1954 году невестка некоего Джо Уорреновича Маквикера – сотрудника фирмы-производителя пластилина – взяла кусок вещества в детский сад, где работала воспитателем, чтобы показать его детям. И вот неожиданно пластилин вызвал у малышей такой восторг, что после рассказа своей невестки этот Маквикер тут же осознал его истинную коммерческую ценность, после чего подал идею своему руководству.

Сделал я из пластилина
и русалку, и дельфина!

– Неужели он тоже был американцем? – неподдельно расстроился коммунист.

– Естественно, – подтвердил Кулемзин. – Короче говоря, этот Уорренович вскоре открыл в рамках компании собственный цех, потом догадался добавить в пластилин различные красители и миндальный ароматизатор, после чего, не смотря на просьбы американских детей, взвинтил цену в полтора доллара за банку, при этом продолжая торговать «очистителем для обоев» за 0,34 доллара.

– Вот он, преступный мир чистогана! – прокричал Мусаич, на мгновение заглушив вопли дворовых детей, которые до этого орали не хуже павианов, но менее мелодично.

Альбионыч коротко глянул на перебивальца и закончил рассказ о пластилине:

– В общем, молодец был этот коммерсант: во-первых, он за четыре года увеличил прибыль компании со 100 тысяч долларов до трёх миллионов, во-вторых, через три года вообще отделился от основной фирмы, став владельцем собственной фабрики, и, в-третьих, когда ему надоело производить пластилин, ещё через четыре года продал производство и патент на эту детскую радость аж за 18 миллионов долларов.

– Эх, дурак, продешевил! – воскликнул сторож. – Я бы продал за 18 миллионов долларов и пару ящиков «Жигулёвского», – после чего отсалютовал упомянутой бутылочкой в сторону СС, или Старушечьего Столика, где, в отличие от наших героев, до сих пор продолжались ВИПы, или Всемирные Игры Пенсионеров – в *дурака.*

Не хочу за дело браться,
а хочу глотать абсент:
разлюбил работать, братцы,
и на отдых взял патент!

– А теперь про ёкарное бухло! – воскликнул военный трубач, и все подивились его закалённой памяти.

– Про бухло? – задумался писатель. – Ах да, ты же просил рассказать историю случайного возникновения шампанского.

– А разве не водки? – искренне изумился Батыршин, и все поняли, что его военную память ещё закалять и закалять.

– Сегодня в отцеябловском СИРАНе[123] преподаватели рассказывают своим студентам о бенедиктинском монахе-францисканце Пьере Бенезетовиче Периньоне, которого впоследствии назвали странным именем Дом.

[123] Саксаульский Институт Розлива Алкогольных Напитков – прим. автора

– А почему не Хижина, мать честнáя? – заржал охранник. – Или, ещё лучше, Барак?

– Да потому, мой неразумный друг, – ответил Володя, – что *домом* во Франции величали лиц духовного звания – от латинского dominus, то есть господин.

– Так что там с этим Бараком? – вновь продемонстрировал неважную память дудочник президентского оркестра.

– Коротко говоря, именно этот Периньон и был изобретателем первого в мире шампанского, когда обнаружил, что вино, пролежавшее в слишком холодном климате в два раза дольше положенного, (прости, русский язык!) ферментировалось образованием пузырьков углекислого газа. Вначале монах всеми силами даже пытался избавиться от этих пузырьков, ибо посчитал это нелепой ошибкой и *иблисовым* наваждением, но только до тех пор, пока местным аристократам новое вино не пришлось по вкусу!

Ах, друг мой, друг мой, как мне стыдно –
во мне шампанского глоток,
и мир стал радужным повидлом:
теряю ощущенье ног!

– Классно, царица лесная! – оценил рассказ Афанасьич.

– Впоследствие именем этого достойного человека, который больше думал о бухле, чем о *дедушке*, – завершил очередную заявку лектор, делая глотóк из своего *тянь-шанчика*, – назвали знаменитое шампанское «Дом Периньон»[124]

[124] Марка шампанского премиум-класса крупного французского производителя «Moët et Chandon» – прим. гл. редактора

– А теперь, Владимир Альбионович, – официально обратился к рассказчику Нуртай, – я прошу выполнить мою заявку. И надеюсь, что эта история будет не хуже, чем уже прозвучавшие.

– Не будет, – пообещал Кулемзин и тут же взялся выполнять обещанное.

– Подожди, Нуртай, я что-то позабыл, о чём ты просил. По-моему, о случайном изобретении некоего Ульянова статьи «О лозунге Соединённых Штатов Европы»?[125]

[125] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, том 25, стр. 351-355 – прим. полит. редактора

Курманбаев немедленно налился помидорной краской и стал похож на картину Винсента Теодоровича Ван Гога «Красные виноградники в Áрле»

– Нет, я просил рассказать про мусорные пакеты, – с трудом выдавил он.

– Значит, я так понимаю, что каким-то мусором ты интересуешься больше, чем трудами Ильича I? – улыбнулся Альбионыч.

– Ты не передёргивай, мать моя партия! – взвизгнул большевик. – Наше общение сейчас ведётся в другом контексте!

– Ну что ж, – согласился Володя, – придётся функционировать в предложенном формате. Итак, по просьбе наших бермудских партийных органов, о пакетах для мусора.

Лицо Мусаича после этих слов из помидорного стало цветом ядовитого германского кетчупа «Heinz Organic Tomato»

– Самый первый мешок для мусора был изобретён 53 года назад – в 1950 году. Специально для человека, попросившего осветить сей предмет, подчеркну: он был изобретён американцем!

– Как, снова? – чуть не плача, вскричал педагог, уже сто раз пожалев, что вообще ввязался в это сомнительно-просветительное мероприятие.

Под бухло и закусь в тесте,
под фантазмы *пузыря*,
просвещаемся мы вместе,
тост друг другу говоря!

Глава 106. О СЛУЧАЙНЫХ ОТКРЫТИЯХ (окончание)

– Шучу, шучу, – быстро поправился Кулемзин, испугавшись, что Нуртая сейчас долбанёт (прости, русский язык!) апоплекс, после чего игра в *русскую кочергу* продолжится уже втроём. – Это был канадец!

– Хрен редьки не слаще, – проворчал Мусаич, отходя цветом лица́ на прежнюю позицию – выцветшего флага Отцеябловского горкома КПСС (б).

– Итак, некий изобретатель с американским именем и хохлятскими отчеством и фамилией, а именно Гарри Миколович Василюк, однажды трудился над задачей, которую перед ним поставил городской муниципалитет города Виннипега. Он (изобретатель, а не муниципалитет) должен был решить проблему высыпания отходов в процессе загрузки мусоровозов. Сначала инженер хотел разработать что-то наподобие пылесоса, но после того, как он хватил поллитра горилки из отцовских запасов, к нему внезапно пришло другое решение!

Горилки выкушав стакан,
и закусив первач цибулей,
хохол сказал: «Даёшь майдан!»
Глаза его огнём сверкнули…

– Какое, мать моя партия? – волнуясь, спросил ленинец.

– Простое, – объяснил рассказчик. – Дело в том, что однажды этот Гарри услышал от кого-то из своего окружения философскую фразу, что человек только тогда становится человеком, если у него есть сумка для мусора. И неважно было, что сказана эта фраза была на вечеринке, посвящённой 26 декабря, в канадский праздник – день святого Стефана, причём, после 17 *дринков* водки «Canadian Iceberg»[126]. И вот тогда Василюк решил предложить использовать для мусора пакеты, которые делались бы из полиэтилена и были бы одноразовыми, потому что к тому времени полиэтилен уже был довольно дешёвым химическим сырьём, а госпиталь города Виннипега стал первой организацией, которая начала использовать такие мусорные мешки…

Корешками и вершками
собираю благодать:
мусор я коплю мешками,
чтобы выгодней продать!

[126] «Канадский айсберг» – англ.

– А теперь, Володя, я попрошу, царица лесная, рассказать о самом выдающемся изобретении человечества, – торжественно произнёс Серёжа.

– О семижопинских валенках, святой Малевич? – под общий смех поинтересовался Николаич.

– Странный ты какой-то, Муравлёв, – не стал злиться сторож, настроившись на умные мысли. – Впрочем, этим отличаются многие индивидуумы творческого направления…

– Ладно, старичок-боровичок, слушай, – по-сказочному обозвал охранника Кулемзин. – Итак, политетрафторэтилен…

– Стоп-стоп! – заорал бывший текстильщик. – Я же просил рассказать о тефлоне!

– А я о чём? – удивился знайка. – Именно этот (прости, русский язык!) политетрафторэтилен, или фторопласт-4, в целях недопущения ломания языка названный химиками попроще – тефлон, был открыт ещё в апреле 1938 года, а сделал это выдающееся открытие 27-летний учёный-химик Рой Кенниевич Планкетт из компании «Kinetic Chemicals»

«Неужели опять американец?», похолодев, подумал Курманбаев.

«Он», в ответ подумал литератор.

– Этот Рой совершенно случайно обнаружил, что закачанный им в баллоны под давлением газообразный тетрафторэтилен *спонтанно* полимеризовался в белый парафиноподобный порошок, а хорошенько изучив его свойства, через три года подал заявку на патент, назвав полученную пластмассу тефлоном.

– Так это из него ёкарные сковородки делают? – вновь попытался проявить военную память Талгат.

– Вообще-то во всём мире его применяют в химической, электротехнической и пищевой промышленности, а также для производства *мембранной* одежды, в медицине, транспортных средствах и даже в военных целях, но – ты прав! – в основном в качестве покрытий. И наибольшую известность такие фторполимеры получили благодаря широкому применению в производстве посуды с антипригарным покрытием.

В итоге смелой разработки,
наукою углублены,
тефлоном мажут сковородки,
чтоб не могли сгореть блины!

– Да, дела, мать честнáя, – прослушав научную лекцию, выразил общее мнение Афанасьич. – Кстати, а у тебя, Володя, есть дорогое твоему сердцу *случайное* изобретение?

– Конечно, – ответил марсианин. – Это мой любимый чёрный чай с бергамотом.

– А где их берут? – заинтересовался Полтавцев.

– Кого?

– Да бегемотов этих! И что именно из их организма добавляют в чай?

Здесь лекцию пришлось прервать, пережидая массовый хохот игроков и примнувшего к ним живописца, дворовых детей, соседок-пенсионерок, старшей по дому Ж. П., Ирины-железнодорожницы, бытовых алкашей Саши Дубровского и дяди Пети, а также алкашей-хроников Глав-Буха и Галлюцинации, которые услышали это предположение бывшего текстильщика

– Нет, Серёжа, бергамот – это нечто другое…

– Подожди, подожди, – пробормотал сторож, доставая из котомки заветную книжеч-ку «Для му.мы.», после чего разрешил продолжить:

– Говори!

– Так вот, бергамот – это гибридный цитрусовый плод, результат (прости, русский язык!) морганатического брака померанца и цитрона. На этом вечнозелёном дереве растут красивые золотисто-жёлтые шарики с приятным кисловатым вкусом.

– Так от них что, шкурку в чай бросают? – не оставил попыток халявного просвещения охранник.

Ради вкуса стану мотом,
разрешив себе купить, –
чай разбавлю бергамотом,
чтоб желудку угодить!

– А здесь твой йодистый случай каким боком? – поинтересовался старший тромбонист.

– Простым, – объяснил Володя. – Эта история произошла ещё в позапрошлом веке, в 1838 году. Некий английский корабль перевозил из Индии в Великобританию традиционные для того времени товары, одним из которых был чай. И вот в Италии моряки загрузили в трюмы ёмкости с бергамотовым маслом, которое тогда активно использовалось в медицине. Потом корабль попал в шторм, и ёмкости с маслом *случайно* залили чайные мешки, пропитав таким образом драгоценные листья.

– И что, святой Малевич, их выбросили? – проявил интерес к рассказу художник, вытряхивая на ладонь последние капли своего «Тянь-Шаня»

– Конечно, нет! – возмутился таким нелепым предположением рассказчик. – Этот товар, то есть чай, по тем временам был очень дорогой и, чтобы не быть в убытке, владелец корабля решил продавать его (чай, а не корабль) как новый колониальный товар под названием «чай с пропиткой»

– Вот она! – с отвращением воскликнул саксаульский большевик. – Вот она – капиталистическая коммерция, нацеленная на разорение простого народа!

Альбионыч дождался конца спонтанного спича и закончил повествование:

– Не знаю, реклама ли сыграла свою роль, но вкус этой новинки неожиданно понравился англичанам. А впоследствии такой чай, уже специально пропитанный бергамотовым маслом, назвали «Earl Grey»[127] – в честь лорда Чарлза Фабиановича Грэя, который владел крупнейшими чайными плантациями в Индии.

Пройдя проверку полиграфом,
и увеличив капитал,
купил плантацию у гра́фа,
но сам же графом так не стал!

[127] «Граф Грей» – англ.

Глава 107. О МУДРЁНОМ ЗАКОНЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Но не успели наши герои как следует переварить только что полученные от Альбионыча знания, а также обсудить их на общем собрании бермудской общественности, как на этот раз этому мероприятию помешала группа иностранцев – по виду англосаксы, которую неизвестно как занесло на просторы второго микрорайона города Отцеябловска

– How to go in the direction of Zhubanov street[128]? – поклонившись, любезно поинтересовался старший группы – пожилой американец в чистой колониальной панаме – у Володи, справедливо приняв его за самого интеллигентного.

– There is only one person in our team who has been studying English for several years[129], – ответил Кулемзин. – Ask him[130]!

[128] Как пройти в сторону улицы Жубанова? – англ.
[129] В нашем коллективе есть только один человек, который уже несколько лет изучает английский язык – англ.
[130] Спросите у него – англ.

И показал жестом на Полтавцева, тихо прошептав ему:

– Не подведи, сынок, не опозорь родину перед пиндосами.

Спросила с веточки синица
однажды друга воробья:

«Ну, почему ж им не сидится
в своей Америке, друзья?»

Американец ещё раз поклонился, на этот раз сторожу, и задал вопрос повторно.

Услышав название знакомой ему улицы, Афанасьич махнул рукой в искомую сторону и вербально озвучил ответ:

– Туда, мать честная!

– Серёжа, ты что, с ума сошёл? Они же не понимают русского!

– А-а-а, так, значит, надо по-американски, – догадался охранник и, ещё раз махнув рукой, звонко, как на пионерской линейке, проорал:

– Тудей!

Инокомпания что-то *сэнкнула* в ответ и последовала по указанному маршруту, прав-да, недоумевая, почему это Жубанов-стрит находится в этой стороне только сегодня[131], а покеристы и примкнувший к ним Муравлёв вместо ранее предложенных кулемзинских знаний принялись за обсуждение странных иностранцев: типа, кто они такие, да для чего им улица Жубанова, да на каком языке они разговаривали со сторожем и т.п.

[131] С англ. today – сегодня

– А ведь всё, между тем, очень просто, – прервал общие комментарии писатель, который, как выяснилось через мгновение, на этот раз оказался крупным учёным в неизвестной области. – Просто в этом мире, яйчики-бабайчики, всё взаимосвязано, и даже эти вот иностранцы каким-то образом взаимосвязаны с нами, причём, прошу заметить, не родственными узами, а всепланетными.

Мы чистые и грязные,
кто там живёт, кто здесь,
и смотримся по-разному,
но – люди все как есть!

– Как это? – подпрыгнул на покерной скамеечке трубач. – Не может быть! Я, вот, например, ёперный музыкант, а Серёжа – там вообще неизвестно ёкарный кто!

И хорошо, что Салихдзяныч так завернул свою фразу, что охранник просто не понял, о чём идёт речь, и потому не обиделся. А обвини Талгат его в том, что Полтавцев например, не знает театра, тот обязательно бы воскликнул:

– Да что же я, вашего театра не знаю, что ли?! Я же точно помню, что если в первом акте на стене висит ружьё, то в третьем оно не выстрелит, потому что его спёрли, царица лесная, ещё во втором!

Но всё случилось как случилось, и знатный марсианский учёный продолжил просвещение коллектива:

– Эх, Талгат, забыл ты, а, скорее всего, никогда и не знал 18-й закон Кулемзина-Красоткина-Зонтикера.

– Почему это не знал? – неуверенно возмутился прапорщик. – Просто йодистая память немного подводит, так это ты и виноват.

– Я? – удивился писатель.

– Конечно, ты! А кто же ещё, если не ты, Владимир Альбионыч, является спонсором массированного распития черноплодных напитков, которые, кроме того, что разрушительно действуют на наши печени, ещё и затрагивают такую нежную часть наших мозгов, как центр оперативной памяти при игре в *русскую кочергу*?

Как каким-то первогодкам,
что ещё не знают мир,
спонсор дал нам всем на водку,
ну, а мы решили: «Спирт!»

– Да, ты прав, – устыдился Володя, и, чтобы сбить впечатление от заслуженного обвинения, весело предложил:

– А, может, кто-нибудь другой помнит этот закон?

– Я, я помню, – поднял руку, как на уроке ботанике, Муравлёв, после чего горько добавил:

– Но мне он, святой Малевич, без надобности.

– Так ты того… поделися с товарищами, – укорил его Серёжа. – А я запишу то, что запомню, и поделюся полученным знанием с читателями пятого тома.

«Совсем с ума съехал», тепло подумал художник, дождался, пока сторож навострит красный конец двуцветного карандаша над чистым листочком книжечки «Для му.мы.» и торжественно произнёс:

– Записывай! Итак, 18-й закон Кулемзина-Красоткина-Зонтикера:

Всякая дисперность коагулянтна диффузии,
если она трансцендентальна
собственному дауншифтингу.

– Эх, раньше бы знать! – воскликнул Афанасьич и от досады швырнул свой карандаш на траву близ покерного столика, чуть не задавив очередную бригаду муравьёв, спешащую на выполнение аккордного наряда на притаскивание в муравейник какого-то залётного сиреневого жучка. Муравьишки шарахнулись от карандаша, громко выматерились и продолжили движение по намеченному плану.

Все на свете лямку тянут,
в этом – нашей жизни суть:
муравей ползёт по плану,
а алкаш – куда-нибудь…

Глава 108. О МУДРЁНОМ ЗАКОНЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ (окончание)

А зачем же Полтавцев бросил свой карандашик, а почему же он так и не записал ничего умного в свой заветный блокнотик? Да потому что в приведённой Николаичем мудрости он, кроме местоимения *она* и парочки других русских национальных банальностей остальных слов просто никогда не слышал, и понял, что воспроизвести их, как он выражался, «естественным путём», возможности не представляется никакой!

– Правильно, Володя? – в это время с волнением поинтересовался мнением афоризматика живописец.

– Почти, – серьёзно ответил Альбионыч, наклонился вниз, свесив глобус своего брюха под столик, поднял карандаш и подал ему его охраннику со словами:

– Записывай, Серёжа, как говорят в телепередаче «Что? Где? Когда?», правильный ответ.

Как буржуи приодеты,
потому что жизнь сладка,
угадаем все ответы
в передаче «ЧГК»!

Экс-текстильщик тут же успокоился и склонил орудие записи к листочку, который от осознания уже полученной мудрости, даже несколько свернулся по уголкам.

– Итак, – поднял указательный палец вверх литератор, а в данное время большой учёный, – пиши:

Всякая аберрация конгруэнтна
квантитативности, если она фугитивна
собственному перфекционизму.

«Да, вот это мудрость!», восхищённо подумал Афанасьич. «Не то что чепуха, которую сказал Валера…»

А что же старший трубач, с неправильного понимания мира которого, собственно, и началась эта короткая научная история, коих уже и так немало на славных страницах нашего увлекательного повествования? А Батыршин, когда услышал ещё первое умное слово *дисперсность*, тут же впал в искусственную интеллектуальную кому, которую научился вызывать сам у себя, чтобы досрочно не стать пациентом отцеябловского психиатрического заведения на улице Каблукова.

– Серёжа, записал? – между тем строго обратился к сторожу владелец мудрости.

– Сейчас, сейчас, – засуетился тот (сторож, а не владелец) и быстро-быстро накаракулировал, но почему-то уже синим концом карандаша:

Всякая прокрастинация сингулярна
ретардации, если она транспарентна
собственной обфускации.

Отошедший от комы Салихдзяныч наклонился к его плечу, внимательно прочёл мудрость и немедленно впал в повторную кому, и, как понял Володя, выйти из которой ему мог помочь только 21 глотóк свежего «Маршала», что, собственно, и составляло 1 бутылочку этого замечательного напитка.

В бутылку столько пива влазит,
каков полёт моих фантазий!

– Давайте считаться, – предложил литератор. – Надо спасать товарища!

– Я, я посчитаюсь, – предложил Афанасьич, после чего начал привычно тыкать своим железным пальцем в группу товарищей – по очереди, к удивлению всех присутствующих, не минуя заболевшего военного музыканта:

– Чтоб из комы вышел друг,
надо выстроиться в круг!
Заяц, тигр, лисица, слон –
ты из круга выйди вон!

Но при слове *вон* его палец со всей силы вонзился в рубашку несостоявшегося младшего лейтенанта, который за пивом идти не мог, как выражался умный Кулемзин, *по определению.*

– Сейчас я ещё раз пересчитаю, – заявил считалец, но Володя отодвинул его пальцы от коллектива, вытащил из кармана своей марсианской рубашки очередную купюру и сунул её растерявшемуся Нуртаю.

– Держи, Нуртай.

– А почему я? – завопил педагог.

– А почему не ты? – философски оборвал его философ, а обрадовавшийся Муравлёв даже подтолкнул его в сторону лавки Калимы, да так, что тот чуть не сверзился с покерной скамеечки, и хорошо, что это не произошло, а то бы могла пострадать ещё одна рабочая бригада муравьишек. И пока возмущённый посылалец что-то тихо бормотал, Альбионыч успокоил его вот такими словами:

– Видишь ли, Мусаич, ты просто забыл, что пингвину крылья даны не для того, чтобы летать, а чтобы просто были.

– И что?!

– Так вот, у некоторых людей точно так же с мозгом.

В кармане 100 или 16,
иль вовсе рупь, едрёна мать?
Мозги на то даны мне, братцы,
чтоб деньги мог я посчитать!

Опозоренный очередной мудростью, Курманбаев схватил купюру и отбыл по направлению к сельпо, мучимый только одной мыслью, что его сейчас в очередной раз жестоко обманули. И кто? Люди, которым он, в отличие от проходимца Кулемзина, нёс свет истины, правды и жизни! А чтобы мой читатель не скучал во время его похода с суровыми раздумьями об обмане, вот тебе ещё одна невыдуманная история именно о надувательстве, плутовстве, жульничестве, мошенничестве и даже в чём-то шарлатанстве...

Глава 109. ОБМАН НАЧАЛА ДЕВЯНОСТЫХ (Рассказ Альбионыча о событиях, имевших место быть в действительности)

– Дело происходило примерно в 1990 году в нашем славном городе Отцеябловске, – начал свой рассказ Володя, устраиваясь на покерной скамеечке поудобнее, как будто не от головы, а от задницы зависел успех его очередной байки. – Однажды утром на столбах и досках объявлений по всему городу появились бумажки примерно такого содержания «Такого-то числа во столько-то времени по адресу: улица Такого-то, дом № такой-то японской фирмой «Хер Вам Мани» будет происходить обмен советских юбилейных рублей 1970 года, приуроченных к 100-летней годовщине В. И. Ленина, на японскую технику». А кто забыл, как выглядит этот раритет, автор сейчас об этом напомнит:

Произнеся имя вождя мирового пролетариата, писатель опасливо оглянулся, но Нуртая на учпучмакском горизонте пока не было видно, после чего продолжил свое правдивое повествование:

– А внизу объявления было напечатано что-то вроде курса обмена – типа

1 монета – плеер
2 монеты – наручные часы
3 монеты – магнитофон
5 монет – видеомагнитофон
8 монет – видеокамера

Такая крутая новость сразу же облетела весь город, и народ принялся всеми правдами и неправдами добывать эти самые юбилейные рубли с Лениным. Даже не сговариваясь, все сразу же догадались, что, мол, «к годовщине Ильича советское правительство закатало в эти рубли ценные металлы, которые дорого стоят и очень нужны японцам»

Есть тайна во многих предметах,
ведь бизнес широк и велик:
японцы скупали монеты
по курсу железных мотыг!

А не удивился никто ещё и потому, что в народе давно бытовала байка, что когда-то именно японцы скупали в СССР (б) железные лопаты и вывозили к себе на острова, а там из деревянных ручек делали подставки под растущие овощи, а саму сталь (кстати, действительно, качественную) переплавляли для нужд своей оборонной промышленности.

И вот все стали ждать день Х, чтобы стать обладателями японской техники. Объявления со столбов (чтобы не было конкурентов) сорвали в первый же день. А в это время по району, где я тогда жил, пошёл слушок, что в какой-то мастерской один кооператор продаёт рубли с Лениным всего по 20 рублей за штуку. Ну, не дурак ли?! И вот к нему за такими нужными рублями потихоньку потянулись люди – из числа любителей халявной японской техники.

Очень любим мы яапонцев –
как примерно свет в оконце!

Наконец, настал день Х. Перед воротами ещё с вечера начали выстраиваться поклонники зарубежной техники с заветными рублями с изображением Ильича.

Как сейчас помню, был у меня приятель Юра Кузнецов, так вот у его отца нашёлся один такой рубль. Юра долго клянчил его (рубль, а не отца): мол, за него же плеер дают! Но отец у Юры был человеком твёрдого характера и рубль не давал, обосновывая тем, что «сегодня за этот рубль плеер дают, а лет через пять будут «Волгу» давать, а я не дурак, чтобы продешевить…». Но даже без заветного рубля мы с Юрой, как и другие местные оболтусы, пошли просто попялиться, как счастливчикам будут почти даром раздавать разные японские *ништяки.* А в толпе от нервов среди этих безрублёвых граждан только и слышались разные анекдотики – на тему. Вот один из них – чтобы было понятно.

Встречаются два магнитофона – японский и советский.

И советский говорит:

– Я слышал, тебе хозяин новую кассету купил?

– Да.

– Дай пожевать!

Надежды у нас было мало
когда-то вернуться из тьмы:
хоть техника плёнку жевала,
но счастливы как были мы!

Часам к 10 большие ворота в ограду открылись и народ туда ломанулся, а там до дверей тоже стоит очередь из 10-15 человек. Ну да ладно, подумалось нам, хрен с ними, ведь блатные всегда были и будут. Спустя некоторое время к дверям здания подъезжает «Москвич» по народной кличке *каблучок*, а из него выходят водитель и лицо – по виду – японской национальности. Хотя, *иблис* его знает, возможно, это был обычный китаец, которые во все времена в большом количестве были в Отцеябловске, благо дело Китай от тогдашней столицы Саксаульской ССР (б) был всего-то чуть больше 300 километров.

Да, так вот, открывается дверь здания и туда из машины начинают выносить коробки разного размера с волшебными надписями «Самсунг», «Сони», «Тошиба» и другие. Народ стоит, глотает слюнки и начинает нервничать, ведь видно, что японской техники на всех не хватит! Но после разгрузки на крыльцо выходит уже знакомый японец и на ломаном языке начинает речь, в которой объясняет, что нужно ещё немного подождать, так как должен подъехать ещё один автомобиль, но вы, мол, не беспокойтесь: это сейчас наших подарков на всех не хватает, но ведь мы и не ожидали, что будет такое количество желающих. После этой тронной речи японец с водителем закрыли здание, сели в машину и уехали.

И вот в это время среди первых стоящих (помните, блатных?) раздаётся голос: мол, у меня скоро поезд, а выдачи электроники быстро, наверное, не дождаться, поэтому кто хочет купить очередь всего за 150 рублей? И желающий сразу же нашёлся! А минут за 10 было продано ещё несколько мест в начале очереди – примерно за такие же деньги…

Любой дурак всё знает про халяву:
получишь лишь разбитые горшки,
но я-то умный – рассуждаю здраво!
Зачем мне знать, что знают дураки ?

В общем,часа через два стоящие первыми почти в полном составе распродали свою очередь и убрались восвояси. И тут до стоящих в конце начало чего-то доходить. «Братцы», заорали они, «а не кинуть ли они нас хотят? Айда дверь ломать!». Ну, толпу просить долго не надо: сразу же нашлись какие-то трубы, которыми деревянная дверь была благополучно сбита, и все смогли попасть в помещение с японской техникой.

Коробки были по-прежнему там, и даже ровно и красиво уложены. Но они были совершенно пусты!

Одураченные граждане, как полагается, подали заявления в милицию, и та через какое-то время выяснила, что

1. Кооператор был очень похож на водителя *каблучка*;
2. Монеты, купленные у него, были фальшивыми;
3. Первые в очереди блатные оказались солдатами-срочниками, нанятые мошенниками, как говорилось в фильме «Место встречи изменить нельзя», «за долю малую»

– Вот такая история, други мои, – закончил горькое повествование писатель Кулемзин и подумал при этом: «А не подарить ли эту байку писателю Вл. Горькому – для его бессмертного романа «Русская кочерга»?»

Даже уксус сладит на халяву,
даже задница – как соловей:
злом считаю халяву по праву
и гоню её часто взашей.
А она, как гадюка, в надежде
всё пытается в душу вползти,
но в душе моей крепенький стержень
у халявы стоит на пути!

А тут из сельпо Калимы и Мусаич подоспел, и хорошо, что эта драматическая история прошла без него, ибо ещё один герой нашего повествования, кстати, тоже большой халявщик, страдал бы ещё больше – от идеологических вывертов кулемзинских рассказов…

Глава 110. О ВОЗВРАЩЕНИИ ТОВАРИЩА

На покерный столик были немедленно выставлены пять разномастных бутылочек, и также немедленно были расхвачены проворными и жадными руками страдальцев от бермудской жары происходящего. И тут писатель заметил, что одна бутылочка, а именно пива «Маршал», расхвачена не была! Он отставил в сторону своего холодного *тянь-шанчика* и пересел ближе к одному из персонажей нашего великого произведения. И вот тут все остальные наконец вспомнили, зачем они так спешно послали гонца за реанимационным напитком, ведь старший дудочник Батыршин по-прежнему сидел, прислонившись затылком к карагачу, но с открытыми глазами, впав в интеллектуальную кому от полтавцевских откровений в знаменитой книжечке «Для му.мы.»

– Валера, яйчики-бабайчики, помогай! – попросил писатель и поднёс бутылочку пи-ва старшего генеральского звания к уже начинающему синеть прапорщицкому носу.

«Далеко мне до могилки»,
проявил похмельный прыть,
«я понюхаю бутылку,
враз пойму – и буду пить!»

Муравлёв оторвал голову музыканта от карагача и, вспомнив армейские занятия по оказанию первой помощи раненому бойцу, бережно прижал одну ладонь под затылком, а другой стал махать перед пока ещё закрытыми глазами реанимируемого. Но, конечно же, не эти нелепые взмахивания вывели из комы Салихдзяныча, а сунутая под нос открытая бутылочка. Вначале затрепетали ноздри обер-корнета, затем веки, затем судорога прошла по всему телу, после чего открылся один глаз – правый. Он (глаз, а не обер-корнет, хотя и обер-корнет тоже) обвёл диким взором всех сидящих за покерным столиком – кроме себя, и вдруг губы тяжелобольного подались вперёд и жадно схватили горлышко бутылочки. И только после этого открылся второй глаз, который полностью убедил санитарную бригаду, что все мероприятия по возвращению товарища к жизни были выполнены по инструкции, то есть правильно!

– Ожил, мать честная! – радостно завопил Серёжа. – А я уж думал, всё!

Правда, выздоравливающий не смог ответить на этот искренний восторг, так как в это время громко хлюпал проливающимся на рубашку пивком, но бóльшая часть напитка всё же попала куда надо. И тут Кулемзин заметил, что Нуртай приоткрыл рот, но не для того, чтобы сделать лишний глотóк, а явно для того, чтобы изречь очередную пакость. Он (Кулемзин, а не Нуртай) подал знак сторожу, и тот, как недавно художник, так же вспомнил некие армейские приёмчики, сделав удушающий захват горла Мусаича, так что гадость, которая с радостью хотела вылететь на простор Бермудского Учпучмака, так и осталась прилипшей к гортани педагога.

А Альбионыч, укоризненно покачав головой, даже выдал на горá очередной хокку на тему того, что могло случиться, но так и не случилось:

– Береги зубы, Нуртай:
у каждого слóва
есть своя косточка…

И теперь, когда первая жажда была утолена, все немного расслабились, да так, что литератор с горечью заметил, что никто ни из игроков, ни примкнувших к ним художников даже не глянули в сторону осиротевшей покерной колоды. И в это время раздался голос как раз примкнувшего Николаича:

– Нуртай, святой Малевич, а ты чего так долго ходил?

Преподаватель еврейского колледжа по давно приобретённой в партийных организациях разного уровня привычке тут же начал оправдываться, хотя мог бы этого и не делать. И вот что узнали знатные учпучмакцы.

Когда большевик подошёл к лабазу, то вначале дёрнулся в дверь, которая оказалась надёжно запертой, а затем с удивлением разглядел прилепленную к ней жвачкой короткую записку от руки:

Биологический перерыв.
Буду через 15 минут!

Дело было в том, что конструкция этого мини-гипермаркета была таковой, что не предусматривала в своём генеральном плане туалета, а поэтому и сама хозяйка Калима, и нанятые ею продавщицы, когда их *приспичивало* (хотя спички здесь были совершенно ни при чём!) бегали *по нужде* в соседний с магазином дом № 15, в квартиру тоже № 15, где проживала дворник Надежда. Работница метлы, к счастью Калимы, была такого же воспитания, что и Курманбаев, то есть советского, и категорически отказалась от платы в 5 назарбаксов за каждое такое посещение, мотивируя это библейским принципом, озвученным в книге Сирах: «Помогай ближнему по силе твоей и берегись, чтобы тебе не впасть в то же»[132]. Принцип этот был абсолютно невнятным (например, во что то же? почему берегись? и как во всё это безобразие можно впасть?), но разве именно из нашего романа не известно моему читателю, что все читающие так называемую книгу книг совершенно не задумываются над той ахинеей, которой тут переполнена каждая страница?

Мозг бодягой фарширован,
где нелепостей полно:
разве можно верить слову,
что роди́лось так давно?

[132] Сир. 29:23 – прим. богослов. редактора

Когда наконец дверь сельпо отворилась, ленинец спешно юркнул внутрь, потом несколько секунд привыкал к полумраку, традиционно царившему в помещении, а затем огляделся, потому что заметил, что, как и практически каждый день, ассортимент продаваемых ушлой хозяйкой товаров оказался вновь пополненным новыми изделиями – для полноценного обеспечения нужд близживущих саксаульцев. Но Мусаич не успел как следует оценить новинки, потому что услышал за спиной диалог только что вошедших двух женщин:

– Слушай, даже не знаю, что делать! Я ведь на этом долбаном курорте залетела! Боюсь, как бы малыш с тёмной кожей не родился…

– А что у тебя муж расист, что ли? – рассмеялась в ответ подруга.

Ещё не выйдя из пелёнок,
спросил у мамы негритёнок:
– Ох, отчего ж такой я чёрный?
Я, что же, мама, беспризорный?

– В том, что ты негр, моя ль вина?
Ну, просто ночь была черна,
к тому же, в сумраке смолистом
работал папа трубочистом!

Но тут они, так же привыкнув к полумраку, заметили, что в магазине не одни, и Нуртай, который уже стал лелеять тайную надежду пополнить свою книгу компроматов, так и не услышал конец этого захватывающего приключения, но подумал, как же низко пали нравы простых людей после наступления в стране капитализма. Женщины сразу же отошли в сторонку – к полочке, на которой находились какие-то товары, в которых ни один мужчина ничего не понимал, а педагог наконец-то огляделся и стал замечать, что же нового появилось в лавке.

Во-первых, на первой же полочке стала красоваться пластиковая баночка с поразившим коммуниста налепленным на неё ценником:

Йогурт креативный
«Бычье молоко»

Во-вторых, рядом с «креативным» товаром россыпью лежали модные в этом торговом сезоне шоколадные яйца с каким-то тварями внутри. И, в-третьих, за этими яйцами, явно предназначенными для детей, немотивированно располагались пачки различных сигарет, но название их было написано мелко, а вот слово «Гангрена» – по недавнему распоряжению Минздрава Республики Саксаулия – крупно, а для наглядности даже была изображена чья-то волосатая нога с типичной гангреной от обморожения. Педагог пригляделся к страшной картинке и решил, что так бывает, если куришь голым на морозе!

Я, надеждой не согретый
(не подумайте, что вру!),
закурю-ка сигарету,
чтоб не мёрзнуть на ветру…

И, наконец, в-четвёртых, Мусаич почувствовал какой-то резкий запах слева от себя, и, скосив глаза, разглядел ко́льца колбасы, которой вчера в магазине не было. Подтверждал это и ценник, который утверждал, что название странной колбасы – «Новая». Плохо было только то, что от нового товара шёл отчётливый запах таблицы Менделеева. И если бы сейчас здесь оказался его идеологический враг Кулемзин, то он, вместо покупателя с партбилетом в заднем кармане штанов, мог бы прокомментировать появление этого товара такими словами: «Да, яйчики-бабайчики, при социализме колбасы почти везде не было, зато дешёвый портвейн был повсюду. Но именно он цементировал общество, а не диалектический материализм!»

Как же счастливы мы были
в нашем времени глухом,
где портвейн в подъездах пили,
сдав на «неуд.»[133] научком[134]!

[133] Студенческая двойка. Сокращение от слова неудовлетворительно – прим. автора
[134] Студенческая дисциплина времён социализма. Сокращение от слов научный коммунизм – прим. автора

А рядом с новой «Новой» колбасой, которая во все времена, начиная с адамовых, олицетворяла закуску, вполне логично стояли новые бутылочки крепкого спиртного: водка «Чисто конкретная» и, как понял грамотный педагог, псевдофранцузский коньяк, ибо на этикетке сосуда название «Camus»[135] было написано по-русски – «Камус»

[135] ***Читается «Камю» – фр.***

И уже на выходе, после того, как полтавцевская торба была наполнена пивным содержимым, Курманбаев заметил ещё одну новую полочку, которую не разглядел ранее, так как всё время стоял к ней спиной. На полочке рядком расположились коробочки с нарисованными на них косметическими тюбиками, а внизу – для разъяснения нового товара – красовалась художественно выполненная табличка:

Увлажняющий крем для юридического
лица для восстановления баланса
после налоговой проверки

Так что название только что прочитанной тобой, мой читатель, главы, то есть «О возвращении товарища», как видишь, имел сразу два смысла, ибо здесь было рассказано и о возвращении Талгата к жизни, и о возвращении Нуртая из продмага Калимы. Кстати, два смысла, как теперь стало ясно, имело и второе слово в названии, а именно *товарища*, ибо Курманбаев в силу своего идеологического воспитания был пожизненнным товарищем, тогда как вся остальная страна уже несколько лет именовала себя нелепым словом *господá*, а Батыршин был, есть и остаётся поныне товарищем – по игре в великую и несравненную *русскую кочергу*!

Что бы нам ни вещали с экрана:
где потоп, где другая беда,
каждый раз начинают с обмана,
что, мол, все мы теперь господа!

Глава 111. ИГРА ДОМ НÁ ДОМ

Но вот всё, как выражаются наиболее умные пролетарии из числа сторожей-охранников, *устаканилось,* а, значит, пришло в норму и порядок, значит, кризис наконец-то миновал, и теперь можно с полным чувством ответственности заняться любимой игрой. И вот

здесь Кулемзин вдруг придумал, как разнообразить немного напрягающую скукой игровую (прости, русский язык!) парадигму. «А что, если сыграть эту партию дом нá дом?», подумал он.

– Как это? – воскликнет сейчас мой читатель, – ведь домá слишком большие, чтобы ими можно было играть, как детскими кубиками, и вообще, при чём здесь карты?!

– А ты, мой дорогой читатель, не спеши, ибо объяснение последует буквально в следующей строке, – ответит автор. – Тот, кто уже прочёл эти четыре с половиной тома «Русской кочерги», должны бы помнить, что двое из игроков, то есть Кулемзин и Батыршин, проживали в доме № 17, а остальные двое, то есть Курманбаев и Полтавцев, имели прописку в доме № 16.

– Да, это так, – вновь вступит в полемику удивлённый читатель, – но как же все эти герои могут играть два на два, если *русская кочерга* – игра сугубо индивидуальная?

А вот именно в этом и был главный замысел Володи! Он хотел, чтобы при битве титанов не усиливались, как это стало случаться всё чаще и чаще, их самые отрицательные качества, а, напротив, даже при самых жестоких игровых ситуациях бермудские покеристы прежде всего чувствовали бы себя людьми – такими, как их задумал, но так и не смог сделать *дедушка*, то есть добрыми, сострадательными, милосердными, великодушными, доброжелательными, благородными, порядочными и даже в чём-то гуманными, а не такими, каким был, например, коммунист-педагог.

Будь за всё ты благодарен,
что наплёл библейский змей:
если дали тебе в харю,
сдачу ты давать не смей!

Уговаривать своих визави по покерной скамеечке долго не пришлось, хотя предложение Альбионыча вызвало разный резонанс в так называемых душах игроков: Нуртай поморщился, но вынужденно согласился, ибо начинать ещё один скандал перед игрой было неразумно, Серёжа полностью полагался на покерного гуру, так как до сих пор верил, что только Кулемзин знает все до единого правила в *русскую кочергу*, а какие не знает, то придумывает на ходу, но так играть становится только интереснее, а Талгат, кое-как восстановившийся от интеллектуальной комы, не понял ни слова из предложенного, но решил этого не демонстрировать, подумав при этом старым армейским трюизмом: «Война план покажет!»

Неожиданно *против* стал только неиграющий Валера, но его голос в зачёт не пошёл, но не потому, что он не играл, а потому, что художник так и не решился озвучить своё несогласие голосом, а только родил в не до конца отошедшей от похмелья тыкве, а если бы всё-таки озвучил, то вряд ли смог объяснить, чем именно предложение писателя его не устроило.

Я не буду колебаться –
вздёрнусь лучше-ка на крюк:
не устраивает, братцы,
этот мир меня. Каюк!

Перед игрой покерный гуру произвёл некую перестройку, а, вернее, пересидку, так что теперь па́рные игроки – например, Володя и Талгат, жившие в одном доме, сидели не рядом, как раньше, а через одного, то есть Нуртая и Серёжу. А чтобы было всё честно, Альбионыч сходил домой и принёс из кухни деревянную табуреточку, поставил её возле северного торца столика и усадил на неё Валеру – чтобы тот не мешал ни одной из сформировавшихся команд. После этой новации художник теперь постоянно смотрел в сторону магазинчика Калимы, что рождало в его голове демиурга разные мысли, хотя они все почему-то крутились около пивка.

Новые правила (только на одну игру) были таковы:

1. Надо было стараться не сажать своего игрока
2. Надо было стараться сажать чужих игроков
3. Надо было стараться ходить так, чтобы взятку мог взять свой игрок
4. Надо было просто стараться

Все остальные правила оставались теми же, что были прописаны ещё в са́мой первой книжке «Русской кочерги»[136]

Командир великий, Ave![137]
Мы в военном кураже
бьём врага без всяких правил –
по мордасам и по ж.!

[136] См. главу 35 «Суровая учёба» первого тома романа – прим. гл. редактора
[137] Славься – лат.

И вроде бы практически ничего не изменилось, но изменилось практически всё! И я, автор моего великого романа, утверждаю это с полным правом творца. Прежде всего, охранник, которому выпало сейчас ходить первому – хотя и одной картой, хотя и *втёмную*, хотя и трясущимися руками – вначале застыл, а потом решительно отложил карту в сторонку.

– Ты что, играть раздумал? – поинтересовался писатель, но на всякий случай активировал в голове кнопочку *safe*[138] – для фиксирования чего-нибудь интересного.

[138] Сохранить – англ.

– Нет, Володя, – ответил сторож. – Я просто подумал…

Затем он переждал дружный смех – от нелепого слова, после чего завершил:

– Я вот слышал, что когда какое-то мероприятие проходит, его главные участники пишут организатору какие-то ра́тиры. А у нас же организатор – ты.

– Может, райдеры[139]? – улыбнулся Кулемзин.

[139] Райдер (от англ. rider) – перечень условий и требований, предъявляемых артистом, музыкантом или творческим коллективом к организаторам выступлений. Полное выполнение всех условий райдера стороной организатора является необходимым условием организации выступления артиста или музыканта. В противном случае артист имеет полное право отказаться от выступления без возврата внесенной предоплаты и возмещения убытков организатора – прим. фин. редактора

– Ага, точно! – обрадовался Афанасьич.

– А у тебя что, такой райдер уже составился?

– А то! – довольно воскликнул предлагалец. – Во-первых, для хорошей систематической творческой игры мне необходимо не менее пяти бутылочек пива «Жигулёвского», во-вторых, закуски достойной: мяска там, рыбки немножко, сырку какого-нибудь иностранного…

На пеньке лежит ехидна –
лишь пол-мышки съесть смогла:
померла ехидна! Видно,
мышь несвежею была!

«Хорошо, что не фахитас[140] или сырные палочки с пастой веджимайт[141]», обрадовался организатор, после чего предложил Полтавцеву:

[140] Самое популярное блюдо мексиканской кухни, в состав которого входит обжаренная говядина, болгарский перец, красный лук, консервированная фасоль, перец чили, лайм и кукурузные лепёшки – прим. кулинар. редактора
[141] Традиционное австралийское блюдо, паста на основе пивного сусла – прим. кулинар. редактора

– Договор покажи!

– К-к-какой договор? – начал заикаться экс-текстильщик.

– На райдер твой, – сурово объяснил организатор мероприятия.

– Да что ты, Володя, это же была шутка юмора, каламбур с примочкой, прибамбас для развлечения, фишка для потехи, – от ужаса, что его сейчас вообще выгонят из игры, пролепетал несчастный Серёжа, после чего полез в свой потёртый *райдер* под названием котомка, откуда и извлёк всем по бутылочке – кому какую.

Прошу толпу унять аплодисменты
и слёз не лить, манишки теребя, –
столь высока ответственность момента,
когда являю публике себя!
Расправлю хвост в экстазе позитива,
плюю в глаза завистникам-врагам –
мой райдер прост:
шашлык,
четыре пива
и алый бархат, брошенный к ногам!

Глава 112. ИГРА ДОМ НА́ ДОМ (продолжение)

После этого драматического случая игра всё-таки началась. И новые правила, предложенные Кулемзиным, сразу же её усложнили. Во-первых, теперь надо было не просто ходить чем попало, как раньше, а думать, сможет ли твой партнёр по дому или забрать эту взятку или, наоборот, – в зависимости от заказа – скинуть её противнику. А противник в данной игре был везде, то есть справа и слева *от каждого* покериста!

Во-вторых, теперь надо было учитывать не только свой интерес, но и интерес твоего соседа по дому, а как это сделать, когда ты абсолютно не знаешь, какие карты ему пришли, а единственной информацией, которой ты владеешь на данный момент, это та, сколько взяток он предполагает взять в текущем роббере.

В-третьих, вот это повышенное внимание, умноженное на утреннее похмелье и возведённое в куб пригревающее тыквы игроков солнышко, страшно мешало сосредоточиться. Хотя с другой стороны, эти же факторы были как бы оправдывающими, если игрок сделал не только неправильный ход, но и откровенно глупый или дурацкий.

В голове стучит шрапнелью –
так, что не видать ни зги:
солнце жарит мне с похмелья
не колбаску, а мозги!

Но тяжелее всего, как это ни странно прозвучит для моего читателя, приходилось Володе, который такую игру только что изобрёл. Почему? Да потому, что к уже описанным сложностям у него была дополнительная функция – записывающего. Перед игрой он решительно заштриховал колоночки, помеченные буквами Б и П, то есть батыршинскую и полтавцевскую, и оставил только под буквами К и $К^{П}$, то есть свою и курманбаевскую (педагогическую), куда и решил вписывать коллегиальные победы и поражения.

Происходило это так: например, после очередного роббера на 8 картах по три взятки, которые, кстати, и заказывали, хапнули Талгат и Нуртай, сам Альбионыч тоже взял одну свою, а вот охранник, который посягал на три взятки, смог выиграть только одну. И вот тогда Кулемзин в первый раз своей земной жизни по-настоящему порадовался за то, что

марсианские предки вложили в его тыкву такое простенькое устройство, как специальный калькулятор – видимо, как раз для таких случаев! Включив калькулятор при помощи марсианской технологии *тръътръътръ*, писатель мгновенно получил результат, который и записал в означенные две колонки: команда до́ма № 16 получила 15 очков (нуртаевские 60 минус 45 серёжиных), а команда до́ма № 17 – 85 (талгатовские 60 плюс 25 володиных).

Над числом не причитаю,
поминая слово мать:
моментально я считаю,
сколько пива надо взять!

И всё же, несмотря на такие сложные мозговые препятствия, игра худо-бедно продвигалась – вначале к своей середине. К этому моменту сыгралось уже 10 робберов, и литератор понял, что безликие номера́ домов в названиях команд как-то не отражают весь накал борьбы, все страсти и волнения, которые игроки вкладывали в творческий процесс напряжённой битвы.

– А не дать ли, яйчики-бабайчики, нашим командам названия? – предложил он, сделав огромный глоток из своей бутылочки «Тянь-Шаня»

– А как, мать честная? – не понял Серёжа.

– Да просто, – объяснил предлагалец. – Например, у тебя фамилия Полтавцев, и ты играешь вместе с Курманбаевым, значит, слова́ в названии вашей команды должны быть или на ПК, или на КП.

– А-а-а, понял, – довольно протянул сторож. – Тогда пиши: «Предварительный Катализ» или «Конверсионный Параллелепипед»!

– Молодец! – иронически воскликнул старший по покерному столику. – А наша с Талгатом команда, по-твоему, должна называться или «Бетонный Куб», или «Коллапсирующий Битум»?

– А что, тоже неплохо…

В общем, споры продолжались какое-то время, пока все коллегиально не сошлись во мнении, что команда до́ма № 16 должна называться «Покерный Корпус», а до́ма № 17 – «БронеКалибр», хотя партиец и попенял, что получились слишком милитаристские названия, но обер-унтер-офицер Батыршин объяснил, что такие названия как раз и будут отображать волю к победе, то есть произнёс трюизм, слова́ которого, произнесённые по отдельности, имеют хоть какой-то смысл, а вот в совокупности не означают вообще ничего.

В делах военных страх неведом,
и перед нами брезжит свет:
без воли нет, друзья, победы,
а без победы – воли нет!

В общем, игра, с введением в которую новых данных, заметного толчка не получила, но всё-таки продолжилась, как, впрочем, и все остальные и́гры, с которыми уже ознакомился мой читатель на протяжении предыдущих томов.

К средней *тёмной*, которая действительно была средней во всей партии, то есть четырнадцатой по счёту, вперёд уверенно вырвалась команда «Покерный Корпус», хотя её члены постоянно переругивались между собой, так как Афанасьич свои индивидуальные наклонности по хаотичному бросанию карт на покерный столик не сменил, так же как не сменил своих пропадлючьих наклонностей и Мусаич. Впрочем, надо заметить, что именно они как раз и помогали сборной дома № 16 достичь успеха.

«Похоже, совесть этому Курманбаеву ещё в детстве ампутировали», возмущённо думал Володя, а вслух только бросался короткими репликами в сторону Нуртая типа «Стукнул бы я тебе по морде, да боюсь не достучусь!» или «Смотри, старичок, так ведь невзначай и озвереть можно – не заметишь, как шерстью обрастёшь!»

Как же он стереотипен
и хорошим людям чужд:
озверина много выпил –
озверел, как дикий уж!

Вот и сейчас, когда старший команды «БронеКалибр» заказал мизе́р, из уст нечестивого партийного прозвучало слово «Отменяю», причём, так громко, что пробегающие мимо дворовые дети испуганно вздрогнули, а для должного эффекта преподаватель еврейского колледжа даже взмахнул воображаемой саблей, как однажды это сделал композитор Гектор Луи-Жозефович Берлиоз[142].

От такой пакости Альбионыч не плюнул только лишь по причине Сахары во рту, хотя за мгновение до этого виде́ние двух джокеров, один из которых к тому же был старшим, немного согрело лягушку, лежавшую на душе́ писателя. И вот теперь оказалось, что согретая с такой любовью лягушка просто спрыгнула и ускакала в свои неведомые фаунические дали, видимо, для того, чтобы пополнить собой ещё одну страничку научно-популярной книги Альфреда Людвиговича Брема «Illustrirtes Thierleben. Eine allgemeine Kunde des Thierreichs»[143]

[142] Реальный исторический факт. Свою «Траурно-триумфальную симфонию» в трёх частях, или Опус 15, созданную в ознаменование десятой годовщины событий Июльской революции 1830 года, композитор исполнил на парижских улицах по дороге к Бастилии, одетый в мундир гвардейца, и дирижировал длинной саблей! – прим. муз. и ист. редакторов
[143] «Иллюстрированная жизнь животных. Общий очерк царства животных» – нем.

Глава 113. ИГРА ДОМ НА́ ДОМ (ещё одно продолжение)

Между тем на поле битвы продолжались нелепости, несуразности и даже комичные абсурдности. После средней *тёмной* выяснилось, что команда «Покерный Корпус» обошла своего противника на 145 очков. В контексте того, что была сыграна всего лишь половина партии, это, разумеется, было некритично, но всё же вызывало некоторые колебания организма у капитана «БронеКалибра», то есть Кулемзина. Хреново чувствовал себя и ведущий нападающий этой команды Батыршин, потому что совершенно не представлял, какую стратегию ему надо задействовать дальше: играть как *дедушка* на душу положит или же, имитируя суровые раздумья путём наморщивания лба, играть также, как было описано строчкой выше.

После принятых трёх рюмок
сам себе игрок сказал:
«Думай, брат, или не думай,
всё равно ты проиграл!»

И вот здесь неожиданно сработало старое знание марсианина о том, что Сука-судьба – дама настолько непредсказуемая, что порой не устаёшь удивляться её извилистым хо-дам – по головам тех наивных людишек, которые думают, что именно они эту свою судь-бу и делают сами. Всего один такой извилистый ход – и разница в 145 очков, о которых было

сказано на предыдущей странице, была ликвидирована! Не может быть! – восклик-нет мой читатель. Так не бывает! Такого даже представить нельзя!

Всё верно: представить нельзя, а вот объяснить можно, что автор сейчас с удовольствием и сделает. А началась эта короткая история с того, что, хорошо разглядев в пришедшем роббере сразу двух младших джокеров, большевик тут же, как и его покойный *патрон* Ильич I, задумал изменить ход истории или, говоря конкретнее, объявить мизе́р. Но как было передать своё решение члену команды «Покерный Корпус» Полтавцеву, плеймекер[144] не знал, а потому решил просто поиграть глазами – в надежде на то, что вингер[145] всё поймёт сам.

[144] В футболе: центральный полузащитник, дирижёр нападения команды – прим. спорт. редактора
[145] В футболе: левый полузащитник – прим. спорт. редактора

Опять облом! Всем прочим в назиданье,
для оправданья собственной зарплаты,
все собрались на общее собранье,
чтоб отыскать скорее виноватых.
Причину отыскали, но нескоро:
чему-то в жизни не дано меняться.
Есть что-то в футболистах от танцоров,
всё ясно – виноваты были яйца!

Увидев, что сидящий напротив него педагог семафорит ему глазами, Афанасьич страшно удивился, так как понял, что тот подаёт ему какой-то тайный знак, после чего начал «думать»: а что же это, царица лесная, означает? И не додумался ни до чего хорошего, а вот до плохого додумался быстро: после объявления Нуртаем мизе́ра он даже не стал внимательно смотреть свои карты, понадеявшись на капитана своей команды, и, так как ход был именно его, пошёл… сразу двумя картами!

Здесь уже удивились все остальные – причём, не только покеристы, но даже неиграющий живописец, а также играющие в *дурака* за соседним СС[146] пенсионерки, и к тому же дворовые дети, которые на мгновение перестали заниматься своим таинственным делом раскола земного шара ребячьими пятками. Не поверил своим глазам и записывающий Альбионыч, но поверить пришлось: на раскалённом покерном столике лежали сразу две карты, причём, одна из них была козырной трефовой дамой!

[146] Напомним, что эта аббревиатура означает Старушечий Столик – прим. гл. редактора

– Серёжа, – твёрдым голосом объявил он (Альбионыч, а не покерный столик), – извини, яйчики-бабайчики, но тебе за незначительное нарушение положен штраф – минус 20 очков в *раскладку*!

И это было так: все неигровые нарушения оценивались действительно в такую сумму очков, а вот игровые куда суровее – в 50 и даже 100!

– Как штраф? Какой штраф? – завопил охранник на доверии, после чего решил переложить вину на визави по команде:

– Нуртай, ты почему так плохо сигналил? Надо же было получше подмигивать!

– Да я… да ты что… да почему… – задохнулся от возмущения Курманбаев, подумав при этом: «Какой же он всё-таки придурок!»

– Что?! – вскричал писатель. – Так он тебе подмигивал?! Какой кошмар!

При звуке этого громоподобного голоса тело коммуниста сжалось, и он стал напоминать насмерть перепуганного Акакая Акакиевича Башмачкина[147], каким его изобразили иллюстраторы Кукрыниксы[148]

[147] Главный герой повести Н. В. Гоголя «Шинель», титулярный советник из Санкт-Петербурга – прим. лит. редактора
[148] Творческий коллектив советских художников-графиков и живописцев, в который входили Михаил Куприянов, Порфирий Крылов и Николай Соколов – прим. худ. редактора

– За подсказку – минус 100 очков! – ещё страшнее выкрикнул Володя.
– Пр-р-равильно! – подтвердила суровое решение сидящая на карагаче ворона.

Как тяжело свершившим преступленье
идти по этой маленькой земле.
«О, *дедушка*, прошу, мне дай прощенье, –
я не могу жить дальше в кабале!»

Надо ли говорить об итогах этого роббера? Конечно, надо: все взяли свои, кроме расстроенного таким *афронтом* Мусаича, который, несмотря на наличие двух *грандов*, умудрился недобрать одну взятку. И вот тут случилось то, о чём и говорил автор ещё в начале прошлой страницы 253, а именно: разница между противоборствующими командами была не только погашена, но «БронеКалибр» даже вырвался вперёд! А случилось это так:

Минус 20 очков – штраф Полтавцева
Минус 100 очков – штраф Курманбаева
Минус 25 очков – проигрыш одной взятки Курманбаевым
Итого: минус 145 очков!

А плюсом здесь было то, что Альбионыч заработал 60 очков на трёх заказанных взятках, к тому же 45 очков неожиданно взял член его команды Салихдзяныч, который и заказал-то всего две взятки на весьма слабых картах, но при наличии двух некозырных тузов, которые сработали оба! А Кулемзин даже вспомнил, и надо признать, к месту, цитату из одного своего любимого романа – «Похождения бравого солдата Швейка» Яросла-ва Йозефовича Гашека:

«Итак, слова Наполеона: «На войне ситуация меняется каждое мгновение», нашли здесь полное подтверждение – утром конвоиры вели под штыками Швейка и боялись, как бы он не сбежал, а под вечер оказалось, что Швейк привёл их к месту назначения и ему пришлось их караулить. Они не сразу сообразили, как обернулось дело, но когда, сидя на кухне, увидели в дверях Швейка с ружьём и примкнутым штыком, то поняли всё»[149]

[149] Ярослав Гашек «Похождение бравого солдата Швейка», часть 1 «В тылу», глава X «Швейк в денщиках у фельдкурата» – прим. лит. редактора

Наш Швейк не унывает,
поверьте, никогда:
«Подумаешь, стреляют, –
война и есть война!»

И хотя записывающий Володя уже внёс наказание в протокол собрания… тьфу, в покерную раскладку, Нуртай всё ещё пытался что-то объяснить, правда, неуверенно, тихо и со значением, словно находился в церкви. При этом он вертелся на скамеечке, поворачиваясь то к одному, то к другому игроку, словно ища поддержки, но нашёл её только у Му-

равлёва, который давно уже допил своё пивко, а потому непропорционально строго спросил педагога:

– Да что ж ты вертишься, как муж от сковородки?

Поняв, что сочувствия не дождётся, Курманбаев ещё раз оглядел всех по очереди, а потом улыбнулся горько и жалобно, – как одесская Мурка перед тем, как её зарезали бандиты.

Горько стало нашим уркам[150] –
каждый враз из них допёр:
продала бандитов Мурка –
за чекистский проднабор!

[150] Воры – феня

А автора и второй части этого пятого тома, и всего романа «Русская кочерга» в целом при этих последних словах аж перекорёжило, перекоробило, переклинило, переплющило и даже немного перекондубарасило. А почему? Да потому что именно в этом месте – поперёк глав об игре дом нá дом – внезапно возникла глава очередного Хронотопа под названием

Глава 114. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ (Хронотоп № 32)

Наш писатель хорошо понимал, что об этой знаменитой песне и её героях до него была написана масса статей и исследований. Но всё-таки, как и обещал своему читателю, решил сделать ещё одну попытку охватить необъятное. Прежде всего он вспомнил, что история Мурки – вполне реальная, и описывает один из эпизодов жестокой борьбы чекистов начала 20-х годов прошлого века с хорошо организованным уголовным миром Одессы-мамы. Здесь надо отметить, что в те годы Одесса почти полностью находилась во власти уголовников. После смерти Мишки Япончика ею стал руководить вор по кличке Бриллиант, а неоднократные попытки чекистов проникнуть в ряды его банды постоянно проваливались.

И вот тогда был придуман нестандартный способ. Пóмните, строку из песни «Прибыла в Одессу банда из Амура»? Хотя правильнее было бы взять слово Амур в кавычки – вот так: «Амур», ибо это было самое злачное место в городе Днепропетровске. Местные чекисты недавно переловили там всех уркаганов[150], и даже кое-кого перевербовали, обещая сохранить жизнь, а во главе новой псевдобанды поставили чекистку Марию Прокофьевну Климову.

И хоть он был в Одессе крупный,
и думал так, что на векá,
не знал коварный мир преступный:
главарь той банды – из ЧК!

И новая мощная банда вскоре обосновалась именно в Одессе. Вскоре ею (бандой, а не Одессой) было организовано несколько крупных успешных «дел», после чего Бриллиант отмёл сомнения и вступил с новичками в тесный контакт, а Маруся даже стала его гражданской женой, а заодно и правой рукой в бандитских делах. Но чекисты торопились, и поручили Климовой задание – провести работу по вербовке молодого активного вора по кличке Червень. И вот тут во всю эту криминальную историю вмешалось… обыкновенное человеческое чувство: Мария влюбилась в вора и стала уделять ему много времени. Бриллиант об этом, конечно, узнал, и стал от ревности просто бешеным. И однажды эти

эмоции взяли верх над рассудком: бандит выследил влюблённых, а потом выстрелами в упор убил Марию и ранил Червеня. Вот такая печальная история, мой дорогой читатель.

Но как же граждане Страны Советов (б) узнали обо всём произошедшем? А дело было в том, что в это время в Одессе жил некий поэт-сатирик, пишущий под пвсевдонимом Яков Петрович Ядов (подлинная фамилия – Давыдов), работавший в уголовном розыске. Кстати, именно его перу принадлежит почти вся классика блатной песни того времени, про которую все думают, что это народные песни: «Бублички», «С Одесского кичмана», «Гоп со смыком», «Цыплёнок жареный» и многие другие.

И вот наш поэт, узнав из милицейских сводок про эту историю, сразу же вдохновляется и пишет песню об этом факте. Вот её подлинный текст:

Здравствуй, моя Мурка, Мурка дорогая.
Помнишь ли ты, Мурка, наш роман?
Как с тобой любили, время проводили,
и совсем не знали про обман.
А потом случилось, счастье закатилось,
Мурка, моя верная жена,
стала ты чужая и совсем другая,
стала ты мне, Мурка, неверна.
Как-то было дело: выпить захотелось,
я зашёл в шикарный ресторан.
Вижу в зале бара, там танцует пара:
Мурка и какой-то юный франт.
Тяжело мне стало, вышел я из зала
и один по улицам бродил.
Для тебя я, Мурка, не ценней окурка,
а тебя я, Мурка, так любил.
У подъезда жду я, бешено ревнуя.
Вот она выходит не одна!
Весело смеётся, к франту так и жмётся,
Мурка – моя верная жена.
Я к ней подбегаю, за руку хватаю:
«Мне с тобою надо говорить!
Разве ты забыла, как меня любила,
Что решила франта подцепить?
Мурка! В чём же дело? Что ты не имела?
Разве я тебя не одевал?
Шляпки и жакеты, кольца и браслеты
разве я тебе не покупал?
Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая,
здравствуй, моя Мурка, и прощай.
Ты меня любила, а теперь забыла,
и за это пулю получай!»

И пару слов о мелодии. Это лёгкое танго написал молодой латышский композитор Оскар Строк, впоследствии ставший знаменитым и получивший титул «короля танго».

Но вернёмся на некоторое время к Марии Климовой. Оказалось, что будучи под кокаиновым кайфом, Бриллианту только показалось, что он убил Марию, но это было не так – она была тяжело ранена. И вот этим фактом воспользовались хитрые чекисты, которые рассекретили «Мурку» и даже устроили ей пышные похороны. И это был настоящий позор для уголовного мира!

А Климова выздоровела и затем всю жизнь проработала в *органах*, выйдя на пенсию аж в 1952 году. И уже в наше время на её родине в городе Великий Устюг отважной чекистке был поставлен памятник.

Но уголовный мир не мог смириться с таким проигрышем, поэтому вскоре на знакомую мелодию было написано несколько текстов, в которых агентша ВЧК уже выводилась глупой барышней, щеголявшей в кожаной тужурке (видимо, для того, чтобы все урки сразу же поняли, кто она такая), а вот бандиты были выведены бдительными и принципиальными, уничтожившими предательницу. Так первый вариант песни был забыт, и теперь во всех шалманах и малинах везде пели только о победе блатных!

Давно не видал я такой красоты –
валялись побитые кем-то менты!

Глава 115. ИГРА ДОМ НА́ ДОМ (почти окончание)

И вот теперь, когда противоборствующие команды сравнялись, а одна из них – под названием «БронеКалибр» – даже вырвалась немного вперёд, можно было подумать и о победе! Но, как это часто бывает в нашем романе, не все задумки автора приходят в творческое согласие с действиями наших героев, которые порой такое отчебучат, что, как говорила в интервью Пизанская башня, хоть стой, хоть падай!

До конца партии надо было сыграть ещё не менее 10 робберов, первые три из которых были на девяти, восьми и семи картах, а это значит, что число комбинаций из карт, которые будут держать в руках наши игроки, составляет около 10 миллионов, а, если точнее, то 9.871.324.019 комбинаций. Вот и подумай теперь, мой читатель, который сейчас с лёгкостью переворачивает страницу за страницей, каково приходится четверым героям этого тома, из которых трое похмельных, причём, один – полный придурок, другой – с пулей в голове, а третий – с полным собранием сочинений Ленина за пазухой! Именно поэтому Кулемзин, когда видел, как персонажи немного отвлекаются от игры, не ругал их за это, а относился с сочувствием и пониманием.

От читателя не скрою,
что, титан и исполин,
понимаю я героя –
ведь язык у нас один!

Вот и сейчас, когда был роздан роббер из девяти карт, участников учпучмакского сражения отвлекли сразу несколько факторов. По восточному катету Великого ▲, который одновременно предназначался как для пешеходов, так и машин, вначале прошли странный мужчина с ребёнком, а потом медленно проехала крутая иномарка. Но – обо всём по порядку.

Мужчина выглядел странным уже потому, что толкал перед собой коляску с… коробкой шампанского, а ребёнок шёл сзади него, ревел и говорил что-то типа того, что, папа, я устал. И тут наши герои услышали блестящий логический ответ отца:

– Дима, у тебя ножки есть, а у бутылок нет!

«Но так же нельзя, мать моя партия! Это непедагогично!», с возмущением подумал педагог, но вслух ничего не сказал, – чтобы не быть осмеянным родным коллективом.

Вслед за неполной семейкой, чтобы ненароком её не раздавить, медленно плелась шикарная «Porsche Cayenne», и игроки вместе с художником разглядели, что за рулём сидит не менее шикарная блондинка, а на заднем стекле автомобиля увидели надпись, которая, как выяснилось, объясняла всё:

Да-да, именно так я на неё и заработала!

40 лет пахал, как вол я,
но не смог купить я «Волги»!
Где мне взять нефтедобыч?
Лишь хватило на «Москвич»!

Увидев надпись, Курманбаев густо покраснел, Полтавцев гулко захохотал, Батыршин пробормотал что-то вроде того, что он как раз собирался об этом спросить, Муравлёв вытряхивал из бутылочки последние капли пива и не успел прочесть наклейку, и только Кулемзин спокойно нажал в своей голове кнопочку *safe*, чтобы потом не забыть вставить эту забавную историю в главу 115 пятого тома «Русской кочерги»

После этого игра была продолжена. Надо отметить, что явных лидеров в последующих трёх робберах не было, и этому было своё объяснение: команда «БронеКалибр», получив преимущество, не хотела его терять, а команда «Покерный Корпус», хотя и хотела догнать соперников, но осторожничала. Поэтому за ближайшие минут 7-8 практически ничего не изменилось, за исключением того, что в начале роббера на семи картах неожиданно поссорились игроки из «Покерного Корпуса». А дело было так.

Увидев пришедшие карты, Курманбаев с усердием взялся за своё самое любимое дело – начал рыть очередную волчью яму противникам, правда, забыв при этом, что один из соперников, а именно Афанасьич, сейчас является его сторонником и партнёром. И, когда сторож сделал первый глупый ход козырным тузом, который, к счастью, не смогли побить остальные, Мусаич неожиданно бросил поверх серёжиной карты младшего джокера и забрал взятку, не учтя того, что перед игрой его напарник заказал всего лишь две взятки.

– Ну что ж, яйчики-бабайчики, – пробормотал Володя, – оставим это на твоей так называемой совести, – а мысленно прибавил: «На которой клейма ставить негде…»

– Эх, рви провода, топчи фазу! – внезапно выкрикнул Полтавцев странную фразу, по всей видимости, из лексикона пьяных электриков. На его физиономии застыло выражение полной растерянности, как у малыша, потерявшегося в толчее городского ЦУМа.

Я стою, деревенея,
ведь кончина мне видна:
потерял в толпе детей я!
Что же скажет мне жена?

И тут Нуртай, желая оправдаться, начал вовсю кривить всеми фибрами своей нечистой души.

– Серёжа, мать моя КПСС, зачем ты сделал такой дурацкий ход?

Лицо охранника немедленно затвердело от обиды, а сам он передёрнулся, словно его внезапно пробило пьезоэлектрической индикатрисой[151].

[151] ***Ужас какой! – прим. гл. редактора романа «Русская кочерга»***

– Сам ты дурак, царица лесная, – парировал он. – Уж я-то точно разбираюсь, когда 01 звонить, а когда 02!

– Нет, ну подтвердите! – обратился преподаватель не только к Альбионычу и Салихдзянычу, но даже к неиграющему Николаичу.

– А как же я должен был сыграть, по-твоему? – с сарказмом, хотя он и не знал такого сло́ва, спросил уроженец деревни Семижопино.

– Во-первых, – начал загибать пальцы Нуртай, – ты должен был значительно улучшить организацию игрового процесса…

Здесь он прервался от объяснения, проводив взором ласточкой метнувшегося в бермудские кусты музыканта.

– …во-вторых, пора бы тебе уже начать крепить трудовую… тьфу, игровую дисциплину…

Педагог подождал ещё несколько секунд, так как почувствовал, что не сможет перекричать мощный блёв военного трубача, а Серёжа в это время беспомощно оглядывался по сторонам, словно бычок, которого на бойне огрели кувалдой *по первому разу*.

– …и, в-третьих, надо постоянно изыскивать внутренние резервы! Это-то хоть тебе понятно?

– Пон-нятно, – с сомнением качнул головой Афанасьич. – А внутренние резервы – это что? Куырдак[152], что ли7

Я на кухне, как в кошмаре –
истончился мой скелет:
требуху себе я жарю,
потому что мяса нет!

[152] Традиционное жаркое у саксаульцев из субпродуктов и лука. Название происходит от саксаульского слова куыру, что значит жарить – прим. кулинар. редактора

– Не спорьте, други мои, – терпеливо призвал их к порядку покерный гуру. – Замечу вам, что нет предела совершенству!

– Как это, святой Малевич? – удивился Муравлёв, который до этого полагал, что если он художник с высшим образованием, то понимает все русские слова.

– А так, что человек подобен гранёному стакану: он либо совершенствуется до хрустальной вазы, либо деградирует до утки под кроватью.

Здесь обладатель заветной книжечки «Для му.мы.» немедленно забыл обиду (на что, кстати, и рассчитывал писатель), выхватил её (книжечку, а не обиду) из котомки и нерв-но записал поразившее его открытие: «Если в компании тебе не дали гранёный стакан, то есть два выхода: или пить из хрустальной вазы, или из утки, если, конечно, данная пьянка происходит в больнице – для полного выздоровления больного товарища!»

К этому времени в коллектив вернулся временно командированный пакостями Нуртая прапорщик, которого ещё немного пошатывало от последствий командировки.

– Нет в жизни ёперного счастья! – хрипло заявил он, тяжело падая на покерную скамеечку.

– Эх, Серёжа, хорошо, яйчики-бабайчики, что ты не успел убрать далеко свой знаменитый на весь Отцеябловск блокнотик.

– А что такое, мать честная? – всполошился охранник, хотя тут же засиял от счастья – от оценки его будущего великого дневника жизни.

– Так что открывай его, внимай и записывай:

Так ли страшно, что нет в жизни счастья?
Задумайтесь: и до неё счастья не было,
и после неё не будет…

Мы, не бросаясь именами,
берём себе самоотвод,
ведь счастье умирает с нами,
но с нами не всегда живёт…

– Володя, а вот это *задумайтесь* – это ты кому, царица лесная, сказал? Я же здесь пока один твои мудрости записываю.

– А Зуля? – удивился афоризматик. – Неужели ты оставишь свою подругу помирать в невежестве?

– Да, в этой мысли что-то есть, – задумчиво проронил Муравлёв.

– В этой мысли, друг мой, есть только буквы…

– Точно, святой Малевич! – просиял художник. – Серёжа, запишешь?

Афанасьич автоматически раскрыл котомку, с которой в самый раз было скитаться по свету, а потом также автоматически закрыл её.

«Почему?», взором вопросил его Валера.

«Про буквы писать не буду!», также взором ответил ему сторож.

Проглотив тарелку брюквы,
вспомнил я один завет:
«Мысли – это те же буквы,
что остались в голове!»

Глава 116. ИГРА ДОМ НА́ ДОМ (ещё одно почти окончание)

Но вот пролетели робберы, которые с каждым из них становились всё короче – на 6, 5 и 4 картах. До конца игры дом на́ дом оставалось всего ничего, и Курманбаева страшно мучило то, что он чувствовал проигрыш своей команды. Нет, разумеется, он-то как раз играл просто блестяще, но вот с напарником, которого по жизни угораздило быть ещё и его соседом, как-то не повезло. При очередном афронте Афанасьича педагог начинал шипеть от недовольства, словно сода в мокром стакане, при этом добросовестно выполняя роль свиноподкладывателя для противоборствующей команды дома № 17.

– Серёжа, ну когда же ты поумнеешь? – время от времени задавал он бессмысленный вопрос главному аутсайдеру своей команды «Покерный Корпус», а Альбионыч каждый раз внимательно прислушивался к интонации, с какой это было сказано. И не просто так: за долгие годы игры Володя научился распознавать, что скрывается за той или иной интонацией, и даже за тем или иным жестом, – как опытный ювелир с поразительной точностью определяет чистоту драгоценного камня.

Вот и сейчас после очередного вопроса Мусаича он почувствовал, что тот явно блефует. Писателю стало тошно до сведения скул, но в открытую показывать своё состояние означало выдать его. Поэтому он решил ограничиться невинным замечанием, а потом посмотреть, какая на него будет реакция:

– Не лезь в волки, Нуртай, коли хвост собачий!

– Сам придумал? – скривил губки партийный.

– Нет, именно так гласит мудрая пословица моего марсианского народа, – объяснил марсианин.

Прочитал в одной брошюре
мысль такую – просто жесть:
«Коль надел собачью шкуру,
в волки с нею ты не лезь!»

– Что-то я перестал верить в твоё марсианство, – неожиданно оскорбил его недоверием Курманбаев.

– Мать твою послом в Зимбабве! – воскликнул обиженный литератор и на всякий случай пригрозил:

– Смотри, умножу на ноль!

Здесь большевик обманул коллектив ещё раз – он нарочито испуганно охнул, невнятно пробормотал какое-то незначительное извинение, а потом, лавсаново улыбаясь, лекально изогнулся. И тут все поняли, что очередная пакость – не за горами, а Кулемзин решил, что сейчас настало самое время блефануть самому, чтобы сбить настрой противника. Он ещё раз внимательно осмотрел пришедшие карты и как бы задумчиво промолвил:

– Да, жизнь прекрасна, когда в ней много вариантов…

«Что бы это значило, мать моя партия?», подумал первый из его противников.

«Что бы это значило, царица лесная?», подумал второй из его противников.

«Что бы йодистое это значило?», подумал его главный соратник на эту партию.

«Да когда же они, святой Малевич, всю эту *херомантию* закончат?», подумал не противник и не соратник.

Ох, как же мало инвестиций –
не время с этим нам шутить:
кончайте, братцы, в карты биться –
пришла пора пивко попить!

А покерный гуру решил окончательно добить впавшего в депрессию – от непонимания ситуации – Нуртая, и, подмигнув Полтавцеву, со значением произнёс:

– Запомни, старичок: на хитрую гайку всегда найдётся болт – с лазерным прицелом!

Поняв подмигивание Володи как приглашение к фиксированию мудрой мысли, охранник тотчас достал из котомки заветный блокнотик «Для му.мы.» и торопливо накаракулировал: «Лазерный прицел устанавливается только на те снайперские винтовки, которые могут прикрепить его к себе с помощью болтов и гаек!»

После слов писателя Мусаич побледнел ещё больше, чем до этого, и его лицо несколько перекосила кривая улыбка, да так, что Альбионычу даже стало немного жаль коммуниста, хотя он клетками подкорки головного мозга и осознавал, что всё это отрицательное поведение – всего лишь защитная реакция на происки Нуртая, и мозг просто пытается рефлекторно от них защититься, но понимал это неосознанно, а сознательно ему просто хотелось набить педагогу рожу.

– Смотри, Нуртай, – повторно пригрозил он Курманбаеву, – вот как напущу на тебя ЦУНАМИ, будешь знать!

– Подумаешь, – не испугался преподаватель еврейского колледжа. – Да эти цунами до нашего Отцеябловска никогда не долетали, они всё больше по Японии проходятся.

– Так это, сынок, цунами, а я-то произнёс другое слово.

– Какое? – заинтересовался Серёжа, который, как успел заметить мой внимательный читатель, вообще интересовался всякой ерундой – для общего развития.

– А вот такое:

Центр
Управления
Налётами,
Артобстрелами,
Минными
Инсинуациями

– Да ну тебя! – возмутился педагог. – Не испугаешь!

– Ну-ну, – покачал головой Альбионыч. – Смотри: я тебя предупредил.

При этих словах взор Володи похолодел градусов на 200[153].

[153] ***Разумеется, по Фаренгейту – прим. науч. редактора***

Такие робберы с небольшим количеством карт играть было, с одной стороны, легко, а с другой, как раз трудно. И вот почему: легко – потому что из-за малого количества карт значительно уменьшались и возможности игроков *подняться* в конце игры, а, следовательно, все старались осторожничать, а трудно – тоже из-за этого же!

Наконец Салихдзяныч подумал, что обычно несвойственно старшим прапорщикам, и сделал первый ход, прокомментированный Володей следующим восклицанием:

– Хруст победы, раздавайся!

А дело было в том, что Альбионычу, которому и так, честно говоря, везло в этой партии, именно сейчас пришла довольно сильная карта – старший джокер, три козыря и *чужой* туз, то есть все 6 карт были достойными для того, чтобы в случае блефа посадить команду противника. Плохо было только одно: при первом ходе Талгата последним заканчивал взятку Серёжа, а от него можно было ожидать чего хочешь и особенно не хочешь!

«Дел куда ты капиталы?»,
допросился он женой,
но дурак стоял стеной –
с дурака ведь спроса мало,
если он к тому ж немой!

И вот как раз такое и приключилось: трубач пошёл младшим джокером, надеясь, что его никто не перебьёт, заказав при этом *по старшим козырям*, педагог вынужденно сбросил козырную даму, Володя, разумеется, не стал перебивать своим старшим джокером заказ своего напарника по игре, а вот сторож, как и предполагал совсем недавно литератор, забрал всё это покером.

– Молодец, Серёжа, – сияя, похвалил его Курманбаев.

Альбионыч вначале горько резюмировал:

– Впал в озверёж, – а затем вопросил:

– Ты что, в «Зарницу»[154] в детстве не доиграл?

Развитья глазомера для
(ведь каждый максимален!)
«Зарницу» нынешнего дня
пейнтболом мы назвали…

[154] ***Пионерская военно-спортивная игра в СССР (б), представлявшая собой имитацию боевых действий, похожую на военные учения – прим. ист. редактора***

И вот здесь, как это бывало уже не раз, назрел, как фурункул, конфликт, и тут же лопнул: Салихдзянычу, который к концу партии оказался на последнем месте, то есть даже позади Полтавцева, показалось, что в только что сыгранном роббере на трёх картах нечестивый педагог бросил не ту карту, а забрал взятку, как будто кинул ту! Что это означало, никто не понимал, но конфликт надо было как-то останавливать в зародыше, тем более, что от предъявляемых обвинений в адрес Нуртая рожа старшего прапорщика стала вытянутой, как татуировка на груди древней полинезийки, сделанная 51 год назад, и от этого всем присутствующим за покерным столиком сделалось как-то неуютно.

И тут Кулемзин с лёгкостью брандмейстера погасил конфликт, неожиданно обратившись к Афанасьичу:

– Серёжа, ты давно хотел у меня что-то спросить. Так вот знай, яйчики-бабайчики, что это время пришло.

– И правда, – обрадовался охранник, но тут же стал серьёзным:

Глава 117. ИГРА ДОМ НА́ ДОМ (окончание)

– Володя, а вот как оказывается, мать честна́я, что у тебя всегда покер, а у меня только джокер, да и тот младший?

– Понимаешь, сынок, – вложил в ответ теплоту отцовского сердца Альбионыч, – тут всё не просто. Зачем, например, встречаются кот и кошка? Ведь не для того же, чтобы обменяться блохами! Вот так и в картах…

– Какие блохи? – обалдело переспросил сторож. – При чём здесь блохи?!

– Ладно, давайте повременим с паразитами, – предложил писатель. – И вернёмся к нашим баранам…

Тут все снова посмотрели на Афанасьича, а Батыршин особенно пристально, так как понял, что из-за серёжиных блох и баранов напрочь забыл, о чём так горячо сейчас спорил то ли с Валерой, то ли сам с собой.

В неизменном разговоре,
словом-шашкою рубя,
сам с собой всегда я спорю,
побеждая сам себя!

Искорками ночного костра пролетели последние короткие робберы и, наконец, Курманбаев сдал всем по 12 карт – для завершающей игры на последней *тёмной*. Общекомандный зачёт к этому времени составил: у команды «БронеКалибр» в сумме набралось 1127 очков, а вот у их соперников, то есть команды «Покерный Корпус» – всего 988. И вот эту разницу в 139 очков и задумал погасить Мусаич, но сообщить о своём решении он не мог даже напарнику по команде, так как не знал, сочтёт ли это *записывающий* Кулемзин за подсказку.

– А какая у нас разница, Володя? – словно прочтя мысли педагога, как какой-нибудь Кашпировский, неожиданно поинтересовался охранник.

– 139 очков, – ответил литератор.

– А это много или мало? – не унимался уроженец деревни Семижопино.

– Ну, если догонять одному, то много, а вот если Viribus Unitis[155], то, может, что-то и получится.

[155] Объединёнными силами – лат. Девиз, который сформулировал Иосиф Эрнстович фон Бергманн, учитель сыновей австрийского эрцгерцога Карла Леопольдовича Тешенского – прим. ист. редактора

– Так где же я того Вырублюса возьму? – расстроился Полтавцев. – У меня в команде, царица лесная, только один член есть…

– …да и тот член КПСС (б), – под смех остальных дополнил Альбионыч.

– Ну, знаете ли! – воскликнул член КПСС (б). – Это, мать моя партия, просто переходит всякие границы!

Я попал совсем случайно
в некое бессвязное:
перешёл границу тайно!
Оказалось – разума…

Альбионыч, не сомневаясь в исходе партии, заказал четыре взятки и выразительно посмотрел на Талгата, который тут же занервничал, потому что не смог отгадать, что же означает этот взгляд. «Может, он хочет сказать, что мне тоже надо заказать четыре?», заметались мысли в его военной голове. «А, может, он считает, что общее количество нашихзаявок должно быть, как в сказке, семь? Или в сказках разных народов счастливое число разное?»

– Три, ёкарная сказка, – решительно произнёс музыкант и уловил ещё один взгляд литератора – на этот раз изумлённый.

«Неужели этот трубач с погонами правильно понял меня», подумал Кулемзин, «что нам надо было в сумме заказать, как в сказке, семь взяток?»

Поняв, что его команде враги оставили *на круг* всего 5 взяток, преподаватель информатики страшно расстроился – сразу по двум причинам: во-первых, он не знал, что ему сейчас делать, и, во вторых, его напарник Полтавцев вместо того, чтобы собраться и дать решительный отпор «БронеКалибру», сейчас ухмылялся, веселясь неизвестно чему.

В голове коль нет защёлок,
и мозги как лабиринт,
наш дурак всегда весёлый –
для печали нет причин!

«А, может, у него сильная карта?», осенило Курманбаева. «Хотя, как он может об этом знать, когда они всё ещё перевёрнуты лицом вниз? Тогда что?». И всё-таки он решил рискнуть и заказал аж пять взяток, а придурок Афанасьич, глядя на такое буйство риска, заказал аж шесть, после чего даже не сыгравший в своей жизни ни одной партии Муравлёв понял, что добром это не кончится!

А автор этого то́ма, написав предыдущую фразу, где мелькнуло слово *добро*, решил оставить на память своему дорогому читателю ещё один афоризм, коими уже и так переполнено наше повествование, так что одним больше, одним меньше…

Добро должно быть не только с кулаками,
но и с руками. А то кулаки без рук
смотрятся довольно жутко!

И вот, наконец, все открыли карты и начали пристально в них вглядываться, в тайной надежде ища *гранды*. И кое-кто их нашёл, что сразу же отразилось на лицах счастливчиков. Их оказалось двое: Володя и Серёжа, правда, сторожу, который сделал такой огромный заказ, пришлось призвать на помощь всё своё воображение, которого у него отродясь не было, чтобы сделать то, что он хотел. А хотел он только одного – чтобы эта дурацкая партия закончилась как можно быстрее, и можно было взять в магазинчике пивка и насладиться одним из последних тёплых предосенних деньков.

Набегает вдруг усталость,
нас к бутылочке маня:
нам до осени осталось
2,5[156] дня!

[156] Для людей без воображения: два и пять десятых – прим. гл. редактора

Первым ходил писатель, и он не стал делать вид, что с детства является примерным мальчиком, помогающим старушкам переходить через дорогу. С такими сильными кар-

тами Володя сейчас получал от игры удовольствие слабое, – такое же, какое ведомо лишь гроссмейстеру с мировым именем, вынужденному проходить крайне жёсткую предматчевую *квалификацию*.

– По мизерам! – жёстко произнёс он, бросая на столик покера. «Ну, ты мне ответишь, яйчики-бабайчики», подумал он при этом, глядя на партийца, «за все неоплаченные счета Ленина в цюрихском борделе «Heiße Mädchen»[157]

[157] «Горячие девочки» – нем.

Именно в эти секунды решалась Сука-судьба партии. Все напряглись, и только Талгат сидел равнодушно, будто речь шла о поставках партии отечественного сукна для военных штанов, а причина его спокойствия была в том, что он с этого момента решил больше никогда не расстраиваться, а играть только для того, чтобы заполнять вынужденные паузы между приёмами пивка «Маршал»

Знают дети у меня
и жена больная:
мы играем, пиво пья,
пиво пьём, играя!

После четырёх первых сыгранных взяток выяснилось, что Афанасьич умудрился взять уже две из них, и сейчас храбрился, мечтая о том, что осталось выиграть всего ничего.

– Молодец, старичок! – похвалил его покерный гуру.

– Да уж, мать честна́я, есть ещё песок в пороховницах! – похвалился сторож.

А вот после этой похвальбы строптивая Сука-судьба, а также её непутёвые родственницы Пруха, Пёрка и Везуха отвернулись от сторожа, и до са́мого конца последнего роббера ему не удалось выиграть ни одной взятки. Но он, как и его сосед по покерной скамеечке Батыршин, расстраиваться не стал, правда, по другой причине, выразившейся вот в такой мысли: «А ну её вообще на́ хрен, такую жизнь!», а вслух рассудительно заметил:

– Когда облом в полный рост, митрофанить без мазы!

Язык, на котором это было произнесено, педагогу был неизвестен, хотя вроде бы и состоял из русских слов, и он с досадой отметил, что, кроме него, остальные этот неведомый язык прекрасно поняли.

Но вот доигрались последние взятки, и игроки принялись за подведение печальных и непечальных итогов. Печальными итоги стали, как и предполагалось ранее, для команды «Покерный Корпус», которая мало того, что не смогла догнать соперников, так ещё и откатилась назад – на общие 270 очков! А непечальные итоги с удовольствием вслух огласил *записывающий* Альбионыч, который доложил своему напарнику по команде «БронеКалибр», что они оторвались от Мусаича и Афанасьича аж на 409 очков!

В память бабушек и дедов,
сделав не один бросок,
«Убедительна победа!»,
убедил меня игрок.

– Ну, и чего вы пригорюнились, Ваше Прискорбие? – весело поинтересовался марсианин сами знаете у кого.

– Ты всегда думаешь только о себе, – горько ответил коммунист.

– А что делать, если у меня только я и есть, – ещё веселее ответил Кулемзин.

– Я отомщу, мать моя партия, – еле слышно прошептал Нуртай, побледнев так, что выглядел сейчас словно негатив Нельсона Гадловича Манделы[158]. Раздражение прошло по его

лицу тенью серпа и молота, затем к нему внезапно вновь прилила кровь, отчего педагог стал похож на спелую вишню.

– Изображаешь из себя графа Монте-Кристо? – улыбнулся Володя.

[158] ***Южноафриканский государственный и политический деятель – прим. ист. редактора***

Глава 118. ПУТЬ В ЛОГОВО ДРУГА

Внезапно в кармашке его марсианской рубахи протренькал телефонный звонок. Альбионыч достал аппарат, сказал *алло* и по традиции включил громкую связь, так как полагал, что ему нечего скрывать от тех, с кем он сроднился на почве *русской кочерги*. В раздавшемся голосе литератор узнал свою подругу Стеллу по фамилии то ли Кудряшкина, то ли Энгельгардт, навещавшую его в третьем томе нашей книги[159].

[159] ***Роман «Русская кочерга», том III, глава 227 – прим. гл. редактора***

– Милый, – промолвила она медовым голосом, – а тебе не кажется, что пора переехать?

– Кажется, – с готовностью отозвался телефоновладелец. – А кого?

– Дурак! – взвизгнула подруга и тут же отключилась.

Всё опять идёт по кругу,
снова надо начинать:
переехал я подругу –
надоела лет за пять!

И в то время, когда он хотел было водворить аппаратик на место, раздался повторный звонок. Володя глянул на определившийся номер, нажал соответствующую кнопочку и уверенно произнёс:

– Васюхан, яйчики-бабайчики, ты чего?

Свою телефонную претензию Васюхан решил начать с некоей отрицательной частицы русского языка.

– Не, ну вы где? – вопросил он. – Я вас жду, жду…

– Да мы только что доиграли партию, – доложил Володя.

А Серёнька Афанасьич в это время сообразил, что писатель сразу же после звонка назвал абонента.

«Как он велик, мать честна́я!», подумал сторож. «Я за свою многотрудную пролетарскую жизнь никогда не видел человека, который определяет, кто ему зво́нит, по самому́ звонку…». И так ему стало горько от этих мыслей, да к тому́ же он вспомнил, что Кулемзин уже не раз поправлял его, говоря, что не зво́нит, а звони́т, что кушать захотелось ещё больше.

– Кушать хочется, царица лесная, – поведал он свою беду художнику.

– А до́ма, в холодильнике? – индифферентно поинтересовался Валера, которому хотелось жрать не меньше.

– А до́ма, мать моя партия, – встрял в чужой разговор педагог, – как выражаются интеллигентные люди, у него мышь повесилась!

– Да нет, – внимательно поглядев на друга, встрял в чужой разговор ещё и Салихдзяныч. – Здесь, по-моему, всё намного хуже. Серёжина мышь умерла с голоду, а вот её по-ка ещё живые ёкарные подруги сымитировали ёперное самоубийство! – после чего гулко и утробно захохотал.

Полезла мышка в холодильник –
хотела сыр она поесть,
но как открыла лапкой дверцу,
в петлю собралась подзалезть!
Пустой, однако, холодильник –
шаро́м в нём прямо покати:
не то что сыр, но даже лука,
фонарь включивши, не найти!
Всплакнула мышка, взяв верёвку,
и дверь тихонечко закрыв,
повесилась тогда от горя,
утратив в жизни позитив…

А что же Кулемзин? Он, не обращая внимания на разыгравшуюся жанровую сценку, быстро поговорил с Васюханом и узнал, что тот уже сходил на первый этаж, хотя жил на третьем. Альбионыч даже не успел подумать, что ему делать с такой важной информацией, но тут хозяин квартиры объяснил, что у него на первом этаже находится кулинария, которая его очень выручает, так как после двух разводов с двумя жёнами он так и не научился готовить, а вот два по́вара, которые работали в кулинарии, разбирались в кухне заметно лучше него.

– Хорошо готовят, собаки, – подтвердил он мастерство неизвестных писателю людей, правда, обозвав их не совсем по-человечьи.

Повара – такие суки:
у них руки так уж руки, –
приготовят нам бамбуки
без ленивости и скуки!

– И что же ты принёс с этого весёлого продуктового склада? – поинтересовался он у старшего джуса.

А мой внимательный и догадливый читатель уже наверняка понял, что́ именно. Да, конечно же, курицу! И пусть не думает читатель-россиянин, что в Республике Саксаулия внезапно прошёл мор на животных с красным мясом, просто автор, будучи писателем-бытописцем, просто не может позволить себе отойти от истины даже на 1 мил[160].

[160] Мера длины в английской системе мер, равная 0,0254 миллиметра – прим. науч. редактора

– Ну что, други мои, – поднялся покерный гуру с покерной же скамеечки, – по-моему, как учат индийские йоги, освобождённые от гнёта британского империализма, пора́ проветрить свои чакры!

Он встал и твёрдой походкой направился в сторону своего до́ма, оставив сопокерников и живописца в недоумении. Хотя всё было довольно просто: ну, не мог же Володя поехать к товарищу в гости в старой, пропитанной картёжно-игровым по́том, рубашке!

По дороге к своему подъезду литератор по старой писательской привычке подмечать нюансы, заметил, что на улице так хорошо пахнет зеленью, что ему даже показалось несколько странным, что *платёжка* за вдыхание этого воздуха ещё не лежит в его почтовом ящике. Войдя в подъезд, он на всякий случай проверил своё предположение, но бумажки с описанием его коммунальных долгов перед государством в почтовом ящике действительно не было.

Каждый раз весьма кайфуя,
скушав анальгин,
государству отдаю я
старые долги…

Правда, ради истины надо сказать, что был Кулемзин в своём Личном Место-Имении, как он филологически называл ареал проживания, недолго, сделав буквально четыре коротких дела: во-первых, надел свежую рубашку цвета ветра, колышущего бамбук влунном свете, во-вторых, пополнил личную кассу в виде левого кармана этой са́мой рубашки, причём, хорошо, что такого пополнения не видел Курманбаев, а то не миновать бы ему инфаркта, так как Володя вместе с назарбаксами положил в кармашек некую серо-зелёную купюру, а вот какую и зачем, мой любопытный читатель узнает уже очень скоро. В-третьих, в левый карман штанов покерный гуру засунул новенькую колоду карт, а вот какую именно, мой читатель узнает чуть попозже – в главе 140. И, наконец, в-четвёртых, владелец волшебной квартиры аккуратно завернул что-то в плотный пакет и взял его под мышку.

Затем он запер квартиру, вышел из подъезда и сделал один короткий звонок – всё тому же Митрохину, как бы совершая виртуальный ответный визит.

– Группа Оперативного Выяснения Невыясненных Обстоятельств на выезд готова! – доложил он Васюхану о своих намерениях по поводу доставки коллектива к товарищу, затем ещё раз уточнил адрес, отключил телефон и подошёл ко всё ещё недоумевающим бермудцам, недоумение которых возросло ещё больше, когда они заметили таинственное переодевание гуру.

Нет, не в одежде наше счастье –
мы с вами прячемся под ней:
одежда мало чем нас красит,
а красим мы её, скорей!

– Володя! – воскликнул Афанасьич, заметив новую рубашку своего друга.

– Я! – по-прапорщицки откликнулся друг.

– Ты что, мать честна́я, собрался в кино? – задал глупый вопрос бывший текстильщик, ибо всего его воображения хватило на то, что люди одеваются красиво только ради похода в тёмный зал кинотеатра.

– Нет, Серёжа, – горячо воскликнул литератор, – мы пойдём другим путём! А, может быть, даже и поедем…

Глава 119. ПУТЬ В ЛОГОВО ДРУГА (продолжение)

Нуртай неприязненно взглянул на писателя, ибо ему слишком хорошо были известны эти слова, которые, по мнению историка Кулемзина, когда-то завели огромную страну в непроходимые дебри антигуманизма.

– Да-да, именно другим путём, как говорил великий Ленин, когда ещё не был великим, – подтвердил его опасения Альбионыч. – Да и Лениным на тот момент он тоже не был – так, студентом-недоучкой Ульяновым…

Наш педагог в народе ценится,
в чём невозможно усомниться:
любой его соратник ленится,
а он всё время *ленинится*!

– А тогда куда? – заинтересовался Муравлёв. – И, главное, святой Малевич, на чём?

– Точно! – Писатель хлопнул себя по лбу, вытащил из кармана штанов помятую визитку, которую уже успел оценить мой читатель[161], сделал громкую связь в своём телефончике и стал набирать заветный номер. Он хорошо помнил, как вчера[162] дал одному водителю клятву, что покерная хевра будет пользоваться только его автомобилем.

[161] Об этой визитке – в четвёртом томе «Русской кочерги», в главе 181 – прим. гл. редактора
[162] Об этой клятве – в четвёртом томе «Русской кочерги», в главе 182 – прим. гл. редактора

Наконец соединение было установлено, и вот что услышали обалдевшие от этого разговора знатные учпучмакцы:

– Хераклиуси, чеми мегобари, эс шен хар?

– Вах, да эс шен хар, диди метсниери!

– Састс'рапод модит гушиндел мисамартзе, арис самушао!

– Ра ткма унда, дзвирпасо, ахла ме момтс'онс – рогортс кари![163]

[163] – Ираклий, друг мой, это ты?
– Вах, а это ты, большой учёный!
– Приезжай срочно по вчерашнему адресу, есть работа!
– Конечно, дорогой, сейчас буду – как ветер! – груз.

– Это фамилия его? – «догадался» Полтавцев.

– Кого? – не понял полиглот.

– Ну, грузина этого вчерашнего, – на этот раз почти правильно догадался сторож.

– А откуда ты его фамилию знаешь? – удивился марсианин. – Её даже я не знаю!

– А вот ты только что сказал – Мисамардзе.

После этого наступило досадливое молчание, которое длилось не меньше чем минут 15, периодически прерываемое только активной деятельностью дворовых детей, которые летали по территории Бермудского Учпучмака горячо и искристо – как шаровые молнии.

Но вот со стороны улицы Жубанова неожиданно раздался звук автомобильного гудка, и все поняли, что грузинский таксист уже приехал как ветер, как, впрочем, и обещал.

– Наконец-то, царица лесная, – проворчал Афанасьич.

– Лучше медленное такси, чем скорая помощь, – поправил его писатель.

Спешит такси, в кабине чисто, –
ну, что ж, удачи, по газам!
Такое дело у таксиста –
возить людей по адресам…

– Так куда мы? – сурово поинтересовался военный музыкант. – Надеюсь, хотя бы не на своих йодистых двоих?

– К Васюхану, яйчики-бабайчики, на такси, – объяснил Володя. – Встаём!

К тётке Грушке
на галушки?

– А, ну тогда другое дело! – согласился Батыршин и даже помог сначала Альбионычу – собрать с покерного столика карты, ручку и *раскладку*, а потом Серёже – запихать всё это добро в его походный хурджин.

– А пиво, мать моя Октябрьская революция?! – воскликнул Мусаич.

– По дороге возьмём, – принял мгновенное решение организатор похода. – Итак, вперёд, – к нашему географическому соседу.

– Как это, царица лесная? – удивился охранник.

– Да так, – объяснил Кулемзин. – В одном городе живём!

Наконец вся покерная хевра с одним сочувствующим мысленно попрощалась с Великим Треугольником, не зная того, что знает автор сего романа, а именно, что вновь увидеться с родной территорией им доведётся только через 59 глав. Затем ГРУ[164] достигла проезжей части улицы Жубанова, где благополучно погрузилась в кавказский минивэн. Дорога не заняла много времени, тем более, что сидящие сзади игроки и художник развлекались тем, что слушали задорную песню юности Курманбаева:

[164] Группа Рискованных Увлечений - прим. автора

«Держись, геолог, крепись, геолог,
ты ветру и солнцу брат!»

, а Серёжа и Валера с двух сторон зажимали талгатовские уши – с тем, чтобы сохранить автомобиль Ираклия до конца поездки в чистоте.

Правда, на несколько минут военные уши пришлось отпустить, но зато писатель и сторож взяли с собой педагога – в магазин, который встретился им по дороге, где они и затарились пивком в безразмерное чрево полтавцевской котомки.

Наконец, такси прибыло по указанному адресу, и Володя тепло простился с шофёром, отдав ему на долгую-долгую память пять долларов, при этом почему-то назвав смятую купюру *абрашей*[165] – вот такую:

[165] На лицевой стороне купюры изображён портрет 16-го президента США Авраама Томасовича Линкольна – прим. фин. редактора

Глава 120. ПУТЬ В ЛОГОВО ДРУГА (ещё одно продолжение)

А прибыла группа товарищей по *русской кочерге* в один из дворов на проспекте Достык[166]. В недавние времена он носил имя вождя мирового пролетариата, из-за которого негры[167] преклонных годов всерьёз опасались, что их заставят учить русский язык.

[166] Дружба – сакс.

[167] Это слово, как ошибочное, мой компьютер сразу же подчеркнул красной чертой, а на просьбу объяснить, в чём же ошибка, выдал якобы правильный вариант, причём, с прописной буквы: Мегры. Правда, значение этого варианта не смогла дать Википедия! – прим. автора

Прибывшие озирались по сторонам, словно приехали не почти в центр Отцеябловска, а на окраину Нью-Йорка, куда за последнее столетие не ступала нога ни одного саксаульца. Васюханский двор составляли четыре до́ма крупнопанельно-советского конструктивистского стиля, или, чтобы было проще понять моему читателю, безликие до рвоты четырёхэтажки. В этих серых панельных домах, будь то в Отцеябловске или в Москве, традиционно обитали представители так называемого среднего класса – того са́мого класса, о росте благосостояния которого, позабыв о сне и еде, неустанно заботятся государственные мужи, которым, разумеется, глубоко наплевать на капризы электората, и которого они пренебрежительно называют *эректоратом*, подразумевая, что избиратель может любого идиота поднять на любую высоту.

Что грустишь, электорат?
Что повесил голову?
Али сам уже не рад,
что живёшь по-новому?
Аль еда не по губе?
Али не богат ты?
Аль не нравятся тебе
наши депутаты?

Дом, куда прибыли гости, был традиционно обшарпанным, словно штукатурку ещё лет 25 назад съела строительная моль советской власти (б). Зато было весело в само́м митрохинском дворе: у подъезда, где проживал старший джус, собралась небольшая толпа – точно такая же, о коей было рассказано ещё в первом томе романа[168] – видимо, сегодня здесь тоже проходило собрание местного КСК[169]. Народ у подъезда уплотнился и как бы немного вспучился, и марсианин подумал, что, скорее всего, именно так сжимаются и взрываются галактики.

[168] Об этом рассказано в первом томе «Русской кочерги», в главах 230-232 – прим. гл. редактора
[169] Напомним читателю, что так власти Отцеябловска зашифровали бывший ЖЭК – Кондоминиум Собственников Квартир – прим. автора

Мелкая толпа шумела и кричала, хотя Кулемзин и поймал себя на мысли, что взгляду не удавалось зацепиться ни за что конкретное. «Наверное, так выглядит иллюстрация к Книге Судеб Людских», подумал он, «которой будет шуршать апостол Пётр, решая, какой режим вечного содержания тебе назначить…». Ли́ца соотечественников при этом были сосредоточены и суровы, как у актёров в советских фильмах (б), играющих комсомольцев-добровольцев, уходящих из закрытого райкома на гражданскую войну.

Соседи Васюхана перекликались друг с другом, как в лесу, а один из участников это-го коммунального парада даже потянул Альбионыча за рукав, словно призывая присоединиться, а голосом осведомился, что он думает по этому поводу.

– Руски плёхо, яйчику-бабайчику, – ответил Кулемзин, – ай эм[170] гост дружественный Катманду!

[170] Я есть – англ.

Я приехал в Катманду –
подудеть в трубу-дуду.
Неудача: в Катманде
дуть лишь можно при беде!

Саксаулец, услышав про таинственное *яйчику-бабайчику*, поспешно бросил рукав писательской рубашки и на всякий случай спрятался за спину какой-то женщины, которая, увидев новые ли́ца, давно уже пробралась к прибывшим на покерно-гостевой саммит.

При близком рассмотрении женщина оказалась поразительно похожей на старшую по дому № 17 второго микрорайона города Отцеябловска Жанну Пантелеевну, которую литератор не без личных оснований называл Ж. П. Местная активистка тут же призвала пришельцев к порядку:

– Товарищи, вы обязательно должны поучаствовать в нашем собрании КСК!

Писатель незаметно поморщился: васюханская Ж. П. произнесла сразу несколько паскудных ключевых слов, на которые хотелось реагировать немотивированным убийством, ибо что такое свободолюбивому существу такие понятия, как *собрание*, *должен*, *обязательно* и, наконец, *участвовать*?!

Глава 121. ПУТЬ В ЛОГОВО ДРУГА (окончание)

– Извините, дорогая незнакомка, – окончательно перешёл на русский язык Кулемзин, заметив, как расширились глаза у его недавнего визави, – но я уже участвую, как можно заметить невооружённым телескопом глазом…

Местная *швондер* даже поперхнулась от возмущения и объяснила, скорее всего, новому жильцу кондоминиума, только что въехавшему в дом вместе с друзьями, что телескоп – это, конечно, хорошо, но гражданский долг куда как лучше. Правда, наконец-то поняв, что от этого волосатого и ухмыляющегося толстяка ничего не добьёшься, обозвала прибывших почему-то капиталистами, после чего удалилась, чтобы тут же начать кричать что-то возмущённое в другой стороне. Кстати, такому обзывательству больше всех обрадовался Полтавцев, так как само понятие *капитала* для него до сегодняшнего дня было неведомо вовсе.

«Хорошо всё-таки было Робинзону», в который раз подумал Альбионыч, «ни тебе собраний, ни старших по острову, ни соцсоревнования с самим собой!»

А всё же неплохо жилось Робинзону:
покой, тишина, суеты никакой,
здоровая пища, обилье озона,
а главное – полный душевный покой.
Отдельные трудности были, конечно,
но с помощью ряда продуманных мер
он с ними боролся довольно успешно,
являя потомству упорства пример!

И всё-таки наслаждаться коммунальными страстями гости центра города не стали, а решительно направились к митрохинскому подъезду. Подходя к двери подъезда, сторож звучно чихнул, и кубики домов, окружавших наших персонажей, тут же отразили этот звук, усилив его, как гитарная дека. Вслед за сторожем неспешно передвигались писатель, старший прапорщик (сегодня без погон) и живописец без кисточки. Чуть приотстав от них, мелкими приставными шажками семенил педагог, словно бы показывая невидимому наблюдателю, что он, сами видите, не с этими, а здесь и вовсе случайно.

Несмотря на то, что дом старшего джуса находился в центре города, родной подъезд Васюхана выглядел так, словно все его жители как-то раз тайно собрались здесь ночью и долго-долго проводили скребками, ножами и топориками по сто лет не крашеным стенкам, сдирая с них краску, которая сейчас висела лохмотьями, словно кожа слишком загоревшего курортника.

В подъезде было сыро и неопрятно, а повсеместная электрификация дошла сюда как мечта в отдельно взятом конце туннеля.

Замаячил свет в конце туннеля.
Может, это зрительный обман?
В темноте душа парит, немея,
избавляясь от житейских ран…

«Коммунизм – советская власть плюс электрификация всей страны!». Только и всего, каждый раз думал Володя, проходя мимо этой старой несмываемой надписи. Чего нам пока не хватает? Разве не всю страну уже электрифицировали? Неужели есть ещё углы, где упорные реакционеры-раскольники жгут лучину? И, чтобы отвлечься от этих тягостных мыслей о родной стране, он начинал составлять нехитрые арифметические уравнения типа

Советская власть это коммунизм минус электрификация всей страны!

Но – к *иблису* отвлечённые реминисценции! На стене подъезда висели почтовые ящики, покосившиеся так, словно на них кто-то специально долго висел. С давнего времени они были забиты никогда не вынимаемыми рекламными газетками и листовками – быстро надоевшими простому люду, как советская власть (б).

Войдя в подъезд поглубже, митрохинские потенциальные гости поняли, что запахи – это не плод их разыгравшегося голодного воображения, и, как бы подтверждая эту догадку, обонятельные рецепторы прислали им точную информацию: в какой-то квартире на первом этаже поджаривался бекон с яйцами, то есть пахло здесь как в платном туалете: окурками, котами и просроченным содержимым коммерческих киосков.

Чуть не задохнувшись от этих миазмических запахов, покерный гуру вспомнил своё творческое призвание, поднапрягся и через несколько секунд предложил повесить перед входом в здание – для обеспечения психического здоровья проживающих – следующее объявление:

Уважаемые жильцы!
Убедительная просьба соблюдать чистоту в подъезде!
В нарушение вам будет показана скульптурная композиция
«Дворник Самсонов, разрывающий пасть писающему мальчику»!

Поднимаясь на третий этаж, игроки и примкнувший к ним Валера согласились с мнением Альбионыча, что согласно фундаментальным законам физики, энтропия может только возрастать, то есть мир движется от упорядоченности к хаосу, а Серёжа даже предположил, что Вселенная со временем полностью разрушится. И не ответили наши ходоки только на один вопрос: почему это разрушение началось именно с таких, построенных всего лишь 25 лет назад высотных домов?

Из разряда постмодернов,
с приподнявшимся поло́м,
кривостенный, криводверный
наш любимый отчий дом!

Глава 122. В ЛОГОВЕ ДРУГА (прихожая)

Миновав несколько пролётов с ревматически искорёженными перилами, гости наконец добрались до искомой квартиры на третьем этаже. Афанасьич, вспомнив о своей героической работе сторожа без ружья, вызвался на внеочередной подвиг – нажал тёмно-зелёную кнопочку звонка, практически невидимую на фоне тёмно-зелёных стен подъезда, и стал вглядываться в дверной глазóк, но всё было напрасно, так как на усилия охранника никто не отозвался. А Володя в это время заметил слева от двери какой-то пожелтевший листок, приклеенный к панели на жвачку. Он пригляделся к выцветшим от времени буквам и кое-как разобрал слова:

Стучать! Звонок похитили плохие люди...

Наконец гости вначале увидели в глазкé какое-то мелькание, а потом и услышали, как со скрежетом поворачивается ключ в замкé. И вот дверь отворилась, и все узрели немного пошатывающегося, видимо, от волнения, хозяина квартиры Митрохина.

– Аншлюс[171], мать честнáя! – радостно завопил Полтавцев и кинулся на шею Васюхану. Хозяин не ожидал нападения и поэтому не успел увернуться, так что обниматься с бывшим текстильщиком пришлось по-взрослому. Резинка на спортивных штанах старшего джуса свисала над брюшком, точно окорок на складе, и от внеплановых обниманий колыхалась, как маленький флажок в руке девочки на демонстрации.

Мы болеть с утра не станем –
мы пойдём другим путём:
наш аншлюс – как только money[172]
на пузырь мы наскребём!

[171] Присоединение – нем. В истории XX века – присоединение Австрии к Германии 12-13 марта 1938 года – прим. ист. редактора
[172] Деньги – англ.

Спортивные штаны встречающего делегацию дополнялись то ли какой-то слишком тонкой курточкой, то ли слишком толстой зимней рубашкой, но одно было обозначено точно – как цвет сомнительного *хаки*, который литератор тут же окрестил цветом поноса на болоте.

– Живой, живой! – бормотал счастливый Серёжа, загораживая проход сразу двумя телами, вцепившимися друг в друга, словно изображая борьбу нанайских мальчиков.

Володя, недолго думая, протолкнул эту кучу-малу внутрь жилища, а затем пропустил остальных, которые начали по очереди здороваться с уже отцепившимся от взволнованного охранника растерянным хозяином.

– Гости – говно,
не были давно!

, – поприветствовал вошедших Митрохин, чем немало шокировал интеллигентного Курманбаева. У него (Митрохина, а не Курманбаева) были безумные, как у Достоевского, глаза, и всем стало ясно, что ответственный квартиросъёмщик немного *принял* с утра. И, действительно, с раннего часа сегодняшней пятницы у Васюхана было рассеянное настрое-

ние, так как при приёме первой пайки похмельного напитка[173] он так и не выбрал, чем её закусить, потому что у него было сразу три закуски на выбор: сухарики простые, сухарики ванильные и засохший кусочек позавчерашнего хлеба.

[173] Не будем уточнять его название, так как производители этого напитка обещали автору заплатить за его рекламу, но, подлецы, банально обманули! – прим. автора

Войдя в квартиру, Кулемзин остановился и осмотрел помещение, – как полководец осматривает ещё мирное, покрытое парны́м туманом поле, которое через несколько часов будет завалено окровавленными трупами и искорёженным металлом. При первом взгляде на чужое жильё у литератора мелькнула мысль о том, что здесь никогда не слыхали не только о компьютере, но даже о туалетной бумаге.

Несладка́ и трудновата
жизнь простого демократа!

«Да, хоромы явно не Бартоломео Бартоломеович Растрелли проектировал!», подумал знатный гость, но вслух этого говорить не стал, чтобы не расстраивать хозяина. Он (знатный гость, а не хозяин) только отметил, что митрохинская квартира напоминала ему одновременно Харьков, прошедший гитлеровскую оккупацию, Сан-Франциско после землетрясения, Париж времён чёрной чумы, а также Чикаго после знаменитого пожара 1923 года. Странная необжитость начиналась уже с коридора и сразу же наводила на мысль об аварийном выходе. Впрочем, оказалось, что и вся квартира выглядела такой же запущенной и, чего греха таить, грязноватой, как это часто бывает в жилищах холостяков.

Хотя объективности ради надо заметить, что квартира джуса, не убиравшаяся, как видно, уже не первый месяц, мало что добавляла к общим миазмам планеты, выставляя напоказ амбициозную пролетарскую захламлённость. Она (квартира, а не захламлённость) внезапно показалась Кулемзину не крепостью, как совсем недавно в телефонном разговоре назвал её сам хозяин, а западнёй, и Альбионыч даже помотал головой, чтобы избавиться от этого ощущения, ведь он успел заметить, что квартира, к вышеперечисленным рабоче-крестьянским приметам, была ещё и без разных евровыкрутасов. «Да, в этом что-то есть», подумал оценщик квартирных ценностей, с изумлением разглядывая васюханское логово. «Типа Русь изначальная, мшистое дыхание старины…»

.

– А вы не ждали нас,
а мы припёрлися! –

ещё один контрольный раз обняв антенщика, с чувством исполнил Полтавцев, затем немного оттолкнул обнятого, как бы желая удостовериться, того ли человека он обнимал, и давая другим гостям насладиться видом похмельного Митрохина.

Впрочем, здесь было на что (или на кого) посмотреть: хозяин в этот момент был настолько похож на Есенина в худший день его жизни, что Альбионыч даже подумал вот такими словами: «Не тот ли это призрак, что когда-то бродил по Европе и, наконец, добрался до Отцеябловска?». На физиономии Васюхана, напоминавшей солёный раскисший помидор, вынутый из банки на четвёртый год засолки, особенно выделялись контуженные глаза цвета свежей ряски на чернобыльском болоте.

Начиная с прихожей, в нос шибал какой-то дрожжевой перегар.

– Ты что, яйчики-бабайчики, пироги с маком пёк? – поинтересовался писатель, но увидев, как хозяин с укоризной протянул к нему дрожащие руки, понял, что несколько погорячился с выводами.

Я *наркот* обыкновенный –
в повара́ я не готов:
мак куплю для ввода в вену –
не для пышек-пирогов!

А не стал отвечать старший джус знатному гостю только потому, что почувствовал, насколько нелепо будет звучать его сбивчивая речь, которая у всех алкоголиков, страдающих с похмелья, сразу же начинает чересчур изобиловать междометиями и словами-паразитами. Поэтому Митрохин просто повёл рукой по периметру прихожей, как бы желая удостоверить гостей, что они прибыли туда, куда надо, и приглашая ознакомиться с местными достопримечательностями. А посмотреть было на что.

На вешалке в прихожей пришельцами был замечен болоньевый плащ совершенно неопределённого цвета. «А где ёперный китель? Где ёкарная пилотка?», смятенно подумал Батыршин, глядя на незнакомую одежду. Под вешалкой притулилась старенькая тумбочка в стиле позднесталинский ампир, а за ней с неоднократно, как было заметно, падающим на пол телефоном времён социалистической интеграции (б), виднелись обрывки обоев, густо исписанные номерами каких-то несуществующих абонентов.

И хотя с тобой живём в столице,
о друг друге думаем, скорбя:
не могу тебе я дозвониться –
телефона нет ведь у тебя!
Впору нам с тобою взбелениться,
как ослу в страшенную жару,
ведь и ты не можешь дозвониться –
трубку никогда я не беру!

В углу сиротливо пылились кучкой связанные пёрышки растрёпанного *голикового* веника, судя по внешнему виду, из пальмы хамедорея элегантная. Над веником художник Муравлёв, который в результате проведённых реаниматологически-похмельных мероприятий уже обрёл некий процент зрения, заметил картину – причём, явный *сюр.* Разглядел картину и внимательный Альбионыч, который сейчас оглядывался, набираясь писательских впечатлений для пятого тома «Русской кочерги»

– «Шишкин в сосновом лесу»? – улыбнувшись, поинтересовался он у хозяина.

– А, по-моему, святой Малевич, это «Пролетарии на Волге» Репина, – приглядевшись к картине внимательнее, предположил Валера.

Чуваки тащили баржу –
Репин это рисовал:
правда, вышли только шаржи,
что продать нельзя за *нал*…

Но культурологический диспут пришлось прекратить, ибо в этот момент из противоположного угла вдруг резко пахну́ло запахом старых валенок, пропитанных известью, гашёной портвейном, причём, так сильно, что гости невольно стали хвататься кто за что.

– Пройдёмте в комнату, – поспешно пригласил Митрохин и, оттолкнув двинувшегося было вперёд педагога еврейского колледжа, первым проскользнул внутрь помещения.

Глава 123. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Гость на́ гость – хозяину радость!)

Когда все прошли в комнату, которую советские (б) люди по привычке называли залом, она оказалась несколько освещённее прихожей, и гости заметили, что волосы у Васюхана торчали в разные стороны, как у носовского[174] Незнайки, каким его увидел иллюстратор Алексей Лаптев[175].

[174] Николай Николаевич Носов – советский детский писатель-прозаик, лауреат государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской за трилогию о Незнайке (1969) – прим. лит. редактора
[175] Алексей Михайлович Лаптев – советский художник-график и книжный иллюстратор – прим. худ. редактора

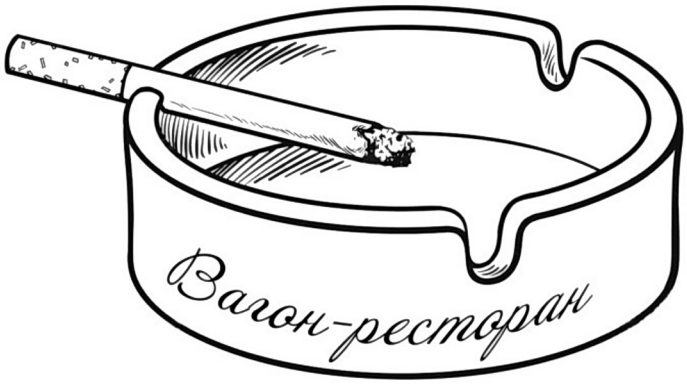
Оглядевшись в зале, писатель понял, что пахнет здесь немытыми волосами, усталостью и безысходностью. Было видно, что дважды разведённый хозяин не мыл окон последние года два-три, а. может быть, даже и с тех пор, как встал в очередь на расширение жилплощади ещё при советской власти (б). Но самым неприятным было то, что круглый стол, стоящий посередине комнаты, был покрыт сантиметровым слоем пыли.

– Как же ты, старичок, докатился до жизни такой? – показав рукой на стол, спросил Володя.

– Да привык как-то, – свободно ответил старший джус. – Вечером пыль не видно, а днём я на неё не смотрю…

Ей дифирамбы пишут льстиво,
подвластны ей легенды, быль –
здесь *пыль веков* и *пыль архивов*,
и *фолиантов древних пыль*!

После чего он суетливо протёр стол тряпочкой, скорее всего, оторванной от праздничной кухаркиной юбки ещё до 1917 года. Полюбовавшись на внезапно возникшую, как Вселенная при Большом Взрыве, чистоту, хозяин водрузил посередине стола, словно пограничный столб, стеклянную пепельницу, сразу показавшуюся писателю *казённой*. Он подошёл ближе и понял, что оказался прав: на пепельнице по высокому борту змеились слова



– Присаживайтесь, в ногах правды нет, – пригласил гостей к столу хозяин, не удержавшись от дежурного трюизма, смысла которого не понимал уже много лет.

– А если мы присядем, она что – появится? – засомневался Володя.

Не понял смысла трюизма и Афанасьич, который на всякий случай достал заветную книжечку «Для му.мы.» и вопросительно посмотрел на литератора, который, разумеется, знал всё на свете. Тут же выяснилось, что знал Кулемзин и историю возникновения этого старинного выражения.

– Словосочетание *в ногах правды нет*, Серёжа, – просветил он своего товарища, вовсю тянущегося к ненужным знаниям, – связано с тем, что человек, когда не желает сказать правду, часто опускает голову вниз и смотрит на ноги, скрывая взгляд. А его приятель или знакомый, который жаждет эту правду услышать, при этом пеняет ему: мол, чего вниз смотришь – в ногах-то правды нет.

– А при чём здесь, мать моя партия, присаживайтесь? – проявил хорошую память педагог.

– Ты, Нуртай, просто не учёл, что это выражение – русское, а, значит, в нём заложена так называемая русская логика. И согласно этой логике приглашение присесть приклеилось к этим ногам и правде *просто так*.

– Да как же так? – чуть не заплакал Курманбаев. – Ведь всё надо по форме, согласно установленному порядку!

Кроме тёщи и свекрови,
коих знаю много лет,
кто порядок установит,
если установки нет?!

Сухая керамика его го́лоса в жаркой из-за открытых окон комнате была неприятной и походила на скрежет лопаты о кирпич, и всем стало неудобно, кроме хозяина, который тут же стал вынужденно-приветливым, словно только что снялся в рекламном ролике со следующими словами: «Каждое утро я выпиваю стакан воды. А сегодня я нечаянно выпил стакан водки. Такого доброго утра у меня ещё не было!». И всё-таки Нуртай, ещё немного поколебавшись для приличия, скромно присел на краешек стула, после чего сделал торжественный вид, словно минуту назад был награждён почётной грамотой в деле гласности ускорения перестройки.

А Муравлёв, прежде чем присесть, вспомнил, что он художник, и внимательно осмотрел предложенную мебель, но не нашёл в ней даже признаков кабриоля, капуцина, кьявари, эскабеля, клисмоса или табурета-дифроса, зато нашёл металлическую *шильду*, привинченную к стулу под сиденьем, на которой скучным и дубовым советским шрифтом «Гранит» было написано только одно длинное слово и одна цифра:

СаксаулМебельТрест
1968

Одним словом, фантазия оформлявшего квартиру творца по интерьерам, помимо буйства, отличалась ещё и необузданностью.

Охранник в это время завершил очередную запись в заветном блокнотике, и вот что вышло из-под его шаловливого пера: «В ногах правды нет, потому что все смотрят вниз и думают, как бы соврать половчее!». Затем он спрятал книжицу обратно в котомку и пошарил по ней в глубине, которая прятала в себе дюжину уже начинающих теплеть разномастных бутылочек пивка. Затем его мысль скакнула в сторону и он неожиданно опозорил Митрохина:

– Ничего себе, царица лесная, какая у тебя комнатка крохотная! Я даже не знал, что такие сейчас строят.

– Да комната у меня нормальная, стандартная, – с досадой поведал Васюхан, – прос-то я очень люблю свежие обои клеить.

– И что?

– А то, что обрывать старые обои я на́ дух не переношу!

Я ремонтирую покои,
да так, что пробирает дрожь:
обои клею на обои, –
и зал сжимается, как ёж!

– Старик, – обратился к хозяину Валера, видимо, намекая, что из-за постоянных пьянок Митрохин выглядит намного старше своих лет, но джус намёка не понял и потому не обиделся, а только вопросительно посмотрел на спрашивальца.

– Старик, – повторил живописец, – а дальше что?

– В смысле? – растерялся ответственный квартиросъёмщик.

– Развлекать нас как будешь? Кино, вино и домино, святой Малевич? Или, может, кефир, клистир, сортир? – засмеялся Муравлёв, опять намекая на что-то своё, что, видимо, знал он только один.

– Гость нá гость – хозяину радость! – бодро отозвался Васюхан, после чего расшифровал поговорку:

– Так вот же, у меня телек есть!

Он показал в угол комнаты и все увидели ещё одну тумбочку – сестру-близняшку той тумбочки, которую они совсем недавно видели в прихожей, а Афанасьич, словно не веря глазам, даже сходил в эту прихожую, чтобы убедиться, что Митрохин их не обманул, и не принёс предмет мебели оттуда.

Гость хозяину кивает,
любопытством подогрет:
«Мебель в доме вся кривая!»
«Говорят, ей 200 лет…»

На второй тумбочке действительно стоял телевизор – чуть моложе всех, которые были ранее описаны в предыдущих томах нашей великой «Русской кочерги». Но, кроме него, справа от электронного аппарата нашла своё пристанище небольшая рамочка с фотографией. Но о ней (и фотографии, и рамочке) – чуть позже…

Глава 124. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Посиделки у телевизора)

– Ну, надо же, как далеко шагнули наука с техникой! – внимательно оглядев телевизор, оценил Володя.

Он с опаской начал разглядывать самодельную антенну, венчающую явно взрывоопасный аппарат, а после этого наклонился, чтобы найти название этого археологического артефакта, но вместо фигурной пластиковой загогулины, отображающей это название, на месте, где оно когда-то находилось, нашёл только бело-серо-коричневатое пятно, видимо, оставшееся от клея, которым загогулину когда-то приклеивали на советском (б) телевизорном предприятии.

Между тем Васюхан включил артефакт и оказалось, что, как ни странно, он работал ещё весьма прилично, как бы с гордостью отображая уровень производства телевизоров в СССР (б). Все чинно уселись в рядок и стали смотреть предложенную хозяином культурную программу, хотя буквально каждый гость ощущал при этом лёгкую тоску в животе. С действительностью, которую предоставил Митрохин, их примиряло сейчас только то, что Полтавцев, покопавшись в котомке, выставил против каждого по соответствующей предпочтениям бутылочке пивка, включая хозяина квартиры.

Всё у нас передово,
все покуда живы:

счастлив каждый – у него
есть в запасе пиво!

И вот здесь автор нашего увлекательного повествования с сожалением должен отметить, что и сегодня, как и в остальные уже описанные дни, телевизионные программы, которые предлагались нашим героям исключительно в дневное время, разнообразием не баловали, видимо, приберегая всё самое интересное на вечер, когда наступал так называемый prime time[176].

[176] *Лучшее эфирное время – прим. тех. редактора*

Сразу на нескольких каналах, обзором которых по традиции занялся Афанасьич, вовсю гулял попсовый шабаш. На экране, старавшемся быть цветным, какие-то незнакомые никому из присутствующих «звёзды» явно под фонограмму разевали рыбьи рты. Белобрысая тощая певица завывала, мечась по экрану, обхватив руками микрофон, и так близко разевала от него пасть, словно собиралась его проглотить. Камера музыкального канала каждые 15 секунд скакала от потной певицы к поблёскивающему разными красками названию фестиваля, естественно, названному по американской кальке:

Saksaul Music Award

Саксаульцы, привыкшие в советское время (б) к более целомудренным программам, очень скоро смирились с тем, что новое телевидение на таких фестивалях, как в фокусе, показывало все душевное убожество так называемых «звёзд». Все эти псевдосветила, в миру ненавидящие друг друга стервозной ненавистью, перед телекамерой обменивались милыми улыбочками, аплодировали фонограммам соперников и в своих ответах на вопросы ведущих все как один говорили о любви, доброте и *дедушке*. Особенно противно это было смотреть где-нибудь в глубинке, когда такую бодягу видела голодная периферия, сплошь отсидевшая или выросшая на лагерной этике, ещё больше утверждавшаяся в том, что даже Отцеябловск, город, весьма далёкий от порочной Москвы, – это Содом и Гоморра, заслуживающий Суки-судьбы Помпеи.

«По-моему, на современных телевизорах», подумал литератор, «производители должны ставить маркировку, как на сигаретах»:

Телевидение приводит к слабоумию!

Я в хит-парадов рейтинги не верю,
ведь есть же у меня, ей-богу, уши:
по телевизору для нас поют не «Звери»,
а звери те, кто заставляет это слушать!

А по московскому музыкальному каналу, на который после саксаульского попал Серёнька, крутили старый клип вертлявого от своей *лунной походки* Майкла Джозефовича Джексона, который перенёс кучу хирургических операций, чтобы стать единственным негром, который смог преобразиться в белого человека. Кулемзин, глядя на неестественное лицо американского уродца, подумал о том, что если собрать все фотографии Джексона – от рождения до самой смерти, – то сложится ощущение, что в принтере медленно заканчивался чёрный тонер.

К сожалению, сегодня не порадовал васюханских гостей и канал «Культура», на котором показывали какой-то страшно скучный спектакль про любовь сразу нескольких человек: девушки говорили почему-то пронзительными голосами, видимо, так выражая это захватывающее чувство, а юноши выглядели мужественными, но какими-то слишком печальными, словно предполагая, что жениться всё-таки придётся. На этом месте ручка переключателя каналов неожиданно заела, и пока Митрохин искал на балконе в ящике с инструментами плоскогубцы – для устранения этой технической проблемы, остальные вынужденно смотрели на телевизионные страдания, но недолго, так как с приходом хозяина спектакль как раз окончился.

– Интересная постановка, мать честнáя, – начал театральный обзор знатный театральный критик Полтавцев. – Но мне кажется, что режиссёр всё время замыкается в им же нарисованном круге.

Как в этом балагане всё красиво,
как декорации на жизнь похожи,
как пафосно всё, ярко и сопливо,
и трогательно – до гусиной кожи!

– Ну-ну, – поощрил мысль Володя.

– И потому он псевдоэстетичен!

– Это как, святой Малевич? – как бы проснулся художник.

– Да как-как? Пыжится, пыжится, вешает на уши дерьмо собачье, – объяснил охранник. – Короче, очередная хренотень!

– Я, кстати, тоже заметил, яйчики-бабайчики, – ввернул марсианин, – что в последнем действии спектакль из плоскости ходульной мелодрамы перешёл в плоскость идиотизма. Так что ты, Серёжа, наверное, прав…

– Да, мать моя партия, театр агонизирует, – подвёл итог дискуссии педагог. – Советский был явно лучше!

И только старший прапорщик не сказал ничего, так как после слов Курманбаева долго блевал в митрохинском ёкарном туалете.

В это время хозяин нашёл ещё какой-то фильм, причём, судя по имени (или кличке?) главного героя, из современной жизни. Скорее всего, это был многосерийный детектив, герой которого Несносимый, как непотопляемый авианосец, показывал чудеса выживаемости в самых невероятных условиях.

А завершилось телевизионное развлечение тем, что Афанасьич, крутя ручку дальше, поймал какой-то московский канал, где показывали старый документальный фильм о демонстрации общества «Память»[177], на которой возбуждённые активисты требовали немедленно сменить имя города Ленинграда, аргументируя тем, что Ленин был на четверть евреем. Смыть же позор с города можно было, по их мнению, только переименовав город в Санкт-Петербург.

[177] Общество «Память», известное также как Национально-патриотический фронт «Память» – русская ультраправая антисемитская монархическая организация – прим. социол. редактора

Кулемзину, кстати, ещё тогда, 14 лет назад, хотелось сказать этим неучам, что Санкт-Петербург был назван вовсе не в честь Петра Первого, как они думали, а в честь «святого» Петра, который, понятное дело, был евреем на все 100 процентов!

Нас оптимизмом круто заряжая,
под воблу и пивасика стакан,

действительность правдиво отражает
у телека *погашенный* экран!

Правда, вскоре лёгкая тоска в животах гостей, о которой автор уже сообщил в начале этой главы, постепенно начала переходить в тяжёлую.

Глава 125. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Кухóнные посиделки)

Понял это и сам хозяин, который, видимо, от глобального радушия немного подрастерял слова, потому что сделал широкий безмолвный жест в южном направлении. Судя по ширине жеста, Васюхан приглашал гостей в сторону российского Нижнего Уренгоя, находившегося на одной параллели с Отцеябловском. Но всё оказалось намного проще: пришельцы сделали несколько шагов и оказались в митрохинской кухне.

И тут же выяснилось преимущество жизни *в центре* большого города: если в микрорайоновских квартирах, где побывали наши герои в предыдущих книжках, кухни были метражом в 6 квадратных метров, то сейчас гости находились в таком же помещении гораздо большего размера, а именно, в шесть с половиной! Но из-за обилия сегодняшних посетителей митрохинского родового гнезда кухня выглядела страшно тесной, – как спичечный коробок.

Мы от голода не пухнем –
это надо точно знать:
нам не тесно в нашей кухне –
лишь бы было что пожрать!

И, чтобы не возвращаться к этой теме, пара слов о кухонной мебели: вся она была в иностранном стиле *do potopa*.

«Да, яйчики-бабайчики, перекусить бы не мешало!», подумал Кулемзин., но вслух ничего говорить не стал, ибо не знал, как отреагируют голодные организмы его друзей и педагога, например, на такие слова́: «В частности, я бы сейчас не отказался от печёных тигровых креветок под клюквенным соусом, греческого салата без огурцов и мурмуры[178] с грибами, запивая всё это розовым цантали. Спонсоров этой жратвы прошу писать мне по адресу: **obozhrus@ kocherga.saks**»

[178] Правильно: мурмура чивда – блюдо из аюрведической кухни, представляющее собой воздушный белый рис с добавлением арахиса, чёрной чечевицы, зелёного острого перца, семян кумина, сафлорового масла, жареного да́ла, листьев карри и кинзы, а также щепотки асафетиды – прим. кулинар. редактора

Я пожирал большой кусок!
Когда осталась только треть,
меня ударило в висок:
«Ты ж собирался похудеть!»
Унять пытался аппетит,
но вид еды меня пленил:
желудок – ненасытный тип –
весь здравый смысл переварил…

Видимо, что-то подобное привиделось и голодному Полтавцеву.

– Володя, царица лесная, – с замиранием сердца произнёс он. – А ты суп из черепахи пробовал?

– Конечно, – свободно ответил писатель. – И вот что я тебе скажу по этому поводу: из тарелки суп есть всё-таки удобнее!

Кстати, писательски пробегаясь взором по интерьеру предложенной комнатки, Альбионыч вбирал в себя детали – исключительно для того, чтобы тебе, мой читатель, было не так скучно путешествовать по этим чёрно-белым страничкам. А детали эти – числом семь – были такими.

1. В углу кухоньки, под раковиной сидел отощавший без питания паучок.

2. Сама пожелтевшая раковина, почему-то названная именем сквозного протока в южной части дельты питерской реки Невы, то есть *мойка*, была старая, чугунная и страшная, как смертный грех *гордыня*[179], по краю вся в чёрных полукружьях сколотой эмали – видимо, Васюхан был далеко не первым, кто использовал её в качестве открывашки для пивных бутылочек.

[179] Подробнее об этом грехе – в третьем томе «Русской кочерге», в главах 180-181 – прим. гл. редактора

Пиво и вина рюмашку
(мы не так ведь грýбы!)
открываем открывашкой –
чтоб не портить зубы!

3 Под раковиной стояло эмалированное ведро, кстати, тоже со сколами, и Альбионыч, напрягая своё писательское воображение, предположил, что об это ведро также открывались пивные бутылки, но уже тогда, когда хозяин не мог стоять на ногах. Над поруганным ведром кружила мошкара.

4. Кран со свёрнутой шеей, торчащий прямо из стены, напоминал о борьбе идей.

5. С рёвом бомбардировщика маленькую комнатку пересекала муха с перламутровым зеленоватым брюхом, изредка ударяясь головой в окно – как самоубийца.

6. На одной из стенок помещения висело полотно, в котором Муравлёв с удивлением узнал свою картинку, которую он, видимо, во время одной из неконтролируемых разумом пьянок подарил старому приятелю. Сюжет картинки был сюрреалистическим, изображавшем оргию взбесившейся акварели.

7.Весёлую кухню заливал сероватый свет из давно не мытого окна.

РЕЗЮМЕ: На кухне царила такая грязь, которой даже при большом желании не достигнешь в одночасье: она должна накапливаться неделями и даже месяцами – как угольные отложения.

– Без женщины живу, – мрачно объяснил такой разгул бесхозяйственности Митрохин.

Вот такие вот масштабы:
очень плохо мне без бабы!

– Перед тем, как пригласить нас за стол, мой дорогой друг, – назидательно поднял палец вверх Кулемзин, – прошу запомнить кое-что из правил приличия: если к тебе в гости пришли 20 человек, а у тебя всего 17 вилок для омаров, то остаётся только позавидовать твоим проблемам!

Вот с этого весёлого экспромта и началось то, что обозначено в скобках после названия данной главы, то есть кухóнные посиделки.

И тут к гостям, посетившим скромную двухкомнатную обитель старшего джуса, пришло великое удивление: во-первых, хозяин предложил им крайне разномастную еду, а,

во-вторых, её было очень много, чему в первую очередь обрадовался еврейс… тьфу, саксаульский педагог.

«Не знаю, сто́ит ли здесь перечислять то, что предложил хозяин своим гостям», подумал в этом месте автор, «а то как бы чего не вышло с моим дорогим читателем!», но всё-таки решил это сделать чрезвычайно деликатно. Итак, Митрохин, который чувствовал себя немного виноватым в том, что утром не смог поддержать коллектив в самую трудную для него минуту, то есть во время жестокого похмелья, сейчас вывалил на стол всё, что имелось у него на тот момент, а также то, что он прикупил с утра в кулинарии на первом этаже своего дома. Во-первых, это была курица, которая, должно быть, уже надоела моему читателю, но, судя по голодным взорам персонажей, совершенно не надоела им.

И вместе, и в трудной разлуке,
и даже когда бюллетень,
куриные ноги и руки
готовы мы есть каждый день!

Глава 126. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Кухо́нные посиделки, продолжение)

Во-вторых, пока гости наслаждались видом курицы, от которой шёл приятный запах копчёного мяса, Васюхан орудовал дорогим швейцарским ножом, купленным им с первой зарплаты в должности старшего джуса. Кулемзин раньше видел такой нож, но не стал его покупать, так как, несмотря на марсианское происхождение, всё-таки был русским человеком. «А почему именно русский не станет покупать такой нож?», может воскликнуть здесь читатель, и совершенно напрасно, ведь если он и сам русский, то поймёт, что в этом импортном ноже среди *иблисовой* дюжины различных девайсов не имелось штопора, – видимо, плохо представляли потомки Вильгельма Телля, что русскому человеку этот инструмент просто необходим практически каждый день!

Веду себя я по-милитаристки
и вам открою истину, но не –
не в водке, или пиве, или виски,
а эксклюзивно – только лишь в вине.
Пусть в окружении одни лишь пробки,
зато их вижу, штопор я, насквозь,
и если вдруг бываю очень робкий,
то с ними только крученый – как гвоздь!

А чтобы читателю была понятна степень негодования гостеприимного хозяина, то вот ему картинка этого ножа. Видите, здесь даже пила есть. А на хрена?! Чтобы горлышко бутылочки пива отпиливать?!

А открыл этим швейцарским (прости, русский язык!) девайсом Митрохин сразу две банки мясных консервов производства Грусть-Каменодырского мясоперерабытывающего завода, которые он перед приходом гостей достал из стратегических запасов, хранившихся как раз в первой из увиденных пришельцами тумбочке – ещё в прихожей. Имен-но эти консервы по замыслу автора и были во-вторых.

В-третьих, на газовой плите в большой кастрюле грелся борщ – правда, уже шестого дня, производства одной из подружек хозяина. В-четвёртых, на столе в огромной десертной тарелке для торта был насыпаны различные сухарики, но о них подробнее – чуть позже. И, наконец, в-пятых, рядом с этой тарелкой стояла точно такая же, но уже с сырными и колбасными бутербродами, закупленными всё в той же кулинарии.

Честно говоря, было и в-шестых, но, глядя на это блюдо, даже голодным пришельцам не пришло в голову его вожделеть: на сковородке, соседствуя с разогреваемым борщом, судя по первому взгляду, уже с неделю лежал кремированный минтай, к тому же издающий несколько не морской запах.

Он – пережарен, горек, чёрен,
собою не велик, не мал:
минтай, я думал, пахнет морем,
а он всё ка́кой провонял!

Рядом с десертными тарелками, видимо, в качестве *постскриптума*, стояло блюдце с тремя очищенными маленькими луковками, хотя среди гостей никакого Буратино замечено не было, да и сам хозяин был мало похож на папу Карло.

Наконец, борщ закипел, и хозяин степенно, словно дело происходило в греческой таверне, разлил всем понемногу – ровно по полтора половника – в разномастные тарелки, оставшиеся от двух прежних семейных жизней. Музыкант первым схватил ложку и стал жадно хлебать предложенное, но остановился, поморщился и неожиданно заявил, что, по его мнению, в борще чего-то не хватает. Честно говоря, борщ был и впрямь так себе: не хватало в нём мажорного звучания мозговой разваренной косточки, тонкой гармонии томатов, перца и зелени, но Васюхану всё равно было обидно выслушивать хаяния его блюда от какого-то дудочника.

Бланманжуху из моркови
(это вам не общепит!)
я старался приготовить –
вы уж жрите без обид!

За Батыршиным попробовали каждый из своей миски и остальные, после чего стали переглядываться, так как поняли, что «борщ» был просто прокисшим. Тогда Кулемзин незаметно взял со стола солонку и аккуратно опустил её на пол под столом.

– Старик, а у тебя соль есть? – невинно спросил он у хозяина пиршественного стола.

– Не знаю, сейчас поищу. По-моему, только что здесь была, – неуверенно пробормотал Митрохин и стал растерянно оглядывать кухню.

– А, по-моему, святой Малевич, я видел её в зале – за телевизором, – произнёс явную чепуху Муравлёв, которому усиленно подмигивал литератор.

Правда, этой чепухе старший джус поверил сразу, так как уже не раз с жесточайшего похмелья находил, например, свои носки в морозильнике, а кроссовки – под подушкой. Он (старший джус, а не морозильник) приподнялся из-за стола и неуверенной походкой человека, выполнявшего вчера вечером и сегодня утром тяжёлую работу, направился на поиски соли. Остальные, дождавшись его ухода, поспешно вылили обратно в кастрюлю

остатки «борща», обнаружив на дне своих тарелок ничего не говорящее современным тинэйджерам слово «Общепит», а для надёжности спрятали ещё горячую эмалированную ёмкость в холодильник, совершая этим невольный теракт в отношении ни в чём не виноватого домашнего рефрижератора, который страшно не любил вот таких перепадов температур.

В чём-то там геомагнитном,
смысл которого нам скрыт,
холодильник холодит нам,
горячильник – горячит!

В это время Полтавцев, который любил болтать ногами, задел под столом солонку, которая опрокинулась на бочок, и хорошо, что высыпалась не вся, оставив половину.

– Что же ты, мать моя партия, за безрукий такой? – несправедливо попенял сторожу педагог, так как руки охранника на этот раз были ни при чём.

– Не безрукий, а безногий, – поправил Нуртая Альбионыч, развеселив этими словами остальную компанию, кроме самогó виновника, который уже было собрался закатить настоящий скандал, но его перебил всё тот же писатель, который, как настоящий просветитель, решил вбить тему соли в тыквы пришельцев навсегда.

От печальных меланхолий
пожую немного соли!

– Серёжа, не серчай, – попросил он, – а то ты сейчас становишься похожим на некоего Махатму Карамчандовича Ганди, который устроил Соляной поход.

– Как это, мать честнáя? – подпрыгнул на стуле сторож, вовсю тянущийся к ненужным знаниям. – Какой ещё поход?

Глава 127. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Кухóнные посиделки, ещё одно продолжение)

– Да соляной же поход, – ещё раз, как дебилу, повторил невольный историк. – Был такой эпизод (прости, русский язык) сатьяграхи[180] в Индии, когда Ганди вместе с 79 своими последователями с 12 марта по 5 апреля 1930 года прошёл пешком от Сабармати Ашрама в Ахмадабаде…

[180] Сатьяграха (от санскр. सत्याग्रह – стояние в истине) – в период английского колониального господства в Индии разработанная Ганди тактика ненасильственной борьбы за независимость в двух формах: несотрудничества и гражданского неповиновения – прим. ист. редактора

– По-моему, это в ёперном штате Гуджарат Западной Индии, – внезапно дополнил информацию военный музыкант, чем чуть было не довёл до шока слушателей.

– …до побережья Аравийского моря, – помотав головой, чтобы сбросить явно почудившееся, продолжил Кулемзин, – близ селения Данди. И вот после окончания 390-километрового похода, в ходе которого к группе протестующих присоединялись всё новые последователи, его участники, не найдя лучшего применения своим мозгам, принялись демонстративно выпаривать соль из морской воды. При этом, в знак нарушения колониальной соляной монополии, участники этого, честно говоря, глуповатого похода не уплачивали налог на соль!

Любой докажет знахарь,

свою играя роль,
что жизнь у нас не сахар,
а в чистом виде соль!

Через несколько минут безуспешных поисков на кухне вновь появился расстроенный Васюхан, который так и не нашёл солонку не только за телевизором, но также за креслом, за диваном, за шифоньером и за тумбочкой. И тут его взор упал на подоконник, где – о, чудо – оказывается, и находилась искомая солонка!

– Так вот же она! – радостно завопил он и поставил предмет кухонной утвари обратно на стол. И вовремя, так как гости плотоядно поглядывали на главную еду сезона «Русской кочерги», то есть на курицу. Особенным взглядом отличался преподаватель информатики еврейского колледжа, смотревший на погибшее животное с лицом голодного графа Дракулы.

Хозяин споро облачился в старенький кухонный фартук с вышитым зайцем, видимо, оставшийся от одной из прежних хозяек, схватил из деревянной подставки с несколькими ножами самый огромный, после чего стал похож на мясника, который готов приступить к своему убийственному занятию с мясом. Он схватил готовую курицу и стал орудовать этим ножом так страшно, словно бы вымещал на бедном мёртвом животном какую-то давно копившуюся досаду. Раздельщик при этом действе был так сосредоточен, что Кулемзин подумал о том, что было бы неплохо повесить на покосившуюся кухóнную дверь табличку

Прозекторская

Накормлю сейчас приезжих
тем, чем очень увлечён:
я от курицы отрежу
руки, ноги и печён…

Все, как заворожённые, смотрели на мясницкую работу Митрохина, но больше других из орбит вылезли глаза Нуртая – природная жадность брала своё даже в полевых условиях. А писатель, который не любил терять время даром, тут же придумал некую литературную белиберду, которая когда-нибудь могла ему пригодиться при написании своего великого романа, под названием «**Эволюция источников огня**» – в четырёх частях:

1. Трение.
2. Кремень.
3. Электричество.
4. Глаза Курманбаева, глядящие на.халявную еду

Впрочем, мечта светилась и в глазах Муравлёва – он словно бы обдумывал многоплановую художественную композицию «Торжественный обед по случаю присвоения товарищу Брежневу пятой Золотой звезды Героя Советского Союза (б), даваемый им своим товарищам по Политбюро ЦК КПСС (б)»

Володя заметил этот голодный блеск в глазах Николаича и, наклонившись поближе к его уху, прошептал:

– Ты чего так размечтался? Я вот, например, с сáмого начала знал, что Васюхан не будет кормить нас мцвади![181]

[181] ***Шашлык – груз.***

Живописец не знал, что такое мцвади, и потому не очень сейчас и расстроился.

Что любим жрать – у нас на роже
прочтёт циклопый одноглаз,
но каждый хочет что дороже:
коньяк, шашлык и ананас!

Наконец окончательно изголодавшиеся гости приступили к тому, ради чего, собственно, и явились в квартиру Васюхана, то есть принялись жевать курицу, точно подошву армейских бутс для спецназа USA, уничтожая продукт, как если бы он был их политическим противником. Нуртай при этом, евший сейчас с аппетитом беспризорника, ещё и издавал экстазное покряхтывание. «Хороший человек Митрохин», думал он при этом, «хотя и дурак!»

Конечно, плохо было только то, что тощих ножек у покойной курицы было всего две, да и те пополам порубил хозяин, одну из которых сразу же оторвал Курманбаев. С первого взгляда, брошенного на эту принадлежность балерины, можно было понять, что при жизни курица тяжело болела и влачила горькое существование впроголодь. Старший дудочник деликатно взял половинку ножки, понюхал и не спеша начал откусывать от неё маленькие кусочки, но не потому, что был сыт, а потому, что боялся: а) провокаций неутомимого в пакостях ленинца и б) банально подавиться.

Валера в это время жевал вторую половинку той же ножки, которую удалось перехватить из-под са́мого носа Мусаича, и его внезапно охватила память то ли о нежно печальном детстве, то ли о том, чего с ним никогда не было. Правда, при еде он, как и прапорщик, не боялся ничего, так как просто хотел жрать.

Еда! Коротенькое слово,
но есть в нём сила, удаль, стать!
И мы готовы снова, снова,
а также снова, снова, снова
три эти буквы покупать!

Полтавцев, который из-за вечного голода уже немного позабыл, как выглядит настоящая еда, сейчас занимался не предложенным мясом, а почему-то хрустел куриными косточками, как телок перед яслями.

Сам Володя положил глаз на кусочек куриной грудки, который, если бы он попался ему не в доме старшего джуса, а в собственной квартире, уничтожался бы совсем по-другому, а именно под великолепный соус *дзадзики*, в состав которого входили один авокадо, полстакана греческого йогурта, по полчайной ложки соли и чёрного перца, одна столовая ложка лимонного сока, две выжатые дольки чеснока и восемь (ни больше, ни меньше!) капель соуса *табаско*. Но и это было не всё: чтобы получить настоящий дзадзики, ко всем этим ингредиентам надо было ещё добавить четыре зелёных: натёртый свежий огурец и мелко покрошенные укроп, петрушку и мяту.

Глава 128. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Кухо́нные посиделки, почти окончание)

Наконец курица подозрительно быстро закончилась, и автор тоже, чтобы закончить эту голодную тему, только добавит, что её (курицы, а не темы) поедание сопровождалось параллельным поглощением сухариков, которые противно хрустели на зубах, как свиные хрящики. Сухариков, как уже сообщалось выше, было много, поэтому их хватило всем,

хотя эти маленькие поджаренные кусочки хлеба отличались в доме Митрохина вселенским разнообразием, ибо перед изумленными гостями хозяин поставил:

1. Сухарики со вкусом арахиса
2. Сухарики со вкусом сыра
3. Сухарики со вкусом чеснока

Остался недовольным только Афанасьич, который поинтересовался у Васюхана, нет ли у того *в заначке* сухариков со вкусом мяса, причём, последнее слово произнёс так троглодитски, что все невольно сглотнули слюну, а старший джус, как под гипнозом, подвинул к Серёже одну из банок тушёнки, за которую тот деловито и принялся. Вторую банку ловко перехватил Мусаич, и все поняли, что отобрать её у педагога уже не получится никогда.

Дать всегда готов совет такой
тем, кто жаждет перспектив грядущих:
чем стоять с протянутой рукой,
лучше с длинной, цепкой, загребущей!

Как и прошлое блюдо, тушёнка закончилась тоже быстро.

– Вообще-то я подозревал, что это говядина, – задумчиво произнёс сторож, когда поруганная банка показала своё сверкающее дно.

– А ты думал, что это омар? – улыбнулся литератор.

– Хайям, царица лесная? – уточнил бывший текстильщик, нелогично обозвав древнего мужчину сказочным женским персонажем.

– Нет, – уточнил Володя, – крупный зверюга из породы морских десятиногих ракообразных… – Хотя Хайям тут тоже как бы при чём.

– А он-то каким боком? – поинтересовался Валера, который очень любил вот такие *посторонние* разговорчики – не только во время игры *в русскую кочергу*, а вообще.

– Да таким, – объяснил знайка, – что у него где-то к концу жизни прорéзался талант писать свои рубаи́ не только по поводу бухла, но, например, есть неплохой детский стишок именно о тушёнке.

– Говори, – разрешил военный трубач.

– Говорю, – эхом отозвался декламатор:

– Тушёнку жрать – знать надобно немало,
но главное – она чтоб не воняла:
всегда на сроки годности смотри,
и не забудь запить её бокалом!

В это время гости заметили, что недоеденными остались ещё бутерброды, но на них уже было противно смотреть, поэтому Полтавцев парочку, достав из котомки газету «Караван», завернул в одну из оторванных страничек, пробормотав что-то вроде: «На завтрашнее утро…», последний же бутерброд ленинец Курманбаев, не заворачивая ни во что, вначале зажал в горсти, как последнюю гранату, приберегаемую для себя и десятка врагов, а потом и вовсе засунул в карман штанов. «Завтра же суббота», расчётливо подумал он, «а, значит, время стирки. Вот я мои штаны жене постирать и подложу…». Посмаковав такую интересную мысль, педагог тут же стал жизнерадостным, словно пират, неожиданно обнаруживший в собственной *запазухе* карту Острова сокровищ.

Неожиданно от жены мысль Нуртая скакнула на его квартиру вообще, а от общего вида жилья – на полочку в спальне с дорогими его сердцу ленинскими томиками. На память немедленно пришло воспоминание о словах Ильича I – как раз про то, чем митрохинские гости занимались последние полчаса:

«Зажиточную часть населения надо на 3 дня посадить без хлеба, так как они имеют запасы и других продуктов, и могут по высоким ценам достать у спекулянтов»[182]

[182] В. И. Ленин, «Выступление в Петрограде по вопросу о мерах борьбы с голодом», ПСС, т. 35, стр.310 – прим. ист. редактора

Говорили мне старушки,
у которых брал я кур:
«Ленин кушал не горбушки,
а пирожные пти-фур!»

Не стал теряться и живописец Муравлёв, решивший, что оставлять что-то на столе – значит обижать хозяина, но так как на скатёрке осталось только блюдце с луком, пришлось немного пожевать и его, плача от умиления, что день, начавшийся так плохо, продолжается так хорошо!

– А жареной картошки у тебя нет? – сыто отрыгнув, неожиданно поинтересовался охранник, и все, вроде бы уже совсем объевшиеся, стали заинтересованно смотреть на хозяина, поэтому Кулемзин решил выручить стремительно бледневшего Митрохина.

Глава 129. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Кухóнные посиделки, окончание)

– Мне стыдно за вас, сограждане, – начал он выговаривать страждущим. – Нельзя так любить продукты, так позорно тешить свою плоть! Вы выглядите сейчас так, словно вместе за долгие десятилетия простояли перед советским (б) прилавком, дожидаясь гречки и трески, а ведь это целая историческая эпоха, которую мне, созна́юсь, уже давно хочется забыть!

Рыбу, мясо, сухофрукты –
всё готов я проглотить:
я люблю вкушать продукты, –
только чтобы не платить!

Все обалдело глядели на саксаульского цицерона, но перебивать его не решились, поэтому Альбионыча стало нести дальше:

– Мне, яйчики-бабайчики, совестно за вас перед отсутствующими здесь иностранцами! Ну, можно ли представить, что население священной Римской империи родилось только для того, чтобы выстоять очередь за костромским сыром и докторской колбасой?! Я лично этого позора представить не могу… Больно становится за вашу несознательность, как подумаешь о том, что все народы средневековья – от начала Реконкисты до закрытия Ренессанса[183] – от рождения до смерти, от открытия до закрытия магазинов стоят и ждут, когда выбросят сгущёнку или не совсем гнилые помидоры!

[183] С VIII по XVI века́ – прим. ист. редактора

«Чего это он разошёлся, мать честная?», подумал Афанасьич.

«Когда же закончится эта хрень?!», не совсем по-партийному подумал Мусаич.

«Надо бы его, святой Малевич, как-то успокоить», подумал Николаич.

«Как хорошо, что здесь сейчас нет йодистой Аиды», подумал Салихдзяныч.

«Хорошие люди, только жрут много…», подумал хозяин квартиры.

– Если бы умершие народы, – наконец закончил речь писатель, – вели себя так, как вы, дорогие товарищи-господа, мы бы ни в жизнь не достигли наших сегодняшних лучезарных свершений…

Ведь дело здесь не в криминале –
скорей, в отсутствии реформ:
живя, народы умирали!
Но мы-то живы до сих пор…

«И правда, чего это я разошёлся?», подумал Альбионыч. «И, кстати, с чего это всё началось? Ах да, с того, что Серёжа попросил жареной картошки. А если он вспомнит о ней опять, тем более, что уже открыл рот? Надо срочно перебить его наверняка зарождающуюся глупую мысль!»

И всё-таки литератор не успел, потому что охранник насчёт пожрать оказался слишком памятливым, и немедленно повторил свою просьбу.

– Серёжа, – ласковым голосом обратился Володя к сторожу. – Вот смотри: мы жарим картошку…

Полтавцев внимательно посмотрел сначала на свои руки, потом на руки вопрошальца, но никаких признаков кухонной работы не заметил. «Что-то здесь на так», подумал он. «Надо быть бдительнее…». А марсианин между тем продолжал морочить ему голову:

– Не воспринимай это так буквально, ведь я сейчас не о еде, а о филологии.

«Надо бы ещё в два раза усилить бдительность», панически подумал сторож.

Против лжи всегда бессилен,
правду я люблю одну:
срочно бдительность усилю,
чтоб меня не обману…

– И что у нас получается?

– Что, святой Малевич? – заинтересовался разговором Валера.

– А получается у нас – с точки зрения филологии – жареная картошка, то есть *с одной н*, как и положено по правилам.

– А разве бывает как-то по-другому? – спросил Батыршин. – Можешь привести какой-нибудь ёкарный пример?

– Конечно. Допустим, что в другой раз мы жарим всё ту же картошку, но теперь для вкуса решили добавить к ней грибы.

– Так, конечно, вкусней! – обрадовался Афанасьич, который уже начал забывать, с чего начался этот разговор.

– Дело здесь не во вкусе, – строго поправил его Альбионыч. – Просто в таком случае в итоге готовки получается картошка, жаренная с грибами, то есть уж *с двумя н.*

– Ловко, мать моя партия! – похвалил знатного филолога Курманбаев, но тут же подумал, что вот он и настал – тот случай, когда зарвавшегося писателя можно опозорить перед коллективом.

– Володя, – медовым голосом продолжил он, – а если мы пожарили картошку без грибов, но положили их на тарелку?

– А вот в этом случае всё возвращается, как выражалась одна неинтересная книжка без картинок, на кру́ги своя[184].

[184] Библия, Ветхий завет, Книга Екклесиаста, 1:6 – прим. богосл. редактора

«Чем займусь я на досуге?»,
размышлял один старик.
«На своя вернусь я кру́ги,
чтобы поломать язык!»

– В смысле, царица лесная? – удивился сторож, который вновь начал терять нить разговора.

– В том смысле, что у нас опять получилась картошка *с одной н*, то есть жареная картошка с грибами.

– Так это что получается? – поразился Серёжа. – Вот эта буква *н* зависит от того, в какой момент мы добавили грибы?

– Истинно! – воскликнул Васюхан, который был искренне благодарен Кулемзину за то, что тот так ловко увёл разговор о дополнительной еде в сторону.

– Да-а-а, – изумлённо протянул охранник, – а я и не знал, что ваша филология так хорошо разбирается в жратве!

Он поспешно выхватил из котомки заветную книжечку «Для му.мы.» и быстро, чтобы не забыть главного, накаракулировал: «В слове картошка нет ни одной буквы *н*, но она волшебным образом появляется, когда мы начинаем её готовить. Именно так утверждает главная наука на Земле – филология!»

И здесь высокий слог Афанасьича, которым только что насладился читатель, как всегда, испортил Курманбаев.

– Васюхан, – обратился он к хозяину, – а у тебя случайно не найдётся полиэтиленового пакетика?

– А тебе для чего? – с подозрением на кражу спросил Митрохин.

– Да вот косточки от курочки остались, так я их своей собачке отнесу.

Лайфхаком[185] я делюсь с гостями,
коль так умён к своим годам:
«Собаку я кормлю костями,
а мясо трескаю всё сам!»

[185] Набор приёмов «взлома» окружающей жизни для упрощения процесса достижения поставленных целей при помощи разных полезных советов и хитрых трюков – англ.

– А-а-а, ну, тогда ладно, – согласился старший джус. – Держи!

Он полез в шкафчик и вытащил оттуда большой пакет с маленькими пакетами внутри. Вижу, вижу, мой читатель, как ты сейчас заулыбался: не сомневаюсь, что и в твоём доме найдётся такой же!

Хозяин катрана протянул помятый пакетик Нуртаю, а литератор подумал о том, что, наверное, русские космонавты, даже находясь на орбите, тоже кладут пустые тюбики из-под еды в один большой тюбик.

И никто из присутствующих при этом событии даже не сообразил, что никакой собаки у Мусаича сроду не было!

Глава 130. ОНЕГИНСКОЙ СТРОФОЙ

И здесь Кулемзин вспомнил, что когда-то, в пору далёкой юности он любил экспериментировать с различными формами поэзии, и однажды добрался до самого́ Сергеича, а, вернее, до его са́мого известного произведения – романа в стихах «Евгений Онегин». А

то, что у него получилось в результате этого эксперимента, юный Альбионыч посвятил как раз жареной картошке, отобразив рецепт её готовки так называемой онегинской строфой. И пусть мой читатель простит автора за лишнюю стихостраницу в этом томе.

Не буду, право, я лукавить:
сегодня в середине дня
хочу, читатель, вам представить
рецепт, любимый для меня.
Как часто позабыв науку,
впадая в тягостную скуку,
знакомых отгоняя прочь,
мы сочиняем день и ночь.
Болезней хитрое коварство
тогда сумеем оценить,
когда нас будут выносить
и пачками совать лекарство.
Диета – это чья-то месть,
а надо было просто есть!
«Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь»[186] –
я с детства, скажем слава богу,
мог кулина́рией блеснуть:
спокойно выслушав советы,
готовил рыбные котлеты,
с *варёнкой* вкусный бутерброд
и из шиповника компот.
Без криков и без принужденья
на завтрак (помню до сих пор)
в омлет я резал помидор,
и иногда под настроенье
горбушку *чёрного* с лучком
я солью тёр и чесночком.
Довольно, я сказал немало,
ведь о рецепте речь веду:
беру с мясной прожилкой сало,
порезал – и в сковороду,
чтобы в процессе пережарки
оно бы превратилось в шкварки,
и вытек в благосклонный мир
экологично чистый жир.
Пока шипит оно и брызжет,
картошку режу и лучок,
а в морозилке первачок, –
чего ещё желать мне в жизни?
Ну, разве после, ослабев,
объятия желанных дев…
Не тяжко поварское бремя,
и чтобы получился пир,
я сало уберу на время,
картошку бросив в пылкий жир:

[186] А. С. Пушкин «Евгений Онегин», гл. 1 – прим. лит. редактора

пусть зреет, запахом пьяня,
на среднем пламени огня,
потом, не покладая рук,
добавлю постепенно лук,
и словно в младости мятежной,
порежу плавленый сырок,
налью холодный первачок,
и с пылкостью поэта нежной,
не просто так, не как-нибудь
за рифму отхлебну чуть-чуть!
«Что мне roast-beef окровавлённый,
И трюфли, роскошь юных лет»[187] –
картошки жареной, нетленной,
милей в сто раз и вкус, и цвет.
Пусть клубней будет век короткий,
добавлю соли две щепотки,
а шкварки с блажью на лице
в картошку высыплю в конце.
Браниться диетолог будет,
но праздник требует душа:
рассыпчата и хороша,
картошка теплится на блюде,
и средство давнее от ран –
на треть наполненный стакан!
Чем чаще мы картошку судим,
тем больше мы её хотим,
и сознаваться в том не любим,
что иногда её едим.
Пусть от диет страдают в клетке
анорексичные кокетки,
когда при взгляде со спины
все рёбра девичьи видны.
«Как часто в горестной разлуке,
в моей блуждающей судьбе»[188],
картошка, думал о тебе!
Картошка! Сколько в этом звуке
для сердца русского слилось!

♠ ♠ ♠

И сколько под неё спилось…

[187] А. С. Пушкин «Евгений Онегин», гл.1 – прим. лит. редактора
[188] А. С. Пушкин «Евгений Онегин», гл. 7 – прим. лит. редактора

Глава 131. В ЛОГОВЕ ДРУГА (О пироге́ с вишней и отрицании чая)

Увидев, что гости наконец вроде бы насытились, Васюхан вздохнул облегчённо, но на всякий случай спросил пришельцев:

– Чай, кофе?

– А что-нибудь ёперное покрепче есть? – сильно волнуясь, спросил Талгат.

«Херовато», словно о японце, зашедшем в гости, подумал хозяин, но вслух сказал совсем другое:

– Конечно, ещё есть орехи.

– Да я не про это, – потускнел взором трубач.

– Тогда чай, – почему-то за всех решил художник.

– Почему это чай? – возразил Курманбаев. – Кофе-то дороже!

– Халявный чай, – терпеливо объяснил Муравлёв, понизив голоса до минимума, – даёт целое море впечатлений!

Говорил всё время шкипер –
особливо как поддаст:
«Сколько б чая я не выпил, –
весь уходит в унитаз!»

– Васюхан, а к чаю у тебя есть что-нибудь? – на всякий случай поинтересовался Афанасьич.

– Есть! – обрадовался старший джус и вытащил из холодильника какую-то картонную коробку с нарисованной на ней пирогом. – Вот, пирог с вишней!

– «Пирог из вишни – слова излишни!»

– тут же отозвался искромётным экспромтом единственный поэт в этой компании.

– Отлично! – одобрил поэтический порыв Полтавцев. – А ещё можешь?

– Запросто, – ответил польщённый похвалой Кулемзин и одну за одной выдал ещё три экспромтных строки:

– «Пирог с инжиром – покойся с миром!»
«Пирог с капустой – вкусно и грустно!»
«Пирог с грибами – ты больше не с нами!»

Затем он поднял две руки, как бы защищаясь от бурных оваций, после чего многозначительно произнёс:

– А знаете ли вы, мои маленькие друзья, что чай по сравнению с пивом – жидкость бесполезная, а, может быть, яйчики-бабайчики, даже и вредная!

И как только было произнесено некое волшебное слово, случилось неожиданное.

– Ребята! – звонко, как на пионерской линейке, воскликнул Серёжа. – А ведь у нас горе, царица лесная!

– Что такое? Что случилось? – загалдели все, включая Васюхана, который день за днём всё больше проникался нуждами и проблемами покерного коллектива.

– Мы забыли про пиво, – свистящим шёпотом поведал беду охранник.

– Чёг’т, а ведь и пг’авда! – видимо, от волнения вновь перешёл на ленинский язык Нуртай, после чего для убедительности добавил:

– Мать моя паг’тийная ог’ганизация!

Здесь взор Альбионыча упал на остатки «Каравана», который Полтавцев не успел засунуть обратно в котомку.

– А давайте употреблять наш любимый напиток, – предложил он, – вместе с изучением всяких новостей. Глядишь, хоть что-то да влетит в ваши изголодавшиеся по знаниям тыквы!

– Давайте, – согласились все, после чего сторож раздал всем по бутылочке уже заметно тёплого пивка, а Володя взял газетный листок и для начала изучил его сам.

– Нам повезло, – вскоре резюмировал он изученное. – Здесь на одной стороне как раз новости, а на другой – всякие рекламные объявления.

– Ты, святой Малевич, читай давай, – попенял писателю живописец, делая огромный глоток, как боясь того, что остальное у него могут отобрать враги.

– Хорошо, – согласился Кулемзин и вначале приступил к новостям.

Это чёрт-те что, не знаю!
Как же страшно мне, ей-ей! –
новость жуткую читаю:
мол, не будет новостей!

Глава 132. В ЛОГОВЕ ДРУГА (О караване новостей)

Тут же выяснилось, что все новости, опубликованные на этой странице, оказались не отечественными, а иностранными, но общим постановлением высокого собрания было решено ознакомиться и с ними.

– Володя, давай! – решительно произнёс Николаич и даже придвинулся к чтецу на 2 сантиметра ближе – видимо, для более полного понимания русских слов.

И Володя дал:

«Власти Великобритании сообщили, что легендарные лондонские механические часы Биг-Бен вскоре заменят на электронные. Такое странное решение власти страны объяснили журналистам желанием идти в ногу со временем»

«Власти американского штата Алабама на законодательном уровне намерены изменить значение числа π – с 3,1415926 просто на 3. Своё решение они мотивируют тем, что нынешнее значение знаменитого числа нехристианское и его совершенно необходимо округлить до библейского значения»

И пока слушатели-кушатели переваривали странные изыски мысли заморских властей, Альбионыч вспомнил свой старый стишок – для лёгкого запоминания в числе π первых семи цифр после запятой:

Гордый Рим трубил победу
над твердыней Сиракуз,
но трудами Архимеда
много больше я горжусь.
Надо нынче нам заняться,
оказать старинке честь –
чтобы нам не ошибаться,
чтоб окружность верно счесть,
надо только постараться
и запомнить всё, как есть:
3, 14, 15, 92 и 6!

, а для наглядности даже изобразил суть сказанного синим концом серёжиного карандаша – на полях газетного листочка:

– А вот ещё одна американская новость, – объявил чтец-декламатор и, с общего одобрения высокого собрания, прочёл следующее:

«Сеть фастфудов «Burger King»[189] объявила о введении в своём меню нового блюда – гамбургера для левшей! Новый бургер, созданный специально для 32 миллионов американцев-левшей, будет включать те же ингредиенты, что и оригинальный, но все компоненты в нём будут перевёрнуты на 180°»

[189] «Королевский бургер» – англ.

– Надо же, – проникся новостью сторож и даже подвигал сначала правой, а потом левой рукой, но левша ли он, так и не определил.

А Володя тем временем прочёл ещё три иностранные новости:

«Наш антарктический корреспондент Джон Смит Младший сообщает, что из-за глобального потепления пингвины эволюционировали и неожиданно начали летать. Он сообщает, что съёмочная группа, работающая вблизи Антарктики над сериалом «Miracles of Evolution»[190], сняла пингвинов, поднимающихся в воздух, которые на радость людям выполняют фигуры высшего пилотажа»

На антенне крыши дома
я уже который год
прибиваю пингвинёчник
по весне – как идиот!
Жду, когда из Антарктиды
на зимовку полетит
стадо северных пингвинов!
Иль другой какой подвид…

[190] «Чудеса эволюции» – англ.

«Французское правительство приняло решение демонтировать знаменитую Эйфелеву башню. После демонтажа башню предполагается перевезти в строящийся французский Диснейленд и там собрать заново»

«Тревожное сообщение из Италии. Здесь в городке Кавриаго, подобно иконам с изображением Девы Марии, заплакала статуя Ленина. В город немедленно съехалось множество туристов, чтобы посмотреть на это небывалое чудо»

При упоминании имени вождя мирового пролетариата Мусаич привстал и несколь-ко мгновений смотрел в одну точку на стене митрохинской кухни, – там, где для неизвестной цели был забит маленький гво́здик, затем смахнул фальшивую непрошеную слезу и сел на место.

Альбионыч вздохнул и неожиданно к месту вспомнил, что́ именно Ильич I говорил о слезах: «Нужна именно вся бездонная пропасть народнического утопизма и народнической наивности, чтобы принимать вопли о рынках – эти крокодиловы *слёзы* вполне окрепшей и успевшей уже зазнаться буржуазии…»[191], после чего ему стало стыдно от таких воспоминаний, и он закончил чтение последней новостью:

«И ещё одно сообщение из-за рубежа – о небывалом урожае макарон в Швейцарии. Британские журналисты, случайно оказавшиеся в этой стране, утверждают, что швейцарцы в панике и не могут решить, что же им делать с гигантским урожаем макарон. Власти Швейцарии собираются срочно вести переговоры с властями Италии о закупке части урожая для производства *пасты*»

[191] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 96, статья «По поводу так называемого вопроса о рынках» – прим. полит. редактора

По утрам дочурку Дашу
заставляют кушать кашу,
а она ещё спросонок
просит только макаронок!

Под пивко, употребляемое внутрь организмов наших героев, никто не заметил, как Володя тяжело вздохнул и перевернул страницу другой стороной.

– Кончились новости? – поинтересовался очевидным живописец, которому, честно говоря, было всё равно, но поддержать разговор он считал необходимым.

– Кончились, яйчики-бабайчики, – подтвердил писатель, а в данное время чтец.

После этого эстафету тяжких вздохов подхватил хозяин квартиры, и в новом вздохе опытные покеристы прочитали любимое многими горькое слово *водка*, по которой с утра страдал Митрохин.

– Нет-нет, – поспешно произнёс педагог, – мы ещё не совсем насладились обществом друг друга! И, вообще, мать моя партия, водка губит человека…

– Но и человек водку не жалеет! – откликнулся Кулемзин, провожая взором Талгата, метнувшегося из-за стола в сторону васюханского домашнего сортира.

– А я так больше ви́ски люблю, – неожиданно признался представитель принимающей стороны, правда, не уточнив, что ви́ски он стал любить совсем недавно – после того, как стал работать старшим джусом в мошеннической фирме, занимающейся *левой* установкой антенн для спутникового телевидения[192].

[192] Об этом прискорбном факте – в главе 154 третьего тома романа – прим. гл. редактора

Но тему этого иностранного напитка так никто и не поддержал, и Курманбаев с удовлетворением отметил, что патриотический дух компании по-прежнему на высоком идейно-политическом уровне.

Вам скажу я от тоски
анекдот короткий:
«Ви́ски больно бьёт в виски́ –
мне бы лучше водки!»

И тогда экс-текстильщик, кинув взгляд на кухонный подоконник, неожиданно поинтересовался у Васюхана:

– Старичок, царица лесная, а чего это у тебя красное вино в такой маленькой таре?

Все вздрогнули и тоже посмотрели на подоконник.

– Серёжа, – укоризненно объяснил хозяин, – это градусник!

А писатель дождался возвращения саксаульского камер-юнкера и продолжил чтение – но уже рекламных объявлений, которые всегда забавили бермудцев своим нелепым содержимым.

Глава 133. В ЛОГОВЕ ДРУГА (О караване новостей, окончание)

Именно этим содержанием были наполнены сегодняшние сообщения о желаниях саксаульцев, которые не пожалели своего времени, чтобы сходить в пункт приёма и подать их в газету, благо дело такая подача с недавнего времени стала бесплатной.

Альбионыч устроился поудобнее и стал зачитывать вслух эти забавные миниатюры. В начале своего обзора он прошерстил объявления в разделе «Продам»:

«Продаю навоз конский – в мешках из-под сахара. При покупке от 100 тонн возможна скидка в 1,5 процента»

– Дай-ка я запишу ёперный телефон, – внезапно озаботился старший прапорщик, который недавно приобрёл дачу с садовым участком, и вот сейчас в его так и не отошедшую от похмелья тыкву пришла мысль о его унавоживании.

– Талгат, не надо, – предостерёг его Володя. – Здесь речь идёт о 100 тоннах!

– И всё-таки давай, – не послушал его военный музыкант. – Ты, видимо, невнимательно прочитал – ведь речь здесь идёт не только о каких-то дурацких тоннах, а о значительной скидке!

Охранник на этот раз уступил свой карандаш Салихдзянычу, который тщательно переписал телефон навозной фирмы, приборматывая при этом что-то вроде того, что «на всякий случай»

Люди умные нынче далече ушли,
утопая и в розах, и в позах,
но, увы, не придумал никто для земли
удобрения лучше навоза!

А газетный обозреватель продолжил своё рекламное обозрение:

«Дёшево продам клетку для игуаны. Игуана – в подарок!»

«Вниманию любителей чёрной икры! Продам вам большую ложку. Дорого!»

«Очень экстравагантной женщине продам эксклюзивную сумочку из цельного крокодила»

А вот последнее объявление из серии «Продам» заинтересовало буквально всех, так как и игроки, и художник, и даже старший джус мгновенно поняли, кто именно его подал. Ну, а автор надеется, что мой умный читатель это тоже поймёт, тем более, что объявление было подписано сразу двумя именами-погонялами:

«Продадим просроченную еду. Телефона нет. Искать на мусорке возле дома № 17 микрорайона № 2 города Отцеябловска. Спросить Танкиста или Одиссея»

Отоваривайтесь, люди, –
есть у нас любой продукт:
мы из мусорки добудем
и напитки, и еду!

Затем силами того же писателя озвучилась парочка объявлений из раздела «Куплю»:

«Срочно куплю оберег от злых людей. Желательно огнестрельный!»

«Куплю подержанную алюминиевую банку из-под пива. Дорого!»

Этим объявлением почему-то заинтересовался Серёжа, который тщательно переписал телефон подавшего его человека в заветный блокнотик «Для му.мы.», и это стало, пожалуй, единственным случаем за все опубликованные четыре с половиной тома романа «Русская кочерга»[193], когда полтавцевская книжечка пополнилась не мудростью, а какими-то невыразительными цифрами! И даже автор нашего повествования не знал, что в квартире сторожа в тайном месте за диваном скопилось уже 56 таких пустых баночек!

[193] На следующей странице 300 будет как раз 4,5 опубликованных тома – прим. гл. редактора

Остальные объявления публиковались в странном разделе, названном, как определил опытный Володя, в честь советской (б) повестки дня, то есть «Разное»:

«Интересное предложение, от которого невозможно отказаться. Хотите звоните, хотите нет!»

«Опытная колдунья предлагает особые услуги: сглаживание порчи и порчу сглаза»

«В Саксаульскую федерацию кёрлинга требуются опытные уборщицы»

«Высококвалифицированный экстрасенс быстро снимет похмельный синдром. При себе иметь 150 граммов водки и 1000 назарбаксов»

Но это предложение, как ни странно, не заинтересовало никого из присутствующих, а Афанасьич даже пробормотал что-то вроде того, что он и сам так умеет.

Увлекаясь чудесами,
пью всё больше водки я,
а в похмелье – сам на сам я:
сдохли все мои друзья!

А вот на следующее объявление: «Опытный туроператор бронирует любые отели в любой точке мира» откликнулся сам чтец-декламатор:

– Никогда не понимал этой услуги бронирования отелей. Ну, вот скажите, кому вообще нужен бронированный отель? Ведь я отдыхать еду, а не на войну!

После чего воскликнул:

– Серёжа, вот как раз для тебя объявление: «Очищаю ДНК от тёмных сущностей! Лечу бубном!»

– Как это? – подпрыгнул на митрохинском стульчике охранник.

– Думаю, что исключительно по тыкве! – объяснил Кулемзин, после чего заветная полтавцевская книжечка пополнилась ещё одной строчкой телефонных цифр – опять-таки на всякий случай.

Затем чтение продолжилось весьма полезной информацией, нужной буквально всем, кто по многу лет живёт в домах советско-саксаульской постройки:

«Потомственный сантехник в восьмом поколении, посвящённый Ведун Водной стихии Онаний Твердогубов предлагает:

- приворот-отворот труб
- скручивание венчика безводия
- сварка порчи водопровода
- укрощение змеевиков
- мануальное устранение засоров.

И, наконец, в исполнении художественного чтеца прозвучало последнее в стенах васюханской квартиры объявление: «Дамам от 25 до 55 лет! Муж на час! Выполню любую работу по дому. Если надо, останусь ещё на неопределённое время!»

Отремонтирую утюг,
повешу вмиг гардину,
вмонтирую настенный крюк
и размещу картину,
покрашу пол и потолок,
прочищу трубы в ванной,
и вставлю в дверь другой замок,
гостей спущу незваных,
поставлю *бывшему* фингал,
легко пропью получку,
затею ссору и скандал,
плюс дам соседям взбучку,
устрою ночью карнавал,
покрою бранью едкой,
сражу стихами наповал
и пересплю – с соседкой!

– Всё, что ли? – хмуро поинтересовался Митрохин, не оставлявший мыслей о напитках более крепких, чем пиво.

– Ещё здесь остался гороскоп на завтра, – сообщил Альбионыч и прочёл пару коротких строчек:

«У оптимистов всё будет плохо, но они этого не заметят.

У пессимистов всё будет хорошо, но им это опять не понравится»

Глава 134. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Рассказ Васюхана о старой электрокатастрофе)

Литератор свернул газетный листок и отдал владельцу, то есть Полтавцеву, который тщательно упаковал его в свою котомку – вместо того, чтобы воспользоваться мусорным ведром хозяина квартиры. Но о только что прочитанных Володей новостях и рекламных объявлениях все мгновенно забыли, потому что за окном шум, который ранее чудился невнятным морским ропотом, усилился сейчас до предштормового состояния. Митрохин выглянул в окно и произнёс:

– Так это же Афродита Сергеевна собрание проводит!

, после чего все вспомнили, что часом ранее, когда они только входили в гостевой катран, собрание КСК уже набирало свою силу. Кулемзин сообразил, что местная Афродита Сергеевна является аналогом их родной Жанны Пантелеевны – старшей по дому № 17, где проживали двое из игроков – Батыршин и сам Кулемзин, называвший общественницу коротко и обидно Ж. П.

Сейчас, слушая собрание возмущённых чем-то жильцов (а они, поверьте, в любой точке планеты всегда чем-то возмущены), гости Васюхана вспоминали такие же сборища на родной территории Бермудского Учпучмака, мой читатель наверняка вспомнил гла́вы 230-232 теперь уже далёкого первого тома «Русской кочерги», а у Володи создалось впечатление, что разом загомонила огромная стая попугаев.

Средь людей я осторожен –
пухнут уши, твою мать:
коллектив молчать не может –
любит коллектив кричать!

Затем шум усилился до такой степени, что ответственный квартиросъёмщик поспешно захлопнул окно и даже для надёжности задёрнул шторы, и правильно, кстати, сделал, так как неугомонное солнце, которое досаждало нашим героям ещё в первой части этого тома, во второй части распоясалось уже окончательно: его лучи били в упор, как лазерные пушки в «Звёздных войнах», а облака́, не спеша плывущие по своим делам, от августовского зноя светились безукоризненной белизной.

– Кстати, у меня с этой шатией-братией была одна история – лет 15 назад, – вспомнил Митрохин.

– Расскажешь? – попросил Альбионыч, тайно надеясь, что его пятый том пополнится ещё парой-тройкой интересных страничек.

– Расскажу, – пообещал Васюхан и немедленно исполнил обещание, после чего пошутил:

– Только учтите, что история моя страшная, так что нервных прошу *удавиться*!

Все согласились выслушать жуткую историю, открыли ещё по бутылочке пивка и поудобнее устроились на тесной кухоньке.

♠ ♠ ♠

– Как вы успели заметить, когда только прибыли ко мне, – начал рассказ хозяин, – мой дом это часть такого «кубика» из восьми двухэтажных домов. И вот однажды в этом нашем нанорайончике начал перегорать питающий кабель в 0,4 кВ.

Науки самозванное величество
вдолбило с самых ранних школьных лет:
всё в мире состоит из электричества,
всё остальное – ненаучный бред!

– А кВ – это что? – поинтересовался Афанасьич. – Кулемзин Владимир? Или коньяк такой раньше был? Или, не дай *дедушка*, Космический Воин Дрыгонож IV? – после чего все подивились могучей фантазии бывшего текстильщика, которая, надо сказать, проявлялась только в нетрезвом виде.

– Нет, Серёжа, – улыбнулся технически подкованный джус. – Это киловатт, о котором ты нам как-то рассказывал[194].

[194] Об этом в третьем томе романа «Русская кочерга», в главе 127 – прим. гл. редактора

– А-а-а, – осветилось улыбкой лицо охранника, после чего он добавил фразу, к которой все отнеслись с явным сомнением:

– Тогда всё ясно!

– Так вот, – продолжил историю Васюхан, – кабель этот, само собой, был в земле, поэтому просто так его отремонтировать возможности не было.

– Ну да, – неожиданно перебил его художник, – надо найти место повреждения, раскопать землю, возможно под доро́гой, вскрыть асфальт и так далее…

Все изумлённо попялились на Муравлёва, вспоминая, когда он успел окончить электростроительные курсы.

– Да, – придя в себя, произнёс рассказчик, – короче говоря, абы кто этого не сделает – нужны услуги специалистов. И вот прибывшие на место катастрофы нетрезвые, как всегда, специалисты из тогдашнего ЖЭКа, выяснили, что сгорела только одна фаза, правда, не объяснили жильцам, сколько их (фаз, а не жильцов) должно быть, после чего быстренько переключили все квартиры нашего дома на две оставшиеся фазы, но немного схитрили,

просто увеличив ток в проводах – сами понимаете, народ у нас умный, особенно нетрезвые электрики. И вот после этого напряжение в квартирах вместо положенных 220 вольт просело до 180!

На столбе сидел электрик,
перепутал провода:
– Ну, немножко звездануло,
220 – ерунда!

Вот в этот момент и объявилась Афродита Сергеевна, которая, к слову, когда-то закончила три курса ремфака Саксаульского сельхозинститута, так что к технике имела хотя бы какое-то отношение. Узнав, в чём причина еле-еле светящихся в квартирах лампочек, она начала кампанию по разъяснению проблемы среди жильцов, потому что электрики намекнули ей, что сделать всё по уму можно, но только за большие деньги, поэтому основной вопрос как раз и заключался в сборе этих средств. И вот тут началась трясина, в которой стал тонуть этот, в общем-то, несложный вопрос, потому что в пересчёте на одну квартиру в нашем доме, даже однокомнатную, надо было отдать, ну, скажем, как за 11 бутылочек «Тянь-Шаня»

«Ни хрена себе, мать честнáя!», подумал Серёжа. «Да я лучше до конца жизни пораньше спать буду ложиться!»

Говорит Ивану Света,
поминая чью-то мать:
«Коли в доме нету света,
то ложись скорее спать!»

И вот в этой трясине всеобщей жадности стал тонуть простой вопрос: на словах все были как бы *за*, но отдавать деньги желающих практически не нашлось. А время шло…

Увеличенные токи двух пока ещё живых жил кабеля продолжили греть ослабшую изоляцию, ведь дело было осенью, когда отопление ещё не успели включить, и все обогревались электричеством. И, наконец, успешно её сожгли! И только потом уже выяснилось, что в трансформаторной будке сгорели два из трёх предохранителей на 400 ампер.

– Это что же, царица лесная, у него столько родственников было? – поинтересовался Полтавцев.

– У кого? – посмотрел по сторонам рассказчик.

– Да у этого Андре-Мари Жан-Жаковича Ампера, – объяснил непросвещённым сторож.

– А как ты? А откуда ты, мать моя партия? – начал терять свою фазу педагог.

– Учиться надо было лучше, – объяснил ему Афанасьич, после чего Митрохин продолжил волнующую бытовую историю:

– Так вот, оставшаяся живая фаза стала греть землю, из которой состоит наша планета, и поэтому в неё уходила основная мощность, хотя в наши домá тоже кое-что перепадáло – вольт 50–60.

На небесах перегорели провода,
и наши ангелы на кабельных каналах,
кусая губы, выбирают *нет* и *да*,
а нам надеяться на «профессионалов»!

Глава 135. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Рассказ Васюхана о старой электрокатастрофе, окончание)

Вот тут наш народ поневоле зашевелился, пробудив в Афродите Сергеевне некоторую надежду, но, как оказалось, тщетную. С её подачи (Афродиты Сергеевны, а не надежды) начались стихийные собрания, похожие на вопли пьяного человека, который вдруг почувствовал, что у него прогорел сапог от костра, возле которого он спал. Стал участвовать в этих собраниях и я, так как лучше других понимал возникшую проблему, и даже рисовал на бумажке схему нашего общего электропитания, показывая её всем любопытным и рассказывая, отчего наше электричество всё уходит в землю.

А наша старшая по дому в это время параллельно моим объяснениям пыталась объяснить народу, что чем быстрее мы соберём деньги, тем быстрее снова превратимся в людей. И дообъяснялась до того, что процентов 50 жильцов всё поняли и даже были горячо согласны. Но вот остальные 50…

Да, ребята, до этого случая я думал, что хорошо знаю людей, но как же я ошибался – оказывается, в природе человеческой скрыто ещё множество тайн!

Живём мы в XXI веке –
с начала века путь не мал,
а что сказать о человеке?
Он Homo sapiens не стал!
По Дарвину – отряд приматы,
по самомненью – гордецы,
по разуму – дегенераты,
а по поступкам – подлецы!

Всем этим людям в их норках были нужны свет и тепло. У них уже были скорбные мордочки, они уже подвывали, в их глазах плескался ужас, они понимали, что произошло что-то страшное, но по-прежнему были убеждены, что что-то сделать по исправлению этого страшного должен кто-то другой, а не они. Простой денежный вопрос на ремонт вызывал у них ответный вопрос: а почему должны платить мы, а не государство?

И вот прошло ещё несколько дней, но в сознании наших жильцов не сдвинулось ничего. И вот наступил один из очередных тёмных вечеров, когда стемнело как-то особенно. И тогда я сделал фатальную ошибку.

– Решил повеситься, ёперный жилец? – под общий смех поинтересовался старший прапорщик.

– Хуже, – объяснил Васюхан. – По простоте душевной я купил лампу дневного света и повесил её у себя над рабочим столом, использовав при этом обратную трансформацию ЛАТРа[195], ведь с помощью него из 50 вольт сделать 220 совсем не трудно – разумеется, человеку знающему. Но я не думал, что всё обернётся ещё большей катастрофой: через час у моего подъезда собралась приличная толпа. Вначале я не обратил внимания на шум за окном – все эти стихийные митинги уже давно стали привычными. И всё было неплохо, если бы через 15 минут в мою дверь не постучали. Дальнейшее достойно пера товарища Кафки, но описать придётся мне, уж не взыщите.

[195] Лабораторный АвтоТрансформатор Регулируемый – прим. тех. редактора

– Франца Германовича, святой Малевич? – уточнил Николаич.

По Францу Кафке, мы не можем
идти туда, куда хотим!
Как странно, в общий план заложен
и суд негласный, и интим…

– Его, австрияка забубённого, – кивнул головой Митрохин и продолжил:

– Делегация состояла из двух организмов женского пола – Афродиты Сергеевны и её заместительницы Полины Михайловны. Они вежливо, но с какими-то ясно проглядываемыми лиловыми пятнами на лицах, поинтересовались, почему у меня горит свет в окне, в то время как ни у кого его нет? И я, дурак, ничтоже сумняшеся объяснил, что подключил лампу от трансформатора!

Моё объяснение было воспринято коммунальными дамочками, как если бы я стал им рассказывать про теорему Огюстена Луиевича Коши́. Вот тут у тёток и произошёл, фигурально выражаясь, взрыв парового котла: орать они начали одновременно, да так, что я не смог разобрать ни слова.

Но это было бы ещё ничего, если бы на крики в подъезд не стали подтягиваться силы моральной поддержки. Сначала я даже хотел выйти на площадку, чтобы всё объяснить неразумному коллективу жильцов, но потом всё-таки не решился. В конце концов, прошло ещё несколько минут, после чего в потоке ревущего ада я уже стал различать отдельные слова.

Жаль, что я не видел себя со стороны: думаю, что у меня в тот момент глаза́ полезли из орбит! И тут я понял: оказывается, они на *сходняке* под моими окнами решили, что это я отключил их дома́ и забрал всё электричество себе. А больше всех орала как раз Афродита Сергеевна – о том, что теперь она не сомневается, что именно я стоял во главе этого заговора с электриками, а половину денег, которые все должны были собрать, я, как главный заговорщик, должен был забрать себе, а вторую половину отдать на пропой электрикам!

Заявленье исковое
подадим мы мастерски –
смело заговор раскроем
и отправим в Соловки!

И все эти люди уже готовы были меня четвертовать, но вдруг произошло чудо: в моём подъезде появился человек в плаще и шляпе, и все поняли, что пришёл какой-то начальник. Он властной рукой остановил самосуд надо мной и заявил, что наше прошение об устранении неполадки в электрохозяйстве вверенного ему участка будет устранено завтра – силами районного энергохозяйства. После чего все жильцы, как будто только что не собирались меня убивать, быстренько разошлись по домам, а Афродита Сергеевна взяла под руку начальника и, напирая на то, что она старшая по дому, а, значит, тоже начальница, ещё долго с ним разговаривала. И, кстати, не извинилась передо мной до сих пор!

Так что, други мои, много чего изменилось с тех пор, и кое-что даже в лучшую сторону, но я понял одно: люди не меняются! Да, времена меняются, а вот люди – нет!

♠♠♠

Прослушав удивительную историю, все призадумались о чём-то своём, и только Афанасьич тут же откомментировал её также удивительно:

– Оно ж как бывает? Ляжет человек спать, а проснётся совсем в другом месте! Например, в гробу…

– Это ты о чём, мать моя партийная организация? – воскликнул педагог.

– Да откуда я знаю? – вздохнул сторож. – Я же не философ, как Володя…

Глава 136. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (Девятый блок)

– Ты на меня стрелки не переводи, – строго попенял ему литератор. – Я про твои гробы тоже ничего не знаю.

– Да я не перевожу, – с тоской пробубнил бывший текстильщик. – Я вот думаю, что ты сейчас скажешь, что пора, мол, завязывать с посторонними разговорами, а пора бы сыграть партейку-другую – как вчера, когда мы были в гостях у Валеры.

– Ты не устал, сынок? – озаботился Кулемзин.

– От чего?

– Да от такого, яйчики-бабайчики, длинного предложения! А, кстати, что ты сам предлагаешь?

Полтавцев тут же приосанился, как бывало всегда, когда кто-то спрашивал его совета, и радостно выпалил:

– Для эффективной игры, Володя, как известно из книги профессора Фекалина «Эффективный менеджмент в условиях капитализма», нужен настрой. А что может нас настроить лучше, чем здоровый, радостный смех, который лично *у мене* вызывают твои сказочки, мать честнáя!

– Просим, просим, – загалдели остальные, да так настойчиво, что Альбионыч даже забыл спросить, откуда Серёжа знает про учёную книгу профессора Фекалина.

А потом все присутствующие порадовались за сказочных персонажей, о которых им рассказал покерный гуру. А теперь пусть порадуется и мой читатель…

♠♠♠

1

Вышел Кощей Бессмертный на крыльцо и почесал сначала сундук, потом зайца, потом утку, потом…

2

У трёх поросят, оказывается, был четвёртый брат и звали его Иф-Иф, но он отбывал свой срок в зáмке.

3

– Буратино и сейчас продолжает дарить нам тепло, – ласково произнесла Мальвина и подбросила в очаг очередное деревянное полено…

4

Негритянский мальчик плакал, извивался, кричал, но так и не смог вырваться из цепких лап Мойдодыра…

5

Читают дети странную сказку и думают: что же это за мукý хранили дед с бабой в сусеках, если после испекания из неё хлебобулочного изделия, оно начало самостоятель-но кататься, говорить и издеваться над голодными животными?

Если б глупый Колобок
не пошёл гулять в лесок,
не дразнил лесных зверей,
а дорогой шёл своей,
может, эту сказку вам
он рассказывал бы сам!

6

Спасал-спасал Дед Мазай зайцев, пока контролёр из автобуса не выгнал…

7

Поднял Иван-царевич чудо-меч и заработал себе чудо-грыжу!

8

Попав в Японию, Чебурашка научился есть палочками, но остатки по привычке сгребал ушами…

9

Три дня и три ночи тёр Аладдин волшебную лампу, пока, наконец, не увидел на потёртом боку надпись «Made in China»

10

У Адама и Евы был идеальный брак: ему не приходилось выслушивать рассказы обо всех мужчинах, за которых она могла бы выйти замуж, а ей не приходилось слушать, как готовит омлет его мама…

Мы в жизни разбираться не умеем!
Адаму с этим больше повезло:
съев яблоко, обляпанное змеем,
он с ним познал добро, а после – зло.
А мы, фундаментально помудрев,
всё больше заседаем нужниками,
забыв, что даже фрукты с райских древ
опасно рвать немытыми руками!

♠♠♠

Наконец Володя, почувствовав, что они засиделись в столице митрохинской квартиры, то есть кухне, напомнил присутствующим о правилах хорошего тона.

– Из гостевой кухни следует уходить вовремя, – сказал он, – чтобы не нервировать хозяина…

Нуртай ещё раз с сожалением оглядел быстро опустевший стол и поднялся.

– Да-да, – произнёс он проникновенный учительским голосом, которым обычно разговаривал с богатыми родителями своих учеников, – надо совесть иметь. Вот меня, например, она уже начинает грызть!

– Если тебя грызёт совесть, выбей ей зубы! – посоветовал мудрый писатель. – И пусть она потом тебя нежно обсасывает…

Не слушай совесть, старина,–
давно коварный враг она!

Глава 137. В ЛОГОВЕ ДРУГА (КГБ, СаксГУ, туалет)

– А не пора ли, други мои, – продолжил он тронную речь, – как недавно выразился некий Курманбаев, совесть иметь?

– Что ты имеешь в ёперном виду? – поинтересовался военный музыкант с отчеством Салихдзяныч.

– Да то, что все мы собрались здесь, у нашего товарища Васюхана, вовсе не для того, чтобы объесть его на пятилетку вперёд…

После этих слов литератора все скромно потупились.

– …а для того, чтобы, объев его на пятилетку вперёд, потом немного поиграть в нашу любимую *русскую кочергу*. Не так ли?

– Видишь ли, Володя, – витиевато начал предложение только что упомянутый Муссаич, но вынужден был остановиться – для того, чтобы потереть раненую коленку.

А раненой она оказалась после того, как на слова педагога с места сорвался Батыршин, придав своему телу невиданное ускорение – в сторону васюханского туалета. Все укоризненно посмотрели на преподавателя еврейского колледжа, а сам хозяин даже покачал головой, хотя никто так и не понял, что же означало это покачивание. Зато все присутствующие неожиданно вспомнили, что поглотили немереное количество пива, а потом, извратив свои организмы, ещё и чая (!), и срочно отправились вслед за старшим трубачом.

Вместе со всеми отправился занимать очередь и Альбионыч, по дороге думая о том, как много стихов из своего безразмерного творческого запаса он написал именно в этом скромном помещении.

Другого места, что ли, нет в квартире,
и остальные комнаты плохи?
Но почему-то именно в сортире
частенько сочиняются стихи.
Сидит поэт, позируя Родену,
хотя его давно слепил Огюст,
стоически сидит вторую смену,
по твёрдости и сам уже как бюст.
По древнему поэтскому поверью
стихи всегда должны рождаться в ночь,
но родственников возгласы под дверью
уносят мысль рифмованную прочь.
Поскольку дверь удерживают руки,
и щели есть меж стареньких досок,
уходят стайкой запахи и звуки –
немного вверх и чуть наискосок.
Журчит вода, и кажется, что это
открылся вдохновения канал:
сбылась мечта усталого поэта…
Звучат литавры, выписан финал!

Правда, он немного отстал от покеристов и примкнувших к ним хозяина квартиры и внебрачного правнука святого Малевича. И почему же? Да потому что, нарушая конный топот побежавшей в сторону сортира толпы, в кармашке его марсианской рубашки раздался очередной звонок. Писатель вытащил аппарат из предмета одежды, нажал соответствующую кнопочку и услышал голос, который не слышал, по крайней мере, лет 20. Это был его однокурсник Витя Провоторов, а, вернее, *один-из-курсников*.

И теперь, мой любопытный читатель, автору придётся объяснить этот неологистический термин, только что придуманный им (автором, а не читателем). Дело в том, что, поступив после школы в СаксГУ на факультет журналистики, Володя проучился в нём только один год, а потом, сдуру переведясь на заочное отделение, как выражались в те времена, *загремел* в армию, где и отслужил на радость родине целых два года.

А после армии, восстановившись, продолжил обучение, но не плавно – год за годом, а рывками, ибо, к тому времени уже став оформившимся антисоветчиком, постоянно попадáл в какие-то истории, контролируемые саксаульским КГБ, который после недолгих

разбирательств рекомендовал руководству университета расстаться с таким морально неустойчивым студентом. Правда, через какое-то время в игру с отчизной вступала мама нашего героя, работавшая в ту пору в Отцеябловском обкоме партии, и уже на следующий год будущий журналист Кулемзин оказывался в числе вновь принятых в столь суровый вуз. А КГБ, тихо посопев в дырочку, отдыхал в сторонке, так как связываться с партийными óрганами решительно не хотел, но всё-таки приглядывал за строптивым студентом.

Короче, дело закончилось тем, что вместо пяти стандартных лет он (студент, а не КГБ) проучился аж 12, за кои успел поработать в трёх газетах, с друзьями-диссидентами начать издавать подпольный журнал «Вопль»[196], жениться и завести своего единственного ребёнка – Вована Вованыча.

[196] Об этом журнале – в книге-сборнике «Вопль. История одного журнала», издательство «Картуш» (г. Орёл), 2014 год – прим. лит. редактора

Ох, как же приходилось мне вертеться,
чтоб выжить в этой радостной борьбе –
тотальной слежкой обеспечил с детства
меня, врага народа, КГБ.
И вроде бы работал я в редакции,
и был режима верноподданный верблюд,
но государство, как страны абстракция,
не оставляло без надзора жизнь мою.
Под телескопом или микроскопом
летели дни, недели и года,
но я не становился филантропом,
ведь знал, что под надзором я всегда.
Минуло всё. Но как я ненавижу,
что столько лет пришлось прожить в огне,
и до сих пор во сне порою вижу
ту руку, что сжимала горло мне…

Так вот, об одно-из-курснике Провоторове. Витя был студентом одного из тех многочисленных потоков, на которых когда-то пришлось учиться Володе, и марсианин не раз встречался с ним в газете «Кзылординская правда», где тот работал после окончания университета, когда бывал в командировках в этом степном областном городке.

А позвонил однокурсник со следующим предложением: встретиться через неделю в отцеябловском кафе «Театральное» – видимо, для того, чтобы облобызаться с давно не виденными приятелями по учёбе, нажраться с ними и под нажираловку вспомнить самые весёлые случаи из студенческой жизни. Сам Витя, как расслышал литератор, звонил уже навеселе, как бы заранее тренируясь перед основной встречей.

Честно говоря, сегодняшние воспоминания о СаксГУ у Альбионыча сводились лишь к активистам из числа бывших сержантов Красной Армии, которые сгоняли стадá своих сокурсников в душные аудитории, где косноязычные преподаватели долго и постно читали полусонным студентам свои курсы, бóльшую часть которых составляла псевдонаучная мертвечина типа марксистско-ленинской философии и исторического материализма. «Нет, не приду!», решил он, когда отключился от пьяного сокурсника.

Пусть и памятью короткой
обвиняют (это факт!),
но на встречу с пивом-водкой
не хочу идти никак!

Подойдя к митрохинскому сортиру последним, он увидел подобие советской очереди, где все пришедшие к самой маленькой комнатке в квартире, в нетерпеливом ожидании выделывали ногами затейливые псевдотанцевальные па, которые окончательно вышли из употребления ещё в конце семидесятых годов.

Когда мы сходим в гости, неспроста
нас тянет всех в отхожие места…

И тогда землянин неземного происхождения сделал то, что делал ежеутренне – перед началом великой игры, а именно произнёс формулу особо секретной марсианской технологии *кръътръъпръъ*, которое накладывало заклятье на организмы всех гостей, включая самогó покерного гуру, а также хозяина катрана. А заклятье это срабатывало тогда, когда в организме наших персонажей происходили маленькие революции – уретровые или фекальные, и тогда марсианская технология накладывала на эти ненужные в процессе дня желания своё вето. Вот так, только к середине пятого тома, читатель получил разгадку на мучившую его уже столько времени загадку: как же справляются сопокерники и их друзья с тем количеством пива, кое им доводится употреблять!

Всех потряс такой вот гранью –
и знакомых, и семью:
заблокировал желанья –
и по-прежнему я пью!

Глава 138. В ЛОГОВЕ ДРУГА (И вновь радио)

Когда все находящиеся в квартире Васюхана, включая самогó Васюхана, вернулись на кухню, никто из них даже не вспомнил, зачем же они так напряжённо стояли длинной очередью в туалет. И это ли не является подтверждением тому, что автор нисколько не обманул своего читателя – насчёт применения Володей таинственной марсианской технологии. Напротив, всем захотелось ещё пивка, благо дело взято его было много, и столько же доставлено к месту назначения благодаря вместительному багажнику кавказского такси Ираклия.

Все вновь, теснясь, чинно уселись за кухонный стол, и Кулемзин только было открыл рот, чтобы известить высокое собрание о начале первой гостевой партии, как Митрохин неожиданно встал, протиснувшись между художником и сторожем, подошёл к висевшему на стенке старенькому радиоприёмнику – вот такому:

, и включил его, как выражаются в таких случаях пролетарии, на полную катушку. Радио натужно откашлялось и начало своё непрекращающееся вещание, а Альбионыч с досадой подумал о том, что игру опять придётся отложить на неопределённое время.

Еле-еле я сдержался,
чтоб не матюгнуть стране:
только карты сдать собрался,
как опять налили мне!

Он уже не первый раз удивлялся даже не тому, что с момента выхода предыдущих выпусков в мире происходят какие-то новые события, а тому, как быстро узнают о них радийщики, чтобы радовать своих слушателей снова и снова, забивая их и без того бестолковые тыквы ненужными подробностями из жизни планеты. На сей раз невольные радиослушатели начали внимать новости как бы с середины слова:

«…путаты Госдумы Российской Федерации решили убрать алкоголь с витрин, мотивируя это тем, что пришедший за хлебом или сыром покупатель может случайно купить бутылку водки»

«И ещё несколько новостей из сопредельной нашей стране России», объявила ведущая и продолжила обзор.

«Несколько дней назад мы передавали новость об очередном падении запущенного российского спутника. И вот нам в редакцию пришло сообщение о внеочередном заседании Государственной Думы: чтобы и впредь не допустить таких инцидентов на орбите, депутаты собираются принять ряд важных поправок к закону всемирного тяготения»

Пожалуй, закона важнее и нет,
ведь это – закон тяготенья,
с ним связаны жёстко орбиты планет
и яблока с ветки паденье:
для шарообразных и точечных масс
взаимное их притяженье
изменится ровно во столько же раз,
во сколько их масс умноженье.
Но главное в этом законе квадрат –
квадрат расстоянья до центров,
квадрат задаёт орбитальный парад
планет – жёстко, без сантиментов!

«В связи с нехваткой в России обуви для малообеспеченных слоёв населения праздничные надписи на автомобилях «В Берлин за немками» будут заменены на «В Прагу за чешками» и «В Ханой за вьетнамками»

«В мире науки. Сколковские учёные изобрели землю, которая должна гореть под ногами жуликов и воров. Первые испытания закончились сильным пожаром»

«Из российского северного города Норильска вернулась группа саксаульских учёных, изучавших там северное сияние. Проведя полгода в нечеловеческих условиях крайнего Севера, учёные пришли к выводу: красиво!»

«В мире культуры. В концертном зале «Россия» прошёл концерт эстрадных звёзд, посвящённый дню защиты детей. Концерт оставил светлое, радостное чувство: все дети звёзд защищены и пристроены на эстраде»

«Вопиющей семейственностью по-прежнему занимается известный российский композитор Родион Щедрин. В его новом балете «Капитал» по произведению модного писа-

теля Карла Генриховича Маркса жена Щедрина балерина Майя Плисецкая исполняет заглавную роль Прибавочной Стоимости»

«В Астрахани прошёл долгожданный концерт группы «Виагра» Таких арбузов астраханцы ещё не видели!»

«Вчера известный иллюзионист Дэвид Хайманович Копперфилд прошёл сквозь Кремлёвскую стену. В стене его встречали: товарищ Суслов, товарищ Громыко, товарищ Устинов и другие официальные лица»

«Новости силовых структур. ФСБ России выпустил голосового помощника «Павлик». Новый голосовой помощник слушает кухонные разговоры, и при обнаружении крамолы выдаёт устное предупреждение, а при повторном нарушении печатает повестку в прокуратуру!»

Где лодки, бункеры, ракеты?
И где подземные НИИ?
Вы охраняете секреты
могущества родной страны!
Так будьте начеку всегда вы,
как ваши деды и отцы,
хранители родной державы,
непобедимые бойцы!

«Парад «Женщины без косметики», прошедший сегодня утром на Красной площади Москвы, распугал гей-парад, ОМОН и шабаш сатанистов»

«И несколько слов о новинках литературы. Бомжи Курского вокзала Москвы в соавторстве с бомжами Казанского вокзала выпустили сборник «Грязелечение: полезные советы»

«Вышла из печати новая книга серии «ЖЗЛ» под названием «Ленин и бревно. Интимная жизнь вождя»

Нёс Ильич бревно одно…
Лично мне – так всё равно!

Глава 139. В ЛОГОВЕ ДРУГА (И вновь радио, окончание)

«А теперь», сделала таинственную паузу радиоведущая, «послушайте новости нашей республики»

«Саксаульскими учёными найдено доказательство существования параллельных миров. Этим мирам неоднократно посылали радиосигналы, но им всё параллельно!»

«Саксаульские зоологи обнаружили в лесах новый вид животных – ёжиков-нудистов: они сворачиваются в клубок наоборот!»

«Саксаульские астрономы впервые представили учёному миру планеты фото чёрной дыры. Как и следовало ожидать, она чёрная и выглядит как дыра!»

В чёрных дырах постоянство –
нет там времени с пространством,
света нет и нет теней,
нет мельканья быстрых дней,
нет зимы, весны и лета,
отпусков там тоже нету…
(Многое понять готов,
но как же быть без отпусков?!)

«Интересные новости со всего света»

«В Америке изобрели дорожный бетон, из которого можно строить дороги, не требующие ремонта в течение 200 лет. «Какая отвратительная и запредельно-циничная русофобия!», прокомментировал это сообщение президент России Владимир Путин»

«Румынские учёные создали такой мощный лазер, что даже боятся его включать»

«В Новой Зеландии коз и овец наконец-то официально признали деньгами»

«В Китае найден заброшенный город-миллионник»

«Многолетние исследования монгольских учёных закончились полным триумфом: они доказали, что использования пароля «2» ведёт к большей защищённости компьютерных данных, чем применение общепринятого монгольского пароля «1»

«Полным провалом завершились съёмки корейской версии сериала «Ко мне, Мухтар!», начатые в КНДР по решению великого руководителя Ким Чен Ира. Уже первая серия кинофильма закончилась трагически – из-за скоропостижной гибели актёра-животного, исполняющего главную роль»

Поймал он только было вора
и раскрутил интриги нить,
сожрали главного актёра!
И некем было заменить…

«В мире интересного. Сборщик чая на плантациях Липтон в Индии даже не подозревает, что собирает чай с нежностью и любовью»

«И в заключение нашего выпуска – пара брачных объявлений», торжествующе объявила ведущая.

«Женственная штангистка-тяжелоатлетка взвалит на свои хрупкие плечи все тяготы семейной жизни. В рывке – 150 килограммов, в толчке – 200 килограммов»

«Молодая, привлекательная, умная, но бедная девушка мечтает познакомиться с мужчиной, обладающим противоположными качествами»

– Слушай, Володя, – прослушав последнее объявление, обратился к писателю Афанасьич, – а, может, мне самому́ дать такое объявление, а то я их писать не умею.

– Про девушку? – уточнил Кулемзин.

– Нет, про меня.

– Понял, диктую, записывай: «Отдамся в хорошие женские руки. В еде неприхотлив, налево уже отгулял, к туалету приучен, зарплату приношу домой. Все прививки. Отзываюсь на Котю, Солнышко, Зайчика и др. Грязные носки складываю в специально отведённое место. Не кастрирован!»

– Нет, не пойдёт, – безапелляционно заявил сторож.

– Почему? – удивился Альбионыч. – Да после такого объявления тебя любая с руками оторвёт!

– Не могу обманывать будущую даму сердца, – объяснил экс-текстильщик. – Вот ты говоришь про грязные носки, что, мол, *слаживаю* я их в специально отведённом месте. А ведь у меня такого места дома сроду не было!

Если скучно и тревожно,
сердце ноет от тоски,
если что-то невозможно,
постирай свои носки!

«Как стало известно от человека, пожелавшего остаться неизвестным, он и в дальнейшем намерен сохранять анонимность»

На слове *анонимность* Володя не выдержал и, хотя все собирались хором уточнить про смысл сказанного, решительно выключил радиоточку, после чего горько произнёс:

– Может, хотя бы одну партейку сыграем? Может, ваша навеки уснувшая совесть немножечко проснётся? Может, вы дадите возможность реабилитироваться вашему товарищу Полтавцеву, чтобы он выиграл хотя бы одну партию сегодня?

Последний аргумент был очень серьёзным, и не согласиться с ним не смог даже педагог Курманбаев!

Партейку, как назвал это святое действо беспринципный литератор, было решено сыграть прямо в банкетном зале, то есть на кухне, но сразу же оказалось, что есть вшестером тут ещё было можно, а вот играть вчетвером рядом с двумя сочувствующими – уже нельзя, так что поневоле пришлось переходить в зал.

После страшно полных кружек,
что сравнимы лишь с ведром,.
для игры нам очень нужен
стол – как тот аэродром!

Глава 140. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Гостевая партия)

Кстати, его (Курманбаева, а не аргумент) пришлось немного подождать – педагог перед игрой сходил в ванную комнату, где тщательно помыл руки, словно собирался немедленно провести хирургическую операцию по извлечению мозгов из оставшихся покеристов, а потом выиграть несколько партий у них, безмозглых.

– Ну, что ж, дорогие господа и один товарищ, – по его возвращении возвестил Володя, потрясая свеженькой, ещё не распечатанной колодой, – наш августовский расширенный пленум позвольте считать чуть-чуть приоткрытым!

Когда все расселись по местам согласно купленным билетам (Шутка! – Вл. Г.), Альбионыч наконец распечатал новенькую колоду, которую, как наверняка помнит мой внимательный читатель, взял из дома ещё в главе 118. Колода эта была необычной – производства бельгийской фирмы «Carta Mund», где туз, например, обозначался не буквой А, а единицей, король же – и вовсе буквой R[197]. Размер у карт был тоже непривычным – 56 х 87 миллиметров, видимо, для того, чтобы разладить шулерские потуги игроков. Серёжа тут же схватил туза, внимательно разглядел его и позорно назвал единицу *однёркой*.

[197] От лат. Rex – царь

Есть у нас своя метóда,
как упрёки ни горьки:
иностранная колода –
только наши игроки!

Было видно, что *русская кочерга* вошла в жизнь этих людей, словно бульдозер в скопление отживших свой век домишек, игра прочно захватила их, как магнит проделывает это с морально неустойчивыми канцелярскими скрепками.

Сражение началось с уже привычной всем *тёмной* по одной карте. И вроде бы ниче-го не значила эта позиция в общем раскладе игры, а всё же иногда именно она определя-ла дальнейшее продвижение покериста. Вот и сейчас Салихдзяныч, почувствовав неожиданный укол в печени, принял его за какой-то таинственный знак Суки-судьбы, после чего решительно заказал одну взятку, хотя остальные вполне логично отпасовались.

И каково же было неподдельное удивление старшего трубача президентского оркестра, когда эту взятку забрал Серёжа Полтавцев. Володя в это время с чистой совестью записал себе и Нуртаю по 10 очков за реализованные пасы, сторожу 2 очка – за перебор, а вот несчастному военному музыканту – минус 50 очков в строгую и непреклонную *раскладку*[198]! И только одно немного примирило Талгата с суровой действительностью – это то, что печень, которая только что побаливала, сейчас притихла – видимо, от удивления за бестолковость своего хозяина.

[198] Кстати, именно в эту серьёзную книжицу Полтавцев был записан как автор антирекорда – минус 281 очко за одну партию – прим. автора

Печень мне порой кричала: «Баста!
Вызывай скорее докторов!»,
укоряла: достаётся часто
ей от хулиганов и ментов.
Я и сам хотел бы с ней полегче,
но включаю новости с утра –
и вливают в печень столько желчи,
что налить 100 грамм давно пора!
Вот и нынче, после опохмела,
пью опять и мучает вопрос:
как же ты, родная, уцелела,
как тебя ещё не съел цирроз?!

И, казалось бы, незначительным было это происшествие, казалось, что впереди ещё аж 26 робберов, чтобы не только отыграть этот позорный минус, но и вырваться вперёд, и, может, даже победить, но вот это желание как можно скорее покончить с минусовым покерным существованием тут же начинало торопливо порождать новые ошибки, тут же заставляло неоправданно рисковать, а ни торопливости, ни глупого риска великая *русская кочерга* не прощает никому, даже включая славных защитников так называемой родины.

Поэтому не удивительно, что после семи первых робберов, которые вполне справедливо назывались *разминочными,* у Батыршина к этому времени не только не появился игровой плюс, но ещё и увеличился минус – до 88 очков. Он беспомощно хватал ртом раскалённый воздух Бермудского Учпучмака, но это помогало немного: в перегретой тыкве обер-корнета, кроме законных 37°, что давало ласковое земное солнце, как пьяные пчёлы, роились ещё не менее 15-20° вчерашнего алкоголя, которые никак не желали покидать такое уютное гнёздышко. И не удивительно потому, что татарин только часто оглядывался по сторонам, словно бы ища поддержки у неведомых сил окружающего его эфира. Но вот его взор напоролся на понимающий взгляд Митрохина, который участия в игре не принимал, но зато охотно принимал сразу два фактора: во-первых, пивко «Тянь-Шань» – бутылочки одну за одной, и во-вторых, сочувствие ко всем тем, кто в данный момент отставал в игре.

Я сочувствую болезным, –
но для жизни бесполезным…

– Не переживай, Талгат, – глядя прямо в глаза страдальцу, произнёс художник. – У меня самогó по молодости ещё и не такое бывало!

Искра надежды тут же зажглась в безумном взоре старшего прапорщика. «Неужели кому-то когда-то было хуже, чем мне сейчас?», с радостью подумал он. А Васюхан, видя

общее внимание, рассказал совсем коротенькую историю – страшную, как и вся советская (б) действительность.

Армейская история Митрохина

– Давно это было, ещё в советское время, – по-былинному начал он повествование. – Начало моей службы в армии проходило в учебной дивизии, а конкретно в батальоне связи. Как-то наш взвод проходил общевойсковую тренировку на полосе препятствий, и к нам подошел командир батальона подполковник Гуляев-Чумиченко. Посмотрел он, как мы тренируемся на полосе препятствий, а потом предложил: мол, кто преодолеет полосу не более чем за минуту, получит отпуск домой на десять суток.

Надо сказать, что в то время получить отпуск на первом году службы было просто нереально. И вот из всего взвода я один пробежал полосу препятствий менее чем за минуту, то есть за 52 секунды. А подполковник молча постоял, ничего не сказал и ушёл.

– Наверное, он, мать моя партия, пошёл к высшему командованию хлопотать об отпускных документах, – сделал нелепое предположение никогда не служивший в Красной Армии Курманбаев, после чего пятеро служивших посмотрели на него с презрением. И правильно сделали, так как рассказ антенщика закончился вполне логично:

– В конечном итоге, этот отпуск я так и не получил. Но выиграл только в одном – после этого случая для меня навсегда было разрушено представление о слове чести советского офицера!

Помни афоризм крылатый,
хоть немного грязный:
«Офицеры и солдаты –
из вселенных разных!»

И только после того, как еврейский зять осознал, что довелось испытать в жизни его товарищу, ему сделалось немного легче. А партия, как поезд под горку, продолжала набирать ход. И тут тоже было всё как всегда: то один, то другой игрок в попытках вырваться вперёд, рисковали напропалую, и кому-то этот риск Сукой-судьбой прощался, а кому-то нет, поэтому после первой половины партии игровые значения у всех четверых участников побоища были совершенно разными. Но это как раз было неудивительно, потому что разными были и темпераменты покеристов, и их самочувствие, и даже давление, которое к моменту принятия не менее чем восьми бутылочек реанимационных напитков должно было давно стабилизироваться, но почему-то выравниваться не хотело.

В организме погремушка
замолчала, побренчав,
давит в тыкве, потому что
нет тонометра сейчас!

Глава 141. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Гостевая партия, продолжение)

Больше всего Альбионыч, который строго следил за раскладочными записями, удивлялся «игре» бывшего текстильщика. Создавалось впечатление, что ни полугодовая учёба, ни двухлетняя практика после неё ничего не дали утомлённым жизнью мозгам сторожа. Глядя на потуги Афанасьича при розыгрыше очередного роббера, покерному гуру казалось, что тот играет так, как обычно играют в шахматы голуби: раскидают все фигуры, нагадят на доску и улетят. Вот и сейчас, на роббере из 12 карт перед *тёмной*, охран-

ник вначале заулыбался, не в силах скрыть радость от трёх пришедших джокеров, а потом закручинился, потому что в результате роббера всё-таки не добрал взятку. Он обалдело вертел головой и даже вглядывался в грязное окно митрохинской квартиры, словно надеялся, что через стекло ему откроется истина, которую какой-то гад до этого времени от него тщательно скрывал.

– По-моему, Серёжа, ты только что сделал ОНО, – улыбнулся Володя.

– Како тако оно? – изумился сторож.

– Не оно, яйчики-бабайчики, а ОНО, – поправил его писатель, а потом, чтобы и читатель, наконец, узнал эту волнующую тайну, расшифровал:

Охрененно
Невероятное
Открытие

А заключалось это открытие, по мнению писателя, в том, что Полтавцев наконец-то узнал, что даже с тремя джокерами можно влететь *по неполной*, то есть на одну взятку из трёх заказанных!

– Как же так, мать честнáя? – изумился пролетевший. – Ведь я же *очевидно* должен был взять своё!

– Старичок, – философски обратился к сторожу марсианин, – иногда очевидное оказывается совсем не тем, чем нам кажется с первого взгляда.

– А пг'имер можете пг'ивести, батенька? – сложил по-ленински руки Нуртай, а потом для убедительности добавил:

– Мать моя паг'тия!

– Конечно, – не стушевался объяснялец. – Например, все давно знают, что на Канарских островах нет никаких канареек! Кстати, то же самое можно сказать и о Новодевичьем монастыре в Москве.

– Что, царица лесная, там тоже нет канареек? – наивно вопросил Полтавцев, чем вызвал дружный смех знатных бермудцев, после чего сторожу не оставалось ничего, как только изобразить на лице носорожью покорность Суке-судьбе.

Разум просто растревожен!
Минус это или плюс?
Покорюсь судьбе, но всё же
буду жить как *Заратуст*!

На этот раз пострадавшего решил поддержать ещё один не участвующий в игре персонаж, то есть художник Муравлёв.

– Я тебе, Серёжа, вот что скажу. Я на днях читал в газете «Вечерний Отцеябловск», что у нас в городе сейчас находится один московский учёный, который за большие деньги (и, кстати, за один сеанс) делает из человека экстрасенса. Думаю, что тебе надо у него поучиться.

– Да я и сам иксатренс! – неожиданно заявил Афанасьич.

– А доказать можешь? – спросил его военный, который и сам не раз замечал у себя подобные способности – после двух с половиной литров *красненького*.

– Конечно! Ко мне вообще всякие предметы прилипают!

– А не пг'иведёте ли пг'имер, батенька? – повторно прокартавил ленинец, для убедительности заложив руку за воображаемую ленинскую жилетку.

– Да запросто, – не стал чиниться охранник и тут же изобрёл русский неологизм. – Клейкопластырь, например!

Пластырь шлёпну я с размаху
на Тортиллу-черепаху!

Но, конечно же, эти мелкие (прости, русский язык!) абстрагирования, кои так любил неиграющий художник, не могли отвлечь покеристов от главного, поэтому игра худобедно, но продолжалась, пока не дошла до своей логической середины, или *тёмной* на 12 картах. Все, включая опытного Кулемзина, немного побаивались этой опции, и было от чего, ведь сейчас от трёх распутных сестёр, а именно Пёрки, Прухи и Везухи, зависело, с каким набором очков у каждого игра покатится вниз, как с Ленинской горки. Поэтому в данный момент Володя был особенно бдительным, одним глазом глядя на рубашки пришедших карт, которые до заказа смотреть было нельзя, а другим считывал физиономические характеристики, причём, не только противников, но и Митрохина с Муравлёвым – на всякий случай!

Но вот робкие заявки были сделаны, после чего покеристы перевернули карты и, старательно пряча их друг от друга, принялись изучать пришедшее, а Альбионыч уже упомянутым вторым глазом вначале удвоил, а потом даже и утроил внимание. И вот что он увидел.

Так, Курманбаев, увидев пришедшие карты, вначале расцвёл в улыбке, словно кактус на подоконнике, а потом как бы спохватился и сделал печальную гримасу, пробормотав что-то про мать его партию с лживыми модуляциями в голосе.

Так, Батыршин, глядя то в карты, то в *раскладку*, в которой была записана его *рисковая* заявка в 5 взяток, громко сопел, как крокодил у стоматолога, и было видно, что он сейчас колеблется, точно последний осенний лист на ветке карагача. Волнение его выдавал и бутылочный блеск во взоре, который сейчас шарил по обстановке митрохинской квартиры, словно бы ища подсказку в ковре, косенько висящем на стенке, или половике, косенько лежащем на полу, или на люстре, косенько подвешенной на потолочном крючке.

Так, Полтавцев, у которого «мозг» работал на полных оборотах, вырабатывая варианты и версии, думал сейчас совсем не об игре, а о том, как бы сегодня не облажаться в очередной раз, когда вечером придёт его подруга Зуля, а он по причине глубокого алкоголизма не сможет открыть ей дверь.

С бодуна и перепуга,
глядя с тихого угла,
не пустил свою подругу,
а она бухло несла!

Так что, как успел заметить мой внимательный читатель, все названные автором персонажи были человеками, и, как выражался Кулемзин, ничто человеческое им было не *в падлу*.

Сам же Альбионыч не просто тупо глядел в пришедший роббер, а напряжённо работал головой, как некий Буонапарте в Итальянскую кампанию, то есть также, как и Наполеон Карлович, думал о том, как бы победить всю эту *иблисову* тучу врагов, а именно Габсбургскую монархию, Неаполитанское, Сардинское и Сицилийское королевства, Венецианскую и Генуэзскую республики, Великое Тосканское, Моденское и Пармское герцогства, не говоря о таком серьёзном противнике, как Папская область! «Человек человеку друг, тамбовский товарищ и брат!», чтобы сбить посторонние от игры мысли, подумал литератор, а хорошо разглядев свои карты, даже замурлыкал, но, конечно же, мысленно, чтобы не выдать (прости, русский язык!) диспозицию противникам:

«Не откажите старому еврею –
и проживёте очень много лет:
вы посмотрите, как от страсти млея,
в руке мозолистой трясётся пистолет…»

«Пора начинать есть с ножа, а то излишняя доброта меня погубит», в это время подумал сторож и решительно произнёс:

– По мизе́рам, царица лесная!

– Отменяю! – раздался голос справа от него.

«Ну что за свинья!», расстроено подумал литератор и оглядел покерный столик. Сделав несложные расчёты, он понял: по всем законам фэншуя выходило, что ме́ста для такого человека, как Нуртай, здесь нет.

Глава 142. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Гостевая партия, ещё одно продолжение)

«Какой плохо мотивированный поступок!», мелькнула вторая за последнюю минуту важная мысль у Володи, ибо объявление Серёжей мизе́ра было для него какой-то нелепой выдумкой, пустым звуком, как для трёхлетнего ребёнка слово *секс*.

Оказалось, что страшное слово *отменяю* произнёс никто иной, как извечный враг покерного гуру Курманбаев, и это было бы понятно сразу, если бы он вслед за этим словом произнёс свою любимую присказку про мать его партию, но именно сейчас – от волнения и предчувствия лёгкой победы – Нуртай забыл свои заветные слова.

– …и с размаху кинули в чёрный воронок[199]! –

обескуражено пробормотал писатель. Надо признаться, что он никак не ожидал подобного развития и до этого крайне паскудного сюжета игры, навязываемого беспринципным педагогом, хотя, чтобы не потерять лицо, тут же придал себе вид беспечного горожанина, впервые вырвавшегося на природу весной после тяжёлой и затяжной зимы, то есть постарался изобразить полное безразличие к словам Мусаича.

[199] Строка из песни Владимира Высоцкого «Песенка про джинна» – прим. муз. редактора

А автор, чтобы поддержать своего любимого героя, даже объяснит читателю, что наука, кою он сейчас представляет, выделяет целых три разновидности безразличия: цветовое – фиолетово, геометрическое – параллельно, и музыкальное – по барабану. Хотя и признаёт, что у нас (и в Саксаулии, и в России) распространена более глобальная разновидность – по́ хрену!

Что большие нам деньжищи,
кои можем сосчитать?
Всё нам по́ хрену, дружище, –
даже хрен по 1.05[200]!

[200] Для читателей, не обладающих поэтическим воображением: рубль ноль пять – прим. автора

Со сладким чувством вседозволенности партиец заметил колебания Альбионыча, после чего на всякий случай решил повиниться, хотя в так называемой душе у него сейчас играли диджериду[201] и конго[202].

[201] Музыкальный духовой инструмент аборигенов Австралии – прим. муз. редактора

[202] *Латиноамериканский ударный музыкальный инструмент – прим. муз. редактора*

– Ты знаешь, Володя… я вообще-то не хотел… потому что думал… мать моя партия… что так получится… когда я… – виновато забормотал он.

«*Дедушка*, какой циник!», возмущённо подумал литератор. Поняв очередную пакость большевика, печалью наполнилось большое сердце великого поэта и страдальца за простой народ.

Ему тут же захотелось научиться стрелять глазами, но не так, чтобы типа флиртовать, а так, чтобы смертоносными лазерными лучами!

– Как же ты не любишь людей, – посетовал Нуртай, увидев это желание в глазах марсианина.

– Что ты, сынок, – парировал Володя. – Я к людям нормально отношусь! У меня даже некоторые друзья – люди.

С детства весь такой хороший,
склонный доверять зверью,
я люблю собак и кошек,
правда, с ними я не пью!

И вот тут, всё от того же волнения и предчувствия лёгкой победы, о которых уже говорилось в третьем абзаце этой главы, у Курманбаева случился приступ некой болезни, не описанной ни в одной медицинской энциклопедии, а именно *восторгоз*, который выразился в том, что, ощутив свою полную безнаказанность, он (Курманбаев, а не восторгоз) сделал первый ход не покером, как задумывал ранее, а младшим джокером, произнеся роковую почти для всех формулу:

– По козырям!

С разной степенью досады выложили свои самые крупные козыри Альбионыч и Салихдзяныч, а вот Афанасьич неожиданно забрал всё это роскошество старшим джокером, после чего сразу же пошёл козырной двойкой.

– Зачем же так? – воскликнет мой читатель, а автор объяснит ему, что бестолковый охранник ~~просто перепутал масти~~ сделал это намеренно, так как в его тыкву впервые за два года игровой практики пришло прозрение, что ходить надо было именно так, ведь тогда на его маленькую карту посыплются чужие карты большего достоинства, а ему только этого и было надо, потому что, кроме этой двойки, у сторожа на руках ещё оставались козырные валет, десятка и восьмёрка, что давало, как когда-то говорил, правда, по другому поводу, Уинстон Рэндолфович Черчилль, неплохие шансы.

Шанс – надежда на успех!
Правда, только не у всех…

И на сей раз прозрение Полтавцева не подвело: Кулемзин скинул козырную пятёрку, а вот преподаватель еврейского колледжа, испугавшись не на шутку, потому что за ним следующий ход должен был делать Талгат, побил взятку покером! И это было уже второй ошибкой партийного, а первой, если помнит мой внимательный читатель, было то, что он вообще сел играть с Кулемзиным.

– Ну-ка, дружок, приляг пузцом на амбразуру! – пробормотал писатель, предчувствуя скорое поражение своего главного идеологического противника.

А Нуртай, уже окончательно впав в панику, пошёл козырной дамой, кою к этому моменту полагал за самую старшую карту, оставшуюся в игре, что, конечно же, было ещё одной ошибкой педагога.

– Постойте, а ещё один младший джокер? – вновь воскликнет мой читатель, внимательно следящий за жестокой сечей. И на этот раз он будет прав! Именно такой последний *гранд* оказался у Полтавцева (помните, он первым объявлял мизе́р?), который и пригрёб ещё одну потенциальную взятку Нуртая. И тут Мусаича наконец-то охватило сомнение в своём выигрыше. Но, разумеется, было уже поздно! А великий саксаульский афоризматик, из скромности не назвавший свою фамилию, тут же озвучил мысль, родившуюся в его патлатой голове:

Сомнения находятся в шаге
от беспокойства, в двух шагах
от тревоги и в трёх шагах от паники.

– Серёжа, зачем же ты так? – панически прокричал педагог.

– Да это такой как бы щит, – со счастьем в голосе начал оправдываться уроженец деревни Семижопино.

– И он же как бы меч, – со счастьем в голосе дополнил его информацию писатель..

Кто имеет щит и меч,
может воинов увлечь!

– Эх, старичок, а я ведь тебя не только за соседа, но и за друга держал, – горько стонал коммунист, сжав голову ладонями, и в этот момент он показался театралу Альбионычу Несчастливцевым[203] – в его диалоге на просёлочной дороге со Счастливцевым[204].

[203] Актёрский псевдоним центрального персонажа комедии А. Н. Островского «Лес» трагика Геннадия Демьяныча Гурмыжского – прим. лит. редактора
[204] Аркадий Счастливцев – комик, парный к трагику Несчастливцеву персонаж комедии А. Н. Островского «Лес» – прим. лит. редактора

– Ты, Нуртай, на меня авторитетом не дави, – солидно произнёс в ответ сторож. – Лично у меня, как завещал поэт Маяковский, «к мандам почтения нету!»

В этот момент и живописец Муравлёв, и антенщик Митрохин, не сговариваясь, решили поддержать страдальца, и хором, как будто репетировали эту фразу несколько дней, проговорили в сторону Курманбаева:

– Да не переживай ты так. Ты же знаешь, что нервные клетки не того-этого…

После чего уже один Николаич добавил непременные слова про святого Казимира Севериновича, видимо, постоянно и незримо присутствующего в голове художника.

Глава 143. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Гостевая партия, почти окончание)

В общем, как видно, буквально все, включая неиграющих Валеру и Васюхана, были заняты своими делами. Нашёл своё дело и Володя, тщательно записав в честную *раскладку* итоги этого печального для Мусаича роббера, после чего повернулся к Серёже и показал ему некий знак – вот такой:

«Дырочка, мать честна́я!», тут же определил значение знака сторож, но попросить расшифровать его постеснялся, а вот автор, который вообще не стесняется ничего на свете, решил объяснить, откуда же вообще взялся этот *о'кей*, который он для себя непонятно называл *жестом двух ошибок*. Почему же?

А дело заключалось в том, что жест этот родился ещё во времена гражданской войны в Америке, или войны Севера и Юга 1861-1865 годов. В это время представитель северян генерал Уильям Чарлзович Шерман, видимо, чтобы зашифровать свои послания, писал на планах операций (прости, русский язык!) аббревиатуру OK, что означало «Всё верно». Но так как он был военным, совершенно не удивительно, что слабо знал литературный английский язык, потому что фраза «Всё верно» по-английски пишется «All correctly»[205]. То есть из двух (!) букв генерал не угадал ни одну! Но коротенькое словцо с тех пор пошло́ гулять по миру, а первая буква из этого *о'кея* и стала дырочкой, которую угадал Серёжа.

[205] Читается Олл Корректли (OK) – прим. переводчика

Среди житейских миражей
«В порядке всё» и есть о'кей!

Но игру надо было заканчивать. Удар, который пропустил в свои ворота Нуртай, был сильным, и всё-таки он не оставлял слабую надежду занять хотя бы третье место, ибо после двух недобранных взяток Мусаич влетел на 90 очков, а Афанасьич, взяв свои 120, сразу же вырвался на второе место, причём, шёл, как выражаются монголы, *ноздря в ноздрю* с Кулемзиным, отставая от лидера всего на 22 очка. Хотя даже у неиграющих живопис-ца и старшего джуса, внимательно следивших за битвой титанов, не было сомнения в том, что шансов на победу у большевика было не больше, чем у кривоногого носорога побе-дить в прыжках с шестом Сергея Бубку.

– А кто сейчас сдаёт? – дрожащим голосом спросил охранник, всё ещё не справляясь со счастьем, упавшим на него сразу тремя чугунными гирями.

Батыршин, на которого ткнул пальцем Альбионыч, схватил колоду и начал нервно её тасовать, после чего также нервно сдал игрокам по всё тем же двенадцати картам, правда, с одним отличием – что они будут играться в открытую.

Мы в открытую играем,

наслаждаясь адом/раем!

Литератор открыл пришедший роббер, сверил его с открытым козырем и произнёс фразу, которая сразу же вызвала панику у остальных игроков:

– Дышите глубже у моря мечты!

Произнеся этот вздор, Кулемзин, нащупав главное слово в только что прозвучавшем предложении, стал упоённо насвистывать знаменитую увертюру Феликса Авраамовича Мендельсона «Морская тишь и счастливое плавание», причём, своим художественным свистом пытался охватить партии двух классических флейт, одной флейты-пикколо, двух гобоев, двух кларнетов, двух фаготов, двух валторн, трёх труб и по одному контрафаготу, серпенту и литаврам, одновременно с этим составляя в голове черновой план предстоящего сражения. Но Салихдзянычу, как человеку музыкальному, показалось, что свистун сфальшивил в безоблачной теме солирующего кларнета, и ему немедленно захотелось устроить дилетанту писателю на горячей от солнца черепушке соло для барабана дунумба[206] без оркестра.

[206] Большой басовый барабан народов Западной Африки – прим. муз. редактора

В страшноблизкой перспективе
потерять свою семью
барабан стучит по тыкве,
пробуждая мысль мою!

Варианты мелькали в голове марсианина, словно конфетти в новогоднюю ночь. На его лице была написана жажда прибавочной стоимости, глаза в этот момент напоминали штормовые облака, собравшиеся над островом Борнео, а взгляд был холодным, как Семёновский плац в день гражданской казни[207] Достоевского.

[207] Имитация расстрела петрашевцев (Михаил Буташевич-Петрашевский, Николай Момбелли, Николай Григорьев и Фёдор Достоевский) 8 декабря 1849 года в Санкт-Петербурге – прим. ист. редактора

Мусаич в противовес тирану сидел тихо и смирно, демонстрируя собой образец *ридикюльного* поведения. Тревога, владевшая им, взяла в руки прутик и слегка хлестнула по сердцу. Мысли педагога метались, точно чайки в бурю, но хороший физиогномист мог легко прочесть то, что сейчас думалось партийному: «Добровольно уступающие победу не имеют обыкновения страдать от поражения, потому что получают взамен другое: ощущение победы над собой или, вернее, ощущение победы над тоскливой правильностью мира». А, может, ему думалось совсем другими словами, но какое это сейчас имело значение – в тот момент, когда он, оглядев пришедшие карты, понял, что если и возьмёт пару взяток, то и этого будет достаточно для крайне маленького и скудного счастья.

Я такой неприхотливый,
только мысль моя страшна:
счастье – это бочка пива,
радость – кружечка одна…

А вот старшему трубачу повезло куда как больше: от обилия козырей, причём, при полной поддержке *грандов*, он выглядел ошалевшим, точно изумлённый пассажир поезда Москва-Баку, проснувшийся утром и увидевший за окном вагона со́сны, сугробы и ма-

терящихся мужиков в телогрейках. Ему стало так хорошо, что даже возникло желание исполнить партию пионера Пети на дудке в *полуодноимённой* симфонии Сергея Прокофьева «Петя и Волк»

«Так-так, яйчики-бабайчики», уловив военные флюиды удовольствия, прищурился покерный гуру, «по-моему, эксплуатируемые массы поднимают гóловы!»

Наконец Полтавцев сделал первый ход, причём, без всяких раздумий, а, напротив, закрыв глаза и вытащив случайную карту наощупь. Ею оказалась десятка червей – по совместительству единственный козырь охранника.

– Можно, я перехожу? – попросил он у всего общества, но ответил ему почему-то только один записывающий:

– Конечно, можно, Серёжа, только в этом случае – по правилам – с твоего лицевого счёта будет списано 20 очков.

– А, ну тогда не надо, – быстро согласился экс-текстильщик.

К этому игровому эпизоду остаётся только добавить, что описываемую взятку, как и предполагал Володя, забрал музыкант, тут же пойдя старшим джокером со словами *по козырям!* Все подавленно скинули разнокалиберные козыри и поняли, что, если прапорщик сделал такой рисковый ход второй по значению картой в игре, значит, и первая карта, то есть покер, тоже у него! А вот это уже было посерьёзнее строгого выговора за пьянку в общественном месте, который однажды получил Афанасьич на 1 Мая.

Ах, какой удар жестокий –
нет сейчас его страшней:
покер, джокер, старший джокер
и десяток козырей!

Объективности ради надо сказать, что это был такой красивый и сильный ход, что если бы дело происходило где-то на XXV съезде КПСС (б), в честь Талгата ещё бы долго не смолкали бурные аплодисменты, переходящие в овацию.

– Да, твои фантазии, старичок, – произнёс писатель и выразительно посмотрел на военного, – это первые шаги на скользком пути оригинальности. А первые шаги, как известно из «Курса лечебной физкультуры Минтяжпрома СССР (б)», не бывают твёрдыми. Ведь даже я, невзирая на мою перекрученную *фиктивную* жизнь, располагаю определённой границей моральных стандартов.

– Что ты имеешь в ёперном виду? – встревожился унтер-офицер, у которого счастье от только что выигранной взятки сменилось на еле слышное засвербевшее чувство опасности – как заживающая десна на месте удалённого зуба.

Альбионыч оглядел Батыршина с головы до пояса, ибо всё остальное не было видно из-за покерного столика, – словно плотник, примеряющий, какого размера приготовить для него последний приют, и решил не отвечать. Почему? Да просто писатель постановил для себя применить здесь нехитрый психологический трюк, когда неизвестность лишь усиливает чувство опасности, но при этом не усиливает бдительности, а, напротив, уменьшает её – в силу индивидуальных особенностей похмельного организма трубача. Вот видишь, мой читатель, какие тонкие нюансы приходится учитывать нашим героям – для того, что тебе было интереснее переворачивать страницу за страницей!

Вот оказия какая,
что попала в мой финал:
я страницы не листаю –
книгу эту сам писал!

Глава 144. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Гостевая партия, окончание)

Что наша жизнь – трагедия, известно практически каждому, поскольку каждый знает о неминуемом финале этой пьесы. Но что наша жизнь – ещё и комедия, понимает и чувствует далеко не каждый из её участников, ибо не дано понимать и чувствовать всем живущим на нашем странном шарике одно и то же.

Кулемзину повезло: он ощущал сразу оба этих жанра, но стенать, скулить и жаловаться считал глупым, так как видел бесполезность этой идеи. Наш герой полагал, что она, мягко говоря, снижает высокую пожизненную трагедию человека до сопливой и слезливой мелодрамы, да к тому же пошлой, ибо тысячами уст прослюненной на все лады. А тот неоспоримый факт, что каждая такая личная трагедия включает в себя множество смешных эпизодов (видимо, как свидетельство таланта нашего незабвенного *дедушки*), проходит почему-то мимо большинства высоколобых описателей. Но Володю интересовали в жизни именно такие эпизоды: он их замечал и про них расспрашивал, ему от них теплело, светлело и хорошело, хотя часто бывало просто стыдно.

И зная точно, что я не растаю,
минёт меня вселенская беда:
кому-то жизнь – трагедия большая,
а мне она комедия всегда!

Между тем, массовое культмероприятие, в которое неугомонный покерный гуру втянул весь коллектив, продолжалось, а, вернее, заканчивалось. Неутомимым героям покерного фронта осталось сыграть всего ничего: пять-шесть робберов, которые в здешних кругах было принято именовать короткими, да последнюю *тёмную* на 12 картах.

Увидев пришедший роббер на 6 картах, Володя тут же пришёл в хорошее настроение, довольно замурлыкав:

– Первым делом мы испортим самолёты!
Ну, а девушек? А девушек потом!

Педагог как-то сразу про себя решил, что писатель блефует, но двое из его соперников, то есть Талгат и Серёжа, насторожились, затем каждый из них вытянул по сигаретке – из кармана и котомки, после чего на тесной кухне запахло лесным пожаром. Дым тут же начал скапливаться под потолком, вызывая в памяти какую-то неведомую венерианскую атмосферу, и клубы его были такими плотными, что оба курильщика просто не заметили каждый по одной карте: старший трубач не увидел козырного короля, а сторож и вовсе младшего джокера! И, конечно, эти просчёты в зрении не могли не сказаться на итоге роббера: Батыршин пролетел на одну взятку, а Полтавцев на две, так как от огорчения, что вовремя не заметил *гранда*, при последнем ходе выбросил его *за простую*.

И только хитрый Курманбаев взял свои две взятки, увеличив общий призовой фонд на 45 очков. И всё-таки, чтобы догнать Кулемзина, ему надо было даже не то чтобы постараться, а просто один раз сильно рискнуть, причём, желательно на *тёмной*, где, как давно известно моему читателю, уже поднаторевшему в правилах *русской кочерги*, удваилось всё – и выигрыши, и проигрыши.

В это время Муравлёву, уже основательно похмелившемуся за прошедшее с утра время, стало жалко проигравшего охранника, и его потянуло на уважительные чувства.

– А хочешь, святой Малевич, я твой портрет напишу? – неожиданно предложил он Афанасьичу.

– Хочу, царица лесная! – загорелся идеей проигравший, хотя, помнится, ещё во втором томе «Русской кочерги» получил в подарок от художника картину маслом[208]. – Ты только не пиши на нём ничего, а лучше нарисуй!

[208] И это действительно так: именно шоколадным маслом Муравлёв наваял картину для подарка Полтавцеву – под названием «Автопортрет». Об этом – в главе 234 второго тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

Не поминая мать честну́ю
и остальное всё бабьё,
картину маслом нарисую –
и с бутербродом съем её!

– Валера, не мешай, пожалуйста, – попросил генерал игрового процесса. – Если уж ты внезапно озаботился творческим процессом, то тебе, как главному ученику святого Малевича, думаю, не составит труда набросать портрет нашего товарища по памяти.

– Точно! – согласился художник, правда, не учтя того, что свою память он уже давно и надёжно пропил.

А Серёже в это время в его шалую тыкву пришла другая идея – проанализировать только что случившийся провал.

– Слушай, Володя, – обратился он к литератору, – а как ты догадался, что у меня младший джокер, а покер именно у Нуртая? – поинтересовался он.

– А я не догадался, яйчики-бабайчики, – просто ответил Кулемзин. – Я вычислил.

– Да ну! – засомневался сомневающийся.

– Именно, – подтвердил марсианин. – Я просто сделал факторный анализ для первых четырёх групп ваших взяток. И, кстати, не пучь гла́зки, сынок, ведь, честно говоря, это не я придумал, а некий Уильям Джимович Кросби, аналитик из Пентагона, когда искал канал утечки секретных сведений.

– Нашёл? – озаботился проблемой утечки хозяин квартиры.

– Нашёл, пропадлюка, – улыбнулся рассказчик. – Если помните, тогда четверо *наших* саксаульских дипломатов выслали из США…

Если, парень, ты шпион,
то катись отсюда вон!

– А вот лично мне, мать моя партия, удивительно другое, – неожиданно вступил в чужой разговор преподаватель еврейского колледжа. – Обсуждаете чёрт-те что, а вот меня, который блестяще взял свои две взятки, похвалить никто не догадался!

– Васюхан, – поглядев на Курманбаева, обратился Альбионыч к Митрохину, – а у тебя есть лишний стул и какая-нибудь тряпочка?

– А тебе зачем? – удивился хозяин катрана.

– А мне и не надо, – объяснил Кулемзин. – Принеси их, пожалуйста, Нуртаю – пусть сидит и молчит.

– Как это? – заинтересовался сторож.

– Серёжа, ты когда-нибудь слышал выражение «Сиди и молчи в тряпочку»?

– Конечно, слышал. Так его что, Васюхан придумал? – «догадался» Серёжа и стремительно, как какой-нибудь заправский писатель типа Александра Александровича Дюма, начал строчить в свою знаменитую книжечку «Для му.мы.». Володя попытался было заглянуть в неё через плечо, но это ему не удалось, так как на страничку, которую пытался испоганить Полтавцев, от кухонного окна падало слишком много света, увеличенно-

го тем, что окно было из стекла, а не, например, из бычьего пузыря, как это было принято у русских людей ещё совсем недавно – в XII веке.

– Вставю я пузырь в окошко!
– Может, вызвать *неотложку*?

И вот, наконец, наступило самое тревожное время любой партии – последняя *тёмная*. К этому времени приоритеты в игре практически не поменялись, правда, за исключением того, что поменялись местами (при этом не пересаживаясь на другие стулья) Нуртай и Талгат, причём, военный музыкант оказался на втором месте – после Володи. Узнав этот ужасный факт, Мусаич отчаянно завертел головой, как будто ему за шиворот залетела муха. Он понял, что при всём желании и умении скакнуть с третьего места на первое чрезвычайно трудно и даже практически невозможно. И предчувствия, как и предсказывал в своём стихе русский поэт Фёдор Миллер, его не обманули!

Не повезло педагогу сразу из-за нескольких факторов: во-первых, Афанасьич, который *по любому* оставался на последнем месте, метал карты как *дедушка* на душу положит, то и дело поминая своих заветных подружек мать честну́ю и царицу лесную, во-вторых, Салихдзяныч, чувствуя, что ему надо постараться, делал всё, чтобы вырваться на первую строчку игрового рейтинга, в-третьих, Альбионыч традиционно соображал в игре стремительно и безжалостно, как весенняя анаконда. Так что финал игры, который только казался непредсказуемым, оказался чётким и прозрачным: взяв свои *рисковые* четыре взятки, на первое место вырвался обер-корнет, за ним на *раскладку* приземлился писатель, а завершили последнюю гостевую комбинацию педагог и охранник.

Привычны в мозге перебои,
привычна пошлая фигня:
на всех местах стоят герои,
но на последнем – лично я!

После игры все пришли в невероятное возбуждение, кроме Кулемзина, который искренне порадовался победе своего соседа по дому № 17, а с недавних пор ещё и соратнику по команде «БронеКалибр». Вначале он терпеливо, как душевнобольному во время весеннего обострения, объяснил сторожу все нюансы его глупой игры, затем пропустил мимо ушей стенания занявшего аж третье место в партии ленинца, потом принял поздравления сам – от неиграющих Муравлёва и Митрохина, а уже потом неожиданно для себя начал насвистывать что-то карфагенское. Он внимательно прислушался к своему художественному свисту, и вдруг с удивлением и радостью узнал в нём чарльстон из рок-оперы «Иисус Христос Суперзвезда». И тотчас что-то толкнуло его под сердце, но не тяжело, как это бывает у инфаркников, а мягко, словно предвествуя нечто хорошее, близкое и родное. «Это знак», подумал марсианин, а автор подтверждает: да, это был знак, который уже совсем скоро откроет ещё несколько глав нашего замечательного повествования.

Знают точно персонажи,
где здесь сказка, а где быль:
каждый знак нам очень важен,
ибо каждый – знак судьбы!

♠♠♠

А что же происходит в осиротевшем без наших героев Бермудском Учпучмаке? Неужели с отсутствием главных героев романа там навсегда, как это уже не раз случалось при

знаменитой марсианской технологии Кулемзина, замерла жизнь? Не волнуйтесь, конечно, нет, и мой читатель сейчас сам в этом убедится. Итак…

Глава 145. В ОСИРОТЕВШЕМ УЧПУМАКЕ

Нет-нет, вопреки самым страшным предположениям жизнь в Великом Треугольнике не то что продолжалась, а просто бурлила – как кипящая магма, стремящаяся из центра Земли непременно попасть прямо на поверхность планеты, чтобы затруднить и испохабить и без того трудную и похабную жизнь человеков.

Мой читатель уже хорошо знает, что Бермудский Учпучмак по всем своим трём сторонам был обрамлён сразу двумя архитектурными излишествами: во-первых, искрошившимся от времени бордюром, как бы разделяющим его и асфальтные тротуарные дорожки, и, во-вторых, насквозь проржавевшим металлическим заборчиком полуметровой высоты, который легко преодолевали дворовые дети и трезвые взрослые. А вспомнились автору эти излишества только потому, что именно сейчас у бордюра, который можно было назвать восточным, кем-то потерянную (или выброшенную) корочку хлеба делили сразу трое воробьёв, за которыми из-за куста внимательно и неодобрительно следила ворона, думая про себя: «Чер-р-рти пер-р-рнатые!». Пылевые волчки вдоль тротуарных дорожек гоняли фольгу от жвачки «Дирол», бумажки от китайского мороженого и почему-то множество использованных трамвайных билетов, хотя ближайшая трамвайная остановка отстояла от описываемого места километра за три.

И в мире нет ме́ста предельно скучней!
Обычное место обычных людей…

В тринадцати метрах от вынужденно пустого покерного столика был криво вкопан в землю ещё один столик, который наш главный герой Альбионыч называл Старушечьим Столиком, или просто СС. Здесь, как и вчера, и позавчера шла своя битва – с утра до вечера окрестные пенсионерки сразу двух домов (№№ 16 и 17) устраивали самую примитивную из известных человечеству карточных игр – *в дурака*. И этому было своё оправдание, ибо жизнь старушек была скучной, как доклад Брежнева на XXIII съезде КПСС (б), а пенсия такая маленькая, что в народе называлась не иначе, как *на один вздох*.

Сейчас они, закончив очередную баталию и прилепив виртуальные *погоны* на плечи проигравшей бабы Лиды, дружно поедали маленькую шоколадку из гематогена – одну на всех, благо дело делить её по выдавленным квадратикам было очень удобно, вовсю наслаждаясь предосенним ласковым солнышком и этими желанными лекарственными тёмными кусочками счастья.

Я без волнения и страха
жую с припевом «тра-ля-ля»
гематоген – не кровь и сахар,
а вместе всё – здоровья для!

На бабе Лиде, совершенно не расстроенной проигрышем, несмотря на страшную жару, было надето суконное пальтецо, отороченное каким-то неведомым пушным зверьком, сдохшим ещё на заре социализма и мумифицированным при помощи нафталина.

Рядом с пожилыми игруньями прямо на травке развалился некий такой же пожилой мужичок, вглядевшись в мануфактурную морду которого, можно было без труда узнать старого алкоголика дядю Петю. Плечи его были прикрыты фланелевой рубахой с кокаи-

новыми дорожками перхоти, губы от вечного недоопохмела казались бледными, словно листья колхозной капусты, и наблюдателей за этим персонажем даже в профиль поражала чернота под глазами – привет от бессонных алкогольных ночей. Поверх рубахи дядя Петя натянул никогда не стираный синий тренировочный костюм с выцветшими буквами «СССР», куда так и хотелось приписать володину придумку, то есть (б).

Муж тёти Нади был доволен проходящим днём: с утра он нашёл свою старую заначку, спрятанную женой в стиральную машинку, принял на грудь 300 граммов палёной водочки, что, честно говоря, ему было мало для веселья и раздолья, и потому сейчас сидел тихо, точно клоп под обоями.

Эх, знакомая дорога:
если я не задохнусь,
то приму ещё немного –
и тогда вот разойдусь!

А вот в другом направлении – всего в пяти метрах от покерного столика, где росли уже ставшие знаменитыми кусты – постоянное прибежище обиженного Курманбаевым прапорщика, сейчас вовсю веселилась страшная в своей непредсказуемости любовная парочка – алкаши Руслан Кацоев (б) по кличке Глав-Бух и Галина Смирнова (б) с погонялом Галлюцинация. Им было весело сразу по двум причинам: во-первых, они вкушали прямо из горла́ какой-то неопознанный суррогат, а, во-вторых, курили нечто, от которого по всей территории Великого ▲ расползался сладковатый дымок, и читатель наверняка уже догадался, что это было за курево!

Я водка – со мной на праздник чётко!
Я салат – вашим лицам рад!
Я самогон – иду на обгон!
Я горилка – вашим мозгам дурилка!
А я конопля – слова забыла…

От поглощения того и другого Глав-Бух был жёлтым от напряжения, волосы его встали дыбом, словно шерсть у готовящегося к бою кота Пушка́, а зрачки бегали по кругу, как шарики рулетки. После очередного глотка́, усугубленного очередной затяжкой, Кацоева (б) стало трясти так, точно он сидел верхом на необъезженной лошади, рожа его из красной, коей была вот только что, стала абсолютно белой, будто выкачанную из него кровь какой-то волшебник-садист заменил кефиром.

Не лучше выглядела и главбуховская подруга Галлюцинация: она, бессмысленно пучившая зенки в глуби́ны космоса, казалась какой-то синюшной, словно её тот же волшебник-садист для своего развлечения загримировал для роли постоянного посетителя Отцеябловского городского морга. Нос пропитонши набух и стал похож на бутон чайно-гибридной розы, нагретой солнцем, с карточным названием «Dame de Coeur»[209]

[209] ***Дама червей – фр.***

А в нашей колоде повторная драма –
здесь каждый привержен коварным роля́м:
червовая дама, червовая дама
опять под чужого легла короля!

Удивительно, но в этом пиршестве наблюдалась и закуска, так как Смирнова (б) сейчас пыталась старым поломанным перочинным ножичком резать кусочек ливерной кол-

басы, то ли украденной с прилавка одного из учпучмакских магазинчиков, то ли просто найденной на помойке. Знакомая моему читателю кошечка Несси, унюхавшая запах этой подозрительной колбасы, тут же задёргала розовым треугольничком носа, будто собиралась чихнуть. Она знала, что подходить к этим страшно пахнущим людям не надо, а лучше всего подождать своего бывшего хозяина из квартиры № 4 и попросить у него кусочек свежей сосиски, пахнущей счастьем.

Глядя на старания подружки, Глав-Бух, видимо, вспомнив что-то своё, неожиданно заржал, как перекормленная пожарная лошадь, проснувшаяся однажды на церковной колокольне. Правда, этот смех отнял у него последние силы, и алкаш, только что получивший от автора романа номинацию «Лучшее чмо второго плана», задышал так, будто полчаса без остановки прыгал через скакалку, отобранную у дворовых детей.

Да, и кстати о дворовых детях, которые с отъездом покеристов и их друга художника, конечно же, с территории Бермудского Учпучмака никуда не делись.

Дворовые дети живут во дворе,
собою пространство земное согрев!

Глава 146. В ОСИРОТЕВШЕМ УЧПУМАКЕ (окончание)

А дворовые дети были в своём привычном репертуаре: в процессе разучивания какой-то новой игры они вначале визжали, как неожиданно лишившийся окорока поросёнок, а затем стали орать так, будто добрая дюжина старших прапорщиков одновременно вырабатывала командный голос. Иногда их (дворовых детей, а не старших прапорщиков) вообще становилось не слышно, потому что их визг, усиливаясь, переходил в ультразвук, на что довольно нервно реагировали только дворовые собаки, которые, оказывается, хорошо слышали это безобразие.

Особо бдительная старушка, а именно тётя Шура, попыталась было уследить за их перемещениями на учпучмакских просторах, но тут же сдалась, потому что ей показалось, что по этим самым просторам сейчас гоняет какая-то помесь шейкера и саранчи, ибо они вытворяли руками и ногами такие штуки, по сравнению с которыми буйство эпилептика выглядело лучшими *па* Майи Плисецкой. Пыль под конечностями этих маленьких монстров оседала на землю, подчиняясь закону Исаака Исааковича Ньютона, который придумал его словно для них.

Под влиянием самума,
что задул мозги на треть,
Нью́тон нам закон придумал,
чтоб с Земли не улететь!

Фестиваль клоунов, который сегодня случился в месте обитания наших героев без объявлений и афиш, продолжался. Вот за магазинчиком Калимы раздался звук, какой издаёт чихающий великан. И мой умный читатель наверняка уже догадался, что этот звук исходил из мотора омуртаевской *волги*. Через мгновение появилась и она, сразу привлекая внимание дворовых детей. Чихающий автомобиль остановился, и ребятишкам удалось получше рассмотреть этот конструкторский бред пьяного авангардиста из школы механиков имени Праворукого Левши. Затем из машины выполз её владелец – враг Кулемзина и всего покерного коллектива омуртай.

Автору нашего замечательного повествования приходилось видеть тощих людей и раньше – например, в документальных фильмах про узников концлагерей. Но у них, в отличие от омуртая, не было длинных носов, заострённых ушей и деревянно постукивав-

ших при ходьбе костыликов в том месте, где у всего прогрессивного человечества растут ноги. Впрочем, не будем отвлекаться.

Не увидев своих врагов на привычном месте, то есть за покерным столиком, саксаульский водитель несколько секунд удивлённо открывал и закрывал рот, точно бурёнка перед ведром водки, затем он минуты три походил вокруг столика, слегка наклоняясь вперёд, отчего стал поразительно похож на некий дифференциальный прут. Не дождавшись точки приложения своей злобы, шофёр оплевал всё пространство вокруг и, наконец, втиснувшись в персональное авто, укатил вновь – на поиски лохов, которые могли заплатить за поездки вдвое больше обычного.

На машинке я катаюсь
из десятка железяк,
и по городу мотаюсь,
разводя – не развозя…

Но, как утверждает одна сомнительная русская поговорка, свято место пусто не бывает. Вот только что пространство вокруг покерного столика было пустым, и вдруг возле него, как в результате фокуса Дэвида Хаймановича Копперфилда, прямо из воздуха соткался ещё один второстепенный персонаж «Русской кочерги», и, на удивление, тоже водитель, – правда, бывший, так как из-за своего пристрастия к спиртным напиткам крепче 20° пару лет назад потерял шофёрские права на вождение собственного *хламборгини* системы «Жигули». Это был сосед Нуртая и Серёжи по подъезду и даже по лестничной площадке Саша Дубровский, которого Альбионыч – по своей писательской привычке подмечать нюансы – называл общественно безвредным алкоголиком.

Был Саша сейчас какой-то помятый, точно русский самовар в руках французского мародёра. Соткавшись из бермудского воздуха, он осторожно повёл головой, причём, вместе с ушами, словно учёный, ожидающий радиосигналов неведомых цивилизаций, но ничего не услышал и закручинился.

Без волнения и фарса,
словно дивную я песнь,
получу сигналы с Марса:
«И у нас водяра есть!»!

Так же, как и омуртай до него, Дубровский, не увидев главного спонсора сегодняшнего дня, выглядел ошалевшим, точно изумлённый пассажир скорого поезда Баку-Москва, проснувшийся утром и увидевший за окном вместо суеты Курского вокзала какие-то мачтовые сосны, сугробы и матерящихся мужиков в телогрейках. «Зайду позже», решил он, натянув на рожу, как выходной костюм, маску осторожного оптимизма.

Дворничиха Надежда дождалась, пока он покинет место преступ… тьфу, событий, и не спеша принялась за подметание вверенной ей территории – с лицом, на котором было написано почему-то курсивом: «*Сидять, сорють, а как убирать, так мне!*»

И ещё четверо персонажей нашего романа, время от времени появляющихся на этих страницах, в это время обитали даже не в само́м Бермудском Учпучмаке, а совсем рядом с ним: двое лиц женского пола с северной стороны Великого Треугольника, и двое лиц мужского пола – с южной. И это не специальная придумка автора, а просто именно так сложилось повествование к этой странице 330!

Лицами женского пола были жилички микрорайоновского строения № 17 – старшая по дому Жанна Пантелеевна, которую наш герой Кулемзин сокращённо называл Ж. П., и уже знакомая читателю железнодорожница Ира, всё свободное время посвящающая по-

иску достойного партнёра для совместной жизни. Сейчас обе женщины – постарше и помоложе – занимались тем, что литератор называл самой мощной разрушительной силой природы, то есть женской болтовнёй.

Говорила в основном Ира, так как рот местного *швондера* был занят жвачкой, поэтому её короткие реплики для того, чтобы пробиться наружу, получались несколько резкими, как звуки электродрели. «Только наши люди», подумал здесь автор романа, «умеют так неподражаемо жевать жвачку, – словно выполняя тяжёлую и плохо оплачиваемую работу…»

Я в селе разочарован –
видел вот такой пассаж:
лучше всех жуёт корова,
но не жвачку, а сенаж!

А молодая собеседница между тем жаловалась на мужиков, которые были не в силах оценить её ум, молодость и красоту.

– Когда я работала в интим-шопе, – рассказывала она, – то один раз чуть было не поверила в настоящую мужскую дружбу. К нам в магазинчик часто заходили парни – спросить, есть ли что-нибудь для увеличения члена или для укрепления эрекции, причём, всё это просили не для себя, а для какого-то друга, у которого были проблемы. Это уже потом я поняла, что всю эту гадость они брали исключительно для себя, и почему-то, сволочи, совершенно не обращали внимания на хорошенькую продавщицу.

– А там, кроме тебя, ещё кто-то торговал? – не поняла Жанна Пантелеевна.

– Да нет же, – удивляясь бестолковости старшей по дому, ответила проводница, – это я про себя и говорю.

– А-а-а, – наконец поняла собеседница, чуть не подавившись жвачкой.

– А вот вчера ко мне прямо на улице подошёл один тип, – продолжала жаловаться молодая, – и попросил сказать, сколько сейчас времени.

– И что, ты ему отказала?

– Почему? Я честно ответила, сколько, а он пробормотал «Благодарю!» и ушёл.

– И что?

– Как что? Он даже не поинтересовался ни как меня зовут, ни взял номера телефона! Вот, блин, мужики пошли!

Вот так шишку я набила:
мальчик дружбы пожелал,
телефончик попросил он,
взял его – и убежал!

А что же заявленные на прошлой странице лица мужского пола? А вот что: за магазинчиком Калимы ещё с советских времён (б) стояла старая проржавевшая трансформаторная будка, на которой была наклеена бумажка от горэнерго с неопознанным портретом оскалившегося черепа с обглоданными косточками, а также весёлой надписью:

Дети! Не трогайте оголённые
провода мокрыми руками!
Они от этого ржавеют и портятся!

И зачем же вдруг автор вспомнил про эту будку? А затем, что именно она была как бы летней беседкой двух товарищей-клошаров – Танкиста и Одиссея. Вот и сейчас, отомкнув ложный замок на ржавой двери, бомжи проникли внутрь будки и плюхнулись на заранее принесённое здесь старое детское одеяло, ещё четыре года назад выброшенное Жанной Пантелеевной на мусорку. Одеялко было приятно прохладное, и на нём было так славно сначала немного попить бормотухи, а потом и поспать.

Так что Альбионыч, а вместе с ним и автор нашего романа напрасно беспокоились: во вверeном им Бермудском Учпучмаке было не только шумно и многолюдно, но даже всё в относительном порядке.

В мире всё всегда жестоко,
ведь событий череда:
есть порядок – хорошо как,
нет порядка – есть беда!

Глава 147. В ЛОГОВЕ ДРУГА (10 удивительных фактов о жизни карт)

– Володя, – неожиданно начал новый разговор Полтавцев. – А вот помнишь, два дня назад, когда мы были в гостях у Талгата, ты рассказывал нам историю игральных карт: кто их придумал, в каком веке и как в них играли разные древние люди?

«Ни хрена себе память, яйчики-бабайчики!», подумал Альбионыч.

«Ни хрена себе йодистая память!», подумал Салихдзяныч, хотя и не вспомнил, о каком визите шла речь.

«Ни хрена себе память, святой Малевич!», подумал Николаич. «Так он и про вчерашний визит ко мне вспомнит, не дай *дедушка*…»

«Ни хрена у меня память, мать честнáя!», поняв, что именно только что произнёс, подумал Афанасьич. «И, главное, на кой мне это надо?»

«А почему я такого не помню?», изумился Васюхан Пока Без Отчества.

«Да потому», так же мысленно ответил ему Кулемзин, «что это дело происходило во втором томе «Русской кочерги», а ты появился в нашем коллективе только в третьем!», а вслух наконец-то произнёс:

– Конечно, помню, старичок. А на кой это тебе?

– Да я вот подумал, – продолжил творческие изыскания сторож, – что, может, ты не всю интересную информацию донёс до нашей хевры?

– Естественно, не всю, – пожал плечами писатель. – Тема игральных карт неисчерпаема так же, как моя лекция в прошлом томе на тему «Чёрного супрематического квадрата» Малевича.

Чтобы было радостно нам с вами,
вы поймите истину одну:
изучаю карты я годами,
постигая суть и глубину!

– Ага, значит, всё-таки что-то упустил, – радостно ткнул в него пальцем сторож.

– Упустил, – виновато промолвил штатный лектор Великого Треугольника.

– Тогда восполняй, – дал приказ Серёжа.

– Есть! – по-прапорщицки отозвался писатель. – Расскажу-ка я вам вот что…

10 удивительных фактов из жизни игральных карт

– На последнее 10 место, я, как знатный карточный и исторический счетовод, пожалуй, поставлю вот такой факт…

– А почему ты начал с последнего? – поинтересовался старший антенщик. – Как-то нелогично выходит…

– А кто тебе сказал, что логика – главное в жизни? – парировал марсианин, после чего продолжил:

– Итак, по одной из версий, изобретение игральных карт приписывалось древнеегипетскому богу Тоту – родоначальнику письменности, счёта и календаря.

– А-а-а, – проявил смекалку охранник, – так вот почему эти понятия так тесно связаны, – после чего всем стало ясно, что тот окончательно помешался.

– На 9 месте…

– Подожди, подожди, царица лесная, – никак не мог угомониться Полтавцев. – Так что, про этого древнего бога – всё?

– Всё, – лапидарно ответил литератор. – Ты пойми: если я буду расшифровывать эти факты подробно, то рискую вылезти не только за рамки этой главы 147, но и всей второй части в целом!

– А-а-а, ну, тогда ладно, – согласился Афанасьич, поняв, что Володя только что окончательно помешался.

– Итак, 9 место. В так называемые Средние Века каббалисты, которым было дело до всего, так описывали карточные масти: бубны – это духи огня саламандры, черви – повелители воздушных стихий сильфы, трефы – духи воды ундины, а пики – владыки подземного мира гномы.

Я один, наверное, знаю:
карты – наши маяки,
в карты все у нас играют –
батальоны и полки!

– Лично я бы, мать честнáя, с этими канибалистами поспорил, – высказал своё мнение один из слушателей, но его слова проигнорировали не только все присутствующие, но даже местные жители, которые до сих пор не разошлись с собрания КСК.

– 8 место, – объявил Володя, продолжая опускаться по цифровой лесенке. – Когда-то на игральных картах людей изображали в полный рост, и только в XVII веке додумались разделить карту пополам, и на каждой половинке нарисовать человека как бы по грудь, а такие карты стали называть двухголовыми.

– Как это, святой Малевич? – удивился Муравлёв, который до знакомства с покерной хеврой карт в руках сроду не держал, а после знакомства к ним не приглядывался.

– Да примерно вот так, – объяснил Кулемзин, при помощи сложной марсианской технологии сотворив в воздухе некое видéние:

– Понятно, – как мишка в цирке, качнул головой живописец. – Продолжай!

– Продолжаю, – согласился Володя. – 7 место в моём мартирологе. Отношение к картам, как только их изобрели, сразу же стало разным. Например, французский король Людовик IX, непонятно за что получивший *погоняло* Святой, за игру в карты наказывал кнутом. Их ненавидел и наш Пётр I, зато обожали русская царица Екатерина II и французская королева Мария Антония Йозéфа Иоганна Габсбург-Лотарингская или, проще говоря, Мария-Антуанетта, а также английский король Генрих VIII – вместе со своей четвёртой женой Анной Клевской.

Прочёл я в старом протоколе,
что раньше был такой пароль:
«Король, сидящий на престоле, –
совсем не карточный король!»

– Неинтересный у тебя какой-то рассказ, мать моя партия, – неожиданно попенял Альбионычу педагог, но на него так зашикали все остальные, что он чуть было не спрятался под кухонным столом, но вовремя передумал, так как в этом случае окончательно бы потерял и без того непривлекательное азиатское лицо.

– Володя, не слушай ёперного этого, – попросил рассказчика Талгат, – а лучше давай дальше!

Глава 148. В ЛОГОВЕ ДРУГА (10 удивительных фактов о жизни карт, окончание)

И Кулемзин продолжил свою, как надеется автор, увлекательную лекцию.

– На 6 место я бы поставил вот такую историю – тоже, кстати, с историческим привкусом. Знаете ли вы, что указом французского короля Генриха III Генриховича Валуа от 1584 года от мастеров, изготавливающих карты, требовалось делать их только из лучшего картона, расписывая исключительно киноварью и индиго?

– Нет, не знаем, – дружно признались все, кроме Курманбаева, затаившего на коллектив обиду, а Афанасьич даже прокомментировал сообщение писателя:

– Про этих кинотварей, честно скажу, никогда не слыхал. А вот про индигу твою, по-моему, ты уже как рассказывал.

– Точно! – хлопнул ладонью по столу лектор. – Это же во втором томе было, когда я просвещал вас по поводу джинсов[210]!

[210] Рассказ о джинсах действительно опубликован во втором томе «Русской кочерги», в главах 180, 182, 184 и 186 – прим. гл. редактора

Что выше гламура и моды?
Что носят сосед и кумир?
Что символом стало свободы?
Штаны, покорившие мир!
Спасибо накуренным хиппи,
спасибо советской фарце,
что джинсы давно в генотипе!
(Возможно, уже на *творце*…)

Услышав (в очередной раз!) про какой-то том, все изумлённо переглянулись, но не решились перебить рассказ своего гуру. А литератор между тем продолжал:

– А вот и 5 место. Доложу вам, что на свете есть много разновидностей игральных карт, и одна из них сейчас перед вашими глазами.

Все присутствующие, как загипнотизированные, немедленно уставились на карточную колоду, лежащую на столе, Митрохин потрогал её пальчиком, а Муравлёв даже понюхал – видимо, для верности восприятия.

– Так вот, яйчики-бабайчики, одна японская фирма изготовила… съедобные игральные карты.

– Ни хрена себе! – по-военному удивился трубач. – А это ещё зачем?

– А затем, о воин, – по-былинному объяснил ему марсианин, – что такие карты предназначались как раз для солдат, уходящих в тяжёлые и дальние походы. Например, кончился у них провиант – а они карты и сожрали!

– Ловко, святой Малевич! – восхитился мудростью неведомых японцев Николаич. – Вот бы ещё краски такие придумали – для мучающихся голодом художников!

Позабыв о чувстве долга,
когда кончился металл[211],
голодал художник долго,
а потом свой холст сожрал!

[211] Видимо, речь идёт об очень бедном художнике, у которого на еду были не бумажные деньги, а только металлические, то есть очень малого финансового достоинства – прим. худ. редактора

– На 4 место, – продолжил свой рассказ рассказчик, – я бы поставил такой факт: в 1711 году во французской провинции Квебек на игральных картах стали ставить… государственные печати…

– Вот те на! – удивился Митрохин, который работал в настолько левой фирме, что у той не было не только государственной, но даже собственной печати. – А для чего они так делали?

– А такие карты, – объяснил Володя, – в случае *надобности* выполняли функции бумажных денег.

– Вот те на! – повторно удивился Васюхан, который даже не мог представить такую ситуацию, чтобы у него, старшего джуса, не было денег.

Перспективы не туманны –
поступлю-ка я умнó:
денег полные карманы,
значит, я пойду в кино!

– А это какое место было, царица лесная? – внезапно озаботился один из слушателей.

– Четвёртое, мать моя партия, – с досадой откликнулся ещё один слушатель, который, оказывается, внимательно следил на лекцией. – А тебе зачем?

Ну что, мой читатель, догадался, каков будет ответ на этот простой вопрос? Думаю, что догадался наверняка. Правильно!

– На всякий случай, – ответил сторож.

– Итак, 3 место: игральные карты никогда не берут с собой шахтёры, спускаясь в забой, а квартирные воры никогда не заберут карты из обворованного дома, потому что и то, и другое считается плохой приметой.

– Ещё бы не плохой, – проявил политическую глухоту Мусаич. – Воры обязательно сядут в тюрьму, а вот шахтёрам, которые вместо работы *пускаются в запой*, нужно обязательно *поставить на вид*!

– Володя, а ты не мог бы рассказывать быстрее? – попросил старший музыкант, делая коленками движения, имитирующие потирания конечностей, и всем стало ясно, что большой мальчик просится в туалет.

– Так всего два места осталось, – обнадёжил Кулемзин. – Значит, на 2 месте такая короткая история: капитаны кораблей во времена старинные не разрешали матросам брать карты на борт, так как боялись, что во время шторма вместо слаженной работы по спасению судна моряки будут увлечены игрой! И вот однажды, высадившись в открытой ими Америке, люди капитана Христофора Домениковича Колумба, из-за такого зверского запрета пребывавшие долгое время без развлечений, все как один бросились собирать с деревьев экзотические листья.

– Оголодали, царица лесная? – ахнул Полтавцев. – Ну и зверь был ваш Калам!

– Нет, Серёжа, еды у них хватало. Просто из этих листьев матросы, соскучившиеся по карточной игре… надеюсь, здесь почти все понимают, о чём я говорю?.. сделали первые в Новом Свете игральные карты!

Нам судьба всё разъяснила,
счастье в чём заключено:
были б карты – будет сила,
будут деньги и вино!

– И, наконец, 1 место. Думаю, что сейчас удивлю вас…

– Ну-ну, мать моя КПСС, – скептически отозвался зарвавшийся преподаватель еврейского колледжа, но на него повторно зашикали не только люди, собравшиеся на кухне, но даже радиоприёмник Васюхана, который до сих пор не мог придти в себя от унижения, что его так рано выключили.

– Думаю, каждый из вас понимает, что в картах, которые вы сейчас так пристально разглядываете, отражается само время.

– Как это? – нервно вздрогнул хозяин врéменного катрана.

– А вот как, – объяснил Альбионыч – Например, красный и чёрный цвета мастей – как день и ночь, 52 карты (без джокеров!) соответствуют числу недель в году, а один джокер пригодится в високосный год…

Охранник тут же схватил колоду и принялся увлечённо считать количество картонок, а по окончании процесса счёта произнёс:

– Получается, царица лесная, что следующий 2004 год – високосный!
, после чего счастливо рассмеялся.

Опять, ребята, не везёт:
как будто снег на голову,
свалился високосный год,
а это так не здóрово!
Но я его переживу
и стану вновь здоровым,
а захочу, найду жену, –
и жизнь начну по новой!

– Правильно, Серёжа, – улыбнулся лектор и наконец-то закончил свою увлекательную лекцию:

– …четыре масти – это четыре времени года. А если каждого валета оценить в 11 очков, даму в 12, короля в 13, а туза принять за единицу, то сумма очков в колоде составит 364. И тогда, добавив *единичного* джокера, мы опять-таки получим число дней в году!

Покерный гуру ласково погладил колоду и произнёс:

– Вот такие удивительные факты, други мои, содержат эти красивые картонки, которым один из величайших писателей современности (из скромности не буду называть его знатную фамилию!) решил посвятить аж семь томов своего гениального романа.

Все зааплодировали, как будто Володя не рассказал им интересную историю, а посадил самолёт, на коем они летели в Страну Покерных Наслаждений, и только Нуртай, услышав словосочетание *величайший писатель*, в досаде закусил губу.

Я по жизни очень грубый,
злой, надменный и дурной:
у себя кусаю губы –
не даёт никто другой!

Глава 149. В ЛОГОВЕ ДРУГА (О васюханских жёнах и «Камасутре»)

И вот здесь все неожиданно почувствовали, что маленькая кухонька митрохинского катрана стала для них как бы мала: то ли наполненные жратвой животы стали упираться в стол, то ли пресловутые плечи друга, о которых так любили петь в советских (б) песнях, стали тереться, как коты на свидании, то ли что-то ещё.

– Старик, а нельзя ли у тебя, яйчики-бабайчики, посидеть где-нибудь в другом месте? – попросил Кулемзин, который из-за своих необъятных габаритов страдал от тесноты больше всех.

– Так ещё же зал есть! – обрадовался, что легко может помочь коллективу, хозяин.

И пока все облегчённо рассаживались за столом бóльших размеров, любопытный и шустрый Полтавцев отдёрнул занавеску, прикрывающую не только окно, но и подоконник, и обнаружил там фотографию в красивой малахитовой рамочке – вот такую:

Медсестра по глазки
в марлевой повязке…

Он внимательно изучил её, но так ничего и не понял, а потом спросил:

– Васюхан, а это кто? Анджелина Джоновна Джоли или Джулия Уолтеровна Робертс? И вообще, мать честнáя, ты зачем прячешь от людей фотки американских актрис?

– Да что ты, Серёжа, – смутился старший джус. – Это же моя первая жена – Таня.

– А почему это у вас, батенька, – тут же перешёл на ленинский язык Курманбаев, – нет фотог'гафии вто'гой суп'гуги?

– Так вторую жену Веру я помню ещё хорошо, а вот первую уже стал забывать, – объяснил Митрохин. – Она вообще, когда от меня уходила, забрала все свои фотографии, а вот эту, которая и тогда стояла за занавеской, забыла. И тогда я понял, что это знак!

А автор, который, собственно, сам и придумал эту историю, вспомнил, что ещё в прошлом томе Васюхан сообщил покерной хевре, что он дважды в разводе[212].

[212] И это так: данная фраза прозвучала в главе 238 четвёртого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

– Я знаю многих людей, которые развелись, – посмотрев на фото, заметил Альбионыч, – но ещё ни разу не видел, чтобы человек бросил жену и женился лучше.

Прочитать не поленись
эту мысль в тумане:
сколько раз ты ни женись,
лучше жизнь не станет!

При этих словах старший прапорщик Батыршин словно поперхнулся невидимой едой и закашлялся.

– Поэтому скажу, как знаток, – завершил матримониальный обзор философ. – Обычно новые жёны очень похожи на старых, только несколько хуже!

А внимательный и шустрый Афанасьич, который так и не задёрнул занавеску обратно, обнаружил на подоконнике ещё один клад: рядом с портретиком лежала открытая на неприличной странице потрёпанная и зачитанная до дыр весёлая книжка под названием «Камасутра». Он поднял её и с таинственным видом повертел в руках, показывая всем присутствующим. Митрохин тут же покраснел от неловкости, Мусаич – от стыда за вот

таких вот несдержанных людей, и только Муравлёв при этом не отреагировал никак, потому что этой книжки раньше не видел, а последнюю, кою он читал и считал очень увлекательной, был «Филиппок» писателя Льва Толстóго.

А вот Володя вспомнил, как ещё по молодости, после изучения плохо ксерокопированных страничек этой книжки, постарался отобразить всё великое её многообразие буквально в двух строках:

Из уст в уста
и в другие места!

Правда, совершенно непонятную шутку «Камасутра» сотворила с памятью Салихдзяныча, который, полистав весёлые странички, неожиданно вспомнил, как с коллегами-актёрами оперного театра, где он, в отличие от военного президентского оркестра, подрабатывал уже на гражданской дудке, *калымил* под Новый год.

– Как-то раз, – поведал он собравшимся в митрохинском зале, – я сам Дед-Морозом был, так в один день сразу семь ёлок провёл – чтобы больше заработать! Ну, естественно, везде по рюмашке принимал после окончания представления, но, кстати, всё прошло нормально, никто ничего не заметил. Так вот на шестой ёлке и говорю детям:

– Седовлас и краснонос,
кто я, дети?

Ну, а дети мне тоже в рифму, хором:

– Дед-Мороз!

А на последней, седьмой ёлке, все рюмашки как-то собрались в одном месте да так шарахнули мне по тыкве, что я немного перепутал и сказал:

– Краснонос и седовлас,
кто я, дети?

Такие, блин, продвинутые детишки оказались…

И тут оказалось, что рассказ Батыршина проделал ту же шутку и с живописцем, которому очень понравились стишки про Деда-Мороза.

– А ты можешь написать стих с одинаковыми рифмами? – неожиданно спросил он у Альбионыча.

– Как это? – насторожился сторож.

– Ну, примерно как водка-селёдка-пилотка!

– Запросто! – ответил писатель, а в данное время поэт, и тут же подтвердил своё обещание:

– Как любим этих мы людей,
хотя в них видим пней,
ведь нам без дураков – умней,
а с ними – всё глупей.
Сегодня – новый юбилей
от глупых повестей,
и потому пишу смелей
я глупости своей.
Из рукава я королей
достану, как злодей,

и это будет апогей
всей дурости моей…

– А это про кого? – почувствовав что-то неладное, поинтересовался Серёжа.

Все немного посмеялись над ним, и тут охранник понял, что это тот самый пресловутый смех без причины, который является, по утверждению людей знающих, признаком дурачины. «Хорошо, что я не такой!», порадовался он.

Глава 150. В ЛОГОВЕ ДРУГА (О нафтизине, начальнике и вертушке)

«Чем бы занять этих иблисов?», тепло подумал хозяин, повторно направляясь к телевизору, как зомби. Васюхан, немного принявший ещё утром и успешно *догнавшийся* сейчас, понял, что собственно покера в его квартире больше не будет, да и пивка всем осталось всего по две бутылочки, а, значит, уже скоро он вновь будет предоставлен самому себе. И, казалось бы, этому надо огорчаться, но нет, – очень захотелось антенщику остаться дóма одному да ещё раз капитально подумать о своей жизни, проанализировать всё, что уже было, и даже наметить кое-какие планы на так называемое будущее, хотя он даже не догадывался, что это будущее уже стучится в его дверь.

У меня сума желаний –
все зовут меня, маня!
Намечаю чёткий план я:
грамм 700 в теченье дня!

Возле телевизора Митрохин с удивлением обнаружил обломок школьной пластмассовой линейки, шкала которой почему-то начиналась с тринадцати сантиметров. «Не к добру это», подумал он, и в этот момент увидел, что на тумбочке рядом с линейкой примостились ещё какая-то старая советская (б) радиолампа с отломанным *коллектором*, копеечка с гербом СССР (б) и пустой пузырёк из-под нафтизина. И так как этих предметов на тумбочке с утра не было, смутное подозрение зароилось в его технической тыкве. «Когда же он успел?», подумал старший джус.

– Серёжа, ты зачем на мою тумбочку свою котомку опростал? – строго поинтересовался он у Афанасьича.

– А чтобы проветрить, мать честнáя, – тут же ответил находчивый сторож.

– Копеечку? – полюбопытствовал Васюхан.

– Нет, пузырёк. Этот нафтизин такой вонючий, вот я и решил.

– А остальное зачем вытащил?

– Давайте я отвечу, – попросил писатель. – Наверное, яйчики-бабайчики, чтобы копеечке не было скучно лежать одной рядом с работающим электроприбором.

– Точно! – восхитился сторож. – А как ты догадался?

– По твоей причёске, – пробурчал Альбионыч, но глуховатый Полтавцев его не расслышал, а бодро предложил:

– Давайте что-нибудь посмотрим, а то после володиных лекций прямо-таки страшно тянет схватиться за стакан и закусь!

Мы довольны своею судьбою,
потому что в-седьмых и в-восьмых,
телевизора лучше любое:
и стакан, и закуска, и мы!

И в это время раздался телефонный звонок, но звук его был незнакомым, и все поняли, что это сработал мобильный аппарат хозяина.

– Алло? – осторожно произнёс в аппарат Васюхан, после чего его гости даже без включения кнопки громкой связи услышали раздражённый голос – судя по обертонам, какого-то начальника.

– Ты какого уже третий день не на работе? – заорал начальник.

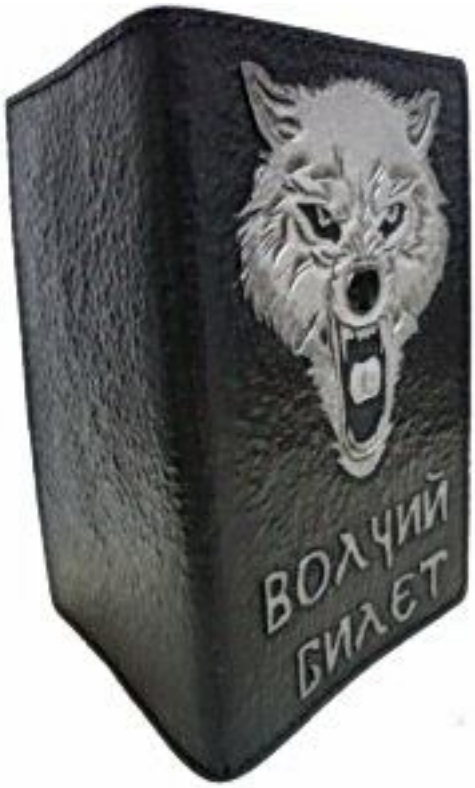
– И вам здрасьте, Кожамкул Петрович, – растерянно пробормотал Митрохин. – А как вы узнали?

– Как-как? Путём внезапной внепланой проверки! – объяснил самый главный джус. – Короче, слушай: за эти дни я тебе ставлю прогулы, а также лишаю квартальной премии!

«Да и хрен с ней!», счастливо подумал прогульщик.

– …а если не выйдешь на работу и завтра, будешь уволен – с волчьим билетом!

И было сказано это таким грозным тоном, что не только сам провинившийся, но и все его гости как бы воочию увидели этот пресловутый билет – вот такой:



Тяжко, строго, грозно, молча –
как удар в висок боксёр –
получил билет я волчий –
за прогулы и за всё!

После этого начальник отключился, а Серёжа подошёл к хозяину, молча обнял его и сказал слова ободрения:

– Не переживай, Васюхан, и без денег прожить можно! А если не сильно получится, спрашивай меня – я тебе всё по жизни объясню…

– Спасибо, друг, – ответил Митрохин и оперся о дверцу платяного шкафа, которая от толчка распахнулась, показав своё нутро.

Две верхние полки шкафа были заняты каким-то серым постельным бельём, а вот на нижней внимательный взор литератора обнаружил старенькую вертушку[213].

[213] Не вертолёт, а проигрыватель грампластинок – прим. муз. редактора

– Васюхан, – взволнованно проговорил он, – а что же ты раньше не сказал, что у тебя есть вертушка.

– Да просто как-то не подумал, – объяснил старший джус. – У меня пластинок-то мало – всего пять.

– А какие, святой Малевич? – заинтересовался Валера, который любил приходить к Володе домой и рассматривать конверты его большой коллекции рок-музыки – видимо, для творческого вдохновения и набора соответствующих идей.

– Три из них – на русском языке: это Лещенко, Кобзон и Зыкина, а ещё две – на английском.

Я достаю свой старый патефон,
пластинки, что морщинками покрыты, –
сегодня пусть играет только он
забытые мелодии и ритмы…

Сердце старого меломана ёкнуло, после чего Альбионыч взволнованно спросил:

– А какие именно?

– Да одна битловская – с каким-то длинным названием[214], а вторая – какая-то рок-опера. Но, честно говоря, я битлов не люблю, – неожиданно заявил хозяин.

[214] Скорее всего, речь идёт о восьмом диске группы «The Beatles» 1967 года «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band», или «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера» – прим. муз. редактора

– Почему?! – вскричал Володя, ибо такие заявления были выше его понимания.

– Да они пару песен у Юрия Антонова свистнули, – весело проговорил владелец знатной коллекции, после чего всем наконец стало предельно ясно, что нажраться Васюхан успел до их прихода.

– А второй диск какой? – затаив дыхание, вопросил марсианин.

– Да вот, – Митрохин вытащил из ящика трюмо толстый конверт 40 х 40 сантиметров, и Кулемзин мгновенно увлажнившимися глазами стал смотреть на «JCS»

И эти святые слёзы нашего главного героя вызвал не просто какой-то картонный конверт с чёрной обложкой и золотым рисунком посередине, а его содержимое: внутри конверта находились сразу две пластинки знаменитой рок-оперы «Jesus Christ Superstar»[215], сочинённой англичанами Эндрю Ллойдом Джиновичем Уэббером и Тимом Майлзовичем Райсом.

У меня эмоций всплеск:
слушаю под крик крови
гениальный «JCS»[216] –
гимн свободы и любви!

[215] «Иисус Христос – суперзвезда» – англ.
[216] Читается: Джей-Си-Эс – прим. автора

И пока Альбионыч, затаив дыхание, брал в руки заветный конверт, Полтавцев споро вытащил из того же ящика пластинку Зыкиной, поставил её на проигрыватель и стал зачарованно слушать мелодию. На пятнадцатой секунде прослушивания, также, как ранее у Кулемзина, по его грязной щеке потекли слёзы счастья.

– Какая красивая музыка, – прошептал он. – Как бы я хотел научиться играть так же!

– Не сто́ит, старичок, – охладил его пыл Володя. – Если ты научишься играть на этом инструменте, который, кстати, называется фортепьяно, то в русском языке может появиться новое слово, совершенно бесполезное для его носителей – фортепьяница!

♠ ♠ ♠

И вот в этом месте автор вновь вынужден будет пойти на поводу предпочтений и страстей своего главного героя – Альбионыча, ибо кто, как не он, сможет донести до тебя, мой читатель, всё величие и гениальность лучшей рок-оперы на свете под названием «Иисус Христос Суперзвезда»? Но чтобы данное очередное исследование Великого Исследователя Всего не стало огромным куском, который попал в рот читателя, но так и не смог быть проглоченным из-за своего объёма, автор решил по уже устоявшейся традиции разбавлять эти главы старыми знакомыми листателей страниц «Русской кочерги» – покерными нотациями, тем более, что пятнадцатью страницами ранее выяснилось: наши персонажи, гостившие в логове своего друга Васюхана, сыграли последнюю партию.

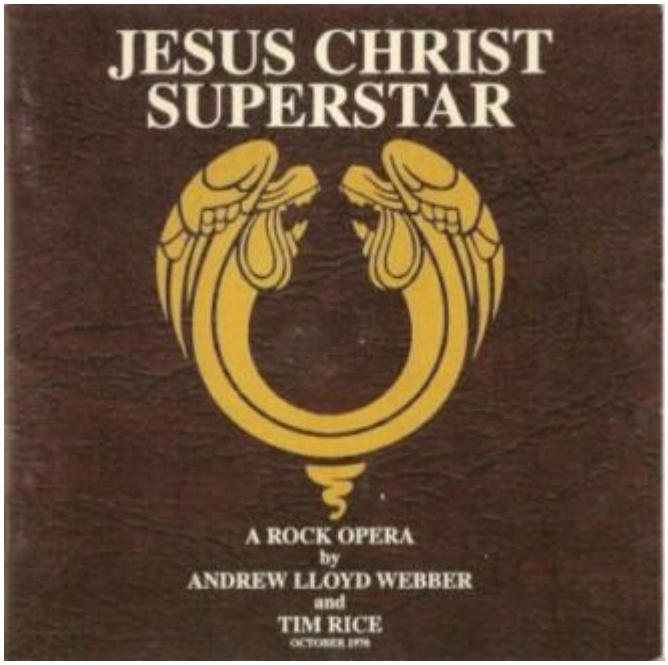
Игрока мозг отчеканен –
каждый станет здесь вождём:
в нашем вре́менном катране
мы играем, как живём…

Глава 151. «JCS» КАК ГИМН СВОБОДЫ И ЛЮБВИ (Об авторах шедевра)

– За что я так люблю рок-оперу «JCS»? – нередко сам себя спрашивал Кулемзин, после чего, немного подумав, сам себе же и отвечал:

– Да, видимо, за то, что меня, железного атеиста, она, как когда-то Павку Корчагина, сделала стальным, закалив мой и без того трудный характер убеждённого безбожника.

И это было так: Володя уверенно ставил это великое произведение рядом с теми виниловыми пластинками, список коих он назвал «Десять дисков, которые должен услышать каждый, прежде чем умрёт»



(Автор приобрёл этот двойной альбом в 1976 году, но был вынужден продать его через четыре года – чтобы не отдавать бесплатно сотрудникам КГБ Саксаульской ССР)

Наш будущий писатель рано полюбил два великих понятия, каждое из которых дополняло друг друга – это свобода и рок-музыка. Свободу, которой не было в Стране Советов (б), он чувствовал внутри, и потому решил сделать её сам, начав как раз с изучения рок-музыки. Несколько лет тогда ещё студент Кулемзин каждое воскресенье, то есть не менее чем 50 раз в году, принимал активное участие в так называемой Суете – мероприятии, стихийно организованном такими же любителями зарубежной музыки, как он сам. Кстати, мой читатель может освежить в памяти эти годы, ещё раз заглянув в третий том романа[217].

Кумирами моего героя в те счастливые годы стали «Led Zeppelin» и «Deep Purple», «Nazareth» и «Uriah Heep», «Electric Light Orchestra» и «Alice Cooper», «Black Sabbath» и «The Doors». Тем не менее одним из его любимейших произведений стала рок-опера Эндрю Уильямовича Уэббера и Тима Майлзовича Райса «Jesus Christ Superstar»

Откинув традиции всех суеверий,
пробитых как кассовый чек.
история парня, который поверил,
что он – не простой человек…

Библия, эта жуткая книга без картинок, утверждает, что её литературный герой Христос прожил 33 года. А наш литератор видел некий символ в том, что в описываемом в романе 2003 году рок-опере «JCS» исполнилось тоже 33 года, так как она вышла в свет 27 октября 1970 года – на лейбле «MCA Records»[218] в Европе и на «Decca Records»[219] – в США. Многие музыкальные критики до сих пор считают первой рок-оперой «Tommy» (на том основании, что он вышел в 1969 году) – несомненно, выдающийся двойник[220] замечательной группы «The Who» – о жизни и ощущениях слепоглухонемого мальчика. Я же лично считаю «Tommy» отличным мюзиклом и позже ещё более отличным фильмом, в котором сыграли не только участники группы «The Who», но и великие музыканты Элтон Стэнлиевич Джон, Эрик Эдвардович Клэптон, Тина Флойдовна Тёрнер и актёр Джек Донович Николсон.

В том, что создателями первой в мире рок-оперы стали англичане, по моему мнению, нет ничего удивительного: вспомним хотя бы, что битлы в своих дисках «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band»[221] и особенно в «Abbey Road»[222] настолько близко подошли к рок-опере, что она просто не могла не появиться. Кстати, когда «JCS» решили поставить на сцене, сразу же стали ходить слухи о том, что Христа будет играть Джон Леннон, а Иудой должен был стать, конечно же, его антагонист Мик Джаггер из «Rolling Stones»

В порочном и замкнутом круге
две группы воюют друг с другом!

[217] Это так: глава 190 «Суета, или Земляничные поляны forever» опубликована в третьем томе романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

[218] Американская звукозаписывающая компания «Music Corporation of America» – прим. муз. редактора

[219] Название лейбла восходит к портативным граммофонам «Decca Dulcephone», запатентованным компанией-изготовителем «Барнет Сэмюэл и сыновья» в 1914 году. Само слово «Decca» было придумано Уилфредом Сэмюэлем, который соединил слово «Мекка» с первой буквой своего бренда «Dulcet»/«Dulcephone». По его мнению, новое слово» было проще произносить на большинстве языков – прим. автора

[220] На сленге: двойной альбом – прим. автора

[221] См. прим. на стр. 339

[222] «Монастырская дорога» – 12-й студийный альбом «The Beatles» – прим. муз. редактора

Думаю, сегодня никто не станет спорить с тем, что не родись 55 лет тому назад английский парнишка Эндрю Ллойд Уэббер, такие жанры, как рок-опера и современный мюзикл, так и остались бы без своих лучших произведений. Ничуть не умаляя успеха знаменитых «Кошек» (тихо напеваем «Memory»[223]), «Эвиты» (тихо напеваем «Don't Cry For Me, Argentina»[224]) или «Призрака в опере» (тихо подпиливаем люстру), сегодня я хотел бы уделить внимание только одному произведению Уэббера – «Иисус Христос Суперзвезда». Думаю, что из всех рок-опер именно она является наиболее органичным сплавом двух заявленных жанров.

[223] «Память» – англ.
[224] «Не плачь по мне, Аргентина» – англ.

И причиной этого стал не только талант её создателей, но и дух бунтарского време-ни конца 60-х – начала 70-х годов – времени, которое подарило рок-музыке столько открытий, что их разрабатывают до сих пор. В эту вдохновенную эпоху и встретились два юных английских дарования: композитор с прекрасным классическим образованием Эндрю Ллойд Уэббер и неудавшийся юрист, поэт-самоучка Тим Райс. Оказалось, что они очень подходят друг другу: их интересовали современные музыкальные тенденции и они оба изначально тяготели к *глобальным* и рискованным проектам.

По натуре я не евнух,
и одно лишь есть в мозгу:
я рискую ежедневно –
жить без риска не могу!

Впрочем, первый плод их совместного творчества – *попытка* рок-оперы на библейскую тему «Иосиф и его волшебный плащ-мечта») особого успеха им не принёс. И вот тогда летом 1969 года Уэббер напомнил своему соратнику-пииту о старой задумке – написать что-нибудь этакое размашистое про… Иисуса Христа. «Затея была рискованной», решили друзья, «но одновременно и перспективной», после чего содрогнулись от своей задумки, но не отступили, за что им по сей день – вечная аллилуйя лично от меня!

Глава 152. ПЕРВАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Писатель выделялся своей игрой, словно новенький фиат среди детских самокатов, сражаясь в *русскую кочергу* красиво – как Рихтер на рояле»

«По величию духа Альбионыч и Мусаич отличались, как значения сло́ва *судно*: в первом случае с прилагательным *воздушное*, а вот во втором – без прилагательного, но наполненного… м-м-м, скажем, неким смыслом»

«Выиграв аж две внеплановых взятки, Талгату стало неловко, точно школьнику, впервые в жизни попавшему в общественную баню»

«Полтавцев сдуру заказал три взятки в роббере из восьми карт и на удивление взял их, так как все, словно сговорившись, стали сажать друг друга, почему-то не обращая внимания на него. «That was close[225]», на каком-то языке изучения подумал Серёжа.

[225] Пронесло – англ.

«От злости Володя рявкнул на старшего трубача так, что собака Баскервилей поперхнулась бы от зависти»

По легенде адская зверюга
Баскервилей истребляла род,
потому что в их роду был Хьюго –
пьяница и нравственный урод!

«– Да, яйчики-бабайчики, горькая правда состоит в том, – печально заметил Кулемзин, – что я научил вас всему, кроме благодарности…»

«Нуртай, ловко, как Шарль Шарлевич Талейран[226], тут же воспользовался междоусобицей, вспыхнувшей в покерных рядах»

[226] Французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трёх режимах, известный мастер политической интриги – прим. полит. редактора

«– Как говорил мой дедушка Михей из деревни Семижопино, увяз коготок – береги, птичка, попку! – нравоучительно изрёк Афанасьич»

«– Всё очень просто, – объяснил Володя со снисходительной улыбкой профессора орнитологии, рассказывающего студенту-олигофрену, почему не плавают больничные утки, – но эта простота пришла ко мне почти через три века упорной учёбы…»

«Дворовые дети орали на таких децибелах, что концерт, например, группы «Ария» в спорткомплексе «Олимпийский» показался бы милыми бабушкиными посиделками»

Впечатление, что вóйны
обещают марш-бросок:
рок не может быть спокойным,
ведь иначе он – не рок!

«– Было у отца три сына, – печально произнёс литератор, оглядев своих покерных визави. – И все трое – дураки!

– А четвёртый, святой Малевич, – умный! – весело встрял Муравлёв.

– А четвёртый у него был двоюродный, – ещё печальнее завершил обзор родственных отношений писатель»

«– Понимаешь, Володя… – по-интеллигентски начал Нуртай, и голос его стал похож на сипение премудрого пискаря[227] перед поимкой»

[227] Так у М. Е. Салтыкова-Щедрина – прим. лит. редактора

«Да, жизнь, мать честнáя, – штука ещё та!», рассеянно подумал Серёжа.

«– Если бы вы только знали, мои маленькие друзья, – проникновенно поведал марсианин собравшимся для игры, – какое это счастье быть таким человеком, как я!»

«В игре педагог Курманбаев полагал, что человек человеку не только волк, но и свинья, и играл сообразно этой нехитрой животной формуле»

«Полтавцев «внимательно» «изучил» пришедший роббер и понял, что шансы на выигрыш, как ему недавно объяснил знаток зарубежной литераторы Альбионыч, были призрачнее первого мужа доны Флор из почти одноимённого романа[228] бразильца Жоржи Жуановича Амаду»

[228] «Дона Флор и два её мужа» (1966) – прим. лит. редактора

«– Талгат, учись справляться со своей внутренней агрессией, – посоветовал Володя.

– Да пошёл ты, ёкарный бабай! – заорал военный музыкант, делая первый ход»

«– Я по сути своей, как и мой тёзка Толстой, злу непротивленец, – сообщил Володя, – но с такими, как Нуртай, не могу позволить себе роскоши вести себя как пацифист»

«Итак, после позорного проигрыша у Мусаича появилась новая жизненная цель под названием месть – священное первобытное чувство восстановления попранного достоинства»

Сколько ж можно ошибаться,
приходя на нашу рать?!
Отомщу вам всем я, братцы, –
брошу с вами я играть!

Глава 153. «JCS» КАК ГИМН СВОБОДЫ И ЛЮБВИ (Об истории шедевра)

По словам автора музыки «JCS», в то время студента Королевского музыкального колледжа Эндрю Ллойда Уэббера, идею создания мюзикла из жизни Иисуса Христа подсказал ему в 1969 году настоятель храма святого Августина в Куинсгейте. Эндрю поделился этой мыслью со своим другом, студентом юридического факультета Тимом Райсом, но начали они совсем с другого, сделав попытку создать мюзикл из жизни доктора Томаса Барнардо – ирландского врача и филантропа, основавшего дом для обездоленных детей.

Почему я называю это только попыткой? Да потому, что за полноценный мюзикл друзья получили смешной гонорар – по 100 фунтов каждый! Но главным здесь было другое – Эндрю и Тим поняли, что могут *вместе* создать что-то более интересное и глобальное.

Будем ты и я известны,
коль залудим свой проект:
только вместе, только вместе
мы прославимся навек!

Однако, библейская тема не исчезла из их творчества – вскоре они написали следующий мюзикл «Иосиф и его цветное пальто снов», в основу которого легла история Иосифа и его братьев. И вот этот мюзикл уже можно считать трамплином, высоко подбросившим двух молодых англичан: после его реализации они стали финансово независимыми, после чего смогли целиком отдаться «Суперзвезде»

Тим Райс в одном из своих интервью поведал, что принять решение о начале работы его побудила песня Боба Дилана «With God On Our Side»[229] – именно из неё он извлёк конфликт Иисуса и Иуды, который явился тематической основой будущей рок-оперы. Ну, а Уэббер записал пришедшую ему в голову мелодию на салфетке в ресторане «Carlos Place» – песенку «Суперзвезда». Название было не случайным, тогда это слово считалось очень модным, правда, суперзвёздами в Англии в те годы называли не всех, а только Эрика Эдвардовича Клэптона, Джона Алфредовича Леннона, Мика Уайттовича Джаггера и Том Стэнлиевича Джонса.

[229]«С дедушкой на нашей стороне» – англ.

Мой друг играет рок-н-ролл, хотя он нот не знает,
он три аккорда целый день в динамике гоняет,
он сам с собою говорит на кухне по утрам,
всю ночь по струнам лупит он, соседям по мозгам.
Мы с ним играли рок давно, на сквере у ДК:
причёски длинные у нас, подвыпиты слегка…

Он водку пьёт – здоровый бык, шумит на весь район,
он был солистом у битлов, а я у «Rolling Stones»!

В ноябре 1969 года у друзей должна была выйти сорокопятка, которой они дали пошлое название «Иисус Христос», но в последний момент Тим Райс решил, что оно не оригинально, и соратники назвали этот маленький диск «Суперзвезда». Как раз в нём и бы-ли мелодии, которые впоследствии вошли в рок-оперу: «I Only Want To Know»[230], «Heaven On Their Minds»[231], «Every Thing's All Right»[232] и «I Don't Know How To Love Him»[233].

[230] «Я только хочу знать» – англ.
[231] «Небеса в их умах» – англ.
[232] «Всё хорошо» – англ.
[233] «Я не знаю, как возлюбить его» – англ.

После неожиданно большого успеха сорокапятки (из известных на то время исполнителей её напел игравший в «Hair»[234] Мюррей Сифилдович Хэд – будущий Иуда из «Jesus Christ Superstar»), стало ясно, что Райс и Уэббер на этом не остановятся, и будет создано нечто большее. И вот тогда Тим Райс решил не переписывать всю евангельскую историю, а взять семь последних дней из жизни Христа, во главу угла поставив историю взаимоотношений Иисуса с Иудой, то есть, проще говоря, на основании классического евангелия создать рифмованную историю трагедии так называемого Спасителя.

[234] «Волосы» (англ.) – психоделический мюзикл, который является вехой хиппи-движения 60-х годов. Музыка написана Гэлтом Макдермотом, слова – Джеймсом Рэдо и Джеромом Раньи – прим. муз. редактора

Здесь надо добавить, что представление о Христе в рок-опере «Jesus Christ Superstar» было сильно навеяно культурой, или, как её чаще называют, контркультурой хиппи, а также «Движением Иисуса», которое в конце 60-х плавно переродилось из движения «Flower power»[235] на Западном побережье. Участники движения называли себя ни больше ни меньше чем фриками Иисуса. Наверное, поэтому сторонников Христа в опере можно легко принять за типичных фанатов, а сам Иисус здесь так и называется – Суперстар, то есть их идол. Даже обращение учеников к нему явно взято из хипповой среды:

Hey, JC, JC,
You're all right by me[236]…

, за что оперу впоследствии часто обвиняли в «уличном» языке, хотя что в нём плохого, при этом не объяснялось.

[235] «Власть цветов» – англ.
[236] Эй, Джей Си, Джей Си, ты очень клёвый для меня – англ.

Вышедший в 1970 году на студии «Декка» полуторачасовой двухпластиночный альбом «Иисус Христос Суперзвезда» сразу же стал пользоваться бешеным успехом у любителей рока[237] – в Англии, например, только в первые дни было продано пластинок более чем на 10 миллионов фунтов! Конечно, во многом этому способствовал звёздный состав: чего стоил только Иэн Биллович Гиллан из уже ставшей легендарной группы «Deep Purple» в роли Иисуса!

[237] А какой любовью этот шедевр до сих пользуется у меня лично! – прим. автора

Прекрасно вписались в ансамбль и бывшие члены рок-группы Джо Гаролдовича Кокера, и Лондонский симфонический оркестр, да ещё и три хора впридачу. И всё же основой успеха явилась великолепная и, главное, *не распадающаяся на отдельные номера*, поистине сверхсовременная музыка Уэббера и талантливая интерпретация евангелия Тима Райса, в которых традиции знаменитых ораторий «Страсти по Матфею» Иоганна Иоганновича Баха и «Мессии» Георга Георговича Генделя сочетались с песенной поэзией XX века. А поскольку друзья мечтали увидеть своё детище не только на виниле, но и на лучших сценах мира, что, впрочем, скоро и произошло, стало ясно, что явление первой рок-оперы на подмостках не за горами!

Получайте, други, фишку –
как от люгера[238] боёк:
мы вам оперу напишем –
вы послушайте её!

[238] Самозарядный парабеллум, разработанный в 1898 году австрийцем Георгом Бартоламеусовичем Люгером на основе конструкции пистолета Гуго Фердинандовича Борхардта. Данное оружие использовало патроны, специально сконструированные для него: сначала калибром 7,65 мм, а после 1902 года и 9 мм – прим. воен. редактора

Глава 154. ВТОРАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«В своей тупости и упрямстве Серёжа заставлял подозревать Володю в том, что тот произошёл напрямую от матроса Железняка, и получил от его старших товарищей соответствующую советскую выучку»

«– Не строй из себя невинную девицу, Нуртай! – воскликнул Альбионыч. – Нельзя, не потеряв девственности, родить ребенка. Говорят, это удалось только деве Марии, да и то я всегда сильно сомневался в этом псевдоисторическом факте…»

«– Как представлю это, так весь трепетую, – пожаловался сторож»

«Внезапно Салихдзяныч почувствовал себя словно при катаре, когда неожиданно начинает першить в горле. Правда, блудливый взгляд его при этом почему-то упорно останавливался на кармане володиной рубашки. «Играем, играем всё время», с тоской думал он (Салихдзяныч, а не карман). «Нет бы ещё немного пивка взять!»

«Покер – это частный Случай закона сохранения неадекватности, автором которого, как, наверное, уже догадался читатель, был всё тот же Кулемзин»

Красные бубны и червы
чёрные трефы и пик –
выпала карта «на нервы»,
стресс в организме возник
Выпала, выпала карта
реперной точкой судьбы –
как не хватает мне фарта,
чтоб не сорваться с резьбы!

«– Хорошо, хорошо, мать моя партия, – поспешно согласился педагог. – Делайте всё, что считаете нужным, товарищи!

Надо ли говорить, что при последнем слове прапорщика подбросило, точно катапультой, и тут же отбросило к близлежащим кустам»

«– Конфиденциальность! – поднял палец Кулемзин.

– Ты мне, царица лесная, такие слова не говори, – обиделся Афанасьич.

– Почему? – изумился писатель.

– Знаешь ведь, что я их не до конца понимаю…»

«– Ты сейчас просто испуган, – объяснил марсианин, – а напуганный человек бывает враждебен почти рефлекторно, из чувства самообороны…»

«В середине партии игру пришлось на несколько минут прекратить, так как коллектив навестил старый друг писателя Насиб Кураев. Володя тепло посмотрел на подходящего к покерному столяра-плотника и поприветствовал его экспромтом:

– Кто проснулся спозаранок,
тому киянка и рубанок!»

«– Серёжа, ну как ты ходишь? – возмутился Талгат. – Ведь ты же, на первый взгляд, ёперный человек умный и рассудительный…

– Да, – твёрдо ответил охранник, – случается, что я полностью заслуживаю эти эпитеты. – Кстати, Володя, что это за хрень такая – эпитеты?»

«С первого взгляда было очевидно, что у литератора и иблисоидного коммуниста были разные группы крови»

«Ощущения, которые трубач переживал в этот момент, можно было сравнить с теми, что чувствует муха, угодившая в клей прямо над занесённой мухобойкой»

«Володя поглядел на кислую рожу педагога еврейского колледжа, и ему стало немного жаль проигравшего.

– Больше над прессом работай, – пожелал он неудачливому игроку»

«Очередной битвы в покер игроки ждали с нетерпением, словно включения горячей воды после сезонной профилактики»

«Если у вас нет собаки,
её не *отварит* сосед, –

донеслась со второго этажа дома № 22 корейская народная песня»

«Рёв дворовых детей можно было сравнить сейчас только с одновременным спуском воды во всех 22 гальюнах авианосца «Нимиц»[239]»

[239] Американский авианосец, получивший своё название в честь адмирала Нимица – главнокомандующего флотом США во время Второй мировой войны – прим. воен. редактора

«Всё на свете бывает: боксёры-профессионалы получают по морде от уличной шпаны, теннисисты, обладатели Большого Танкистского Шлема, запузыривают мячи в *белый свет*, элитные супергроссмейстеры зевают коней и ферзей. Короче, у каждого Наполеона Карловича Бонапарта есть свой Ватерлоо…»

«– Ничего! – бодро произнёс никогда не унывающий Полтавцев. – Дедушка Ленин тоже семь раз в тундру плавал!»

«Просто хэмингуёвина какая-то!», литературно подумал писатель. «Надо бы отвлечь этих чертей каким-нибудь выдающимся фактом», после чего бодро произнёс:

– А знаете ли вы, яйчики-бабайчики, что слово *двадцатичетырёхбуквенное* действиительно двадцатичетырёхбуквенное?»

И мысль возникла ключевая –
свежайшая, как молоко:
слова́ из разных букв бывают,
а стон – всего из буквы *о*!

Глава 155. «JCS» КАК ГИМН СВОБОДЫ И ЛЮБВИ (Об истории шедевра, продолжение)

Когда в продажу вышел первый сингл с двумя песнями из «Иисуса» (рок-опера ещё не была закончена и окончательного названия не получила), в прессе прошёл слушок, что роль Христа в будущем произведении исполнит Джон Алфредович Леннон. А учитывая, что норовистый битл когда-то шокировал общественность фразой «We're more popular than Jesus»[241], в воздухе запахло скандалом. Кстати, как на грех, не вовремя подсуетился и пресс-атташе Леннона, заявив, что Джон даст согласие, если роль Магдалины сыграет Йоко Эйсуковна Óно!

Состав рок-оперы цианист –
об этом жжёт и мой глагол:
Христа споёт один британец,
а Магдалину – japan-girl[242]!

[241] «Мы более популярны, чем Иисус» (англ.) – фраза, произнесённая Ленноном во время интервью журналистке Морин Клив, которая напечатала его в материале для лондонской газеты «Evening Standard» в марте 1966 года, в котором он утверждал, что христианство исчезнет раньше, чем рок-музыка – прим. муз. редактора
[242] Японская девушка – англ.

Поэтому связываться с этой «сумасшедшей парочкой», как называли Джона и Йоко газеты, авторы «JCS» не захотели, и взяли исполнителями главных партий уже хорошо известных на тот момент личностей: Иуду спел Мюррей Сифилдович Хэд, Христа – вокалист «Deep Purple» Иэн Биллович Гиллан. Марию Магдалину Уэббэр вообще нашёл в каком-то ресторанчике, поющую под гитару. Это была урожденная гавайка Ивонн Джадсоновна Эллиман, и она, к удивлению композитора, оказалась настоящим ветераном ещё не осуществлённой задумки.

Как это? – воскликнет мой читатель, а автор объяснит, что Ивонн играла Марию ещё в первой бродвейской постановке на этот сюжет. Кстати, многие мелодии в «JCS» были написаны ещё до работы над рок-оперой и имели совершенно другие тексты. Например, ария Марии Магдалины сначала была песенкой «Канзасское утро», а будущая ария Ирода даже посылалась на конкурс Евровидения со следующим текстом:

«Try it and see,
Won't you try it with me?
I'll be happy all my life
If only you would be my wife…»[243]

Тим Райс позже смеялся, что эта песня не выиграла конкурс, так как «не была достаточно тупой!». Или, например, меткая фраза, обращённая к Христу в конце песни Ирода: «Get out of my life!»[244] на самом деле не принадлежала перу Тима Райса, – просто исполнитель партии царя Ирода Майк Ирлович д'Або[245] при записи так увлёкся и, что называется, вошёл в образ, что просто понёс отсебятину!

[243] «Попробуй это и посмотри, / Хочешь попробовать это со мной? / Я буду счастлив на всю жизнь, / Если только ты будешь моей женой» – англ.
[244] «Прочь из моей жизни!» – англ.
[245] Бывший участник знаменитой британской группы «Manfred Mann Earth Band»[246] – прим. муз. редактора
[246] «Земная группа Манфреда Мэнна» – англ.

И вот наступил 1973 год, который ознаменовался новым этапом этого шедевра – рок-оперу экранизировали! Режиссёр Норман Фредерикович Джуисон для более полного проникновения в материал привёз актеров… в ближневосточную израильскую пустыню, где снял ещё более модернизированную версию евангельской истории. Если сравнивать винил и фильм с одним названием, то, по моему субъективному мнению, мировым событием фильм не стал, хотя в нём есть несколько любопытных сцен: так, в храме вовсю идёт торговля оружием и даже порножурналами, царь Ирод предстает в виде этакого *нового русского* в модных очках и с персональным бассейном, а кающегося Иуду Искариота по пустыне преследуют два тяжёлых танка «Абрахамс». Кстати, роль Иуды в фильме сыграл чернокожий актёр Карл Джеймсович Андерсон, что, разумеется, не могло не вызвать недовольство определённых слоёв населения.

Был в те годы я так мал
(квас пил из окрошки):
что Иуда – негр, узнал
я, сходив в киношку!

Наверное, нашему поколению в известной мере повезло, ведь мы учились и знакомились с музыкой в очень интересное время – когда только появлялись или были на творческом пике нынешние мегазвёзды типа «Pink Floyd», «Deep Purple», «Uriah Heep», «Nazareth», «Led Zeppeling», «Rolling Stones», «Queen», «Black Sabbath», «King Crimson», «Genesis», «Scorpions», Эмерсон, Лэйк и Палмер, Элтон Джон и т.д. и т.п. В то время относительно недавно распались «The Beatles» и была какая-то надежда, что они всё-таки соберутся вновь. Ещё были живы и Леннон, и Джим Джорджевич Моррисон, и Высоцкий, и периодически ярко, но ненадолго, вспыхивали новые звёзды типа Рика Кристоферовича Уэйкмена с его одиннадцатью (за 10 лет) сольными альбомами…

«Кстати, так не все ведь могут»,
говорит моя тетрадь,
«пишет он легко и много,
ну, а вам – его читать!»

Глава 156. ТРЕТЬЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Однажды Будда сказал, что человек может познать всё на свете, если будет ждать достаточно долго, – произнёс Володя.

– И что ты этим хочешь сказать? – тут же вопросил Нуртай, как всегда, ожидавший подвоха от каждого слова своего врага. – Что если мы будем продолжать наше сидение на этой скамеечке, то мы обогатим наши познания во много раз?

– Ну, во много не во много, а всё же они, яйчики-бабайчики, будут становиться всё больше – с каждым столетием!»

«– Йодистый Серёжа, ты заказывать будешь? – нетерпеливо поинтересовался военный музыкант, которому в этот раз выпало сдавать очередной роббер.

Полтавцев, к кому был обращён этот нервный спич, тут же два раза кивнул головой, причём, подбородок его в этот момент оказался выдвинут вперёд, как у уставшей лошади, пытающейся сбросить удила»

«– Талгат, – укоризненно поднял брови Курманбаев. – Ну зачем ты так сделал? Признавайся, мать моя КПСС!

– Признавайся! – весело поддержал призыв Альбионыч. – Тем более что, как говорят на наших *зонах*, чистосердечное признание уменьшает вину, но, правда, увеличивает срок»

«Бывало, правда, и другое: иногда на Афанасьича находило какое-то непонятное вдохновение, и он, заказав семь взяток или даже все десять *на тёмной*, неожиданно брал их, приписывая к своему счёту гигантские очки. В такие редкие моменты Володя оценивал его игру в десять баллов по шкале Чарлза Фрэнсисовича Рихтера»

«– Что, сынок, – обратился Кулемзин к педагогу, – не терпится, как покойному Ким Ир Сену, поруководить на местах?»

Он царь и бог в одном флаконе,
он Ариадна в пиджаке,
смешной чудак на мощном троне,
он акушер идей чучхе.
Мы для него шагаем строем,
маршировать любой горазд,
и коммунизм легко достроим,
коль Ким Ир Сен отмашку даст!

«Покер!», задохнулся от счастья Мусаич, который долго перебирал пришедший роббер, пока не нашёл хотя бы одну эту приличную карту. Поэтому сам факт такого обладания привёл большевика-картёжника в состояние безудержного административного восторга»

«Проиграв две взятки, Батыршин испытал жесточайший мировоззренческий шок»

«– А вот это уже рецидив, яйчики-бабайчики! – возмущённо бросил литератор.

Чтобы успокоиться, он прибег к старому способу дыхательной саморегуляции: вдох – на десять счётов, задержка дыхания – на пять, и выдох – на пятнадцать, но помогло это мало, ведь разум возмущённо кипел, как в революционном гимне «Интернационал» Эжена Жан-Пьеровича Потьена и Пьера Гюставича Дегейтера»

«– Да ты, Нуртай, не переживай, что проиграл. Это ведь вполне понятно, мать честна́я, если ты в своей жизни даже не читал Райнера Йозефовича Рильке, – попенял педагогу охранник.

– Кто, я не читал? – взвился преподаватель еврейского колледжа. – Ну, да… не читал. Но ведь я этого не стесняюсь!

– А пора бы! – вновь попенял тянущийся к знаниям сторож.. – В твоём-то весьма преклонном возрасте…»

«Сализдхяныч, увидев сразу пять козырей, решил рискнуть, но, как это бывало и раньше, взять обещанные коллективу четыре взятки не смог, после чего встал на дыбы, словно знак факториала[247] – вот такой:

[247] Произведение всех натуральных чисел от 1 до n включительно. Обозначается восклицательным знаком, воспроизведённым в середине этой страницы – прим. мат. редактора

«– Знаешь, Нуртай, почему ты так часто проигрываешь? – весело задал явно риторический вопрос Володя, так как знал точно, что Курманбаев на него отвечать не будет.

Так оно и случилось. «Ну, не чаще других», хотел было ответить педагог, но ему самому́ стало интересно, почему же всё-таки.

– Потому что не надо верить ни в пролетариат, ни в демократию, а надо верить только в победу! Ну, и, конечно, хоть немного уметь играть…»

Нету истины вернее,
заключённой прямо в нас:
кто чуть-чуть играть умеет,
побеждает через раз!

«Неудача – это склад ума, поэтому надо принять тот факт, что только единицы побеждают *всегда*, и только единицы могут стать победителями *иногда*»

«Раздался дикий рёв дворовых детей, который был сродни архимедову банному оргазму «Эврика!», потрясший весь Бермудский Учпучмак и даже некоторую часть пространства за ним. Парочка децибелов долетела аж до магазинчика Калимы и слегка пошевелила тюлевую занавеску на входе, которую сельповщица вешала как препятствие от проникновения мух на объект»

«– Серёжа, успокойся! – повысил голос Кулемзин, после чего его снова понизил:

– А то, яйчики-бабайчики, дендриты[248] перепутаются…

Полтавцев, услышав такое страшное новое слово и поняв, что оно скрывается где-то в недрах его похмельного организма, тут же успокоился – на всякий случай, ибо помнил, что спокойствие – залог чего-то там такого»

[248] Короткие ветвистые отростки нервных клеток – прим. мед. редактора

Глава 157. «JCS» КАК ГИМН СВОБОДЫ И ЛЮБВИ (Об истории шедевра, окончание)

Так что бульон, в котором готовилась к появлению на свет эта рок-опера, был высочайшего уровня и великолепного качества – в такой обстановке шедевры и должны были появляться на свет *дедушкин* совершенно естественно. И как же прекрасно совпало, что именно в это время развивался талант Эндрю Ллойда Уэббера.

Например, лично для меня неудивительным был и тот слух (а слух о «JCS» уже просочился в СССР (б), а, значит, и в Саксаульскую ССР (б), что это рок-опера создана группой «Deep Purple», видимо, связывая его (слух, а не СССР (б) с тем, что главную партию там поёт её солист.Почему я так легко поверил этому? Да потому что к тому времени уже был знакóм с двумя великолепными альбомами «Тёмно-Фиолетовых» – это «April»[249] и «Concerto For Group And Orchestra»[250] (оба изданных в 1969 году), в которых ясно прослеживался вектор взаимодействия рок-музыки с классическими оркестрами, кстати, ужé до этого заданный битлами в своём альбоме «Sgt. Pepper’s Lonely Hearts Club Band»[251]

[249] «Апрель» – англ.
[250] «Концерт для группы с оркестром» – англ.
[251] См. сноску на стр. 341 – прим. автора

Шепнула мне подруга Жанна,
что выбор наш всё ж был толков:
давно повысили Сержанта –
теперь он старший средь битлов!

Совсем не претендую на то, что все мои сверстники в обязательном порядке прошли именно такой путь знакомства с «JCS», но то, что мы знакомились с этим великолепным произведением совсем иначе, нежели нынешнее поколение, – совершенно очевидно. Вот вкратце

История моего знакомства с рок-оперой «Иисус Христос Суперзвезда»

В 1971 году, когда она вышла в свет, я только начинал проходить службу в Красной Армии (б) – в городе Ростове-на-Дону, в учебке, которая готовила нас (в два потока) к воинским подвигам или в арабских странах, или во Вьетнаме, куда я в конце концов и попал. В этой учебке я познакомился с Витей Корниловым по кличке Антабус (кто знает, тот поймёт!) – страшным любителем рока из подмосковных Люберец. И в начале 1972 года он сначала сообщил мне на ушко, что на Западе вышла какая-то рок-опера (о-о-о, какое это было волшебное сочетание слов!), затем через пару месяцев, что её сделала группа «Deep Purple», затем ещё позже, что Христа там всё-таки поёт Иэн Гиллан и т.д. и т.п.

А уже после армии, когда я вернулся к учёбе в СаксГу, старшекурсник Гриша Гройсер показал нам с Володей Решетовым, моим другом и соратником по нелегальному студенческому журналу «Вопль»[252], подстрочник перевода рок-оперы (откуда он вообще взял этот текст?!). Затем мы с Володей разделились для двух творческих работ: он начал делать иллюстрации (несколько их мой читатель ещё увидит в этой книге), а я самонадеянно занялся, как мне тогда казалось, литературным переводом «JCS»

Иблису душу перепродал,
потом тако-о-ого натворил:
ведь думал, делал переводы,
но money[253] я переводил!

[252] Об этом журнале – в сборнике «Вопль. История одного журнала» (издательство «Картуш», г. Орёл, 2014)
[253] Деньги – англ.

А итогом такой работы стала книжечка тиражом в 1 экземпляр, опять же полуподпольно переплетённая в каком-то государственном цехе за одну бутылку портвейна № 12. Много лет эта книжечка хранилась у меня дома в сейфе, пока однажды в приступе неконтролируемого альтруизма я не выслал её Володе в насквозь зарубежный город Рига, думая при этом, что перевод «JCS» сейчас можно найти в любых интернетовских вариантах, а вот таких картинок вы больше не найдёте нигде!

Всё – история закончена.

Так что всем было понятно и видно, что рок-опера «Jesus Christ Superstar» сочинена, разыграна и спета не классическим составом знаменитого Одесского театра музыкальной комедии, а командой молодых людей, носивших длинные волосы, рваные джинсы, шейные платки, фетровые шляпы, цепочки, *фенечки*, сапожки и жилетки. Ни одному из исполнителей к тому времени не было и 30 лет!

И вот это посягательство толпы фантазёров и горлопанов на религиозную святыню вызвало вначале тысячи протестов, а затем даже возмущение в Ватикане. И действительно, можно ли представить себе Христа пританцовывающим, Марию Магдалину эротичной, а Иуду, носящим джинсы?! Можно ли вообще переложить библейский текст на язык рок-н-ролла?! И не является ли кощунством само присутствие этих громко говорящих, громко поющих, самоуверенных и весёлых людей в так называемом храме веры, где издавна царят углублённое молчание и святая тишина?!

Что-то стал я слишком нервен,
как асфальтовый каток:
захотелось петь мне в церкви,
но не госпелы, а рок!

Вообще это было интереснейшее время: Джон Леннон, сказавший о «The Beatles», что они популярнее Христа, демонстративно задирался к почтенным людям и общепринятым ценностям, отщепенец Джим Моррисон выдумывал новую веру, похожую на сон шизофреника, рок-группы, утверждая новую музыку, наперебой старались перекричать друг друга. Поэтому неудивительно, что Эндрю Ллойд Уэббер и Тим Райс взялись за дело с наивной энергией революционеров, которые полагают всю предшествующую историю пластилином в своих руках. И они таки вылепили персонажей Собственной Библии, дав им жесты, мимику, голоса́ и страсти *своего* поколения.

Такого Иисуса, взбудораженного и нервного, с пылающей душой и смутой в мозгах, в те годы можно было встретить на обочине шоссе – голосующего, чтобы ехать автостопом, такая Мария Магдалина, с мягким оливковым лицом и длинными гладкими волосами, была жительницей не Иудеи, а Калифорнии, где подрабатывала в ресторане, а этот Иуда, все полтора часа действия задающий вполне разумные и справедливые вопросы, явно учился в университете, а потом жил в общине, но не первых христиан в пустыне Негев, а первых хиппи в штате Айова!

Я бы просто немного выпил,
прогулялся проспектом Невским,
но последнему в мире хиппи
даже выпить сегодня не с кем!

Правда, позже автор либретто утверждал, что в религиозном отношении считает свой текст совершенно нейтральным. «Наше отношение к религии нельзя назвать ни положительным, ни отрицательным», говорил Тим Райс. «В жизни этого человека (Христа – Вл. Г.) произошли такие события, которые превратили его в легенду; но то, что он был всего лишь человеком, ни в коей мере не принижает величие этой легенды. С другой стороны, время течёт, приближается XXI век и, я думаю, всё больше людей воспринимают его не как *дедушку*, но как символ добра – в са́мом общем смысле этого слова. Лично я не считаю Иисуса богом, но в нашей рок-опере его божественность не опровергается категорически, и этот вопрос мы с Эндрю оставляем открытым»

Аналогичные взгляды высказывал в своих интервью и Уэббер, что, конечно же, вызвало негативную реакцию многих религиозных деятелей. «Такие авторы не способны создать ничего, что бы возвеличило го́спода», например, написал так называемый преподобный Эрвин Лайонелович Бинум из баптистской церкви скинии. «Они не подлежат спасению, поскольку остаются глухи к голосу бога. Христианину до́лжно держаться подальше от их антихристианского произведения».

Неоднократно озвучивалось в средствах массовой информации и мнение Русской православной церкви. Вот только одно из них: «С точки зрения православного христианина, с образом Христа, составленным в рок-опере, согласиться сложно, поскольку Иисус для христиан не звезда (пусть даже супер), а спаситель. Следовательно, религиозный поиск должен привести человека не в театр, а в храм…». Какая же убогая мысль!

Хорошо известно нам,
вот и ты почувствуй:
ведь театр – он тоже храм,
только храм искусства…

Глава 158. ЧЕТВЁРТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«В Саксаулии все приметы к счастью: только одни – к твоему, а другие – к чужому»

«Если бы сейчас игроки внезапно оказались на необитаемом острове и решали, кого сожрать первым, Альбионыч бы голосовал против Нуртая, который был ему настолько отвратителен, что не смог бы проглотить ни одного его кусочка!»

«– Серёжа, вернись скорей с пустых небес, – пригласил литератор, – на не менее пустую землю!»

«Курманбаеву вдруг захотелось уйти! Просто уйти от этих ужасных людей, не понимающих его внутреннего мира, ни разу не прочитавших статью Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин[254]»! Уйти в широкий и яростный мир, к простым и добрым советским людям!

– Ты ходить будешь, кремлёвский мечтатель? – оборвал его терзания писатель.

– Буду, мать моя партия, – выдавил из себя педагог и сбросил трефовую пятёрку»

[254] Рабоче-крестьянская инспекция – система органов власти, занимавшаяся вопросами государственного контроля. Статья опубликована в газете «Правда» 25 января 1923 года – прим. полит. редактора

«Противоборство было каким-то омерзительно смешным, вроде чемпионата Туркмении по стоклеточным шашкам»

Может всякое случиться –
вот без искажений
шашки могут заблудиться
на полях сражений!

«Талгат чуть-чуть улыбнулся и одобрительно тряхнул головой, как концертный знаток, услыхавший *верную* ноту»

«Кулемзин, изучив пришедший роббер, в котором нашлись пара джокеров и аж четыре крупных козыря, стал тут же тихонько насвистывать опьяняющую джазовую тему 40-х годов прошлого века «Now's The Time»[255] гениального Чарлза Чарлзовича Паркера – с её могучей чередой синкопов»

[255] «Пришло время» – англ.

«Пришедшие карты настолько обрадовали Полтавцева, что он с немалым трудом сохранил на лице выражение лёгкой гражданской скорби, которую тотчас разгадал сидевший рядом с ним художник Муравлёв, ведь остальным было просто не до этого – все изучали пришедшие карты и строили наивные победные планы»

Заблуждение довлеет
у юнцов и стариков:
каждый ждёт, что одолеет
он полки́ своих врагов!

«– Но ты же мне веришь? – наивно поинтересовался Мусаич. На его тонких губах зазмеилась кривая, преисполненная надежды улыбка.

– Знаешь, Нуртай, я перестал верить людям с тех пор, как впервые побрился! – развеял его иллюзии покерный гуру»

«Мимо игроков, удивляя дворовых детей возрастом, не спеша прошёл негр преклонных годов. Сами же дворовые дети при своей бесконечной игре без названия издавали такой гул, как будто авиакомпании всего мира устроили над Бермудским Учпучмаком показательные выступления – в честь 100-летия подачи заявки на свой выдающийся патент

для «летающей машины» братьями Уилбуром и Орвиллом Милтоновичами Райт в 1903 году»

«Увидев свои карты, Нуртай сделал такое счастливое лицо, словно собрался ещё раз выгодно жениться – в этот раз на первой секретарше Отцеябловского обкома КПСС (б)»

«– Право на невежество, – объяснил Альбионыч, – это вообще одно из самых неотъемлемых человеческих прав. Надеюсь ты, Нуртай, помнишь, что́ однажды сказал по этому поводу некий Пастернак:

«Храпит в снегах Архангельск…»

«При чём здесь какой-то Архангельск, мать моя партийная организация?!», возмущённо подумал педагог, но вслух спрашивать не стал, боясь, как всегда, остаться в дураках. И тут же его глаза офонарели от ужаса, словно в гости к коммунисту нагрянул батальон родственников из преисподней, а произошло это всего лишь из-за нескольких невинных слов, произнесённых военным трубачом:

– По ёперным мизерам, ёкарные враги!»

Поражу врагов разрядом –
для врагов демонтажей:
я врагам не дам пощады –
самому она нужней!

«Разумеется, Кулемзин просто напускал тумана или, как говорят главнокомандующие разных родов войск, *бил по площадям*, однако именно этот посланный в молоко залп всё же достиг цели»

Глава 159. «JCS» КАК ГИМН СВОБОДЫ И ЛЮБВИ (Все персонажи – главные)

Не просто слушая, а изучая это великое произведение более 40 лет, я понял одну забавную истину, ранее ускользающую от меня: все персонажи рок-оперы – главные! И понял, почему именно она (истина, а не рок-опера) ускользала от моего сознания – да потому, что её плотно и надёжно забивали два центральных о́браза – Иуды и Христа. Но сегодня я считаю таким же главным героем «JCS» ещё одного персонажа – очень живого, ранимого, страдающего и любящего. Это Мария Магдалина.

Понятно, что очень редко крупное произведение искусства обходится без любовной лирики. И потому роль влюблённой в человека *не от мира сего* (не бога, а живого человека!) Райс традиционно отвёл Марии Магдалине, а Уэббер написал для неё одну из самых популярных арий рок-оперы — «I Don't Know How To Love Him»[256]

[256] ***«Я не знаю, как его возлюбить его» – англ.***

Я не знаю, как возлюбить его,
что мне делать, как увлечь его.
Я изменилась, да, действительно изменилась –
в последние дни я кажусь себе совсем другой.
Я не знаю, как принять это,
я не понимаю, почему он волнует меня.
Он мужчина, всего лишь мужчина,
их у меня и раньше было очень много,
и он всего лишь ещё один.
Я никогда не думала, что такое будет со мной.

Хотя, если бы он сказал мне, что любит меня,
я бы растерялась и испугалась,
я бы не смогла справиться с этим,
просто не смогла бы справиться.
Я бы отвернулась, убежала бы,
я не хотела бы этого знать.
Он так пугает меня.
Я так хочу его,
Я так люблю его…

И вот эта растерянность искренне любящей женщины, не знающей, что делать со своей любовью дальше, говорит мне гораздо больше, чем утверждения гностиков[257] первых веков нашей эры о том, что Мария якобы была тайной женой Христа. В их стремлениях можно было заметить поиск неких секретных сакральных «истин», которые всегда доступны лишь меньшинству. В своём поиске *синкретической* религии гностики лишь сделали вид, что восприняли идеи христианства, но как бы приправили их своим фирменным соусом. И именно тогда появились первые гностические ссылки на Христа, который своим «воскресением» якобы открыл Марии Магдалине много разных тайн. Библия же на этот счёт предельно конкретна – в ней говорится лишь о том, что Магдалина, хотя и была блудницей, в результате встречи с Христом стала его верной последовательницей и, наверное, поэтому первой, кто увидел его воскресшим.

[257] От др.-греч. γνωστικός – познающий, знающий

И ещё одна любопытная деталь: в тексте рок-оперы Мария возникает как бы ниоткуда, словно ранее спрятавшись в толпе встречающих Иисуса. Так с чего бы вдруг такая любовь? Неужели с первого взгляда? По авторам «JCS» получается, что это именно так, и я не могу их за это критиковать, ведь творение Райса и Уэббера – произведение, сочинение, импровизация – хотя и основанная… чуть не написал *на реальных фактах*… на библейском материале. И вот этот материал, думается, просто отпугнул автора либретто, и без того неважно относящегося к церкви, ведь в библии, в отличие от рок-оперы, как раз объяснено, откуда взялась эта героиня, и сделали это сразу два евангелиста из четырёх – Лука и Марк. Да, кстати, почему не все четверо придерживались одной версии?

Так вот, Лука в числе «некоторых женщин, которых Он исцелил от злых духов и болезней» называет многих, но более подробно рассказывает лишь об одной – это «Мария, называемая Магдалиною, *из которой вышли семь бесов*», а другие – «Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему именем своим»[258]. Ну как можно было не полюбить такого замечательного человека, который дал возможность женщине сбросить столько лишнего веса?! Представляете, сколько места в организме Марии занимали эти семеро *иблисов*?

[258] Евангелие от Луки, 8:2 – рим. богослов. редактора

Как только сдуру я женился,
то передал друзьям привет:
во мне чертей вагон набился –
да так, что мозгу места нет!

А вот Марк, второй евангелист, упоминающий Марию, на протяжении всего своего сочинения вообще ничего не говорит о ней, а потом в са́мом конце, буквально в последней главе 16, словно бы вспомнив о чём-то, что *его попросили упомянуть*, говорит: «Вос-

креснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов»[259]

[259] ***Евангелие от Марка, 16:9 – прим. богослов. редактора***

Может, поэтому мне так симпатична версия молодых англичан – о том, что эта женщина просто полюбила встретившегося на её пути мужчину?

Глава 160. ПЯТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Пять! – воскликнул Афанасьич, для убедительности тряхнув кудлатой, с последней получки нечёсаной головой»

«Увидев пришедшие карты, Батыршин сделал несколько совершенно ненужных телодвижений и пролепетал что-то абсолютно неактуальное типа «О, *иблисе* мой!»

«Чтобы отвлечь сопокерников от насущной проблемы победы, коммунист Курманбаев, волнуясь, рассказал им о том, как вступал в КПСС (б), и как чётко и грамотно отвечал на вопросы приёмной комиссии – о преданности делу коммунизма, любви к социалистической Родине и странам социализма, о добросовестном труде на благо общества, заботе каждого об умножении общественного достояния, а также о высоком осознании общественного долга и нетерпимости к нарушениям общественных интересов.

– В состоянии шока люди ещё и не такое рассказывают, – выслушав педагога, резюмировал Кулемзин. – Не верите, яйчики-бабайчики, – спросите фашистов!

В бане бабоньки мясисты
умирали от тоски, –
глядь, заходят коммунисты,
и у всех – *большевики*!

«В очередной раз сделав пакость, Нуртай сидел смущённый, как старая дева, в семьдесят с хвостиком лет получившая первое в жизни непристойное предложение»

«Внимательность никогда не была сильной чертой сторожа. Вот и сейчас, глядя на колоду с лежащим поверх неё пиковым козырем, Полтавцев неожиданно решил сыграть на бубнах, чем и продемонстрировал полное отсутствие своей дружбы с головой»

«– Играем на мизе́рах! – тихо произнёс Альбионыч, сохраняя, как и положено любому уважающему себя шутнику русского сословия, абсолютно непроницаемое лицо»

Услышав приговор, ленинец застыл, как бронзовый Вовочка Ульянов, и писателю показалось, что ему (ленинцу, а не Вовочке) для полного слияния с образом не хватает только такой же бронзовой кепки»

«Игрался роббер на шести картах, и потому восторженное восклицание старшего корнета о предполагаемых четырёх взятках было настолько неожиданно, словно сообщение Гидрометцентра Республики Саксаулия о граде в Африке – по прокопчённым черепушкам сильно загорелых аборигенов»

Ещё не выйдя из пелёнок,
спросил у мамы негритёнок:
«Ох, отчего ж такой я чёрный?
Я, что же, мама, беспризорный?»
«В том, что ты негр, моя ль вина?
Ну, просто ночь была черна,
к тому же в сумраке смолистом
работал папа трубочистом…»

«– Нельзя всю жизнь ходить по одной колее, которая ведёт в разделочный цех, попенял сопокерникам литератор. – Пора, товарищи индейцы, искать свежие тропы!

«О чём это он, мать моя партия?», с тоской подумал Мусаич»

«Как известно из романа «Русская кочерга», при мизе́ре мощный железобетон ставок, как известно, превращается во фруктовое желе»

«Нуртай по привычке, приобретённой в первичной партийной организации, с маниакальным упорством создавал травматические ситуации для своих товарищей по партии (не КПСС (б), а в покер! – Вл. Г.). Уши его при этом шевелились, как это бывает у некоторых людей при улыбке. «Эх, сейчас бы ковшик валерьянки!», глядя на его зверства, подумал охранник. «Или хотя бы бутылочку «Жигулёвского»

«Дворовые дети визжали так, будто им на ноги пролили кипяток».

«В руках Кулемзина неожиданно сконцентрировались все крупные карты – примерно так же, как группа армий «Центр» генерал-фельдмаршала Морица Морицовича фон Бока для окончательного штурма Москвы. И марсианин так же, как в своё время этот зарубежный фон, понял, что настал его звёздный час»

Наш бой был вовсе не кулачен –
мне враг кизяк один припас:
по тыкве он мне захреначил–
и понял я: «Мой звёздный час!»,
ведь звёзды сыпались из глаз,
как пыл идей из потных масс…

«– … … …, … …!

Володя произнёс это страшное ругательство на старокечуанском языке *симарути*, который когда-то был в ходу у инков, но оказалось, что его поняли не только сидящие рядом игроки, но даже Валера Муравлёв, который из всей игры знал её название, да и то только или до восьмой бутылочки пивка «Тянь-Шань», или до четвёртого *полтишка* чего-нибудь покрепче»

Глава 161. «JCS» КАК ГИМН СВОБОДЫ И ЛЮБВИ (Все персонажи – главные, окончание)

Несмотря на сочувственное отношение авторов к Иуде (предавая Христа, он, как ему кажется, руководствуется *благими намерениями* и даже протестует против платы за предательство), дальнейшая его судьба развивается по евангелию от Матфея: раскаяние и самоубийство. А вот апостолы выведены в рок-опере неожиданно в самом оскорбительном виде – этаких наивных, то суетливых, то умиротворенных глупцов, которые поют грустную песенку о том, как они напишут евангелия, когда *отойдут от дел*:

«Посмотри, как наши испытания и горести
тонут в этом добром бокале вина.
Не беспокой меня сейчас – я вижу ответы:
пока этот вечер не стал утром, жизнь прекрасна!
Я всегда надеялся стать апостолом,
и знал, что если постараться, то я это смогу.
Когда я отойду от дел, то напишу евангелие,
и обо мне будут говорить даже после моей смерти…»

Некоторые моменты, при всей их «апокрифичности», придали нашей истории некий дополнительный драматизм – например, потрясающе проникновенная песня «Сон Пи-

лата». Все партии римского префекта Понтия Пилата[260] в альбоме (и в бродвейском мюзикле 1971 года) исполнил американский актёр и певец Барри Арленович Деннен, который в начале 60-х годов прошлого века жил в Нью-Йорке с тогда ещё никому не известной начинающей актрисой Барброй Эмануэлевной Стрейзанд и помогал ей сделать первые шаги в её карьере. А в конце 60-х он неожиданно уехал жить в Лондон, то есть буквально оказался *в нужном месте в нужное время*, – чтобы попасть в исторический состав участников великого альбома «Jesus Christ Superstar»

[260] Римский префект Иудеи с 26 по 36 годы нашей эры. Публий Корнелий Тацит называет его прокуратором Иудеи, Иосиф Флавий – правителем и наместником, русский писатель Михаил Булгаков – игемоном и всадником. Всё это неверно, кроме последнего определения: римский эквит действительно переводится как всадник. По поводу остального: найденная в 1961 году в Кесарии надпись, датируемая периодом правления Пилата, показывает, что он, как и другие римские правители Иудеи с 6 по 41 годы, был в должности именно префекта, или, проще говоря, чиновника, римского должностного лица, стоявшего во главе управления отдельной частью администрации – прим. автора

Во-первых, я считаю, что Барри Деннен вложил просто потрясающе сильные эмоции в исполнение песни «Суд Пилата», где римский префект, не найдя вины за Иисусом, тщетно пытается отговорить толпу от казни невинного. Во-вторых, по моему мнению, Пилат – это единственный персонаж, выведенный в рок-опере весьма правдоподобно. Он, как и в евангелии, не желает смерти Христу, но упорство Иисуса и угроза потерять власть заставляют его отправить арестованного сына *дедушкиного* на казнь. Последние же свои слова прокуратор Иудеи выкрикивает столь страшным голосом, что лично я при первом прослушивании пластинки впервые понял значение русского выражения *мурашки идут по коже*:

«…Не буду останавливать твоё великое самоуничтожение.
Умри, если хочешь, ты, заблудший мученик!
Я умываю руки от твоего уничтожения.
Умри, если хочешь, ты, невинная марионетка!»

Достаточно ярко в рок-опере выписаны и другие персонажи. Например, царь Иудейский, чью арию Майк Эдвардович д’Або исполнил в расслабленной манере рэгтайма, остроумно подчеркнув богемный образ жизни *пофигиста* царя Ирода и его беспечный подход к глобальной проблеме, которая стала онтологической для его народа. У меня даже создалось впечатление, что Мэл Джерардович Гибсон, создавая образ Ирода в своей киноиконе «Страсти Христовы», опирался именно на эту песенку из «JCS»

А вот таким увидел Ирода мой друг Володя Решетов (рисунок 1974 года):

Прекрасно спел партию апостола Симона Зилота[261] Джон Маркусович Густафсон по прозвищу Гус, который на самом деле был не певцом, а маститым бас-гитаристом (кстати, именно он считается самым значительным бас-гитаристом после Пола Маккартни, вышедшим из Ливерпуля). Гус играл во многих английских группах[262], в том числе в проектах бывшего бас-гитариста и клавишника группы «Deep Purple» Роджера Нормановича Гловера, а позже в нескольких реинкарнациях вокалиста этой же группы под названием «The Ian Gillan Band». В рок-опере Густафсон в лице Симона Зилота уговаривает Христа воспользоваться своим авторитетом и поднять восстание против римлян, гарантируя ему власть и вечную славу.

[261] Ещё один библейский прокол: этот апостол упомянут не во всех четырёх евангелиях, а только в трёх – от Матфея, Марка и Луки – прим. автора
[262] Лично мне известно аж 14 таких коллективов! – прим. автора

Историй смысл неоднозначен,
но нам приходится судить:
поднять восстание – не значит
в восстанье этом победить!

И хочу отметить ещё одного исполнителя: голос одного из священников под псевдонимом Пол Рейвен принадлежит будущей звезде глэм-рока Гари Фрэнсисовичу Глиттеру.

Хочу отметить, что помимо сольных арий, «Jesus Christ Superstar» искренне восхитил меня многочисленными хоровыми партиями, которые несут в опере не меньшую смысловую нагрузку. Это и «Осанна» толпы, звучащая на вход Иисуса в Иерусалим, и хор менял и торговцев в храме, и хор больных и увечных – там же. Одну из трогательных песен альбома исполняет хор от лица апостолов в партии «Тайная Вечеря». А одни из самых жёстких партий в «JCS» исполняются хором от лица толпы при аресте Иисуса и особенно на суде Пилата:

«У нас нет царя, кроме Цезаря!
Распни его! Распни его!»

И последнее: не знаю, кому как, но лично мне после столь напряжённой и трагической сцены, за которой должнó следовать распятие, было просто физиологически неприятно слушать самую известную песню рок-оперы «Superstar» – с её мажорным танцевальным мотивом и подпевками в стиле бэк-блэк-вокала. Сама по себе песня, разумеется, неплоха, но вот её расположение в альбоме мне показалось совершенно неуместным: после этой песни раздаются звуки забиваемых гвоздей, последние слова Христа:

Father, forgive them. They don't know what they're doing.
My God! My God, why have you forgotten me?
Father, into your hands I commend my spirit…

(Отец, прости им. Они не ведают, что творят.
Мой бог! Мой бог, что же ты забыл меня?
Отец, в руки твои вверяю мою душу…)

и прекрасная грустная мелодия, повторяющая тему «Гефсиманского сада». А вот сцена воскрешения отсутствует вовсе!

Здесь параллели неуместны,
ну, разве что роди́лась злость:
убить убили, а воскреснуть
минутки даже не нашлось!

Кстати, в процессе работы между Уэббером и Райсом возник спор: композитор требовал «воскресить» Христа, а поэт был против. Но, как и в известном споре между Ильфом и Петровым о судьбе Остапа Бендера, победил печальный конец! И это, с моей точки зрения, вполне логично: Христос из рок-оперы, Христос, цели которого были непонятны никому, и не мог воскреснуть – слишком вольная трактовка евангельского сюжета увела в сторону от его воскресения.

Но в целом, если не считать рок-оперу «канонической правдой о Христе», то её значение как яркого и талантливого произведения умалить невозможно…

Глава 162. ШЕСТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Все бéды в мире от грамотеев, – удручённо сказал Серёжа. – Понапишут чего-нибудь, напустят туману, а у простого человека крыша едет! Я-то, мать честнáя, уже давно понял, что чем меньше читаешь, тем крепче спишь…»

«Проигрывая, старший прапорщик Батыршин становился неистов, как отрицательный ион натрия, вступающий во внебрачную связь с положительным ионом хлора с помощью своего удалого электрона»

«– Трудное решение, – многозначительно разглядывая карты, важно промолвил коммунист Курманбаев.

– А легко только в сортире бывает, – поддержал разговор Володя. – Да и то не всегда»

«Чувствительный копчик Кулемзина похолодел, точно атомоход «Ленин» близ Северного полюса»

«– И что это даёт тебе на практике, – произнёс Альбионыч, пристально разглядывая педагога, – которая есть критерий всякой вздорной теории?

Взгляд его был холодный и твёрдый, как угол чемодана. В ответ Мусаич лишь пожал плечами.

– Так зачем же тебе это хождение по мукам? – литературно вопросил гуру»

Трезвый или с опохмела –
всё равно приятно мне:
я хожу по мукам смело –
потому что лишь во сне!

«– По мизе́рам, – произнёс своим скучным, словно трижды разбавленный столовский бульон, голосом Нуртай, после чего только маресьевская сила воли писателя позволила ему справиться с внезапно возникшим волнением»

«Талгат, пролетев на две взятки, тем не менее сидел воинственный, как сорняк.

– Эх ты, рыцарь без страха и укропа, – попенял прапорщику сторож, после чего Альбионыч, будучи литератором и филологом, посчитал эту шутку плоской, как слово на деревенском заборе»

«– А если не погибну я в бою
в тот тяжёлый час,
за рабочий класс,
за всю страну! –

, мурлыкал, изучая пришедший роббер, преподаватель еврейского колледжа. И хорошо, что делал это он не слишком громко, поэтому кусты, произрастающие за покерным столиком, на этот раз оказались не испоганенными душевными излияниями музыканта»

«Изображая крайнюю степень внезапно постигшего его горя, военный трубач схватился за горло, словно там был кран, пропускающий воздух в лёгкие, после чего быстро и бурно задышал»

«Где же этот чёртов *иблис*?», тавтологически подумал Курманбаев, напрасно шаря рукой позади себя в поисках тёплого хвоста. Он (Курманбаев, а не хвост), явно потеряв покровителя, вращал головой во все стороны, словно сидел в кабине истребителя во время воздушного боя над Кореей»

«– Тут тебе, как говорится, и крышка! – радостно завопил Афанасьич, показывая пальцем на большевика.

– Причём, от унитаза! – уточнил Володя»

«Рёву дворовых детей сейчас бы позавидовал даже призовой бык передового колхоза «Смело, товарищи, в ногу» Семижопинского района некой российской области»

Играют дети слишком громко!
Особенно дебил мой Ромка…

«– Сначала я тебя подре́зал, – показал пальцем на литератора охранник, а потом ты меня, – вроде теперь мы как бы в расчёте?

– Хорошо считаешь, Серёжа, – улыбнулся Альбионыч, – прямо как нобелевский лауреат. Только вот я, извини, считаю по-другому.

– На *куркуляторе*, что ли, царица лесная? – залился смехом сторож. Правда, смех его был недолгим – до следующего хода Кулемзина»

«Но, как известно из учебника физики за 7 класс, когда глохнет мотор, машина ещё некоторое время катится по инерции. То же произошло сейчас сразу с двумя участниками битвы, пролетевшими каждый на три взятки, – Полтавцевым и обер-корнетом»

«Нуртай сидел в печали, всем своим видом показывая, как должна играть молодую жену на похоронах старенького мужа-миллионера актриса из мексиканского телесериала»

Нет, программы мне не врали,
телевизор то ж не врал:

мексиканский сериал мне
про судьбу всё рассказал!

«Сторож Афанасьич посмотрел на Курманбаева таким взглядом, словно боялся, что тот сейчас начнёт путать его с каким-нибудь интеллектуалом. «Мир полон опасных идиотов», подумал он. «И кто-то наверняка произносит эти слова, как только видит мою рожу. И, по-своему, он, конечно, прав!»

«– Да я сейчас точно выиграю, ёкарный бабай, – заволновался музыкант.

– Такие заявления чаще всего звучат в суде присяжных, – парировал Володя. – И, вообще, яйчики-бабайчики, в средние века тех, кто упорствовал в своих заблуждениях, просто сжигали на костре. К сожалению, сегодня такая практика вышла из моды!»

«Голову под трамвай кладу – у него три джокера!», подумал Альбионыч, отметив необычный блеск в правом глазу педагога. А если бы он увидел и левый глаз, то наверня-ка бы понял, что, кроме *грандов*, у Мусаича была ещё и куча козырей»

«Нуртай после проигрыша подряд двух взяток закатил глаза и тяжело вздохнул, словно собрался немедленно пополнить стройные шеренги святых мучеников. Сейчас ему показалось, что мир перевернулся и плюхнулся на слонов, спинами которых он подпирался испокон веков»

«Что-то получаются, как говорят спортивные комментаторы», подумал Володя, «одни нереализованные моменты!»

Все иссякли аргументы,
когда глянул я в кровать:
проворонил ведь момент тот,
когда мог джекпот сорвать!

Глава 163. «JCS» КАК ГИМН СВОБОДЫ И ЛЮБВИ (Иуда и Иисус)

И всё же из всех многочисленных персонажей рок-оперы особняком стоят два самых главных. А кто же главнее в этом произведении, как не вечные противники идей, то есть основной возмутитель спокойствия в мире и один из его учеников?

Многие бородато-хаератые хиппи – с их идеями о нестяжательстве, братстве и духовной свободе, давно уже записали основателя христианства в предтечи бунтовщиков против обывателей и капиталистов. Не потому ли толпа таких хиппарей (их присутствие только ощущается на второй пластинке, но хорошо заметно в фильме Нормана Джуисона) прямо спрашивает его:

«Иисус Христос, Иисус Христос, кто ты?
Что ты принёс в жертву?
Иисус Христос – суперзвезда,
ты и вправду думаешь, что ты тот,
за кого себя выдаёшь?»

Несмотря на то, что либеральный Ватикан после короткого замешательства всё-таки одобрил рок-оперу, образы подобной «евангельской истории» были откровенно неканоничны, хотя, к чести Тима Райса, метаморфозы всё-таки не перешли рамок приличия. Начать хотя бы с того, что, по словам автора либретто, в рок-опере были задуманы *три хороших парня*: Иисус, Мария Магдалина и Иуда! Но о Марии я уже говорил в своём исследовании, поэтому пока оставим этот симпатичный персонаж за кадром.

Итак, конфликт между Христом и Иудой. Он строится прежде всего на нарастающем непонимании идей и целей друг друга. Вспомним: именно Иуда возмущается общением Иисуса с представительницей древнейшей профессии Магдалиной, именно Иуда предупреждает Иисуса об опасности толпы его фанатиков, которая легко может выйти из-под контроля и принести еврейскому народу ещё одно бессмысленное кровопролитие, именно Иуда выражает сомнение в том, понимает ли сам Христос, куда и зачем он ведёт своих последователей.

Кстати, последний вопрос Иуды, по-видимому, является и главным вопросом автора текста, и это недоумение сквозит как в открывающей рок-оперу песне «Heaven On Their Minds»[263], так и в завершающей «Superstar»[264]:

«Я помню, что когда всё только начиналось,
не было разговоров ни о каком боге –
мы называли тебя человеком.
И поверь мне: моё восхищение тобой не умерло,
но всякое слово, сказанное тобой сегодня,
обязательно извращается, и они растерзают тебя,
когда поймут, что ты их обманывал»

и

«Почему ты выбрал такое отсталое время
и такую неподходящую страну?
Если бы ты пришёл сейчас, ты дошёл бы до всей нации…
Не пойми меня неправильно – я всего лишь хочу это знать.
Скажи, что ты думаешь о своих друзьях на вершине?
Кто среди вас лучший плод, как ты думаешь?
Был ли Будда, где он сейчас? Там ли, где и ты?
Мог ли Магомет двигать горы, или это лишь реклама?
Думал ли ты умереть именно так?
Была ли это ошибка или ты знал,
что твоя смерть побьёт все рекорды?
Не пойми меня неправильно – я всего лишь хочу это знать…»

[263] «Небеса в их умах» – англ.
[264] «Суперзвезда» – англ.

В результате подобного взгляда на деятельность главного героя образ самого́ основателя христианства выглядит вообще не слишком убедительным: его духовная стойкость и противостояние как бы по-прежнему восхищают авторов, но конечная цель этого противостояния так и не проясняется! В одной из самых знаменитых песен рок-оперы «Gethsemane»[265] знаменитая библейская молитва Иисуса «Авва Отче! Всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты»[266] превращается в горькое вопрошание к *дедушке* – полное отчаяния, фатальности и непонимания:

[265] Здесь: «Гефсиманский сад» – англ.
[266] Евангелие от Матфея, 14:36 – прим. богосл. редактора

«Пусть они ненавидят меня, бьют меня,
ранят меня, прибивают гвоздями.
Но я хочу знать, я хочу знать, мой бог,
я хочу видеть, я хочу видеть, мой бог,
почему я должен умереть?»

Думаю, что метаморфозы характера Иисуса определила специфика жанра – в рок-опере он показан, что называется, *человеком на нервах*, готовый в любой момент сорваться, впасть в гнев или истерику. Кстати, изучая евангелия, я заметил, что гнев Христа вырывается наружу только единожды – в сцене изгнания торговцев из храма, и именно эта сцена замечательно отображена в рок-опере – в одной из самых любимых мною песен под названием «Temple»[267].

[267] «Храм» – англ.

Мало того, в последних словах распятого Христа: «Господи, прости их, ибо они не ведают, что творят», Тим Райс признавался, что вообще хотел изменить текст на: «…ибо *я* не понимаю, что творю», но вовремя одумался.

Впрочем, постановщики русскоязычной версии рок-оперы на сцене Театра Моссовета (в переводе Якова Кеслера) пошли ещё дальше: они не удержались, чтобы в конце не процитировать Пилата… из булгаковского романа «Мастера и Маргариты». То, что фраза была в общем-то ни к селу, ни к городу, никого не озадачило – если уж очень захотелось, то, как говорили революционеры, даёшь!

Не поскользнитесь, где масло разлито,
вспомните, что там в огне не горит:
Мастер узнает свою Маргариту
даже из множества немаргарит!

(Здесь автору пора прерваться для обозначения, как он и обещал, очередной покерной нотации, и именно в этом месте хочется показать моему читателю ещё одну замечательную иллюстрацию Владимира Решетова – к увертюре рок-оперы «JCS»):

Глава 164. СЕДЬМАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Мозг Володи, мгновенно обрабатывая поступающую информацию, работал, словно арифмометр «Феликс»[268]

[268] На фото этого советского (б) прибора читатель может полюбоваться в третьем томе «Русской кочерги» в главе 55 – прим. гл. редактора

«– Есть, есть на свете *дедушка*! – заблажил сторож. – Услышал всё-таки мои молитвы, старый пердун!»

«Салихдзяныч, который до этого проиграл три роббера подряд, сейчас получил возможность исправить ситуацию, и потому сидел злой и решительный, похожий на футболиста проигрывающей команды, которому наконец-то повезло пробить пенальти»

Прочухав скорость ветра
и сколько дней в году,
с одиннадцати метров
в ворота попаду!

«Но неожиданная удача в виде двух младших джокеров, как всегда, оказалась лишь злой шуткой разбушевавшейся, как Фантомас во втором фильме[269], Суки-судьбы»

[269] «Фантомас разбушевался» – второй из трёх фильмов о Фантомасе, снятых французским режиссёром Андрэ Жилевичем Юнебелем по мотивам авантюрных романов Марселя Эдуардовича Аллена и Пьера Марковича Сувестра – прим. кинoредактора

«Было видно, что Альбионыч крайне органичен за покерным столиком, – как когда-то Вольфганг Леопольдович Моцарт на премьере своей «Волшебной флейты»

«А вот это был уже не удар, а просто пинок какой-то! Так разбушевавшийся (прости, русский язык!) хавбек, потеряв голову, вдруг пинает арбитра в мягкое, но жилистое место, – за то, что тот не назначил пенальти в ворота соперников»

«– Ёкарный Серёжа, ходи, – попенял сторожу Талгат.

– Ась, мать честнáя? – приставил руку к уху глуховатый игрок.

«А чего это он у вас всегда глуховатый?», внезапно озаботился вопросом один из наиболее любопытных читателей, а автор тут же объяснил ему, что это страшное физическое увечье Афанасьич заработал как раз во время своего напряжённого труда на ОХБК[270] – в ткацком цехе. И если бы этот читатель, задающийся глупыми вопросами, когда-нибудь побывал в таком цехе хотя бы с полчаса, то сейчас бы не доставал автора, и без то-го занятого своим глобальным метафизическим делом, а молча читал бы эту огромную книжку, прихлёбывая чаёк или чего другое»

[270] Напомню читателю, что эта аббревиатура означает Отцеябловский Хлопчато-Бумажный Комбинат – прим. автора

«– Орлёнок, орлёнок! Гремучей гранатой
от сопки врагов отмело!

– ,поддержал себя Нуртай старой партизанской песней»

«– Серёжа, мать моя партия, ты же гуманоид, – попытался воззвать к голосу рассудка Курманбаев.

– Сам ты говномоид, – отозвался глуховатый охранник, после чего обиделся»

«Пришедший роббер старший прапорщик Батыршин рассмотрел хорошо, но вот как правильно распорядиться им, сейчас знал столько же, сколько про размножение однодольчатых в неволе»

«Огонь его праведного гнева по толстому *бикфорду* возмущения уже вовсю бежал к пороховой бочке возмездия»

«Дворовые дети в своих бесконтрольных передвижениях по территории Бермудского Учпучмака метались так быстро, что их пёстрые одёжки сливались в какие-то цветные пятна, а впечатлительный художник Николаич даже вспомнил любую детскую игрушку – калейдоскоп»

Неясно это только выдре
(хотя незнание – позор):
система трёх зеркал в цилиндре –
ох, и хитрющий тот прибор!

«– Гнев – плохой советчик! – взял военного за руку терапевт Кулемзин и стал считать его пульс. – Поэтому, яйчики-бабайчики, успокойся, уменьши темп дыхания, медленно сосчитай до десяти – и только тогда бей своего врага по морде!»

«Сейчас Афанасьич с первого взгляда производил впечатление шизофреника-симулянта, причём, одержимого единственной целью – как можно скорее добиться собственного разоблачения»

«Покерный гуру давно понял старую истину, что Сука-судьба одинаково поражает и слабых, и сильных, но былинка падает тихо, а дуб – с шумом и треском…»

«– Мы непобедимы до тех пор, пока нас не победят! – глядя прямо в глаза сторожу, втюхал ему истину в голову писатель.

– Эх, Вовка, что ж ты, царица лесная, раньше мне это не открыл? – застрадал сторож. – Ведь всё могло быть иначе!»

Всё быть могло у нас иначе,
но не случилось, не срослось –
свою любовь мы в сердце прячем,
и вроде рядом – только врозь!

«Нуртай от злости похрустывал зубами, будто пережёвывал битое стекло. Взгляд у него был тяжёлый, как трамвайный рельс.

– Да, жалок тот, в ком совесть нечиста![271] – процитировал Сергеича литератор»

[271] А. С. Пушкин «Борис Годунов» – прим. лит. редактора

Глава 165. «JCS» КАК ГИМН СВОБОДЫ И ЛЮБВИ (Иуда и Иисус, окончание)

Но если Тим Райс вольно обошелся с евангельским сюжетом, то, кстати, Булгаков и подавно: его Иешуа больше напоминает доброго блаженного – вроде князя Мышкина[272], но никак не Христа. Мне кажется, что ни в одном евангелии Иисус не даёт повода усомниться в своём психическом здоровье, напротив, исходя из его разговоров, притч, умелого избегания провокаций со стороны фарисеев, он выглядит вполне благоразумным и целеустремлённым. И даже на крест Христос идёт вполне целенаправленно и с ясным сознанием, что, впрочем, не исключает редких моментов вполне понятной слабости (в евангелиях их всего два – это молитва в Гефсиманском саду и слова́ на кресте: «Бог мой! Для чего ты меня оставил?»)

[272] Главный герой романа «Идиот» Ф. М. Достоевского – прим. лит. редактора

В своём либретто Тим Райс в целом следует евангельским текстам, но при этом всё-таки по-своему трактует многие ключевые моменты библейской истории. За несколько десятилетий прослушивания этих гениальных дисков у меня сложилось твёрдое впечат-

ление, что роль ведущего персонажа здесь отдана именно Иуде – в равной или даже большей мере, чем Иисусу: так, именно Искариоту принадлежат *первое* («Heaven On Their Minds») и чуть ли не *последнее* слово («Superstar») – за исключением слов умирающего на кресте Иисуса. Иуда производит, по крайней мере вначале, впечатление рациональной и последовательной личности, в то время как Иисус сильно эмоционален, чувствителен и, как оказывается, даже не вполне понимает цель собственной жертвы.

Вот что говорил сам Тим Райс в одном из интервью журналу «Лайф»: «В евангелии Иуда представлен карикатурной фигурой, и каждое упоминание о нём сопровождается уничижительным замечанием. Но я считаю, что он был самым мыслящим из всех апостолов, поэтому и попал в такую ситуацию…»

«Рассужденье не любит шумных»,
говорил мне один режиссёр,
«повелось так, что самый умный
больше всех страдает за всё!»

Иуда неустанно критикует Иисуса за то, что тот, по его мнению, позволил событиям выйти из-под контроля, пошёл на поводу у толпы, в буквальном смысле слова *боготворящей* его за то, что разрешил Магдалине тратить на него дорогостоящее миро и т. д. По словам Иуды, Христос в начале своей деятельности считал себя просто человеком и не выдавал себя за бога[273], а затем перестал сопротивляться мнению толпы, что, по мнению апостола, может кончиться плохо. И на предательство он решается лишь для того, чтобы предотвратить ещё более худшую катастрофу, то есть бунт против римлян и последующее кровопролитие. При этом на тайной вечере Иуда не скрывает своих намерений, более того, восклицает: «Ты сам хочешь, чтобы я сделал это!», и, действительно, слышит в ответ: «Так иди же, что же ты медлишь!»

[273] Евангелие от Матфея, 19:17 – прим. богослов. редактора

Когда Иуда начинает понимать, что Иисусу грозит смерть, в которой история обязательно обвинит его самогó, он объявляет жертвой себя: «Зачем ты избрал меня для своего кровавого преступления?». Логика Искариота такова: если Христос действительно сын *дедушки*, значит, он всё предвидел заранее, сам расписал сценарий событий и пригласил его, Иуду, на роль «прóклятого на все времена»

Там под осинкой серебрился
песок от палестинской пыли:
Иуда, сволочь, удавился, –
решил, что мало заплатили!

Сам же Иисус не раз демонстрирует знание, что ожидает его лично, и при этом говорит об этом как о Суке-судьбе, не подлежащей изменению. В арии «Гефсиманский сад» Христос, как и в евангелии, выражает своё страдание от этого знания и даже просит: «Забери от меня эту чашу, я не хочу вкусить её яда…». Однако, здесь же, в отличие от евангелия, Христос прямым текстом говорит, что он не понимает, зачем *дедушка* посылает его на смерть, а лишь строит догадки: «Стану ли я более заметным, чем был ранее?» или «Будет ли всё, что я говорил и делал, более значимым?»

И здесь же он буквально умоляет объяснить ему причину, по которой *дедушка* хочет, чтобы он умер, то есть логику этого решения: «Яви мне *хотя бы крупицу* своего вездесущего замысла!». Особенно сильно это звучит как раз по-английски: «Show me *just a little* of

your omnipresent brain!». Он упрекает отца в том, что тот слишком увлечён кровавыми деталями его казни («где и как») и мало заботится об обосновании её необходимости («зачем»), но, наконец, всё же смиряется с предначертанием, добавляя, что устал от своей ноши: «Тогда я был вдохновлён, сейчас я грустен и устал. В конце концов, я старался три года, а кажется, что девяносто! Тогда почему я боюсь закончить то, что начал?»

Намёк иных весьма уклончив:
что главное, а что пустяк?
Начать легко, а вот закончить
посмеет далеко не всяк!

Глава 166. ВОСЬМАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Серёжа хорошо разглядел пришедший роббер и замер. Теперь вся его фигура имела полное основание быть увековеченной в мраморе под названием «Обречённость»

«Нуртай напряжённо брал взятки, сверкая глазами, – как турецкий янычар на грани-це с Аравией»

«Кулемзин был спокоен, точно солдат, которому не выдали ружья, и оттого бесслав-но павший на пылающей окраине распавшейся империи»

«Талгат в гневе походил на Демона из одноимённой оперы Антона Рубинштейна, своим видом и грозным *командирским* голосом подавляя остальных незначительных артистов. Правда, такой эффект случался лишь тогда, когда он бывал трезв, а, значит, практически никогда»

«После очередной пакости Курманбаева изначально легендарное спокойствие Альбионыча[274] разлетелось вдребезги!»

[274] Это действительно не более чем легенда – прим. гл. редактора

«– Володя, мать честная, – по-женски обозвал друга сторож, – вот ты человек умный – природоведение изучал, синтаксисы всякие…

– И что?

– Не перебивай! Вот *иблис*, зачем ты меня перебил? Я мгновенно забыл, что хотел у тебя спросить!»

«– Пусть ярость благородная
вскипает, как волна! –

, яростно и благородно завопил Нуртай.

– Хорошая песня, – одобрил марсианин. – Всегда видел, что есть в ней что-то такое, не оставляющее сомнений. Правда, мне никогда не были понятны такие кошмарные слова́, как

«Гнилой фашистской нечисти
загоним пулю в лоб,
отребью человечества
сколотим крепкий гроб!»

«– Пять, мать моя партия! – звонко известил окружающих о своих планах педагог, а писатель в это подумал о том, что подобная идея (особенно в контексте пришедших лично ему трёх джокеров) изначально была тухлой, как национальный китайский деликатес – так называемое столетнее яйцо[275].

[275] Популярная закуска китайской кухни, представляющая собой яйцо, выдержанное несколько месяцев в специальной смеси без доступа воздуха. Не просто редкостная пакость, а натуральный яд хуже цианистого калия, ведь тот значительно милосерднее, так как убивает мгновенно – прим. автора

«Сделав столь глупый заказ, Салихдзяныч даже оглянулся, словно желая посмотреть, какой *иблис* подтолкнул его под руку (или под мозги). И, действительно, эффект от его заказа оказался таким, будто у локомотива сняли аварийные тормоза, при этом пустив его под откос»

«И тут произошёл редкий случай – когда коммунист заказывал большое количество взяток, а все, словно сговорившись, старались его посадить, но вот в этот раз не получилось, и Курманбаев взял своё.

– Надеюсь, яйчики-бабайчики, – сделал строгий вид писатель, – всё это куплено не ценой моральной деградации?

Нуртай потупился, и все поняли, что цена была именно такой»

«Проиграв в очередной раз партию, уроженец деревни Семижопино тут же изобразил на своей роже некий кисляк, словно вместо благородного *жигулёвского* хлебнул некогда популярного в народе напитка *гриб* – гнусной слизистой плюхи в трёхлитровой банке»

Вспоминаю я, как прежде
бабке всё кричал: «Долей!» –
пил я кислый *гриб* в надежде
смягчить сладость на Земле!

«Перебирая пришедшие карты, Батыршин судорожно теребил их пальцами, что в покерном коллективе расценивалось как верный признак решения сложной задачи на сообразительность»

«В процессе игры Полтавцев всё больше напоминал героя известной русской пословицы, которого заставляли *дедушке* молиться, а он всё анатомическую область головы, ограниченную волосистой частью сверху и бровями снизу расшибал»

«Отечество в опасности!», строго подумал Нуртай, но после этой мысли, к его недоумению, за покерным столиком неожиданно повисла пауза – тяжёлая, как бетонная плита. И тут выяснилось, что мысль задумавшимся над трудными последствиями русской революции большевиком, была произнесена вслух. Все напряжённо молчали, как бы ожидая продолжения, и оно не замедлило случиться, – но только от Володи.

– Сука-судьба слепа, но бьёт без промаха! – весело поставил он в известность коллектив единомышленников»

«– Вот, помню, вчера, царица лесная, – мучаясь сомнениями, произнёс Афанасьич, – я вроде бы выиграл одну партию. Или даже две…

– Tempora mutantum[276], – заметил на это Кулемзин, – или, как переводил это латинское выражение покойный Владимир Высоцкий,

«Сегодня называют римским папою,
а завтра запирают в тёмный бокс!»

[276] Времена меняются – лат.

«Дворовые дети вопили, как бывший сын британского лорда Тарзан, не рассчитавший длину лианы на высоту кактуса, но игроки словно не слышали их, так как были увлечены своей нескончаемой покерной битвой»

«– Мизе́р! – звонко известил собравшихся художник Муравлёв, тем самым подтверждая неясные слухи о своей полной невменяемости.

Это было потрясение. Нечто подобное, наверное, испытывают представители племён, находящихся на стадии каменного века, которые впервые в жизни увидели самодвижущийся экипаж типа *москвич*»

Глава 167. «JCS» КАК ГИМН СВОБОДЫ И ЛЮБВИ (Икона без ореола)

И этот подзаголовок строкой выше – не просто банальная придумка автора, который решил хоть чем-то заполнить свои страницы. На самом деле, в рок-опере Иисус вовсе не выглядит религиозной иконой, а, скорее, напоминает героев поп-культуры начала 70-х годов прошлого века. Это просто измотанная и разочарованная славой знаменитость, к тому же избегающая назойливых фанатиков. Поэтому и гибель Христа (не библейского, а оперного) – это не более чем печальное последствие собственной знаменитости, священная жертва, не подтверждённая святостью.

Перед слушателем, который, затаив дыхание, сидит перед *вертушкой* с наушниками на ушах, вырисовывается не могущественный бог, а измученный человек, окружённый нескончаемыми толпами больных и калек, пронзительно кричащий голосом Иэна Гиллана: «Как много вас! *И как мало меня*!»

Журналистка из британской газеты «Guardian»[277] София Дебоик, например, прокомментировала эту сцену как «выражение клаустрофобии, заработанной на славе». И печально добавила: «Это история – скорее об Элвисе[278], чем о спасителе человечества». И я с ней полностью согласен.

[277] «Страж» – англ.
[278] Элвис Вернонович Пресли – американский певец и актёр, заслуживший прозвище король рок- н-ролла – прим. муз. редактора

По воле папы истязанья
он получил своим путём,
зажатый в рамках непризнанья,
он будет признанным потом…

И действительно, в этой сцене явлен не абстрактный сын божий, в переизбытке, как это описано в библии, обладающий безграничной любовью, а человек-суперзвезда, переживающий явление, с которым, например, столкнулась группа «The Beatles» во времена битломании, когда им зачастую оказывалось практически религиозное почитание.

«Поскольку мы стали знаменитыми», вспоминает Джон Леннон в «Антологии «The Beatles», к нам в гримёрку всё время ломились эпилептики и другие несчастные!». (Похожий сюжет, не правда ли? – Вл. Г.). «И нам *полагалось* принимать их... С ними обязательно была сестра или сиделка, которая подталкивала к тебе калек, как будто ты Христос, как будто у тебя нимб, и ты способен исцелить их! В Америке калек приводили за кули-сы сотнями – это было неописуемо! Я не мог смотреть на них, мне приходилось отворачиваться. Нет, мы не были жестокими, ибо в своей жизни повидали немало горя. Но когда безумная от горя мать кричала тебе в лицо: «Пожалуйста, прикоснись к моему сыну, быть может, он снова начнет ходить!», мне хотелось убежать, расплакаться и даже отдать всё, что у меня есть…»

Повожу вокруг кругами,
спрятав личный пистолет, –

исцелю тебя руками,
ибо ног в помине нет!

Подтверждал это и другой битл – Джордж Харрисон: «Мы всего лишь играли рок-н-ролл, а этих больных привозили к нам не только в инвалидных креслах, но иногда даже в кислородных палатках! На что они рассчитывали? Не знаю... Это выглядело примерно так: «Сколько их сегодня, Брайан?[279]». Мы выходили из своей комнаты и, направляясь к сцене, буквально пробивались сквозь толпу этих калек, а они старались хотя бы прикоснуться к нам»

[279] Брайан Айзекович Эпстайн – продюсер и менеджер группы «The Beatles» с 1962 по 1967 годы – прим. муз. редактора

Как же это напоминает вопли толпы в песне «Симон Зилот»:

Jesus, I am with you,
touch me, touch me, Jesus.
Jesus, I am on your side,
kiss me, kiss me, Jesus![280]

[280] Иисус, я с тобой, коснись меня, Иисус. Я на твоей стороне, поцелуй меня, Иисус – англ.

Узнав об этих фактах, я уже нисколько не удивлялся вначале казавшейся неуместной мажорной музычке «Superstar» в конце оперы, а потом так более чем уместной, ибо прямая связь религии и шоу-бизнеса, о которой я только догадывался, здесь проявилась более чем зримо! До сих пор считаю, что из всех основных мировых религий христианство до сих пор остаётся самым зрелищным[281] и склонным к театральности культом.

[281] Лучше по-английски: show! – прим. автора

Вспомните помпезные приезды паханов римских и торжественные литургии в блистающих золотом (непременно золотом!) храмах. А теперь вспомните, как много публики собирали в своё время средневековые аутодафе! Вот уж было шоу так шоу!

В последней теме альбома, инструментальной, под мало кому понятным названием «John Nineteen: Four One» спряталась ссылка на евангелие от Иоанна, а именно главу 19, стих 41, где сказано: «На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором ещё никто не был положен». Забавно, не правда ли?

На этом рок-опера «Jesus Christ Superstar» и завершается. А вот тема *воскресения*, которая, в принципе, *обязана быть* главной в миссии Христа, как основной цели христианской религии, в этой рок-опере… вообще отсутствует! Поэтому я в своём переводе сделал то, что не догадались сделать Уэббер и Райс – поставил в конце русского либретто самый нужный знак современного «препинания» – вот такой:

Глава 168. ДЕВЯТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Нуртай из-за серёжиного плеча удовлетворял своё проклятое любопытство»

«После особенно напряженной партии Володя подумал, что его психика и нервы, конечно, получили значительный удар, но всё же уцелели, а всё остальное сделает время – как известно, лучший лекарь всех болезней, кроме смерти»

Ох, какие перспективы
видим мы всего в одном:
нам жизнёху пережить бы,
ну, а смерть переживём!

«Во время игры военный трубач от напряжения часто бывал бледным и серьёзным. Вот и сейчас он был так бледен и серьёзен, как бывают бледны и серьёзны лишь те, кто по приговору других стоят у стенки и ждут последнего звука своей практически окончившейся жизни»

«На лице нечестивого учителя сияла улыбка во все зубы, словно его неожиданно посетил когда-то лучший друг, через четырнадцать лет принесший крупный долг, на который уже не надо было надеяться»

«Охранник открыл пришедшие карты и страшно удивился – в роббере не было ни одного козыря. Затем удивление его, как выразился бы какой-нибудь математик, стало возрастать *по экспоненте*, так как к первой неприятности добавилась вторая – не было так-же ни одного джокера!»

«Внезапно со стороны магазинчика Калимы прилетело чьё-то недогрызенное яблоко и шлёпнулось прямо у покерного столика, подняв невнятный фонтанчик пыли.

– Да это, яйчики-бабайчики, прямо НЛО какое-то! – возмутился Володя, краем глаза увидав улепётывающего дворового ребятёнка.

– А что это, мать честна́я, за хрень такая? – полюбопытствовал тянущийся к знаниям Афанасьич.

– НЛО? Это просто: Неопознанные Летающие Огрызки! – объяснил знатный уфолог»

Видел я такое дело,
видел я такой вопрос:
НЛО в полях висело,
собирая там овёс!

«– Пять! – воскликнул Серёжа, причём вложил в свой возглас такую неуёмную энергию и страсть, что знатный диагност Кулемзин, срочно переквалифировавшийся из писателя, тут же признал за сторожем лёгкий депрессивный психоз с неярко выраженным суицидальным стремлением»

«– Жизнь не клифт[282] – не перешьёшь! – к месту вспомнил Володя неизвестную коллективу лагерную советскую приговорку»

[282] ***Пиджак – феня***

«В это время дунул какой-то залётный ветерок, чем освежил лицо старшего музыканта, и даже прилепил к его лбу обрывок какой-то старой рекламной газетки. Талгат тщательно разгладил его и прочитал сохранившееся объявление:

Похудеть за одну ночь!
Не гербалайф!
Маша и Света.

, после чего аккуратно переписал телефон на обратную сторону володиной *раскладки*»

Станем вновь мы обогреты
и стройны, как корабли:
нам помогут *маши-светы*,
но – за многие рубли!

«Трубач так сжал челюсти, что скулы стали неподвижными, как борта грузовика»

«Володя поднатужился и неожиданно провёл точную атаку *усира-гери* – прямо в висок! Курманбаев покачнулся, но, поддерживаемый *иблисом*, устоял»

«– Ну, ты маруся без ушей! – пожурил младшего товарища марсианин»

«По-моему, пора перейти в рукопашную!», решил Кулемзин. «Чтобы штык мой совсем не заржавел – без смазки вражеской кровью…»

«В игре Полтавцев был настолько недалёкий, что на чемпионате по узости кругозора обыграл бы даже гималайского йети»

«Будучи игроком *элитным*, Володя никогда не верил в чудо, а только в трезвый расчёт да ещё в своё супермастерство»

«Да, нехорошо получилось», с запоздалым сожалением подумал Курманбаев. «Как же я ещё отождествлён с мнением обо мне других людей!»

«Эх, прогуляться бы тебе к ближайшему фонарному столбу на улице Жубанова», тепло подумал гуру, «вопреки начальному замыслу дизайнера украшенному верёвкой!»

Нет, я, конечно, не безгрешен,
но иногда кажусь трезвей:
на фонарях врагов развешу, –
как ранее своих друзей!

«Разворачивалось стандартное профилактическое действие под сказочным названием «Не спи, карась, – щука не дремлет!»

«Увидев свои карты, сторож Афанасьич бурно задышал, после чего немедленно *застрадал* манией величия в крайне тяжёлой и запущенной форме»

Глава 169. «JCS» КАК ГИМН СВОБОДЫ И ЛЮБВИ («Суперстар» и СССР)

В Советском Союзе (б) уже к середине 70-х годов более-менее были известны аж четыре варианта рок-оперы: два английских, американский и французский, причём, все варианты были представлены исключительно в виде виниловых альбомов. Другого формата тогда попросту не существовало, разве что магнитофонные записи, поэтому – только саунд[283]! Видеомагнитофонов в те времена ещё не было, а везти в СССР (б) киноплёнку с фильмом мог разве что сумасшедший! И даже если бы каким-то чудом кто-то привёз сюда частным образом плёнку с фильмом Нормана Джуисона, то после первого же просмотра КГБ фильм не только бы изъяли, но и могли запросто отправить валить лес не только владельца плёнки, но даже зрителей. Так что ещё раз – только саунд!

[283] От англ. sound – звук

Каждый с детства это знает:
чтобы жизнь была спокойной,
лес валить страна родная
поручает лишь достойным!

Особенно неважно были известны американский и французский варианты «JCS», да и те, кто были с ними знакомы, относились к ним, скорее, не как к опере, а как к сборни-ку песен[284]. Так что почитатели рок-оперы разбились в основном на два лагеря: «гиллановский» и «фильмовый». Под таким же названием на отцеябловской Суете[285] – нашем нелегальном чёрном рынке, продавались и двойные виниловые альбомы этих версий. Причём, продавались – это очень громко сказано. Дело в том, что на Суете *двойник* стоил хотя и немало, но привозили их малое количество, к тому же только *для себя*, то есть никто продавать такой раритет особо не собирался.

[284] Кстати, на американском диске была очень неплохая Магдалина и совершенно необычное исполнение арии Пилата – прим. автора
[285] Об этом – в третьем томе романа, в главах 190-191 – прим. гл. редактора

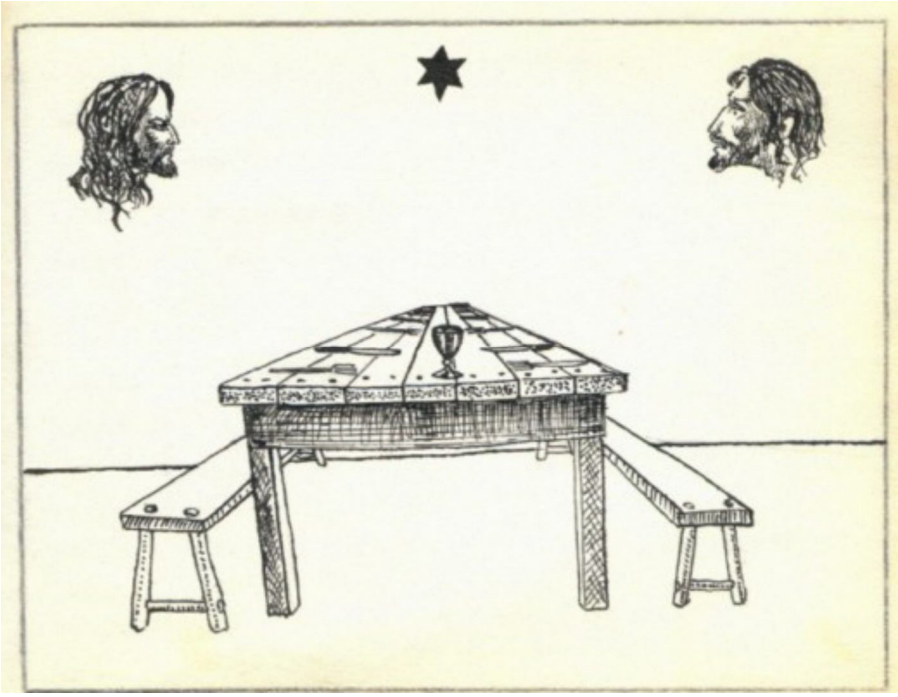
Поэтому большинство любителей пока ещё запрещённого рока знакомилось с оперой в виде магнитофонных альбомов, причём, редко у кого была первая копия, но даже вторая считалась большой удачей, так как на ней можно было внятно услышать и музыку, и текст. Вот с этих вторых копий и шёл самый массовый посыл *в толпу*, так как такую копию разрешали перезаписывать бесплатно, – в отличии от первых, которые стоили немалых денег.

Друзья все знали заводские,
освоив трудовой процесс:
отдам последние штаны я,
чтобы услышать «JCS»[286]!

[286] Читается как «Джей-Си-Эс»

Лично мне довелось впервые увидеть оригинальный альбом на Суете только в 1976 году! А ведь я его искал довольно целенаправленно со времени нашего первого перевода, но не было в продаже этих двух пластинок под одной обложкой в магазине «Мелодия» – хоть убейся! Увидел и, конечно, купил! И только дóма понял, что меня жестоко *нагрели*, так как диски были запилены просто в хлам. Но это был оригинал *с ангелами*[287]! Впоследствие, в процессе моей советской жизни (б) я всё-таки добрался до оригинального *двойника* в приличном состоянии, но это совсем отдельная история.

[287] Посмотри на этих ангелов ещё раз – на стр. 340 – прим. автора



Владимир Решетов «Тайная вечеря» (1975)

Первыми почитателями рок-оперы в стране стали поклонники группы «Deep Purple». Благодаря *забугорным* радиоголосам, эта группа в Советском Союзе (б) имела просто бешеную – и вполне заслуженную! – популярность. Диски группы появлялись на нашей Суете весьма оперативно и, как следствие, лавинообразно появлялись и их магнитофонные копии. Вся информация о качестве музыки базировалась на мнениях местных «экспертов», среди которых было немало джазменов (при условии, что они вообще слышали эти записи). Вполне естественно, что в стране, и в Саксаулии в частности, информации о рок-опере практически не было – по крайней мере, до той поры, пока в 1977 году на ненашем радио ВВС[288] не появился Сева Новгородцев[289].

Для забойного запева,
чтоб ногой ломали пол,
рассказал нам бывший[290] Сева,
что такое рок-н-ролл!

[288] Читается как Би-Би-Си, или «British Broadcasting Corporation» («Британская вещательная корпорация») – англ.
[289] Настоящее имя Всеволод Борисович Левенштейн – британский журналист и радиоведущий, сотрудник Русской службы Би-Би-Си, ведущий музыкальной программы, впоследствии получившей название «Рок-посевы», а также разговорных передач «Севаоборот» и «Биби-Сева» – прим. муз. редактора
[290] Новгородцев родился в Ленинграде в 1940 году, в 1975 году покинул Советский Союз (б) – прим. полит. редактора

Так вот, среди нашей братии прошёл слушок, что «Deep Purple» выпустили рок-оперу, но потом довольно быстро выяснилось, что опера и впрямь есть, да вот только дипы имеют к ней весьма опосредованное отношение – мы узнали, что солист группы Иэн Гиллан был приглашён в качестве исполнителя партий Христа. Но это, конечно, произошло позже, а поначалу все озаботились только одним – срочно стали искать возможность добыть новый музон.

К слову сказать, рок-опера «JCS» была далеко не первой попыткой сделать что-то подобное: к тому времени уже были известны мюзикл «Волосы» Гэлта Томовича Макдермота и «Томми» группы «The Who», но «Христос» сразу же переплюнул всех и навсегда!

Глава 170. ДЕСЯТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Благодаря порхнувшей поблизости ветреной дамы по имени Фортуна, Кулемзин сейчас громил противников, не учитывая *сословных* различий, хотя при этом его тонкая душа покерного гуру выла, как собака с перешибленной лапой. В ответ слышались только тяжёлые вздохи Курманбаева и Полтавцева да редкие по изощрённости военные ругательства Батыршина, которые, видимо, специально для устрашения врага заучивают все музыканты – ещё будучи курсантами секретных прапорщицких школ»

«– Володя, мать честна́я, а почему ты так часто выигрываешь? – неожиданно озаботился сторож..

– Ну, как тебе объяснить, Серёжа? – ответил Альбионыч. – Никому же не приходит в голову спрашивать у беременной Акулины: «Чего это тебя, матушка, так разнесло?». Природа, однако, яйчики-бабайчики…»

Ох, попался я в ловушку:
вроде было и светло,
поигрался я с подружкой,
а её вдруг разнесло!

«Да, действия Нуртая сейчас явно не вписывались в Декларацию о правах человека! Он продвигался вперёд с неотступностью кошмара, и литератору стало предельно ясно, что в лице преподавателя еврейского колледжа наука аретология[291] навсегда потеряла одного из своих постоянных клиентов»

[291] ***Раздел этики, изучающий добродетель – прим. науч. редактора***

«Проиграв, Талгат молча смотрел на игроков, как глухонемой на радио»

«– Эх, Серёжа, глядя на твою игру, – улыбнулся писатель, – сразу же вспоминается старая мексиканская поговорка: «No por Xuan sombrero»

– А перевести можешь? – стесняясь, спросил охранник.

– Конечно! Не по Сеньке шапка…

Уроженец деревни Семижопино стремительно выхватил из котомки заветный блокнотик «Для му.мы.» и быстро-быстро, чтобы не забыть полученную мудрость, накаракулировал: «Только что узнал от одного учёного из соседнего дома, что русский Сенька обзывается по-мексикански очень неприлично!»

«*Русская кочерга* – не такая простая штука, как кажется вначале, втолковывал своим (прости, русский язык!) неофитам Альбионыч. Можно играть много лет и постоянно открывать в игре что-то новое, ибо покер подобен луковице, которая ждёт, пока её очистят: слоёв шелухи очень много, но один другого интереснее!»

С кухней я не стал богаче,
аж свербит в моём паху:
чищу лук и горько пла́чу –
очень жалко шелуху!

«Сопокерники спорили всё громче и безобразнее, ибо логика выдвигаемых в диспуте предположений всегда обратно пропорциональна количеству и градусности напитков, употреблённых диспутирующими»

«– Да я… да я… – заволновался Афанасьич. – Да я сейчас, царица лесная, у вас всех выиграю!

– Золотая денница, Грядущая Мощь[292]… – зевнул Володя»

[292] Замучил этот Вл. Горький всю нашу редакцию! Понапишет без пояснений, а нам мучайся! Еле нашли: это – цитата из «Пьяного короля» Артюра Фредериковича Рембо – прим. лит. редактора

«Мусаич скосил глаз в прапорщицкие карты, и знатный писатель Кулемзин тут же заметил для пятого тома «Русской кочерги», что глаз партийного косил, как у большинства скаковых коней в мировой живописи»

«– Пять, – спокойно заказал *записывающий*.

– Да это просто безумие, мать моя партия! – завопил коммунист и тут же осекся: рассказ о своих двух младших джокерах, на которые он и собирался объявить мизéр, до поры до времени был прямой подсказкой и грозил стами штрафными очками.

– Возможно, – также спокойно ответил Альбионыч. – Как говорили просвещённые латиняне, nullum magnum ingenium sine maxtura elementiae fuit[293]»

[293] Никогда не было великого гения без примеси безумия – лат.

Говорил один игумен,
весь от браги желтоват:
«Гений наш всегда безумен,
гений их – лауреат!»

«В перерывах между партиями игроки проверяли на прочность свою психику, потому что занимались тем, чем обычно страдают все интеллигенты, то есть неприкладным умствованием, а говоря проще, бездарно чесали языками»

«– Ты заказывать будешь? – нетерпеливо вопросил писателя обер-корнет.

– Я думаю, что в таком тонком деле, как покер, – задумчиво ответил Володя, – такой грубый и прямолинейный вопрос несколько (прости, русский язык!) *нерелевантен*…»

Глава 171. «JCS» КАК ГИМН СВОБОДЫ И ЛЮБВИ («Суперстар» и СССР, окончание)

Итак, уже к 1973 году заинтересованный советский народ, и в особенности поклонники «Deep Purple» уже были хорошо знакомы, по крайней мере, с основными мелодиями рок-оперы. Стоит ли после этого удивляться, что большинство из нас (ещё тех, прошловекóвых) до сих пор считают эту постановку самой лучшей? Ведь мы на ней воспитывались – так же, как воспитывались на простеньких песенках «The Beatles» и сложных композициях «Led Zeppelin». Скажу так: это как птенцы – кого первого увидел, тот и мама.

Потом, конечно, кто-то стал слушать иные варианты, сравнивать, выбирать и т.п., но большинство из нас этого просто *не делало*. И если нам сразу понравилось это произведение, то понравилось оно навсегда, и именно в данном варианте!

В паденье или на вершине,
чужим путём или своим,
храню тому я верность ныне,

что стало с юности родным!

Ну, а к 1975 году «JCS» уже плотно превратился в абсолютно культовый альбом: почти все рок-музыканты старались подобрать аккорды понравившихся партий, на студенческих фестивалях бесстрашно (но с оглядкой на комсомол) исполнялись отдельные фрагменты рок-оперы, и даже долго циркулировал слух, что Алексей Козлов со своим «Арсеналом» делает подпольную постановку «Суперстара». В воздухе витало ожидание чего-то нового, небывалого, что вот-вот появится. И это что-то – своё, отечественное – наконец появилось. Но оказалось, что это всего лишь «Орфей и Эвридика», стыдливо названная её автором Журбиным зонг-оперой, да ещё и в исполнении «Поющих гитар»

Наверное, это было круто (для тех, кто не ел ничего слаще морковки), но мы, настоящие любители рока, ещё не успели толком разобраться с первым саундом «JCS», как тут же появился второй, да ещё какой! На «музыкальные просторы Родины», как тогда любили выражаться комсомольские вожаки в своих докладах, буквально ворвался саундтрек всё под тем же названием «Jesus Christ Superstar», но уже фильма.

Надо сказать, что экранизация рок-оперы на «загнивающем Западе», естественно, не заставила себя долго ждать, но для Советского Союза (б) это ровным счетом не значило ничего – фильм в прокат, разумеется, никто пускать не собирался. А вот для поклонников рока – очень даже значило: вместо уже обожаемого Христа-Гиллана на саундтреке появился какой-то Тэд Джоевич Нили, вместо Иуды-Хэда – некий Карл Джеймсович Андерсон. К тому же, прошёл слушок, что этот Карл ещё и чёрный, что позже в эпоху видео полностью подтвердилось. В общем, началась смута.

В сéтях тонких философий,
знать, никто не заменим:
раньше пели только профи,
ну, а нынче – то ж они!

Ещё раз напомню: фильма не видел никто – все только слушали и очаровывались. Наши девушки массово предпочли фильмовый вариант, затем, по какой-то причине (возможно, стало больше магнитофонов), фильмовый вариант стал стремительно распространяться на рок-музыкальном пространстве. Почти никто не отрицал высокий профессиионализм и высокую культуру исполнения практически всех партий, и особенно главных. К тому же, в состав поклонников рок-оперы стали вливаться новые поколения, ранее не слышавшие ни «Deep Purple», ни первого варианта, и для них фильмовый вариант сразу стал главным и лучшим – вот такой эффект самовоспитания! Так и получилось: кто на чём воспитывался, тот и считал свой вариант безусловно лучшим, хотя не отрицал и второго: мол, это тоже хорошо, но наш всё-таки лучше!

Суперпрофи, дилетанты –
есть у всех свои ерши:
варианты, варианты –
все для рока хороши!

Сейчас это кажется смешным и забавным, но только не в то время. Например, мы спорили до хрипоты, чья Магдалина лучше, и уже спустя годы выяснилось, что это была одна и та же исполнительница Ивонн Эллиман! Зато практически никаких споров, например, не вызывал Кайафа, то есть мощный густой голос Боба Кевиновича Бингэма на фильмовом треке – да, именно таким и должен быть Кайафа. Только в 77-м или даже 78-м году мне лично удалось добыть подлинный текст и состав участников гиллановского ва-

рианта, и тут оказалось, что с тем подстрочником, который в своё время дал нам Гриша Гройсер, здесь была большая разница. Сейчас помню лишь, что для того, чтобы этот вариант переписать от руки, ушла почти целая 48-листовая общая тетрадь…

Глава 172. ОДИННАДЦАТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Володя внимательно просмотрел пришедший роббер, после чего у него в голове, как и у его дедушки Остапа Бендера, заработала маленькая вычислительная машинка»

«Проиграв две взятки, Курманбаев тут же начал обвинять всех покеристов по очереди. На зоне такое поведение называется очень просто: *развёл гнилой базар*, что в переводе на русский означает «Непонятные моменты в партнёрстве»

«Диалог писателя с Серёжей сейчас напоминал разговор строгого папы с сыном-восьмиклассником, которому втолковывают, что дважды два четыре, а тот всё-таки думает, что это поллитра!»

У нас в палате № 6
все верят в то, что счастье есть!

«– Да, да, товарищи, – горячо откликнулся педагог на предложение взять ещё по паре бутылочек пивка. – Больше открытости, мать моя партия, человечности и гласности!

Прапорщик поперхнулся и побежал в кусты – отдавать очередной долг родине, на сей раз представленной лишь бедными и поруганными бермудскими кустами»

«Крах был неминуем: все уже взяли свои заказанные взятки, и только Полтавцев вдруг понял, что кто-то сейчас переберёт, а вот именно он, бедный Серёнька, недоберёт. Но что он мог сейчас сделать – тонкая деревянная спичка, попавшая в железную шестерню?!»

«Кулемзин видел педагога насквозь – как медузу, и эта марсианская способность не раз помогала ему не только в игре, но и в жизни»

«Увидев очередную пакость Мусаича, старший прапорщик взорвался, как вулкан Этна, и начал выливать на тыкву ленинца очередное ведро грязных русских ругательств. Поруганный Нуртай в это время ныл, словно невеста, брошенная женихом-подлецом прямо у дверей загса»

Бортанул меня жених!
А теперь он мёртв и тих…

«В механической физике это называется система сдержек и противовесов, в физической же механике – ещё сложнее, так что не будем утомлять читателя всякими непонятными терминами»

«– Морковку жрать надо, яйчики-бабайчики, – посоветовал чуткий Альбионыч. – Она для внимательности полезна.

– Чё, царица лесная? – тут же переспросил охранник»

«Значимые карты военный музыкант бросал медленно и осторожно, словно девица на балу, симулирующая обморок»

«Тщательно изучив *раскладку*, которую сам и вёл, Кулемзин понял, что он сейчас не в том положении, чтобы прикидываться воспитанным человеком, после чего устроил небольшое показательное выступление из программы подготовки американских горилл под названием *коммандос*»

Не искал я с вами боя,
предъявляя по счетам,

но побил своих врагов я –
под фамилией ван Дамм!

«– Три! – сделал скромную заявку сторож. – Нет, подожди, не пиши! Четыре!
– А, может, пять? – ехидно улыбнулся Курманбаев.
– Точно! Спасибо, сосед! Володя, пиши пять!
– Сынок, – враз посерьёзнел покерный гуру. – Я думаю, что тебе пора воспользоваться твоей знаменитой книжечкой «Для му.мы»
– Да это мы завсегда! – горячо заверил Афанасьич, местоимением *мы* повысив себя в звании сразу на несколько человек. – Говори!
– Пиши, – ещё серьёзнее произнёс Альбионыч и продиктовал:

**У того, кто широко шагает, есть
реальная возможность порвать штаны!**

«Догадки, словно падающие звёзды, делали в сознании Салихдзяныча маленький, едва различимый мазок, и успевали исчезнуть до того момента, как была разыграна первая взятка»
«Переиграть Серёжу мог бы и шестилетний ребёнок, правда, при условии, что он не страдает задержкой развития и не употребляет с детсадовского возраста черноплодные напитки типа *шмурдяка*»
«Дворовые дети кричали так, как будто им всем одновременно подожгли штаны»
«И вот здесь выяснилось, что Нуртай сейчас поступил как некий немой дворник из одной тургеневской книжки, то есть сам тонуть не хотел, но другим кирпич на шею вешал с удовольствием, причём, делал это с привычной пакостной улыбкой. Всем стало ясно, что это была улыбка гиены, смотрящей из кустов на слабеющего от ран льва»

Вот жаркой Африки набросок
из страшных жизненных новелл –
слабел наш Лёва от поноса:
«Зачем же я гиену съел?!»

«– Но вернёмся к нашим баранам, – произнёс литератор. Игроки задёргались, но скоро сообразили, что речь идёт не о них, хотя метафорист имел в виду именно этот, ограниченный пространством Бермудского Учпучмака, контингент»

Глава 173. «JCS» КАК ГИМН СВОБОДЫ И ЛЮБВИ (Часть нашего воздуха)

И последняя глава, объединённая вот этим общим заголовком строкой выше, – о моих ощущениях того времени и времени, в котором я живу сейчас.

Теология и философия издавна принадлежали епископам в дорогих одеждах, старцам с седыми бородами и мыслителям с длинным списком публикаций. Но Иисус был молод, и его апостолы были молоды, и разбойники на кресте были молоды, и вообще революцию веры и любую иную революцию совершают молодые, а не старые люди.

Наверное, поэтому не удивительно, что молодая шайка музыкантов, прежде премьеры на Бродвее выпустившая рок-оперу в виде двойного альбома, принесла в исторический канон и скорбную метафизику христианства шум улицы, раскрепощённость богемы, краски цветного кино и нерв споров, которые вели интеллектуалы на советских кухнях. Гиллан пел партию Христа голосом такого диапазона и такой страсти, что не оставалось сомнений: всё это происходит здесь и сейчас, за углом, в соседнем квартале. В голосе Ивонн

Эллиман, певшей Марию Магдалину, было столько нежности, что сам воздух новозаветной истории превращался в сладкое вино и тёплую любовь.

Мой восторг так персонален
в окончании начал:
по-английски исполняли –
я их сердцем понимал!

Я, по не зависящим от меня общеполитическим причинам, разумеется, не мог перемахнуть через океан и попасть на бродвейскую премьеру, и поэтому слушал рок-оперу с катушки плёнки «Свема», которую крутил магнитофон «Соната». В сером воздухе брежневской скуки волшебством Уэббера и Райса возникала рыжая земля Гефсиманского сада. Библия была запрещена, и поэтому Иисус являлся не с её страниц, а с этой узкой плёночки казанского завода. Подпольный, полузапрещённый Христос с подмостков рок-оперы был живым человеком, нашим современником и нашим другом, возлюбившим любовь и пострадавшим от непреодолимой человеческой подлости и глупости. И натуралистические звуки бича, опускающегося на его тонкую спину, не походили на оперную бутафорию, и до сих пор ужасают меня всерьёз – так же, как грубый голос палача, отсчитывающий свои кошмарные 39 ударов.

Сейчас мне кажется, что даже человек, которому медведь наступил на ухо, мог спеть всю рок-оперу – все её 26 номеров, занимающие 88 минут, с начала до конца: так ясны, отчётливы и прекрасны эти мелодии. И это опять прозвучит кощунством, но под удивительную музыку о смерти и воскрешении тогда танцевали!

В трёх шагах от смерти края
исполняем свой аншлаг –
мы, танцуя, понимаем:
этот танец – жизни шаг…

И это никак не мешало страдать и сострадать, и погружаться в красочный мир, в котором звучал могучий бас первосвященника Кайафы и пел свои песенки римский бюрократ Пилат. Время, когда рок-опера «Jesus Christ Superstar» начала своё странствие по сценам и магнитофонам всего мира, было временем массовой гениальности, приступы которой испытывали сотни молодых людей с гитарами в руках. Такие путешествия по времени были обычным делом в кругах летающих, улетающих и отлетающих. Уличные гитаристы беседовали с вечностью, барабанщики играли на своих барабанах в кости с Буддой, а Уэббер и Райс вмешались в толпу людей, собравшихся у Яффских ворот, чтобы посудачить о новом пророке, вчера въехавшем в Иерусалим на ослике, а сегодня уже приговорённом к смерти – ни за что.

Владимир Решетов «Распятие» (1975)

Наше время в смысле музыки не выдерживает сравнения с той полнозвучной эпохой – мы пробавляемся убогими песенками и скудными мелодиями, и кто у нас есть сегодня, кроме покинувшей нас бедной пьяной дурочки Эми Уайнхаус с её божественным блюзом? Никого. Время массовых путешествий во времени давно закончилось, и за 33 года, прошедших с той поры, Эндрю и Тим вместе и поодиночке сочинили ещё много чего, но никогда больше они не достигали той гениальной гармонии, которая когда-то была частью нашего воздуха.

Говорю сейчас со вздохом:
«Где же ты, «Суперзвезда»?
Мы дышали той эпохой,
отравившись навсегда…

И последнее.

За много лет слушания, переслушивания и изучения рок-оперы «JCS» я вдруг начал наивно полагать, что понял её сквозную тему. Это страх. Да, этот набор песен от разных персонажей, – по сути дела, о страхе людей перед тайной *дедушки*. Вспомните: Христос на протяжении всей оперы пугает всех, с кем он так или иначе соприкасается – он пугает самых близких, а это Пётр, Магдалина, Иуда (двое последних говорят о своём страхе прямым текстом: «He scares me»), он пугает Пилата, который его не понимает, он пугает Кайафу, фарисеев, пугает Ирода, пугает толпу в Иерусалиме (сцена в храме), но в конечном итоге – это страх и непонимание Христа со стороны поколения хиппи, и даже не хиппи, а просто наше непонимание – тех, кто был молод тогда.

И не потому ли становится совершенно не удивительно, что и в рок-опере, и в фильме повисает в воздухе последний вопрос: а чего же, собственно, Христос добился своей жертвой, и зачем она вообще была?

Глава 174. ДВЕНАДЦАТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Талгат после позорного проигрыша трёх взяток сидел понуро, точно ефрейтор, разжалованный обратно в солдаты, и шмыгал носом, как обиженная школьница. Было видно, что старший трубач сейчас ощущал себя ребёнком, у которого отобрали только что подаренную пожарную машинку»

«Своей игрой Володя выделялся среди других игроков, словно новенький *фиат* среди детских самокатов»

«– Молодец, старичок, – похвалил Кулемзин сторожа. – Правильно сыграл. Я даже не ожидал от тебя такого…

– А что я, хуже других, что ли? – заулыбался Афанасьич. – Не боги же горшки обгаживают…»

«Но, как известно из фильмов с участием Клинта Клинтовича Иствуда, в интеллектуальном споре всегда побеждает тот, кто быстрее выхватит кольт»

«Нечаянно выиграв заказанные две взятки, охранник в который раз лично пообещал *дедушке* поставить ему пудовую свечку, хотя денег в кармане у него не было даже на маленькую коричневого цвета – из-за частой переплавки, так что *дедушка* в лице его уполномоченного на Земле, то есть РПЦ, в очередной раз затаил на него страшную обиду»

Буду я сейчас счастливый,
потому что по рублю
вместо свечки – пару пива
с удовольствием куплю!

«Потеряв две взятки из трёх заказанных, Курманбаева на́чало немного потряхивать, как это обычно делают лошади мокрыми гривами – после купания в сельской речке.

– Ты чего, мать честна́я? – на всякий случай отодвинулся от него сосед по лестничной площадке, а потом и вовсе поставил педагогу какой-то невероятный диагноз:

– Что, царица лесная, массовый психоз напал?»

«Живьём брать демона!», пронеслась в голове Альбионыча знаменитая фраза из не менее знаменитого фильма. «Кожу на барабан, мясо собакам, а шмотки на барахолку!»

«– Четыре! – в последней попытке зацепиться за *раскладку*, минуя *шпалу*, отчаянно воскликнул унтер-офицер Батыршин.

– Sacramentum resurgentium[294]? – печально прокомментировал Володя»

[294] ***Воскрешение мёртвых – лат.***

«Интрига игры раскручивалась, как детская карусель»

Мчимся мы на карусели,
влезли чудом, еле-еле:
карусели не свезло –
каждый аж за 100 кило!

«Всё это напоминало игру с двумя магнитами: чем ближе Володя приближался к нуртаевским показателям, тем быстрее они отпрыгивали от него ещё дальше»

«Судя по наблюдениям писателя за жизнью, прапорщики очень быстро отходят от различных ударов и потрясений Суки-судьбы, а старшие прапорщики – ещё быстрее!»

«Не в силах сдержать досаду от восклицания Мусаича насчёт объявления мизе́ра, военный инструменталист несколько раз открыл и закрыл рот, словно кабан на грядке с топинамбуром»

«Победитель из Полтавцева был, как из половинок кирпича – серьги»

«Понять, например, как Кулемзин без козырей умудряется взять три взятки, для Серёжи было также трудно, как пробежать три метра по вертикальной плоскости – без принятия стимулирующих 100 граммов»

«Дальнейшее напоминало сон Гоголя в летнюю ночь, то есть сплошные ужасы»

«Эффект от неудачного мизе́ра Салихдзяныча получался точно таким же, как от *глюка* на пентиуме китайской сборки»

«Локальная паника быстро перерастала в глобальную катастрофу»

«Дальнейшие по напряжённости события этого памятного дня разворачивались с бездушной механической слаженностью, свойственной тюрьмам, казармам и убойным цехам мясокомбинатов»

«Талгат от нанесённой ему обиды даже не сбе́гал в очередной раз в учпучмакские кусты, а просто покраснел, словно только что вышел из салона деревенского косметолога деда Мокея, который натёр ему щёки румянами в виде отварной свёклы.

– I'ts all o'key! I'ts all o'key![295] –
кричал, куражась, дед Мокей»

[295] Это всё хорошо – англ.

«Нуртай сидел насупившись, будто осьминог в консервной банке»

«– Не устраивает тебя моя политика, – можешь отделиться, как Прибалтика, – посоветовал Альбионыч.

Такого унижения охранник стерпеть не мог и молча отделился – на полчаса, страдая от того, что ладно бы писатель упомянул какую-то Рыбалтику, но вот сказануть слово *политика* при нём – этого простить он был не в силах!»

«– Мизер! – заметив нехороший проблеск в глазах большевика, предложил Володя.

– Отменяю! – радостно прокричал Нуртай, на что и рассчитывал покерный гуру.

Стало ясно, что этим заявлением строптивый педагог нанёс урона литератору не больше, чем таранный удар комара ветровому стеклу автобуса»

«Но, как известно из книги профессора Фекалина «Общий курс термодинамической астрофизики», унылые люди затрудняют дыхание Вселенной»

«– Талгат, – обратился к шнапс-капитану писатель. – Вместо того, чтобы ругать тебя за поспешность в решениях, давай я лучше расскажу тебе притчу.

– Давай, – понурил голову Батыршин.

– Итак, однажды одна маленькая птичка решила долететь до са́мого солнца. О своём желании она расчирикала всему миру, и каждый знал о том, что маленькая птичка хочет сделать то, что до неё никто не делал. И настал день, когда маленькая птичка стала подниматься всё выше и выше. И знаете, почему она всё-таки так и не долетела до солнца?

– Наверное, сгорела, – произнёс Афанасьич, вспомнив фильм Леонида Гайдая «Кавказская пленница»

– Нет, Серёжа, её пристрелили. Потому что слишком много чирикала…»

Жить по правилам все могут,
соблюдая *алитет*:
не чирикай слишком много –
будешь жить ещё сто лет!

«При словах *по козырям* у писателя был такой холодный голос, что от него хотелось быстрее залезть с головой под одеяло. Таким голосом обычно отдают приказы повесить предателя на первом же попавшемся сливном унитазном бачке»

Глава 175. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Конец визита)

– Как ты можешь рассуждать о таких вещах? Ты, атеист?! – вскричал Курманбаев.

– А при чём здесь атеизм? – удивился Володя. – Эта рок-опера не имеет никакого отношения к религии. Как, впрочем, и другие великие произведения литературы или живописи. Вспомни хотя бы «Тайную вечерю» Леонардо Пьеровича да Винчи, «Сикстинскую мадонну» Рафаэля Джованниевича Санти, «Явление Христа народу» Александра Ива́нова или «Святую троицу» Томмазо Серовича Мазаччо. А «Божественная комедия» Данте Алигьеривича Алигьери? А «Бедный Генрих» Гартмана Готфридовича фон дер Ауэ? А «Новая Элоиза» Жан-Жака Исааковича Руссо, наконец? Всё это – разве о религии?

– А я не читал, – смело признался партийный. – Зато хорошо помню ленинские слова́ о религии: «Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь»[296]

[296] В. И. Ленин, «Социализм и религия», газета «Новая жизнь», № 28, 3 декабря 1905 года – прим. полит. редактора

Духовную сивуху
с утра не буду пить!
Уж лучше клей понюхать
иль внутрь употребить…

– Так и я о том же, балда, – попенял ленинцу литератор, не обращая внимания на его скривившуюся от *балды* рожу. – Ленин писал о религии, а перечисленные мною выдающиеся художники и писатели, так же, как и авторы рок-оперы, только *отталкивались* от библейских и религиозных сюжетов, рассказывая о нас самих, о наших страстях и пороках, о том, как непросто жить в этом мире, и даже умирать, как это публично сделал некий Христос, тоже непросто – если учесть, что его определил на смерть никто иной, как родной папаша.

– Но я, мать моя КПСС, не совсем понимаю… – не совсем понимая, попытался возразить Нуртай.

– Конечно, яйчики-бабайчики, можно возразить, что да Винчи или Рафаэль жили в те времена, когда религиозными были практически все, но вот если бы они жили сейчас, и им сегодня дали бы иллюстрировать, например, «Войну миров» Герберта Джозефовича Уэллса, то, как ты думаешь, эти иллюстрации были бы хуже, чем, скажем, библейская гравюра Альбрехта Альбрехтовича Дюрера «Адам и Ева»?

– Думаю, – вступил в разговор Валера, потрясённый сначала большой лекцией о совершенно незнакомой ему до этого рок-опере, а потом и этой маленькой лекцией вообще неизвестно о чём, – что они, святой Малевич, были бы прекрасны!

– И я так думаю, – подтвердил лектор с покерным образованием. – Но нам в наследство остались только такие убогие, как иллюстрации некоего бразильца Энрике Алвимовича Корреа, наваянные им ещё в 1903 году. Хотел я привести их здесь – на этой странице 386, но принципиально не буду уродовать своё великое произведение, которому суждено остаться в так называемых веках!

Имя я своё прославлю:
строчку или даже стих,
и в веках *своё о*ставлю –
не любуйтесь на чужих!

И только после этого искромётного спича Альбионыч весело засвистел польскую песенку 70-х годов прошлого века «Разноцветные кибитки», которую в то время с успехом исполняла певица Марыля Яновна Родович. Но тут оказалось, что слова́ этой песни – видимо, тоже из-за потрясения от володиной лекции – неожиданно вспомнили Серёжа, Талгат и Васюхан, которые под свист писателя затянули нестройным хором:

– Едут пёстрые кибитки с бубенцами,
едут пёстрые кибитки с чудесами!
Может, ветер им цыганский погадает –
листья-карты пораскинет-прочитает.
А пока туман следы колёс не спрятал,
расскажите мне, цыгане, как живётся вам?

Педагог крепился недолго, но потом не выдержал и быстро побежал в сторону митрохинского туалета, сопровождаемый прощальным словом Альбионыча:

– Что, сынок, затруднения в урологической сфере?

А сынок между тем добежал до искомой дверцы, заперся изнутри и уже оттуда выразил свой бурный протест против столь однобокого подхода к проблемам социализма. Вернувшись из туалета, Мусаич ещё что-то долго бормотал о просчёте и неправильной стратегии Кулемзина, не дающей развернуться его, Нуртая, талантам, – то есть о вещах якобы поправимых. Сам же литератор, не слушая этих глупостей, потихоньку мурлыкал какую-то лёгкую песенку:

– Почему-то рыдают гитарные струны,
и сбега́ют пасту́шки, прекрасны и юны…

И вот тут выяснилось то, на что наши персонажи, увлечённые володиной рок-оперной лекцией, внимания не обращали, а сейчас обратили: во всех их ртах без исключе-ния пересохло так, что вспухшие языки отказывались воспроизводить не только какие-либо слова, но даже простые звуки.

– Пивка бы, мать честна́я! – мучительно, как сегодня утром, простонал сторож

– А давайте лучше сначала быстренько доберёмся до родного Учпучмака, – предложил Володя. – А потом ещё быстрее – до родного сельпо Калимы, которая, чувствую, начинает переживать за выполнение плана сегодняшней продажи пива…

– И мы ей поможем, товарищи! – бодро воскликнул большевик, вернувшийся из митрохинского домашнего сортира. – Не сомневаюсь, что каждый из нас… приложив все силы… исключительно с трудовым энтузиазмом… к вершинам славного труда!

Но последние слова услышали все, за исключением Батыршина, который в очередной раз подосадовал, что вся вкуснятина, которой он наслаждался в гостях у старшего джуса, вновь оказалась в унитазе.

Когда прапорщик немного пришёл в себя, то услышал где-то справа тихий шорох, – как будто лилипуты из знаменитого произведения Джонатана Джонатановича Свифта потихоньку тащили по траве верёвку, чтобы связать непонятно откуда-то свалившегося им на голову Гулливера. Но всё оказалось намного проще: это были тараканы в ванне. А чтобы этот печальный эпизод не пропал в пучине времени, вместе с Талгатом в ванну заглянул и автор сего произведения. И вот что он там увидел.

И остался я на грани
поглощения лекарств,
ведь хотел увидеть в ванне
деву, но не тарака…

Посреди ванны, покрытой изнутри паутинкой тёмных трещинок, непринуждённо собрались на тусовку с полдюжины маленьких тараканчиков. Видимо, из-за своего малолетства появление Салихзяныча они восприняли с философским спокойствием, даже не подумав пуститься наутёк. Тогда военный, кстати, без особой злости открутил кран, и усатых философов поволокло струёй воды к щербатому сливному отверстию, где они через мгновение и сгинули. А оставшийся в ванной комнате автор «Русской кочерги» подумал о том, что произведённое действие вряд ли можно было назвать триумфом, ведь еврейский зять наверняка расправился лишь с разведгруппой противника, а главные силы таились где-то по углам.

План был наш молниеносен:
чтоб не чахнуть в борозде
мы разведчиков попросим,
чтоб разведали – что где!

Глава 176. В ЛОГОВЕ ДРУГА (Конец визита, окончание)

Но вот, наконец, все персонажи, собравшиеся в *центровом* логове, снова собрались вместе, но только для того, чтобы попрощаться с хозяином. А почему же Васюхан не выразил желания поехать вместе со всей хеврой в ставший ему родным Бермудский Учпучмак? Да потому что он, пока остальные заворожёно слушали кулемзинскую лекцию о буржуазной музыке, тайком пробрался в чулан, где с утра заначил недопитую бутылочку водки, и там прямо из горла́ употребил граммов 150, а чтобы эта тайна осталась нераскрытой, прошмыгнул на кухню и закусил остатками обеденного пиршества.

– Пора! – произнёс роковое слово Володя.

Первым, как привык делать вначале на комсомольских, а затем и на партийных собраниях, вскочил Нуртай, развернулся на месте и, не попрощавшись с Митрохиным, поспешил к выходу, показав остальным хорошо развитые мускулы на ляжках. Но хозяин даже не заметил этого знака невнимания – он был счастлив: во-первых, вся намеченная на день программа была успешно выполнена, и, во-вторых, на этот раз ему не надо было тащиться неизвестно куда, а потом также тащиться обратно домой.

– Васюхан, а ты разве не с нами, святой Малевич? – поинтересовался Валера.

– Дела, – лапидарно открестился от послеобеденного похода Митрохин, перед глаза-ми которого всё ещё стояла недопитая бутылочка сурового русского напитка.

Альбионыч глянул в окно и повеселел, а потом сразу же посмурнел: из-за туч наконец-то выглянуло бледное солнце и, скорбно взглянув на мир под собой, поспешило скрыться вновь. «Ничего», подумал он, «пока доберёмся, глядишь, всё вернётся, как выражаются церковники, цитируя свою главную книгу, на кру́ги своя[297]»

[297] Ветхий Завет, Книга Екклесиаста, 1:6 – прим. богослов. редактора

Говорю своей подруге:
«Коль останемся в живых,
на свои вернёмся кру́ги,
ведь не надо нам чужих!»

И вот наступила пора окончательного прощания. Муравлёв пожал правую руку Васюхана, Полтавцев левую, а Батыршин попытался обнять вконец закосевшего хозяина, словно бы пробуя одарить его кротким отцовским поцелуем, но всё время промахивался. И только Кулемзин на секунду заскочил в ванную комнату и вновь переоделся, воспользо-

вавшись пакетом, который захватил ещё в главе 118 этой толстой книжки. Теперь на его могучем торсе сидела рубашка цвета полночного одиночества.

И здесь старший трубач, которому наконец удалось запечатлеть на рукаве футболки хозяина отцовский поцелуй, почуял, что от того (хозяина, а не рукава) явственно пахнуло водочкой. «Что-то здесь не так», проницательно подумал Салихдзяныч. «Может, задержаться на ненадолго и всё разведать?». Свою разведку музыкант начал с невинного вопроса:

– Васюхан, а какую книгу ты бы взял на необитаемый остров?

Старший джус дико посмотрел на спрашивальца, не зная, что ответить, ведь последнюю книгу, которую он читал, была его увлекательная сберегательная книжка.

Удивился вопросу и Альбионыч, у которого, как известно, было писательское воображение, и он сразу же представил себе такую картину: тонущий океанский лайнер, страшная паника, все бегут к спасательным шлюпкам, а он продирается навстречу людскому потоку, хватает помощника капитана за рукав и орёт в ухо:

– Напомните, пожалуйста, на какой палубе библиотека?

Жребий мой в круизе горек –
покурил я коноплю:
все любуются на море,
только я в каюте сплю…

И тут случилась уже вторая за последнюю минуту заминка, потому что – на этот раз Серёжа – неожиданно задал Митрохину ещё один вопрос:

– Васюхан, может, тебе немного оставить? Ты смотри, если что, я у Володи попрошу!

Володя даже не успел удивиться этому нелепому предложению, как услышал ещё более нелепый ответ обалдевшего хозяина:

– Гусары денег не берут!

Поразительно, что никто такому ответу не только не удивился, но даже не посмеялся, и только литератор, который знал всё на свете, вспомнил историю этого странного выражения, а автор, чтобы не компрометировать своего главного героя, эту короткую историю – с оттенком Хронотопа – и расскажет. Итак…

Как появилась фраза «Гусары денег не берут»

«Некая сестра известного русского натуралиста и мецената Павла Георгиевича Демидова, выйдя замуж за генерала Лаврова, не смогла обрести простого семейного счастья. Карты, алкоголь и кутежи увлекали её супруга больше, чем прелести собственной жены, которая от тоски решила искать ласки на стороне. И вот богатая и красивая госпожа Лаврова быстро нашла утешение на груди сразу трёх гусаров Конногвардейского полка, покоривших её статью, остроумием и галантными манерами.

Нужны ли гусару сомнения,
их горький и въедливый дым,
когда он в доспехах с рождения,
и слава всегда перед ним?

Желая отблагодарить своих знакомых за невероятные романтические приключения, Лаврова выдала каждому из них вексель на 30.000 рублей. Но до генерала вскоре стали доходить слухи об измене жены и неоправданно больших расходах. И если первый факт

его нисколько не смутил, то второй вызвал приступ бешенства! Не понимая, как можно было заплатить за плотские утехи такую баснословную сумму, генерал Лавров заключил, что, скорее всего, его жена подарила каждому любовнику по векселю на 3.000 рублей, а сами гусары приписали на нём лишний ноль, увеличив в разы своё *жалование*.

И тогда он (генерал, а не лишний ноль) написал заявление в Сенат, который, рассмотрев ситуацию, признал гусаров мошенниками, постановил разжаловать их из офицеров и приговорить к тюремному сроку! Возможно, участь гусаров была бы печальной, если бы их защитные слова не посеяли зерно сомнения в голове императора Павла I, повелевшего тщательно расследовать дело в полковом суде. Командир эскадрона предложил обратиться за разъяснениями непосредственно к госпоже Лавровой, которая тотчас подтвердила выданную трём офицерам сумму вознаграждения по 30.000 рублей и обвинила своего супруга во лжи.

И вот неподкупный суд постановил снять с гусар все обвинения – с восстановлением на военной службе! А когда об исходе этого странного дела доложили Павлу I, он несколько изменил вердикт, по которому следовало уволить гусар из армии, поскольку офицерам было, как выражался Серёнька Полтавцев, *западло* брать деньги за амурные утехи. И вот с тех пор именно это дело стало сюжетом для многочисленных анекдотов, которые заканчивались несколько видоизмененной фразой императора, известной всем как *гусары денег не берут!*»

Но вот за гостями наконец-то закрылась дверь, и Васюхан стремглав бросился к своему чулану и через секунду припал к бутылочке, а ещё через четыре секунды отпал от неё – по причине тотальной пустоты в сосуде. «Хорошие люди», подумал он, «вовремя свалили…»

Дорога скатертью ушедшим от меня!
Счастливого и доброго пути,
который извивается, маня,
и по которому так просто вам уйти –
за наслаждением в других постелях,
за аппетитом у других столов.
Да будет путь ваш розами усеян,
и чтобы розы были без шипов!
По ним ступайте радостней, небрежней,
чем по моей заснеженной стерне,
пусть ангелы с моей улыбкой прежней
к вам иногда являются во сне…

Глава 177. НАС НАЗАД ВЕЗЁТ ИРАКЛИЙ, А СЕРГЕИЧ НАС ВЕДЁТ

Обратный путь покерной хевры с примкнувшим к ней живописцем Николаичем занял немного меньше времени, чем путь к Митрохину, и только потому, что на этот раз вызванный по телефону кавказский человек Ираклий нигде по дороге не останавливался – даже для того, чтобы взять пивка. Но чтобы даже этот короткий путь не казался слишком длинным, Альбионыч приковал к себе всеобщее внимание путём поднятия указательного пальца правой руки, который упёрся в мягкую крышу восточного такси.

– Ну что, други мои, стишок, что ли, какой-нибудь вам прочесть? – высказал творческое пожелание писатель, желающий через минуту стать чтецом-поэтом.

– А что, хорошее предложение, мать честнáя, – одобрил затею охранник. – Давай, Вовка, пожги малёхо глаголом!

– Да запросто, – не стал отказываться Кулемзин и подумал о том, что просвещение такого непросвещённого коллектива следует начать всё-таки с классики, а что может быть более классическим, чем стихи его друга Пушкина.

– Хороший парень Сергеич, – начал он, – но иногда мне кажется, что поэт просто не дописывал свои искромётные стихи.

– Как это, святой Малевич? – поразился Муравлёв. – Разве такое может быть?

– Конечно, может, яйчики-бабайчики, – уверенно ответил поэт саксаульский, который и сам иногда грешил тем, что не дописывал стишка, стремглав отправляясь на собственную кухню – за очередной бутылочкой пива «Тянь-Шань»

– Ну дела! – поразился и сторож.

– Да и то, – продолжил писатель, – разве правильно обдумаешь стишок, когда все мысли про кру́жку[298], которую опять куда-то де́ла похмельная няня Арина Родионовна? По́мните, у Сергеича есть такой стишок – «Зимний вечер»?

[298] Об этой кру́жке – в главе 87, завершающей первую часть этого пятого тома – прим. гл. редактора

– Я, я помню, ёперный Сергеич, – заволновался Талгат.

– Ну-ка, ну-ка, сынок, давай, – поощрительно кивнул головой единственный поэт в компании.

И музыкант дал:

– Буря матом небо кроет,
пальцем у виска крутя:
то Серёжею завоет,
то Валерой, как дитя!

– Класс! – восхитился Альбионыч.

– А, по-моему, у Пушкина как-то по-другому было, – засомневался Нуртай.

– А тебе-то откуда знать? – опозорил его перед коллективом Полтавцев. – Ты же только стихи Ленина знаешь!

– А что, у Ленина были и стихи? – удивился педагог.

– Как?! – воскликнул Кулемзин. – Так ты даже стихов Ильича I не помнишь? Ну, знаете ли!

– А можешь прочитать хоть один? – робко попросил Мусаич.

– Конечно, – не стал чиниться Володя. – Слушай:

Путь Ульяновых – тернист:
брат мой – дикий террорист!
Мы пойдём другим путём –
с пролетарием вдвоём!

– Ладно, ладно, – увидев, как коммунист покрывается какой-то нехорошей желтоватой бледностью, проговорил литератор. – Я пошутил. Давайте вернёмся к Сергеичу.

– Давайте, – согласились все, кроме Курманбаева, который никак не мог отойти от кулемзинского розыгрыша.

– Так вот, у Нашего Всего этот стишок начинается так:

«Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя»

Но, как я уже говорил страницей ранее, создаётся впечатление недосказанности. И я, как крупнейший саксаульский поэт двух веков, досказал Пушкина. Итак, слушайте:

«То залает, как собака,
то мяукает котом,
то свистит почище рака,
то безмолвствует китом.
Отдохнёт – и с силой новой
ночью, вечером и днём
то мычит вблизи коровой,
то поодаль ржет конём,
то овцою блеет рядом –
так, что зенки из орбит,
то шипит ползучим гадом,
то, как слон, вдали трубит,
то в постели – прямо в ухо,
в тишине ночной – кошмар!
То жужжит она, как муха,
запищит, как тот комар.
Вьюга над и под подушкой,
день и ночь пургу неся,
то кукует, как кукушка,
то визжит, как порося,
то безумною девицей
захохочет громко – ой!
То больничной половицей
скрипнет тихо под ногой.
До лишения рассудка –
не заткнётся, удавлюсь –
то закрякает, как утка,
то гогочет, словно гусь,
то – ну вот уже и спятил! –
бьюсь о стену головой –
застучит в окно, как дятел,
ухнет в форточку совой,
щёлкнет порохом в пистоне
под решёткою окна,
то рожéницей застонет,
то, как главный врач, она
залопочет: «Агриппина,
кокс[299] несильно вьюжит, мол, –
на ночь вместо клозапина
дайте галоперидол!»

[299] *На жаргоне наркоманов – порошок, чаще всего кокаин – прим. социол. редактора*

Глава 178. НА МЕСТЕ ДЕЙСТВИЯ РОМАНА

Седоки кавказского такси, заслушавшись чтеца, даже не заметили, как автомобиль остановился на улице Жубанова – напротив дóма № 17. Ираклий, обернувшись к игрокам,

постучал по своим часам, словно пассажиры опаздывали на собственную казнь. Володя рассчитался с ним, после чего все остальные попрощались с гостеприимной машиной.

Седоки спешились, на несколько минут превратившись в пешеходов, что, конечно, было несколько унизительно, но уже через малое время вновь стали теми, о ком и пишет на этих блистательных страницах автор, то есть людьми, плотно обжившими лучшее игровое место на свете – горячую от летнего солнышка покерную скамеечку в Бермудском Учпучмаке второго микрорайона города Отцеябловска Республики Саксаулия планеты Земля Солнечной системы рукава Ориона галактики Млечный Путь. Уфф!

За время путешествия наших героев здесь практически ничего не именилось: старушки-пенсионерки, сходив на обед и тут же вернувшись, по-прежнему резались *в дурака*, оккупировав Старушечий Столик, или СС, как сокращённо называл его Володя, рядом с Великим Треугольником неспешно – как в сметане плавали – брели наши старые знакомые клошары Танкист и Одиссей, напевая нехитрую песенку тревожной молодости:

Вот приходит весточка,
весточка из лагеря,
говорилось в весточке:
мол, в разливе рек,
сговорив друзей с собой
и поубивав конвой,
ваш сыночек Витенька
совершил побег…

Сегодня бомжи уже сделали одно *креативное* дело – на дереве, стоящем впритык к мусорным бакам, сейчас была криво приколочена фанерка с выразительной образовательной надписью, и если бы её увидел художник Муравлёв, он непременно бы позавидовал её высокохудожественности:

Место выкидыша мусора

В руке Одиссея была зажата какая-то бумажка, и Альбионыч, используя несложную марсианскую технологию *трррръуухухъъ*, тут же прочёл, что на ней написано. Выяснилось, что сообразительные алики решили повесить рядом с магазинчиком Калимы вот такое объявление:

Двое сообразительных мужчин
ищут третьего сообразительного
для образования триумвирата
по соображениям!

Заметив только что приехавшую компанию, саксаульские клошары переглянулись и приободрились, словно пионеры из задорной песенки детства, а потом сделали писателю несколько таинственных знаков, которые он расшифровал как готовность исполнить песенное или стихотворное произведение – за плату малую. «А почему бы и нет?», подумал держатель собственного карманного общака. «Вот только что им заказать?». Подумав мгновение, он решил, что песен на сегодня хватит, тем более, что совсем недавно он заставил всю компанию прослушать аж 26 песен на каком-то иностранном языке.

«Значит, решено», решил решительный и голосом озвучил своё предложение:

– Танкист, надеюсь, ты помнишь, что именно сегодня, то есть 29 августа, только 1830 года некий русский поэт Сергеич опубликовал своё стихотворение «Я вас любил»?

– Конечно, помню, хозяин, – не удивившись вопросу, тут же откликнулся старший алик. – В журнале «Северные цветы»…

Этот ответ немедленно вызвал культурологический шок у Полтавцева, Батыршина, Курманбаева и Муравлёва, причём у кого из-за чего: кто-то из них никогда не слыхал о таком журнале, кто-то не помнил слова *любовь*, а кто-то до сих пор считал Сергеича перс-нажем пьесы А. Н. Островского «Бесприданница» Сергеем Сергеичем Паратовым.

– Надеюсь, вы помните это великое произведение? – задал второй вопрос марсианин и, получив два утвердительных кивка, дал команду:

– Давай, яйчики-бабайчики!

И бомжи дали – на два голоса:

– Я с вас тащился! Может, от прихода
ещё я оклемался не вконец,
но я не прокачу под мурковода,
короче, не бздюме́, – любви звиздец!
Я с вас тащился без понтов кабацких,
то под вальтами был, то в мандраже,
я с вас тащился без балды, по-братски,
как хрен кто с вас потащится уже!

– Браво, – спокойно, без экзальтации обронил заказчик и тут же выдал Афанасьичу – для передачи исполнителям – небольшую купюрку в 200 назарбаксов. Серёжа быстренько исполнил порученное и повторно протянул руку к рубашкиному общаку. «А нам?!», встревожено *вопияли* его честные глаза. Литератор вздохнул и положил в протянутую длань купюрку гораздо большего наминала, а именно в 1000 назарбаксов. «И подумал Я, что это хорошо», подумал сторож, взял деньги и, не попрощавшись с коллективом, отправился в сельпо.

Здесь он вначале проконтролировал, чтобы объявление, повешенное клошарами, висело ровно и впечатляюще, затем попытался проверить его на возможные ошибки, но не проверил, так как не знал правильность написания девятого слова: треумвират, триумверат или треумверад, после чего зашел в лавку.

В лавке его приходу были рады: владелица торговой точки Калима лично поспешила навстречу дорогому покупателю, так как уже часа три находилась в расстроенных чувствах, вызванных бегством её любимого покупательского коллектива. И вот оказалось, что коллектив откуда-то вернулся, а, значит, всё в порядке, и её персональный дневной план, не зафиксированный ни в одном соцобязательстве, всё-таки будет перевыполнен – на 127-130 процентов, а это значит ещё одно – что денег в виртуальном кармане магазинщицы прибавится многократно!

Чудесный сон приснился мне когда-то:
четыре грузчика несли мою зарплату!

Пока Калима лично встречала почётного гостя, перед прилавком разыгралась короткая сценка – с участием какой-то незнакомой Афанасьичу красоткой в ярком красно-сиреневом платье.

– Пачку презервативов, пожалуйста, – без всякого стеснения громко попросила она у продавщицы.

– Вам со смазкой или без? – так же без стеснения попросила уточнить вопрос магазинный работник.

– Мне любые, – ответила красотка. – Я крышку от бензобака потеряла!

«О чём это они, царица лесная?», подумал охранник и покраснел. «При чём здесь изделие № 2?»

– Пива? – перебила его стеснения владелица сельпо.

– Да, мать честнáя, – ответил он и, пока Калима набивала его котомку благородным товаром, огляделся.

Надо сказать, что новинок за время отсутствия наших героев в этой точке Вселенной в магазинчике появилось всего две: это была кукла Барби – белокурый привет от детей цивилизованной Америки девочкам и мальчикам дикой Саксаулии, стерильное существо, своей правильностью вызывающее омерзение у любого здравомыслящего человека, и ливерная колбаса, она же *собачья радость*, состав которой, например, поэт Кулемзин описал так:

«Ухогорлонос,
яйцажопахвост!»

Наконец Серёжа рассчитался с торговой точкой и поспешил обратно – к людям, способным оценить его трудовой подвиг. А эти люди продолжали свои наблюдения за тем, что творится во вверенном им Бермудском Учпумаке. И надо заметить, что там всё было в порядке – в том самом порядке, который ещё в первом томе нашего великого романа установил автор бессмертной «Русской кочерги»: так же продолжались хаотичные игры дворовых детей, так же паскудно, примостившись на краю Великого Треугольника, вели себя местные алкаши Глав-Бух и Галлюцинация. Но – обо всём по порядку.

Глава 179. НА МЕСТЕ ДЕЙСТВИЯ РОМАНА (окончание)

Выяснилось, что пока сторож выполнял трудовое поручение коллектива, дворовые дети сильно активизировались и сейчас орали как хохлы на обрезании у татаро-монголов. Увидев и услышав это безобразие, Нуртай тут же состроил гримасу под названием *возмущённая общественность*, соскочил с покерной скамеечки и споро побежал навстречу своей лекции о правилах приличия. Зная занудство педагога, живописец Николаич, словно очнувшись от сна в парижском порнокинотеатре, тут же предложил:

– Володя, а, может, ты, святой Малевич, пока что-нибудь расскажешь нашему не совсем дружному коллективу?

Кулемзин мог бы рассказать многое, но, заметив возвращающегося из трудного похода Полтавцева, быстро прочёл одно из своих лучших творений, которое, как он надеялся, когда-нибудь войдёт во «Вселенскую Антологию Поэзии»:

– В качелях девочка-душá
висела, ножкою шурша:
она по воздуху летела
и тёплой ножкою вертела,
и тёплой ручкою звала…

– Эх, душа болит, – перебивая поэта, признался старший прапорщик Салихдзяныч, с тоской глядя на маленьких иблисят. – А лечишь её – печень болит!

Педагог в это время достиг бесчисленной кучки дворовых детей, но остановить процесс слишком резвой игры, чтобы прочесть короткую лекцию, не смог, и в досаде воскликнул:

– Балалар кетеді![300]

[300] ***Кыш, дети! – сакс.***

Дворовые дети брызнули в разные стороны, как похожие на тараканов семечки из мичуринского арбуза.

В это время метрах в пяти от места покерных боёв, а в данное время филиала пивной распивочной «Весёлая капелька», в сторону лавки начала своё продвижение парочка антигероев романа – Глав-Бух и Галлюцинация. У Руслана Кацоева (б) был хорошо заметен покатый загорелый лоб, синеватая от проступившей щетины нижняя челюсть тяжело и мощно выдавалась вперёд, точно таран античной галеры. Маленькие гла́зки поблёскивали из глубоких впадин, а вдавленная и расплющенная переносица наводила на мысль не о боксе, а о мощном ударе железным ломом. Больше всего сейчас он напоминал обыкновенную гориллу – из тех, которых ставят у дверей кабинета директора морга для устрашения посетителей.

Альбионыч внимательно поглядел на пропитона, и в его гениальной голове сам собой родился катрен, который, как ему показалось, он где-то уже слышал раньше:

Родила царица в ночь
не то сына, не то дочь,
посмотрела, плюнула –
и обратно сунула!

Не лучше выглядела и подруга алкаша Галлюцинация, бывшая Галина Смирнова, которая представляла собой типичную алкоголичку лет от 40 до 70, с торчащими во все стороны сальными волосами и мордой, похожей на харю обиженного скунса, которому дали по морде, чтоб не сильно вонял. Её глаза, расположенные на отвратительном чучеле головы, были вытаращены, как у человека, который ушёл под воду и понимает, что вынырнуть не успеет.

«Женщина, которая пейот[301]», подумал Кулемзин, вспомнив название когда-то популярного фильма.

[301] ***Второе название это растительного галлюциногена – мескалин – прим. хим. и мед. редакторов***

Сейчас сладкая парочка с усилиями гребцов на галерах предавалась продвижению к магазинчику Калимы, и Афанасьич порадовался, что не столкнулся с пропитонами чуть раньше. По дороге Глав-Бух привычно матерился, но как-то невпопад, словно деревенский пастушок на скотину.

– Да, яйчики-бабайчики, – глубокомысленно заметил литератор, – если бы они когда-нибудь заполняли одну анкету на двоих, то в графе *семейное положение* смело могли бы написать: «Живём счастливо: пьём из одной бутылки, не протирая горлышко!»

За все гематомы под глазом,
за каждый поломанный зуб,
любовь отдавала всю разом
тому, кто ей дорог и люб!

Судя по мутным глазам и натужному сопению, Глав-Бух во время движения отдавал все силы борьбе с вполне естественным в его состоянии желанием – сохранить горизонтальное положение. Он был пьян, пьян тоскливо и безысходно, до той степени, какая в милицейских протоколах советской поры (б) именовалось *видом, оскорбляющим челове-*

ческое достоинство. Судя по кренделям, кои выписывали его негнущиеся ноги, и по тому, как он отклонял корпус назад, этот абориген пребывал абсолютно в бессознательном состоянии и двигался исключительно на автопилоте.

– Когда усталая подлодка
из глубины идёт домой…

– прокомментировал эти жалкие потуги Володя строками Николая Добронравова, которые, прочувствовав, когда-то положила на музыку Александра Пахмутова.

Ещё с минуту после прохода Глав-Буха и Галлюцинации Серёжа жадно ловил воздух, явно ловя кайф от вонючих веществ пропитонши.

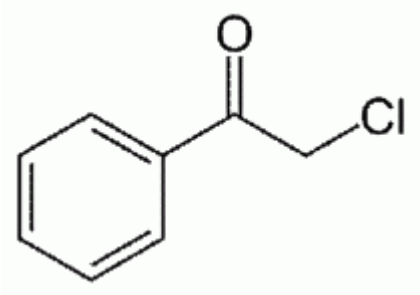
– Классная у тебя практика *пранаямы*! – позавидовал ему знаток дыхательной йоги.

– Что это? – воскликнул Мусаич и поспешно зажал нос.

– Хэ-А-Фэ, – объяснил Альбионыч гнусавым голосом, так как сделал то же самое, что и педагог, а затем развернул объяснение:

– Хлорацетофенон – боевое отравляющее вещество из группы лакриматоров, то есть слезоточивых веществ раздражающего действия.

– Ужас какой, – также гнусаво признался и Муравлёв, так как вспомнил увиденную им ещё в 8 классе формулу – в школьном учебнике химии. Вот такую:



В это время Руслан Кацоев (б), весело позвякивая пуговицами рубашки об асфальт, тяжело шлёпнулся у магазинчика, не дойдя буквально двух метров до крылечка, и тут же начал подражать рёву довоенного унитаза. А Володю, с тошнотой глядящего на эту отвратительную картину, неожиданно посетила литературная память, подсказавшая фразу из повести русского хохла Гоголя «Тарас Картошка»: «Голова казака, матерясь, покатилась в кусты»

– Жертв нет, – оптимистично объявил он (Володя, а не Гоголь). – Стихии было противопоставлено личное мужество!

Глава 180. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Оп-па! – как любит повторять в таких случаях автор «Русской кочерги». А почему? Да потому что, судя по всему, вторая часть нашего бесконечного повествования уже подходит к своему логическому завершению, и завершим мы её – по традиции, заложенной ещё в первом томе романа, каким-нибудь хорошим стихом. И на этот раз это будет авторская версия одного исторического события, в котором, конечно, много персонажей, но главные из них – русский князь Игорь и половецкий хан Кончак. Итак, посмотри, мой любезный читатель, вначале вверх – на заголовок этой главы, а потом вниз – на стих, который начнётся уже на следующей строчке.

Князь Игорь был пацан реальный,
права за родину качал,
и для Руси многострадальной

немало сделать обещал.
Дружина князева тусила,
мутила с тёлками – ого!
Но всё ж не западло ей было
в бой под знамёнами его.
Ему – респект и уважуха!
Но тут на землю пала мгла –
затменье солнца. И, по слухам,
картинка та ещё была.
Однако князь не испугался,
он не врубился в знак богов:
не воротился, не остался,
погнал вперёд – мочить врагов!
Хотел их сделать круто! Люди
всем пасть порвали б за него,
но вышло ясно, как на блюде,
что круто сделали его!
Прикольно бились. Игорь – тоже,
за свой базар он отвечал:
не мог, что б кто-то хитрожопый
в Руси родной права качал.
Он бьёт направо, бьёт налево,
но что тут сделаешь один?
О, где ж ты, брат, бычара Сева!
И где Вован, любимый сын?
И тут Кончак нарисовался,
и взял всех русичей в полон,
но князю в дружбе признавался,
и предлагал девиц и жён.
А лада князева в Путивле,
надев повыше каблуки,
не зная, мёртв, не зная, жив ли? –
на стену лезет от тоски.
И со стены супруга лечит:
мол, без него ей жизни нет!
«Мой милый княже, ты далече,
но от меня тебе привет!»
Кукушкой, серою зегзицей,
тем показав любовь и страсть,
душою к Игорю стремится,
чтоб тоже в летопись попасть.
Но всё же князь не лоханулся –
из плена он сумел удрать,
и в свой удел родной вернулся,
чтоб кодлу новую собрать.
Прикиньте, он хотел бы снова
козлов мочить! Ну, блин, ништяк!
Сам автор «Слова», парень клёвый,
поведал нам, что было так…

Конец второй части

Часть III.
Вечер

Глава 181. ДЕМБЕЛЬСКИЙ АЛЬБОМ (Первая армейская байка Муравлёва)

И так хорошо сделалось в мире: игроки и примкнувший к ним живописец сидели на покерной скамеечке, попивали пивко и вспоминали, как им славно елось в логове Митрохина, и только один Володя тихо страдал – от того, что никто из присутствующих ни разу не вспомнил о его высокотворческой лекции, хотя один из покеристов, а именно Полтавцев, между глотка́ми своего неизменного *жигулёвского* коротко подумал о том, что Кулемзин говорил про какую-то буржуазную музыку, а на хрена это делал, до сих пор непонятно.

А автор «Русской кочерги» вдруг вспомнил, что этот пятый том он назвал именем художника Николаича, и решил внушить пришедшую мысль своему главному герою Альбионычу. И внушил.

– Слушай, Валера, – неожиданно проговорил писатель, которому тоже, честно говоря, хотелось немного отдохнуть после трудного путешествия, и вот так садиться за игру пока было не с руки. – А не рассказать ли тебе, яйчики-бабайчики, какую-нибудь воинскую историю про твою нелёгкую службу в Красной Армии?

Муравлёв вздрогнул и подумал: «Откуда же Володя узнал, что моя служба была трудной?!», но потом взял себя в руки и, пытаясь прикинуться равнодушным, ответил:

– Чего ж не рассказать, святой Малевич? Да запросто.

А автор, радуясь своей придумке, что он может так ловко начать заключительную часть этой толстой книжки, стоял в это время за карагачом и запоминал, ибо у него так же, как у марсианина, в голове был маленький запоминательный центр с кнопочкой *safe*.

Точно зная свои ну́жды,
я на кнопочку давлю,
ведь запомню всё, что нужно,
что не нужно – удалю!

А рассказал Валера вот что.

– Больше всего из всей службы мне запомнился один сержант – Игорюха Плотников. И вот почему. Когда я попал в армию, Плотников уже был дедушкой. Нет, нет, не *дедушкой*, а дедушкой, и не моим, а армейским. Так вот первые, самые сложные полгода службы, он как бы встал между мной и остальными деда́ми, то есть взял надо мной негласную опеку. Например, парни из его призыва говорили, что как делается, а все молодые должны были *шуршать*! И он с этим не спорил, когда дело касалось уборки или нарядов, но чужую форму или носки стирать не позволял.

Есть приёмы щегольские:
знаешь их – и ты орёл:
постирал себе носки я –
на свидание пошёл!

Если кому-то приходила в голову именно такая мысль, он вклинивался и молча отдавал вещи хозяину. Надо сказать, что Игорюха вообще не очень любил говорить, потому что его двухметровая фигура и многозначительно демонстрируемые пудовые кулаки убеждали лучше слов. Кстати, я никогда сам не обращался к нему за помощью, и всё-таки он появлялся в нужное время – словно из-под земли. А впервые наши пути пересеклись в штабе, куда нас вместе как-то поставили в наряд.

– Это что, ёлку наряжать, мать моя партия? – внезапно перебил рассказчика Курманбаев, не служивший в Красной Армии ни одного дня.

Здесь Мусаич заметил, что на него презрительно глядят сразу восемь глаз, и понял, что, кроме него, в коллективе служили все.

– Так вот, святой Малевич, молодых солдат в этот наряд не направляли, но командир роты сделал исключение, потому что, пока я ехал в армию на паровозе, то много выпил черноплодных напитков с будущими воинами, и случилось так, что мои очки (а я в то время носил очки) разбились, а без них я плохо видел.

– А сейчас чего не носишь, ёкарный монокль? – поинтересовался Талгат, который от близкого знакомства с подобными напитками тоже видел не очень, а военные марши в президентском оркестре играл всё больше по памяти.

– Да всё просто: как только капитализм наступил, так я сразу стал лучше видеть, – объяснил Валера, словно не замечая тоскливого взгляда партийного коммуниста-большевика, и продолжил:

– Так вот, сержант Плотников в тот день был как бы настоящим дежурным по штабу, ну, а я – пустым местом. Например, если надо было что-то сделать, то он об этом говорил, а всё остальное время я для него как бы вообще не существовал. Ну, не видел он меня в упор – и всё! И вот часов в десять вечера Игорюха отправил меня спать в караульное помещение – на топчане.

Есть задача боевая –
молча падать на кровать:
спит солдат, не раздеваясь –
чтоб теплее было спать!

При этих словах единственный ныне действующий военный, то есть старший прапорщик Салихдзяныч, энергично кивнул головой, так как тут же вспомнил строку из «Устава гарнизонной и караульной служб Вооружённых Сил, других войск и воинских формирований Республики Саксаулия», в которой говорилось о том, что «при температуре воздуха -15° по Цельсию и ниже, а также в ненастную погоду и в караулах с одним постом смена караулов производится в караульном помещении без соблюдения вышеизложенного порядка смены караулов», правда, как именно это положение устава (прости, русский язык!) коррелировалось с рассказом художника Муравлёва, было непонятно даже для автора этой книги.

– А сон всё не шёл, – продолжил рассказ рассказчик каким-то тревожным голосом, затем, словно испугавшись этой своей интонации, сделал особо большой глотóк «Тянь-Шаня», пришёл в себя и заговорил вновь:

– Скорее всего, сильно бодрило обещание Плотникова, что меня через два часа ожидает уборка и мытьё полов во всем штабе, и особенно пугала перспектива работать до утра, если с первого раза не получится идеальная чистота!

Раз ты из специалистов,
наливай-ка воду в таз:

если будет пол нечистым,
будешь мыть 15 раз!

Сержант сидел за столом и что-то делал. Когда раздался его то ли рык, то ли стон, я незаметно подсмотрел, в чём дело. Оказалось, что Плотников корпел над своим дембельским альбомом. И не удивительно, что деревенский парень, никогда раньше не занимавшийся ничем подобным, был готов рвать и метать, ибо линии даже по линейке получались кривыми, а буквы уродливыми! Он страшно психовал, откладывал альбом и выходил на крыльцо, чтобы покурить и успокоить нервы…

Глава 182. ДЕМБЕЛЬСКИЙ АЛЬБОМ (Первая армейская байка Муравлёва, окончание)

И тут я, наивный саксаульский юноша, вспомнив, что считаю себя гениальным художником и дальним родственником самогó Казимира Севериновича, предложил ему свою помощь. Игорюха недоверчиво посмотрел на меня и, видимо, решив, что хуже не будет, разрешил. Дело сразу пошло на лад. Закончив за пару минут то, над чем сержант безуспешно бился целый час, я расхрабрился и предложил сменить устаревший дизайн на что-нибудь новое. И мне был дан карт-бланш!

Как же я печален с горя,
ведь попался как осёл:
дали мне карт-бланш – и вскоре
бланш под глазом вдруг рацвёл!

Вы не поверите, друзья, да мне и самомý до сих пор не очень верится, но в ту ночь сержант сам убирал и мыл штаб!

– Не верю, – голосом белогвардейского провокатора выдавил из себя Нуртай, чем заслужил ещё четыре дополнительных презрительных взгляда.

– Валера, а что было дальше? – заёрзал на покерной скамеечке сторож Афанасьич.

– А дальше было то, что работа над дембельским альбомом сержанта не просто сдвинулась с мёртвой точки, а шагнула далеко за те горизонты, которые он себе представлял. И когда нам приходилось снова вместе заступать в наряд по штабу, ситуация повторялась вновь и вновь: между нами был составлен договор – о том, что он убирает, а я говорю всем, что убирал я. Те, кто служил…

Здесь все почему-то снова посмотрели не на друг друга, а на педагога, но тот сделал вид, что эти взгляды никак не меняют его коммунистического мировоззрения.

– …знают, что сержанту, тем более, дембелю, было не по статусу *шуршать* об этом. Правда, мне было неудобно, что за меня кто-то делает *грязную* работу, однако, стоило мне только заикнуться о том, чтобы самомý помыть полы, Плотников на меня наорал:

– Ты что, совсем идиот? Делай, что умеешь, и не зли меня!

«А что, царица лесная, плохого в звании идиот?», подумал один из слушателей.

От мыслéй таких – икота:
неужель я всех дурней?
Если просто идиот я –
это плохо, что не Швейк!

– Короче, альбом, как говорится, получился на славу, но главное, что ни у кого такого не было! Игорюхе завидовали его друзья-дембеля, а он купался в лучах славы, ведь все

думали, что альбом он делал сам. Но, как это часто бывает, в один прекрасный день всё едва не пошло прахом.

– Точно, бывает! – вдруг горько качнул головой унтер-офицер Батыршин. – Причём, ёперный прах, очень часто!

Валера на секунду сбился с плавного ритма рассказа, но быстро вошёл в него вновь:

– Да, так вот…Увлёкшись рисованием, однажды я не заметил замкомандира, который пришёл рано утром в штаб. И это был залёт, ведь в подобных случаях альбом изымался, а его владелец наказывался! Однако Сука-судьба снова выкинула фортель: вместо того, чтобы забрать альбом, офицер полистал его, а затем спросил:

– Боец, а ты мог бы такие же самолёты в актовый зал нарисовать, только большие?

Каждый в нашем доме знает,
как учиться ремеслу:
самолёт большой летает,
маленький лежит в углу!

И тут я, который ничего подобного в жизни никогда не делал, сразу же согласился, а он кивнул, отдал альбом и сказал:

– Спрячь, а то ещё раз попадёшься!

Когда я рассказал об этом Игорюхе, у него в глазах на короткий миг, как мне показалось, мелькнула моя смерть, но затем игриво помахала рукой и исчезла. Сержант вздохнул, забрал альбом, и с тех пор для работы мне предоставлялись лишь отдельные страницы.

– Так чем всё кончилось, яйчики-бабайчики? – вопросил Альбионыч, у которого уже давно закончилось пиво и он сейчас думал только о том, чтобы немедленно пополнить стратегический запас.

– А потом к Плотникову пришёл дембель, и у меня не стало защитника, так что пришлось защищать себя самому, конечно, если не считать замкомандира, которому я оформлял актовый зал, а потом ещё одного зама, вместо которого я сдавал экзамены в пединститут – на худграф[302], а также начальника штаба, с сыном которого я занимался почему-то географией (видимо, к тому времени у меня сложился именно такой имидж), и многих других командиров и начальников, которые по доброй воле готовы были меня защищать – до последней капли чернил!

[302] Художественно-графический факультет – прим. худ. редактора

И только тогда я вспомнил слова́ сержанта Игорюхи перед нашим прощанием:

– Если люди узна́ют, что ты многое можешь, будь готов к тому, что они захотят получить это силой…

Говорил мне провокатор –
трус, завистник и совок:
«Пусть я буду дурковатым –
чтоб не делать ничего!»

♠♠♠

И вот сейчас, когда весёлый (страшный?) рассказа Николаича был закончен, все, как и ранее Володя, почувствовали, что от игры на этот раз не отвертеться, а всякими глупыми присказками да приговорками можно будет заняться и в процессе. К тому же, закончившееся пивко стараниями всё того же Афанасьича было немедленно доставлено к месту дислокации наших героев, то есть к покерному столику!

Глава 183. КОНФРОНТАЦИЯ С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ИСХОДОМ

А вначале глав о продолжении великой *русской кочерги* автор хочет сказать тебе, мой во всём любопытный читатель, некий трюизм о том, что враг – это вам ещё не друг! Друзья – они ведь как девушки с улицы Саина: только свистни – тут же набегут, а вот врага следует выбирать осмотрительно, как супругу, – чтобы раз и на всю жизнь. Возьмём того же Наполеона – ведь как начинал! И в что в итоге? Ватерлоо – и сразу же остров святой Елены. А почему? Да потому что старыми врагами слишком легко бросался! То с одним повоюет – помирится, то с другим, то со всеми сразу! Вот и пробросался… То ли дело Пётр с порядковым номером 1. Как выбрал себе шведского Карла, так всю жизнь с ним и провоевал – потому и Великий! Пóмните, что историк Ключевский про них написал? «Враги, влюблённые друг в друга». Соображал историк, что пишет…

Враг – он кто? Он, прежде всего, учитель твой, он – твоя лучшая половина! Ведь чем больше он тебя лупит, тем умнее ты становишься, чем больше пропадлючества от него в твою сторону, тем меньше оно к тебе прилипает, потому как накопление противодействия идёт практически постоянно. Поэтому врага, считал Кулемзин, нужно беречь! К примеру, видишь, что трудное у него положение – ну, так помоги ему, и ни в коем случае не добивай, а то со временем с кем потом сражаться будешь? Свалял он дурака, скажем, под Полтавой – тут же окажи ответную любезность: устрой сам себе *конфузию* на реке Прут!

Король считал себя великим –
знал, что любого победит,
ему казалось просто диким,
что не сдавался московит.
И вот сраженье под Полтавой –
пришла желанная пора,
и поделились с нами славой
победы воины Петра!

Но это примеры всё больше исторические. А вот что было делать Альбионычу со своим врагом № 1 – педагогом Курманбаевым, и даже не то что бы врагом, а так, мелкой букашкой, которая настолько мелкая, что и прихлопнуть её никак не удаётся – слишком уж шустрая, сволочь, слишком быстрая на всяческие пакости, и словно салом намазанная – казалось, только ухватишь её за крылышко, а она раз – и опять ускользнула!

Поэтому совершенно не удивительно, что очередная, пятая по счёту партия за сегодняшний день так же началась с неприятности. Первый из заказывающих (а им оказался Володя) традиционно заказал одну взятку, а остальные также традиционно отпасовались. Но лучший друг Нуртая *иблис*, который оказался на посту ещё раньше приехавших от Васюхана персонажей, тут же махнул своим вонючим хвостом и – старший джокер, который пришёл Серёже, мгновенно переместился на место карты ленинца.

Сам Мусаич при этой гнилой подмене – с первого хода! – сидел тихо, точно наевшийся кукушонок, а вот Альбионыч понял, что влип, как горлинка в горячий асфальт: даром что ему пришёл козырной король, но что он (король, а не Альбионыч, хотя и Альбионыч тоже) мог сделать против курманбаевского гранда?!

Впору впарить меморандум,
что противник мой нетрезв:
раскидали мелочь гранды
(как советские *финляндов*)
с ПБС[303] неперевес!

[303] ***Прибор бесшумной стрельбы (глушитель) – прим. воен. редактора***

– Да ты, я вижу, яйчики-бабайчики, с са́мого начала решил встать на глубоко неверные рельсы! – попенял партийному Кулемзин.

На эти справедливые слова́ марсианина пухлые щёчки Курманбаева запылали малиновым жаром, ручки его начали бессмысленно теребить и мять без того помятую штанину, а глаза стали мутными, как молочная бутылка – сразу же после употребления. Между тем Володя не успокаивался! Да и то, как можно было успокоиться, когда в *раскладке* против буквы педагога появилась цифра 2, у Талгата и Серёжи – по числу 10, а вот у него, то есть записывающего – минус 50?!

– Значит, старичок, ты решил проявить неугасший за время жизни задор? – горько поинтересовался он у иблисозависимого.

И тут выяснилось, что обиженного литератора решили поддержать сразу все присутствующие!

– Ты, наверное, йодистый Нуртай, не в курсе, – заявил Батыршин, – так вот знай: белая фата – это ещё не гарантия девственности!

Я женюсь, но мне обидно,
что там чёрт мне приберёг:
под фатой совсем не видно,
как там дело между ног!

И не успел Мусаич осознать, что именно ему втюхал старший прапорщик, как последовало новое страшное обвинение:

– Сосед, мать честна́я, запомни простую истину: чтобы увлечь погоню в про́пасть, не обязательно бежать впереди паровоза!

Здесь Афанасьич страшно удивился сказанному, выхватил из котомки заветный блокнотик «Для му.мы.» и быстро-быстро записал собственную, крайне садистскую мысль: «Если Курманбаев бежит в пропасть, надо просто легонько его подтолкнуть сзади – паровозом!»

И даже неиграющий Муравлёв тоже решил поддержать своего друга, правда, не подумавши ляпнул фразу, которую как-то слышал в пивнушке от весьма подозрительных личностей:

– Как говорят на русской зоне, *битый фраер спёкся – пора выносить!*

И хорошо, что он не играл со всеми, иначе в процессе игры ему – так же, как и остальным – тоже бы досталось от Альбионыча!

Но делать было нечего, и Володя успокоил себя тем, что впереди ещё целых 26 робберов, так что было время не только отыграться, но и догнать соперников и даже перегнать, то есть взял на вооружение порочный лозунг времён персека[304] Хрущёва, который на каждом пленуме ЦК КПСС (б) грозился догнать и перегнать Америку по надоям молока, а вслед за ним и советские (б) животноводы тоже стали кричать на своих собраниях партийную *речёвку*:

«Держись, корова из штата Айова!»

[304] ***Первый секретарь – прим. ист. редактора***

А помнишь ли ты, мой беспамятный читатель, что написал в своей бессмертной «Синей птице» Морис Полидорович Метерлинк? Думаю, что нет. А между тем есть там такая умная строка: «Когда вы вспоминаете нас, мы оживаем…». Вот и сейчас, едва вспом-

нив эту пресловутую корову, в голову нашего главного героя торкнулся очередной Хронотоп, а автор поспешил рассказать его тебе.

Глава 184. НЕ УВЕРЕН – НЕ ОБГОНЯЙ! (Хронотоп № 33)

22 мая 1957 года на совещании работников сельскохозяйственных областей и автономных республик Никита Хрущёв выдвинул лозунг «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения!». Советский лидер заявил: «В ближайшие 10-12 лет мы превзойдём Соединённые Штаты как по абсолютному объёму промышленности, так и по производству на душу населения, а по сельскому хозяйству эта задача будет решена значительно раньше!»

Вспоминается самый популярный анекдот того времени: на обочине шоссе – плакат с призывом «Догоним и перегоним Америку!», а в ста метрах от него – предостережение ОРУД[305]: «Не уверен – не обгоняй!»

[305] В те годы ГАИ ещё не было, а был Отдел Регулировки Уличного Движения – прим. автора

После призыва Хрущёва встрепенулась вся страна: трудящиеся были мобилизованы на выполнение планов партии, газеты трубили о скорой победе, а, например, Рязанская область в три раза перевыполнила план по производству мяса и молока! Этот случай тут же назвали *рязанским чудом*, а «волшебника» – первого секретаря местного обкома Алексея Ларионова наградили званием Героя Социалистического Труда. И только через несколько лет выяснилось, что партийный передовик занимался махинациями и приписками. Звезду у Ларионова отобрали, с должности сняли, а сам он, не выдержав осуждения народа и позора, застрелился.

Кстати, не очень сильно отстали от Ларионова и другие секретари обкомов-райкомов. Но – фактически – к моменту отставки Хрущёва, которая случилась 14 октября 1964 года, производство сельхозпродукции увеличилось… всего лишь на 6 процентов. Более того, в начале 60-х в СССР (б) появился её острый дефицит, и страна начала закупать продовольствие… в США, за которыми безуспешно гнался Никита Сергеич!

«Догоним корову из штата Айова!» –
Никита Хрущёв дал народу приказ.
И мы догоняем который год снова,
но эта корова плевала на нас:
у этой коровы дешевле сметана,
и больше корова дает молока,
а Зорька никак не дотянет до плана,
и всё догоняет Айову пока!
Растёт без ухода и Зорькина смена,
бывает нередко сама голодна,
но даже когда не хватает ей сена,
в глазах у коровы любовь к нам видна!
И тужится, пыжится Зорька родная –
российская баба она как-никак!
Хоть жизнь у коровы не очень простая,
но всё-таки дело совсем не табак!
Так выпьем за то, чтобы масло в деревне
наполнилось запахом русских полей,
чтоб были продукты вкусней и дешевле,
чтоб жизнь нашей Зорьки была веселей!

Глава 185. КОНФРОНТАЦИЯ С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ИСХОДОМ (продолжение)

И вот посмотрел автор на позапрошлую главу и понял страшное: ведь в ней описан всего один роббер, да и тот, когда игроки ничего не могли сделать своей головой, то есть играли на *тёмной*. А страшным ему показалось то, что он представил: если каждому роббеpу посвящать по целой главе, то не только эта книжка, но и все последующие закончатся очень быстро и будут не такими интересными, как сейчас, когда они насыщены не только *русской кочергой*, но и занимательными рассказами, стишатами, рассуждениями о жизни и не только, а, главное, той таинственной аурой загадки, коя кроется в каждой последующей странице. И дал он тогда слово (самому́ себе и моему читателю), что больше так делать не будет. А вот выполнил ли его, посмотрим вместе, или, как утверждает один глупый русский трюизм, жизнь покажет…

♠♠♠

Но больше всего такому решению обрадовался ни кто иной, как живописец Муравлёв. Ему, никогда не играющему с нашими главными персонажами, было интересно сидеть вместе с ними на покерной скамеечке только тогда, когда во время битвы происходили какие-то стычки, кои частенько отображались в словесных перепалках. Вот и сейчас он с удовольствием наблюдал за тем, как покеристы на роббере из семи карт каждый заказали по две карты, а ведь это означало, что одна взятка, как говорили эти безумные люди, *рвётся*, то есть кто-то из них обязательно не доберёт своё заказанное и пролетит на 25 очков. А вдруг кто-то из них переберёт? Тогда ещё интереснее, ведь пострадавших будет уже двое, а, значит, и горьких разочарований, и перепалок, и взаимных обвинений тоже удвоится! Ах, как же это всё было интересно!

Суетимся, нападаем
и, похожи на больных,
мы взаимно обвиняем
не себя, а остальных!

Но не таков, конечно, был покерный гуру, чтобы расстраиваться из-за одного афронтного положения. И хотя игра продолжилась в стиле буржуазного реализма, взгляд его затвердел, будто в глаза писателю налили цемента. Он рванул вперёд, как танк на пехоту. Остальные игроки, воочию увидев эти страшные для себя приготовления к суровому бою, отреагировали кто как.

Нуртай вначале застыл, точно барельеф, но сразу же нервно скрестил пальцы, словно боялся, что они разбегутся. Всем своим видом он показывал вороне, сидящей на карагаче, что ломается, как сушняк в лесу.

Серёжа, глядя на это безобразие, покачал головой, похожей на тыкву, венчающую огородное пугало, но ничего не сказал, а решил сосредоточиться на следуюшем ходе, правда, забыв при этом, что решить что-то сделать и реально что-то сделать – далеко не одно и то же. В его квадратной голове, как цыплятки, начали вылупляться сомнения, после чего он стал крутить головой, как вентилятором, пытаясь хоть что-то увидеть в картах соперников.

Талгат, молча взирающий на пришедший роббер, сидел хмурый, как подследственный, – он видел разные цветные картинки, но вот как объединить их хотя бы в подобие какой-то общей идеи, не понимал, и это было плохо, а хорошим было только что, у него осталось ещё полбутылочки крепкого пива «Маршал», а, значит, в жизни ещё не всё было потеряно до конца.

Постулат ветхозаветен –
знаем ночью мы и днём:
если пиво есть на свете,
значит, мы пока живём!

Короче говоря, между противниками Кулемзина и им самим, как говорил в начале XIX века покойный Скалозуб[306], была «дистанция огромного размера»

[306] Полковник Сергей Сергеич Скалозуб – один из персонажей комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» – прим. лит. редактора

И только один Валера ибн Николай сидел относительно спокойно, а относительно только потому, что тоже заранее страдал, ибо видел, что пивко скоро закончится, а очередная партия только началась, и, значит, придётся ждать не меньше 20 минут, пока игроки приблизятся к её середине, когда можно будет попросить прерваться на минуточку-другую, чтобы пополнить главный стратегический боезапас. И единственным, что настраивало его на оптимизм, были ситуации, когда покерные партии, такие непонятные в своей трансцендентальности, разбавлялись примерно такими диалогами.

– А как ты угадал, что у меня остался именно ёкарный червовый король? – неверяще уставился на Альбионыча прапорщик после очередной взятки литератора.

– Да это всё просто, яйчики-бабайчики! – пожал плечами марсианин. – Вначале я исследовал поведение квазидискретных функций в точке, максимально приближённой к локальному минимуму. Потом выяснил…а при наличии здравого смысла это мог бы выяснить каждый…

– Вот именно, царица лесная! – поддержал его сторож.

– …что x при неравном нулю y начинает стремиться к псевдобесконечности!

– Ты забыл, Володя, – тут же добавил Афанасьич, – что всё это случилось только потому, что *дельта* в данном случае была константной самой себе.

– Вот именно! – эхом отозвался учёный писатель.

Спор научный животворен,
ибо я – святым клянусь! –
при учёном разговоре
ведь умнее становлюсь!

Мусаичу были страшно неприятны такие разговоры, потому что он очень не любил, когда люди рядом с ним демонстрировали проявления так называемого ума. А между тем далее случилось именно это – после очередного хода Полтавцев скорчил гримасу, хотя с его морщинами для этого можно было и не предпринимать никаких усилий. Кулемзину это показалось смешным, и он произнёс:

– Серёжа, знаешь, на кого ты сейчас похож? На Эммануила Томасовича Филиберта, принца Савойского, который, как мне вспоминается, жил в XVII веке. Он тоже так смешно шевелил ушами…

– А вспоминается – это как, мать моя партия? – не упустил возможности поддеть соперника Курманбаев.

– А вспоминается – это, Нуртай, когда сначала что-то видел своими глазами, а потом нечаянно, как, например, сейчас, вспомнил.

– И что, ты видел этого принца? – вновь засомневался недоверчивый.

– Разумеется! Помнится, мы с ним провели целую неделю в 1681 году в Турине, когда этот Филиберт, который, кстати, весьма неплохо разбирался в средневековой архитектуре, строил там Кариньянский дворец.

Я дворец себе построю –
с неприступною стеною!

– И что же ты там делал? – с ещё бóльшим сомнением в голосе поинтересовался псевдоеврейский педагог.

– В основном помогал советами, – ответил знатный прораб, – ну и, разумеется, пару дней руководил бестолковыми туринскими строителями, обучая их профессиональным навыкам наклейки обоев, которыми в совершенстве владеют московские таджики-эмигранты…

Глава 186. КОНФРОНТАЦИЯ С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ИСХОДОМ (ещё одно продолжение)

– А вот это ты уже вообще загнул! – неожиданно воскликнул Курманбаев, перепугав дворового ребятёнка, который в это время пробегал мимо покерного столика и от возгласа педагога шарахнулся, словно кролик от семнадцатого подряд выполнения супружеского долга.

На это ничем не обусловленное проявление недоверия литератор обвинил Нуртая в бонопартизме, а тот его в волюнтаризме, а тот его в монетаризме, а тот его в стремлении огульно хватать вершки, забывая о корешках. В общем, никчёмный получился спор, хотя и завершился словами писателя:

– Нуртай, ты хоть иногда борись со вселенским маразмом – в своём лице!

Эти слова показались большевику особенно обидными, после чего ему захотелось немедленно бросить игру и даже выпить!

Время давит память тёмной хмарой:
хрен я вспомню, был ли молодым...
Главное, забыть бы, что я старый,
потому нажрусь сегодня в дым!

Но эта глупая мысль тут же была вытеснена сразу несколькими умными: во-первых, выпить можно будет попозже – на халяву, когда вечером Альбионыч расслабится настолько, что его заветный кармашек на рубашке станет безразмерным кошельком для всего коллектива, во-вторых, если он (большевик, а не кошелёк) сейчас бросит игру, то немедленно попадёт под страшные штрафные санкции, а это и списывание 100 очков в текущей партии, и списывание 4 очков в общем игровом рейтинге, а также списывание его самогó как личности в общем коллективе вот этих, включая какого-то непонятного художника, который вообще не имеет никакого отношения к игре, а только сидит рядом и жрёт пиво, которое могло бы достаться ему!

И вот такие пакостные мысли, кстати, были не на пользу хомо лудексу[307], ибо отвлекали его от главного – самогó процесса игры, потому что партийный преподаватель еврейского колледжа уподобился сейчас некоему карфагенскому воителю Ганнибалу Гамилькаровичу Бáрке в битве при итальянской крепости Капуе, который, как известно всем российским и саксаульским шестиклассникам из учебника «Истории древнего мира», сначала занял этот город, а потом вообще перестал что-либо предпринимать для дальнейшего разгрома противника.

[307] От лат. homo ludens, то есть человек играющий – прим. автора

Кстати, Кулемзин, анализируя поведение Нуртая, знал, что также поступают и современные парламентарии, которые, дабы стать народными избранниками, обещают этому

народу всё, что только можно пообещать, вплоть до проведения *пивопровода* во все квартиры, а потом поступают также, как упомянутый Ганнибал Гамилькарович.

Рассказал нам древний эпос,
как катилось колесо:
Ганнибал, проникши в крепость,
тут же бросил на хрен всё!

«По-моему, пора устанавливать над процессом *русской кочерги* жёсткий контроль», подумал марсианин.

– Какой ещё йодистый контроль? – воскликнул старший знаменосец, после чего выяснилось, что в запальчивости писатель свою последнюю мысль не подумал, а проговорил вслух. После этого он взял себя в руки и устало объяснил:

– Я в принципе не отвергаю такой мысли, а просто оставляю её в стороне, выдвигая собственное предположение. Ведь, как показывает практика, даже ошибочное предположение может пойти на пользу.

– Как это, святой Малевич? – заинтересовался любопытный живописец.

– Чтобы тебе, Валера, было понятно до так называемого конца…

При этих словах охранник густо покраснел, и даже автор не в силах предположить, что же привиделось нашему герою в его нескромных фантазиях.

– …я приведу исторический пример. Вот, скажем, возьмём Христофора Домениковича Колумба. Он, яйчики-бабайчики, предполагал, что между ним и богатствами Востока нет ничего, кроме водной шири, а наткнулся на целый континент!

Напустил Колумб туману,
обнулив свои суда:
плыл ведь он по океану –
оказалось, не туда!

– Точно! – воскликнул Муравлёв, который, надо признаться, не понял ничего, правда, представив при этом почему-то свою тёщу.

«О чём это они?», тоскливо подумал педагог.

– Серёжа, – тихо спросил он соседа не только по лестничной площадке, но и по покерной скамеечке. – А ты понял что-нибудь?

– Честное октябрятское, понял, – соврав, поклялся страшной клятвой Афанасьич.

А Володя между тем продолжал свою мысль, развивая её во все стороны.

– Впрочем, над этим жёстким контролем не мешало бы установить ещё и персональный сверхжёсткий контроль, – высказал он ещё одно пожелание, – а над этим контролем, под сверхжёстким контролем которого находится тот контроль, под контролем которого находится вся ситуация в игре, следовало бы установить и ещё один – сверхсупержёсткий, который будет осуществлять функцию строжайшего контроля уже над тем контролем, под контролем которого находятся все остальные контроли. Вот тогда гнусным поползновениям Нуртая мы и сможем положить конец!

Дав наказы молодёжи,
создадим рабочий сплав:
мы беде конец положим,
счастье за начало взяв!

«При чём здесь я?», тускло подумал ленинец и неожиданно вспомнил статью Ленина «Проект положения о рабочем контроле»[308] и когда-то особенно взволновавшие его стро-

ки: «Во всех предприятиях, имеющих общегосударственное значение, все владельцы и все выборные представители рабочих и служащих, выбранные для осуществления рабочего контроля, объявляются ответственными перед государством за строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества. Виновные в нерадивости, сокрытии запасов, отчетов и пр. караются конфискацией всего имущества и тюрьмою до 5 лет»

[308] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 31, п. 6 – прим. полит. редактора

«Вот на такой бы контроль я согласился», сладко подумал коммунист. «Чуть что – и Кулемзина лет на 5 – с конфискацией колоды, ручки и покерной *раскладки*!»

– Плохая идея, Нуртай, – неодобрительно заметил Володя, нечаянно подслушав мысли Курманбаева.

– Почему это, мать моя партия? – обиделся педагог.

– Да потому, что она противоречит основному принципу нашей игры: полному единодушию при безусловной свободе мнений!

Осознать это при том наборе умственных хромосом, которым обладал Мусаич, было просто невозможно, и он благоразумно промолчал.

– А я с тобой, Володя, не согласен, – горячо заявил охранник., который уже достал заветную книжечку «Для му.мы.», но так и не смог записать на её чистую страничку ни одного сло́ва. – Думаю, мать честна́я, что будет нелишним, если я персонально установлю свой контроль над всеми словами, которые ты сейчас сказал. И этот контроль, как мне кажется, будет не только всеобъемлющим, повсеместным и глобальным, но где-то даже всесторонним и тотальным!

В голове три пуда ваты,
вызывающей протест:
контролируя слова, ты
контролируешь процесс!

Глава 187. ПИСЬМО ИЗ АКИМАТА

И вот здесь – к неподдельной радости Николаича – игра прервалась ещё раз. На этот раз причиной такого перерыва явился приход в коллектив странного молодого человека, одетого явно не по сезону: несмотря на страшную жару, он был облачён не только в рубашку и пиджак, но и в жилетку под пиджаком, то есть его верхняя одежда представляла классическую *тройку*.

«Не иначе, служивый!», подумал Альбионыч, и оказалось, что он был недалёк от истины, так как молодой человек представился курьером – на этот раз из районного (прости, русский язык!) акимата, который раньше – во времена советские (б) – назывался просто райисполкомом. Оказалось, что курьер доставил товарищу Кулемзину, как он к радости Нуртая назвал покерного гуру, некий пакет, в обмен на который попросил роспись в толстую книгу, видимо, и предназначенную для таких автографов.

Пусть отметит мой биограф
случай этот страховой:
я любому дам автограф,
кто заплатит за него!

Кулемзин дождался, пока курьер отчалит в свои служебные дали, и вскрыл пакет, в котором оказался один листочек формата А4 с напечатанным текстом на русском языке. Прочитав изложенное на листочке, Володя страшно впечатлился, извинился перед со-

покерниками и стремительно удалился по направлению к своей квартире, где в одном из кухóнных шкафчиков нашёл давно припрятанный маленький свёрточек, вынул оттуда некие три предмета, после чего решительно вышел из квартиры, но не стал выходить из подъезда. Наверное, именно из-за этого его так и не увидели товарищи по покерному промыслу и примкнувший к ним Муравлёв.

После этого марсианин быстро сделал некое нехитрое дело, и только после этого вернулся в коллектив, который уже окончательно изнемог от любопытства, причём, это любопытство было так сильно, что никому из присутствующих даже не пришло в голову, что Володю можно было наказать за то, что он внезапно бросил игру – также, как о чём думал педагог двумя страницами ранее.

Даже выпив пива кружку
и послав друзей всех на,
не бросай, игрок, игрушку –
поломается она!

Кое-как пробравшись сквозь толпу мечущихся по территории Бермудского Учпучмака дворовых детей, писатель вновь воссоединился с коллективом, который забросал его глупыми вопросами типа «что это было?» и «куда ты ходил?», а самый глупый вопрос придумал партиец, но так и не решился его задать: «А не поел ли ты, Володя, дома?»

– Вижу, други мои, – поднял вверх указательный палец литератор, – что вас просто-таки снедает любопытство.

«Съедает», хотел было поправить знатного филолога педагог, но снова не стал, а автор просто отправил его к ссылке[309]..

[309] Словарь русского языка в 4 томах, РАН, из-во «Полиграфресурсы», 1999. Кстати, вот одна цитата всем маловерам – из поэмы «Полтава» Сергеича: «Но гетман уж не спит давно – / Тоска, тоска его снедает» – прим. автора

– И я его удовлетворю! – завершил спич Альбионыч. – Но только после того, как вы разгадаете одну нехитрую загадку.

Здесь художник обрадовался ещё больше: мало того, что дурацкая карточная игра отодвигается на неопределённое время, так ещё есть возможность немного поразгадывать увлекательные володины загадки.

– Итак, слушайте: *один* стоит 10 назарбаксов, *пятнадцать* – 20 назарбаксов, а *сто* – 30 назарбаксов. Внимание, вопрос: что это?

Слушатели ускоренных разгадывательных курсов тут же погрузились в сложные математические вычисления: Полтавцев сразу же стал гнуть корявые пальцы, загибая их определённым образом и что-то бормоча под нос, Батыршин стал считать в так называемом «уме», что-то бормоча под нос, Курманбаев перевернул володину раскладку, схватил ручку и стал писать какие-то цифры, а потом, что-то бормоча под нос, делить их *столбиком*, чего не делал последние лет 40, а Муравлёв поднял валявшуюся под ногами ветку и стал ею рисовать в пыли какие-то таинственные символы, приглядевшись к которым, Кулемзин понял, что художника совсем недавно посвятили в масонскую должность великого меченосца. Не удивительным, разумеется, было и то, что при производстве странных рисунков Валера что-то бормотал под нос.

Фартук, циркуль, факелы, звезда –
знаки тайного масонского труда.

Камень, мастерок и наугольник,
и всевидящего ока треугольник! (Вот такой):

Наконец бермудские отгадчики начали выдвигать свои версии – одна нелепее другой.

Так, Талгат решил, что загаданное слово – это количество рыбок, которое постоянно меняется в аквариуме, потому что тот стоит в кувшине, в котором заточён старик Хоттабыч, и все невольно подивились силе воображения военного музыканта.

Серёжа просто сказал слово *телевизор*, после чего счастливо засмеялся, и все подумали, что не пора ли вызывать в Учпучмак психиатрическую бригаду с улицы Каблукова.

Нуртай пробормотал что-то о том, что вот если бы у него под рукой сейчас был 41-й том сочинений Ильича I, то он бы наверняка разгадал эту несложную загадку, после чего все попросили его сходить за упомянутым томом, но он почему-то не пошёл.

Валера вместо вербального ответа предложил рассмотреть его ответ-рисунок, и все начали напряжённо вглядываться в пыльные линии под ногами, но так ничего и не увидели, кроме маленького жучка, который волочил за собой головку спички, потерянной здесь же ещё позапозапозавчера – в первом томе нашего великого повествования.

Не бросайте спички где попало –
заберёт пожар все капиталы!

А что же это за нехитрое дело, которым занимался наш главный герой в подъезде, и которое так и не увидели другие главные герои, не обладающие зрением с рентгеновским уклоном? И как это дело рифмуется с загадкой, над которой некоторое время ломали головы покеристы и примкнувший к ним непокерист? И если мой читатель думает, что автор просто так наполнил последние страницы бессмысленными строчками, то он, конечно же, ошибается. И таинственное дело, и ещё более таинственная загадка были напрямую связаны друг с другом, ибо являлись одним и тем же, только сама загадка была как бы эфемерным проявлением, а отгадка – напротив, как раз реально существующим и даже в чём-то физическим.

– Володя, не томи, святой Малевич! – от имени коллектива попросил Валера и даже пошире распахнул похмельные зенки, чтобы показать садисту-загадчику степень своей заинтересованности в правильном ответе.

– Хорошо, яйчики-бабайчики, – ответил писатель и решительно сунул руку в карман, но ничего, кроме ключей от квартиры, там не обнаружил, после чего закусил губу, ибо искомое им несколько минут назад переместилось на некий предмет в подъезде, а он уже успел об этом забыть. Да и как можно было что-то не забыть, когда начищенная до неземного блеска сковородка солнца сияла так пронзительно, что было совершенно не видно, что именно на ней поджаривалось, хотя видеть тут было и не надо, потому что чувствовалось, что предметом этой жарки стали всё те же герои нашего великого повествования.

К солнцу я критически настроен,
коль оно шурует огнево:
не жалеет солнце ни героев,
ни читателей романа моего!

Глава 188. ПИСЬМО ИЗ АКИМАТА (окончание)

И, действительно, жара навалилась на игроков и Муравлёва, как борец сумо на боксёра вéса пера. Небесное светило плавилось в вышине, словно кусок оранжевого мороженого, до которого вовсе не хотелось дотянуться, ибо оно было вселенским обманом, который мошенник *дедушка* посылал своим детям землянам за их мифические грехи, о коих вычитал в какой-то толстой книжке, написанной как бы специально для него, а не для людей.

Но разгадка строптивой загадки, которая так и не далась коллективному разуму аж четырёх человек лежала, а, точнее, висела именно в подъезде дома № 17, где проживал Альбионыч, поэтому он (Альбионыч, а не дом или подъезд) решительно подошёл к СС, или Старушечьему Столику, как он его называл, и транспортировал оттуда на покерный столик неиграющую тётю Лиду, которая только что покончила с обеденным чаем и теперь мирно ждала своей очереди для игры *в дурака*.

Карты провоцируют на ругань,
ибо в этот раз всё совпадёт:
станем дураками друг за другом –
никого *дурак* не обойдёт!

Оставив тётю Лиду караулить покерный столик и пообещав ей за это два десятка яиц из магазинчика Калимы, Володя поднял коллектив в ружьё (шутка!) и, как это делал до него некий Сусанин, повёл его (коллектив, а не Сусанина) в свой подъезд. Заведя неожиданных гостей в тёмный провал подъезда, Кулемзин включил свет, после чего все заметили некоторое изменение на дверях володиной квартиры. Теперь на сáмом её верху красовался вот такой номер – вместо привычной четвёрки:

– Что это, ёкарный номер? – воскликнул Салихдзяныч, сам ответив на свой вопрос.

– Зачем это тебе, мать моя партия? – воскликнул Мусаич, остро позавидовав такому роскошеству, которое он себе позволить не мог.

– Ни хрена себе, мать честная! – воскликнул Афанасьич, залюбовавшись красивыми золотистыми циферками.

– Вот так так, святой Малевич! – оценил нововведение с художественной точки зрения Николаич.

Но литератор, услышав все восклицания, ответил на одно, ибо только в прапорщицком восклицании таился вопрос, на который можно было дать прямой и честный ответ.

– Это, Талгат, ответ на мою загадку.

– Как это? – попытался впасть в прострацию военный трубач.

– А вот как, – объяснил марсианин, после чего задал наводящий вопрос:

– Что вы видите на двери?

– Глазóк! – звонко, как на пионерском сборе, ответил Серёжа.

– Молодец, – похвалил его Володя. – А над ним – некий номер. Правильно?

– Ото ж оно так, царица лесная, – согласился с ним сторож.

Порой нам мир головоломен –
от этого нам всем грустней:
у каждой вещи есть свой номер,
и только буквы – у людей!

– А пг'и чём здесь загадка и г'азгадка? – скривил губу педагог, от волнения начавший по-ленински картавить.

– Вспомним её, – пригласил к разговору знатный загадчик, после чего ещё раз процитировал строчку со страницы 412:

– «*Один* стоит 10 назарбаксов, *пятнадцать* – 20 назарбаксов, а *сто* – 30 назарбаксов». Не так ли?

– Так, – вновь подтвердил бывший текстильщик, после чего тут задал новый вопрос:

– А где у тебя здесь, к примеру, один? Тут же какие-то 500!

– А в этом и есть загадка, – объяснил хитрый марсианин, который любил морочить головы простоватым землянам. – Когда я покупал эти циферки на базаре, то и цифра 1, и один такой предмет стоили 10 назарбаксов. А когда я поинтересовался, сколько будет стоить 15, то есть блок из двух пластиковых цифр, то продавец, разумеется, сказал, что 20, ибо два однородных предмета всегда стóят в два раза больше, чем одна.

– Ах, вот в чём дело? – догадался военный музыкант. – Значит, номер моей квартиры № 20[310] тоже будет стоить 20 назарбаксов!

[310] Об этой квартире в главе 135 второго тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

– Точно! – восхитился Полтавцев. – А для моей квартиры № 31 – 31 назарбакс!

Все немного посмеялись над неразумным.

– А когда я спросил продавца, сколько будет стоить номер 100, то он, уже вытаращив на меня глаза и что-то заподозрив, тихим голосом поведал мне, что 30 назарбаксов.

– Правильно! – воскликнул живописец, который до этого мучительно, чтобы тоже поведать какую-нибудь историю, вспоминал номер своей квартиры, но так и не вспомнил. Затем он начал вспоминать, как зовут его жену Наташу, но и это воспоминание также не поддалось расшифровке.

Я вас забыл. За вздорной суетою
утратив актуальность, как вопрос,

вы были та – и сделались не тою,
чему виною жизнь, а не склероз.
О, этот взгляд, невыразимо томный!
О, этот шарм и очевидный пыл!
Я позабыл, что вас забыл, – но вспомнил,
когда решил, что вас давно забыл…

– А вот теперь, когда мы со всем разобрались, – продолжил лекцию в тесном подъезде Альбионыч, – я расскажу вам, что именно принёс мне в пакете курьер из акимата.

– Точно, царица лесная! – хлопнул себя по лбу охранник. – Там же ещё какой-то парнишка в пиджаке был!

– Так вот: этот парнишка принёс ответ из акимата – о том, что мне разрешено поменять номер своей квартиры 4 на 500. Вот и всё.

– А ты что, мать моя КПСС, подавал такую заявку? – засомневался Курманбаев.

– Конечно, – ответил знатный жилец.

– Зачем?!

– А зачем Туманность Гантель[311], известная также как Объект Мессье[315] 27, имеет диаметр около 8 угловых минут? – просто объяснил номеропокупатель.

[311] Не придумка автора: это реально существующая планетарная туманность в созвездии Лисички[312] – прим. науч. редактора
[312] Не придумка автора: это реально существующее тусклое созвездие северного полушария, находящееся внутри Летнего Треугольника[313] – прим. науч. редактора
[313] Не путать с Бермудским Учпучмаком! Это также не придумка автора, а наиболее заметный астеризм[314] северного полушария небесной сферы – прим. науч. редактора
[314] Легко различимая группа звёзд, имеющая исторически устоявшееся самостоятельное название – прим. науч. редактора
[315] Не ошибка – это фамилия Шарля Мессье, французского астронома XVIII века – прим. науч. редактора

– К-к-кая гантель? К-к-каких минут? – начал заикаться преподаватель еврейского колледжа, и если бы в этот момент его увидели ученики означенного учебного заведения, то Нуртай наверняка потерял бы ещё 34 процента своего авторитета.

– К-к-каких минут? – передразнил его Муравлёв. – Тебе же, глупому, объяснили: угловых!

Изучая миры, мы не таем,
и в созвездии некой Лисы
угловые минуты сплавляем
в угловые земные часы!

Услышав обвинение в глупости, Мусаич замкнулся и решил молча избывать своё го́ре, а Кулемзин в это время повёл коллектив обратно за покерный столик, который бдительно охраняла тётя Лида – в основном от набегов дворовых детей, увидев которых, Афанасьич повернулся на месте и суеверно трижды сплюнул через левое плечо, как научила его ещё в детстве бабушка Федо́ра из деревни Семижопино. Но дворовые дети носились вокруг покерного столика столь стремительно, что охранник в течение секунды заплевал больше десятка этих маленьких существ, правда, они совершали свои движения так быстро, что ещё через секунду все серёжины плевки мгновенно высохли.

Глава 189. КОНФРОНТАЦИЯ С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ИСХОДОМ (и ещё одно продолжение)

Рассадив всех по местам и быстренько сбегав в сельпо, Володя купил там обещанные яйца, торжественно вручил их бабе Лиде и отправил её домой, ближе к холодильнику, на предмет того, чтобы купленный товар через короткое время не превратился в тухлятину. И этому была веская причина: хотя дело шло уже к вечеру, но *светило*, которое якобы и даёт жизнь всему сущему на свете, так и не оставило своих пропадлючьих попыток заживо поджарить обитателей Бермудского Учпучмака, словно сочиняя в вышине пошлые стишки вроде этого:

«Я поджарю 100 людишек –
на Земле и так излишек!»

Солнце в этот момент висело как раз между крышами микрорайоновских зданий и горизонтом, и было видно, что окна близлежащих к покерному столику домов при этом налились слепящим золотом 999 пробы. Блёклые слабо-фиолетовые облака́, будто тени, растянулись вдоль горизонта. Волосы на затылках игроков и Муравлёва шевелились, иссыхая от зноя. Даже без термометра и других измерительных приборов ясно чувствовалось, что в Отцеябловске сейчас 38° – если сидеть расстёгнутым, и все 40° – если застегнуться. Короче говоря, драматургия небес развивалась от смородиновой кучности до желеобразного загустения или, как писал в своих артефактных романах некий Вл. Горький, от раннего Ренессанса до предреволюционной декадентщины.

Без осознанной страховки
и другими данными,
запекаюсь, как в духовке, –
вместе с баклажанами!

Но разве могло помешать какое-то солнце выполнять самую главную задачу, ради которой наши персонажи уже который день собирались в условленном месте, которое они сами и организовали? Конечно, нет, тем более, что игра до этого прервалась, как выражались любители советских фильмов (б), на самом интересном месте, – когда в их квартире внезапно отключалось плановое электричество. А это интересное место было тринадцатым роббером, когда игроки разыгрывали 12 взяток[316] перед *средней тёмной*. Именно здесь было важным всё, а особенно баланс между стра́стным желанием рискнуть, закрепляя свой успех перед *средней тёмной*, и осторожностью, которая, как утверждал покерный гуру Кулемзин, с начала времён и по сей день является матерью мудрости.

[316] Не ошибка: перед 12-ю номерными робберами игрался короткий роббер на 1 карте, который назывался первая тёмная – прим. автора

Наскоро изучив пришедшие карты, четверо оставшихся в живых бойцов (шутка!) сделали свои заявки: Альбионыч и Салихдзяныч заказали по четыре взятки, Мусаич, закусив губу, осторожно предложил записать в его именной столбик три предполагаемых взятки, а Афанасьич решил вначале посчитать, сколько всего заказов поступило до его заявки, и сначала что-то долго высчитывал на пальцах, затем отобрал у Николаича веточку, которой тот пытался изобразить в пыли под ногами эскиз будущей картины под названием «Бермудский Учпучмак как градообразующее место в системе перпендикулярных ординат города Отцеябловска», но, так ничего и не сосчитав, наконец озвучил своё трудное решение:

– Тоже четыре, мать честная!

Это, разумеется, было очень рискованным, потому что именно в этот момент во Вселенной возникла новая реальность: 15 заявок вместо предполагаемых двенадцати! Всем стало ясно, что или кто-то пролетит сразу на три взятки, или же это будут трое игроков, которые не доберут по одной, или возникнут, как кричат в своих горячих спорах физики, *иные варианты*.

Бья врага, «Вперёд!» воскликну,
обретя навек покой.
Вариант иной возникнет –
и останусь я живой!

И вот трудный роббер наконец начался – с хода писателя, который, пойдя младшим джокером, произнёс роковые три слова:

– По старшим козырям!

Остальным не оставалось ничего, как с горечью расстаться со своими большими картами, на которые они так надеялись! Правда, когда взятка собрала козырные туз и даму, последний ходящий игрок, а им оказался старший трубач, забрал её старшим джокером, что вполне соответствовало правилам.

Мозгом пламенно сгорая,
всё ж по правилам играю!

Зачем же Кулемзин пошёл именно так, и что он хотел выведать этим ходом? Надеюсь, что мой читатель за прошедшие четыре с половиной тома «Русской кочерги» уже успел убедиться в том, что Володя ничего не делал просто так, или спонтанно, как в приступах бреда выражался сторож Серёжа. Вот и этим ходом марсианин узнал многое: во-первых, из игры вылетело сразу три *гранда* из пяти, то есть козырный туз и два джокера, во-вторых, у Курманбаева, как это бывало частенько, не оказалось покера, иначе эту взятку пригрёб бы именно он, а не Батыршин, и, наконец, в-третьих, что его козырный король, помимо неучтённых до поры до времени покера и ещё одного младшего джокера, становится одной из самых крупных карт в игре.

Вот видишь, мой читатель, сколько нюансов может разглядеть лишь в одном ходе ум не только тренированный, но и (прости, русский язык!) перманентно пытливый, который постоянно совершенствует своё искусство игры в великую *русскую кочергу*!

Евнух страшный, но душевный,
без ума, но балабол,
восемь дней играл с царевной
в карты, шашки, баскетбол.
Объяснил жених царевне
неожиданный прорыв:
«Тренируюсь ежедневно,
постигая смысл игры!»

Между тем, игра развивалась совсем не так, как до этого предполагали самоуверенные соперники, и труднее всего, на радость Володе, становилось партийному педагогу, который к середине роббера пока не взял ни одной из заказанных четырёх взяток. От ужаса происходящего комсомольский полубокс Нуртая давно превратился в причёску, которая приличествует лишь панку с трёхлетним опытом прыгания перед сценой, на которой неистовствуют его кумиры из буржуазной группы «Sex Pistols»[317]

[317] ***Британская панк-рок-группа, образованная в 1975 году в Лондоне, ставшая олицетворением субкультуры панка, а его участники – инициаторами так называемой панк-революции – прим. муз. редактора***

У литератора сейчас было два варианта: а) посадить Курманбаева; б) не посадить Курманбаева. Посадить Мусаича нужно было только в том случае, если сам Альбионыч возьмёт свои взятки, ведь именно тогда была надежда на то, что ленинец не сможет очухаться во время второй половины партии. Поэтому вариант *не посадить Мусаича* даже не рассматривался, тем более, что писатель перед принятием рокового́ решения посмотрел на Талгата, и во взоре его прочёл старинное римское выражение «Pollice verso»[318], каким назвал свою знаменитую картину французский муравлёв Жан-Леон Пьерович Жером, на которой в 1872 году изобразил двух гладиаторов на арене Колизея: одного поверженного и ожидающего своей участи, а другого – стоящего перед трибунами римской знати и ожидающего их приговора. Альбионыч как бы воочию представил себя торчащим перед этим большим (метр на полтора) полотном в Художественном музее города Финикса в американском штате Аризона.

[318] ***Пальцы вниз – лат.***

Был я в штате Аризона:
всё не так, как в нашей зоне!

Он вспомнил подробности картины и невольно содрогнулся: на ней с несвойственной им кровожадностью служительницы храма богини Весты, то есть *весталки* в белых одеждах уже вынесли своё решение, повернув большие пальцы вниз, фактически приговорив побеждённого гладиатора к смерти. Плохое впечатление на писателя тогда произвёл и сидящий в отдельной ложе римский император, который казался совершенно равнодушным к происходящему, но было видно, что именно этот нехудой гражданин манипулирует беснующейся толпой.

Глава 190. КОНФРОНТАЦИЯ С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ИСХОДОМ (почти окончание)

И вот именно этот внезапно вспомнившийся толстый император помог принять Кулемзину правильное решение, то есть вариант а), то есть *посадить Курманбаева*! Но его (Кулемзина, а не Курманбаева) следующий ход произвёл разрушительное действие не только в голове педагога, но и в тыквах сторожа, прапорщика и даже художника, который именно в этом роббере почему-то болел за Серёжу. А ход был простым: Володя кинул на покерный столик своего козырного короля, который к тому времени приобрёл статус самой крупной карты.

Хочет всякий быть заметен –
лучше, чем весь персонал:
«Выше нет меня на свете!»,
козырной король сказал.
Но недолго правил *цезарь* –
слишком ко́роток стал срок:
королю башку отрезал
ферзь из шахматной коро…

И после этого, казалось бы, простого хода, знание Альбионыча умножилось, так как он узнал следующее: Нуртай и Талгат скинули по маленькому козырю, а вот бедный се-

мижопинец неожиданно бросил на столик некозырную тройку. Все внимательно посмотрели на Афанасьича, как бы приглашая его пересмотреть своё решение. И на это был свой резон: если бы Полтавцев тут же заменил карту на другую, штраф был бы размером в 20 очков, а вот когда в конце роббера выяснится, что он смухлевал и *намеренно* скинул пустячок, чтобы потом забрать лишнюю взятку, то наказание в этом случае возрастало уже до 50 очков. Но так как оказалось, что бывший текстильщик не воспользовался несколькосекундной заминкой, значит, у него действительно кончились козыри, а это означало, что в игру, как выражаются снукерные комментаторы, *пришла новая реальность*.

Поэтому дальше всё пошло много проще: писатель начал делать ход за ходом самыми крупными картами, чем нанёс разрушительные разрушения в защите противников. И кончилась эта атака очень печально – для всех, включая Муравлёва, который чуть не заплакал, когда увидел, что чуть не заплакал охранник, недобравший сразу три взятки, или 60 очков. Не лучше дело обстояло и у остальных покеристов: старший корнет пролетел на две взятки, а преподаватель учебного заведения с еврейским уклоном аж на три. Ненамного продвинулся вперёд и главный гладиатор прошедшего роббера, зато надёжно откатил назад всех без исключения соперников!

Упал под тяжестью удара!
И выпал гладиус[319] из рук:
в волнах предсмертного угара
в глазах плыл Колизея круг…

[319] От лат. gladius – римский короткий (до 60 сантиметров) меч – прим. ист. редактора

Отдышавшись после трудного боя, Володя с удовольствием вписал в *раскладку* разномастные показатели, а в уме посчитал общий итог локального сражения. И он (итог, а не Володя, хотя и Володя тоже) оказался хорош: у самогó покерного гуру был плюс 75 очков, у Курманбаева – минус 60, у Полтавцева – тоже минус 60, и у Батыршина – минус 45, так что общий итог только одного сыгранного роббера составил аж 240 очков – в пользу литератора! А если мой читатель ещё вспомнит, что это был роббер на 12 картах перед *тёмной*, то он поймёт, каким же важным был итог только что сыгранного…

Но разрушительными оказались не только показатели в *раскладке*, но и психика кулемзинских соперников. Так, Нуртай сидел молча, но при этом сопел, как стельная корова, ритмично хлопая ресницами, словно курсистка.

– Ты меня разочаровал, старичок, – глянув на него, грустно промолвил Альбионыч. – Я думал, что ты закомплексованный, а ты просто неинтересный. И, самое главное, у тебя совсем нет времени хоть чуть-чуть измениться.

– Намекаешь, что я скоро умру? – заносчиво бросил педагог.

– Нет, просто *этому* учатся с сáмого рождения…

«О чём это он?», тоскливо подумал Мусаич.

– Свобода не для таких, как ты, – печально добавил писатель. – Таким, как ты, достаточно иметь свободу менять одну тюрьму на другую…

«КПСС – еврейский колледж!», тут же вспомнил свой постперестроечный маршрут педагог.

– …да свободу говорить то, что вам вдалбливали в ваши пустые головы всю советскую (б) жизнь.

Как нас страшно воспитали –
про успех как тяжкий грех,

в СССР нам толковали:
СССР, мол, лучше всех!

Так, военный музыкант, видимо, тоже тяжело переживая последний (прости, русский язык!) афронт, гальванически вздрагивал, но для поддержания духа успокаивал себя соломоновым девизом, твердя про себя, что всё когда-нибудь кончится, а, значит, кончится и сегодняшняя игра. Явно обиженный последней выходкой Альбионыча, он сидел каким-то Собакевичем.

«А чтоб жизнь вареньем не казалась!», подумал Кулемзин, хотя и относился к бравому оловянному прапорщику с симпатией, но всегда помня, что даже самые лучшие друзья во время игры становятся… нет-нет, не врагами, но соперниками!

Так, Серёжа, на которого сейчас в упор глядел марсианин, под этим взглядом великого учителя завертелся, но наконец спросил:

– Ты чего?

– Да вот смотрю, – скорбно ответил гуру, – похож ты на лоха или нет. Так и хочется с тобой в напёрстки сыграть или крутнуть для тебя *лохотрон*…

И Сука-судьба тотчас подтвердила эти слова, послав сторожу небольшую беду – в виде залётного воробышки, который, сидя на веточке карагача прямо над охранником, поднатужился и сделал своё чёрное дело прямо ему на голову. Полтавцев встрепенулся, провёл рукой по лохматой причёске, размазав *неприятность* ещё больше, и стал отчаянно оттирать волосы грязным носовым платком, который вот уже два года напрасно лежал в кармане его штанов, а вот сегодня взял да и пригодился.

«Почему мой мозг так плосок?»,
страшно думал генерал.
«Носовой платок для носа
никогда не применял!»

– Слушай, старик, – увидев беду, озабоченно сказал Володя, – надо бы тебе голову йодом смазать!

– Йодистым йодом? – уточнил старший прапорщик.

– Нет, ёкарным, – уточнил Альбионыч.

– Ты думаешь? – наконец озаботился и сам пострадавший.

– Конечно, ведь иначе может начаться заражение крови! Представляешь, какой будет уникальный случай в истории медицины – гангрена головы! А гангрена, как известно из учёной книги «Типичные случаи атипичной медицины» профессора Фекалина, зачастую приводит к ампутации. Хотя с ампутированной головой, Афанасьич, лучше играть ты всё равно не будешь…

Глава 191. КОНФРОНТАЦИЯ С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ИСХОДОМ (неокончательное окончание)

После столь убедительного разгрома сразу трёх противников, к тому же зная, что впереди ещё полпартии, покерный гуру решил сделать некоторую передышку, которую ему давала сейчас огромная разница в *раскладочных* счетах. «Нельзя всё время выигрывать», подумал он. «Это расслабляет, и ты начинаешь понемногу утрачивать такую необходимую в наше время способность держать удар. А потом Сука-судьба щёлкает тебя по носу, а с непривычки это кажется катастрофой…»

Между тем Салихдзяныч уже сдал всем по 12 карт и тут же щёлкнул остатками колоды по руке охранника, которая жадно потянулась к своему робберу.

– Ты чего дерёшься, лейтенант недоделанный? – обидел Серёжа недополученным воинским званием старшего прапорщика.

– Смотреть нельзя, яйчики-бабайчики, – тихо, но строго предупредил и Кулемзин.

– А если я всего одним глазком? – попросил бывший текстильщик.

– Хорошо, – согласился записывающий, рука которого уже склонилась над *раскладкой*. – Смотри. Но учти, что просмотр до заказа – по правилам игры – чреват двадцатью очками, а в данном случае, когда мы приступаем к розыгрышу средней тёмной, сорока́!

И хорошо, что автор догадался поставить в последнем слове ударение, а то Афанасьич уже чуть было не воскликнул: «Какая соро́ка, мать честна́я?»

Здесь вариант такой возможен
(хоть всё вокруг напряжено):
соро́ка в картах – это то же,
что буревестник – в домино!

– Ну то-то же, – странным русским оборотом в виде разговорной частицы положил конец разговору знатный бермудский филолог.

Но делать нечего – надо было заказывать втёмную, и Полтавцев решил рискнуть.

– Четыре! – выдохнул он так мощно, что сразу двух дворовых ребятёнков, которые в этот момент пробега́ли рядом, отнесло к СС, как называл Старушечий Столик литератор, и они уткнулись в мягкий живот страшно толстой *свиноматери* тёти Нади, что и спасло им жизнь.

– Да ты просто истекаешь оптимизмом, старичок! – одобрительно заметил на серёжин заказ писатель.

Так же по четыре взятки, надеясь неизвестно на что, заказали трубач и педагог, и только соавтор «Русской кочерги», тихо пробормотав что-то вроде «Ask for back off[320]», заказал минимум на *тёмной*, то есть три взятки, ибо зачем ему было сейчас рисковать, когда он так далеко оторвался от бешеных лошадей преследующей его конницы врага. И всё же где-то внутри еле слышно засвербило чувство опасности, словно заживающая десна на месте удалённого зуба, ведь у писателя, как он уже успел убедиться, было два *гранда* – покер и козырный туз, но последнюю карту можно было в расчёт не брать, разве что только если поможет мощная контратака, как правило, деморализующая противника до заклинивания мозгов. Остальные карты были совсем неважные: некозырные три двойки, такие же две тройки и одна козырная пятёрка, не считая нескольких крупных *картинок*, к сожалению, также не козырных.

[320] Прошу разрешить отступление – англ.

И вот наступила тревожная минутка – для кого торжества, а для кого – крушения надежд. Игроки открыли карты и стали напряжённо вглядываться в сюрпризы, которые преподнесла им Сука-судьба в виде Карточной Прухи.

Просвистит жизнь мимолётно –
только крикнешь: «Твою мать!»:
что судьба преподнесёт нам,
с тем и будем доживать!

– Играем по мизе́рам, мать моя партия! – в это момент улыбнулся Мусаич, причём, так лучезарно, как родной дядя, у которого сгорел дом и который пожаловал с намерением поселиться у племянника. Альбионыч ощутил скверное предчувствие – такое же, какое ощутил бы племянник при виде дяди-погорельца. «Кастрация с занесением в учётную

карточку», мелькнуло в голове страшное наказание для педагога. Но Нуртай, как видно, совсем не переживал: виде́ние сразу трёх джокеров в его правой руке инициировало в душе́ Курманбаева первичную фазу синхронной эманации подавляемых моральных императивов, которая обычно сопровождается жёсткой радиацией высвобожденной деструктивной энергии.

А Володя понял, что если у него есть покер, а у большевика как минимум два джокера (иначе как бы он смог объявить мизе́р?), то это ничем хорошим закончиться не могло. Одно только было неплохо: первый ход был именно его (Володи, а не большевика).

– По джокерам! – внезапно произнёс он и словно бы выстрелил своим покером на одноимённый столик.

Будет вам, враги, наука
без привычных вам констант:
покер – это как базука:
остановит даже танк!

Партийный охнул и сбросил младшего джокера, хотя мог бы расстаться и со старшим, но в данном случае это не играло никакой роли, так как Альбионыч убедился ещё в одной неприятности: что ни у кого, кроме педагога, *грандов* больше нет. И тогда он сделал поистине иезуитский ход: после первой взятки пошёл своим козырным тузом, который в условиях мизе́ра из гордо реющего паруса давно превратился в грязную половую тряпку.

Но зато такой ход принёс свои плоды: все были вынуждены скинуться по козырям, хотя выбрасывали самые крупные, уже зная о том, что взятку всё равно заберёт Мусаич – своим вторым джокером. Так оно и случилось. И вот тогда ленинец допустил системную ошибку, которую часто делают игроки, ещё не достигшие покерного просветления, какое уже лет как 20 состоялось у Кулемзина, – он пошёл своим последним джокером, повторно объявив «По козырям!». Все послушно скинулись теперь уже по самым младшим козырям, убеждая всё население Бермудского Учпучмака, что они отлично знают покерные правила, и только марсианин сбросил какого-то залётного короля, совершенно неактуального в сложившейся ситуации, ибо все его двойки-тройки пока оставались на своём месте, то есть в руке писателя.

Ситуация такая:
надо бить, а я тикаю!

– Так у тебя что, ёперных козырей нет? – изумлённо воскликнул один из его противников.

– Ну раз так пошёл, царица лесная, наверное, нет, – подтвердил тревожное знание второй противник, и только коммунист закусил губу и стал сражаться дальше.

– Ничего, Вовка, прорвёмся, святой Малевич, – неожиданно поддержал писателя вовсе не участвующий в битве художник, который вдруг почувствовал, что его правый карман штанов стал тяжелее на 7 граммов. Он запустил туда руку и с изумлением вынул из кармана монету в 100 назарбаксов, после чего счастливо улыбнулся, так как теперь точно знал, что вечером попадёт домой не пешком, а на такси.

Улыбнулся в ответ и Кулемзин, который один из всего коллектива знал, что такая монета, когда она новая, весит 6,65 грамма, а вот когда побывает в 5.347 руках саксаульцев, принимает на себя ещё почти полграмма всякой грязи.

Запах денежный не ах, но
рад, когда они в руке:

деньги грязные не пахнут,
если их отмыть в реке!

Но улыбнулся он не только из-за этого, а потому что к этому моменту уже знал, что или возьмёт свои три заказанные взятки, или даже переберёт, но это было не страшно, хотя и не желательно. Совсем по-другому чувствовал себя Мусаич, который так бездарно растранжирил свои *гранды*, взяв пока только две взятки из четырех заказанных. Так что дымный аромат скорого и жёсткого марсианского реванша уже потихоньку чувствовался в начинающем вечереть воздухе.

И всё-таки это был не конец – надо было сыграть ещё половину этого решающего роббера, и Володя сейчас анализировал ситуацию, пытаясь вычислить, кто из его противников решил подложить ему свинью, в данной ипостаси напрочь утратившую статус всеукраинской любимицы. Тщательно взвесив все pro et contra[321], он пришёл к выводу, что на такую гадость, как развенчивание безобидного домашнего животного, способен лишь только один так называемый человек, реестр гадостей которого с каждой партией выглядел всё внушительнее.

[321] ***За и против – лат.***

Глава 192. О ЗВОНКЕ, ДЕТЯХ И «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ» ДОСТОЕВСКОГО

А вот закончить предполагаемое, то есть сыграть ещё половину роббера – от 12 до одной взятки плюс последнюю *тёмную*, пока не получилось. И сразу по нескольким причинам. Вначале, только было Полтавцев взял колоду, чтобы сдать карты, раздался звонок мобильного телефона литератора. Он с плохим предчувствием нажал вначале кнопочку связи, и тут же кнопочку, которая отвечала за громкий разговор с абонентом, ибо считал, что скрывать что-либо от подотчётного коллектива, связанного одной с ним пуповиной *русской кочерги*, негоже. Предчувствия его не обманули – после осторожного традиционного *алло* из чёрного аппаратика послышался томный голос:

– Это я, Стелла.

– А это я, Вова, – сообщил необходимую информацию о себе Альбионыч.

– Давай встретимся, выпьем кофе.

У меня есть мыслишка большая –
провести вечер наш с огоньком:
я на кофе тебя приглашаю
пополам с само… тьфу, коньяком!

– Ага, – взволновался бермудский абонент, – а кофе, как всегда, в постель? Извини, но у меня сейчас проходит важная встреча с важными людьми…

После этих слов Нуртай, Талгат и Серёжа приосанились, а Валера даже распрямил худую неровную спину, словно вспомнил, что с детства страдает искривлением позвоночника поясничного отдела.

– …а один из них, яйчики-бабайчики, – важно добавил писатель, – даже облечён неким воинским званием.

– Генерал, что ли? – неуверенно хохотнула напрашивальщица.

– Почти, – не стал врать литератор. – Вообще-то это военная тайна, но тебе я её немного приоткрою: человек, который находится рядом со мной, имеет на погонах аж три звезды!

– Старший прапорщик, что ли? – проявила неожиданное знание Стелла, после чего

писатель испуганно отключился, а Батыршин проникся к *неизвестной* неприязнью, которая могла бы назвать его, обладателя трёх звёздочек, или полковником, или даже генерал-полковником, но не назвала!

Второй причиной стало появление возле покерного столика сразу двух дворовых детей крайне малого возраста – дочек Ариадны Покровской с красивыми русскими именами Таня и Таня, о которых мой памятливый читатель узнал ещё в главе 76 второго тома романа. Они, нежно баюкая резиновых пупсов, страдающих базедовой болезнью, неожиданно прислонились к колену военного музыканта с двух сторон, вызвав у Салихдзяныча ещё больший стресс, чем минутой ранее, так как ему показалось, что все присутствующие теперь начнут думать о его дополнительном отцовстве.

Видно, рай уже не светит
(впрочем, как и всем отцам):
многих я детей на свете
раскидал – от разных мам!

«Дети, пожалуйста, не ломайте мои нервные клетки», мог бы сказать трубач красивую фразу, если бы обладал фантазией писателя Кулемзина, «ведь там живут мои нервные тигры», но, разумеется, промолчал, так как не обладал ничем подобным.

– Старичок, не расстраивайся, – видя, как начал мучиться еврейский зять, решил утешить его Володя. – Жизнь – она же система не линейная…

Услышав такую мудрёную мудрость, Серёнька Афанасьич немедленно выхватил из котомки любимую книжечку «Для му.мы.» и приготовился внимать дальше.

– …Мы знаем только две её точки, – продолжил учпучмакский мудрец, – точку входа (рождение) и точку выхода (смерть). А вот что между ними, мог бы, например, знать только *дедушка*, если бы, конечно, существовал!

«Хорошо, что *дедушки* нет», тут же запротоколировал мысль сторож. «Иначе у него, мать честнáя, между (ног?) были бы какие-то две точки!»

«А причём здесь ёперный я?», подумал унтер-офицер, но мысли о детях – своих и чужих – всё-таки куда-то улетучились.

– А при чём здесь Талгат, святой Малевич? – поинтересовался Николаич.

– А это, Валера, только великий знаток русского безобразия Достоевский мог бы объяснить, но он, к сожалению, вот уже как 122 года покойник.

Был талантлив, остроумен,
но попал под трибунал:
если б вовремя не умер,
ещё б много написал!

«Смотри-ка, как мало мы, умные люди, живём», подумал бывший текстильщик, но записывать эту мысль не стал, а вот вслух, к сожалению, спросил Кулемзина:

– Это который «Евгения Онегина» написал?

– К-к-какого Евгения?! – от волнения даже стал заикаться Альбионыч. – Ты, Серёжа, что, совсем с ума съехал?

– Ну, не «Муму» же! – справедливо попенял ему охранник. – Кстати, а ты не мог бы напомнить, что там в этом «Онегине» Достоевский сочинил?

Великий писатель земли русской и саксаульской вздохнул, но дальше спорить не стал, ибо почувствовал, что этот спор может затянуться надолго, и согласно кивнул головой: мол, ладно, расскажу, но только очень коротко.

– Давай! – дал отмашку Полтавцев, после чего услышал четыре коротких строки:

«Татьяна – редкостная дура,
Евгений – редкостный мудак,
а Пушкин редкостно талантлив!»
Всё, я закончил пересказ…

И хорошо, что охранник слушал не очень внимательно, иначе вопрос идентификации Достоевского-Пушкина возник бы снова.

Глава 193. ПРИХОДИТ ВЕЧЕР С НОВОСТЯМИ

И, наконец, случилась ещё одна причина столь ненужного перерыва в игре, но здесь уже ни от кого ничего не зависело, ибо на благословенной территории Бермудского Учпучмака возник временной фактор в виде 17 часов вечера. А мой внимательный читатель наверняка помнит, что ежедневно именно в это время неутомимая радиослушательница Ангелина Ивановна включала свой отвратительный аппарат, чтобы познакомить жителей окрестных домов с новостями родной Республики Саксаулии и близлежащих стран, а также рекламными объявлениями, порой весьма забавными, и автор только порадовался этому, потому что сейчас начнёшь радоваться и ты, мой читатель!

«Отцеябловское время 17 часов. Время новостей», на весь второй микрорайон сообщила ведущая радио «Азия Минус», которая всегда читала новости тревожным голосом, словно призывая слушателей проникнуться заботами нынешнего дня. «Вначале – новости из России»

«В российском инновационном центре «Сколково» представили первые умные часы отечественной разработки стоимостью 99999 долларов США. Они могут не только показывать время и пульс, но и писать явку с повинной на шести листах от руки»

«По предложению президента Путина в России создаются ВКС, или Воздушно-космические силы…»

В Володе, который услышал это невероятное сообщение, тут же проснулся знатный филолог, и в голове его запрыгали разные критические мысли: «По-моему, в названии «Воздушно-космические силы» какой-то недоумок из правительства соединил весьма разнородные понятия – вроде кислого с горячим. Если бы я был советником Путина, то предложил бы *правильные* названия: либо Атмосферно-космические войска, либо Воздушно-вакуумные силы»

«Может, это не лечимо?»,
слушал новость и мертвел.
«Будем в космосе мочить мы
тех, кто в космос прилетел!»

Между тем новости новости и не думали кончаться.

«Продолжаем российскую тему», объявила ведущая. «Вот какие новости сегодняшнего дня мы объединили в рубрику «В мире интересного»:

«Провизор аптеки № 16 города Урюпинска с 25-летним стажем Иван Петрович Фараонов, находясь на отдыхе в Иране, во время экскурсии случайно расшифровал клинопись V века до нашей эры»

«Вчера у любителя выпить Петра Ивановича Бахчисарайского младшего из города Махачкала его «Волга» в который раз впала в Каспийское море»

«Учитель алгебры Аркадий Семёнович Трахтарарахтенберг из посёлка Кимры очень расстроился, когда, вернувшись с работы, нашёл свою жену с двумя неизвестными, и начал решать это уравнение с помощью охотничьего ружья»

«Группа подмосковных бомжей, нашедших цистерну метилового спирта возле посёлка Горки-10 Одинцовского округа Московской области, буквально ослепла от счастья»

«Пациент московской психиатрической больницы № 1, более известной гражданам России как дурдом на Канатчиковой даче, много лет считающий себя Иваном Сусаниным, ещё позавчера повёл группу польских врачей, которые приехали сюда поделиться опытом, показать, в какой палате он лежит. До сих пор их никто не видел»

Тараканам стало тесно в голове,
и они с чертями там сцепились!
Так-то психи мы реально все,
а в психушках те, которые спалились…

«Школьники из кружка «Юный омоновец» школы № 222 города Санкт-Петербурга разогнали уже шесть родительских собраний»

«Российская пара Сергей Сидоров и Марина Сидорчук проиграла чемпионат Европы соревнование по танцам. За два часа Сергей так и не решился пригласить Марину»

«Решением Госдумы Российской Федерации день 7 марта объявлен днём работников торговли, продающих всякую фигню к дню 8 марта»

После музыкальной отбивки ведущая радио «Азия Минус» принялась за ежедневную работу снова.

«А теперь новости нашей страны»

«В конкурсе «Лучший детский рисунок на асфальте», прошедшем вчера на Дне города Отцеябловска, победил сержант Мырзабаев из местного отделения ГАИ с композицией «Шла Шамшат по шоссе, и тут хренак – КАМАЗ!»

«В отцеябловском ЦУМе появилась в продаже разработка местных учёных – сковородки с электронным антипригарным покрытием. Когда еда начинает пригорать, у вас автоматически отключается интернет»

«Саксаульские космонавты провели забастовку перед зданием парламента Республики Саксаулия. На вопрос нашего корреспондента о причинах протеста один из космонавтов ответил, что они возмущены недавним введением налога с оборота вокруг Земли!»

«И вновь о нарушениях прав потребителей. Вчера в сауну «Hot Chicks»[322] под видом элитных проституток привезли заурядных шлюх. Клиенты исписали всю книгу жалоб, пообещав в следующий раз пожаловаться акиму города»

[322] «Горячие тёлки» – англ.

«Новости науки. Саксаульские учёные разработали новую марку железобетона – с добавлением виагры. По предварительным прогнозам экспертов, здание, построенное из такого материала, будет стоять вечно»

Виагра – для мужчины зрелых лет
спасение! Но, чтобы быть в ударе,
послушай замечательный совет:
виагру надо есть с «Растишкой» в паре!

Прослушав странные новости, Альбионыч немного взволнованно воскликнул:

– Вот было бы круто, яйчики-бабайчики, если бы перед выпусками таких вот новостей женский голос сообщал следующее: «Внимание! Все события и герои вымышлены, любые совпадения с реальностью случайны!»

После музыкальной отбивки, как всегда, начался рекламный блок, который традиционно звучал ещё на 6 децибелов громче новостей, а голос радиоведущей стал слаще ещё на 42 процента. Почему-то на этот раз услышанные покеристами и художником рекламные объявления были на тему еды и питья.

«Вы любите лошадей? Вам нравится это изящное, сильное, грациозное животное? Вы с придыханием любуетесь его мускулатурой? Тогда только для вас! Оригинальная колбаса «Первая Конная»

Следующая реклама была разыграна как бы в лицах заинтересованных в ней саксаульцев:

«– А вы пробовали новую водку «Мона Лиза»?

– Нет! А какая она?

– Два-три стакана – и странная улыбка уже никогда не сойдёт с вашего лица!»

Жила-была на свете Мона Лиза,
её маманя в муках родила,
и Лиза та была не без сюрприза –
ну, очень уж загадочной была!
Зевают ртом в музее ротозеи,
улыбка Лизы торкнула, видать,
и маются учёные в музее,
улыбку ту не в силах разгадать…

«Посетите нашу чебуречную «Кот Феликс»! Двойная вкуснятина!»

«И в заключение нашего выпуска – пара объявлений»

«Молодой носитель тестостерона ищет красивую носительницу эстрогена для совместного выделения эндорфинов. Телефон для связи…»

«Вниманию сексуальных маньяков города Отцеябловска. В Доме культуры «Трикотажник» имени маркиза Альфонса Жан-Батистовича де Сада завтра в 18.00 проводится вечер «Для тех, кому уже невмоготу»

Я тех, кому невмоготу
заместо мужа предпочту!

– Как хорошо, царица лесная, что есть радио! – неожиданно вскричал Серёжа, ещё раз подтвердив неясные слухи о своей полной невменяемости. – Узнáешь, что в мире делается, и никаких книжек не надо!

«А «Русская кочерга»?!», хотел было возмутиться автор нашего романа, но не стал, а вместо этого вспомнил, как почти 53 года назад, а, точнее, 13 октября 1957 года на одном китайском государственном совещании некий Мао Цзэдун[323] сделал почти такое же заявление: «Не надо читать много книг!»

[323] Мао Цзедун (1893-1976) – китайский государственный и политический деятель XX века, главный теоретик маоизма. До конца жизни – председатель Коммунистической партии Китая и председатель КНР – прим. полит. редактора

Великий вождь изрёк: «Не надо много книг –
они длинны, а надо всё нам делать вкратце!»
Народ всё понял, мысль вождя он вмиг постиг –
и с той поры китайцы стали размножаться!

А Кулемзин вслед за воспоминанием автора тоже вспомнил кое-что, а именно популярный плакат того времени, правда, несколько плагиаторский – вот такой:

И тут Ангелине Ивановне пришла в голову свежая мысль: она переключила радио на другую волну, откуда и пришло сообщение о том, что «Поразительную статистику выявили наши корреспонденты…», но тут же отключилась от Великого ▲ вообще. Надо ли говорить, что это было знаменитое веерное отключение…

Глава 194. КОНФРОНТАЦИЯ С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ИСХОДОМ (ещё одно неокончательное окончание)

Итак, на чём же остановился автор, описывая нелёгкую битву своих персонажей? Да на мысли о том, что «всё-таки это был не конец – надо было сыграть ещё половину этого решающего роббера», ведь от того, как сложится ситуация вэтот момент, зависело многое, и, прежде всего, смогут ли сильно отставшие ученики великого гуру догнать его.

Но нет, не сумели, и больше всех расстроен этим фактом оказался педагог. Он уже пятый раз пересчитывал выигранные взятки, но каждый раз не досчитывался двух, меж тем как Володя давно уже записал в его персональную *раскладку* минус 45 очков. Такие же минусы получили и остальные его соперники: музыкант пролетел на одну взятку, а Афанасьич, не желая отставать от соседа по лестничной площадке ни в чём, также на две.

После шесть по полстакана[324]
будем мы в дуду дудеть:
от тебя я не отстану –
ни в учёбе, ни в труде!

[324] Разъяснение специально для иностранных читателей: русский гранёный стакан для водки (до верхней риски) наполняется на 200 граммов, так что полстакана – это 100 граммов, а 6 таких наливаний составит 600 граммов, что является вполне легитимной нормой для среднего русского мужика – прим. автора

– Давайте не будем устраивать искусственные карибские кризисы! – весело предложил Кулемзин и сдал следующий роббер, теперь уже абсолютно твёрдо убеждённый в том, что до конца партии его не догонит никто. Далее игра развивалась немного в стиле

Бертольта Бертхольдовича Брехта, то есть по его теории (прости, русский язык!) эпического театра.

Нуртай продолжал играть свою тухлую роль негодяя, сделав в общем-то верную ставку на ошибки Полтавцева, который сидел слева от него, а, значит, ходил на секунду раньше, и, если у ленинца была возможность забрать взятку, то он тут же делал своё паскудное дело, причём, не ошибался, ибо чувствовал, что под правую руку его постоянно толкает хвост рогатого патрона *иблиса*.

На удивление комбинации в игре возникали простенькие, и ошибиться в этом случае мог только глухой, слепой и безмозглый пеликан, но некий уроженец деревни Семижопино, словно вспоминая своё босоногое детство, а не думая над ходами, умудрился перещеголять и его (пеликана, а не детство).

«Да, яйчики-бабайчики», философски подумал единственный философ в компании, «добровольно уступающие победу не имеют обыкновения страдать от поражения, потому что получают взамен другое – ощущение победы над собой или, вернее, ощущение победы над тоскливой правильностью мира»

Поединок идеален,
если ты в бою баптист:
победи себя – и палец
вниз надменно опусти!

Не отличался хорошей игрой и вконец расстроенный военный трубач. Марсианин постоянно замечал его прыгающий, как блоха, взгляд, а при последнем роббере Салихдзяныча вообще перекосило так, что на несколько секунд он стал больше напоминать не собственную фотокарточку в офицерской книжке, а портрет работы Пабло Руисыча Пикассо. При этом он (Салихдзяныч, а не Руисыч) выражался разными военными выражениями, недоступными разуму штатских людей – типа «Мать твою кочегаром на «Титаник!», «Чесать мой ёперный череп под фуражкой!» и «Да это будет вам чревато боком!»

Как достану культиватор,
как доверюсь я ножу, –
будет боком вам чревато
то, что раком предложу!

В это время Альбионыч, анализируя пришедший роббер, заметил, что охранник стал пристально приглядываться к картам, словно на 51-м году жизни наконец-то понял, что плохо видит. Марсианин мгновенно настроил свой ПТИЦ, или Принимающе-Технологический Информационный Центр, и прочёл последнюю серёжину мысль: «Пора к доктору сходить… как его…к очкологу!»

«Прямо какие-то кардинальные виражи жизни!», решил Володя, выразительно посмотрев на Серёжу, точно спикер на амурский бамбук, который внезапно решил выступить в японском парламенте, и не стал отвлекаться дальше, тем более что почувствовал: для того, чтобы ещё раз решительно закрепить успех, ему (Володе, а не бамбуку) сейчас был нужен джокер – как кальций костям.

Но сторож не дремал: увидев, что лишний джокер, которого так алкал литератор, пришёл к нему, он, не став внимательно разглядывать остальные карты, выкрикнул очередную глупость:

– Играем по мизе́рам, мать честная!

, после чего тут же заявил три взятки из десяти карт.

«Ага», ещё раз философски подумал философ, «значит, ты будешь три лишних взятки из своего кислого роббера выжимать, а мне беду под ребро?! Ну уж нет!»

И в этот момент прозвучал тихий голос Мусаича:

– Отменяю, мать моя партия.

– Как, святой Малевич?! – поражённо воскликнул Муравлёв, словно именно эта игровая позиция задела струны его тонкой души художника.

– А тебе-то что? – неожиданно довольно откликнулся старший прапорщик, к которому на этот раз пришли весьма крупные приличные карты.

Приличная карта меняет свой облик,
словив по тыквизму огромной оглоблей!

«Ну, что ж, война так война», сладко подумал Альбионыч. «Видит *дедушка*, не хотел, да что ж теперь поделаешь…», а вслух сказал:

– Был бы выбор, никого бы не трогал, ходил бы, всем конфеты раздавал! Да ни ты, Серёжа, ни ты, Нуртай, выбора мне не оставили…

– А я? – взволнованно спросил Валера.

– А твой, Валера, выбор, он же жребий, он же крест, он же рок, он же удел…

«А женского рода нет?», подумал сластолюбивый музыкант.

«Конечно, есть», мысленно ответил знатный филолог и закончил свою мысль:

– …она же доля, она же планида и она же чаша сия – по окончании этой партии принести коллективу необходимый бензин для наших уставших натруженных моторов!

– А я лично, мать моя КПСС, бензин пить не буду! – не поняв (прости, русский язык!) метонимического выражения писателя, закричал большевик, а затем тихо, чтобы не слышали вот эти все, прошептал:

– Ну, разве что только партия прикажет…

– Да, – на эти глупые слова заметил Кулемзин, – даже я, невзирая на мою перекрученную фиктивную жизнь, располагаю всего лишь определённой границей моральных стандартов…

Ведь видно же по картам,
что, с совестью в ладу,
моральные стандарты
я с детства не блюду!

Глава 195. КОНФРОНТАЦИЯ С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ИСХОДОМ (почти окончательное окончание)

И, пока живописец ходил за пивком для всего коллектива, весь коллектив, забыв об этом пивке, занимался тем, что уничтожал себе подобных – к счастью, только морально. В воздухе (тоже, к счастью, только морально) мелькали и свистели клинки разной длины, проносились пули и ядра разного калибра, и под покерным столиком текли уже две полноводные речки – крови и соплей!

Было заметно, что сражающиеся… тьфу, игроки… страшно устали и сейчас жаждали только одного – завершить эту иблисову партию, дождаться Муравлёва из сельпо и получить неземное наслаждение от вкушения самого благородного напитка на свете.

Пьём мы всё, что льётся жидко,
но, читатель, так и знай:
лучше нет у нас напитка,
чем с душицей яркий чай!

К этому моменту им осталось сыграть всего лишь пять коротких робберов да последнюю *тёмную*, на которой они все, за исключением Кулемзина, который оставался непобиваемым лидером, мечтали подняться настолько, чтобы занять хотя бы второе место, ведь и оно приносило неплохой дивиденд в виде 3 очков в общий рейтинг игроков. Никто из них не знал, что́ именно этот рейтинг отображает, ведь смысла в нём было не больше, чем в выведении формулы траектории полёта воробья, поклевавшего крошек, смоченных водкой, но покеристы стремились, чтобы число в рейтинге против его буковки было как можно больше. Наверное, так маленькие мальчики в детских садах во время тихого часа меряются своими пиписьками, хотя и не знают, для чего.

Но Сука-судьба, эта дамочка, которая, надо сказать, редко баловала нашего главного героя по жизни, именно в этой партии, видимо, решила быть снисходительным к Альбионычу до конца: по мере приближения к последней *тёмной* его счёт неуклонно рос, а вот остальные плелись далеко позади, а кое-кто (взять хоть бы того же Полтавцева) даже несколько преуменьшил свои достижения, но сидел тихо и радовался тому, что, по всей вероятности, закончит игру не в *шпале*. Он часто, но осторожно рисковал, вновь пролетал, но каждый раз интересовался у *записывающего* Володи, сколько ему ещё осталось жить.

Я теперь вегда печален,
ибо в тыкве моей взрыв:
тихо жизнь кончаю в шпале,
минус по судьбе словив!

Так что название этих нелёгких глав (см. выше) наконец-то потеряло свою актуальность, ибо исход боя стал совершенно предсказуемым.

И вот, наконец, покеристы вплотную приблизились к последнему аккорду этой партии: осталось сыграть всего один роббер – *тёмную* на 12 картах, которая в условиях (прости, русский язык!) доминирования литератора должна была ответить всего лишь на один вопрос: кто займёт второе и третье места́, так как первое и четвёртое уже давно и без споров распределили между собой Володя и Серёжа. На этот раз рисковать не решился никто, и честная *раскладка* – до того, как игроки имели право посмотреть, что им на этот раз подсунула Сука-судьба, отразила на своей белоснежной странице против инициалов игроков одинаковую цифру 3.

Без подсказок и натяжек,
кто бегом, а кто ползком,
одинаково закажем,
но по-разному возьмём!

И если мой читатель умножит её (цифру 3, а не Суку-судьбу) на четырёх участников сего сражения, то тут же получит как раз заветное число 12, и поймёт, как же трудно иногда становится тем, кто сейчас не сидит в уютном кресле под торшером, мусоля в руках эту толстую книжку, а вертится на покерной скамеечке, стараясь заглянуть в карты соперников, и на ходу составляя грандиозные планы по *значительному перебору* своих взяток – с тем, чтобы откатились далеко назад все остальные (кроме марсианина), и чтобы заветная цифра 3 в общем рейтинге досталась именно ему.

Надо ли говорить, что именно такие мечты принадлежали неугомонному коммунисту, тем более, что он получил весьма неплохое предложение на этот завершающий игру роббер: сейчас подрагивающие руки Мусаича судорожно зажимали (среди прочего) пару младших джокеров, четыре козыря разного достоинства, но ближе к крупным, и двух тузов некозырных национальностей. В другом случае он, не задумываясь, начал бы хапать

взятки подряд, без разбора, но сейчас сосредоточился только на одном противнике. Попробуй, мой читатель, угадать, на каком, и автор уверен, что ты ошибёшься! Ну, как, попробовал? И наверняка назвал Кулемзина? А вот и нет: Нуртай понимал, что Володю в данный момент догнать было невозможно, поэтому сейчас озаботился получением второго места, а, значит, основным врагом на этот период времени назначил бедного военного музыканта.

Пропадлючий план загадан:
трубача огреть прикладом!

Но – пора было начинать игру. Первый ход был за Курманбаевым, и все игроки вдруг увидели, что так называемые зеркалá души[325] Нуртая заюлили, озаряя махновским счастьем его лицо, хотя было видно, что взгляд педагога сейчас был тяжёлым, точно банковский сейф. Чтобы показать, как ему сейчас хорошо и радостно, большевик словно бы от восторга хлопнул себя рукой по коленке – так сильно, как если бы стряхивал снег с дублёнки. Но за долгие годы игры в *русскую кочергу* покерный гуру научился распознавать, что скрывается за той или иной интонацией, за тем или иным жестом, – как опытный ювелир с поразительной точностью определяет чистоту драгоценного камня.

[325] Выражение «Глазá – это зеркалá души» издавна приписывают Льву Толстому, хотя никто никогда так и не нашёл ничего подобного ни в одном из 90 академических томов данного писателя – прим. автора

– Мизер, мать моя КПСС!

Все одновременно вздрогнули, словно они ехали в грузовике и их подбросило на ухабе. Теперь потерпевшие сидели слегка обалдевшие, с недоверчивым выражениям на физиономиях, как будто минуту назад здесь был Дэвид Кайманович Копперфилд, который показал невероятный фокус с исчезновением у всех игроков недопитых бутылочек пивка, после чего исчез в несуществующем дупле рядом растущего карагача.

«Беда», начал думать Володя. «Барометр падает…», но развить эту интересную мысль ему не дали дворовые дети, которые сейчас гоняли по периметру Бермудского Учпучмака, словно древние римляне на боевых колесницах, но не молча, а орали при этом так, что оглушённые мухи, которым выпало горе залететь именно в этот квадрат второго микрорайона, умирали прямо в полёте.

Как легко мы малых губим,
жизнь пытаясь погасить:
бедных мух никто не любит –
все мечтают погубить!

Глава 196. КОНФРОНТАЦИЯ С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ИСХОДОМ (окончательное окончание)

Все отреагировали на этот выпад педагога по-разному: писатель равнодушно, так как знал точно, что возьмёт свои три взятки, сторож-охранник насупился и задышал часто и хрипло, точно пёс, рвущийся с поводка, а вот старший кларнетист… Кулемзин посмотрел на прапорщика и поразился: глазá у военного сейчас как бы стеклись к переносице, словно стремясь перескочить друг к дружке, что наверняка должнó было выражать крайнюю степень его изумления.

– Мужайся, – видя мучения Талгата, поддержал его Альбионыч, – такое часто случается со всяким, кто нацелен делать добро.

И всё было бы хорошо у Курманбаева, и план его, такой отличный и добротный, мог бы сработать на славу, если бы не одно *но*. Как наверняка помнит мой читатель, пришли к Нуртаю два младших джокера, а вот старший джокер и покер вновь по воле так называемого рока (причём, речь в данном случае идёт вовсе не о музыкальном направлении) появились в руке марсианина. А это означало только одно: крах всей кампании ленинца – как бы он ни старался взять второе место! Но Мусаич пока не знал об этом и потому смело пошёл одним из *грандов*:

– По козырям!

По правилам игры все послушно скинули самые старшие козыри (а Салихдзяныч со стоном и вовсе своего туза), после чего Альбионыч забрал взятку покером и сделал следующий ход – старшим джокером, произнеся:

– По джокерам, яйчики-бабайчики!

, хотя всем было понятно, что джокер в игре остался только один, да и тот младший.

Не веря своим ушам, преподаватель еврейского колледжа расстался с последней надеждой, после чего произвёл перекличку в своих рядах, всё ещё надеясь на что-то светлое и хорошее, что могло бы произойти, но только в одном случае – если Володя всё-таки оставит свои гнусные попытки по его дискредитации!

Не опасаясь опохмелок,
и над бедой чужой смеясь,
дискредитирую я смело,
дискредитатором зовясь!

У партийного педагога сложилось ощущение, что пресловутая синяя птица имени Мориса Полидоровича Метерлинка на минутку присела рядом с ним, затем быстро нагадила ему на штаны и тут же улетела по своим сказочным фауническим надобностям.

А у покерного гуру, напротив, всё было замечательно. Он чувствовал, что стоял (а, вернее, сидел) сейчас на верном, как курс реформ, пути, и его личный творческий план по выведению Батыршина на второе место был прост, как составленный с похмелья милицейский протокол.

– Ты что задумал, святой Малевич? – тихо спросил у писателя Муравлёв, который видел страдания Нуртая, но никак ему не сочувствовал.

– Я не пахан римский, – также тихо ответил ему Володя, – но готов отдать индульгенцию. За наличные. Да и то не всем.

Живописец ничего не понял, но согласно мотнул головой. Да и как было не согласиться: время докатилось до отметки в полшестого вечера, и, значит, как минимум, ещё полтора часа весь коллектив, включая него, будет зависеть от левого кармана володиной рубашки.

Нет, не может быть промашки –
будет всё у нас o’key:
у рубашки есть кармашки,
а в кармашках – 100 рублей!

В общем, чтобы долго не объяснять, партия завершилась так, как и планировал Альбионыч: его план нашёл боковую или, как пишет в своих (прости, русский язык!) пуантилистских романах некий Вл. Горький, (прости, ещё раз!) *коллатеральную* струю.

– Надо же, я вырвался на второе место! – радовался старший корнет, даже не догадываясь, что его победа была предопределена только тем, что Кулемзину не хотелось, что-

бы это место занял Курманбаев, который сейчас сидел крайне печальный и тихо раскачивался, словно во сне катался в голубой лодочке по Бискайскому заливу.

Доиграли! Что же видим мы в *раскладке*,
как на этикетке *знаковой* бытыли?
Ускакали деревянные лошадки,
пароходики бумажные уплыли…

Радовался и Полтавцев, причём, сразу двум факторам: во-первых, он блестяще завершил партию, хотя и на четвёртом месте, но не в минусе, и, во-вторых, тому, что его моральные мучения были вознаграждены одним очком в общий рейтинг. «Конечно, этого недостаточно», счастливо думал он, «но ведь с первого шага начинается путь в 22 метра к магазинчику Калимы…», а вслух радостно выкрикнул:

– И пусть все запомнят силу моего ответного удара!

– Серёжа, – улыбнулся на это литератор, – ты, наверное, забыл, а, может, даже никогда и не знал (хотя в это верится с трудом!) первый закон нашей жизни.

– Скорее всего, забыл, – со счастливой улыбкой поведал Афанасьич. – Вот первый закон Исаака Исаакыча Ньютона помню, первый закон Грегора Антоныча Менделя помню, первый закон Георга Иоганныча Ома тоже помню, и даже первый закон Густава Робертыча Кирхгофа отлично помню, а вот такой, как ты сказал, что-то подзабыл!

– Ну, тогда вспоминай, – улыбнулся просветитель:

Сила ответного удара должна быть равна силе врага!

И в этот момент Мусаич словно бы проснулся в своей голубой лодочке и тихо, но зловеще произнёс:

– То, что все вы сейчас сделали со мной, есть террор против моей свободной личности, – а затем вообще произнёс вот такую ахинею:

– И если бы не это, я бы сейчас был не то что на втором, но даже на первом месте!

– Сослагательное наклонение, старичок, – серьёзно ответил ему единственный философ в покерной компании, – применительно к собственной жизни употребляют люди не совсем умные. Эдак любую жизнь можно превратить в сплошное несчастье, сто́ит только немного вспомнить, что́ ты в ней упустил. И всё-таки лучше думать о хорошем, что действительно было. Вот это и есть праздник, который всегда с нами!

Ежедневно с нами праздник,
коль пивко нам куртуазней!

Но, не смотря на столь бодрую концовку и партии, и этого разговора, ветвистые водоросли воспоминаний словно бы проросли в голове писателя-историка – всего лишь из-за одного нуртаевского слова *террор,* постепенно превращаясь в очередной Хронотоп на наших великих старницах.

Глава 197. О ТЕРРОРЕ ПОД ЗНАКОМ ЕПУ (Хронотоп № 34)

Надо заметить, что Кулемзин всю послеоктябрьскую историю делил на свои собственные эпохи:

Террора Подвального (когда при Ильиче I расстреливали людей в подвалах ЧК)

Большого Террора (при Сталине)
Террора в Пределах Ленинских Норм (при Хрущёве)
Террора Выборочного (при Ильиче II)
Террора Промежуточного (при Андропове, Черненко и Горбачёве) и
Террора Без Границ (90-е годы)

Последний Террор отличался от предыдущих тем, что осуществлялся уже не во славу ЕПУ, – он перестал быть централизованным и значительно упростился: кто попало приговаривал к смертной казни кого попало за что попало. Люди уничтожали друг друга всеми возможными способами, закалывая ножами, расстреливая из охотничьих ружей, дробовиков, винтовок, пистолетов, автоматов, пулемётов, гранатомётов, с помощью яда, химических испарений, радиоактивных излучений и взрывных устройств.

К счастью странно путь протоптан:
убивать нам лучше оптом!

Такая эпоха отличалась высокой эффективностью и нулевой раскрываемостью: кого убили, мы знаем всегда, а вот кто убил – навсегда останется тайной. Повсюду, в городах больших и малых, орудовали банды, всем известные с известными паханами, ворами в законе, которые ни от кого не прятались, а, напротив, разъезжали в бронированных лимузинах с охраной, вели международный бизнес и хранили деньги не в стеклянных, а в оффшорных банках, не говоря уже о банках Швейцарии и «Bank of New York»

Да, кстати, а что же это за ЕПУ из позапрошлого абзаца, о котором так вольно рассказывает автор? Кстати, автору искренне жаль грядущие поколения, которые даже не могут себе представить, что было время, когда на всей обширной[326] территории СССР (б) торжествовала обязательная для всех трёхсот миллионов населяющих эту территорию народов, народностей и племён (порою довольно диких) общая система передовых во всех отношениях взглядов, называемая ЕПУ, или Единственно Правильное Учение.

[326] Не путать: обширной, а не оффшорной – прим. автора

Разум наш такой кипучий,
правда, вовсе без тепла:
как вам жить, мы вас научим,
и, заметьте, забеспла…

Учение, разумеется, было единственно правильным и проповедовалось также единственной (в других не было нужды) политической партией. Правда, для историков до сих остаётся одна странность: внутри партии все её члены, признавая ЕПУ единственно правильным, всё-таки разделялись на два недружелюбных друг к другу течения, одно из которых называлось марксисты-ленинцы, а другое – сталинисты[327].

[327] Удивительно, но наш герой Курманбаев одновременно примыкал к обоим течениям – видимо, ему было так удобнее колебаться вместе с постоянно изменяющимися генеральными линиями КПСС (б) – прим. автора

Марксисты-ленинцы были хорошими марксистами, добрыми. Они хотели установить на земле хорошую жизнь для хороших людей и плохую для плохих, но обязательно в соответствии с ЕПУ. И поэтому плохих людей просто убивали, а хороших (по возможности) оставляли в живых. А сталинисты были по сути своей демократами, так как убивали всех без разбору, а ЕПУ считали не догмой, а руководством к действию. Именно поэтому

в противовес им марксисты-ленинцы считались гуманистами и истинными приверженцами ЕПУ. Сталинисты же были привержены только Сталину и готовы были идти только за ним – в любую сторону, куда бы он их не повёл.

За Уралом, на Байкале
ты больной лежишь в избе,
но не бойся – знает Сталин,
помнит Сталин о тебе!

Альбионыч часто задумывался над тем, почему это ЕПУ считается единственно правильным и научным, и почему ради грядущего блага народа надо было кучу этого же народа убивать в застенках ВЧК, топить на баржах, травить дустом, морить голодом и вымораживать в неотапливаемых коммуналках? И не лучше ли было придумать какое-нибудь ЕНУ, или Единственно Неправильное Учение, но только чтобы оно было к людям как-то помилосерднее?

Однако до сих пор приверженцы ЕПУ говорят, что такая теория всё-таки была очень-очень хороша, да вот *иблисова* практика немного подкачала. Например, Ильич I правильно разработал, а вот Сталин неправильно применил. Скажите тогда: кто, где, в какой стране правильно применил ЕПУ? Хрущёв? Брежнев? Мао Ичанович Цзедун? Ким Хенович Ир Сен? Хо Ши Мин Шиньевич? Пол Пекович Пот? Фидель Анхелевич Кастро или Эрих Вильгельмович Хоннекер? Кто? Где? Когда? Что же в этой теории было такого хорошего, если она никакой практикой нигде и ни при каких обстоятельствах до нынешних пор подтвердиться так и не смогла?!

Под красивым стягом алым,
в коллективе дружном,
нас учили как попало,
не тому, что нужно…

Глава 198. В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЫ

И тут – на радость читателю, которому явно надоело читать эту околополитическую лабуду, в кармане володиной рубашки раздался телефонный звонок, а, вернее, энергичная мелодия «Stone Belitver»[328] из концерта «Metamorphosis»[329] 1970 года замечательной американской группы из калифорнийского Сан-Диего «Iron Butterfly»[330]. Это было настолько неожиданно, что сидевший посередине Полтавцев вздрогнул, да так сильно, что разлил немного пивка на штаны Батыршина, судорожно пнул под покерным столиком ногу Муравлёва и толкнул плечом Курманбаева.

[328] *«Каменный верующий» – англ.*
[329] *«Метаморфозы» – англ.*
[330] *«Железная бабочка» – англ.*

– Васюхан звонит, яйчики-бабайчики! – тут же объявил писатель.

И, кстати, сделал это очень вовремя, так как своим угадайством пресёк на корню междуусобную войну среди знатных учпучмакцев, ибо все четверо кулемзинских визави недоумённо уставились на марсианина. Между тем всё было просто: данная модель телефончика позволяла устанавливать разные мелодии на поступающие звонки от разных людей, но откуда это было знать технически неподкованным игрокам и живописцу.

Даже страшно с непривычки
угадать, кто так важна:
телефон звони́т как птичка, –
значит, мне звони́т жена!

(И ещё одно кстати: автор, побоявшись того, что эти строки когда-нибудь прочитают герои романа типа Серёньки Афанасьича или Насиба Кураева и могут не понять написанное, последний катрен переписал специально для них:

В удареньях непреклонен –
по-иному не привык:
телефон как дятел зво́нит, –
значит, зво́нит лесовик!)

– Привет, Васюхан! – поприветствовал абонента Альбионыч. – Поздравляем тебя всем коллективом!

– С чем? – прорезался в аппаратике скрипучий голос.

– С тем, что ты до сих пор живой, – объяснил Кулемзин. – А то мы уже не знали, что и думать…

Митрохин хотел было рассказать бросившему его коллективу, как ему плохо одному, как тоскливо, грустно и тревожно, как тошно, гадко и муторно, как холодно, пасмурно и скорбно, но понял, что и половины этих сложных слов сейчас выговорить не сможет, поэтому свой вопрос сократил до минимума:

– Пьёте, гады?

– Кто что, яйчики-бабайчики, – затейливо ответил Володя. – Серёжа – «Жигулёвское», Талгат – «Маршала», а остальные – догадайся сам.

– Водочку? – оживился старший джус.

– Спи спокойно, дорогой товарищ! – пожелал в стельку пьяному квартиросъёмщику, где они недавно гостевали, марсианин, но тут же вздрогнул повторно, так как в телефончике прозвучала та же самая мелодия.

Литератор удивился, но нажал заветную кнопочку ещё раз:

– Васюхан, ты что-то хотел ещё?

– Хотел, – неожиданно трезвым голосом проскрипел антенщик. – Будете пить *по-серьёзному*, выпейте один тост за Таню и один за Веру! – после чего отключился.

– А это кто такие? – тихо, как заговорщик, спросил сторож.

– Это его жёны, – ещё тише, как большую тайну, поведал старший покерист.

– А как их звать? – поинтересовался Полтавцев.

– Мать честна́я Таня и царица лесная Вера, – ответил телефоновладелец.

– Странно, – нахмурил брежневские брови уроженец деревни Семижопино. – У меня такое впечатление, что я их откуда-то знаю…

Все немного посмеялись над дурковатым, но как-то не очень весело. А почему? Да потому, объяснит автор, что наверняка каждый из них (кроме Альбионыча) вспомнил свою свою любимую или «любимую»

И хотя в башке как в домне,
и в мозгах как грязный ил,
всех своих любимых помню –
потому что с ними пил!

♠♠♠

Человек очень хорошо помнит всё, что случалось с ним в прошлом. Все эти грустные и печальные моменты, весёлые и яркие события надолго остаются в нашей памяти. Иногда мы неосознанно приукрашиваем их, иногда, наоборот, придаём им меньшее значение, чем они были на самом деле. И, тем не менее, воспоминания надолго, а то и на всю жизнь, остаются с нами, и никуда от них мы не деваемся. Помните, как написал великий фантаст и тончайший лирик Рэй Леонардович Бредбери в своей самой реалистичной книге «Вино из одуванчиков»? Запомните оттуда только одну строку:

Что хочешь помнить,
то всегда помнишь…

Глава 199. НА КЛАДБИЩЕ ВОСПОМИНАНИЙ (безврéменный Хронотоп без номера)

Что же происходит с нами на самом деле? Когда мы заканчиваем телефонный разговор, он ещё какое-то время крутится у нас в голове. Если мы расстались с человеком, то внутри ещё долго могут прокручиваться сказанные фразы, мы можем видеть лицо этого человека, и т. д. и т. п. То есть, расставаясь, мы не расстаёмся, но продолжаем тащить за собой прошедшую и уже исчерпанную ситуацию. А ведь на поддержание этих фантомов уходит энергия и время нашей бесценной жизни.

И часами, и годами,
пирогами и церквами,
островами и горами,
берегами и ветрами
жизнь уходит вместе с нами.
И друзьями. И врагами…

Фактически мы живём на кладбище воспоминаний. Мы никак не можем отделаться от прошлого – и неважно, минуло оно только что или много лет назад, мы постоянно о чём-то вспоминаем, прокручиваем события и ситуации, которые исчезли навсегда. Когда мы строим планы, мечтаем о будущем, планируем или боимся чего-то, что, как нам кажется, может произойти, мы строим другую часть нашей параноидальной реальности, наше воображаемое будущее. Однако прошлое ушло и никогда не вернётся. И наше воображаемое будущее тоже никогда не наступит, и в действительности всё будет по-другому.

Теперь всё станет по-другому,
теперь другими станем мы:
молились в детстве мы святому,
боясь на свет пойти из тьмы.
Но вышли всё же. По-другому
теперь по миру мы идём:
навстречу горюшку глухому
и тем, кто с нами незнаком.
Бояться жизни перестанем,
но не заметим, что мертвы:
нет, по-другому всё не станет,
пока мы прежние. Увы…

Мы, конечно же, знаем это, но продолжаем безнадежно глючить и цепляться за наше порядком уже надоевшее *эго* и за тот мир, в котором оно живёт. Мы напоминаем скульптора, который всю жизнь делает памятник самому́ себе. И оно бы, может, и ничего, да бе-

да в том, что подавляющее большинство из нас несчастны в этой непрерывно воссоздаваемой нами матрице.

И напоследок – чтобы сгладить впечатление от этого трудного текста – *забава* от некоего саксаульского писателя Вл. Горького:

«В одной тибетской деревне жила давняя супружеская пара. И муж, и жена практиковали *дзен*, но при этом непрестанно ругались, бранились и ссорились по-чёрному. Тем не менее в конце жизни оба они впали в полную нирвану. Более того, в нирвану вместе с ними впали и их домашние животные – собаки и ко́зы.

А на мой изумлённый вопрос: «Как же так, граждане тибетцы?» нирванированный супруг без промедления ответил: «Просто таков был наш путь…»

Шепнуть, уснуть и промелькнуть –
вся жизнь вместилась в этот путь…

Глава 200. В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЫ (продолжение)

Как на протяжении нашей жизни меняется представление о любви? Да, собственно, никак не меняется. Скорее, меняется сам человек. А вот о своей роли, о своей значимости, о своей реализованности в любви – да, представление меняется, причём, отнюдь не в лучшую сторону. Покойная Наталья Медведева (правда, по несколько другому поводу) однажды сказала так:

**Человек живёт и всю жизнь наблюдает,
как не сбываются его мечты…**

То же самое происходит у человека и с любовью. Человек всю жизнь любит и позволяет себя любить, и вдруг понимает, что недовоплотился в этом во всём, не состоялся до конца. Да и просто не смог, потому что любовь – это то, чего нельзя, невозможно получить в достаточной мере. И это закон. Но это не страшный закон, как подумают многие, читающие сейчас этот толстый том. Это просто *объективный* закон. Ведь самое главное – воплотиться в друго́м. И любовь в этом смысле мало чем может помочь, и даже наоборот, скорее, помешает.

Самая распространённая иллюзия слабых людей – полагать, что любовь является решением всех проблем. Нет, любовь – это всего лишь *ещё одна проблема*, которую надо как-то решать, а вовсе не (прости, русский язык!) панацея от всех бед. А решать мы, как правило, не умеем. И вот тогда вступает в действие знаменитая русская поговорка *ждать у моря погоды*, то есть не делать ничего – авось само всё образуется. И пока ты так ждёшь или не ждёшь, совершая по торопливости или глупости необдуманные попытки спасти ситуацию, твой любимый (любимая) – уже в другом доме, и на пальчике у него (неё) победно сияет новое обручальное колечко…

Моногамны по природе,
просто думать ленимся:
снова замуж мы выходим
и повторно женимся…

«Какие хорошие мысли!», хотел было изумлённо воскликнуть мой читатель, но не успел, ибо в этот момент раздался ещё один звонок на аппаратик Кулемзина, правда, мелодия при этом была другой.

– Наташа, душа моя! – пропел он (Кулемзин, а не читатель) в чёрные дырочки мембраны, а рукой сделал знак Муравлёву, чтобы тот сидел, как выражался ещё в XIX веке покойный Владимир Даль, *тише травы*, после чего тут же начал вдохновенно врать:

– Знаешь, Валеры со мной нет. Он ещё вчера говорил, что сегодня пойдёт искать работу по специальности…

– При чём тут какой-то Валера? – громко вскипела супруга саксаульского тициана. – Я просто хотела посоветоваться с тобой – как с умным человеком!

– Это другое дело, – снизил градус обаяния Володя. – Советуйся.

– Я вот что подумала, – смешно спедалировала последнее слово толстуха, словно действительно когда-то о чём-то думала:

– Ведь главное – это сила воли! Правильно?

– Безусловно, – не смог отказаться от очевидного писатель, хотя и знал, что на са́мом деле самое главное на свете – это пиво «Тянь-Шань»

– Хорошо, что ты со мной согласился, – обрадовалась Муравлёва. – Поэтому я собрала всю свою силу воли в кулак…

Под напряженьем алкоголя
взошла *мысля* моя проста:
зажму в кулак я силу воли –
и задохнётся сила та!

Альбионыч представил силу воли в кулаке и чуть не рассмеялся.

– …и твёрдо решила не есть после 18.00, точно не есть после 21.00 и уж совсем ни крошки – после 23.00!

– Гениально! – одобрил план похудения толстый литератор, который сам неоднократно пытался похудеть по такому же плану, но у него ничего не получалось.

– Правда? – ещё раз обрадовалась чужая супруга, но тут же зловеще добавила:

– Встретишь Валерочку, скажи ему, что я сегодня возвращаюсь от мамы!

И хорошо, что сразу с двух сторон ко рту Муравлёва метнулись руки Салихдзяныча и Афанасьича, которые надёжно замкнули ему, как опять-таки выражался Владимир Даль, *уста*, готовые прокричать великую песню вселенской печали от радостного известия, после чего валерина любимая отключилась от разговора.

SMS пришла от друга –
сообщает мне мой друг:
«Возвращается супруга!»
Ох, как рад её супруг!

И вот тогда, не дожидаясь привычных звонков от остальных малозначимых *персонажих* нашего великого повествования, решил автор ещё немного поговорить на неисчерпаемую тему семейных отношений, хотя хорошо помнил, что уже посвятил этой теме це́лую кучу страниц в первом, втором, третьем и четвёртом томах романа, которые – если собрать их все вместе – можно было бы издать отдельной книжкой под названием «В поисках идеальной жены»

Глава 201. В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЫ (продолжение продолжения)

Зачем же вообще эти противоположности, то есть мужчина и женщина, нужны друг другу? Зачем им нужны взаимные упрёки, недовольства, непонимания, несогласия и ещё куча ненужных *не*? Почему же всё-таки они не могут прожить поодиночке, не компости-

руя мозги своему партнёру по совместной жизни? Да потому, что мужчина и женщина – это та же дуальная философская пара, как день и ночь, единица и ноль, чёрное и белое и т.д., дополняющие друг друга.

Много капелек – и льдина,
много крошек – и гранит:
мы в дуальности едины,
а поврозь – совсем одни!

Но понимание этого, которое, казалось, должно приходить и к тому, и к другой одинаково, чаще всего приходит к мужчине. Почему? Может, потому что мужик больше думает? Да вроде бы нет. Может, потому что у мужика меньше проблем и больше времени на обдумывание подобной чепухи? Тоже нет. Может, мужики как-то больше зациклены на семейной жизни, чем женщины? Свят, свят, конечно же, нет! И вот эта загадка, этот парадокс мучает автора нашего романа уж которую его толстую книжку, иначе зачем бы он посвятил этой нелёгкой теме уже больше сотни страниц из опубликованных четырёх томов да почти пять в этом, пятом.

И чем больше он (автор, а не пятый том) думает об этом, тем больше появляется новых вопросов и тем меньше становится на них ответов. Вот, например, такой вопрос: зачем *дедушке* было делать женщину из такого нужного в организме мужского ребра, ведь для этого вполне сгодился бы какой-нибудь бесполезный аппендикс? Ну что, попробуете объяснить сами или снова попрётесь за разгадкой этой тайны в церковь, где поп, кото-рого научили в семинарии отвечать на любые вопросы, обязательно расскажет вам (разумеется, со ссылками на так называемую книгу книг), как именно происходил процесс создания женщины, правда, не вдаваясь в медицинские подробности, да и к чему они, когда дураку, которому можно впаривать такую лабуду, они и не нужны, а нужно всего-то лишь слово *дедушкино*, кое он и сам, не приходя в это сомнительное место, мог бы прочесть, взяв библию с полки или посмотрев соответствующую страницу в интернете.

Судьба представится сервизней,
коль я её не извращу:
ведь всё, что нужно знать о жизни,
я в интернете разыщу!

А между тем в ветхозаветной книге Бытие эта медицинская операция описана вполне понятно, когда дедушка разбил её на следующие циклы:

Наставление-1:

«И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Бытие, 2:18)

Сама операция:

«И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию.

И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привёл ее к человеку.

И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа.

Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Бытие 2:21-24)

Наставление-2 (точечное, потому что в нём наставляют почему-то не обоих библейских персонажей, а только что сотворённую жену:

«Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твоё, и он будет господствовать над тобою» (Бытие, 3:16)

С годами понимаю я всё меньше
неравноценной сущности обмен:
мужчины завоёвывают женщин,
чтобы в конце концов попасть к ним в плен!

Правда, потом дедушка спохватился и всё-таки дал новообразованной семейке

Наставление-3:

«И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Бытие, 1:28)

Вот только одного не учёл бородатый озорник: что куда как проще владычествовать не над каким-то рыбами или носорогами, а друг над другом, потому что с тех самых допотопных пор мужчина и женщина живут рядом, а до «птицы небесной» ещё надо дотянуться!

Может, поэтому *дедушка*, сочиняя библию, точно также, как и автор «Русской кочерги», почувствовал, что раскрыл тему не до конца, и впоследствии сделал в свою толстую книгу множество дополнительных вставок на эту волнующую тему – во «Второзаконие», в «Притчи», «Псалтирь», «Екклесиаст», во все евангелия, в послания к коринфянам и ефесянам, к каким-то Титу и Тимофею, но также, как и автор «Русской кочерги», почувствовал, что тема эта бесконечна и нераскрываема, и бросил наконец это занятие!

«Тебя зажгу я так, что огнь взовьётся –
любовь нас изнутри сейчас сожжёт,
давай не начинай со мной бороться,
ведь это же не первый наш подход!»
Вот так, дурак, предался я надежде
любви прекрасной совершить глоток,
но в дураках остался – как и прежде:
машина где и где мой кошелёк?
Надежды нет никак на контратаку –
утеряна любви клубочка нить:
пришла тоска, как чёрная собака,
оставшись у порога погостить…

Но – хватит о грустном, пора поговорить о страшном и ужасном! Все участники очередного незапланированного конгресса, вновь посвящённого семейным отношениям, услышав слова Васюхана о своих бывших жёнах, вспомнили жён нынешних.

– Ну почему всё так, ёперные отношения? – обратился к Володе с нелепым вопросом один из участников.

И не успел писатель с философским уклоном ответить на этот вопрос, как тут же получил новый – ещё от одного участника:

– Да когда же это кончится, мать моя партия?

Но и его перебил третий участник, видимо, тоже вспомнив что-то своё:

– Святой Малевич, я уже третий год думаю над этим, но ни хрена не понимаю, как это меня вообще угораздило?!

– А чё тут понимать, царица лесная? – отозвался четвёртый участник, судя по этой реплике, самый толковый и понимающий среди диспутантов. – Сначала по морде, потом в магазин за *фунфыриком*, а потом в койку!

Жизнь в семье не без торговли –
мне гантель, ей карамель.
Я свою жену готовлю:
300 граммов – и в постель!

Глава 202. В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЫ (ещё одно продолжение продолжения)

И понял тогда Альбионыч, что ещё без одного разговора о семейных отношениях сегодня не обойтись.

– Если сравнивать женскую логику с квантовой физикой, – начал он нелёгкий разговор, – то по квантовой физике есть хоть какая-то научная литература, чтобы её изучить и понять, а вот по женской логике всего один источник – мой будущий капитальный труд под названием «Русская кочерга»

– Так ты не только про карты писать будешь? – удивился Серёжа. – А и про баб тоже?

– Да, яйчики-бабайчики, – горько сознался писатель, – буду. Но это – в недалёком будущем. А сейчас просто несколько наблюдений за предметом моего скромного исследования.

– Давай, мать честная, – разрешил Афанасьич.

И Кулемзин дал. Но, чтобы эта поучительная лекция показалась моему читателю настоящей научной работой, автор решил не размазывать сопли обиженных мужей по паркету, а дать самую суть проблемы – в виде кратких афоризмов, которые, тем не менее, являлись (прости, русский язык!) квинтэссенцией многолетних размышлений уже много лет холостого Альбионыча о том, почему же он к своим пятидесяти годам по-прежнему остаётся холостым.

Среди житейских передряг,
семейных боен
один лишь старый холостяк –
свободы воин!

Итак, вот эти наблюдения – всего числом 20. (А могло быть и больше…)

1

Женщина уже рождается с чувством, что её никто не ценит, не понимает и все хотят обидеть.

2

Женщины – они как чипсы: вредные, но очень хочется!

3

Женщины – это чрезвычайно хитрые создания: пришьют один раз тебе вешалку к пальто, а потом будут говорить, что отдали тебе всю молодость.

4

Замечено, что хорошая женская фигура со временем портится, а вот плохой характер – никогда!

5

Если у тебя нет денег, то женщины тебе не страшны.

Беды своей вижу масштабы,
да так, что кончина близка:
бросают знакомые бабы,
живу ведь я без кошелька!

6

К тому времени, как ты начинаешь читать женщину словно открытую книгу, твой читательский билет уже просрочен.

7

«Отечеству женщина не приносит никакой пользы: она не ходит на войну, не переписывает бумаг, не строит железных дорог, а запирая от мужа графинчик с водкой, способствует уменьшению акцизных сборов»

Стоп-стоп, а почему именно такое наблюдение автор взял в кавычки? Да потому, что это цитата одного уважаемого человека – Чехова Антона Павловича. Знаешь такого, мой читатель?

8

На то и жена человеку дана, чтобы знал: жизнь – это не увеселительная прогулка по цветущему лугу.

9

Критерий отбора очень прост: спутница – это моя противоположность, поэтому грудь у неё должна быть больше, а живот меньше. Ну, и возраст: желательно свой разделить на два, в крайнем случае – на полтора!

10

Слишком поздно мужик осознает, что в загсе он получает не свидетельство о браке, а вторую трудовую книжку!

Я холостяк, я хлопец гарный –
женатики, вам шлю привет!
(Жаль, секс совсем не регулярный,
и жидкого не ел пять лет…)

11

До тридцати лет женщина знает себе цену, а потом кто сколько даст

12

Мужику жена нужна хотя бы для того, чтобы он *без неё* от счастья не спился!

13

Хорошая жена никогда не будет закатывать скандал на ровном месте. А обязательно на какую-нибудь неровность встанет.

14

Женщина всегда приносит счастье. Сначала ты счастлив с ней, потом ты счастлив без нее...

15

Не говорите вашей женщине замолчи: она не может молчать. Когда она замолкает, то продолжает диалог внутри себя, а это ещё хуже.

16

Мужской измены не существует. Существует либо месть за женское предательство, либо новая любовь, либо просто твой персональный Амур опять перепил вместе с тобой.

17

Жизнь – забавная штука. Одно слово, произнесённое в загсе – и ты женат. Одно слово, произнесённое во сне – и ты разведён.

Сколь ни проси, никак он не заботится
меня в тиши оставить, бедокур,
и до сих пор за мной порой охотится
глухой, слепой, немой, седой Амур.
Жену мою оставив безоружною,
что век со мной, всю жизнь свою кляня,
он изредка стрелу свою ненужную
случайно посылает всё ж в меня!

18

Самый большой кайф у мужика – после развода: просыпаешься утром – и тебе никто не скажет, что́ ты сегодня должен делать!

19

Чтобы овладеть женщиной, требуется желание. Чтобы обладать женщиной, требуются возможности. Но чтобы совладать с женщиной, ничего делать не надо – это практически бесполезно.

20

А вы тоже заметили, что во всех русских народных сказках после описания свадьбы пишут: «Тут и сказочке конец»?

Сумела жизнь меня царапнуть –
её характер так змеин:
ведь сказка кончилась внезапно –
наутро после свадьбы, блин!

Глава 203. В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЫ (и ещё одно продолжение продолжения)

– Володя, мать моя КПСС, – недовольно произнёс Курманбаев, давая начало неким диалогам на предложенную тему, – вот ты даёшь нам такие советы, а сам-то не женат.

– И что? – индифферентно поинтересовался счастливый.

– А ты вообще представляешь себе женщину своей мечты?

– Странный вопрос для литератора, – улыбнулся литератор. – Отвечаю: да, представляю.

– И какая она, святой Малевич? – заинтересовался и Николаич.

– Да такая: лет за сорок, слегка полноватая, в очках и строгом костюме, не очень красивая, но ухоженная...

– Странно, – присоединился к разговору старший трубач, – все мечтают о ёперных молодых, йодистых стройных и ёкарных красивых…

– Я продолжу? – нахмурился знатный холостяк города Отцеябловска. – А работает эта женщина моей мечты… нотариусом. И вот однажды она мне звонит и говорит: «Только что умер миллиардер Уилфред Тимофеевич Бробдингнег XVI, и вы, господин Кулемзин, его единственный наследник!»

Знал, что кончились все средства –
как прожить мне лет до ста,
ведь оставили в наследство
лишь паршивого кота!

– А-а-а, ну если так, – непонятно для всех, но понятно для себя отреагировал Афанасьич.

– Конечно, как же без этого, – легко поддержал его художник.

– У нас оно всегда так, – как видно, присоединился к его мнению Батыршин.

– Помню, ещё в 43-м томе Владимир Ильич сказал по этому поводу… – начал было свои воспоминания педагог, но на него зашикали остальные.

И только Володя подумал о том, как же легко понимают друг друга люди, у которых за плечами и общий покерный столик, и общая ж/д цистерна выпитого пивка, после чего суровый разговор о семейной жизни продолжился.

– И главное, мать честнáя, я у неё всегда виноват! – неожиданно горячо, словно с ним кто-нибудь спорил, вскричал Полтавцев.

– Серёжа, не волнуйся, – успокоил его знаток матримониальных отношений. – Надеюсь, ты хотя бы раз в жизни видел, как женщина извлекает лифчик через рукав кофты?

Охранник тут же закивал головой, как китайский болванчик на серванте.

– А вот теперь представь, что она может сделать с твоим мозгом!

Все (кроме экс-текстильщика) невольно засмеялись, так как представили, что серёжиного мозга в одноимённой голове не было уже задолго до трюка с лифчиком.

Погляди на трюк, счастливчик,
оцени порог красы:
через брюки выну лифчик,
через голову – трусы!

– Вот поэтому каждому мужчине, который вступил в так называемые отношения с женщиной, хорошо известна некая единица измерения количества совершённых им ошибок, за которые ему придётся ответить – под названием *виноват-час*!

– А как же любовь, святой Казимир Северинович? – вскричал живописец, который до сих пор искренне полагал, что все сюрреалистические картинки, которые он малевал в свободное от пьянки время, навеяны его творческому воображению не алкоголем, а именно этим светлым чувством, отображённым в заданном вопросе.

– Вообще-то я уже много лет занимаюсь этой проблемой, – поведал окружающим писатель, – и поэтому знаю про любовь очень много. Но особенно много про так называемую *вечную любовь*. Запиши, Серёжа, ведь жизнь долгая – может, когда и пригодится:

Вечная любовь длится
в среднем около 40 дней…

Над чувством этим не злословь –
оно всего прочней,
ведь длится вечная любовь
аж 38 дней…

Охранник стремительно выхватил из котомки заветную книжицу «Для му.мы. Том 2» и быстро набросал на чистый листок поразившие его мысли: «Как влюбишься, внимательно следи за календарём! Исполнится твоему великому вселенскому бессмертному божественному возвышенному чувству около 40 дней, бросай бабу и – срочно за бутылочкой шмурдяка!»

– Может быть, именно поэтому, – продолжил лекцию Кулемзин, – я иногда очень хочу влюбиться, но всё как-то не выходит, потому что, глядя на женщин, приходит только одна мысль, что их всех срочно необходимо лечить, а не любить. Вот вам пример: ну, как мужчина может знать, чего хочет женщина, если он даже не может понять, для чего она сначала выщипывает брови, а потом заново их рисует?! Так что в течение жизни я неоднократно подходил к дверям Института Брака, но вот внутрь пройти так и не смог – постоянно не хватало проходных баллов! Я даже время от времени давал вот такое объявление в газету «Вечерний Отцеябловск»:

**Убеждённый холостяк познакомится
со сварливой, неопрятной и малокультурной
женщиной для укрепления своих убеждений!**

, но на него, к сожалению, не откликнулась ни одна горожанка (прости, русский язык!) пубертатного периода!

Полтавцев, внимательно следивший за интересной лекцией, был счастлив – его блокнотик быстро-быстро покрывался каракулированными строчками типа этих: «Володя не может жениться из-за пропердильного периода своих знакомых женщин! Надо об этом таинственном периоде вечером подробнее узнать у Зули…»

И после нелёгкой попойки,
свои вспоминая грехи,
я вместо того, чтобы в койку,
вдруг милой… читаю стихи!

– И всё же, други мои, совсем без женщин нельзя! – меж тем горячо продолжил Альбионыч. – И особенно – в особенные периоды жизни!

– Это какие? – полюбопытствовал Валера, который вообще любил разговоры на женские темы, а также другие, если они не касались карт.

– Как знатный поэт двух веков, попробую объяснить в стихах, а как поэт, безусловно, гениальный, очень кратко – всего в двух строчках:

О женщина! Почётней нету звания
в период полового созревания!

– Хорошо ёкарным молодым, – неожиданно загрустил Салихдзяныч, – им по жизни вообще нé хрена делать, вот они и влюбляются постоянно!

– Ты не совсем прав, старик, – поправил его земной марсианин, – ведь у молодых людей представление о браке тоже молодое, то есть недодуманное. Им чудится, что брак – это когда порхаешь по жизни, совершая удивительные вещи с удивительным человеком.

В принципе, это так – но только первый месяц, который в русском народе точно назван *медовым*. А для нас, людей поживших и умудрённых…

При этих словах все приосанились, а Серёжа даже с хрустом разогнул позвоночник.

– ..такое чувство не может быть постоянно новым, ибо что, например, нового может быть в очередной бутылочке водки «Чапаев»? Новый вкус? Новый цвет? Новый запах? Нет, всё то же самое, всё то же самое…

Любовь –
это когда ты уже протрезвел,
а она всё ещё красивая!

– Вот поэтому мы, мужики, – закончил трудную мысль философ, – как грудные дети: нам или сиську подавай, или бутылочку…

Глава 204. В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЫ (неокончательное окончание)

– Всё это так, моя моя Октябрьская революция, – заметил Мусаич, который очень не любил, когда кто-то в компании оказывался умнее его. – Но ведь все люди женятся!

– Не все, сосед, – тут же поправил его Полтавцев. – Некоторые из них выходят замуж.

Оседлавшие покерную скамеечку засмеялись, так как поняли, что в их компании ещё остались люди умнее Курманбаева.

– А если без смеха, яйчики-бабайчики, – отозвался литератор, – то правы вы оба. Просто мы с вами живём в такой стране, где жениться и выходить замуж уже стало какой-то навязчивой привычкой.

Вот семейные оттенки –
на двоих одна кровать:
спите с теми, кто у стенки –
будет лучше вам вставать!

– Володя, а что ты пишешь в ёкарной графе «Ваше семейное положение»?

– В каких случаях ? – уточнил Кулемзин. – Когда заполняю анкету?

– В любых, – уточнил военный музыкант.

– Тогда я пишу так: «Сплю в кровати по диагонали»

– А как ты переносишь одиночество? – не унимался в своём любопытстве саксаульский обер-корнет.

– Да очень просто, – ответил знатный филолог, – я переношу его так, как диктуют правила моего любимого русского языка:

оди-но-че-ство

– А я вот что думаю, – заявил живописец, дохлёбывая последние капельки из своего *тянь-шанчика*, – может, для разнообразия жизни иностранку какую-нибудь себе найти?

– Для разнообразия жизни, говоришь? – поморщился семейный доктор. – Да нет, Валера, думаю, что это будет ещё хуже.

– Почему?!

– Да потому, что иностранки точно такие же дуры, как наши, только ещё и русского языка не знают.

– Надо же! – поразился наташин супруг. – А я где-то слышал, что женщину, мол, понять легко, ведь она – как открытая книга.

– А я и не спорю, – ещё больше поморщился Володя. – Именно книга! Но – книга по квантовой физике на китайском языке. И пусть даже открытая, а хрена ли толку!

Чтоб мужа вам узнать до боли,
и были чувства чтоб безмерны,
с ним вместе надо съесть пуд соли
и выпить пива три цистерны!

– Так как же тогда, мать моя партия, узнать друг друга? – с тоской воскликнул женатый педагог, который, как уже известно моему читателю, женился исключительно по расчёту. – Помнится, ещё Владимир Ильич как-то раз сказал об этом замечательные слова: «Я считаю знаменитую теорию «стакана воды» совершенно не марксистской и сверх того противообщественной. Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питьё воды – дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Именно здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу!»[331]. Но вот как применить эти святые слова на практике, на лекциях по диалектическому материализму, нам так и не объяснили!

[331] В. И. Ленин, ПСС, т. 16, стр. 204 – прим. полит. редактора

Педагог так взволновался, что даже выпустил из левого глаза маленькую фальшивую слезинку, затем долго, чтобы видели все, вытирал её, а потом спросил:

– А, может, лучше просто дружить, чем жениться?

– Как ты можешь! – в ажитации воскликнул художник, который давно думал точно так же. – А что ты, Володя, думаешь по этому поводу?

– А я думаю, что дружба между мужчиной и женщиной – это некая страсть, закатанная в консервную банку… впрок… а откроют её только в голодный год!

От прошлого мы получили приветы,
но, видно, плохими там были года:
так вложим в консервную банку секреты,
потом закопаем её навсегда!

– Эт’ как? – подпрыгнул на покерной скамеечке сторож Афанасьич.

– Да просто надо помнить, – объяснил штатный объяснялец Бермудского Учпучмака, – что супружеская жизнь для мужчины хуже американского правосудия: ты не только имеешь право хранить молчание, но и обязан, и всё сказанное не только может быть использовано против тебя, но и обязательно будет!

Все потрясённо молчали.

– И вообще жениться – это самая плохая примета! – добавил сомнений писатель.

– Какая?! – дружно простонали педагог, сторож, музыкант и живописец.

– А денег не будет! – задорно закончил мысль знатный приметолог.

– Как же так, святой Малевич? – чуть не заплакал Николаич. – Что ж ты раньше мне такого не сказал?

– А ты разве меня слушал? – попенял ему семейный философ. – Прежде чем жениться, Валера, ты должен был спросить у меня: чем отличается жена от собаки?

Глаза художника зажглись: было видно, что узнать именно это ему хочется даже сейчас – так, на всякий случай, авось когда-нибудь пригодится.

– И чем же? – волнуясь, спросил он.

– А тем, – завершил «Курс молодого женатика» Володя, – что собака всё понимает, а сказать не может, а жена всё время говорит, но ничего не понимает.

– Точно! – потрясённо выдохнул Муравлёв.

Полтавцев мгновенно раскрыл свой безразмерный хурджин, добыл оттуда заветный блокнотик «Для му.мы.» и, помусолив красный конец двуцветного карандаша, с волнением записал поразившее его: «Сегодня узнал сильную вещь, которая позволит мне наконец-то присмотреться к Зуле: по-моему, надо жениться не на ней, а на какой-нибудь собаке!»

На любовь до гроба
шансы возросли:
ведь давно не сорок –
молод лишь внутри!

А загрустивший от правды жизни саксаульский репин вспомнил, как через неделю после свадьбы молодая супруга поинтересовалась, заработал ли уже её «молодой» супруг столько денег, что может позволить сводить её в какое-нибудь казино или, на худой конец, в ресторан. Помнится, тогда на этот странный выпад Валера сообщил, что азартные игры, так же как и некачественная пища, очень сильно портят молодые организмы, и особенно у женщин.

Затем от тяжёлых воспоминаний его вновь отвлёк голос Кулемзина.

– И вообще, Валера, я тебе так скажу: чем дольше я живу на свете, тем во мне просыпается бóльшая уверенность, что Ева из литературной *дедушкиной* сказки съела не толь-ко яблоко, но и самогó змéя… В общем, яйчики-бабайчики какие-то получаются!

Валера смог купить за деньги
большую чистую любовь,
но через час любовь спросила:
«Валера, будем продлевать?»

Глава 205. В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНЫ (окончательное окончание)

После таких слов Альбионыча живописец загрустил окончательно, тем более, что и у него, как у Полтавцева, только что закончилось пивко, и сейчас он сидел и думал, что же хуже – вот такое сиюминутное состояние организма или вечная тоска внутри семейной жизни. Серёжа посмотрел на страдальца и решил отвлечь его от тягостных мыслей.

– Володя, – произнёс он, – вот ты так хорошо объяснил, почему собака лучше жены. А можно, мать честная, в таком же ракурсе… Нуртай, рот закрой… рассматривать этот вопрос в контексте… Талгат, рот закрой… кошки?

– Кошку, друг мой, – ответил литератор, – можно рассматривать в любом контексте, и почему бы нам сейчас не рассмотреть её именно в этом? Тем более что …

Он показал рукой куда-то влево:

– …предмет рассмотрения сейчас прямо перед нами.

Все повернули головы вослед володиной руке и увидели, что под карагачом, прячась за толстым стволом от распоясавшегося солнца, лежала Несси – кошечка, которая когда-то принадлежала марсианину, а теперь Анне Петровне из квартиры № 2.

Важнее кто из всей живущей стаи,
кто на планете истинно велик?

Все думают, что кошке я хозяин,
но нет, – она хозяйка всей Земли!

– Итак, тема нашей очередной короткой лекции: «**Почему кошка лучше жены**»

– Подожди, подожди, – заволновался счастливый обладатель заветного блокнотика «Для му.мы.», – сейчас, сейчас, сейчас… Ага, давай начинай!

– Итак, други мои, почему же кошка всё-таки лучше жены? – начал Кулемзин. – Я думал об этом несколько лет, и вот к этому моменту сформулировал специально для вас 7 таких причин. Вот они:

1. Кошка радуется вашему приходу. При этом, чем позже вы придёте, тем больше радуется (кстати, у жён почему-то наоборот).

2. Кошка всегда довольна своей шубкой и не требует новую, даже если у соседской кошки она красивее.

3. Кошку в любой момент можно погладить и приласкать. И, наоборот, если у вас нет настроения, можно этого не делать. Наконец, ваша кошка не возражает, если вы приласкаете другую кошку.

4. Кошка умеет слушать, но не требует этого от вас. И она никогда не даёт вам советов, проникнутых, как она считает, мудрым знанием жизни и человеческой натуры.

5. Вы незнакомы с её мамой и не обязаны любить её всем сердцем и ходить к ней в гости хотя бы один раз в месяц.

6. Кошка не смотрит сериалы и не говорит по телефону. Её не надо водить в театры, она любит сидеть дома и не обвиняет вас в том, что вы угробили её лучшие годы.

7. Вам решительно до лампочки, от кого у вашей кошки котята.

От кошки должны быть котята –
не львята, блин, и не совята!

И тут все заметили, как по покерному столику защёлкали капельки пота, срывающиеся со лба Афанасьича, который в это время лихорадочно исписывал уже третью страничку знаменитой книжечки. Муравлёв заглянул через плечо охранника, с трудом разобрал последнюю зафиксированную мудрость: «Если кошка родит котят не от вас, вкручивай новую лампочку, иначе не будет видно смысла жизни!», подивился написанному, но решил прояснить для себя ещё один вопрос непростых отношений мужчины и женщины:

– Володя, а вот говорят про какой-то кризис среднего возраста, а что это такое, никто не объясняет…

– Это очень просто, Валера, – успокоил его знаток. – Вот тебе сколько сейчас лет?

– Сколько есть, все мои, – старинным русским трюизмом признался художник.

– А сколько тебе ещё осталось мантулить на этом свете? – продолжал домогаться писатель.

– Да об этом, святой Малевич, только *дедушка* знает.

– Вот именно, мать моя партия, – на всякий случай вставил свои три копейки Нуртай.

– А теперь сложи эти странные числа, которые ты назвал, потом подели на 2 – и ты узнаешь свой средний возраст.

– А кризис?!

– А кризис этот уже наступил, – объяснил философ. – Например, твой личный кризис среднего возраста – это когда ты ещё видишь в женщинах молодых козочек, а они уже видят в тебе старого козла!

Все дружно заржали, кроме, разумеется, самого интересующегося.

Почему в душе кошмары?
Может, болен головой:
я козёл ещё не старый,
но уже не молодой!

– Значит, так называемого йодистого семейного счастья нет вовсе? – неожиданно прозрел Салихдзяныч.

– Может, кому-то и везёт, – ответил ему Володя. – Но я лично в пределах нашего покерного диаметра таких в упор не вижу! Ведь что такое семейное счастье? По моему́ разумению, это когда жена понимает тебя во всём, но, разумеется, не до такой степени, чтобы находить твои заначки. Поэтому я давно вывел для себя постулат о том, что женщины (и жёны в частности) – это как гири на ногах каторжанина: носи всегда с собой!

– А, по-моему, ты не прав, – решил оставить последнее слово за собой Курманбаев. – Ведь есть же такое понятие, как медовый месяц!

– Есть, – горько подтвердил Альбионыч. – Но представь себе, что вся наша семейная жизнь – это бочка дёгтя, а сверху неё лежит тонкий слой мёда, так вот это и есть медовый месяц.

– Как же так, царица лесная? – вскричал сторож, который не понял ни одного слова из произнесённого. – Так это что же получается: что мы все не с тобой стороны бочки открываем?!

Это вам не карт колода,
и не покер золотой:
в бочке дёгтя ложка мёда –
вот всё счастье нам с тобой!

И здесь неожиданно (впрочем, как и всегда!) раздался звонок володиного аппаратика – для связи с внешним миром.

– Алло, – посмотрев на незнакомый номер, настороженно произнёс литератор.

– Добрый день, – заверещал в трубке радостный девичий голос. – Это компания «Счастье без денег», и мы хотим предложить вам приобрести комплект для истинного наслаждения!

Кулемзин мгновенно сориентировался и ответил на заманчивое предложение душевным голосом:

– А вы какую колбасу будете заказывать?

– К-к-какую к-к-колбасу? – начала заикаться непрошенная абонентша.

– У нас сегодня есть краковская, есть московская, и даже конская – между прочим, халял[332]! Правда, *отпуск* от тонны и выше, но зато цены самые демократические.

[332] От араб. حلال – разрешённый, то есть всё то, что разрешено и допустимо готовить и есть по исламским традициям – прим. кулинар. редактора

– Подождите, – заволновалась девушка, – нам не нужна никакая ваша колбаса! Это компания «Счастье без денег»!

– А это компания «Колбаса за деньги»! – сурово известил незнакомку знатный бермудец. – Тогда чего же вы названиваете сюда, ежели колбасу не хотите заказывать? Отвлекаете только занятых людей от бизнеса! Так вы брать будете? От тонны и выше?

Кишки, наполненные мясом, –
не эстетично, что тут скажем?

Но это свойственно колбасам,
и не вредит большим продажам!

– Извините, нет, – растерянно призналась представитель компании с радостным названием и отключилась, после чего марсианин в уже запищавшую трубку на всякий случай предложил:

– Вы номер запишите, а то вдруг передумаете...

Вот, собственно, на этом и закончился очередной виток разоблачений так называемой семейной жизни и счастья, связанного с ним. Но чтобы у читателя не осталось от этих суровых глав колбасного послевкусия, вот тебе – на закуску – некая притча на эту же тему.

Глава 206. СЛАДКАЯ ПРИТЧА (Из Книги бытия от Владимира)

В давние-давние времена слепил как-то *дедушка* не одного, а сразу десять Адамов. Один из них пахал землю, другой пас овец, третий ловил рыбу и т.д. И вот спустя некоторое время пришли они к творцу своему с просьбой:

– Всё у нас есть, но чего-то не хватает. Скучно!

И дал им *дедушка* тесто. И сказал:

– Пусть каждый слепит по своему подобию женщину, кому какая нравится – полная, худая, высокая, маленькая... А я вдохну в них жизнь.

После этого *дедушка* вынес на блюде сахар и сказал:

– Здесь десять кусочков. Пусть каждый возьмёт по одному и даст жене, чтобы жизнь с ней была сладкой.

Все так и сделали.

А *дедушка* сказал:

– Среди вас есть плут, ибо на блюде было одиннадцать кусков сахара. Кто из вас взял себе два куска?

Все молчали. Тогда *дедушка* забрал у них жён, перемешал их, а потом раздал, кому какая попалась. И вот с этих самых пор девять мужчин из десяти думают, что чужая жена слаще, потому что она съела лишний кусок сахара. И только один из Адамов знает, что все женщины одинаковы, ибо лишний кусок сахара съел он сам...

Создав поля, леса, зверей,
на день шестой *дедок* устал,
но все же вылепил людей,
взглянул на них и так сказал:
«Зело хорош Адам, признаюсь,
а Ева блеклая весьма.
Да ладно, я не сомневаюсь,
она накрасится сама»
Потом, на облако усевшись,
почувствовав на сердце боль,
повторно к Еве приглядевшись,
дедок придумал алкоголь…

♠ ♠ ♠

«Да, кстати», воскликнул в этом месте Самый Внимательный Читатель. «А почему это у тебя предыдущие главы были названы «В поисках идеальной жены»? Требую объяснений!». «Конечно!», согласился автор и тут же выполнил своё обещание, оставив на вот следующей странице 454 описание идеальной жены – как он его видит:

Красивая сексуальная глухонемая
хозяйка пивного бара!

Глава 207. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРИМЕТЫ

Потрясённые очередной невесёлой лекцией о непростых семейных и несемейных отношениях мужчин и женщин, знатные учпучмакцы даже не сразу почувствовали, что их организмы за это время стали значительно суше, а это означало только одно: кого-то надо было срочно посылать за пивком! И первому эта благая мысль пришла в голову вечному спонсору коллектива.

– Кэкко[333]! – неожиданно известил он, с ненавистью поглядев вверх – на строптивое огненное светило. – Пора бы освежить измученные жарой организмы!

[333] Довольно – яп.

Предложение тут же нашло спрос, тем более что пот тёк с присутствующих мощным саксаульским весенним селем – как с работников банно-прачечного комбината «Чистотел» в последний авральный день месяца.

– Как же это всё напоминает мне лето в Мексике, – пробормотал Володя, но так как никто из игроков в этой далёкой стране не был, пришлось поверить писателю нá слово.

– Итак, кто пойдёт? – сурово осведомился спонсор, выложив на покерный столик две купюры по 500 назарбаксов.

Вид красивых денежек вроде бы и притягивал нескромные взоры собравшихся, но все они силой воли отводили глаза от красивого зрелища.

– Значит, опять будем считаться! – решил Альбионыч и, не надеясь на память Афанасьича, который уже не раз выручал коллектив своими детскими считалками, тут же сочинил некий экспромт по случаю:

– Раз, два, три, четыре, пять –
будем пиво срочно брать!
На кого мой палец тыкнет,
тот у Калимы чирикнет!

На этот раз чирикать в сельпо выпало педагогу, который, недовольно ворча под нос, стал собираться в поход: сгрёб со стола купюры, отобрал у Серёжи котомку, который наказал беречь её, как «зенитку вока[334]», попрощался за руку почему-то с живописцем Муравлёвым, проигнорировав остальных, на ходу сделал внушение пойманному за шкирку дворовому ребятёнку, похожему в своём движении на атом, летающий по орбите электрона, кивнул пенсионеркам, сидящим за СС, или Старушечьим Столиком, как называл его затейник литератор, и, наконец, отбыл в краткосрочную командировку.

[334] Круглая глубокая китайская сковорода с выпуклым дном маленького диаметра. Очень удобная вещица, я вам доложу! – прим. кулинар. редактора

Получив мотивировку,
я лечу в командировку!

И только было Кулемзин задумался над тем, чем же он в этот раз займёт коллектив игроков и примкнувшего к нему Валеру, как осиротевших без Нуртая отвлекли от процесса ожидания. На этот раз отвлекателем стала какая-то толстощёкая старуха в тёмной одежде, поверх которой демонстративно висел огромный крест. В руках она держала боль-

шой деревянный ящик, на котором был изображён такой же крест, а рядом с ним написан некий призыв – жертвовать на восстановление какого-то *левого* храма.

Правда, у старушки был настолько излишне цветущий и сытый вид, да и замочка на ящике тоже не наблюдалось, что писатель, экс-текстильщик, военный трубач и саксауль-ский рембрандт просто проигнорировали призыв. Недолго потоптавшись, она тихо прокляла их навеки и пошла дальше – собирать реальные денежки на будущую неплохую загробную жизнь, а Володя настойчиво подумал о том, что она делает это именно для своих нужд, ибо зачем ходить с ящиком по городам и весям, когда есть организация, которая вполне легально занимается сбором наличных денег, причём, не записывая их ни на какие счетá и не платя налоги государству. Догадался, мой читатель, что это за организация? Да, конечно же, так называемая православная церковь! И тут же на память писателю, а в данное время поэту пришёл его старый стишок на эту же тему с названием «**Проверь карман!**» – да ещё и с картинкой.

Опустошить тебя до дна –
таков их скромный план,
ведь цель религии одна –
залезть в чужой карман…

Вслед за старушкой вторым отвлекальцем коллектива стал некий мужик, с трудом перебравшийся через металлическую оградку Бермудского Учпучмака.

– Мужики, – заискивающе промолвил пришелец, протянув руку ковшиком, как это делают профессиональные нищие возле так называемых храмов. – На пузырь не хватает…

Но видя, что его мольба намерена остаться без удовлетворения, просительно добавил:

– Должен буду.

– Во-первых, яйчики-бабайчики, – популярно объяснил ему знаток человеческих отношений, – мужики на зоне кайлом горбатят…

Но, как оказалось, алкашу хватило и *во-первых*.

– Ну, так бы сразу и сказал, – согласился он и, пошатываясь, ушёл в своё маленькое неведомое будущее.

– А, во-вторых, – теперь уже обращаясь к покеристам и художнику, признался Альбионыч, – я вообще люблю коллекционировать должников.

– Как это, мать честна́я? – подпрыгнул на скамеечке сторож, а затем, видимо, на всякий случай одной рукой помусолил во рту красный конец двуцветного карандаша, а другой стал судорожно сжимать заветную книжечку «Для му.мы.»

– Есть, знаете ли, в этом какой-то смысл жизни, – объяснил философ. – Представляете, получить на исходе лет долги, собрать всех друзей-приятелей, а также и тех, кто числится в доброжелателях, да и закатить последний пир – эдакий шикарный сабантуй, чтобы всего было вдоволь! Глядишь, и дорога веселей будет – в мир иной…

Чтоб смерть красна была в миру́,
возьмём сосиски в тесте,
и на последнем на пиру
пропьём долги все вместе!

– А если кто, святой Малевич, долг не отдаст? – поинтересовался Николаич.

– Да ничего, – ответил марсианин. – Придумана же такая глупость в святом писании: «И остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим…» Так что, одни на прощальном пиру будут веселиться в открытую, а вот другие – втихомолку, под одеялом. Это когда я копыта откину. Ведь в таком случае долг будет считаться погашенным. Ну, а мне будет вдвойне приятно, что моя кончина окажется для многих сплошным весельем. Глядишь, на том свете *дедушка* и зачтёт…

♠♠♠

Но после произнесённых слов Кулемзин неожиданно расхохотался, и хорошо, что в этот момент рядом с ним не было Курманбаева, который обязательно бы подумал о том, что писатель наконец-то сошёл с ума. А литератор всего лишь проанализировал разговор последних минут и убедился в том, что в нём прозвучало немало религиозных примет: во-первых, мысль о доставке пивка автор назвал благой, как любит это простое слово *хорошая* исковеркать библия, во-вторых, это была старуха с двумя крестами – на груди и на ящике, и, наконец, в-третьих, свой же вспомненный стишок с весёлой картинкой (кстати, если кто плохо видит, то на двери изображённой церкви на табличке написано: «Пункт по обмену денег»). А вот в-четвёртых пусть угадает (или разыщет) мой читатель, а кто сделает это первым, тот получит от автора этот том книги бесплатно, где бы он ни жил – хоть на Северном полюсе, хоть на Марсе, а хоть бы даже и поселке Кудымкар!

Кто подарит мне мотыгу,
я в ответ подсуну книгу!

Глава 208. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (Десятый блок)

После того, как Володя поделился с покерными сидельцами на скамеечке причиной своего внезапного смеха, все поняли, что это была только преамбула к следующей лекции, кои так любил учпучмакский лектор, – на этот раз на тему религии.

«Не бывать тому!», подумал Муравлёв, затем наклонился к плечу Альбионыча и тихо спросил его на ухо:

– Володя, а мы сейчас на какой странице?

– На 456-й, яйчики-бабайчики, – так же тихо ответил ему старый друг, и мой читатель, надеюсь, понимает, почему этот странный диалог прозвучал именно не вслух.

– Так, значит, святой Малевич, идёт уже третья часть то́ма? – ещё тише продолжал задавать шизофренические вопросы живописец.

– Ага, – по-полтавцевски ответил Кулемзин, ничуть не удивившись.

– Тогда, я думаю, пришло время ещё одному блоку твоих сказочек, – посоветовал Валера.

– Ох, спасибо, дружище! – уже громче обрадовался писатель.

Мозгом базовым развинчен,
говорил нам старшина:
«Расскажу вам сказку нынче,
ибо слишком быль страшна!»

– Чего это вы шепчетесь? – неожиданно громко поинтересовался Мусаич, который вот только что вернулся из магазина.

Все тут же споро разобрали весёлые бутылочки, а Альбионыч объявил:

– Технический перерыв. Модератором перерыва назначаю себя. Так что хотите, не хотите, но слушайте сказочки.

– Ура, царица лесная! – отобразил общее мнение Серёжа, после чего марсианин приступил к рассказу. Итак…

1

На свадьбе Адама и Евы была абсолютная тоска: ни загса, ни гостей, ни подарков, и даже драться пришлось друг с другом...

2

Для того, чтобы без проблем вступить в пионеры, Буратино пришлось соврать, что он сделан из красного дерева.

3

Однажды Колобок уехал в командировку, а его жена Булочка изменила ему с его другом Коржиком. И с тех пор сослуживцы называют его не Колобком, а Рогаликом!

4

Герасим не стал топить Муму, а вместе с ней попросил политического убежища – в Корее.

5

Сорок лет водил Моисей евреев по пустыне, пока, наконец, не привёл их на землю обетованную. Но некоторым евреям процесс показался интереснее результата. Так на Земле появились цыгане…

Погадай-ка мне, цыганка,
но не так, как в прошлый раз:
лишь опять соврёшь, зараза,
пасть порву и выбью глаз!

6

Красная Шапочка ходила к бабушке два раза в день: первый раз – отнести пирожки, второй раз – снять кассу…

7

Вышел Илья Муромец в чисто поле и видит: перед ним три дорожки. Призадумался Илюшенька, скрутил 100 баксов в трубочку и занюхал все три…

8

Малышу было очень жаль Карлсона. Но папе так был нужен новый лодочный мотор!

9

– Царь-батюшка, басурмане пришли, мзду просят.

– Что?! Мзду?! – грозно переспросил царь. – Пиши указ! Повелеваю: дать басурманам хорошей мзды!

10

Выбежал Финист Ясный Сокол во двор, обернулся трижды вокруг себя и ударился оземь. И ведь ничего не поделаешь – эпилепсия!

Руки дрожат и всего зазнобило –
так начинается новый приход:
башка набекрень, тошнота подступила –
психический проблеск навстречу идёт!

Глава 209. РАЗОЧАРОВАННЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ

И автор этой книги, и придуманный им герой Кулемзин хорошо знали простую истину: надо проще относиться друг к другу. Люди, говорили они в долгих вечерних разговорах друг с другом, – это лотерейные шарики в барабане: сталкиваются со всеми подряд, трутся, разбегаются и снова сходятся. И если жить и думать о людях именно так, то не надо будет слишком переживать и даже резать себе вены.

Ведь если даже иногда приходится взмывать ввысь, то человек всё равно оказывается в грязных тучах своих «высоких», «человеческих» проблем, и некогда ему встряхнуть головой и увидеть нашу Землю без мусора цивилизации. С чистыми и святыми следами Великого Промысла – голую, незащищённую, напоенную любовью и красотой Землю…

Какие мысли, мой читатель! И как же жаль, что они оборвались вполне запланировано, ибо в позапрошлой главе недаром ведь говорилось о неких религиозных приметах сегодняшнего дня, которые не замедлили случиться – с очередным приходом каких-то сомнительных личностей, а, значит, и от очередных рассуждений о религии, которые уже давно маячили в раскалённом воздухе второго микрорайона, тоже не деться никуда…

Ах, как же нам сегодня худо,
какой хреновый нам прогноз:
сектанты ходят по бермудам
и учпучмакцам парят мозг!

Пришельцев было числом три – двое мужиков и одна девушка с кружкой в руке. Альбионыч даже вытянул шею – посмотреть, не идёт ли парок из кружки, но понял, что там не чай или кофе, а то, чем в основном наполнена Вселенная, то есть пустота. «Зачем бы ей пустая кружка?», подумал он. «Тем более летом? Тем более в Бермудском Учпучмаке?»

Его мысли могли бы продолжаться ещё, но один из мужиков вдруг спросил у покеристов с примкнувшим к ним Николаичем:

– Здравствуйте, а вы библию читали?

– А вы читали «Мастера и Маргариту»? – тут же парировал саксаульский писатель.

– Нет. А что? – надменно удивился мужик.

– А в этом романе прямо написано: «Никогда не разговаривайте с неизвестными». Так что, прощайте, яйчики-бабайчики!

Видя, что первый снаряд мозгозасерательной артиллерии сделал *недолёт*, пришельцы тут же послали второй снаряд. Они приблизились вплотную к покерному столику и неожиданно, словно по мановению невидимого дирижёра, дружно и в лад завыли:

– Дитя света, пробуждайся!
Огонь любви, восходи!
Сияние вечности золотое!
Храм любви восхити!

«Что это за пробуждайся–золотое?», подумал Афанасьич, которого внезапно скрутил приступ эстетизма. «Не всклад, не в лад – поцелуй кошку в зад! Например, мать честная, у Володи такие стишки дурацкие выходят куда как лучше…»

– Что это за пробуждайся–золотое? – ворчливо откликнулся на хоровое пение саксаульский поэт. – Прямо-таки не всклад, не в лад – поцелуй кошку в зад!

– Да что же вы такое говорите? – воскликнула девушка с кружкой и даже махнула ею, словно собиралась расправиться с бермудской компанией на месте.

О том, что второй снаряд также прошёл мимо, понял и второй мужик. Он вытащил из кармана какие-то помятые брошюрки, помахал ими в воздухе, как бы показывая в суде принесённые с места преступления улики, а потом задал крайне глупый вопрос:

– Так что насчёт библии?

– Однажды я в очередной раз изучал вашу так называемую книгу книг, – решил объяснить ситуацию Володя. – И вот тогда, посмеиваясь над её нелепостями, я вдруг понял, что никогда мне не понять эту страшную книжку без картинок до конца, ибо она глобальна не своим понятием, а раздута всякими еврейскими подробностями, как мексиканская жаба в период случки. Но у меня нет привычки впадать в незапланированное отчаяние, и поэтому я постарался передать в сжатом виде все 1233 страницы этого фолиан-та. Вы не поверите, но у меня получилась всего одна фраза. Вот она:

Ко всему нужно относиться с юмором,
и даже к неприятностям, иначе жизнь
покажется дерьмом, а от этого
и до верёвки недалеко…

Здесь девушка с кружкой взъярилась повторно, и было видно, что она еле сдерживает эмоции, поэтому её следующий вопрос показался всем очень кротким:

– Готовы ли вы впустить Иисуса в свой дом?

– Конечно, – обрадовал её своим ответом до этого несговорчивый патлатый толстяк, у которого, если помнит мой читатель, в квартире было две *легальные* комнаты и шесть – трансформерных[335]. – Двадцать тысяч назарбаксов в месяц плюс коммуналка! Да, и оплата за полгода вперёд…

[335] Об этом феномене – в главе 234 третьего тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Я решил: вас в нашем круге
поразить культурою –
коммунальные услуги
оплачу натурою!

Здесь очередь для понимания, что и этот снаряд попал в никуда, видимо, настала девушке с кружкой, но пока она обдумывала очередную глупость, на этот раз вопрос был задан ей само́й.

– А чего это вы с пустой ёперной кружкой ходите? – спросил, приподнявшись с покерной скамеечки, старший кларнетист. – Угощаете человека-невидимку?

За столом сидел учёный.
Пролился́ раствор зелёный –
в потолок подня́лась дымка,
и теперь он – невидимка!

«Молодец какой!», мысленно воскликнул литератор. «По-моему, Салихдзяныч наконец-то, к середине третьей части этого тома, пришёл в себя»

«Эх, не была бы она такой дурой», мысленно воскликнул военный музыкант, «я бы с ней обязательно познакомился поближе!»

Девушка вспыхнула от необоснованного предположения про человека-невидимку, но пробормотала что-то вроде того, что собирает деньги на пожертвования.

– А кому, мать моя партия, предназначены эти деньги? – тут же застиг её другой вопрос – от ещё одного учпучмакца, по виду похожего на коммуниста, который при слове *деньги* словно бы покрылся испариной.

– Господу богу, товарищ, – сердито ответила пришелица.

– Тогда, святой Малевич, давайте мне всё, что вам удалось сегодня собрать, – предложил последний участник странной беседы.

– Как это?! – воскликнула девушка и даже на всякий случай спрятала пустую кружку за спину.

– Ну, вот вы такая молоденькая, так что я передам все ваши денежки *дедушке* сам. Думаю, что увижу его гораздо раньше вас!

«Браво, шишкин!», мысленно воскликнул Кулемзин. «До такого кощунства даже бы я не додумался!»

Поживу ещё немного,
нарастив свой простатит, –
передам я деньги богу –
он меня за всё простит!

Прочти, внимательно, мой читатель, этот последний (на этой странице) катрен, и тогда ты наверняка поймёшь, что вовсе не библия, с коей и началась беседа с пришельцами, а великая поэзия – это кратчайший путь от слова к сердцу!

Глава 210. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СТРАШНОЙ КНИЖКИ

Писатель, который изучал библию много лет, и откуда, кстати, черпал полными горстями свой атеизм, давно стал понимать, что в этой книге многое было непонятно, – но не потому, что он сам был таким туповатым, а потому, что авторы библии как будто нарочно сделали всё для того, чтобы читающий её так и остался тупым. Хотите пример?

По́мните, в так называемом Ветхом завете описано, как именно *дедушка* создавал всё. Так вот, в первой же главе любопытным христианам попадается такая строка: «В четвёртый день Бог создал светила небесные: солнце, луну и звезды». Они её (строку, а не луну), конечно же, пропускают и начинают эту галиматью читать дальше. А если бы останови-

лись на минутку да эту минутку подумали, то на ум пришло бы вот что: а как *дедушк*а вообще узнал, что дело было в четвёртый *день*, если до этого не было солнца?!

Я строке библейской внемлю
в этой книжной тесноте:
создавал бог нашу Землю
в абсолютной темноте.
Потолок не тот и крыша,
и весьма кривой косяк!
Почему так плохо вышло?
А без света – только так…

И таких примеров можно найти не один десяток. И когда Володя полностью убедился в этом, то нашёл вот такую цитату одного весьма уважаемого человека, под которой мог бы подписаться и сегодня:

Мною владеет чувство твёрдого, несомненного убеждения в том, что та непререкаемая слава великого, гениального творения, которой пользуется библия и которая заставляет читателей нашего времени, извращая своё эстетическое, этическое и логическое понимание, отыскивать в ней несуществующие достоинства, есть великое зло, как и всякая неправда.

Узнали автора? Да это же Лев наш Николаич – по фамилии Толстой!

Поэтому хорошо изучивший библию марсианин полагал, что *дедушка* (в которого он, разумеется, не верил) представляется современным людям не старичком, сидящим на облачке, а неким модератором, и даже не модератором, а, скорее, сисадмином. Придёшь в церковь, прислушаешься, а тебе прямо в тыкву глас *дедушкин*: «Слушайте, ребята, я ведь вам уже всё наладил – и солнце, и планету для проживания, и таблицу Менделеева утвердил, и ДНК подарил, и даже Wi-Fi устроил! Так перестаньте уже тупить и дёргать меня мелкими просьбами типа *мир во всём мире* или огненные дожди на гей-парады!»

Говорю, как со стеною,
я с *творцом*, но всё впролёт:
почему *творец* со мною
пиво в пятницу не пьёт?

Дедушкины дети любят страшные истории, и библия сполна удовлетворяет эту извращённую любовь. Откройте её на любой странице и наслаждайтесь!

Литератор всегда надеялся на свою феноменальную память, но всё равно решил проверить одну странную цитату из одного евангелия[336]: «Бодрствуйте, ибо не знаете, когда придёт хозяин». Он (литератор, а не хозяин) порылся в толстой книжке и с изумлением нашёл эту цитату на странице 52, хотя хорошо помнил, что была она где-то в конце псевдосвятого фолианта. Так оно и оказалось: хитрые составители библии вначале расположили там книги Ветхого завета (аж 958 страниц), а потом книги Нового завета, но почему-то начали нумерацию с начала, как если бы обе книги были не под одной обложкой, а под двумя разными!

[336] ***Евангелие от Марка, 13:35***

«Даже здесь обман», возмущённо подумал Кулемзин, «хотя ненужный и какой-то слишком мелкий…»

Он хорошо помнил, что когда-то уже расшифровывал эту неясную строку так: не отдавайте жизнь на откуп телу, правда, не совсем соглашаясь с библейской «истиной». Всё-таки человеческое тело, считал знатный атеист, – хорошая вещь! Сколько наслаждения и невинного удовольствия оно может доставить человеку, если, конечно, правильно им пользоваться и не допускать умышленного членовредительства.

Мы воскликнем хором, дружно,
чтоб неумных научить:
«Тело всё давно не нужно,
нужен рот лишь – пиво пить!»

Тело может гулять в летний день по Бермудскому Учпучмаку, лежать на диване, есть вкусную пищу, нежиться под холодным душем или играть в разные интересные и полезные и́гры вроде *русской кочерги*. Тело можно гладить, греть на солнышке или, наоборот, закалять в проруби, щекотать ему пятки и одевать его в красивые одежды. Ко всему прочему, всякое нормальное тело полностью обеспечит само себя всем необходимым: оно работает, кормит себя, моется, одевается и даже размножается.

И тут оказалось, что, увлёкшись, Володя последние слова произносил уже вслух.

– А что же в таком случае делает душа́? – спросил его Серёжа.

– Да собирает сливки, сволочь, – неожиданно со злостью ответил Володя.

– А я вот слышал… – подключился к теме Муравлёв, который был страшно рад, что игра прервалась, а вместо бессмысленных киданий карт на раскалённый покерный столик можно немного поговорить на отвлечённую тему – даже такую странную, какую сейчас затеял Альбионыч. – Да, я вот однажды слышал, что мы из библии много всяких пословиц взяли?

– А вот здесь ты, друг мой, ошибаешься. Все пословицы русский народ придумал сам – своей общей народной головой, а некоторые слова из упомянутой тобой книжки прос-то стали русскими поговорками, и это, кстати, тоже очень по-русски, потому что русский человек долго жить своим умом не может, поэтому, когда у него кончаются слова́, говорит или матом или поговорками.

Отхлебнувши полбокала
вискаря, что просто жуть,
мат вставляю где попало,
даже если жрать прошу!

Пропустить такую мудрость Афанасьич, конечно же, не мог, поэтому быстро нашёл в котомке потёртую и помятую книжечку «Для му.мы.» и записал туда поразивший его факт: «В научно-атеистическом споре с Кулемзиным только что выяснилось, что когда я матерюсь, то, значит, цитирую библию – в своей интерпретации! Интересно, как отреагирует на это моя подруга Зуля?»

– А пг’имер можете пг’ивести, батенька? – с хитрым ленинским прищуром и ленинской же картавинкой попросил Курманбаев, после чего добавил своё непременное:

– Мать моя паг’тия!

– Конечно, – не растерялся знаток толстых книжек. – Вот, например, поговорка, уже успевшая набить оскомину в нашем покерном коллективе, особенно когда думается коллективно – кроме тебя, Нуртай: «В чужом глазу соринку видишь, а в своём бревна не замечаешь»[337]

[337] ***Евангелие от Матфея, 7:3***

– К чему эты ты? – покраснел Мусаич, который заметил, что все присутствующие заулыбались и стали весело переглядываться, словно знали тайну, которую до сих пор не рассказали ему.

– Да к тому, – ответил библиовед, – что РЦПшники[338] вовсю наседают на неприемлемость хранения в Мавзолее тела Ильича I – якобы это сильно противоречит христианским нормам морали и всё такое…

[338] Русская Православная Церковь – прим. автора

При этих словах коммунист страшно покраснел от возмущения, тихо пукнул и решил сегодня больше не картавить.

– А как быть с тем, – уже окончательно разошёлся марсианин, – что сами христиане не только хранят, но и вовсю кичатся частями тел так называемых «святых»?! Мало того, они ещё и поощряют поклонение этим фрагментам человеческих тел, целованию их, как напрямую, так и через некую тару, которую они сами благоговейно называют неприятным для всякого умного словом *рака*[339]. А их обряды употребления в пищу пресного хлеба и креплёного вина…

[339] От лат. raca – ящик. Ковчег с мощами святых, изготавливаемый обычно в форме гроба – прим. богосл. редактора

При произнесении этого слова одновременно вздрогнули Афанасьич, Салихдзяныч и Николаич, Мусаич вспомнил, что не заплатил сам себе партийные взносы за последний месяц, а алкаш Глав-Бух, который до этого спал в заблёванных бермудских кустах, подумал, что креплёное вино вполне можно вкушать и без закуски в виде пресного хлеба.

– …которые благоговейно называются тело и кровь христовы, до боли напоминают банальный каннибализм! В общем, граждане православные, не судите, да не судимы будете…

Мысль пришла ко мне большая,
осветила как маяк:
«Водку жру, чеснок вкушаю –
значит, тоже верю я?!»

И тут выяснилось, что Полтавцев, который изредка почитывал библию, пропил свою память не всю до последнего сло́ва.

– Володя, скажи, – волнуясь, спросил он, – а почему царь Соломон попросил у *дедушки* мудрости, а не денег?

– Хороший вопрос, старичок, – печально ответил Альбионыч. – Просто, как всегда, еврей начал издалека…

На этом обсуждение так называемой *книги книг* закончилось, но не закончилась эта нескончаемая для нашего героя тема.

Глава 211. ИДИОМЫ АТЕИСТА

Потихоньку прихлёбывая начинающее теплеть пивко, Володя думал о так называемой вере, и какая же она разная у разных народов, хотя по идее должна быть всё-таки одна. Христиане верят в Христа и святую троицу, иудаисты верят в *дедушку*, но не верят в Христа, индусы верят в *дедушку* и душу, но не верят в святую троицу, джайны вообще не верят в *дедушку*, но зато верят в душу, буддисты не верят ни в *дедушку*, ни в душу, но верят в перевоплощение.

«Может, правильнее всех», пришёл к выводу Кулемзин, «живу всё-таки я, который не верит вообще ни во что, кроме «Тянь-Шаня» и *русской кочерги*?»

В голове струятся струи –
как тропинки сквозь тайгу:
«Верю в пиво и игру я –
жить без них я не могу!»

«А не составить ли мне некий словарик», подумал писатель, «для тех, кто пока ещё колеблется так называемой верой – для того, чтобы они перестали сомневаться и твёрдо выбрали мой путь, как единственно правильный во Вселенной?». И вот чем был хорош наш главный герой, так это тем, что не откладывал своих решений в долгий ящик, поэтому и мне, автору, тоже сейчас легко, ибо я представляю на твой суд, читатель, плоды сиих творческих потуг. Так как Володя напрочь отрицал существование *дедушки*, то у него в новый словарик вошли пословицы и поговорки, придуманные им только что. Оцени их и ты, мой многотерпеливый читатель!

Всё в мире творится не нашим умом, а *ничьим* судом.
Всё *ничьё*, только грехи наши
Двум *никто* служить нельзя
Жизнь коротка, чтобы познать *ничью* правду
За голодного *никто* не заплатит
Заставь дурака *никому* молиться, он и лоб расшибёт
Как беда – так и к *никому*
Как ни живи, только *никого* не гневи
Как ни хорони концов, а *никто* не найдёт
Как у *никого* за пазухой
Когда *никто* с нами – кто против нас?
Кто к *никому* – к тому и *никто*
Кто рано встаёт, тому *никто* подаёт
На всё *ничья* воля
Никто в помощь

Личному пространству салютуя,
с временем отнюдь не соразмерны –
с ним мы постоянно конфликтуем,
а ведь можно и дружить, наверно.
Дни проходят в бешеном досуге,
дав нам ощутить своё сиротство,
только не даётся время в слуги,
словно сознавая превосходство.
Сложно жить в намеченной системе,
словно замыкаясь в амплитуде:
люди говорят: «проходит время»,
время говорит: «проходят люди»…

Никто не ведает, кто как обедает
Никто не выдаст – свинья не съест
Никто не вымочит – *никто* и не высушит
Никто не дал – *никто* не взял

Никто не дал денёчек – не даст и кусочек
Никто не дал зайку – не даст и лужайку
Никто любит тебя
Никто терпел, и нам велел
Никто так *никто*, но и сам не будь плох
Никто, царя храни
Ничей промысел
Ничьи пути неисповедимы
Перед *никем* все равны
Почитай отца и *никого* – будет тебе везде дорога
Сотворил *никто* три зла: *иблиса*, бабу и козла
Была б цела голова, а шапку *никто* даст
Человек предполагает, а *никто* располагает

А потом в припадке творческой щедрости Альбионыч даже сотворил ещё одну строчку – на тот случай, если наш роман попадёт в руки иностранцу:

Nobody save the Queen![340]

[340] ***Никто, храни королеву! – англ.***

Ну как, мой читатель, смешно? Вот и мне тоже грустно, ведь мы-то с тобой понимаем, что основной принцип церковной стратегии – это уничтожение любви людей к жизни, любви к радости, любви к торжеству и, главное, любви к смеху – тому двигателю и движителю чувств, кое неподвластно, как писано в библии (правда, несколько по другому поводу), «ни рыбам морским, ни птицам небесным, ни скоту и ни гадам, пресмыкающимся по земле»[341]

[341] ***Книга Бытия, 1:26 – прим. богосл. редактора***

А чтобы закончить эту главу не так грустно, приведу здесь некое объявление, которое никогда не висело ни на одном столбе, а было сочинено лично нашим героем:

На духовный семинар приглашаются
все свидетели Иеговы, понятые Иеговы
и потерпевшие Иеговы. Тел. 22-33-44

Когда атеизм я рифмую,
что веры гораздо нежней,
то вижу я веру пустую
и тех, кто купается в ней.
И кровь закипает в аорте,
добавив для сердца огней:
«Не верю ни в бога, ни в чёрта,
но в бога не верю сильней!»

Глава 212. ОБ ЭСКАЛАЦИИ СВОЕГО УСТАВА В ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ (Хронотоп нашего времени № 35)

Средневековье создало единую цивилизацию. В смысле – всё отправлялось от одного начала. И этим началом было даже не евангелие, а сама церковь, это была та часть целого, которая не то что бы регулировала и регламентировала всё остальное, – нет, она да-

же разрешала чему-то выйти за её пределы, она могла на что-то закрывать глаза, что-то потерпеть, но она всему давала смысл, была той солью, что солит всё блюдо – и сверху, и на дне. Были, конечно, явления, автономные от церкви, но не было смыслов, автономных от неё. И потому она не соотносила себя с цивилизацией или, вернее, могла не соотносить, но и не убегала от неё. Она и была цивилизацией, цивилизирующей силой. Впрочем, учитывая, что человечество, как всегда утверждал Кулемзин, – один большой дурак, всё это достаточно банально. Небанальный вопрос был только один: как жить с этой банальностью?

Рассказали мне в трактире:
«Ничего не смей ты сметь!
Всё банально в этом мире –
жизнь сама и даже смерть!»

Современная же цивилизация (прости, русский язык!) секулярна[342], она давно ушла от церкви и, по большому счёту, от того, что мы называем *дедушкой*, она смогла себя наладить, осознать свою секулярность, пережить это и прекрасно жить дальше. Современная цивилизация стала в состоянии обойтись без церкви, а если бы даже была не в состоянии это сделать, то наверняка бы придумала что-нибудь поинтереснее – для своей независимости от прочной идеи, веками владеющей миром. Сама, ибо у неё уже есть свой собственный смысл!

[342] Освобождение от церковного влияния. От лат. saecularis – светский – прим. непримиримого автора

И что в этой ситуации делать церкви? Можно, конечно, уйти от мира: мол, не хотите нас слушать, туда вам и дорóга. Но Христос же не уходил, наоборот: посылал своих учеников в мир проповедовать. Но, с другой стороны, как написано в одной страшной книжке без картинок, «блажен муж, иже не иде на совет нечестивых»[343]. А мир-то (по канонам церкви) именно нечестив. Опять же апостол Павел учит: «Что общего между Христом и Велиаром?[344]»

[343] Псалтирь, псалом 1 – прим. богосл. редактора
[344] В библии – дух небытия, разврата и разрушения – прим. богослов. редактора

Словом, церковь оставила себе возможности для манёвра: можно уйти, а можно искать пути разговора с миром, присутствия в нём, меру соотнесённости с ним. То есть как минимум понять, что проблема – есть, поставить её хотя бы, и пытаться решить, причём, дать возможность решать её различными способами.

«Проживём по старой схеме»,
говорил архимандрит,
«мы решим свою проблему,
если нас она решит!»

Но у нас по этому второму пути не шли никогда. При коммунистах церковь шла по первому – отвергала мир пассивно. Но теперь она имеет возможность действовать – и что она предлагает? А всё то же, только вывернутое наизнанку: монастырь как *активная* сила – сила, ненавидящая мир, сила, организованная иначе, чем организован современный свет. Сила не просто авторитарная, но – абсолютное послушание и поголовное отсечение *самости*. И вот эта сила не уходит от мира, но приходит в мир – ненавидя и не понимая

его, приходит не то чтобы одухотворить его исподволь, не для того, чтобы «для всех быть всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых…»[345] Монастырь приходит со своим уставом в чужой антимонастырь – организованный по своим сложным, тонким и *работающим* законам, основанным на свободе, разумном своекорыстии и собственном деловом доверии.

[345] Первое послание к Коринфянам, 9:22 – прим. богосл. редактора

Нам завещано *лукавым*,
как отрезано ножом:
в монастырь не лезь с уставом,
коль устав ему – чужой!

Некоторые люди умеют мыслить только по аналогии, но это бы полбеды, хуже, что аналогичны, по их мнению, килограммы и километры. Монах, уходя от мира, упрощает, хотя и утяжеляет во многом свою жизнь, он принимает логику солдата, отсекая от себя *вообще всякую* собственную мысль как греховную, всякое сомнение как искушение, всякую заботу о житейском как ненужную, хотя бы уже потому, что, как солдат, состоит на довольствии монастыря.

Упрощая собственную жизнь (если делает это по призванию), он поступает правильно – в отношении себя. Но когда он (прости, русский язык!) экстраполирует упрощение на весь мир, желая упростить его до логики монастырского уклада, он не просто берёт на себя то, на что его никто не уполномочивал, он совершает колоссальную ошибку против самогó устройства мира, пусть даже из сáмой пламенной любви к *дедушке*.

Ведь, казалось бы, очевидно, что мир устроен не принципиально просто, а принципиально сложно – и не в силу отягощающего мир греха, а изначально: всё – от атома, клетки, устройства человеческого организма, совсем не похожего на организм червя, хотя, кажется, кто мешал *дедушке* создать червя в человеческий рост, поместив в нём свободный бессмертный дух? – до законов движения планет, устройства целых галактик – всё это необычайно и избыточно тонко и сложно.

Нам хватило бы одного сердца, чтобы оно болело – так нет же: есть ещё печень зачем-то, две (две!) почки, сколько-то метров кишок, трахеи, бронхи, какой-то вообще не нужный аппендикс (к вопросу о *дедушкином* человеколюбии! – Вл. Г.), какое-то мало кому известное «дугласово пространство» (русские называют его *поддых*) – неужели всё это имеет способность болеть?! Зачем? А крыльев, как у птички малой, нет. Почему? А пальцев почему-то пять, а не четыре или шесть! С какой стати?

Знают даже сенегальцы,
можно с чем себя сравнить:
почему у нас пять пальцев?
Чтобы кружку ухватить!

Но на мир природы церковь благоразумно не замахивается, принимая её как *дедушкину* данность, зато в устройстве общества она давно собаку съела, да и в культуре всё понимает – какая наша, какая нет. Им, церковникам, только дай, – они устроят такую святую Русь, что мама не горюй!

Всё это, конечно, слова, а вот между слов… Цивилизация – это где-то *там*, а церковь-то пришла сейчас да по *нашу* душу – сюда, где нет цивилизации, а есть только какая-то ерунда с заигрываниями государства с церковью, где всё ещё больше запуталось, и вместо внятно расставленных акцентов, вместо точных слов об *относительной* правде монас-

тыря и *относительной* хорошести цивилизации, о важности этих относительностей и относительности этих важностей, мы имеем…

Дедушка мой, какие пустяки мы имеем! Но всё равно – свет и мир есть и у нас – и существует небеззаконно, то есть беззаконно-законно, то есть по-русски, то есть совсем грубо, но и совсем тонко, и вот сюда, на эту зыбкую почву, и приходит со своим уставом монастырь. Приходят по наши души лаврствующие и печорствующие, чтобы этот мир *воцерковить*, или, как они это понимают, *вомонастырить*, то есть *обезмирить*, то есть банально разрушить!

Мир в самой себе разрушив,
возвеличив эшафот,
разрушает церковь душу,
а должна – наоборот!

Почему время нашего иллюзорного мира всегда течёт вперед и никогда назад? Какая *дедушке* разница: сегодня он мог бы разыгрывать партию так, а завтра или вчера иначе – в им же созданном мире? Обычное квазимистическое представление: за занавесью изученных, нормальных явлений, подчиняющихся обыденным явлениям природы, скрывается странный, загадочный мир истинной реальности. Тогда как, напротив, уже сам этот зримый мир якобы изученных феноменов – он-то и странен в высшей степени! Это ли не диво дивное?

С какой стати из миллиардов возможных комбинаций *выбрана одна* – и притом выбрана неотменимо и непреложно, до скончания *эона*? По-моему, это значит только одно – зримый мир серьёзен, он наделён фундаментальной реальностью. Но ведь он же и иллюзорен! Пóмните: вчера мне нравилась девушка в белом? Сегодня я не люблю девушку в белом, а завтра я сам в белых тапочках…

Как у такого мира может быть связная история? И, тем не менее, – она налицо!

Есть история у мира!
Но она проходит мимо…

Глава 213. УРОК ФРАНЦУЗСКОГО ОТ АФАНАСЬИЧА

– Вот за что я не люблю французского языка, – неожиданно заявил Серёжа, – так это за его глобальные ошибки!

Заявление было настолько смелым, что Володя, Нуртай, Талгат и примкнувший к ним Валера дружно поперхнулись пивком. Оказалось, что увлёкшись игрой, никто не заметил, как в западной стороне Великого ▲, где были вкопаны столбики, появилась володина соседка Ариадна Сергеевна – вместе с дочками-близняшками Таней и Таней. Девочки ста-ли подавать маме из тазика только что постиранное бельё, а Покровская началá ловко его развешивать, причём, не стесняясь отдавать на поругание нескромным взглядам самое интимное. Собственно, на это и засмотрелся Афанасьич, но как в его тыкве оказался проложен маршрут от знойной медсестры до французского языка, пока оставалось тайной!

Нахлебавшись ацетона,
стал я тихо бормотать:
вызвал дух Наполеона –
чтоб язык тренировать!

– А при чём здесь французский, мать моя партия? – проперхавшись первым, наконец воскликнул Курманбаев. – Ты что, совсем с ума съехал?

Сторож, услышав такую явную крамолу в свой адрес[346], повернулся к Кулемзину и горько вопросил:

– Володя, как ты думаешь, когда же придёт новый Коперник (в моём лице) и объяснит этому человеку, что мир вращается не специально вокруг него?

[346] г. Отцеябловск, 2 мкр., дом 16, кв. 30 – прим. гл. редактора

– Да я вообще-то об этом не думаю, – осторожно поддержал диалог писатель. – А ты, старичок, всё-таки объясни коллективу маршрут движения твоих крайне запутанных извилин.

– Ладно, мать честнáя, – ещё более горько согласился Полтавцев, – объясню. Вот посмотрите…

Он повёл рукой на запад, и все послушно повернули головы в сторону Покровской и её детей.

– Видите: Сергеевна развесила свои трусы и лифчики!

– И что, святой Малевич, – улыбнулся живописец, – ты думаешь, что это не её?

– При чём здесь её – не её? – начал злиться на непонимание собравшихся экс-текстильщик. – Просто если кто русский язык забыл, то я, как близкий друг нашего выдающегося *филолуха* Альбионыча, напомню, что по-русски все эти женские тряпочки называются бельё. Так?

Крыть было нечем, и коллективу пришлось согласиться с охранником.

– А вот по-французски, – продолжил объяснение Швейк второго микрорайона, – то же самое называется дезабельé. Так?

Нам объяснил товарищ Путин:
«Любой язык – многослоён!»
Дезабелье – бельё по сути,
но только без законной ё!

Все снова закивали головами, хотя $^{3}/_{5}$ собравшихся слышали это слово в первый раз, а спорить не стали, так как увидели, что этот странный набор букв Серёжа прочитал из заветной книжечки «Для му.мы.», а уж ей-то верить было можно!

– Ну, ладно, почти убедил, ёперный Ларошфуко, – присоединился к обсуждению военный музыкант. – А теперь убеди навсегда!

– Так я к тому и веду, – разволновался служащий магазина «Пингвин и гагара». – Неужели вы сами не видите здесь ошибки?

Все дружно повели головами справа налево и слева направо, что в русскоязычном пространстве СНГ[347] давно означало жест отрицания.

[347] Старые Названия Городов? Странные Наименования Государств? Систематические Нестыковки Габаритов? – прим. автора

Афанасьич поднял палец вверх и торжественно произнёс:

– По-русски – бельё, значит, и по-французски должно быть дезабельё!

– Но у них ведь свой язык, мать моя КПСС! – воскликнул Мусаич, который очень любил, чтобы последнее слово оставалось за ним.

– А 1812 год?! – возмущённо вскричал сторож. – А Кутузов?! А Барклай-де-Толли, наконец?! Мы же тогда этим петухам галльским наваляли! Ты что, не помнишь?

«Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
французы двинулись, как тучи,

и всё на наш редут!»[348]

[348] М. Ю. Лермонтов «Бородино» (1837) – прим. лит. редактора

Тут все вспомнили, что да, наваляли иностранцам, и стыдливо перестали спорить со знатоком истории.

– А по контрибутике и репаратике, царица лесная, – окончательно добил коллектив своими знаниями Полтавцев, – эти неруси теперь обязаны переделать свой язык так, чтобы было понятно даже среднего ума саксаульцу, – причём, при этом посмотрел почему-то на педагога.

– А я что? Я ничего, – привычной партийной отмазкой сделал попытку отвертеться Нуртай.

– Переделать как? – фальшиво заинтересовался старший трубач, который, если честно, думал только о том, чтобы хлебнуть ещё крепкого пивка «Маршал»

– Да пускай тоже говорят дезабельё!

– А откуда ты, святой Казимир Северинович… – поражённо прошептал Муравлёв, который ближе к концу дня не помнил не только какого-то Наполеона, но и как звать собственную тёщу. – Ты же английский вроде знаешь!

– Не вроде, а знаю! – твёрдо поправил его полиглот. – Потому и говорю, что он куда как лучше французского. Вот возьмём, например, то же бельё…

Он вновь повернул голову на запад, но Ариадны Сергеевны там уже не было, как не было и её детей Тани и Тани.

– Как же просто оно звучит по-английски – lingerie[349]!

[349] Читается: лонжерей

– Действительно просто! – воскликнул штатный поэт Бермудского Учпучмака и – для более полного усвоения пройденного материала – тут же угостил покерный коллектив экспромтом:

«Приступаю к делу прямо»,
вспомнил как-то режиссёр,
«lingerie снимаю с дамы:
не частями – сразу всё!»

Вот так закончился этот невероятный урок французского от Серёньки Полтавцева, которым, если бы они его услышали, наверняка бы гордились покойные бабушка Федóра и дед Михей из деревни Семижопино. И только Володя улыбался про себя, так как не стал говорить сторожу, что французы это слово именно так говорили намеренно, чтобы сбить с так называемого панталыку русских, ведь главным в нём (слове, а не панталыке) было не какое-то женское бельё, а первая часть – дéза, то есть сокращённо дезинформация!

Наши тыквы как протезы,
мысли как зигзаг-винил:
мы врагам подкинем дезу,
чтоб поверили они!

Глава 214. В МАГАЗИНЕ И ВНЕ

И только было решил Володя предложить коллективу наконец-то начать то, ради чего они собирались каждый день в центр раскалённой вселенной второго микрорайона, то

есть заняться *русской кочергой*, как заметил сразу четыре обиженных и явно страдающих взглядов своих партнёров по роману. И, будучи человеком не только добрым, но и умным, писатель понял, что писателем он может побыть и вечером, когда лишится компании этих людей, а вот спонсором – прямо сейчас! Ибо во взорах страдальцев ясно читалось только одно слово, написанное по-русски крупными буквами, но почему-то с какими-то линейками вверху и внизу – вот так:

ПИВО

, причём, в каждом взоре было только по одной букве, как будто персонажи предварительно сговорились свести Кулемзина с ума. Примечательным было и то, что особенно ярко горела последняя буква О – во взоре живописца Муравлёва.

И как было не откликнуться на этот немой, но такой выразительный призыв к человеколюбию, гуманизму, сострадательности, а также (дважды прости, русский язык!) филантропии и альтруизму? И Альбионыч откликнулся: он достал из кармана рубашки очередную купюру и показал её всем по очереди, причём, так выразительно, что виде́нием заинтересовались даже пенсионерки, бросив игру за СС, или Старушечьим Столиком.

Спеша к невырытой могилке
по жизни тоненькому льду,
старушки тоже любят филки[350] –
на них они берут еду!

[350] ***Деньги – феня***

– Серёжа, яйчики-бабайчики, – обратился спонсор коллектива к одному из его членов. – Нет ли в твоей безразмерной памяти ещё какой-нибудь считалочки – для более быстрой реализации наших суровых планов по доставке?

Афанасьич покопался в названной памяти, но не нашёл в ней ничего, кроме некоторых частей ткацкого станка, запавших в неё ещё во времена его работы на ОХБК, а именно барабанов для пряжи и готовой ткани, рамок, управляющих нитями основы, и какими-то приспособлениями для уплотнения ткани, причём, наиболее ярким воспоминанием стало то, что барабанов в станке было два!

– Ничего не нашёл, царица лесная, – повинился он вслух, спихнув неудачу на какую-то мифическую государыню.

И тогда писатель Кулемзин вспомнил, что иногда бывает поэтом, и сразу же в голову пришла считалочка, сочинённая тут же – при помощи некоего **СЭР**а, то есть Системы Экспромации Резервов:

Бросив знания и книжки
(заниматься недосуг!),
побегу в сельпо вприпрыжку –
пива всем нам принесу!

Так как считалочку не знал никто, марсианин тут же построил всех, включая себя, в условный круг и начал тыкать пальцем в каждого – по одному слогу на брата. И вот тут справедливая Сука-судьба наказала бывшего текстильщика с его ненужными воспоминаниями: последний слог *су* – брат-близнец французской монеты достоинством в 5 сантимов – выпал на впалую грудь Полтавцева.

– Эх, моя жизнёха, без тебя мне плохо, – поэтически вздохнул сторож и, приняв из рук спонсора денежку, отправился в очередной поход за счастьем.

А оставшиеся на просторах Бермудского Учпучмака игроки и примкнувший к ним Николаич в это время, чтобы не скучать, начали занимать себя разными разговорчиками. И первую тему для них неожиданно подсказало некое происшествие, случившееся с педагогом Курманбаевым: вертясь на покерной скамеечке – так, чтобы занять чуть больше места, чем сидящий рядом Валера, он довертелся до того, что его часть тела, называемая в русском народе *пятой точкой*, соскользнула с лавочки и вместе с остальным телом переместилась на позднелетнюю травку, то есть Нуртай, выражаясь языком сурового пролетариата, просто *сверзился* на землю!

Споткнулся я на жёсткой кочке –
и стал как некий инвалид:
моя чувствительная точка,
упав, как голова болит!

Правда, чтобы не стать посмешищем для остального коллектива и дворовых детей, которые уже начали приглядываться к странному дяденьке, он тут же водрузил упомянутую точку на прежнее место и стал спирать случившееся на некий закон Ньютона, что, кстати, было недалеко от истины.

Впечатлившись Абсолютом[351],
и к тому же не дебил,
нам открыл законы Нью́тон –
видно, умный дядька был!

[351] От лат. Absolutus – безусловный, неограниченный, совершенный. Так философы того времени называли первооснову мира, первоначало всего сущего, которое понимается единым, всеобщим, безначальным, бесконечным, но, в свою очередь, противостоит всякому относител-ному и обусловленному бытию – прим. философ. редактора

А добрый Альбионыч, чтобы ещё больше не компрометировать своего товарища по *русской кочерге*, рассказал покерным бермудцам историю

О том, как был открыт закон всемирного тяготения

– Однажды, яйчики-бабайчики, – начал он, – (а было это в 1680 году) после очень напряжённого дня заседание некоей комиссии, назначенное на 11 часов вечера, не собрало необходимого (прости, русский язык!) кворума, ибо один из старейших членов комиссии внезапно скончался от нервного истощения.

– Вот что йодистая наука с людя́ми делает! – вскричал Салихдзяныч, в очередной раз порадовавшись тому, что правильно определился в жизни.

– А причём здесь Ньютон, мать моя партия? – недовольно поинтересовался Мусаич.

– Так, наверное, история про Ньютона, – высказал смелое предположение Муравлёв и тут же попенял ленинцу:

– А ты вечно, святой Малевич, дослушать не даёшь!

Володя немного подождал, пока утихнут страсти, и продолжил:

– Так вот, каждое мгновение сознательной жизни Исаака Исаакыча было тщательно распланировано, а тут вдруг оказалось, что в этот вечер ему нечего делать, так как следующее заседание комиссии было назначено только на полночь. И поэтому он решил…

– Попить пивка? – на этот раз перебил лектора военный музыкант.

– Нет, Талгат, – твёрдо осадил его марсианин. – Этот великобританский учёный с еврейским именем-отчеством решил немного пройтись. Но эта коротенькая прогулка изменила мировую историю!

– А как? – воскликнул дворовый ребятёнок, подскочивший к покерному столику, но не дослушал ответа, и снова ускакал в мир своих безумных развлечений, причём, всё это произошло так быстро, что никто из персонажей ничего не заметил.

Чтобы нерв не истончался,
чтоб небыстро длились дни,
мы детей не замечаем,
ибо быстрые они!

– Да, забыл сказать, что в этот день в Англии протекала календарная осень, и в садах многих иностранных граждан, живших по соседству со скромным домом Исаакыча, деревья ломились под тяжестью спелых яблок.

– Думаю, что в это время, мать моя КПСС, всё уже было готово к сбору урожая, – снова встрял Курманбаев, но, получив сразу три заряда презрения повышенной мощности, тут же умолк.

– И вдруг, – повысил голос рассказчик, – Ньютон увидел, как на землю упало очень аппетитное яблоко! Другой человек – не такой умный и учёный – просто бы прошёл мимо, сожалея, что в его саду нет таких яблок, но не таков был герой этой истории! Немедленной реакцией Ньютона на это событие, кстати, думаю, весьма типичной для *человеческой стороны* великого гения, было перелезть через садовую изгородь и сунуть яблоко в карман. А потом, отойдя на приличное расстояние от сада, он с наслаждением надкусил сочный плод.

– Так он чего, спёр его, что ли? – тихо пробормотал живописец.

– Что ты, Валера, этот учёный просто изъял его из бесполезного оборота жизни для создания своего великого закона! И тут его осенило: без обдумывания, без предварительных логических рассуждений в мозгу Исаакыча блеснула мысль, что падение яблока и движение планет по орбитам должны подчиняться одному и тому же универсальному закону.

Наверное, самый великий закон –
всемирный закон тяготенья:
вращенье планет объясняет нам он
и яблок румяных паденье!

И не успел он доесть яблоко и выбросить огрызок, как формулировка гипотезы о законе всемирного тяготения была уже готова! До полуночи оставалось всего три минуты, и Ньютон тут же поспешил куда и хотел, то есть на заседание Комиссии по Борьбе с Курением Опиума Среди Студентов Неблагородного Происхождения…

Глава 215. УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ! (Вторая армейская байка Муравлёва)

– Что-то нашего Афанасьича долго нет, – пристально вглядываясь в 22-метровое пространство до мини-гипермаркета Калимы, посетовал Володя, но разглядеть хотя бы что-то сквозь тёмные и пыльные окна сельпо было практически невозможно.

Можно было, конечно, как это случалось раньше, воспользоваться таинственной марсианской технологией *къъътъурррръъчшъ*, позволяющей проникать взором сквозь материальные предметы, но сейчас сами предметы изучения (и Серёжа, и магазин) казались слишком мелкими. «Иван хренов!», пробормотал писатель, а вот кого он имел в ви-

ду под этим старым русским именем, будет видно из предложенного ниже катренчика, сочинённого нашим героем за пару секунд:

Какой таинственный крестьянин
попался в этом нам году.
«Почти пришли!», сказал Сусанин,
кокос срывая на ходу…

Натугу момента почувствовали и все остальные, и тогда на помощь страждущим пришёл герой нашего романа, в честь которого и назван этот пятый том, а если читатель уже забыл, о ком идёт речь, то пусть закроет книжку и посмотрит на переднюю обложку – в левый верхний угол.

– А вот у меня ещё был случай, – неожиданно начал повествование Валера, – на первом, святой Малевич, году службы.

При этих словах оживились сразу двое из присутствующих – Кулемзин, которому тоже однажды довелось подарить советской (б) родине два бесполезных года, и Батыршин, который дарил ей же, но уже в саксаульском варианте, лучшие дни своей многострадальной жизни. И только Курманбаев, для которого армейская служба была некой призрачной химерой, сделал вид, что ему вообще не интересны рассказы такого уровня. Причём, подобное выражение своего партийного лица он делал уже второй раз за этот день, а первый, как помнит мой памятливый читатель, был сделан при первом же рассказе о солдатской службе всё того же Николаича – в главе 181 этой толстой книжки.

В руках, ногах – повсюду боль,
во рту песок, на шее соль,
в глазах слеза, в душе тоска –
вот вам советские войска!

– Сами знаете, друзья, – игнорируя Мусаича, начал рассказ художник, – какая нелёгкая служба досталась нам во времена советские, – и эти простые слова вспоминальца тут же вызвали саркастическую улыбку педагога, но на неё никто не обратил внимания, и он привычно затаил горе – от чёрствости родного коллектива.

– Да уж, – поддержал рассказчика Талгат.

– Чего уж там, – не удержался от своего воспоминания и Володя.

– Так вот, – продолжил Валера, – служил я какое-то время при штабе полка – в качестве художника, музыканта и библиотекаря, – короче, был завклубом в одном лице. И однажды, когда руководство полком куда-то слизнуло, прапорщик Пивторарыло, «любящий» меня до глубины души, с радостью загнал меня на какую-то полковую стройку – сейчас уже не помню: то ли новый свинарник, то ли новый корпус для офицерского состава. И вот я целых два дня *колдыбачился* на этих строительных работах. А дело, забыл сказать сразу, было лютой зимой!

– А почему колдыбачился, мать моя партия, а не работал, выполняя и перевыполняя нормы выработки, и участвуя в напряжённом социалистическом соревновании? – строго попросил уточнения большевик, и плохо сделал, так как для продолжения рассказа военного трубача пришлось ожидать из двухминутного похода в учпучмакские кусты.

– Да потому, – ответил любопытному живописец, – что в первый же день прапорщик стал морозить меня в недостроенном здании! Правда, в редкие минуты его отсутствия я старался, чтобы совсем не посинеть, прижиматься к тепловыделителю. А прапор, когда захаживал проверять выполнение работ, почему-то проверял только меня одного.

Курманбаеву очень хотелось узнать, что же это за таинственный тепловыделитель, о котором только рассказал Муравлёв, но делать этого не стал, – чтобы не быть осмеянным в очередной раз.

Чтоб не было корчей и порчи,
устроил на кухне привал:
тепло выделяет приборчик,
чтоб кофе быстрей закипал!

– И, естественно, – горько продолжил рассказчик, – что этот Пивторарыло меня ловил – чаще всего с какой-нибудь строительной ручной техникой, которая, я даже не знал как и называется. Но, например, если в этот момент у меня в руках был мастерок, то при появлении прапора я им тщательно шкрябал пол.

– А знаете ли вы, друзья, что мастерок происходит от слова *мастер*? – сделал жалкую попытку реабилитироваться в глазах товарищей Нуртай, но попытка зачтена не была.

– Давай дальше, ёперный Валера! – скомандовал унтер-корнет.

– Прапорщик, конечно пытался меня учить, – строго посмотрев на Мусаича, вновь начал воспоминания наташин супруг. – Помню, как сейчас, его смешные хохлятские слова: «Кельма це тобі не пензлик на хріновині, нею треба робити, а не мазати»[352]

[352] ***Мастерок тебе не кисточка на хреновине, им надо работать, а не мазать – укр.***

Все повторно посмеялись, но на этот раз как-то горько.

– В руках художника и мастерок рисует, – ответил я ему осипшим от холода голосом, а я сейчас орнамент намечаю, как плитку буду *по-художественному* класть.

– В смысле ложить? – уточнил воинский начальник.

– Да, извините, товарищ прапорщик, – повинился я, чтобы не усугублять, – конечно, ложить!

Все немного посмеялись.

– А почему такая бодяга у меня проходила, так это потому, что ни он, ни я не знали, что в этом месте плитки вообще не намечалось.

– Так это что? – воскликнул педагог и даже немного привстал с покерной скамеечки, что делал обычно в минуты сильного душевного волнения. – Получается, что во время воинской службы ты обманул командный состав?!

Смерть моя у глаз блеснула
(был я на передовой):
командира обманул я –
взял рубеж, да только свой!

Глава 216. УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ! (Вторая армейская байка Муравлёва, окончание)

Николаич на эту глупость отвечать не стал и продолжил нелёгкие воспоминания:

– Так весь день я, полусонный, пудрил ему мозги, но на следующий день он решил меня *попробовать* уже на свежем воздухе, и, святой Малевич, как выяснилось, с орудием посерьёзней мастерка. Прапор, вручив мне тяжеленную кирку, сам вывел меня на работы «до объекта», как он выразился, хотя, кроме чистого поля, там ничего не было.

– Наверное, это был закопанный в землю секретный объект, – сделал нелепое предположение никогда не служивший ленинец, но на эту глупость никто внимания не обратил.

– Копать вот от этого колышка, – показал мне Пивторарыло какой-то сучок в земле, – и до обеда!

Но лицезреть мой стахановский труд ему не посчастливилось, так как прибежал *вестовой*, после чего моего начальника смыло в сторону штаба. Скажу честно, что в его отсутствие (Нуртай, молчи!) я к кирке только от интереса и притронулся, ведь копать канаву в мерзлоте – даже могилу таракану за смену не выдолбишь! Как киркой не усердствуй, больше горошины ничего не отлупится, поэтому я махал больше руками, чем инструментом.

Без дружеских аплодисментов,
в патриотизме сверхквасном,
работал смело инструментом,
закуску режа тесаком!

– И вот успел я махнуть киркой всего раз десять, да и то три раза из любопытства, а остальные по инерции, как вдруг сзади раздался голос, и судя по тембру, ещё большего начальника, чем мой прапорщик:

– Товарищ солдат, с такими темпами мы ракету только из загробной жизни запустим. Вот смотрите и учитесь как надо!

Я обернулся и увидел какого-то незакомого полковника, который стремительно выхватил у меня кирку, размахнулся, будто хотел продырявить танк, и, хрястнув по мерзлоте, попытался отыскать то, что, по его мнению, отлетело. Ничего не обнаружив, он страшно удивился и снова начал искать дырку, уверенный, что таковая должна быть не менее чем в туннель размером, но у него опять ничего не получилось.

– Ах ты ж, сволочь! – обозвал старший офицер, но не меня, а мёрзлую землю, после чего попытался продолжить земляные работы.

Его следующий замах на этот раз был приготовлен тоже для танка, но уже тяжёлого, поэтому второй удар услышали, наверное, в штабе, причём, не только в нашем, но и китайском. Правда, найденный отделившийся от земли фрагмент был величиной с ту же горошину, которую я до этого и сам смог наковырять. Тогда, сняв папаху, полковник застучал киркой как из пулемёта, но и это титаническое усилие не углубило и не расширило место, где должна была образоваться даже не канава, а хотя бы лунка.

На заре у нас забота:
чтоб поймать из ручейка,
землекопные работы
по добыче червяка!

– Товарищ солдат, а сколько вам по норме сегодня копать под ракету? – выдал он мне военную тайну, причём, уже не таким громобойным голосом.

– До обеда, товарищ полковник, – отрапортовал я, выхватив из его рук кирку, потому что сам офицер достал из шинели карманный калькулятор, подышал на него, видимо, отогревая кнопки, а потом защёлкал ими, приборматывая:

– До обеда, значит? Так, так… Это будет… это будет… полтора кубометра!

После чего стал стремительно удаляться в сторону штаба, на ходу отдав мне распоряжение:

– Работайте, товарищ солдат, работайте!

Когда он исчез, я стал работать по-прежнему, то есть устраивал перекур через три-четыре взмаха кирки, и за часа три такой напряжённой работы накопал аж 11 мёрзлых го-

рошинок. И только вечером, когда я добрался до части, узнал, что прапорщик Пивторарыло уже успел получить конкретных *люлей*! Оказалось, что этот незнакомый полковник был проверяющим из округа по политической части, а ленинская комната, которую я – вместо того, чтобы долбить ракетную шахту – должен был украшать к Новому году, по причине излишнего ко мне внимания, была лишена очередной стенгазетной пропаганды!

Я, разжившись сигаретой,
приборматывая *мать*,
выпускаю стенгазету,
о труде чтоб рассказать!

А я был даже благодарен нашему прапорщику – если бы не он, пришлось бы мне очередную политерундовину собственноручно малевать: кто-то из нашего взвода считал дни *до дембеля*, а я же считал выпущенные до этого светлого дня и замучившие меня по самый пупок тиражи стенгазеты к праздникам. А прапорщика после этого случая мы стали называть не Пивторарыло, а Пивторакуба[353]!

[353] ***Полтора кубометра – укр.***

Глава 217. В МАГАЗИНЕ И ВНЕ (окончание)

А что же наш друг Серёнька Полтацев? Как ушёл он в лавку Калимы, так и нет от него вестей – как от советского разведчика-нелегала, много лет лет проторчавшего в никому не нужном Габоне. И только автор знает, что по дороге в магазинчик наш герой мурлыкал про себя старую песню про партизана Железняка, которую после литра самогона любил напевать его дедушка Михей из деревни Семижопино:

Он шёл на Одессу,
а вышел к Херсону –
в засаду попался отряд:
налево застава,
махновцы направо,
и десять осталось гранат!

\

Сельпо саксаульской торгашки для сторожа всегда было словно пещера Аладдина – потому что нигде более он не видел такого разнообразия товаров, многие из которых к тому же были съедобными. Поэтому, разглядывая, что же скрывается за пыльными витринами. Афанасьич любил поговорить с продавщицами, совершенно забывая не только о времени жизни, но и о главном – своих товарищах, ожидающих его с хурджином, полным чудесных холодных бутылочек. Вот и сейчас, внимательно изучив сегодняшний ассортимент, бывший текстильщик для начала задал такой вопрос:

– А вот чё у вас, царица лесная, вот этот творожок такой дорогой, – как будто из молока сделан?

Польщённая продавщица, которую неизвестно почему назвали царицей, собралась было ответить ему, как любопытный покупатель уже переместился к следующей витрине, из чего она заключила, что вопрос о молочном продукте был (прости, русский язык!) риторическим. Эта витрина была рыбной, но запах, который она издавала, позволяла надеяться на успех покупки только потенциальным суицидникам.

Из всего числа разных морских и речных чудовищ, представленных на ней, с надеждой остаться в живых можно было покупать только минтая, да и то потому, что бóльшую часть своей жизни эта придонно-пелагическая холодолюбивая рыба семейства тресковых,

как представляет её в своём капитальном труде «Рыба в качестве закуски» профессор Фекалин, проводит в свежемороженом виде.

Есть привычка бытовая,
что меняю на рубли:
под солёного минтая
пью я только «Жигули!»

Тем не менее и эта витрина заинтересовала Серёжу не более чем на полминуты, поэтому через 35 секунд продавщице был задан очередной вопрос:

– А это у вас чё в коробочке?

– Конфеты «Птичье молоко», – ласково ответила женщина в переднике, быстро поняв, что нарвалась на придурка.

– А у нас в Саксаулии чё, птиц доят? – весело поинтересовался покупатель и тут же гулко захохотал, жалея о том, что в магазинчике темновато, а то бы он немедленно записал свою выдающуюся шутку в заветный блокнотик «Для му.мы»

Правда, ответ Полтавцев всё-таки получил, и было совершенно не понятно, серьёзно ответила ему продавщица или также пошутила:

– У нас в Саксаулии доят всех!

Жизнь сельпо многообразна,
но у нас никто в *блатных*:
доим мы клиентов разных –
умных, средних и тупых!

Затем Афанасьич заметил, что со вчерашнего дня в угловой витрине, предназначенной для юного поколения саксаульских школьников, появились новые красивые коробочки с этикетками на каком-то иностранном языке. Он вспомнил, что уже пару лет тоже изучает какой-то язык, правда, не смог точно вспомнить, какой именно, поэтому иноземная надпись разуму не поддалась.

А автор нашего искромётного повествования в это время пожалел, что в тёмном пространстве лабаза сейчас находился сторож, а не писатель Кулемзин: уж Володя-то обязательно бы узнал французский язык, после чего легко перевёл, что в коробочке прячутся так называемые *мадленки*. И уж совсем наверняка Альбионыч бы вспомнил, откуда он знает это странное слово: именно такие знаменитые печеньки в форме морских гребешков когда-то пробовал главный герой бесконечной книги Марселя Адриановича Пруста «В поисках утраченного времени» со странным именем Рассказчик – в доме своей тётушки Леонии…

Печенье, наверно, придумал бог –
возможно, на день восьмой:
он очень устал, он почти оглох
от шума возни земной.
И бог отправился в долгий путь,
хламиду свою теребя, –
ему захотелось чего-нибудь,
чего-нибудь *для себя*.
Бог стал забывать о земной маяте,
усталость смог позабыть –
он выбрал имя своей мечте
и начал её творить:

печенье явилось из ничего –
дитя божественных сил!
Бог очень долго смотрел на него
и всё-таки откусил! –
тревоги ушли, и ушла печаль,
а бог продолжал жевать,
потом он к печенью придумал чай,
чтоб в чай печенье макать…

Охранник протянул продавщице котомку для набития её бутылочками, но опытная женщина не взяла её – до тех пор, пока Серёжа не рассчитался володиными *купишками*, и пока она, брезгливо отворачивая нос от хурджина, аккуратно складывала в него товар, покупатель ударился в философию, думая о том, что деньги это всё-таки продажные твари: вроде только что они были твои, а вот теперь уже поменяли хозяина!

Наконец женщина закончила трудную работу и даже помогла сторожу надеть котомку как детский рюкзачок. И только он было приготовился отчаливать обратно – к давно ожидающему его коллективу, как на пороге лавки появился… негр! Продавщица, завидев неожиданного покупателя, тем не менее не растерялась, а кинулась к нему, кланяясь на ходу, и крича что-то между *хаудуюду* и *дуюспикинглиш*.

– Не волнуйтесь, – отозвался негр, – я *по-нашему* умею…

Из этого сообщения опытная продавщица сделала вывод, что негр, вероятно, один из детей приснопамятного Московского фестиваля молодёжи и студентов, поэтому не растерялась второй раз и заявила:

– А я знаю, что вы хотите! Вы хотите килограмм бананов!

– Почему?! – искренне удивился потенциальный покупатель.

– А потому что вы – негр! Значит, вам надо кило бананов!

– Да я не негр, – начал открещиваться пришелец, – я мулат.

– Аа-а-а, – с пониманием протянула женщина. – Тогда возьмите полкило!

Хоть мы вовсе не миллионеры,
но зато добродушны в другом:
даже в русской деревне мы негру
обязательно пальму найдём!

Наконец Афанасьич вышел из ступора и, не дожидаясь конца торга, вышел из магазинчика и поспешил на родные просторы Бермудского Учпучмака. И если он направлялся в сельпо размашистой походкой матроса, опаздывающего из увольнения, то возвращался с полной котомкой счастья и счастливым видом лакея, прощённого за разбитую господскую чашку. При этом знатный скороход прижимал к себе заветные бутылочки, как суринамская мартышка – израильский паспорт.

Глава 217. ПРО ТРУДОТЕРАПИЮ (Армейская байка Батыршина)

– Друзья, – обратился Володя к присутствующим после того, как все сделали по первому глотку́ свежего напитка. – А не сыграть ли нам ещё одну партейку, а то время уже приближается к пяти вечера, а я вас знаю – к сожалению, исключительно с плохой стороны, вы ведь обязательно начнёте намекать, что неплохо бы…

И для выразительности пощёлкал пальцем по горлу. Все оживились, так как с детства знали этот далеко не международный, а исключительно русский жест. Но в ответ литератор получил столь красноречивые взгляды, что тут же устыдился своего крайне нелепого предложения.

Нет, не знают иностранцы,
что же давит нам на грудь:
постучу по горлу пальцем –
знают все: хочу бухнуть!

В это время Афанасьич уронил под покерный столик пробочку от своего «Жигулёвского», наклонился, но вместе с ней поднял клочок какой-то газеты и тут же решил, что это знак свыше: раз попало ему в руки печатное слово, то не мешало бы немного попросвещаться. Он разогнулся, показал всем по очереди бумажный клочок и начал старательно читать заметку, правда, через полминуты его перебил вопрос Николаича:

– Серёжа, а на каком языке, святой Малевич, ты это читаешь? Ничего не понятно!

– Да тут заметка про японские острова, – ответил чтец. – Такие, мать честнáя, сложные названия!

– И вовсе не сложные, – поправил его марсианин. – Запомни вот такой незатейливый стишок, и тогда главные японские острова навсегда осядут в твоей памяти, – как алкогольные камни, которыми уже полны твои бессистемные почки:

Милая Хоккайдо!
Я тебя Хонсю́!
За твою Сикоку
я тебя Кюсю!

И пока восторженный уроженец деревни Семижопино переписывал стишок в свою книжечку «Для му.мы.», чтобы вечером прочесть его дорогой подруге Зуле, на другой стороне покерного столика, где вольготно сидели всего два персонажа романа, неспешно шёл вот такой диалог:

– Короче, Талгат, накупил я себе этого *призового* пивка, и тут мне попёрло! Открываю одну бутылку, а там приз – магнитофон, открываю вторую – телевизор, открываю третью – поездка в Германию. Короче, ужас!

– И что же в этом плохого, ёперный Валера?

– Так я же пить хотел!

– Ну и как, съездил?

– Куда, святой Малевич?

– В йодистую Германию!

– Да нет, это всё с похмелья мне помни́лось…

И тут организатор мероприятия понял, что просто так сидеть ещё минут 10-15, наливаясь по самые гланды, крайне непродуктивно, достал из кармашка свой телефончик и, нажав соответствующую кнопочку, заглянул в телефонный сундучок, помеченный названием «Заметки», а чтобы читателю было понятно, зачем он это сделал, автор пояснит, что именно здесь – на всякий случай! – Альбионыч хранил план построения всех семи (а, может, и больше) томов «Русской кочерги». Перелистнув странички, он нашёл файл под названием «29 августа, пятница», покопался в нём и определил, что именно сейчас – после армейской байки живописца – должна прозвучать армейская байка Салихдзяныча.

– Талгат, – обратился он к старшему прапорщику, – а ты не мог бы рассказать какую-нибудь армейскую байку из своей многотрудной армейской жизни?

– Да с нашим удовольствием! – обрадовался вниманию товарища военный музыкант. – Слушайте!

Защищать мы наготове
вас – и жёны, и мужья:

каждый день как звонкий подвиг –
только в армии, друзья!

– Однажды, – начал он и поднял вверх палец, призывая к вниманию, – когда я ещё только начинал службу в Военно-музыкальном училище имени Курмангазы, как-то простудился, и меня тут же отправили в санчасть. Полежал я там дня два в постели, попринимал лекарства, а на третий день смерил температуру – вроде нормальная. И тут заходит наш врач – капитан Абрамян-Поперечный.

– Товарищ капитан, – говорю я ему, – а можно я встану и пойду погулять?

– Пожалуйста, – говорит капитан.

Надел я тогда халат и вышел во двор, а на улице тепло, солнце светит! И тут вижу: калитка у входа в санчасть покосилась и висит на одном шпингалете. «Так, думаю, непорядок, в танковых войсках!»

– Так ты же, мать моя партия, говорил, что на военного музыканта учился! – перебил рассказчика Курманбаев.

Все зашикали на него, ничего не объясняя, и Нуртай до конца этой книги так и не узнал, что произнесённая трубачом фраза – это распространённый армейский трюизм.

– А тут и доктор на крылечко вышел. Товарищ ёкарный капитан, говорю я ему, можно я немного поработаю – калитку починю?

– Пожалуйста, – тем же словом благословил медицинский начальник.

Попросил я у каптёрщика гвозди и молоток да и приколотил калитку – самому посмотреть приятно! А потом от скуки огляделся: что бы ещё сделать? И так до са́мого вечера ступеньки у крыльца поправил, потом скамейку укрепил, потом дорожку битым кирпичом выложил, а под конец даже забор покрасил.

Ремесло всего важнее!
Мыслью этой поражён,
починить я всё сумею –
коли руки не из жо…

И вот через день собрался Абрамян-Поперечный меня выписывать. Посмотрел задумчиво и спрашивает:

– А что, Батыршин, может, вы и стёкла вставлять умеете?

– Умею, – говорю, – ёперная наука не хитрая.

– И печки класть умеете?

– Запросто!

– А, может, вы, – спрашивает капитан, – и крышу отремонтировать сможете? А то она у нас уже второй год протекает.

– Смогу, – отвечаю. – Чего ж не смочь…

Потёр доктор затылок и говорит:

– Ну что ж, придётся вам, Батыршин, ещё с недельку полежать в санчасти, ибо вижу я в вашем (прости, русский язык!) анамнезе кое-какие недоработки.

– Хорошо, – говорю, – вам виднее.

На другой день я стёкла, где нужно, вставил, дымоход у печки поправил, а потом и за крышу принялся. И вот тут, на крыше, меня ротный старшина увидел, который мимо шёл – в штаб. Остановился, задрал голову и спрашивает:

– Что это с вами, Батыршин?

– Ничего, – говорю.

– То есть как это ничего? Вы разве не больны?

– Так точно, – говорю, – болен.
– Так это вы от психической болезни на крыше сидите?

Заберусь-ка я повыше
(может, в этом и болезнь?):
если псих – хожу по крыше,
если нет, то по земле!

– Никак нет, – втолковываю я бестолковому старшине. – Это йодистое лечение такое – по-научному *трудотерапия* называется.

Старшина так удивился, что даже забыл, куда шёл. А потом мне ребята из взвода рассказали, что весь день видели старшину, который ходил и разговоривал сам с собой:

– Это что же за лечение такое? Да я такое лечение солдатам каждый день прописываю. Значит, меня, выходит, уже профессором медицины считать можно?..

Глава 218. БОБСЛЕЙ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Все наши бéды происходят от того, что мы никогда не прислушиваемся к умным советам и не учимся на чужих ошибках. Люди вообще странные существа, готовые сто раз наступать на одни и те же грабли, лишь бы убедиться в том, что они действительно бьют точно по башке, и притом очень больно.

Даже самую примитивную обезьяну можно выдрессировать избегать ловушек, но человек, этот (прости, Вселенная!) венец природы, по ехидству называемый *дедушкиным* творением, по идее способный здраво мыслить и рассуждать, тем не менее снова и снова, с совершенно непонятным безрассудством и тупым упрямством, достойным лучшего применения, продолжает идти по той сáмой, уже до боли знакомой тернистой тропе, где расставлены покрытые паутиной вечности капканы.

И в бутылки, и в стаканы
дружно строем мы идём:
попадая в те капканы
раз за разом, день за днём!

И примеров подобного поведения человека не счесть. Многие десятилетия яйцеголовые умники, одетые в монашеские сутаны, рубища отшельников, парчовые камзолы, шёлковые халаты и модные современные костюмы, ломают копья над этой вечной проблемой нашего бытия.

Что толкает мыслящего индивидуума на свершение абсолютно идиотских поступков? Одни говорят, Сука-судьба, другие – карма, третьи – *дедушкин* промысел, четвёртые, материалисты, кивают на воспитание и гены, пятые же… Но об этих – разговор особый. Не мудрствуя лукаво, пятые, а, может, шестые или десятые эмпирическим путём вывели закон, подводящий черту под всеми (прости, русский язык!) схоластическими спорами:

Если ты дурак, то это надолго,
а, может быть, даже навсегда!

Вот такие мысли проносились в голове штатного философа Бермудского Учпучмака Кулемзина прямо с самого начала новой партии, которая наконец-то случилась за покерным столиком. И мысли эти были не случайны, так как всё происходящее стало похоже на некий бобслей с препятствиями. Володя и раньше частенько сранивал *русскую кочергу* со всякими видами спорта: то с футболом с его финтами и неожиданными голами, то с

хоккеем с его скользкими буллитами и удалениями на две минуты, то с упражнениями на бревне, когда оно не хорошо ошкурено, а словно бы смазано салом, а то и с парусными гонками, когда до финиша остаётся всего ничего, но ветер вдруг заканчивается, паруса опадают, как осенние листья, а самому́ яхтсмену хоть топись от позора!

Сначала думал – это горе,
но вскоре понял я, дебил:
несётся яхта на моторе,
ведь парус дома я забыл!

Сегодняшнее сравнение Альбионыча тоже имело право на некую истину. Ведь что такое бобслей? Это скоростной спуск по специально оборудованным ледовым трассам на таких же специальных санках. Дети катаются со снежных горок как попало, а вот таким спортсменам никуда не деться от строго заданной трассы, как и нашим игрокам, где ледовой дорожкой была запись в раскладке, чётко определяющая очерёдность следовавших один за одним робберов. И вроде бы должно́ такое катание проходить гладко – лёд же! – но то и дело на пути наших бобслеис… тьфу, покеристов, возникали некие препятствия, как если бы восторженные поклонники бобслея вместо дружеских криков спортсменам стали забрасывать саму трассу цветами, лыжными шапочками и женскими чепчиками, а какой-нибудь фанат, болеющий за команду противника, так ещё и норовил попасть пустой бутылкой из-под «Тянь-Шаня» в шлем гоняющего со страшной скоростью игрока… тьфу, бобслеиста!

Как введу я санкции –
в тыкву да оглоблей! –
снять врага с дистанции –
снайперская доблесть!

Но, в отличие от бобслеистов, которым всё-таки как-то удаётся добраться до финиша, наши игроки тормозили как умели, зачастую создавая преграды в движении сами себе. То Афанасьич, побледнев от вида пришедших карт, как довоенная наволочка, проявлял острую мозговую недостаточность в крайне серьёзной форме, то Мусаич демонстративно молчал, как будто ему с утра некий неизвестный садист прижёг участок мозга, отвечающий за речь, но в то же время глубоко дышал, чтобы дать возможность организму нейтрализовать героический залп адреналина, наполнившего мышцы, то Салихдзяныч, проигрывающий сейчас уже пятый роббер подряд, впал в незапланированную обиду, как в грязный мутный пруд, в котором невозможно свободно и радостно плыть, а можно только бессмысленно болтаться, как известно что в проруби, то сам Альбионыч, пытаясь лавировать между соперниками, как лыжник между качающимися флажками, чувствовал себя так, словно пришёл в театр, но в разгаре второго акта осознал, что в его правом ботинке слез носок: в принципе, терпеть было можно, но всё-таки страшно бесило!

Спешащее в неизвестность время шло со скоростью минутной стре́лки, и как-то незаметно промелькнула первая треть игры, или 9 робберов, а надежда на выигрыш писателя превращалась, как некогда говорил немецкий математик Карл Фридрихович Гаусс, в абсолютно малую величину! «Нет, здесь надо действовать быстро и напористо», подумал покерный гуру. «Как выстрел в спину из мушкета…»

Я – боец весьма отпетый,
и успеха битвы для
пристрелю-ка из мушкета
всех гвардейцев короля!

Вскоре перед игроками замаячили горизонты средней *тёмной*, которая, как уже знает мой читатель, означает самый центр партии, после которого она вначале продолжится по нисходящей, а потом и вовсе закончится – точно такой же *тёмной* на 12 картах. Как говорил когда-то знаменитый голландец Винсент Теодорович Ван Гог, ухо здесь надо было держать востро! Быстро раздав этот сложный роббер, Володя, заметив, что Серёжа потянулся к картам, словно бы невзначай прикрыл их ладонью, но молча, ибо если бы он сделал то же самое со словами, то это расценивалась бы как подсказка, а любой штраф, когда игралась *тёмная*, сразу же удваивался. Полтавцев тут же хлопнул левой рукой по своей правой, как бы наказывая её за ненужную инициативу, и «задумался» над тем, сколько же взяток ему надо заказать, чтобы вырваться хотя бы немного вперёд.

К этому моменту положение на игровом столике сложилось следующее: педагог успел набрать 247 очков, литератор – 218, военный музыкант – 115, а сторож, традициионно завершая покерную квадригу, плёлся далеко позади со своими 29 очками, радуясь, что вообще находится *в плюсе*. И вот как-то получилось, что все четверо соперников заказа-ли по три взятки, что, кстати, не нарушало правил игры, после чего каждый взял свою кучку и стал внимательно её разглядывать. Здесь надо заметить, что именно бывшему текстильщику было тяжелее всего, когда *сдача* была как раз по 12 карт: тут же вылазили на свет *дедушкин* и негнущиеся пальцы, и немедленно начинающееся косоглазие, когда он пытался охватить взором весь роббер, и затруднённое дыхание при виде одного или двух джокеров.

Разрываюсь я на части,
бьюсь, как нежное стекло,
задыхаюсь я от счастья –
40 *грандов* мне пришло!

Так что охранник вначале осторожно приоткрыл свои карты и стал прислушиваться к тайному голосу, который частенько звучал у него в голове, но ничего не услышал, затем наклонился ещё ниже и ещё раз внимательно вгляделся в пришедший роббер, словно надеялся отыскать там кусочек вожделенного селёдочного хвоста для своего уже начинающего теплеть *жигулёвского.* И вот наконец лицо его разгладилось, и тут все увидели, что он еле сдерживает себя, чтобы раньше времени не выкрикнуть заветное заклинание: «Играем по мизе́рам!». Стало ясно, что карта ему пришла на этот раз просто отличная, и он сопел, причмокивал и ёрзал на скамеечке в предвкушении лёгкой победы, составляя в тыкве её (победы, а не тыквы) нехитрый план из трёх пунктов:

1. Объявить мизер
2. Вместо трёх заказанных выиграть 6-7 взяток, посадив остальных
3. Торжествовать победу

Глава 219. БОБСЛЕЙ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ (продолжение)

Как уже было сказано, все четверо игроков заказали по три взятки, а художник Муравлёв даже весьма живописно изобразил веточкой в пыли под ногами некое уравнение, о котором не вспоминал со времён учёбы в средней школе:

$$3 \times 4 = 12$$

Все настороженно смотрели на Полтавцева, который радовался, как ребёнок Афонька новому деревянному коню, и размышляли: было это блефом или нет. Вслед за сторо-

жем карты посмотрели и остальные. Так, увидев свои, старший корнет вцепился в них покрепче, словно нищий в прохожего, и было весьма непонятно, что же мог означать этот волнительный жест. А вот чтобы моему читателю было хотя бы немного понятнее, автор поясняет, что в своей потной руке Салихдзяныч увидел расположенные друг за другом три картинки, которые означали вот что. Читатель из прошлых томов книги уже знает, что пришедших в роббере короля и даму называют марьяж, но мало кто знает, что короля, даму и валета называют смешным мебельным словом *трельяж.* Но именно такое двустворчатое зеркало, как поясняют это импортное слово словари, находилось сейчас перед взором изумлённого прапорщика. Правда, как применить этот *трельяж*, он не знал, ибо эти король, дама и валет были единственными картинками в его роббере, да к тому же не козырными!

Тупо пялюсь я в трельяж,
как какой-нибудь муляж!

Открыл свои карты и Нуртай, после чего торжествующе окинул взглядом амфитеатр битвы, как бы ожидая, что все присутствующие при его виде встанут и запоют национальный саксаульский гимн. Но это было внешнее проявление чувств, которое всегда рекомендовал игрокам Кулемзин в своей научной монографии «Проявление эмоций при игре в карты как признак умственной отсталости, обусловленной задержкой развития или органическим поражением мозга». В душé, если она всё-таки имелась у педагога, он радовался, как сопляк-восьмиклассник, впервые дождавшийся девушку на углу у главпочтамта, ведь кроме двух *грандов*, половина которых, как уже было сказано выше, находились у охранника, у него было пять козырей и три туза! Внутренним же проявлением чувств большевика было звучание домбры, кобыза и жетыгена[354] – саксаульских музыкальных инструментов, хотя логичнее сейчас было бы услышать внутри черепа игру на дабыле[355].

[354] Струнные инструменты – прим. муз. редактора
[355] Ударный инструмент у древних саксаульцев, который использовался в военных целях для подачи сигналов тревоги и опасности – прим. муз. и воен. редакторов

«Как же ему явно не хватает витамина B_6», подумал Володя, глядя на лицо Мусаича, с трудом скрывающее торжество будущей победы. Увидев вопрошающий взгляд писателя, коммунист заулыбался ещё таинственнее.

– Зря стараешься, – заметил на это Альбионыч, – на Лизу Антонмариевну Герардини[356] ты всё равно не похож…

– К-к-к-кую Лизу? – начал заикаться Курманбаев.

– Эх ты, – попенял ему Афанасьич, а потом ещё и передразнил:

– Какую, какую? Бедную[357], какую же ещё! Я, например, это ещё со школы помню!

[356] Джоконда – флорентийка, натурщица самой известной картины Леонардо Пьеровича да Винчи – прим. худож. редактора
[357] «Бедная Лиза» – повесть Н. М. Карамзина (1792) – прим. лит. редактора

«Как же всё-таки хорошо, что я попал в эту славную компанию!», подумал Николаич. «Сколько всего нового я узнал именно здесь, причём, совершенно бесплатно…»

В тыкве плохо, страшно, ватно –
муть куда мы денем?
Дали знания бесплатно!
Лучше б дали денег…

На беду первый ход был серёжин, а вот почему именно на беду, будет понятно из последующих шести строк.

– Играем на мизе́ре! – выкрикнул бывший текстильщик.

– Отменяю, – тихо произнёс Нуртай, после чего поглядел на коллектив печальным взором, будто это обстоятельство действительно расстроило его донельзя.

– Не расстраивайтесь, друзья. Желаю вам большого личного мужества! – решил поддержать сопокерников ленинец, но сделал это, как всегда, так фальшиво, что несчастного военного трубача как ветром сдуло – в сторону бермудских кустов.

– Знаете ли вы, что некто Жюль Пьерович Верн, – чтобы как-то разрядить напряжённую обстановку, заметил при этом знатный литературовед Кулемзин, – кстати, тоже не последняя скотина в литературе, в одном из своих романов писал, что мужество – это просто отсутствие воображения?[358]

[358] Жюль Верн «20000 льё под водой» (1869) – прим. лит. редактора

И всё-таки игру надо было продолжать

– Ну, вперёд, – по-ленински махнул рукой Володя. – С песнями и гопаками!

После этого напутствия каждому игроку не оставалось ничего, как только выскочить на привычный всем (прости, русский язык!) хайвей[359] войны.

[359] От англ. highway – скоростная автострада с односторонним движением

Путь ближайший очевиден –
знающий его поймёт:
на тропу войны мы выйдем,
откопав свой миномёт!

Сообщение Афанасьича поначалу расстроило Талгата, у которого, как уже было известно читателю, оказался *трельяж*, хотя и не козырный, так что из этого набора он рассчитывал хапнуть одну-две взятки, а остальные сыграть как *дедушка* на душу положит. Но вот следующее сообщение – курманбаевское, об отмене мизе́ра – наполнило внутренности черепной коробки военного музыканта неслыханной надеждой. «Ну, теперь уже точно не пролечу!», забилась в его тыкве счастливая, но глупая мыслишка. А всё дело было в том, что старший трубач просто забыл, кто такой Мусаич и как он может испортить даже то, что не могло быть испорчено в принципе! Но Салихдзяныч, преисполненный неисполнимых надежд, чтобы не спугнуть удачу, схватил бутылочку «Маршала» и тут же присосался к ней, вонзаясь в её хрупкое стеклянное тело, как упырь в ангелицу[360].

[360] Здесь автор явно дал маху! Как показали современные исследования с привлечением научной аппаратуры, ангелы являются существами бесполыми – прим. науч. редактора

Хорошим в этой ситуации было только то, что первый ход в этом сложном роббере на *тёмной* должен был сделать Полтавцев, и Альбионыч надеялся, что именно этот ход окажется верным. А верным он мог стать только в том случае, если сторож, забыв об остальных участниках битвы, попытается выбить один из *грандов* Нуртая. И охранник мог это сделать, так как на эту часть игры в его распоряжении был покер и один из младших джокеров. Но почётный житель деревни Семижопино, немного попялившись в карты, пошёл не покером, а именно младшим джокером, да к тому же произнёс несусветную чушь, хотя ему на мгновение показалось, что вот только что он сделал ход, который обязательно впоследствии войдёт во все учебники покерного искусства:

– По червям, мать честная!

О, непостижимость исполнительского дара игры на человеческих нервах! О, это ощущение натянутости струн, властный удар смычка угрозы и заманивающее пиццикато[361] напрасной надежды!

[361] *Итальянцы так придумали называть щипок струны скрипки – прим. муз. редактора*

Чтоб не обидели, успей обидеть первым!
Спокойствие храните, господа:
не восстанавливаются только наши нервы, –.
патроны можно докупить всегда…

Старший прапорщик, чей ход был следующим, с недоверием посмотрел на остатки колоды, поверх которых лежал козырная десятка – но трефовая.

– А ты, ёкарный старичок, зачем так сходил? – простонал он, и мой читатель, надеюсь, уже догадался, что военный *трельяж* был как раз трефового достоинства.

Надо ли говорить, что, кроме прапорщицкого короля заказанной масти, бесславно погиб и володин трефовый туз, и серёжин младший джокер, который был забран старшим джокером педагога. Нуртай, конечно, был не очень хорошим человеком, но играть он всё-таки умел, поэтому, рассчитав какую-то каверзу в уме, сделал следующий гибельный ход оставшимся младшим джокером со словами:

– По козырям, мать моя партия!

И это был почти правильный ход, потому что Мусаич знал, что охранник заберёт его *гранда* имеющимся покером, но рассчитывал на то, что Володя и Батыршин сбросят свои старшие козыри. И вот здесь вышла маленькая промашка, ведь ни одного козыря у бравого шнапс-капитана не было и в помине, а вот Кулемзину пришлось-таки распрощаться со своим королём.

О, как легко всю жизнь разрушить,
о, как же просто наказать:
король скончался – потому что
не смог он пережить туза!

Глава 220. БОБСЛЕЙ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ (ещё одно продолжение)

«Редкая пропадлючесть, яйчики-бабайчики», оценил заслуги Нуртая Володя.

– Да я хотел соседу помочь, – тут же высказал пламенный коммунист явное враньё. – А то живём рядом, а сблизиться всё как-то не удаётся…

– Правда? – со счастливой интонацией в голосе произнёс Афанасьич.

– Нуртай, оставь Серёжу в покое, – попросил марсианин. – Если в тебе так силён материнский инстинкт, возьми младенца из ДОДИКа и воспитай его в духе коммунизма…

– Из какого ещё Додика, святой Малевич? – наконец-то получил возможность вставить свои три мазка в общую картину несчастья живописец Муравлёв.

– Не Додика, Валера, а ДОДИКа, – поправил его знатный казуист-аббревиатурщик, – что переводится как

Дом
Одиноких
Дебилов
Истериоидного
Качества

– Да я… да ты… почему вы не верите? – почти с правдивой слезой мягко начал допрос товарищей преподаватель еврейского колледжа.

– А ты, Серёжа, – в это время мягко укорил товарища покерный гуру, – ну как ты мог вместо покера пойти своим младшим джокером? Ведь ты же всё испортил, причём, не только себе, но и всем остальным.

Полтавцев оглядел окрестности Бермудского Учпучмака и, кроме игроков, увидел остальных, то есть пенсионерок за Старушечьим Столиком, дворовых детей, которые вот только что кричали какую-то бессмыслицу на пи́ке ультразвука, но неожиданно смолкли, чуя беду, спящих в заблёванных кустах алкашей Глав-Буха и Галлюцинацию, а также пса Борю, который, казалось, тоже смотрел на сторожа осуждающе.

– И им тоже испортил? – горько спросил он (сторож, а не пёс).

– Конечно, – убеждённо ответил Альбионыч. – Всё в мире, друг мой, взаимосвязано. Так зачем ты так пошёл?

– Да я подумал, царица лесная, что это более бесперспективно, – доходчиво объяснил охранник.

В игре всегда неистощим,
я достаю стальное жало,
перековав свой меч на щит,
и затыкая им *орало*[362]…

[362] Это не то, что подумали мои юные читатели. Орало – это древнейшее земледельческое орудие, близкое к плугу, основной функцией которого было рыхление почвы[363] – прим. автора

[363] Кстати, в библии, а именно в Книге пророка Исаии (2:4) есть крылатое выражение «Перекуют мечи свои на орала» – прим. богослов. редактора

– Кстати, а кто из вас ходит сейчас? – чтобы прервать затянувшиеся разборки, поинтересовался Николаич, а писатель благодарно глянул на него и ответил:

– Нуртай, кто же ещё? Его взятка была последней…

«Это ты думаешь, что последняя, мать моя КПСС», сладко подумал ленинец, после чего начал метать на покерный столик оставшиеся крупные козыри, что позволило взять ему ещё пять взяток.

Теперь, в отсутствие *грандов* и козырей, всё зависело от того, какие у кого есть крупные карты. Володя обеспокоенно глянул на остатки роббера, где притаились только два крупняка – туз и король бубновой национальности. Между тем Мусаич кинул на столик червовую девятку, которую своим тузом этой же масти немедленно забрал Салихдзяныч. Неожиданно на территории Великого ▲ стало тихо, и все поняли, что именно сейчас решается Сука-судьба этой поистине грандиозной битвы, ведь продолжение её было двухвариантным: либо у камер-юнкера был ещё и червовый король, который уже никто не сможет побить, либо эта карта лежала в остатках колоды – до следующего роббера.

Не́ дал дедушка таланта,
о котором так мечтал:
выбирал я варианты –
в результате проиграл!

Победил второй вариант, потому что следующий ход Батыршин сделал картой, которую давно ждал Альбионыч – неважно, какой по значению, лишь бы масть была бубновой. Талгат бросил на покерный столик валета именно этой масти, остальные тоже сбросились по бубнам, но только володин король оказался старше других по возрасту, так что

следующий ход оказался за литератором, продемонстрировавшим соперникам, что есть ещё одна карта, старше даже бородатого и грозного короля – вот такого:

Этой картой, разумеется, был бубновый туз, который и позволил Альбионычу взять вторую взятку. Но, к большому сожалению покерного гуру, эта взятка была его последней в этом нелёгком, как успел заметить мой читатель, роббере.

В общем, итогом его (роббера, а не читателя) стало то, что ленинец хапнул аж шесть взяток, а вот все остальные только по две – вместо заказанных трёх, так что в начале второй части партии [364] – от 12 до 1 взятки – у наших игроков были следующие показатели:

Курманбаев – 247 + (6 x 2) = **259**
Кулемзин – 218 – (25 x 2) = **168**
Батыршин – 115 – (25 x 2) = **65**
Полтавцев – 29 – (25 x 2) = **– 21**

[364] ***Эти показатели можно освежить в памяти вверху страницы 484 данного тома – прим. гл. редактора***

Как честно сообщает данная цитата из покерной *раскладки*, хуже всего пришлось Афанасьичу, который в середине партии опять провалился в минус, правда, не совсем глубокий. Но ещё больше страдал семижопинец от того, что случилось это при ситуации, когда у него были два *гранда*! Но – игра есть игра, и если бы всё, что мы в ней задумывали, сбывалось, то и играть было бы неинтересно…

На судьбу напружно давишь,
как зачуханный маньяк:
сбыча мечт нужна тогда лишь,
где без мечт совсем никак!

Глава 221. БОБСЛЕЙ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ (ещё одно продолжение)

Здесь мой читатель, конечно же, вправе подумать, что к середине этой партии противники строптивого педагога были разбиты и деморализованы так, как с этим не справился бы даже налёт вражеской авиации. Но, мягко говоря, это было не совсем так. Например,

Кулемзин тут же придумал одну придумку, ранее им не применявшуюся – он неожиданно предложил Полтавцеву… поменяться с ним местами, и пересел, оказавшись рядом с Валерой. Картина рассадки на покерной скамеечке тут же изменилась, потому что живописец и писатель образовали некий виртуальный парный портрет под названием «Брошюра и фолиант»

– Штраф, штраф! – тут же счастливо закричал Нуртай. – Обоим по минус 50 очков!

– Старик, зачем кричать? – спокойно заметил Володя. – Мы же не в Неаполе…

Говорил я без помехи,
изучая матерьял, –
как в Италию приехал,
«Madre!»[365] так и закричал…

В это время сторож привстал и попытался восстановить только что утраченную позицию своей задницы, но литератор усадил его обратно, успев тихонько шепнуть на ухо:

– Serge, calmly, I have everything under control [366]!

[365] Мать – ит.
[366] Сергей Афанасьич, спокойно, у меня всё под контролем! – англ.

– Чего это вы шепчетесь, да ещё не по-русски! – вновь заверещал Мусаич с такой горечью, что ещё двое учпучмакцев, то есть Талгат и Валера, хором подумали о том, что им тоже было бы интересно узнать о предмете таинственного шёпота.

– Я имею в виду, – громко озвучил свой шёпот Володя, – что, как известно, безвыходное положение бывает только под крышкой гроба. Да и то не всегда, что блестяще продемонстрировала Ума Робертовна Турман в тарантиновском «Kill Bill-2»[367]

[367] «С удовольствием убить Билла ещё раз» – перевод с англ. автора

– Странно как-то, мать честна́я, – поразился Афанасьич. – Вроде как пора играть, а тут такое!

– Старичок, не утруждай себя разными словами, тем более что они не все тебе дают-ся сравнительно легко.

– Вот ты, Володя, кичишься, что такой умный, – горько произнёс на это охранник. – А ведь даже ты наверняка не знаешь разницу между словами *ейный*, *евойный* и *евонный*.

«Виселись польта в колидоре...»
Пускай неграмотна строка,
но сколько смысла в этом вздоре,
какая сила языка!

«Убедительно, яйчики-бабайчики», посрамлённо промолчал писатель. Но зато не успокоился преподаватель еврейского колледжа.

– И всё-таки я требую оплатить штраф! – грозно сделал попытку приказания он.

– Видимо, товарищ Курманбаев, – парировал Альбионыч, – вы возомнили себя не меньше чем трамвайным кондуктором! А ведь от таких фантазий недалеко и до психушки. Кстати, мне один знакомый психиатр рассказывал, что у некоторых людей есть такой склад психики, который называется *эпилептоидный*.

– А это как, ёперные больные? – заинтересовался Салихдзяныч.

– Они по характеру на слонов похожи.

При этом философ выразительно поглядел на Нуртая.

– А я что? Я ничего, – тут же отозвался большевик.

– На педагоге и журнал горит, – невнятно пояснил Володя, но было видно, что Мусаич его понял хорошо, после чего продолжил:

– Медлительные они такие люди, аккуратные, дотошные, любить умеют преданно, – что родину, что мать. Но злопамятные – жуть, если их довести. То есть, чтобы их довести – это, конечно, суметь надо, они вообще-то спокойные и уравновешенные, как они думают. Но уж если кому удалось – то уноси ноги все, кто может! Эпилептоидный тип будет переть, как разъярённый слон, и должнó пройти очень много времени, чтобы он успокоился…

– Ну, у вас и разговорчики! – поразился художник Муравлёв, который очень любил вот такие словесные перепалки. – Вы прямо какие-то физики и шизики…

Лирик видит красоту,
физик же симметрию,
лирик видит высоту,
физик – геометрию!

Но наконец игра началась, и автор вправе объяснить читателю, казалось бы, странный поступок Кулемзина – с перемещением тел в пространстве. А дело было в том, что при такой *рассадке* Володя оказывался напротив ленинца, но левее экс-текстильщика. И что это даёт? – спросит недоумённо читающий эти строки. Да то, ответит ему автор, что какой бы ход ни делал Нуртай, вначале его взятку изо всех сил пытался забрать Серёжа, а если ему это не удавалось, то в бой вступал сам марсианин, а если и у него ничего не получалось, например, из-за отсутствия хороших карт, то была ещё одна попытка посадить Мусаича – со стороны старшего трубача!

Кстати, пламенный саксаульский коммунист насчёт штрафа был прав, и *записывающий* Альбионыч с лёгким сердцем списал и себе, и сторожу по 50 очков, чем увеличил серёжин минус до 71 очка! Но он (Альбионыч, а не сторож) знал, что до конца партии ещё целых 13 робберов, а, значит, применяя новую стратегию, можно не только догнать, но и перегнать педагога!

Без всяких лишний церемоний
мы нашу скорость разовьём –
догоним мы и перегоним,
и ленту грудью разорвём!

Но даже эта нелёгкая задача делилась в уме покерного гуру на два этапа – по справедливости: вначале надо было просто вытащить Полтавцева из минуса, а затем уже приступать к нейтрализации, блокированию и обезвреживанию Курманбаева. И пусть тебя, мой читатель, не пугают эти страшные синонимы слóва *уничтожение*, ведь автор в своём человеколюбии не назвал, например, такого страшного слóва, как гекатомба[368]!

[368] От (др.-греч. ἑκατόν βόες – сто быков. В Древней Греции так называлось торжественное жертвоприношение – прим. ист. редактора

Вновь, как и в предыдущей партии, было роздано по 12 карт, но, в отличие от неё, их можно было вначале изучить, а потом делать свои заявки. Сдающим сейчас был саксаульский мугалим[369], и это означало, что первым заявляющим оказывался Серёжа.

[369] Учитель – сакс.

– Пять, царица лесная! – громко выкрикнул он, вспугнув сразу двух невидимых читателю персонажей, ведь в листве карагача над игроками от неутомимого солнца прятались карликовая русалка и старая ворона, которая вот уже который день наблюдала за игроками, но правилам так и не научилась – прямо как художник Муравлёв.

– Почему так гр-р-р-ромко, пр-р-р-ридур-р-р-рок? – спросила ворона.

– Действительно, дурр-р-рак, – тихонько ответила русалка, но так, чтобы было понятно птичке, то есть, как выражаются французы, (прости, русский язык!) с *фрикативной р*.

Услышав полтавцевскую заявку, писатель и обрадовался, и насторожился одновременно, ведь это могло означать одно из двух положений: либо к Афанасьичу действительно пришла хорошая карта, либо он полный дурак, как и предположила русалка. «Будем надеяться на лучшее», с сомнением подумал Володя и, вместо задуманных четырёх взяток озвучил лишь две – чтобы не мешать охраннику. Вслед за ним, правда, ничего не зная о сомнениях и раздумьях писателя, три взятки заказал Батыршин.

Изучая танец шимми[370],
в па́ру жаждем заступить,
строим планы мы большие –
вот ещё б осуществить!

[370] От англ. shimmy (рубашка) – танец, в котором всё тело, кроме плеч, удерживается на месте, которые быстро двигаются туда и обратно – прим. хореогр. редактора

– По козырям! – двинул вперёд тяжёлую артиллерию в виде старшего джокера Серёжа, и все убедились, что на этот раз раз сторожу, кажется, повезло с картами.

Все не успели скинуться по козырям, как и предписывают суровые законы *русской кочерги*, а семижопинец уже делал следующий ход – эхом от предыдущего:

– По козырям!

Глава 222. БОБСЛЕЙ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ (и ещё одно продолжение)

И здесь всё повторилось, словно в названии фильма 1974 года[371], правда, с одной разницей: козырей у противников охранника осталось совсем немного, а кое у кого и не стало вовсе. Все забеспокоились, включая неиграющего Николаича, который всегда болел за вот такие большие заказы, и тем более, если они исходили из уст Афанасьича. Правда, никакого беспокойства не выказал только Володя. А почему, будет понятно уже через несколько строк.

[371] «Зеркало» – фильм советского режиссёра Андрея Тарковского – прим. кинередактора

Роббер пролетел буквально за минуту, и Полтавцев, которому оставалось взять ещё одну взятку до означенных пяти, вздохнув, пошёл свою последнюю карту – пикового валета. Остальные, то есть Курманбаев и Батыршин, скинулись кто что, ибо к концу роббера на 12 картах у игроков, как правило, заканчивались все *крупняки* (если, конечно, игра не велась на *тёмной*). И вдруг на всём пространстве Бермудского Учпучмака воцарилась, как пишут плохие писатели, мёртвая тишина. Последнюю карту предстояло бросить Кулемзину, и картой этой был Его Величество Покер, или пиковая семёрка. Но задумался наш герой всего лишь на мгновение, после чего отправил карту на покерный столик.

Нет ни прухи мне, ни фарта,
но к чему здесь этот стон:
я на стол бросаю карту,
словно выигрыш – мильён!

А дело было в том, что писателю, который заказал три взятки, также, как и сторожу, нужно было добрать всего одну. И что здесь непонятного? – воскликнет читатель, – ведь у Володи остался покер, а это гарантированная взятка! Но марсианин, как это и требовал его персональный МИКС, то есть Марсианский Интеллектуальный Кодекс Совести, всё-таки поступил по-другому – бросил своего покера со словами:

– За простую!

Серёжа, не веря глазам и бу́хающим, как колокол, ударам сердца, осторожно взял последнюю взятку и даже понюхал её, потом пальцем потыкал по взяткам, которые ему удалось заработать ранее, и тихо прошептал:

– Пять, мать честна́я…

– Но ведь это нечестно, мать моя КПСС! – завопил пламенный ленинец. – Почему ты не взял свою взятку? Почему ты *нарочно* пролетел?

– Боюсь, яйчики-бабайчики, тебе этого не понять, – улыбнулся литератор. – И, кстати, напомни мне покерное правило, где бы говорилось, что игрок не имеет права при своём ходе кинуть любого *гранда* за простую.

Состоя в своей великой банде,
не гляжу, другие как руля́т:
я любого покерного *гранда*
низвожу до степени нуля!

Да, Альбионыч этим нестандартным ходом пролетел на одну взятку, что составило 25 очков в минус его персональной раскладки, но зато он, в отличие от Нуртая, который частенько руководствовался правилом «Сам выручай, а товарища погибай!», помог бывшему текстильщику выбраться из минуса:

– 71 + 90 = 19

Честно говоря, был у Володи и ещё один гипотетический расчёт. Он хорошо знал, что Курманбаев с больши́м трудом отходит от вот таких, как он считал, несправедливостей в отношении него, хотя последний ход касался исключительно писателя и сторожа. И расчёт этот оправдался! Постоянно что-то приборматывая себе под нос, коммунист после такого (прости, русский язык!) афронта никак не мог настроиться на правильную игру, а вот Полтавцев, напротив, воодушевился володиным подвигом, да и карта к нему стала приходить, как по заказу.

Этого Мусаич тоже стерпеть не мог, после чего стал выражать своё недовольство уже погромче, вставляя в ненужные спичи всех своих матерей – партию, Октябрьскую революцию и первичную партийную организацию того райкома, в котором ему посчастливилось провести лёгкую жизнь аж целых два года!

Пусть мой пост совсем негромок,
впереди – большой объём:
я заведую райкомом,
чтобы мне светил обком!

«Вот бы с людьми так же, как с попугаями», подумал Альбионыч. «Накрыл человека полотенчиком, он и заткнулся!». И пусть мой читатель не удивляется, но мысли о Нуртае промелькнули также и у двух других игроков. «Бьюсь об заклад, что даже родная ёперная мать его ненавидит», подумал Талгат и поглядел на Серёжу, как бы передавая ему мысленную эстафету. «А если и нет», не стал тянуть с мыслью Серёжа, «то ей, царица лесная, не мешало бы обратиться к психиатру…»

А сам предмет этих мыслей, если, конечно, саксаульского педагога можно было назвать предметом, отвернулся в сторону магазинчика Калимы и, как бы бросая реплику в зрительный зал, произнёс, явно цитируя какой-то старый фильм про шпионов:

– Вот видите, с какими людьми приходится работать…

– Старик, ты, конечно, можешь ругать мои манеры, – ответил ему Кулемзин, – но я не обижусь, ведь они действительно оставляют желать лучшего. Скажу даже больше: долгими зимними вечерами я ужасно переживаю, что так дурно воспитан, и даже иногда горючие слёзы застилают мне зенки…

Тут Курманбаев понял, что над ним издеваются, и замкнулся, но быстро опомнился, так как игра ещё продолжалась, и стал применять свой излюбленный приём – вертеться на скамеечке, пытаясь заглянуть не только в карты сидящих справа и слева Афанасьича и Салихдзяныча, но даже к Альбионычу, который сидел визави большевика. А Володя, заметив эти кривые взгляды, произнёс весьма загадочную фразу:

– Единственный праздник, который всегда с нами, это бал-маскарад человеческого лицемерия!

Я б таких из револьвера,
чтоб подарок был свинцов:
не люблю я лицемеров,
измеряют что лицо!

– Это ты что, на меня намекаешь? – взвился на месте преподаватель еврейского колледжа и даже сделал сладкую попытку уйти домой, но был вовремя пойман живописцем за штаны. А литератор, не обращая внимания на эти эволюционные движения, развил свою мысль до следующих строк:

– Именно по такому же поводу однажды неплохо выразился один мой знакомый (ныне покойный) Луций Луциевич Сенека: «Victi victoribus leges dederunt»

Охранник тут же извлёк из котомки книжечку «Для му.мы.» и, немного покопавшись в ней, счастливо-важно перевёл с мёртвого языка: «Побеждённые дали закон победителям», правда, о чём это было сказано, он не понимал ни тогда, когда записал этот мудрый афоризм, ни сейчас.

А покерный гуру, всё ещё переживая за психическое здоровье Мусаича, параллельно с игрой сотворил ещё одну придумку, и ты, мой читатель, поверь, что Володя мог делать одновременно даже не два дела, а много больше. А сделал он вот что: взял первые буквы имён-отчеств всех четырёх игроков, включая свои и… расшифровал их. И вот что у него получилось:

Кулемзин **В. А.** – Великий Абсурдист, Вечный Антисоветчик
Батыршин **Т. С.** – Трофейный Смычок, Татарский Сын
Полтавцев **С. А.** – Схоласт-Абсурдист, Суровый Анахорет
Курманбаев **Н. М**. – Негодный Малыш, Нажаловалец Маме

Глава 223. БОБСЛЕЙ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ (почти окончание)

Между тем, в игре наметился коренной перелом: писатель давно обогнал стремительно отстающего Курманбаева, а Афанасьич, которому после володиной помощи неожиданно *попёрло* и дальше, даже обошёл военного музыканта, чему тот страшно удивился. Вот и на этот раз, когда в роббере на 9 взятках педагог не добрал одной взятки, а старший трубач даже двух, Володя старательно записал свой и полтавцевский выигрыши, а также

чужие проигрыши в *раскладку*, после чего продекламировал свой короткий, выстраданный по какому-то случаю в юности, стишок:

Тот бой был страшен, но полезен,
и в небесах гремел Зевес!
Аккорд могучий рвал железо,
и море рвалось до небес!

На что Нуртай неуверенно заметил, что Зевс, мол, вместо Зевес было бы грамотнее, а прапорщик даже оглянулся, как бы ища это рвущееся до небес море.

Альбионыч посмотрел на партийного поправляльца и высокомерно произнёс:

– Сергеич, которому я, кстати говоря, рабски поклоняюсь, написал как-то вот такую строку: «Гремит *музы́ка* полковая!». А ещё в одном месте у него вместо дубрав было написано *дубров*. И никто ему вот уже 166 лет замечаний не делает! Кстати, если я когда-нибудь научу вас мыслить поэтическими категориями, то вы будете легко отличать настоящего поэта от какого-нибудь Сидора Золупаева.

И здесь педагог, чтобы поменять тему разговора, обратился к Батыршину:

– Жалко, Талгат, что ты тоже пролетел…

И уже все присутствующие увидели виртуальные пятки обер-корнета, сверкающие в полёте к бермудским кустам, а Мусаич всё ещё фальшиво *убивался* о чужом проигрыше: не хватало только посыпания головы горячим пеплом, чтобы совсем сойти за некоего древнего грека в го́ре[372].

[372] Вот как Гомер описывает горе Ахилла Пелеевича, узнавшего о гибели своего лучшего друга Патрокла Менетиевича:
«Быстро в обе он руки схвативши нечистого пепла,
голову всю он осы́пал и лик осквернил свой прекрасный…» – прим. лит. редактора

И тут до Серёжи дошло, что он всё-таки мог пролететь, но благодаря спонсорской помощи писателя этого не случилось.

– Володя, а почему ты все-таки меня не посадил? – поинтересовался он.

– Как говорят глупые люди, ходящие в дома́ с иконами, – просто объяснил Кулемзин, – мне удалось-таки победить искушение и, тем самым, победить *иблиса*!

– А-а-а, – понятливо протянул сторож, хотя остальным было видно, что тот так ниче-го и не понял, и особенно насчёт победы над *рогатым*, который вроде бы как где-то и находился, но наяву никогда не показывался. «Зело мудёр Альбионыч!», подумал осчастливленный.

Долго по тыковке били,
чтобы простому учить:
мудрость не в знанье, а в силе,
кою нельзя применить!

И всё же в игре чувствовалось, что после такой напряжённой *тёмной* атмосфера настолько сгустилась, что на неё можно было вешать *плечики* со штанами. Буквально у каждого покериста была своя (прости, русский язык!) мотивация для окончания партии: Курманбаев рвался всеми жилами и прожилками, чтобы обрести только что потерянное лидирующее положение, Полтавцев делал то же самое, чтобы закрепить приобретённое, Батыршин, вспомнив, что он не только мастер-дудочник, но и человек с погонами, прибитыми прямо к голове, решил, что ему, как человеку военному, не пристало отставать от каких-то штатских, и только покерный гуру играл спокойно и вдумчиво, так как знал, что

если он выиграет, то это будет просто очередная победа, о которой завтра уже никто и не вспомнит, а если проиграет, то ближе к ночи об этом незначительном факте своей замечательной биографии не вспомнит он сам.

Как ни странно, но своя мотивация была и у живописца Муравлёва. Оглянувшись, как разведчик в тылу врага, он осторожно взял в руки телефонный аппаратик Володи, правда, не зная, как им пользоваться. Но в данном случае это было не важно, ведь Валера собрался не звонить, а просто узнать время, которое было написано крупными чёрными цифрами прямо на светло-сером экранчике. Прищурившись, чтобы солнце не сильно било в глаза, он увидел два числа, разделённые (что было логично) знаком деления, и красиво подчёркнутые сверху и снизу – вот такие:

17:12

, и понял, что сейчас только начало шестого вечера, а это означало, что до *расхода по мастям*, как называл поход по своим квартирам литератор, оставалось ещё часа два. Николаич, перестав следить за игрой, сидел, припиваючи, так как в его бутылочке «Тянь-Шаня» было ещё две трети благородного напитка, к которому его приучил друг Альбионыч, и радовался тому, что ещё не менее 120-130-140 минут проведёт в этой славной компании. «Васюхана только не хватает, святой Малевич», лениво подумал он, но со следующим глотком из головы исчезла и эта последняя мысль.

Я душонку не терзаю,
позабыв налог на спесь:
мысли быстро исчезают,
если много пива есть!

– Ёкарный Володя, я вот давно хотел тебя спросить, – неожиданно обратился к писателю старший прапорщик.

– Стоп, товарищ военный! – прервал его марсианин. – Отвечаю прямо на твой непоставленный вопрос: карты не просто так ложатся, яйчики-бабайчики, в картах смысл есть.

Рот Салихдзяныча приоткрылся от удивления, и стало понятно, что именно об этом он и собирался осведомиться у великого покерного учителя.

– Именно в них Сука-судьба иногда приоткрывает своё лицо, как мусульманка из-под чадры…

«Знатное угадайство!», решил охранник, открыл заранее приготовленную книжечку «Для му.мы.» и поспешно, чтобы не забыть мудрость, накаракулировал: «Только что узнал, что Кулемзин не просто знает всё, но знает всё заранее. Думаю, что это также странно, как увидеть мини-юбку на Людмиле Зыкиной!»

А литератор, заглянув к соседу по покерной скамеечке через плечо, прочёл только что наваянное и страшно удивился, ибо ни о какой мини-юбке он не только не говорил, но даже не помышлял! «И хорошо сделал, что заглянул», в это время подумал автор романа, «так как я теперь с полным правом могу воткнуть на эту страницу 496 катренчик володиного друга по одному стихосайту Льва Красоткина, творчеством которого писатель любовался, как своим собственным»:

Мысли скованны и хрупки,
но скажу без многоточий:

жизнь подобна мини-юбке –
чем развратней, тем короче!

Глава 224. БОБСЛЕЙ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ (окончание)

Между тем игровой бобслей, который организовали в этой партии собуты… тьфу, со-покерники, подходил к концу, и её итоги были видны уже начерно: в лидерах гонки прочно укрепились Володя и Серёжа, которые сейчас готовились к тому, чтобы разыграть первое и второе места, а замыкающими (с утерянными по дороге санками) оказались Нуртай и Талгат, которым по итогам приходилось делить лишь третье и четвёртое места. Кстати, это было довольно принципиально, потому что *раскладка* отражала не только текущие очки, набранные покеристами в очередной партии, но и фиксировала общий рейтинг игроков – за первое место лидеру полагалось 4 очка, за второе – 3 и т.д.

Чуть сводя концы с концами –
от нуля до десяти,
сочиняем рейтинг сами,
чтоб итоги подвести!

Спокойнее всех себя чувствовал литератор – по причине, указанной на предыдущей странице – параллельно с игрой он сейчас изобретал новое прозвище для самогó себя, что делал исключительно тогда, когда его ничто постороннее не волновало. И Альбионыч придумал – он решил назвать себя БОСС. А чтобы это новое *погоняло* было понят-но и моему читателю, то вот тебе его нехитрая расшифровка:

Большой
Организатор
Солнечного
Сияния

И только он было порадовался удачной находке, как его отвлекла чья-то песня, исполняемая гнусным и непрофессиональным голосом, да к тому же не по-русски:

– Drum links, zwei, drei!
Drum links, zwei, drei!
Wo dein Platz, Genosse, ist!
Reih dich ein in die Arbeitereinheitsfront
Weil du auch ein Arbeiter bist!

Писатель прислушался и узнал сразу несколько вещей: во-первых, это был немецкий язык, во-вторых, исполняемое произведение называлось «Песня Единого фронта», и, в-третьих, перевод её был не менее пошлым, чем оригинал:

Марш левой – два, три!
Марш левой – два, три!
Встань в ряды, товарищ, к нам, –
ты войдёшь в наш Единый рабочий фронт,
потому что рабочий ты сам!

А что же наш прапорщик, всегда остро реагирующий на подобные происки пламенного большевика? А ничего – по причине незнания вообще никакого иностранного языка, кроме татарского, который в Республике Саксаулия смело можно было считать именно импортным!

– Вы извините меня, друзья, – окончив исполнение, виновато проговорил Мусаич, – ведь это у меня вышло, мать моя партия, совершенно непроизвольно – от волнения…

– Вообще-то, старик, – строго поглядел на него Альбионыч, – тебя сейчас должен волновать только один вопрос: как бы после таких незапланированных гастролей по имиджу не схлопотать!

И всё-таки преподаватель еврейского колледжа частично добился своего: Полтавцев, заслушавшись саксаульского карузо, дрогнул рукой и вместо того, чтобы выбить старшим джокером козыри у остальных игроков, бросил *гранда* на покерный столик и счастливым голосом пролепетал:

– За простую, мать честнáя…

И это незначительное событие, кстати, сильно повлияло на дальнейшее развитие игры, так как вместо своей взятки он подарил её всё тому же Курманбаеву, которому, чтобы обогнать трубача, нужно было взять свои взятки, но чтобы при этом Батыршин ещё и не добрал, что в итоге и случилось!

Хоть сменили мы колоду,
всё равно погас наш взгляд:
от неправильного хода
вся игра пошла в разлад!

– Ну ты и навозный жук! – возмущённо завопил сторож, повернувшись в сторону педагога, – чтобы все видели, к кому обращено его обращение.

– Успокойся, мой юный энтомолог, – остановил его Володя. – Тем более, что таких людей обычно не переделывают в столь преклонном возрасте…

Но остановить Салихдзяныча у него не получилось.

– Застрелюсь, – простонал саксаульский обер-фельдфебель, видимо, просто забывший, что из всего оружия в доме была лишь тупая вилка с тремя зубьями вместо четырёх, столовый ножик с пятнами то ли крови, то ли ржавчины, да его старая дудка – верная подруга сурового военного бытия.

Эту глупую фразу насчёт *застрелюсь* Володя не раз слышал не только от Талгата, но даже от Полтавцева, и всегда недоумевал, откуда Серёжа возьмёт оружие для столь решительного шага, разве что только покопается на антресолях и найдёт там рогатку – утеху детских лет. Сам Кулемзин никогда даже не помышлял о таком поступке, хотя и признавал его, но только в одном случае – если потребуется доказать, что он сам, без помощи *дедушки*, на чём настаивает церковь, решит свою Суку-судьбу.

Я не оставлю жизнь, пока
живу один на светлом свете,
пока расстроенность курка
не будет предо мной в ответе,
и не увижу я пока
при самом выключенном свете
сиротство каждого цветка
в любом подаренном букете…

И всё же, несмотря на все усилия педагога, к концу партии ему удалось обогнать всего лишь Афанасьича, который воспринял этот демарш как личную трагедию через призму всей страны. А узнали об этом игроки так: охранник вскочил с места и вытянув вперёд руку, как это нередко делал покойный Ленин, выкрикнул:

– Я воспринимаю этот демарш как личную трагедию через призму всей страны!

А она (игра, а не призма) к тому времени уже завершилась – очередной победой литератора, на второе место также привычно вышел преподаватель еврейского колледжа, на третьем в этот раз оказался бывший текстильщик, чему вначале удивился, а потом и обрадовался, заработав целых два очка в рейтинг вместо одного, и, наконец, замыкающим в этом славном строю противников стал главный музыкант Бермудского Учпучмака с не менее гордым воинским званием «еврейский зять»!

– Как же так? – вертя головой в разные стороны, спрашивал он всех подряд, включая неиграющего Валеру. – Как же так? Ведь я же хотел… Ведь я же старался… А ёперные сопокерники не дали…

– Старик, не надо вот этого *я*, – попенял ему покерный гуру. – Недооценить противника и переоценить себя – вот две фатальные ошибки, яйчики-бабайчики, которые никогда не должен делать настоящий игрок.

– Эт' точно! – со знанием дела подтвердил живописец Николаич, но по мелькнувшему в его сторону острому взгляду трубача понял, что только что нажил ещё одного врага.

– К тому же, в бою надо забыть обо всём, кроме боя, – продолжил разбор полётов Кулемзин, – забыть обо всех своих желаниях, честолюбии, страхе, уверенности. Это – испытание всех твоих чувств, и чтобы пройти его успешно, нужно просто-напросто отключить сознание, хотя это и не означает, что надо перестать мыслить. Просто надо думать о победе, о том, куда в следующий момент ударить, и каким именно способом блокировать удар противника…

В боевом своём угаре
помню я о ключевом,
ведь блокирую удары!
Кулаком? Нет, кирпичом!

«Ну, насчёт *отключить сознание* – это как раз понятно», подумал в это время Батыршин. «Подождём ещё немного, бросим эту дурацкую игру, сходим в йодистое сельпо – и ка-а-ак начнём отключать сознание! Пусть Глав-Бух с Галлюцинацией позавидуют…»

Но разошедшегося писателя, а в данное время покерного анализатора было не остановить:

– Победа в бою, яйчики-бабайчики, определяется тремя вещами, и сила, кстати, в этот список не входит. Во-первых, надо знать, куда ударить противника, нащупать его самое слабое место…

При этих словах большевик коротко вскрикнул, так как сидевший рядом с ним сторож ущипнул его прямо через штаны, видимо, пытаясь нащупать слабое место Нуртая.

– Во-вторых, надо не дать ему ударить себя…

При этих словах Полтавцев ловко увернулся от пытающегося ударить его Мусаича.

– И, в-третьих, надо уметь ждать…

«Да сколько же можно ждать, святой Малевич!», воскликнул художник Муравлёв, но, как заметил мой читатель по только что поставленным кавычкам, мысленно.

Дело здесь не в воспитаньи
иль в отсутствии лексем:
не озвучил я желанья,
ибо с детства просто нем!

– Так что стремление к победе, – наконец начал приближаться к концу незапланированной лекции Альбионыч, – это не вредная привычка вроде курения, с которой надо бороться, напрягая всю силу воли. Оно (стремление, а не курение) уйдёт само, когда ты *пе-*

ерастёшь его, как змея перерастает свою старую кожу и сбрасывает её. Не надо стараться завязывать ожесточённую борьбу между собой и своими желаниями. Так ничего не добьёшься, ибо страсть – это худший враг, о котором надо стараться забыть!

«А мой худший враг – это оппортунист Кулемзин!», воскликнул Курманбаев, но, увы, тоже мысленно, так что его «глаз вопиющего на пустыре», как называл это явление сторож, услышан также не был.

Глава 225. НЕ ВЕРЮ, НЕ НАДЕЮСЬ, НЕ ЛЮБЛЮ…

После столь страстного спича все замолчали, думая горькие думы о жизни, которая становится с каждым днём всё короче, об оставшихся дома жёнах, детях и незаконных подругах, а также о том, что же в итоге дают вот эти ежедневные посиделки с лёгким, а затем и тяжёлым алкоголем. А, может, наши герои думали совсем о другом, но как теперь угадаешь, о чём именно…

«Каберне взять или рислинг?» –
выбрать сходу не готов:
в голове сплошные мысли –
вместо нужных нам мозгов!

Было видно, что более других суровые мысли одолевают Николаича, которому очень не хотелось возвращаться в лоно родного дома, где недавно побывавшие гости смолотили всю еду[373], а новую не успела приготовить жена Наташа, которая вместо того, чтобы думать о голодном муже, уже который день объедала родную маму.

[373] Об этом в четвёртом томе романа, в главах 142-149 – прим. гл.редактора

В очередной поход за пивком на этот раз был отправлен бравый военный, и все сидели молча, ожидая его возвращения. Но не таков был Володя, чтобы бесцельно проводить каждую минуту своей жизни. Именно поэтому его тоже одолевали разные мысли, но, в отличие от других обитателей Бермудского Учпучмака, мысли эти были философскими, а все философские мысли (запомни это, мой читатель!) всегда безрадостны. А думал наш герой вот о чём.

«Вера в добро, в красоту, в справедливость, в людей, то есть огромное количество частных вер, за которыми укрываются граждане, по сути дела – лишь проявление общей веры в светлое будущее, о коем даже упоминать нынче полагается с ироничной усмешкой. Ибо что такое, например, вера в добро? Это вера вовсе не в то, что добро существует, – отрицать его не могут и закоренелые циники. Это вера в *победительные* свойства добра, в его конечную силу. Когда же видишь, что добро попирается ежечасно и способно существовать лишь в качестве виртуально-увядающей альтернативы злу, верить в него становится невозможным.

Об этом знают все народы –
от тихих девочек до вдов:
д**о**бр**о** и зл**о** лишь антиподы,
в которых есть три буквы о…

На что же надеяться?

Я уже не надеюсь на то, что человеку удастся разорвать эгоистические путы, преодолеть национальную рознь, отнестись к ближнему, исповедующему некие иные идеалы, как к брату.

Я не надеюсь, что красота спасёт мир, – слишком долго она его спасает! Красоты́ всё меньше вокруг, безобразное же выпирает изо всех щелей.

Я не надеюсь, что мне удастся выжить, когда вижу на экране телевизора груды организованного металла и организованного человеческого материала, предназначенных для убийств.

Я уже не надеюсь на разум, я уже не надеюсь ни на что.

Кого же мне тогда любить? Таких же слепцов, как я? Таких же глупцов? Таких же себялюбцев?

Я не люблю мужчин, потому что они суть самцы (знаю это по себе).

Я не люблю женщин, потому что они продажны (и даже не спорьте со мной).

Я не люблю детей, потому что из них вырастают мужчины и женщины.

Я не люблю природу, потому что она равнодушна ко мне.

Я не люблю Землю, потому что она породила эту странную плесень, именуемую человечеством.

Я не люблю Солнце, потому что оно когда-нибудь взорвётся и уничтожит всё, что я не люблю, и этим страшно обманет тех, кто когда-то искренне любил его…»

Как хорошо, что аккуратно
ночую в разных я местах,
ведь не люблю на Солнце пятна,
как не люблю их на штанах!

♠ ♠ ♠

– Ну, оно же не всегда такое нехорошее, – неожиданно толкнул в плечо размышляльца Афанасьич.

– Кто? – автоматически спросил Володя.

– Не кто, а что, – попенял ему сторож. – Да Солнце твоё. Вот, например, зимой оно мне очень нравится!

Вот так неожиданно и оказалось, что последнюю мысль наш герой, явно увлёкшись, произнёс вслух. А что это значит? Да только то, что предмет раздумий был действительно серьёзен, а кто сомневается, пусть перечитает предыдущую страницу ещё раз…

Глава 226. О ДВУХ НЕНАПИСАННЫХ КАРТИНАХ

И тут писатель Кулемзин, как это случалось не раз в его творческой жизни, ощутил на своём левом плече нежное прикосновение крылышек своего муза Васи Курочкина.

– Чего тебе надобно, Вася? – неслышно, но несколько сказочно спросил он прилетевшего друга.

– А вот чего, – ответил муз. – Прилетел напомнить тебе, что этот пятый том ты назвал в честь некоего наследника святого Малевича. И думаю, что под этим (прости, русский язык!) эвфемизмом ты имел в виду своего героя Валеру Муравлёва.

– Ну да, яйчики-бабайчики, – согласился Володя. – А что случилось?

– А то, что до конца этой книги осталось всего 100 страниц, а у тебя – как в книжках более ранних – нет никакого подробного рассказа об этом герое.

– Да как же нет! – возмутился Альбионыч. – Да ещё в са́мом первом томе, в са́мой первой части я ему (и, кстати, как никому другому) посвятил аж 15 глав! Но ты прав: любой рассказ о человеке неполон, ибо с первого тома до пятого прошло уже немало времени, а, значит, у каждого *приличного* писателя за это время просто обязано появиться много новых мыслей.

С воскресенья до субботы,
наполняючи тетрадь,
у писателя работа –
книжки новые писать!

А автор, услышав этот неслышный другим персонажам диалог, задумался: «А как же, словно невзначай, подступиться к этой теме, не слишком нарушая заранее составленный План Построения Пятого Тома Романа «Русская Кочерга»?». И придумал, заставив марсианина сделать некое предложение художнику.

– Валера, а тебе не кажется, что ты давно не радовал коллектив своим незамысловатым творчеством?

– Что ты имеешь в виду, святой Малевич? – чуть не подавившись последним глотком из своей пивной бутылочки, спросил Николаич.

– Да твои картинки, – объяснил литератор.

– А-а-а, это, – согласился живописец. – Так новых тем нет, а где взять, даже не знаю.

Кулемзин, не раздумывая, отлистал назад несколько страничек из покерной раскладки, коя являлась Книгой Жизни для любого настоящего игрока, вырвал старый листок, перевернул его и что-то быстро написал на обороте, после чего протянул (прости, русский язык!) эпистолу Валере. Тот принял листок и прочёл название своего будущего шедевра: «Маршалы Будённый и Ворошилов совершают конную прогулку по мавзолею Ленина», после чего испытал мгновенный культурологический шок.

Если тыквой заболею,
навсегда взяв бюллетень,
к посещеньям мавзолея
я готов хоть каждый день!

Курманбаев осуждающе посмотрел на предлагальца, после чего напрямую обратился к художнику:

– Валера, ты его не слушай! Создай лучше что-нибудь действительно нужное народу – на векá! Например, высокохудожественное полотно «В. И. Ленин за работой над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» в Женевской библиотеке»

Старший прапорщик при этих словах схватил сам себя за горло, словно собрался задушиться, и поскакал к учпучмакским кустам, откуда вскоре и выразил отношение к предложению педагога. Но Нуртая этот пассаж военного трубача ничуть не смутил. Он приобнял обалдевшего саксаульского сурикова и доходчиво объяснил ему:

– Это будет шедевр большого идейного смысла. Согласен?

После чего будущий творец шедевров вырвался из объятий и пополнил ряды посетителей бермудских кустов. А пока оба персонажа доходчиво выражали несогласие с позицией коммуниста, литератор Кулемзин уже приступил к реализации предложения своего муза, правда, решив сделать эти несколько глав в стиле уже, надеюсь, полюбившихся читателю нотаций, – на этот раз не покерных, а литературных…

Наваяю на досуге
свой словесный бриллиант –
правда, краткость, мои други,
далеко не мой талант!

Глава 227. О РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНЫХ ФАКТАХ БИОГРАФИИ ВАЛЕРИЯ НИКОЛАИЧА МУРАВЛЁВА (детство, юность, зрелость)

«Валера начал рисовать рано – в детстве. Правда, его, к тому времени ещё несостоявшуюся творческую личность, сгубило то, в какой технике это происходило – он много рисовал исписанными фломастерами, вновь заправленными техническим спиртом. Наутро, собираясь в школу, юный художник чувствовал, что у него сильно болит голова, поэтому частенько, пропуская первый урок, садился за стол и ещё чуть-чуть рисовал.

Лучше всего у него получались рисунки из серии «Мечта». Вот одно из сохранившихся полотен юного художника под псевдонимом Валерий Мур. Правда, талантливо?»

Валерий Мур «Недостижимое. Полотно № 31» (1970)

«Однажды Валере на глаза попалась книга «Графическая биография» о ранее неизвестном ему художнике Пабло Руисовиче Пикассо[374], в которой он нашёл вот такие слова этого импортного живописца: «Когда искусствоведы собираются вместе, они начинают говорить о форме, структуре и замысле. Когда художники собираются вместе, они говорят о том, где можно купить дешёвый растворитель». После этого потрясённый юноша проанализировал свою пока ещё короткую жизнь и пришёл к выводу, что слишком много анализирует и тем самым усложняет себе жизнь. После этого Сука-судьба молодого Муравлёва стала протекать гораздо легче – до самой свадьбы…»

[374] Жюли Бирман «Пикассо», М., «Советский художник», 1968

Летом, осенью, зимою,
и весною, наконец,
был счастливым до того я,
как поплёлся под венец!

«Подросши, Валера не бросил занятий художеством и твёрдо решил стать живописцем или на худой конец маляром. Правда, оказалось, что в Стране Советов (б) это ремесло больших доходов не приносит, поэтому молодой мастер был вынужден перебиваться с хлеба на портвейн, а концы его штанов, сильно испачканных красками разных колеров, были словно пожёваны каким-нибудь ветераном саксаульской фауны»

«Он не любил тех людей, кто не понимал его картин со сложным, как ему казалось, философским подтекстом, и, однажды познакомившись с кулемзинскими друзьями по

покерной хевре, особенно неприязненно стал относиться к Серёньке Полтавцеву, для которого любая картина была тёмный лес, даже если на ней было изображено море»

Художник! Если в самом деле
есть у тебя и холст, и кисть,
рисуй весну, как Боттичелли,
а не умеешь – не берись!

«На пороге зрелости Муравлёв поступил на работу в Отцеябловский комбинат гороформления, где стал набираться профессионального опыта с художниками-алкоголиками во главе с мастером Петровичем. Однажды, после рисования некоего важного стенда, он шёл с работы, неся во внутреннем кармане баллончик с золотой краской, и встретил цыганку, которая, глядя ему прямо в глаза, твёрдо приказала позолотить ручку! И автор не сомневается, что читатель уже наверняка догадался, что было дальше...»

«В описываемом нами году[375] описываемый нами художник не работал уже третий год, после чего решил, что ему пора что-то делать. Правда, после нескольких неудачных попыток устроиться, когда ему везде предлагали подать какое-то (прости, русский язык!) резюме, он обратился за советом к своему другу Кулемзину. И тот не отказал, рассказав Валере, что если написать в резюме «2000-2003 – сомелье на фрилансе», то никто не догадается, что эти три года он был просто в запое!»

[375] Напомним, что это 2003 год – прим. гл. редактора

Я к творчеству намного ближе,
когда макаю в водку кисть…
Да, пью, – при этом лучше вижу,
как протекает наша жизнь!

«Немного пообщавшись после знакомства с Николаичем, а также поинтересовавшись его сомнительным творчеством, Альбионыч тут же присвоил художнику почётное звание МРАК, то есть

Мастер
Рискованных
Ассоциаций
Кубизма»

«Однажды Муравлёв решил увлечься таким сложным направлением искусства, как постмодернизм, но не знал, что это такое, и опять-таки обратился за советом к Кулемзину, который, по слухам, знал всё на свете. И тогда Володя объяснил ему, кто такие постмодернисты, вот на таком примере:

– Однажды, Валера, в какой-то копировальный центр приходит некий Бодрийяр[376] и говорит: «Сделайте мне копию». А ему говорят: «Давайте». А он удивляется: «Что вам давать?». «Ну как что, с чего копию делать. Дайте оригинал!». «А нет никакого оригинала», говорит Бодрийяр. «Мне надо копию без оригинала, то есть *симулякр*[377]». Ну, философа, конечно, не стали обижать, сделали ему симулякр, – уважаемый человек всё-таки. Только с тех пор постмодернистов в этот копировальный центр (кстати, почему без названия?) не пускали…»

[376] Жан Марселевич Бодрийяр – французский философ-постмодернист – прим. автора
[377] От лат. simulo (изображение) – знак, не имеющий означаемого объекта в реальности – прим. философ. редактора

«В другой раз Валера, настрадавшись от того, что ему приходится ходить на работу 5 дней в неделю, а перед пролетарскими праздниками ещё и вкалывать по субботам, решил обратиться к одному подпольному психологу, так как официально такой медицинской спецификации в СССР (б) тогда не было.

– Как мне обрести внутренний покой? – с му́кой в голосе спросил он психолога, заплатив за консультацию *трёшку*.

– Нужно закончить всё начатое, – проконсультировал его подпольный психолог, засовывая советскую купюру подальше в карман.

Удовлетворившись консультацией, Муравлёв вернулся домой и огляделся, чтобы выяснить, что же именно он сделал только наполовину. Затем утром перед тем, как отправиться на работу, он доел банку кильки с куском ржаного хлеба, докурил пачку «Примы» и оставшиеся *чинарики*, потом допил бутылку красного, бутылку белой и бутылку коньяка «Наири». И только тогда понял, как же был прав подпольный психолог, ибо ему стало легко и радостно на душе́. А на работу в тот день он так и не пошёл…»

Вместо водки и колбаски,
с чем всегда я был бескрыл,
приобрёл вчера я краски,
а сегодня кисть купил!

Глава 228. О РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНЫХ ФАКТАХ БИОГРАФИИ ВАЛЕРИЯ НИКОЛАИЧА МУРАВЛЁВА (о семейной жизни)

«В загсе Муравлёв ещё не подозревал, что надевает на безымянный палец будущую коронку на *седьмой нижний*»

«За пару часов до загса невеста, согласно традиции, сидела в избе… тьфу, в квартире своей мамы... и вышивала своему суженому специальную тряпочку, в которую он должен будет молчать всю совместную жизнь, напевая при этом:

Ой, да белую березу нагибают,
ой, да бересту с березыньки сымают,
ой, да злой топор в неё вонзают,
ой, потом сидят, да не слезают...»

«Из загса молодых встречали хлебом-солью, чаем-сахаром и водкой-огурцом…»

«На 9-й день после свадьбы друг молодожёна Кулемзин объяснил Николаичу, откуда на Руси появился глупый обычай кричать *горько*. Согласно одной версии, объяснил он, эта традиция ведётся где-то с середины XIV века, когда жизнь простого народа была особенно невыносимой. По другим же сведениям, кричать *горько* молодым первым стал В. И. Ленин – на свадьбе у своего друга А. М. Горького»

«– Волшебная штука брак! – говорил на 40-й день после свадьбы друг художника писатель Альбионыч – Есть в нём нечто магическое!

– Как это? – спрашивал к тому времени уже несчастный супруг.

– А так, что женятся зайки с котиками, а разводятся коровы с козлами!»

«Ссориться будущие супруги начали ещё до свадьбы. Первый раз это случилось тогда, когда Валера накануне бракосочетания погладил свои выходные брюки, в которых собирался жениться, через… наташину фату, приняв её за марлечку, которой он пользовался для этой цели много лет. Правда, после свадьбы ссор, как это ни странно, не убавилось, а, напротив, прибавилось.

– Суп ему, видите ли, не нравится! – кричала Наташа. – Всю неделю нравился, а сегодня не нравится!

– Да при чём здесь суп? – раздражённо кричал Николаич. – Я со вчерашнего дня не могу найти свои носки!»

Кто женился, тот поймёт:
спальня, зеркало, комод
(а в комоде столько склянок,
что *иблис* не разберёт),
лаки, краски, тени, туши,
мази, кремы, порошки
только пахнут, а воняют
исключительно носки!

«Сразу же после начала семейной жизни толстушка Наташа начала готовить всю еду сама, а на вопрос мамы, почему ей не помогает любимый муж, отвечала, что больше никогда не подпустит его к кухне, так как в последний раз, когда он там пытался что-то приготовить с похмелья, умудрился сжечь салат!»

«Надолго счастливой семейной жизни Валере не хватило, и он ударился в запой, как это делал и до женитьбы. Правда, успокаивал свою совесть тем, что пьёт не просто так или потому, что ему это нравится, а по рекомендации одного знакомого врача Альбионыча, к которому Кулемзин как-то отвёл его ранним утром – вместо пивнушки. Помнится, у них тогда состоялся вот такой диалог:

– Доктор, пропишите мне какое-нибудь успокоительное.

– Возьмите например, водочки – пол-литра.

– А что-нибудь посерьёзней?

– Ну, тогда возьмите литр!»

«А скандалы на этой почве продолжались почти каждый день, рождая всё новые эпизоды для будущего романа «Русская кочерга». Например, однажды утром Наташа, бегая за похмельным мужем по кухне, сурово верещала:

– Отдай, отдай! Это не новый «Жиллет» с восьмидесяти двумя лезвиями! Это тёрка, которую нам на свадьбу подарила тётя Груша!»

В нашей жизни всё непросто, всё подчас двояко –
превращается в реальность волшебство и сказка:
если муж уснул в салате – перепил, собака,
если спит жена в салате – овощная маска!

Глава 229. О РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНЫХ ФАКТАХ БИОГРАФИИ ВАЛЕРИЯ НИКОЛАИЧА МУРАВЛЁВА (о семейной жизни, окончание)

«– Ну как, дружище? – спросил Николаича через месяц после свадьбы Володя.

– Да жена говорит, что я алкаш, – с раздражением ответил молодой супруг.

– Почему? – изумился марсианин, который знал Валеру не как алкоголика, а исключительно как (прости, русский язык!) латентного пьяницу.

– Да потому, что я, святой Малевич, якобы бухаю каждый день. Врёт, конечно, – пользуется тем, что я по утрам ничего не помню!

– А, может, тебе поработать где-нибудь *для отмазки*? – предложил Альбионыч.

– Так руки же трясутся! – возмущённо отмёл этот несерьёзный довод живописец»

Шедевры творят на свойский манер,
невольно рождая подобия:
одни вырубают из камня венер,
другие – всего лишь надгробия…

«Не отрицался в разговоре и стандартный вариант *устроился сторожем*, испытанный в русско-советской литературе не единожды. Главным в этом варианте было то, чтобы не прослыть за тунеядца, не обостряя отношения с нашей чудесной, милой и доброй тоталитарной властью»

«Валера вообще хорошо относился к Кулемзину – за то, что тот никогда не унывал и давал полезные советы в любой ситуации. Он вспомнил, как однажды (ещё до появления Наташи) в его квартире отключили горячую воду аж на две недели, и вот тогда Володя, немного подумав, посоветовал ему включить стиральную машину градусов на 90, но без белья и порошка. Муравлёв, помнится, в тот момент усомнился в психическом состоянии писателя, но когда выполнил условие, то оказалось, что через полчаса он смог вылить из *стиралки* литров 100 горячей воды, а потом, разбавив её немного холодной, и помыться!»

«За первый месяц после женитьбы Муравлёв только однажды в разговоре с Наташей употребил слово *дорогая*, да и то с вопросительным знаком, когда спрашивал о цене купленной ею ту́ши. А в другой раз с нескрываемым раздражением выговаривал ей после очередной покупки:

– Наташа, ты что, ненормальная? Зачем тебе такие дорогие тени для век, если можно просто не выспаться?!»

Муж думал, жена без ума от него!
Ан нет, и до брака была без него...

«Настораживало молодого супруга и то, что молодая супруга после женитьбы стала кушать ещё больше, чем раньше, и деньги, подаренные им на свадьбу родственниками, начали заканчиваться уже через пару недель после торжества. Помнится, тогда Валера с напускным вниманием грустно сказал Наташе:

– Милая, ты для меня как Вселенная!

«Хорошо всё-таки, что этот дурак общается с умным Кулемзиным», подумала молодая. «Ишь как лирично заговорил…», а вслух уточнила:

– Что, ты живёшь только мной?

– Нет, просто ты постоянно расширяешься!»

Скажи, ну как тебе не стыдно
придти незванным в час ночной
и овладеть мной прям при муже!
О, беспощадный вечный жор…

«Глядя на мучения своего друга, Кулемзин всё больше проникался сомнениями в выбранном художником сомнительном пути женатого человека.

– Старик, яйчики-бабайчики, – советовал он Валере, – если ты всё-таки когда-нибудь разведёшься, больше не женись!

– Не буду, святой Малевич! – клятвенно обещал художник. – Не то что жениться, даже *заводить* никого не буду!

– А вот это зря! – пенял ему Володя. – Как раз таки завести, как ты выражаешься, можно одну женщину – но только весьма специфическую.

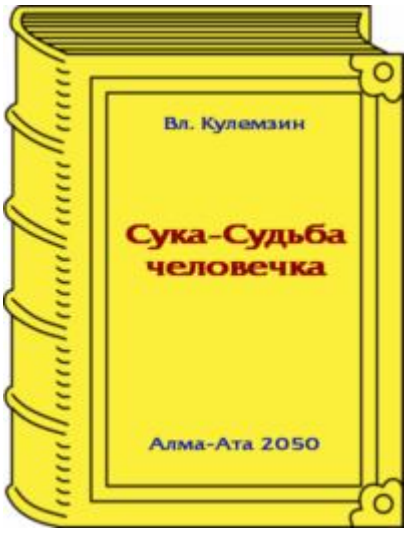
– Негритянку, что ли? – залился тогда счастливым смехом Николаич.

– Почему же негритянку? – удивился семейный психолог. – Но я лучше обрисую эту гипотетическую ситуацию стихами – как-то это мне, крупнейшему саксаульскому поэту двух веков, привычней:

С обожаньем о даме своей говорит –
сразу видно, любовь неземная:
молчалива, верна, голова не болит!
Минус только один – надувная…»

«Кстати, именно литератор продиктовал живописцу один рецепт на тот случай, если развод всё-таки произойдёт. Он усадил Валеру за стол, дал ему какую-то бумажку и заставил записать следующее: «Если варить пельмени 20 минут, то это будут всё ещё пельмени, если 40 минут, то это уже будут макароны по-флотски, а если 60 минут, да ещё посы́пать сыром, то можешь смело хвалиться, что научился делать *лазанью*!»

«И если бы Альбионыч когда-нибудь взялся писать роман про Муравлёва, то сделал бы его (роман, а не Муравлёва) совсем маленьким – страниц в 5-6, а назвал бы так:



♠ ♠ ♠

И в это время писатель, вспоминая разные факты из жизни своего приятеля Муравлёва и на несколько минут превратившийся в социального хронотопщика, заметил, что за покерным столиком стало не так тесно, как в начале его воспоминаний. Оказалось, что с одной стороны скамеечки по-прежнему сидели старший прапорщик и живописец, а с другой стороны, где, собственно, и обитал сейчас писатель, вместе с ним остался только сторож-охранник.

А куда же делся педагог Курманбаев? А он, видя, что на него никто не обращает внимания, вначале немного пострадал по этому поводу, а затем встал и решительно отправился к стайке дворовых детей. Остановив их очередной игровой приступ, Нуртай вдохновенно начал рассказывать им о том, что вот раньше были такие дети, как пионеры, которые летом – во время каникул – не бегали как оглашенные по дворам, а сидели по домам и читали по учительскому списку разные книги в рамках внеклассного чтения.

Учёба видится полнее,
ведь аргумент такой весо́м:
читаем книги – и умнеем,
а не читаем – пиво пьём!

Дворовые дети страдали молча, так как были воспитаны саксаульскими родителями в духе почитания старших – причём, любых старших, и даже таких мудаковатых, как ленинец Мусаич.

И тогда автор, немного понаблюдав за этой душевной (прости, русский язык!) экзекуцией, решил освободить детей от присутствия преподавателя еврейского колледжа, своей властью постановив вернуть малахольно ностальгирующего взрослого в лоно своей ПОЛК[378] – сразу же после опубликования на этой странице 509 очередного Хронотопа.

[378] Напомню читателям, что эта аббревиатура означает Партию Откровенных Любителей Карт – прим. автора

Глава 230. О СОВЕТСКИХ ПИОНЕРАХ (поэтический Хронотоп № 36)

Я был когда-то пионером,
и в то, что будет коммунизм,
по-детски искренне я верил,
поскольку был душою чист.
Я по утрам свой алый галстук
горячим гладил утюгом,
в кино переживал за *красных*
и собирал металлолом,
маршировал под барабаны,
любил, когда играет горн,
цветы дарил я ветеранам
и обожал ночной костёр.
Я помню пионервожатой
лицо, причёску, строгий взгляд, –
в неё влюблённым был когда-то
весь пионерский наш отряд.
Я помню, как до синей ночи
мы пели песни у костра –
о том, что дети мы рабочих,
что ждёт нас светлая пора.
И мы всегда готовы были
хоть в космос, хоть на целину,
в забой, чтоб сказку сделать былью,
а если надо – на войну!

♠ ♠ ♠

Забыт давно и галстук алый,
и пионерский тот салют, –
теперь другие идеалы,
и песни новые поют.
Давно уж старый горн в утиле,
а цель былую – коммунизм
для многих нынче заменили
нажива, алчность и цинизм.
С весёлой грустью вспоминаю
времён далёких дребедень,
а 19 мая
теперь простой весенний день!

♠ ♠ ♠

– Аут, яйчики-бабайчики! – резюмировал итоги дня Володя. – Тотальный аут!

– А эт' чё? – глубокомысленно поинтересовался сторож.

– А это, други мои, конец игры, – ответил Кулемзин, а затем тихо добавил как бы в сторону:

– Но не конец книги…

Роман огромный и солидный,
рука писателя тверда,
конца рассказа и не видно,
а вот начало есть всегда!

– И что, йодистый аут? – насторожившись, спросил старший трубач, которому показалось, что такое важное событие, как конец игры, надо немедленно отметить – напитками, намного крепче лимонада «Дюшес»

– А то, – философски провозгласил писатель, – что счастье, как иногда поют в опе-ре «Евгений Онегин», было так возможно, а, возможно, как утверждаю лично я, его нет и вовсе!

– Ну, тогда быстрее в магазин, – укоризненно заметил педагог. – И так времени совсем нет!

– Как ты можешь иметь представление о времени, – парировал философ, – если и впереди и позади нас – вечность?

– А… а… а… – только и оставалось добавить Нуртаю.

Глава 231. В ПРЕДВКУШЕНИИ ВАКХАНАЛИИ

И вот здесь выяснилось, что гуру всего коллектива неожиданно остался в одиночестве. Первым на милость бухлу сдался его (гуру, а не бухла) верный соратник по *русской кочерге* Полтавцев.

– Володя, мать честнáя, ты, наверное, забыл, что сегодня пятница, – попенял он Кулемзину.

– И что, яйчики-бабайчики? – поинтересовался тот.

– Да сам *дедушка* велел напиться! – воскликнул охранник и даже притопнул ногой – видимо, в знак того, что это странное утверждение является ничем иным, как постулатом, не требующим никаких доказательств.

– То есть ты с утра сходил в церковь, – улыбнулся Володя, – и там тебе раздался голос с небес:

«Афанасьич?»

«Я!»

«Приказываю тебе напиться!»

– Ну как-то так, – промямлил посрамлённый Афанасьич, которому с утра ежедневно привидевалось совсем другое – и, кстати, не такое интересное, как только что придумал марсианин.

Опять *иблис* пургу мерещит,
собою путая рассвет:
с похмелья видятся мне вещи,
которых и в природе нет!

– Ну, и какие ещё извращения у нас сегодня запланированы? – обратился литератор к коллективу, который с интересом прислушивался к диалогу на животрепещущую тему.

– Обычные, – пожал плечами Муравлёв, после чего протянул ладонь к спонсору намечающегося безобразия:

– Деньги давай, святой Малевич!

– И ты, брат! – почти по-цезаревски попенял ему Альбионыч.

– Нет, ну, а правда, – пошёл на попытку объяснения художник, – ведь день прошёл вроде бы как неплохо, но на всякий случай, конечно, лучше выпить.

– Чтобы было ещё лучше? – повторно улыбнулся писатель.

– Ага, – по-полтавцевски подтвердил Валера.

– Значит, опять водка, – обречённо произнёс Кулемзин, и хотя голос при этом пригасил по максимуму, всё-таки был услышан.

– Нет, ты не думай, – признался как на духу Николаич. – Я вообще-то эту водку вашу не люблю!

– А чего же тогда пьёшь, мать моя партия? – жёлчно поинтересовался педагог, который страшно не любил, когда пили даже не больше его, а хотя бы наравне.

– А как же иначе? – удивился живописец. – Люди ведь делали, старались…

Наконец вся эта ситуация напомнила Володе тот момент из «Войны и мира» другого Николаича, когда князь Андрей Болконский, будучи тяжело раненым, в бреду разговаривал с дубом.

Говорю с мощами и лещами,
говорю с борщами-овощами,
хоть на самом деле я и нем –
говорю я с разными вещами,
ну, а вещи отвечают мне!

– Итак, дорогие сопокерники (б), у кого ещё будут какие мнения? – сделал попытку отсрочить неизбежное Альбионыч.

– Лично я, – вновь вступил в разговор сторож, – всю свою сознательную жизнь…

«Скорее, бессознательную», хором подумали Володя, Нуртай, Талгат и Валера.

– … мечтаю как-нибудь попробовать чай с коньяком, только чтоб без чая!

Здесь все, кроме литератора, задумались, а он, чтобы заполнить незапланированную мхатовскую паузу, произнёс, всё ещё наивно пытаясь достучаться до сознания бермудских выпивох:

– А знаете ли вы, други мои, что орла, который каждый день клевал печень у некоего скифского царя Прометея Иапетовича, звали Цирроз?

– А чего ты его, царица лесная, фамилию не назвал? – сделал слабую попытку прикосновения к древнегреческой истории Серёжа.

– Кого? Цирроза? – уточнил литератор.

– Да нет, Пролетея этого, – уточнил сторож. – И, кстати, а мимо чего он пролетел, что его так назвали?

– Да мимо огня, – объяснил Кулемзин. – Вначале своровал он его у древнегреческих богов, а потом удержать при себе не смог…

О, Прометей! Наивный альтруист!
Догадывался ль, проявляя прыть,
с небес для нас огонь спуская вниз,
что нам лишь не терпелось закурить?

– Ну, а ты, Талгат, что скажешь? Неужели будешь поддерживать это общее, но преступное стремление к бухлу?

– А я что? Я ничего, – привычной русской *отмазкой* отбоярился татарин. – Я ведь пробовал бросить, и не раз. Помню, однажды я решительно и громко сказал алкоголю *нет*. Но, видимо, алкоголь сделал вид, что не расслышал… Кстати, Володя, а ты не можешь объяснить вот такой научный факт: если перегнать безалкогольное пиво в самогонном аппарате, можно ли считать такой самогон безалкогольным?

Все невольно подивились силе воображения военного музыканта, а марсианин, чтобы сбить общий настрой коллектива, вновь попытался увести разговор в сторону.

– Знаете ли вы, други мои, – лекторским голосом начал он, – что ЗОЖ – это, прежде всего, отказ от всего белого?

– В смысле? – выпучили глаза все присутствующие за покерным столиком учпучмакцы.

– Ну, например, – объяснил писатель, – это соль, сахар и водка!

– Да нет, святой Малевич, – от имени коллектива попенял ему Николаич, – мы вообще ничего не слыхали про этот твой ЗОЖ! Это что: Завтрак Означает Жор? Или Зеркальное Отражение Жопы? Или Заветное Ограничение Желаний?

Прокричу как заклинанье
перед всей моей страной:
ограничу я желанья –
до бутылочки одной!

Глава 232. В ПРЕДВКУШЕНИИ ВАКХАНАЛИИ (продолжение)

Кулемзин невольно подивился силе воображения Муравлёва, которого к концу дня всегда считал законченным алкоголиком.

– Нет, Валера, – с уважением поглядел он на навечно примкнувшего к коллективу. – Это всего-навсего Здоровый Образ Жизни.

– А нам он, мать честна́я, для чего? – искренне удивился Афанасьич.

– Вот именно, мать моя КПСС, – солидно подтвердил его сосед по лестничной площадке.

– Так значит: сказал *А* – говори и *лкоголь*? – тихо пробормотал вечный спонсор коллектива.

– А ты, ёперный Володя, сам почему не пьёшь? – задал практически ежедневный вопрос старший корнет, удивив всех присутствующих, так как многие из них помнили, что Альбионыч уже не раз отвечал на него. – Ты же, наверное, понимаешь, что пиво – это как-то несолидно!

– Понимаю, – виновато объяснил литератор. – Но что же делать, если однажды я шёл в спортзал, но по пути меня подхватил ветер перемен и унёс именно в пивнушку. Вот с тех пор я и такой…

Я знаю: вам будет меня не хватать,
когда в мир отбуду я лучший,
и будете вы вечера́ коротать
в компаниях пьяных и скучных…

И тут живописец ясно понял, что надо вступиться за своего товарища, который не раз в жизни вступался за него – в основном, перед толстенькой супругой Наташей.

– Талгат, а вот почему ты сам, святой Малевич, так буха́ть любишь? – словно бы неожиданно поинтересовался он, видимо, для того, чтобы все окружающие подумали, что

сам художник как раз этого не любит совсем, а пьёт вынужденно, как до него делали многие советские люди (б) – для поддержания компании.

– Да просто я очень контактный человек, – туманно объяснил прапорщик.

– Как это, царица лесная? – подпрыгнул на бывшей покерной, а ныне алкогольной скамеечке сторож.

– Поэтому мне постоянно, – развернул объяснение военный трубач, – нужен ёкарный спирт для протирки контактов!

Говорил комбайну трактор,
размышляя о своём:
«Протирают мне контакты,
контактируя с бухлом!»

– Ага, – сделал вид, что всё понял, живописец, но на всякий случай уточнил:

– А для чего?

И в этот момент в разговор вновь вклинился Серёжа, который, оказывается, уже успел открыть заветный блокнотик «Для му.мы.» и теперь явно собирался из него что-то продекламировать.

– А ты, Валера, разве забыл, – поднял он вверх указательный палец с зажатым в остальных красно-синим карандашом, – что говорил по этому поводу наш великий вождь и учитель…

При этих словах педагог Курманбаев встрепенулся, ожидая, что сейчас прозвучат фамилии Ленина-Сталина, а то и самих Маркса-Энгельса.

– …Кулемзин? – твёрдо закончил мысль охранник.

– Забыл, – горько поведал свою беду Николаич.

– А теперь слушай, мать честна́я:

**Самый лучший способ очистить карму –
это протереть её спиртом!**

– Ну, я же говорил! – обрадовался Салихдзяныч такому взаимопониманию между армией в своём лице и простым народом в лице Володи.

Он хотел ещё добавить, что буха́ет так сильно и давно, что если его по пьянке бьют в любую часть тела, то всё равно попадают в печень, но передумал – потому что не решил до конца, является ли для военного человека эта информация совершенно секретной, а то ведь попадёт она как-нибудь в руки врага, и тот подумает, что вооружённые силы Республики Саксаулии совершенно разложились – в его пропитом и прокуренном лице!

Известно нам ещё по школе:
«На свете есть покой и воля»[379].
Покой лишь снится, ну, а воля
давно уж в лапах алкоголя!

[379] Неточное цитирование строки из стихотворения А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит…» 1834 года. Правильно строка звучит так: «На свете счастья нет, но есть покой и воля» – прим. лит. редактора

А подумав о своей роже как прокуренной, прапорщику страшно захотелось немного покурить – раз уже от этого туповатого Кулемзина, который не понимает чаяний простых людей, невозможно добиться настоящего похода в лавку Калимы. Трясущимися руками Батыршин тут же достал из кармашка мятую сигарету и чиркнул зажигалкой, кото-

рая издала сопливое сипение газовой струйки. Табак, который немного отсырел в кармане (видимо, от трудового пота) зашипел, словно натрий на блюдце, но через пару секунд сигаретный дым стал вырываться изо рта служивого музыканта, как из раскалённой советской (б) домны.

Альбионыч досадливо и осуждающе покачал головой, разглядев, что закурил военный сигаретку из пачки плебейского «Космоса», которого вот уже несколько десятилетий не выпускали ни табачная промышленность России, ни аналогичная суверенной Саксаулии. Он даже захотел было произнести давно заготовленный поэтически-осуждающий монолог на эту тему:

Желание курить ты заморозь,
не уступай табачному прогибу!
Ещё раз говорю: «Товарищ, брось!» –
и лёгкие споют тебе спасибо!

, но не стал, так как увидел, что ещё несколько рук тянутся к прапорщицкой пачке. Затем он, не дожидаясь, пока его окурят со всех сторон, на всякий случай включил свою ПИЗ, или Противотабачную Индивидуальную Защиту в виде очень сложной марсианской технологии *ъъътртръъ*.

Глава 233. В ПРЕДВКУШЕНИИ ВАКХАНАЛИИ (окончание)

Через пару минут с курением было покончено и на литератора вновь уставились вопрошающие и тревожные глаза игроков (числом 6) и художника (числом 2).

– Так что́, – дрогнувшим голосом спросил марсианин, – водку брать, что ли? Валера, как ты думаешь?

– Я, Володя, тоже однажды задумался над этим вопросом, – весьма убедительно начал врать Николаич, – и в результате этих раздумий решил сказать водке *нет*! Но потом подумал: а как это сделать без само́й водки?! Так что давай, бери!

Нервных клеток сотня миллиардов
у меня вспотели в голове –
им решить задачу срочно надо:
брать одну бутылку или две?

«Как же хорошо», подумал в это мгновение Муравлёв, «когда радость приходит не одна, а с бутылкой!». Правда, эту радость, как всегда, чуть было не испортил преподаватель еврейского колледжа, который радостно воскликнул:

– Как же хочется простого человеческого счастья с шашлыком и напитками, содержащими одноатомный спирт с формулой C_2H_5OH!

«Хорошо, что ещё буха́ть не начали!», через секунду счастливо думал Талгат в своём стремлении к учпучмакским кустам, и думаю, что моему умному читателю не надо объяснять, что полетел он туда вовсе не для сбора позднелетних грибов типа маслят, сыроежек или лисичек.

Водка в желудке. Заходит к ней пиво.
«Подвинься!», сказало, да так неучтиво.
«Ага, разбежалось! Здесь мест – до фига!»
«Подвинься, сказало! Не лезь на рога!»
«Да, вряд ли с тобою мы здесь уживёмся...
Давай-ка наружу – и там разберёмся!»

А Валера, чтобы как-то отвлечь осиротевший коллектив, предложил:

– Володя, а ты будешь не против, если я *к завтрему* принесу в Бермудский Учпучмак новый лозунг?

– Давай! – обрадовался Альбионыч. – А какой?

– А вот такой – как раз на вечер:

Мужик не кактус – ему пить надо!

«Неужели ещё не все мозги пропил?», повторно обрадовался писатель. «А ведь на вид не скажешь…»

Нашим героям предстояло последнее испытание – выбрать ответственного ходока за ответственными напитками. И тут, как уже часто бывало раньше, произошло привычное – добровольца из числа приглашённых на покерный (прости, русский язык!) саммит так и не нашлось. Пришлось вновь считаться, на этот раз раз экспромтной считалкой, за секунду придуманной Володей:

Ты, считалка, счёт устрой:
в магазин пойдёт герой!
Тычу пальцем вот и вот:
он бухло нам принесёт!

На этот раз героем вновь стал Афанасьич, который тщательно осмотрел содержимое котомки и на время похода вручил Кулемзину на хранение всякую мелкую дребедень типа поломанной спички, чайной ложки с поцарапанной ручкой и маленькой гайки с навинченным на неё маленьким же болтиком, – с наказом беречь предметы пуще глаза. «Чьего?», подумал писатель, но предметы придвинул поближе к себе, так как заметил вороватое движение к ним саксаульского большевика-экспроприатора.

В это же самое время саксаульские унтер-офицер и абстракционист в четыре глаза глядели в спину удаляющемуся Полтавцеву, который в свою очередь смотрел в приближающиеся с каждым его шагом бельмы запылённых окон сельпо второго микрорайона. Через несколько секунд он уже вошёл в тёмное помещение с металлическими стенками контейнера для перевозок (б), отметив про себя, что они всё ещё излучают тепло нагревшего их солнца, а затем решительно вывинулся вперёд – к знакомой и родной полочке с заветными бутылочками.

Правда, за время его отсутствия на этой полочке кое-что поменялось, а именно: теперь рядом с водочными бутылками стояли какие-то матрёшки, которые хозяйка магазина Калима купила после обеда у неустановленного лица буквально за копейки и, не зная, куда приспособить, не нашла ничего лучшего, как втюхать их соседями к спиртному.

Мозг товаром подколупнут –
налетай и забирай:
в магазине всё доступно,
кошелёк лишь доставай!

Увидев на знакомой полочке новый для него товар, сторож сделал неожиданное открытие, подумав о том, что вот эти два русских сувенира удивительно похожи друг на друга: открываешь первую, а там и вторая, и третья! И запомни, мой читатель, хорошенько эту серёжину мысль, ведь она – первая и последняя мудрость этого персонажа во всех опубликованных томах!

♠♠♠

Оставшиеся на покерной скамеечке хорошо знали, что Афанасьича из магазина можно ждать или пять минут, в течение которых хозяйка сельпо напихает ему в хурджин кучу заветных бутылочек, или много дольше – в том случае, когда тянущийся к ненужным знаниям и впечатлениям экс-текстильщик начнёт рассматривать представленные магазинчиком товары, видимо, представляя себя Аладдином, попавшим в волшебную пещеру чудес. Поэтому Володя, не мешкая, предложил осиротевшим бермудцам послушать некую историю, как он выразился, *в тему* полтавцевского похода. И после того, как каждый придумал своё толкование этого заявления, тут же начал новую главу нашей толстой книжки под названием

Глава 234. ВЕЧЕРНЯЯ БАЙКА АЛЬБИОНЫЧА (бытовой Хронотоп № 37 с оттенком зависти)

– В мою бытность советским журналистом, – начал рассказ Кулемзин, – попал я как-то в город Ульяновск…

После произнесения этого волнующего Нуртая географического названия его немного встряхнуло и даже заставило тихонько пробормотать:

– …названного в честь вождя мирового пролетариата!

– …в котором, надо заметить, не только до революции, когда он назывался Симбирском, но даже сегодня ещё полнó частных домов. По сей день островки кирпичных или деревянных одно-, двух-, а иногда и трёхэтажных строений можно встретить в любом из районов города. И что уж говорить про те времена, о которых я веду свой рассказ, – тогда частные дома в Ульяновске были вообще повсеместно.

Вождиный папа был печален,
когда без всяческой любви,
в Симбирске Ленина зачали,
в Ульяновске он появи…

И вот в одном из таких домиков проживали некие Егор Иванович и его супруга Анна Павловна. Егор Иванович был слесарем и трудился на местном заводе «Контактор», а его жена – на знаменитом в ту пору Ульяновском автомобильном заводе – помните такие машинки с пошлым названием УАЗ?

– Помним, помним, мать моя партия, ёкарные машинки, святой Малевич! – загалдели невольные слушатели.

Да и как им было этого не помнить, если их детство, юность и часть зрелости прошли как раз в созерцании на дорогах родины этих грузо-пассажирских автомобилей повышенной проходимости, названных впоследствии внедорожниками. Особенно хорошо это помнил военный музыкант, ибо и УАЗ-469, и более поздний УАЗ-3151 были основным *командирским* автомобилем в Советской Армии (б), а также в странах Варшавского договора (б), начиная с середины 1970-х годов.

– Короче, эта история началась летом 1974 года. В субботу, после неполного рабочего дня, а по субботам «Контактор» работал до 14.00, домой к Егору Ивановичу пришёл его коллега по работе Иван Петрович. И пришёл, как это и было принято в СССР (б) по субботам, не с пустыми руками.

Пригляделся к лапе друга –
в лапе той пузырь бухла,
значит, всё есть для досуга –
в виде жидкого стекла!

Иван Петрович принёс коллеге по работе аж две бутылки водки «Пшеничная». Надеюсь, каждый из вас помнит этот благородный напиток, впоследствии испоганенный перестройкой? А тем, кто не помнит, пусть взглянет на этикетку и мысленно расцелует её в картинку с родными просторами:

«Пшеничная», как всегда, пошла хорошо. Приятели сидели в саду, пили *белую*, закусывали малосольными огурчиками и вели неспешную беседу. Вечер был тёплым, поэтому, когда застолье подошло к концу, Егор Иванович не пошёл спать в дом, а лёг прямо в саду на лавке возле забора, подложив под голову куртку.

А проснулся он ранним утром от холода и понял, что во сне скатился с лавки и лежит на земле лицом к забору. Но не это, конечно, было главным – мало ли что случалось с выпившими советскими людьми. Первым, что он увидел, открыв глаза, была бутылка водки! Егор Иванович даже на всякий случай потёр глаза, прекрасно понимая, что это невозможно, ведь литр пшеничной, принесённый Иваном Петровичем, закончился ещё вчера.

Тогда Егор Иванович пригляделся и заметил, что бутылка была полной, правда, име-ла красивую цветную этикетку «Столичная»:

А когда он пригляделся получше, то чуть не задохнулся: за первой бутылкой (о, чудо!) обнаружилась ещё одна. Егор Иванович встал, тряхнул головой и осмотрелся. Тут же выяснилось, что он стоял в своём дворе, перед забором: вот лавочка, вот столик, на нём тарелка с огурцами. Тогда хозяин съел три огурца и задумался: «Откуда же водка?».

Кстати, ответ пришёл в его голову довольно быстро. Дело в том, что рядом с халупой трудящихся супругов располагался магазин, так вот вход в него был со стороны улицы, а противоположная стена магазина как раз примыкала к участку Егора Ивановича, причём, с виду казалась частью забора. «Вот оно что!», пришло счастливое осознание бытия. Видимо, в примыкавшей к его огороду части магазина находился склад, который никто из покупателей никогда не видел, ибо эта таинственная часть торговой точки была тщательно скрыта занавеской позади прилавка.

Кладоискатель встал на карачки и обнаружил, что одна доска в са́мом низу сгнила и отвалилась, и именно через эту дыру Егор Иванович и увидел бутылки. Не раздумывая, как, наверное, на его месте сделал бы любой советский человек…

При этих словах рассказчика лицо коммуниста Курманбаева исказилось мукой сожаления – о том, что такие мысли могут придти в голову человеку, кстати, тоже бывшему советскому!

По советской нашей вере,
затянув тугой ремень,
жили мы в СССРе –
и бухали каждый день!

– И тогда Егор Иванович, перекрестившись первый раз в жизни, запустил в дыру руку, которая тут же сомкнулась на чём-то твёрдом, округлом и приятно холодном. Он вынул руку с предметом и в первое мгновение даже не поверил своим выпученным от напряжения зенкам. Его рука сжимала бутылку водки «Столичная»!

Глава 235. ВЕЧЕРНЯЯ БАЙКА АЛЬБИОНЫЧА (бытовой Хронотоп № 37 с оттенком зависти, окончание)

И здесь случилось то, что сегодня можно увидеть только в научно-фантастическом фильме: слесарь практически потерял связь с рукой – эта добрая рука теперь жила́ своей жизнью и предлагала кладоискателю бутылку водки. Другая же рука труженика без раздумий приняла подарок и положила его за пазуху. Кое-как уняв бу́хающее сердце, Егор Иванович приладил обратно отвалившийся кусок доски на место и пошёл в дом. Найденный клад распирал воображение – до той поры, пока он всё-таки не решился и позвонил своему другу Ивану Петровичу. Тот, разумеется, не поверил ни одному слову своего товарища, списав на рано пришедшую за другом белочку, но вечером – на всякий случай! – всё-таки зашёл по старому адресу.

Увидев в руках друга «Столичную», он тут же поверил в невероятное, после чего оба слесаря благополучно её распили, а пустую тару выбросили в сад, под вишню.

Что часто исцеляет душу
и охмеляет мозг людской?
Что согревает часто в стужу?
Ответ на сей вопрос простой:
нам в дар сегодня будет водка,
она украсит пусть наш стол,
к ней будет колбаса, селёдка,
ну, и душевный разговор!

Теперь уже каждую субботу Егор Иванович, всё глубже запуская руку в дыру, доставал оттуда новую бутылку или две «Столичной», а его друг Иван Петрович больше не за-

давал никаких вопросов. Целый месяц дыра в заборе наполняла субботние вечера приятелей задушевными беседами и звоном гранёных стаканов.

В преддверии одного из таких вечеров уставший на работе слесарь, как обычно, подошёл к забору, осмотрелся, не подглядывает ли кто, лёг на землю, запустил руку в дыру и… не нащупал ничего! Тогда он решил не сдаваться и кое-как расковырял дыру ножиком, что позволило засунуть руку глубже. Наконец рука ухватилась за что-то привычно холодное и округлое, но по форме бутылки опытный слесарь понял, что это не «Столичная»! Он вытащил руку из дыры и вскрикнул от радости – в руке был дефицитный пятизвёздочный армянский коньяк, после чего хозяин тут же вызвонил своего друга.

Капли зелья хватит для разгона –
и питьё польётся как река:
чем болеть с утра от самогона,
лучше уж болеть от коньяка!

И вот в очередную субботу ровно в 14.00 в пятом цехе завода «Контактор» прозвенел звонок, извещающий, что рабочий день закончился. Егор Иванович сложил инструменты, переоделся, вышел через проходную и сел в трамвай. А войдя к себе во двор, он, как всегда, запустил руку в дыру. И – ничего! Егор Иванович пошарил рукой. На это раз пальцы едва-едва коснулись чего-то холодного и твёрдого, но ухватить это что-то не удавалось. Ситуация требовала решительных и продуманных действий!

Пытливый мастеровой отделил несколько старых досок от соседнего забора, после чего сколотил из них прямоугольник примерно 60 на 80 сантиметров. В воскресенье, когда до открытия магазина оставалось ещё часа два, Егор Иванович проснулся пораньше, взял пилу и выпилил в стене склада прямоугольное отверстие нужных размеров, затем осмотрелся, убедился, что никто не подглядывает, и вполз через отверстие в магазин. Глаза кладоискателя быстро привыкли к полумраку, и он увидел, что находится в той секретной части магазина, где и хранится алкоголь. Чего здесь только не было!

Мне объяснял поддатый режиссёр –
не русский даже, а какой-то чех:
«В советском магазине было всё,
но всё это хранилось не для всех!»

На стеллажах и в ящиках на полу стояли бутылки различной водки, дефицитного коньяка и дорогих вин. Егор Иванович сразу же взял одну бутылку со стеллажа, сунул её в карман и осторожно пошёл дальше. Спиртное на стеллажах сменилось консервами, и в карман невольного советского преступника легла баночка рижских шпрот. Затем началась бакалея, и здесь бывший честный человек разжился парой пачек сигарет «Ту-134». Он шёл медленно, ногой прощупывая пол впереди, пока где-то рядом не затарахтел холодильник. Набитый колбасами четырёхдверный монстр позволил открыть одну из своих дверей, зажёг в своём чреве лампочку и поделился с отважным *сталкером* палкой настоящей любительской колбасы. И это, мои дорогие учпучмакцы, была не та колбаса, которую вы знаете сегодня, – это была любительская колбаса, изготовленная по ГОСТу из настоящего мяса!

На этих словах рассказчика педагог Мусаич испытал культурологический шок и даже на мгновение впал в голодную кому, хотя, как наверняка помнит мой читатель, жрал в логове Васюхана больше всех.

– Сигареты и баночку тушёнки, как и вино, Егор Иванович взял со стеллажей из дальних рядов, – чтобы не было заметно, после чего ретировался со склада, не оставив, как

опытный шпион, никаких следов пребывания. Так что теперь пропажу могла выявить только ревизия!

Ревизьи смысл весь исковеркан:
дымится плов, кипит казан –
что может выявить проверка,
коль ревизор всё время пьян?

Прежде чем вылезать наружу, он выглянул из дыры, убедился, что двор пуст, вылез и закрыл новый вход в магазин заготовленным ранее прямоугольником, потом расправил примятые сорняки и понёс добычу в дом. И вот в течение целого года из дыры в заборе, как из рога изобилия, на стол Егора Ивановича лилось вино, выкатывались банки консервов и палки колбасы!

Но ни один пир не может длиться вечно. Здесь надо заметить, что супруга слесаря Анна Павловна по причине разных женских болезней участия в попойках никогда не принимала, а лишь осторожно закусывала разной вкуснятиной, а иногда даже угощала подруг. И вот однажды она поссорилась с одной из своих подруг, и та из зависти заявила в милицию о том, что на столе у семьи подозрительных тружеников не переводятся дефицитные продукты.

И тогда за дело взялась не простая милиция, а ужасный ОБХСС, перевод аббревиатуры которого знал в СССР (б) даже ребёнок: Отдел по Борьбе с Хищениями Социалистической Собственности. Сотрудники этой организации обыскали участок Егора Ивановича и, к несчастью, обнаружили тайный вход в магазин, а также множество пустых бутылок под вишней. И хотя милиции всё было ясно, хозяин участка твердил одно: «Ничего не знаю. Ничего не брал. Бутылки мне накидали хулиганы через забор, а я их бросил под вишню!»

Соловьями раливайся,
коль опять попал под суд:
никогда не признавайся –
меньше срок тебе дадут!

И тогда милиционеры пошли в магазин, но и там их ждало страшное разочарование. Бухгалтер, проверив наличие товара на складе, сказала, что никаких пропаж в магазине не было! Короче, дело, которое сулило новые погоны и медали сотрудникам ОБХСС, разваливалось на глазах. Конечно, они сразу же догадались, что бухгалтер, как это делали все советские бухгалтеры, и сама приворовывает, но и этому факту доказательств не нашлось. Кстати, бухгалтерша давно заметила, что кроме неё, товары ворует кто-то ещё, но думала на грузчиков, ведь пропадали в основном алкоголь и сигареты.

Итак, расследование было прекращено – за отсутствием состава преступления! Старую деревянную стену в магазине наконец-то заменили кирпичной. А друзья Егор Иванович и Иван Петрович ещё долго-долго, распивая в саду теперь уже честно приобретённую *казённую* водку, поминали добрым словом весёлый и хлебосольный 1974 год…

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
с утра мы пахнем перегаром?..»

Глава 236. НАЧАЛО ВАКХАНАЛИИ

И тут как раз к концу володиной хронотопной байки на условном горизонте появился Полтавцев с котомкой за спиной, как и полагается настоящему путешественнику, ко-

торый весело махал рукой покерным учпучмакцам и их другу художнику. Когда он прибыл непосредственно на место, все наперебой стали интересоваться у него, почему сторож так долго отсутствовал. Но не таков был наш герой швейковского розлива, чтобы его застал врасплох простейший вопрос.

– Меня там опозорили, – с весёлой ухмылкой объяснил он своё опоздание.

– И ты полагаешь, что это серьёзная причина, мать моя Октябрьская революция? – сурово спросил его один из ожидальцев.

– А как это произошло, святой Малевич? – спросил другой.

– Мог бы и побыстрее, йодистый скороход, – проворчал третий.

– Короче, рассказывай, яйчики-бабайчики, – попросил четвёртый.

Афанасьич выслушал все пожелания по очереди и объяснил:

– Там, в магазине, оказалось несколько человек в очереди. Я их спросил, кто крайний, а меня кто-то поправил, что надо говорить *кто последний*.

Вмазать чтоб перед обедней,
много сил я предпринял:
был ведь крайним – стал последним,
кто *пузырь* последний взял!

– И что? – надменно поинтересовался коммунист. – Из-за этого надо было так задерживаться?

– Так ведь какая разница, мне так и не объяснили, после чего я начал думать суровую думу – и увлёкся! Может ты, Володя, объяснишь?

– Легко, – поддержал стремление охранника к истине штатный философ Бермудско-го Учпучмака. – Разницы между *последний* и *крайний*, Серёжа, нет никакой, кроме того, что первое слово вместо второго оскорбляет чувства *суеверующих*.

– А-а-а, так вот в чём дело! Спасибо, Альбионыч, теперь я запомню это на всю оставшуюся жизнь! – горячо воскликнул пивной путешественник, чем ещё раз подтвердил неясные слухи о своей редкой болезни – раке головы.

От рожденья до погоста
без мозгов мне жить непросто!

– В общем, не расстраивайся, старик, – успокоил его Кулемзин, – ведь знания не всегда нужны.

– Как?! А я думал…

– И напрасно. Вот смотри, например, фраза на латыни

Hodie, ego eram qui per deiectio!

звучит, как мудрый афоризм, хотя на самом деле это всего лишь «Сегодня меня мучает понос!»

Полтавцев стремительно вытащил заветную книжечку «Для му.мы. Том 2» и так же стремительно записал на чистой страничке: «Никогда не буду изучать латинский язык – захочешь узнать из него какую-нибудь мудрость, а тебе про патологическое состояние, при котором у больного наблюдается учащённая дефекация!»

Смутился доктор при моем вопросе:
чем так опасен кашель при поносе?

– Слушайте, кончайте всякую ёкарную ахинею нести, – наконец не выдержал Батыршин. – Давайте уже выпьем, раз принесли!

Аргумент, как ни странно, почти всем за покерным столиком показался железным, и только было Полтавцев потянулся, чтобы начать доставать из хурджина требуемое по заявкам, как Альбионыч решил сделать последнюю попытку оттянуть неизбежное.

– Знаете ли вы, други мои, – проникновенным голосом начал вещать он, – что две самые лучшие вещи на свете начинаются на букву П?

После полученного сообщения Мусаич тут же густо покраснел.

– Нет, старичок, это совсем не то, о чём ты подумал, – по-голливудски попенял ему литератор. – Эти две вещи – пятница и пиво! Предлагаю объединить их, как мы делали это вчера и позавчера, и продолжить наше *скромное* празднование жизни.

– А я ещё третью вещь знаю! – неожиданно заявил сторож и, покопавшись в котомке, торжествующе вытащил на свет *дедушкин* бутылку 0,5 литра:

– Портвейн!

Увидев столь пристальное внимание к суррогатному напитку, тем более, таджикского производства, Володя именно в это мгновение понял, что так давно не давалось его разуму: «А ведь революционер-бомбист Иван Каляев убил великого князя Сергея Александровича не простой бомбой, а бутылкой бормотухи. Сунулся генерал-губернатор без очереди в продмаг на Дмитровке, а Каляев в него бомбой «Агдама» за 2.47[380] и шарахнул!»

[380] 0,7 литра, огромная тяжёлая советская бутылка зелёного литого стекла – прим. автора

Именно этот факт повлиял на то, что сегодняшнее вечернее мероприятие, скромно названное автором *вакханалией*, началось не с привычной *беленькой*, а с красного напитка с мерзким запахом перегнивших фруктов. Принятая первая па́йка портвейна тихо убаюкивала натруженные за день мозги сопокерников и примкнувшего к ним Муравлёва. А Володя, глядя на начинающееся безобразие, с теплотой подумал о том, как же любили портвейн по молодости и он, и его друзья по университету СаксГу!

Она его не выносила –
в компании и одного,
её почти всегда тошнило
от вида внешнего его.
А все вокруг его любили –
с ним было многим веселей:
любого сделать мог другим он –
креплёный марочный портвейн!

Выпив первую па́йку, бывший текстильщик неожиданно для всех превратился в философа-схоласта, нравоучительно поведав коллективу:

– Нельзя, царица лесная, принимать всё, как *есть*!

– А как, святой Малевич? – поинтересовался у него художник.

– Кое-что надо принимать, как пить!

– Точно! – обрадовался прапорщик. – Наливай по ёкарной второй!

Марсианин молча глядел на начинающих веселеть собутыльников, прихлёбывая свой холодный «Тянь-Шань» – уж которую за сегодняшний день бутылочку. И думал о ней же – неким научным способом: «Вот говорят, что бутылка пива в 0,5 литра сокращает жизнь на один час. Следовательно, путём нехитрых подсчётов можно вычислить, что я умер ещё в 1875 году!»

Глава 237. ПРОДОЛЖЕНИЕ ВАКХАНАЛИИ

Здесь выяснилось, что в компании, кроме Володи, собрались одни алкоголики, потому что первая па́йка была выпита без тоста. Осознав прокол, Салихдзяныч споро схватил портвейновую бутылку и разлил по второй, после чего ткнул пальцем в педагога, пригрозив ему при этом пальцем. И все прекрасно поняли этот жест, который означал просьбу вести себя скромнее и не доводить старшего дудочника до учпучмакских кустов.

Наверное, поэтому первый тост Нуртай, как бы на разведку, предложил выпить за здоровье товарища Сталина. Правда, Афанасьич тут же усомнился, можно ли пить *за здоровье* давно скончавшегося человека, но рассудил про себя, что если подносят, то можно. А мудрый Кулемзин сказал по этому поводу, что мёртвых людей вообще можно считать если не совсем здоровыми, то, по крайней мере, выздоровевшими, потому что сейчас они ничем не болеют, но выпить за предложенное отказался.

У нас на тосты
свои ГОСТы!

Все, прислушавшись к мудрости писателя, опрокинули за Сталина, после чего Талгат, неловко повернувшись и наткнувшись на локоть Валеры, уронил одноразовый стаканчик, который служил верой и правдой ему и друзьям по алкоголизму уже который день, а марсианин, увидев происшествие, тут же придумал лозунг не лозунг, афоризм не афоризм, но что-то такое глобальное, которое можно было выделить только крупными чёрными буквами:

Пластиковый стаканчик – оружие пролетариата!

– Вот иблис! – воскликнул он с досадой. – Придётся бежать домой и помыть стаканчик!

– Странный ты какой-то, старичок, – весело попенял ему Альбионыч. – Например, я на твоём месте, вспомнив эту старую примету, наоборот бы обрадовался.

– Какую примету? – заинтересовался сторож, обрадовавшись, что не успел спрятать обратно блокнотик «Для му.мы.»

– А такую, что к нашему прапорщику скоро наверняка придёт женщина. Правда, одноразовая…

– Правда? – сделал счастливые глаза еврейский зять. – А когда?

Педагог завистливо посмотрел на него, живописец одобрительно похлопал военного музыканта по плечу, а Серёжа в это время лихорадочно покрывал страницу заветной книжечки своими каракулями: «Только что в разговоре с Кулемзиным я выяснил, как можно бесплатно вызвать к себе нехорошую женщину! Правда, не знаю, как отнесётся к этому любовь всей моей жизни Зуля?!»

Я на баб, как выпью, слабый,
и боюсь плохих примет:
заказал себе я бабу,
а жена глаголит: «Нет!»

За такую знатную примету была выпита третья пайка. И только после её употребления все заметили, что знатный саксаульский писатель становится всё больше похожим на философа, так как в его глазах явно начала плескаться вселенская грусть. Живописец, не зная, как развеять тоску своего друга, подтолкнул плечом сторожа и показал пальцем на Альбионыча.

– Понял, – еле слышно прошептал Афанасьич и уже вслух обратился по неназванному адресу:

– Володя, а я вот слышал, что бывают какие-то белые стихи. Это правда?

– Ещё какая! – довольно ответил Кулемзин, встрепенувшись, и все заметили, что грусти в его глазах тотчас убавилось процентов на 37. – Первый такой стих написал ещё покойный Ленин в тюрьме, когда вместо чернил догадался использовать молоко, которое даже *в царское время* было тоже белым.

Сегодня знает и дебил
с сознаньем табуретки,
что молока Ильич не пил,
а им писал заметки!

– Молодец какой! – восхищённо воскликнул самый известный уроженец деревни Семижопино. – А вдруг бы тюремщики догадались?

– Они догадаться не могли, – объяснил писатель. – Они же с утра до вечера самогонку глушили, и потому весьма тонкий запах молока им был просто не по носу. Поэтому они с удивлением взирали на абсолютно чистый листок бумаги, но пи́сьма всё-таки отсылали – по инструкции, хотя и предполагали, что Владимир Ильич от тюремного заключения немного тронулся так называемым умом. А когда один из них – старший надзиратель Херомантенко – прочитал ленинские «Апрельские тезисы», то уверился в этом окончательно!

– А ты такие стихи пишешь, мать моя Октябрьская революция, случившаяся в 1917 году? – тонко улыбнулся Мусаич, не оставлявший слабых попыток скомпрометировать литератора.

– Конечно, – не стал отнекиваться Альбионыч. – У меня их куча, но есть один, который из всех мною написанных – самый-самый белый!

– Прочитаешь, ёкарный поэт? – попросил военный трубач.

– Да запросто, – не стал чиниться литератор. – Слушайте:

Белый стих

Белая берёза под моим окном,
на столе в бутылке *белое* вино,
белыми руками крышку откручу:
я не алкоголик – выпить я хочу!
Я в стаканчик *белый* водочки налью,
я за *белый* иней на берёзке пью.
Всё сегодня *белое* для меня кругом!
И горячка *белая* в мой стучится дом...

– Гениально, мать честна́я! – оценил охранник и, в очередной раз открыв блокнотик «Для му.мы.», немедленно перенёс володино произведение на чистый листок – как он (охранник, а не листок) выражался, «на вечную памятку»:

Легче стих писать, чем прозу –
рифмы здесь идут по шву:
«Я буха́ю под берёзой –
знать, в деревне я живу!»

, потом перечитал написанное и страшно удивился, что его стих получился не таким белым, как у покерного гуру, а слова *белый* в нём не обнаружилось вообще ни одного.

«А стишок-то в тему, святой Казимир Северинович!», подумал мастер кисти и мольберта, но вслух сказал совсем другое – более привычное:

– Наливай!

Глава 238. ПРОДОЛЖЕНИЕ ВАКХАНАЛИИ (продолжение)

Оказалось, что призыв художника услышал только преподаватель еврейского колледжа, так как остальные сидели, словно заворожённые талантливыми строками. Курманбаев схватил бутылку портвейна за горлышко, но вместо того, чтобы разлить остатки по стаканчикам, вдруг выронил её в траву под бывшим игровым столиком. Единственный не заворожённый собственными талантливыми строками, то есть сам автор стихов Кулемзин, глянул на него так грозно, словно не была выпита ими вместе та самая бочка пива, по причине услады организма заменившая пресловутый пуд соли.

Проявляя силу воли,
не поморщившись искусно,
с другом ели мы пуд соли,
но решили, что невкусно!

После взгляда Володи коммунист растерянно потрогал лоб, как бы желая удостовериться, не появилась ли у него в черепе лишняя дырка. Выяснив, что нет, не появилась, он неожиданно предложил:

– А давайте я вам спою «Марш авиаторов»

– Это тот, где «Всё выше, и выше, и выше…»? – неожиданно вспомнил Муравлёв, а прапорщик, поняв, что Николаич ещё не дошёл до кондиции, крякнув, открыл наконец бутылочку *беленькой* и налил ему граммов 100.

– Это тот, что написал Юлий Хайт на слова Павла Германа? – неожиданно вспомнил Полтавцев, и прапорщик, поняв, что сторож тоже ещё не дошёл до кондиции, крякнув, тут же налил и ему те же граммов 100, после чего страшно испугался, что ему может остаться совсем мало, и тихонько отлил у педагога, который в экстазе ждал решения коллектива.

– А давайте лучше спою я, – неожиданно предложил марсианин. – На ту же музыку, но более актуальный на сегодняшний день текст?

– А, давай, – махнул рукой Афанасьич и смахнул пластиковый стаканчик Мусаича в траву – как раз в то же место, куда только что пролилась заветная жидкость из бутылочки. И пока тот, человекаясь[381], поднимал его, писатель, а в данное время поэт-декламатор исполнил проникновенные строки экспромта:

– Все тише, и тише, и тише
мы строим АЭС в городах,
и в каждом реакторе дышит
спокойствие в наших штанах!

[381] Ещё раз поясняю: человек в подобных ситуациях чертыхается, а вот поклонники иблиса именно человекаются! – прим. автора

Завершив песню, он с недоумением обнаружил, что Нуртай до сих пор ползает где-то в траве. Оказалось, что педагог, поняв, что портвейн не соберёшь, решил вынюхать разлитое из травы до конца, а Володя в это время вспомнил свой катрен примерно по такому же поводу, который придумал ещё пару лет назад:

Если дуб поливать (наплевать, что затратно)
десять лет коньяком настоящим из фляжки, –
то сразит банный веник своим ароматом,
ну, а жёлуди будут вкусней, чем фисташки!

Исполнив катрен, он с изумлением отметил, что времени с начала сегодняшней вакха-налии прошло совсем немного, а распоясавшиеся персонажи романа «Русская кочерга» раскраснелись и стали махать конечностями, словно бы не прекращали метать карты на покерный столик. И означало это только одно: крепкое спиртное по закону земного (а в данном случае желудочного) притяжения не вознеслось куда-то к небесам, а прочно уг-нездилось в уставших организмах игроков и живописца, начиная своё разрушительное действие по опьянению коллектива!

И разговоры, которые вот только что были не то чтобы общими по теме, но во всяком случае понятными для всех, сразу же обрели свою индивидуальность или, говоря проще, каждый стал молотить своё, не обращая внимания на других.

Вот Серёнька, который и по трезвому мог поговорить сам с собой, для начала задал человеку-невидимке вопрос:

– Я почему водку больше люблю, чем воду? – после чего себе же и ответил:

– Я воду вообще опасаюсь пить, ведь в ней столько людей утонуло! А вот про утонувших в водке мне что-то слышать не доводилось…

Память наша помянула,
что крепка, резка, жестка:
в водке столько утонуло,
что завидует река!

Вот Талгат, явно обращаясь в какому-то сослуживцу, бормотал что-то вроде этого:

– У меня горе – весь мир хочет отождествить меня с какой-нибудь догмой, а я не приемлю ни одну!

Потом он прислушался к своим словам, словно не веря, что произнёс такие мудрёные вещи, затем переспросил сам себя типа *что делать?* и посоветовал – тоже сам себе:

– Запей!

, после чего с радостью исполнил собственный совет.

Вот Валера, который только что был похожим на человека, без труда могущим произнести простые французские слова граттаж[382] и кракле[383], внезапно превратился в стандартного русского маляра, и все увидели, что до достижения стадии полной неподвижности, в просторечии определяемой русским словом *дрова*, ему оставалось каких-то полчаса.

[382] От франц. grattage – способ выполнения рисунка путём процарапывания пером или острым инструментом бумаги или картона, залитых тушью по воску – прим. худ. редактора

[383] От франц. craquele – сеть тонких трещинок на глазурованной поверхности керамических изделий, созданная для декоративного эффекта – прим. худ. редактора

Как же, друг, я слабоволен!
Чем же мозг мой обжитой?
Пьяный демон алкоголя
овладел моей душой!

Вот Нуртай, тиская карман штанов, в котором лежал его сложенный вдвое партийный билет, неожиданно обратился не к собутыльникам, а к дворовым детям, которые, казалось, поднимали пыль вокруг покерного столика персонально в его сторону:

– Дети, я не понимаю, как негры в Африке могут голодать, если, куда не глянь, мать моя партия, – там бананы и слоны!

Дворовые дети, разумеется, ничего не ответили большевику, понимая, что у взрослого дяденьки только что случился типичный психологический надрыв на фоне запоя. Не услышав ответа на свой страстный монолог, Курманбаев немедленно нашёл новую жертву и предложил Николаичу бросить пьянку, взять такси, срочно поехать домой и начать писать картину «Основатели вейсманизма-морганизма Август Фридрихович Вейсман и Томас Хантович Морган с группой саксаульских учёных изучают труды товарища Сталина». И хорошо, что это было сказано на ушко Муравлёву, так что Салихдзяныч, всегда остро реагирующий на подобные творческие экзерсисы педагога, на этот раз оставил бермудские кусты в относительной чистоте.

Снится-мнится жизнь другая:
словно грозный фейерверк,
я в растения рыгаю,
чтоб росли они все вверх!

Глава 239. ПРОДОЛЖЕНИЕ ВАКХАНАЛИИ (ещё одно продолжение)

Володя печально смотрел на спивающийся коллектив, который совсем недавно был одержим только одной идеей – как бы выиграть у него партию в *русскую кочергу*. «А, может, идея пьянства в них была заложена раньше?», пришла в его голову страшная мысль. «А до этой поры они просто притворялись, что хотят играть до умопомрачения? А сами наверняка только и думали об этом!». От этих горьких мыслей можно было отвлечься только одним – собственным творчеством, но так как в условиях продолжающейся вакханалии творить было не с руки, литератор включил в голове приёмное устройство с кнопочкой safe[384], чтобы по старой писательской привычке фиксировать происходящие хаотичные разговорчики своих персонажей под употребляемое бухло – для последующего включения их (разговорчики, а не персонажей, хотя и персонажей тоже) в гла́вы пятого тома, посвящённые этой пагубной страсти.

[384] ***Запомнить – англ.***

Слышу я, как мне про водку
говорит своя же глотка!

Каких-то осмысленных диалогов между покерными алкоголиками не происходило, хотя то тут, то там вспыхивали в основном короткие разговоры – о том, о сём.

– Знаешь, ёперный Серёжа, я тут о тебе подумал... – обратился к сторожу Батыршин, но тут же был остановлен жестокой фразой:

– От дурака, царица лесная, и слышу!

Военный музыкант был так поражён услышанным, что немедленно нацедил себе аж полстаканчика сорокаградусной, залпом выпил её, после чего заявил на весь Бермудский Учпучмак:

– Их бин зольдат!

, после чего впал в минутную интеллектуальную кому, а Альбионыч уже прислушивал-ся к следующему диалогу, начало которого он, как видно, немного пропустил.

– Странный ты какой-то, Нуртай, – напирал всей мощью интеллекта художник. – Так значит, святой Малевич, ты точно не знаешь, кто такая леди?

– Можно подумать, что ты знаешь! – отбрыкивался ленинец и даже для убедительности добавил про мать свою партийную организацию.

– Конечно, знаю! – в ажитации привстал с покерной скамеечки Николаич. – Леди – это жентельменова баба…

Хоть не кончил институт,
знаю, тыквой юркий:
леди – баб у них зовут,
а у нас – всё Нюрки!

В это время старший знаменосец вышел из интеллектуальной комы и налил себе ещё с полстаканчика, выпил вновь, но на этот раз с закрытыми глазами. «Неужели ему стало стыдно, яйчики-бабайчики?», радостно, но глупо подумал Кулемзин. «Неужели он осознал всю пагубность своего поведения, которое неизбежно подталкивает его к пропасти развода с любимой Аидой?». А вслух марсианин спросил страдальца:

– Талгат, а чего это ты с закрытыми глазами пить начал?

– Да я на вашу водку уже смотреть не могу, – соврал трубач, – вот и приходится пить её с закрытыми глазами!

Причём, своё малоубедительное враньё он произнёс, поморщившись, а в Саксаулии, так же, как в соседней России, все алкоголики знали, что если человек от водки морщится, значит, пьёт её *на преодоление*!

Чтоб не выглядеть дохлее,
я себя преодолею:
и хоть пить я не хочу,
но вот водки всё ж торчу!

В это время Полтавцев бросил бесперспективный разговор с Салихдзянычем, который уже целых две минуты не обращал на него внимания, и обратился непосредственно к спонсору коллектива – стандартным началом, принятым в Великом ▲:

– Володя, вот ты всё знаешь, – скажи: говорят, что *дедушка* хранит ёкарных дураков и йодистых пьяниц. А как это понимать?

– Талгат, – серьёзно, без улыбки ответил философ, так как поднятая тема была, на его взгляд, очень серьёзной. – Понимай это так, что ты *в полной безопасности*!

Здесь выяснилось, что педагог, который решил, что все про него забыли, налил себе условную *стопку*, а на самом деле половинку пластикового стаканчика, после чего тоже пошёл в атаку – на того же Альбионыча:

– Володя, мать моя партия, а ты можешь сочинить рекламу *про наше*?

При этих словах он похабно ухмыльнулся, как бы предвкушая, что вот на этот раз марсианину будет крыть нечем.

– Запросто, – не стал отнекиваться от умственной работы писатель. – Слушай ты, Нуртай, и слушайте все остальные, ибо сказанное сейчас заставит ваши тухлые сознания сделать новый виток в ЛИПЕ, или Лептонно-Информационном Поле Естественного.

И в плену глубокомыслей
побыстрей и веселей,
чтобы мысли не прокисли,
больше водки, друг мой, пей!

«Хрень какая-то», дружно подумали трое сопокерников (б) и один живописец.

– Итак, Серёжа, записывай:

Времени нет.
Во Вселенной нет времени.
Там, где есть бесконечность,
такое понятие, как Время,
перестаёт существовать.
Точнее, не перестаёт, а его,
то есть понятия, никогда и не было…

«А, может, мать честнáя, и не хрень?», подумал один из слушателей, покусывая красный конец знаменитого двуцветного карандаша.

– Измерения придумал человек, – продолжал философ с рекламным уклоном. – Но Вселенная – это нечто другое. Что же такое Вселенная?

«Да нет, точно хрень, святой Малевич!», подумал другой слушатель с практическим рекламным образованием – в Отцеябловском гороформлении.

– Вы когда-нибудь думали, что такое бесконечность? Что скрывается за нею? Что скрывается вообще за кромкой нашего бытия, за осознанием всего того, что смог и осознал человек?

«Нет предела кулемзинской хрени, мать моя партия», в это время смело подумал третий слушатель.

– Есть ли предел всему? – продолжал бредить саксаульский спиноза, усилив голос до разрешённого правилами приличия максимума. – Или этого предела всё-таки нет? И как нам осознать бесконечность всего?

Мысль страшит нас бесконечно –
глубока и высока:
человечья жизнь конечна,
бесконечна лишь тоска!

После этого Володя, как бы страшно устав от только что произнесённого монолога, опустил руки и пригасил взор, словно провинциальный актёр, играющий крепостного мужика Матвея, невесту которого сгубил барин.

– А это про что? – наконец раздался робкий голос Николаича.

– Да это же реклама, яйчики-бабайчики! – воскликнул в недоумении бермудский рекламщик. – Как вы заказывали!

– Реклама чего?! – хором проревели заказчики

– Водки, конечно! Если обобщить всё сказанное мной, то это может выглядеть так:

Водка «Вселенная»!
Хорошая водка «Вселенная»!
Отличная водка «Вселенная»!
Литр-полтора этой водки поможет вам
решить семейные и многие другие вопросы!

Глава 240. ПРОДОЛЖЕНИЕ ВАКХАНАЛИИ (почти окончание)

Услышав концентрацию кулемзинской мудрости, военный музыкант быстро схватил серёжин *двухсотовый*, который тот наливал для себя, и выпил его залпом, как перед расстрелом. Афанасьич только крякнул, но не стал спорить, а налил себе ещё. А марсианин в это время думал о том, что алкогольная шизофрения его товарищей по партии[385] и примкнувшего к ним Муравлёва была понятна ему (марсианину, а не Муравлёву) на все 100 %.

И причина здесь крылась, скорее всего, в земном русском происхождении Альбионыча. Он даже улыбнулся, вспомнив, как ещё в детстве ничуть не удивился сказке, читаемой мамой, в которой (сказке, а не маме) разные лесные животные разговаривали с куском плохо пропечённого теста, катящимся подальше от своих родственников!

[385] ***Разумеется, по партии в русскую кочергу! – прим. автора***

По лесам, горам и полю
то на юг, то на восток
символом свободной воли
мчался юный Колобок.
Что ему овраг иль горка?
Ни преграды нет, ни уз:
у него всё толще корка,
мя́киш сер и заскорузл.
На него зверьё и птицы
не глядят который год,
но он всё быстрее мчится,
громче песенку поёт:

«Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел!»

А в родном далёком крае
спят в могилке старики,
что его пекли, стараясь,
из последней из муки...

Да, именно Батыршину в условиях наступившего всеобщего счастья приходилось сейчас труднее всех. Во-первых, сказывалось то, сколько раз за сегодняшний день этот иблисов педагог заставил его посетить бермудские кусты – с целью, уже хорошо известной моему читателю. Во-вторых, из-за того, что жидкие формы алкоголя быстро оставляли его и без того подточенный годами воинской службы организм, твёрдые формы в виде дрожжей и неких молекул бухла, которые Салихдзяныч представлял в виде твёрдых шариков с приятным запахом, от этого в брюхе только накапливались, а потом, растворяясь, вместе с кровью совершали короткое путешествие прямо в мозги трубача, где уже основательно оседали в этом, как выражаются наиболее продвинутые патологоанатомы, сером веществе. И, в-третьих, из всех присутствующих Талгату было жальче других именно себя, так как к его физическим мукам добавлялись муки моральные – в виде тоски (Ха-ха-ха! – Вл. Г.) по уехавшим в Кустанай жене и детям.

Сев с друзьями за картишки,
стал Талгат мозгой блудить:
«Я скучаю по детишкам –
некому в лабаз сходить!»

В данный момент он не нашёл ничего лучшего, как развеять тоску в прямом смысле сло́ва – стал размахивать руками с большой (прости, русский язык!) амплитудой, попутно отбивая встреченные конечности сидевших рядом с ним художника и охранника. Удивительным в этих хаотических движениях было то, что в правой руке у него был зажат стеклянный серёжин *двухсотовый,* который при этих подёргиваниях поблёскивал, весело отражая пробивающиеся сквозь учпучмакскую зелень знойные лучики. А не удивите-

льным было то, что никакой жидкости из стакана при его жонглировании не выливалось, так как её там просто не было.

– Я пятый! Я йодистый пятый! – бормотал Батыршин, видимо, оставив тоску за пределами разума, после чего все сделали вывод, что он неожиданно вышел на связь со своим руководством.

Альбионыч, которого было трудно удивить поведением своих персонажей, смотрел на него как на бетономешалку – что-то бормочущую, но вечно серую.

А вот Полтавцев на всякий случай потыкал по очереди пальцем в каждого из присутствующих и радостно подтвердил:

– Точно: он пятый, царица лесная! А я – третий…

Словно в триллере отснятый,
где ужасно так порой,
я по счёту сто десятый,
водку жру же как второй!

В это время Валера, словно очнувшись, решил продолжить, как видно, давно начатый разговор сам с собой.

– Бросил пить, не бросил пить – всё равно печень спасибо не скажет, – глубокомысленно заметил он. – Вот и святой Малевич так же думает…

– Почему, мать моя партия? – жадно поинтересовался Мусаич, который давно хотел понять, во-первых, природу русского алкоголизма, и, во-вторых, какое отношение к этой природе имеет он сам.

– Да потому, что печень разговаривать не умеет! – вместо Муравлёва ответил Афанасьич и гулко, по-фантомасовски расхохотался.

– Точно? Ну, тогда наливай, а то недогон – хуже смерти!

Люблю не водку – действие её:
она со мною мирит бытиё,
она мне греет тело, лечит душу,
навеивает сладкую мечту.
И я приязни этой не нарушу,
хотя коньяк и виски тоже чту!

Глава 241. ПРОДОЛЖЕНИЕ ВАКХАНАЛИИ (окончание)

В это время экс-текстильщик вновь наполнил свой стеклянный *двухсотовый* ровно наполовину и стал вспоминать, что там учёные говорили про вот эту половину да ещё про каких-то онанистов.

– Володя, – показал он стакан литератору, – а что там учёные говорят про каких-то онанистов и вот этот стакан?

«Совсем с ума съехал», тепло подумал обер-корнет и попытался отнять у сторожа тару. А Кулемзин, как выяснилось, понял сторожа прекрасно.

– Да эти дураки, яйчики-бабайчики, – опозорил он учёных людей, – говорят о том, что пессимисты и оптимисты смотрят на наполовину наполненный стакан по-разному. Ты же их имеешь в виду?

– Точно! – восхищённо воскликнул охранник.

– Так вот эти придурки утверждают: оптимист считает, что стакан наполовину полон, а пессимист, что стакан наполовину пуст!

– А ты что, мать моя КПСС, считаешь по-другому? – тонко улыбаясь, спросил Курманбаев, который вот сейчас наконец решил расставить какие-то точки над иностранной буквой і, правда, не совсем понимая, зачем это ему нужно.

– Да, я считаю по-другому, – твёрдо ответил Альбионыч. – Ещё до школы я считал на счётных палочках, потом в школе на счётах, потом в Красной армии на арифмометре «Феликс»[386], потом *на гражданке* уже применял калькулятор, а теперь, пройдя все эти философские ступени и закрепив их в *устном* счёте в лавке Калимы, считаю в так называемом уме!

[386] Изображение этого канувшего в Лету механизма можно увидеть в главе 55 третьего тома романа «Русская кочерга» – прим. автора

Без ненужных мне эмоций,
как король заморский Лир,
я считаю как придётся –
всё равно выходит литр!

«Ничего себе!», подумал Валера. «Вот бы мне так научиться!»

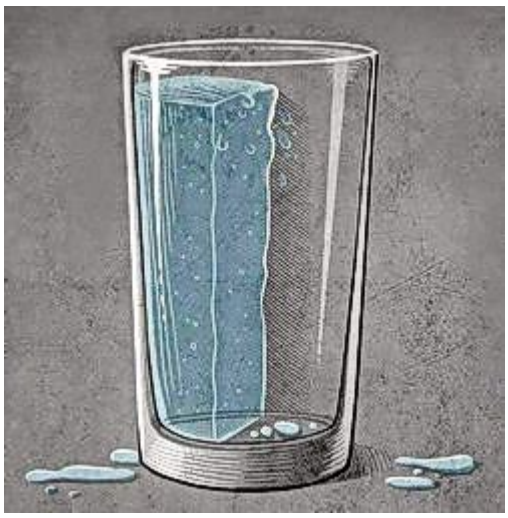
– Кстати, вопрос Нуртая, – продолжил Кулемзин, прихлёбывая всё ещё прохладный «Тянь-Шань», – не такой дурацкий, каким он хотел его показать нашему сплочённому коллективу, состоящему из четырёх интеллектуалов и одного художника. Сейчас я вам расскажу, что думают об этом наполовину полном/пустом стакане представители разных религий и течений. Итак…

Буддизм. Стакана на самом деле нет.
Солипсизм[387]**.** Стакан есть только у меня. А весь мир – мой алкогольный бред.
Ислам. Нет стакана кроме стакана.
Иудаизм. Ну, почему стакан наполовину пуст только у нас?
Православие. Стакан наполовину пуст за грехи наши.
Католицизм. Стакан наполовину пуст только у плохих людей.
Фрейдизм. В детстве вам недоливали.

[387] От лат. solus – одинокий и ipse – сам – философская доктрина и позиция, характеризующаяся признанием собственного индивидуального сознания в качестве единственной и несомненной реальности и отрицанием объективной реальности окружающего мира – прим. философ. редактора[388]
[388] Сам-то понял, что сказал? – прим. автора

Стоицизм. Да, стакан наполовину пуст, но так мне и надо.
Коммунизм. Каждый имеет право на полный стакан.
Социализм. Стакан пустой, зато у всех одинаково.
Йоги. Ты есть и стакан, и его содержимое.
Кулемзинизм. Стакан не пуст и не полон. Это и не стакан вовсе. И это не ты на него смотришь, а стакан смотрит на твою проекцию его мыслей о том, чем ты хочешь казаться самому себе. Или нет.

Мир вокруг нас так обманчив –
врут всегда нам там и тут:
каждый смотрит на стаканчик,
думая: «Когда ж нальют?»



После произнесения столь мудрёных мыслей литератор, а в данное время философ-перипатетик заметил, что все обалдело крутят головами в стороны, глядя друг на друга, как бы прося разъяснить, что это за очередная хрень им только что послышалась.

– А у тебя винишка ещё не осталось? – наконец раздался тихий голос Николаича.

– Есть малёхо, царица лесная, – поделился радостью Полтавцев. – А тебе зачем, вот ведь – водочка стоит.

– Я хочу взять всё вино на себя, – покаянно объяснил живописец.

– Может, вину?! – переспросил Альбионыч.

– Нет, ты правильно услышал… – горько ответил Валера и залпом опрокинул полный стакан таджикского портвейна «Чашма» несколько подозрительного цвета, которого при всём желании нельзя было отыскать ни в одном из томов Международного электронного каталога цветов «Pantone»

Великий придумщик Кулемзин тут же сочинил некий экспромт, в котором бутылку винишка, купленного, чтобы искупить вину, назвал *извинишко*, но вслух этого говорить не стал, так что теперь только ты, мой читатель, знаешь это новое для русского языка слово, а вот персонажи, которым, скорее всего, вообще ни до каких слов, не узнáют этого никогда.

«Да, граждане», глядя на всё это безобразие, подумал штатный философ Бермудского Учпучмака, «если вместо *позавчера мы нажрались как свиньи* сказать *третьего дня, господа, мы до неприличия злоупотребили хлебным вином*, то ты, получается, уже не какая-то пьянь, а слегка перебравший русский интеллигент!»

Самогон мы пили и мадеру,
пили бело-красное вино:
пили за Хрущёва и за Нéру[389],
пили мы в подъезде и в кино…

[389] Джавахарлал Мотилалович Неру – политический деятель, первый премьер-министр Индии – прим. полит. редактора

А закончилось это продолжение вакханалии неожиданным замечанием Афанасьича, сделанным им не из головы, а вначале из знаменитой записной книжечки «Для му.мы.», а потом всё-таки из головы:

– Думаю, что женский алкоголизм – он самый страшный, и как ты его не лечи, он до конца не лечится.

Потом почесал затылок и радостно вспомнил:

– У меня дед Михей умер от женского алкоголизма…

Глава 242. САМОУПИЙСТВО

Перечитал сейчас автор последние главы и подумал, что правильно назвал их «Продолжение вакханалии», а также правильно, что закончил это продолжение, потому что настоящее алкогольное шоу началось только сейчас. И это было действительно самоупийство, о чём и сообщило тебе, мой читатель, название этой главы.

Одно только было плохо, и вот что именно: когда русские и приравненные к ним люди пьют, то вскоре начинают веселиться, а вот у наших героев все разговоры были какие-то грустные, и только одному автору было смешно их слушать, так как он давно уже вообразил себе, что является не просто писателем, а писателем-сатириком или, что ещё хуже, писателем-юмористом.

Раньше был я адекватен,
а теперь утратил нить:
так стараюсь сочинять я,
чтоб себя же и смешить!

А чтобы читатель не сомневался в только что признанном, то вот тебе несколько диалогов и монологов наших героев.

– И тут Зуля мне говорит, – жаловался сторож Валере, – мол, царица лесная, ты возьми и не пей. Но ты сам понимаешь, старик, как же не пить, раз уже взял?!

– Понимаю, святой Малевич! – горячо подтвердил художник.

Затем горькую историю, правда, без собеседника рассказал Салихдзяныч:

– Мне ещё в детстве ёперные родители говорили: вот вырастешь, будут свои дети – сразу всё поймешь! И вот я вырос, и ёкарные дети свои есть, а что-то всё равно ни хрена не понимаю…

– А я… а я… – блажил педагог, чтобы не отставать от коллектива по части алкогольных баек, – а я однажды попробовал один коктейль, и только потом узнал его название.

– И что это за коктейль? – заинтересовался непьющий Кулемзин.

– Сейчас вспомню! Так, значит, там было 50 миллилитров коньяка «Hennessy Private Reserve» 1865 года + 150 миллилитров кока-колы!

– А хочешь, яйчики-бабайчики, я угадаю, как он называется, – предложил Володя.

– Как?

– «Идиот», – ответил писатель и улыбнулся. – Ну как, угадал?

– Нет-нет, мать моя партия, там было что-то другое: типа «Всплеск чувств» или «Слеза радости» или «Гармония настроения»…

«И всё-таки, по-моему, мой вариант лучше», удовлетворённо подумал Альбионыч.

Трезвый разум производит
вот такой вот оборот:
колой кто коньяк разводит,
тот, конечно, идиот!

Но так как по причине тишины его мыслей на эти мысли никто не ответил, литератор стал думать дальше, но недолго, потому что понял, что все штатные алкоголики Бермудского Учпучмака уже пьют из новой бутылочки – коньячной. «Ах, так вот почему наш большевик заговорил о коньячном коктейле!», пришло к нему (литератору, а не большевику) позднее понимание ситуации. Но он не стал озвучивать это понимание, а вслух произнёс следующее:

– А знаете ли вы, мои нетрезвые друзья, что некий Наполеон сошёл с ума, когда узнал, что он – коньяк?

– И что? – поддержал разговор Николаич.

– Да то, что если взялись пить вино, так надо было его пить и потом, – как-то несколько пошло, неприлично и фальшиво посоветовал марсианин.

Все немного посмеялись над неразумным трезвым товарищем, забывая, кто является спонсором данного мероприятия. А Володя всё не мог успокоиться:

– И чтобы почувствовать, что я прав, откройте именно бутылочку хорошего вина, но сразу не пейте – дайте ему немного подышать.

– Это как, мать честнáя? – заинтересовался Афанасьич.

– Да так: если вы почувствуете, что вино не дышит, то…

– …сделайте ему искусственное дыхание рот в рот! – закончил за него мысль старший дудочник, после чего Альбионыч понял, что окончательно проиграл так и не начавшуюся битву за трезвость.

– Тем более, – подкрепил его вывод охранник, – что здесь пить-то осталось – каждому по два пальца!

Жалобно наморщив лоб, охранник изобразил из левой руки подобие разводного ключа, настроенного на крупную гайку, а правой, видимо, чтобы подчеркнуть правильность своей мысли, тут же разлил остатки коньяка по четырём пластиковым стаканчикам – как раз по два пальца, как и обещал!

Ох, замучились страдальцы
в непонятии мужском:
наливали на два пальца,
а дрались всем кулаком!

Залпом засадив свой стаканчик, военный музыкант, видимо, решил продемонстрировать свой выход на уровень персональной белой горячки. Правда, форма её показалась зрителям не слишком тяжёлой, какой-то почти бесцветной, зато выперло её в сторону совершенно неожиданную – Батыршин решил обучить сидевшего рядом с ним Валеру разным военным приёмчикам, но при этом видел в нём не живописца, а почему-то сторожа.

– Серёжа, – пихал он Муравлёва локтем в бок по-русски, но вёл себя откровенно по-голливудски, – на меня смотри, на меня! Не вижу твоих йодистых глаз! Мне нужны твои йодистые глаза!

Николаич страшно испугался, так как точно знал, что его глаза нужны были ему самому́, поэтому, прихватив свой стаканчик, быстро пересел напротив – ближе к Володе.

Затем эстафета вновь перешла к бывшему текстильщику, и Серёжа рассказал страшную историю, как на Новый год хозяин магазина «Пингвин и гагара», где он работал, подарил ему бутылку хорошего коньяка «Barza albă»[390] с пожеланием выдержать её сколько сможет, а на ревнивый вопрос коммуниста, сколько же он выдержал, сторож горделиво ответил, что целых 6 минут 14 секунд! Затем он принял заслуженные аплодисменты, правда, очень жидкие, потому что хлопал ему только один спившийся шофёр Саша Дубровский, который, оказывается, давно уже прятался за карагачом.

[390] «Белый аист» – молд.

– А, Саша, иди сюда! Старик, сейчас ты получишь свои 100 граммов, – пообещал марсианин. – Но только после того, как сообщишь нам какую-нибудь мудрость, а то Серёжа что-то давно ничего не записывал в свой блокнотик «Для му.мы.»

Водитель (б) приблизился и занял выжидательную позицию.

– Запросто, – в ответ пообещал спившийся. – Серёнька, записывай:

Когда пьёшь, надо знать меру,
иначе можно выпить меньше!

– Отлично! – оценил «мудрость» Полтавцев и быстро занёс её в заветную книжечку – вот в таком варианте: «Чтобы напиться как следует, всегда носи с собой в кармане некую меру. И тогда тебе воздастся!». А писатель, налив страдальцу обещанное и дождавшись, когда он отчалит от коллектива после законных 100 граммов, вспомнил свой старый стишок, сочинённый им в возрасте 31 год 11 месяцев и 6 дней:

Если на душе паршиво,
ты не парься – выпей пива.
Если страх сжимает глотку,
без сомнения пей водку.
Если обломали *киски*,
укурись и выпей виски.
Настроение говно –
из бутылки пей вино.
Если в чём-то подфартило,
пей на радостях текилу.
Собрался на сексодром?
Прихвати с собою ром!
Если ты пошёл на гонки,
просто выпей самогонки.
Если мучает *стояк*,
пей горилку и коньяк.
Если ночью снится ёж,
то понадобится ёрш.
Ждешь сегодня *муси-пуси*?
Не забудь купить шампусик.
Ну, а если пьёшь компот,
Значит, полный идиот!

Короче, как видит мой читатель, всё было достаточно весело, ибо каждый из бермудских пропитонов занимался чем попало, но в основном собой, так как причины для радости в серёжином хурджине было ещё немало. Однако вскоре Альбионыч заметил, что глаза художника Муравлёва подёрнулись некой полиэтиленовой поволокой, что всегда означало только одно – Валера вновь вспомнил свою любимую супругу Наташу.

Глава 243. САМОУПИЙСТВО (продолжение)

И это было действительно так. А началось всё с короткой реплики Батыршина, обращённой неизвестно к кому, так как левый глаз старшего прапорщика смотрел в это время в сторону своего балкона, где ему мерещился тесть Яков Моисеевич, а правый – в сторону лавки Калимы, на предмет того, чтобы магазинчик случайно не закрылся досрочно. А реплика эта была такова:

– Жизнь – она как баба.

– Как это, царица лесная? – подскочил Полтавцев.

– А так: когда выпьешь – не такая страшная!

– Эт’ точно, – вздохнул живописец, тут же вспомнив недавний разговор со своей довольно симпатичной, но чрезмерно полной женой.

– Валера, скажи честно, я действительно толстая? – спросила его тогда Наташа.

– Да что ты, дорогая, – начал привычно врать Николаич. – Конечно, нет, святой Малевич! Но я правильно понимаю, что скандал всё равно будет?

И как оказалось, именно это он понял совершенно правильно.

Он ей был очень-очень нужен,
хотя вполне осознавала:
всю жизнь могла б прожить без мужа,
но дня не сможет без скандала!

От неприятных воспоминаний у Валеры разболелась голова, а Кулемзин, диагностирующий её при помощи нехитрой марсианской технологии, подумал о том, что американец в подобном случае побежал бы сначала в больницу, а потом к своему личному психологу, тогда как у нас, русских, личный психолог, он же семейный доктор, всегда под рукой, в удобной таре – успевай только лечиться! Было видно, что семейные воспоминания цепанули саксаульского рубенса основательно, потому что в данный момент он прихлёбывал спиртное как-то *дуально*: во-первых, из своего стаканчика водку – мелкими глотка́ми, и, во-вторых, коктейль из сразу двух пивных бутылочек – своей и талгатовской. Кулемзину он сейчас напомнил весёлого и голодного козлика, которому наконец-то удалось забраться в бабушкин огород с брюссельской капустой.

Правда, горестные воспоминания вскоре пришлось прекратить, так как Афанасьичем неожиданно овладел бес вокала, который с больши́м удовольствием приходит во время таких застолий именно к русским людям. Охранник вдруг вспомнил песенку, которую он разучил много-много лет назад в пионерском лагере:

Много чудес, йе-йе
я видел на земле,
но лишь одно, йе-йе
я не встречал нигде:
то Изабель, йе-йе,
то чудо из чудес –
ты не фермера дочь,
а царица небес!

Правда, извилины его «мозга», достаточно быстро пропитавшись суррогатным бухлом, стали работать сами по себе – без участия хозяина, потому что песенка неожиданно прекратилась, а началась незапланированная, но хорошо, что короткая лекция, во время которой сторож, вспомнив 45-градусную польскую водку «Житня», которая была очень популярной в СССР (б) последних лет существования, стал заклинать собравшихся за бывшим покерным, а ныне алкогольным столиком, чтобы они ни под каким предлогом не закусывали её молочным супом!

– Это точно! – подтвердил его исследования военный трубач, после чего на миллисекунду впал в коматозное состояние, но тут же очнулся, шумно почесался и бодро поинтересовался:

– А где ёперные моряки?

Писатель знал, что когда с людьми случается приступ алкогольного маразма, то лучше с ними не спорить, и потому вежливо ответил:

– Моряки-то? Так скоро придут, яйчики-бабайчики. Вот ружья почистят да и придут! Группами по восемь…

Салихдзяныч удовлетворённо кивнул, но потом снова вскинулся, неугомонный, и напоследок, перед повторной комой, всё же пробормотал:

– Врёшь ты всё, у моряков нету ружей…

«Неужели приходит в себя?», обрадовался Володя, пока не услышал конец фразы:

– … у них только винтовки Драгунова – с оптическим прицелом!

Затем шумно просморкался и добавил какие буквы и цифру, видимо, обозначающие название этого прицела:

– ПСО-1[391].

[391] Действительно, это штатный прицел для снайперской винтовки Драгунова образца 1963 года – прим. воен. редактора

Судьбу прожил процессуально-поднадзорную,
но я всю жизнь бы с удовольствием смотрел
в три вещи: микроскоп, трубу подзорную
и, наконец, в оптический прицел!

– Граждане подследственные, – видя, что такой размах страстей и эмоций трудно регулировать в рамках Бермудского Учпучмака, обратился к своим соседям по покерной скамеечке литератор. – Я вижу, что вы пьёте как-то не так.

– А как надо, мать моя партия? – заинтересовался Курманбаев – с единственно утилитарной целью занести ответ марсианина вечером в свою записную книжечку – в виде убийственного компромата.

– Вот, например, выпитое вами таджикское вино. Когда я ещё бухáл сам, правда, давно – в Советском Союзе (б), то всегда прислушивался к неким ноткам в его составе.

– И что ты там чувствовал, мать честнáя? – спросил охранник.

– Я чувствовал там то нотки абрикоса, то яблока, то ореха…

– А я вот чувствую, – под общий смех сообщил Полтавцев, – что уже нарéзался!

Правда, смех вскоре завершился, ибо все поняли, что Серёжа окончательно свихнулся, ведь, посмотрев свой *двухсотовый* на просвет, он задумчиво промолвил:

– А ведь мы пьём уже пятый день подряд! Может, всё-таки остановиться?

С чего начинается пятница?
С команды: «Пора по домам!»,
когда даже дух поднимается:
«Ребята, ну что, по сто грамм?»
А, может, она начинается,
когда мы по первой прошлись?
Такое бывает, случается,
и радостней видится жизнь!

Глава 244. САМОУПИЙСТВО (ещё одно продолжение)

– Остановиться? – глупо улыбаясь, переспросил преподаватель еврейского колледжа. – А зачем?

– Но ведь всё это так очевидно! – не глядя на Мусаича, утверждал в пространство сторож.

– Что очевидно? – решил уточнить педагог.

– Какой же ты тупой, Нуртай, – попенял ему Афанасьич. – Я же тебе конкретно говорю: всё это!

– Да, кстати, старичок, – не дал развиться обиде Володя. – Ты всё-таки постарайся не забывать пункт 7 «Морального кодекса строителя коммунизма», по которому, я надеюсь, ты живёшь до сих пор.

Живу в плену своих безволий,
но помню, что сказала мать:
моральный кодекс не позволил
сегодня жёнушку предать!

Большевик вспыхнул лицом, но напрягся лобными морщинами, и все поняли, что он, к его позору, просто не помнит, о чём говорит этот таинственный пункт. Здесь Валере стало жалко проходимца, и он попросил Кулемзина:

– А ты не мог бы напомнить этот пункт *мне*?

– Тебе, Николаич? – улыбнулся Альбионыч. – С удовольствием! Слушай:

7. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.

– Да, Нуртай, – вновь попенял забывчивому его сосед по лестничной площадке, – думаю, тебе и запоминать такое не надо – всё равно ничего не выполнишь!

Все немного посмеялись над Курманбаевым, который и сам знал, что такие горизонты морали написаны не для таких, как он.

После слов Полтавцева художнику стало жалко ленинца повторно, и он, чтобы сбить тему, неожиданно произнёс:

– А лично я, святой Малевич, люблю под вовкины стишки бухáть! Хоть и слабые они по части логики, но, думаю, поэтам это простительно.

Литератор чуть было не подавился глотком «Тянь-Шаня», но сдержался, правда, попросив уточнить:

– Все стишки? Или некоторые, яйчики-бабайчики, ещё вполне читабельные?

– Конечно, не все, – на глаз определил Муравлёв. – Думаю, что лучше всего у тебя получаются басни – и поучительно, и смешно, а, главное, мудро.

Только что опозоренный Нуртай хотел было возразить, но вовремя сдержался, и правильно сделал, так как польщённый словами приятеля поэт Кулемзин, а в данное время баснописец уже начал рассказывать свою очередную басню под названием

Герасим и Джульетта

Когда Джульетта вышла замуж,
Герасим сильно тосковал –
забросил начатую повесть
и каждый вечер выпивал:
топил в вине свою досаду,
избил Ромео в кабаке,
в конце концов ушёл куда-то
однажды утром налегке…

♠ ♠ ♠

Мораль проста и очевидна –
и для джульетт, и для других:
влюблённый, не молчи о чувствах,
шепчи, кричи и пой о них!

– Класс! – восхищённо и громко выразил свой восторг по поводу услышанного Серёжа, затем наклонился к Салихдзянычу и тихонько спросил его на ушко:

– А это он про чё?

– А ты что, не понял? – изумился военный.

– Да нет, конечно, понял, – испугался сторож. – Я просто некоторых *нюансов* не просёк! Например, как можно топить свою досаду в вине, ведь досада – существительное большое, а вина в бокале – не так много…

Старший дудочник ничего не понял, поэтому решил ответить так, как подсказала ему сейчас его неудачная голова без форменной фуражки.

– Понимаешь, Серёжа, бесплатному сыру в дырку не заглядывают. Не просто какому-то, а именно бесплатному!

– А-а-а, в этом смысле?

– Конечно, – убеждённо ответил Батыршин. – В каком же ещё…

И друг предал, и дочь-змея,
и лет прожил не 100:
в триаде *мышка, сыр и я*
проигрывает кто?

– Серёжа, Талгат, не шепчитесь! – попенял им литератор. – Не видите, что ли, что ни у кого, кроме меня, в таре ничего не осталось?! Старичок, наливай, ведь ты же у нас сегодня (прости, русский язык!) сомелье.

– Комильфьé? Эт' точно! – расцвёл неумытой рожей охранник.

– Серёжа, зачем же ты, блестящий знаток английского языка, себя французскими словами мучаешь?

– А это что, французская должность? – удивился Полтавцев. – А я думал, что наливать друганам – это русская!

– Нет, старичок, сомелье – это не древнерусский виночерпий или, чтобы было понятнее, *кравчий*. Это специалист большого полёта, причём, зачастую совсем не пьющий или пьющий самую малость – чтобы не перепутать «Шато Лафит» 1887 года с архангельским «Солнцедаром» 1975 года.

– Так такое и я не перепутаю, – горячо уверил высокое собрание Афанасьич. – На них же этикетки есть!

Здесь Кулемзин внезапно расхохотался, но не от глупых слов почётного гражданина деревни Семижопино, а от того, что серёжино слово *этикетка* заставило вспомнить писателя свою старую литературную пародию. А чтобы моему читателю было тоже весело, то вот она:

«Пушкин, как генильное Наше Всё, писал легко и свободно в любое время года. Но особенно он любил «Золотую осень»: бывало, возьмёт рубль двадцать семь – да и купит себе бутылочку!». Вот с такой этикеткой:

И давайте без ухмылки
отнесёмся к бодуну:
этикетка на бутылке
сообщит её цену!

– Так вот, Серёжа, запомни, что если ещё когда-нибудь захочешь стать сомелье, то тебе надо будет пополнить свою копилку вот такими знаниями:

история виноделия;
глобальная география виноградарства;
создание и коррекция винной карты;
сервировка, (прости, русский язык!) декантирование[392] и другое обслуживание;
международные и локальные винные продукты;
управление винным погребом;
дегустация и оценка вина;
но главное, профессионализм и доброжелательность!

[392] Процесс переливания вина из бутылки в декантер[393] для отделения его от осадка – прим. соц. редактора
[393] Стеклянный графин, предназначенный для сливания и подачи вина – прим. соц. редактора

– Да я уж как-нибудь в магазине до пенсии доработаю, – проворчал бывший текстильщик. – Тем более, что там у меня двойная должность – сторож-охранник.

Затем снизил голос почти до шёпота и горько добавил:

– А вот зарплата – одна…

Глупо быть во всём крылатым,
став получше остальных:
на одну свою зарплату
я пашу за четверых!

Глава 245. О ВОЛШЕБНОЙ КНИГЕ ДЕТСТВА (Вечерняя байка Альбионыча)

– Володя, интересно, а почему ты, мать моя партия, всё-таки не пьёшь? – с претензией на чекистскую подозрительность поинтересовался Курманбаев.

– Да-да, ёперная пьянка, почему? – поддержал этот гнилой базар Батыршин.

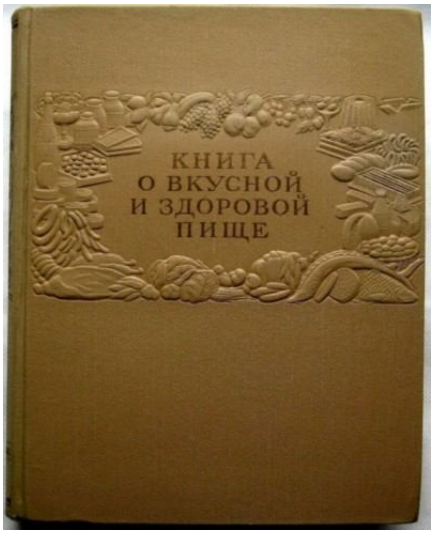
Правда, тут же оказалось, что алкогольные пары́, овладевшие компанией, породили некий вирус нездорового интереса к прошлому покерного гуру, ибо ещё двое присутствующих задали ему тот же вопрос, сдобрив его ничего не значащими выражениями типа *царица лесная* и *святой Малевич*. Поэтому Кулемзину не осталось ничего, кроме как поделиться с ними воспоминаниями о далёком советском детстве, которые в конце концов и привели его к глобальной трезвости.

– Давно это было, – по-былинному начал он свой нелёгкий рассказ. – Как и положено любознательному подростку, лет в десять у меня возник интерес к таинственному и запретному, чем в СССР (б) занимались только взрослые. Да-да, вы правильно догадались – к приготовлению еды! Внезапно мне захотелось приготовить что-нибудь самому́, и желательно не то, чем меня кормили ежедневно и что до смерти надоело.

Говорила мне крестьянка:
«Однотипов избегай:
надоела каша с манкой –
консоме[394] мне подавай!»

[394] От фр. consommé – осветлённый бульон

Если по́мните, практически в каждой советской семье была большая светло-коричневая «Книга о вкусной и здоровой пище» 1952 года выпуска. Не миновала эта участь и нашу семью. Так как других самоучителей по готовке всё равно не было, мы с братом Толиком, когда родители были на работе, решили воспользоваться ею для создания какого-нибудь собственного кулинарного шедевра.



Внимательно изучив сей фолиант и выделив на красочные картинки годовой запас слюны, мы на собственном опыте узнали о том, что у нас в стране не всё в порядке, и наши очередные вожди-кормчие ведут нас куда-то не туда, ведь открыв наш семейный холодильник «Саратов», в котором находилось практически полное отражение содержания прилавков магазинов в те годы, я не обнаружил там *ничего* из необходимых ингредиентов для приготовления тщательно описанных и нарисованных-сфотографированных понравившихся нам блюд.

Дело происходило в 1963 году, а «Книга о вкусной и здоровой пище», как я уже говорил, была издана в начале 50-х годов, и как мне впоследствии рассказала мама, практически все указанные там продукты тогда можно было *свободно* купить в магазине! Сейчас-то, конечно, никого не удивишь тем, что продукты в магазине можно купить свободно, а не *достать по блату*, но тогда меня, привыкшему к тому, что в магазине почти все прилавки были заставлены пирамидами из консервов «Салат из морской капусты», это известие шокировало, как если бы сейчас кто-то рассказал, что лет 15 назад можно было спокойно слетать в космос.

Хоть я детством и затравлен,
но сегодня слышу песнь
на ракете я отправлюсь
на планету, где всё есть!

Но когда чего-то нет – денег, продуктов и т.д. – сразу же начинает работать (прости, русский язык!) креатив. В общем, в итоге из всего многообразия рецептов мы с братишкой остановились на двух, в которых, как мне показалось, недостаток ингредиентов можно было легко заменить чем-нибудь другим. С первым рецептом, то есть бутербродом с маслом, горчицей и балыком всё прошло замечательно: докторская колбаса из туалетной бумаги прокатила за сервелат-балык, остальные же ингредиенты – хлеб, масло и горчица пока ещё не исчезли с прилавков.

Окрылённые успехом, мы приступили ко второму блюду – под волшебным названием гоголь-моголь.

Гоголь-Моголь был писатель –
десять книг писал он за день.
Но, прочтя их, вспомним много ль?
Лишь что автор – Гоголь-Моголь!

С яйцами и молоком проблем не было, но в настоящий гоголь-моголь хрущёвских времён согласно «Книге о вкусной и здоровой пище», нужно было добавить… две столовые ложки вина! Для нас с братом, по сути детей, это было, мягко говоря, непросто, но для потенциального шеф-повара нет препятствий! Хорошенько подумав, я здраво рассудил, что основной ингредиент вина – это спирт, а его можно найти и в другом месте, в составе чего-нибудь крепкого.

Признаюсь, что в те крайне юные годы я ещё не читал американца О.Генри, и не знал, что «песок плохая замена овсу»[395]. Лучшей, на мой взгляд, заменой вина (или, честно говоря, единственное, что я нашёл в доме) был одеколон «Тройной», который я недрогнувшей рукой экспериментатора-первопроходца и добавил в полном объёме в молочно-яично-сахарный гоголь-моголь. Но вкус этой советской амброзии, которую я решил для надёжности выпить залпом, был настолько неповторим, что стоит поперёк горла даже сейчас, – сто́ит только вспомнить сей эпизод!

[395] Цитата из новеллы О.Генри «Вождь краснокожих» – прим. лит. редактора

В общем, не сложилась у меня с тех пор любовь ни с гоголь-моголем, который я, сколько меня не уговаривали, с тех пор в рот не брал, ни, тем более, с тройным одеколоном – не то что пить, даже думать о нём без рвотных позывов не могу. А позже, когда я стал постарше и поумнее, то для настоящих радости и счастья жизни полностью исключил весь алкоголь из своего рациона, оставив себе только истинный шедевр народного саксауль-ского творчества – хорошо известное вам пиво «Тянь-Шань»!

Дедушкой шедевр тот создан,
как начало из начал:
лучше пива только звёзды,
на которых не бывал!

– Ну надо же, – удивился Афанасьич, когда володин рассказ о страшном советском детстве был завершён, – а у меня как раз всё наоборот!

– Как это? – заинтересовался Валера, который любил любые рассказы – лишь бы во время них не играли в карты.

– Ну, например, раньше, мать честна́я, – объяснил Серёжа, – я интересовался проблематикой квантово-волнового дуализма и пространственно-временно́го континуума, разбирался в диалектике Георга Георговича Гегеля и экзистенциализме Сёрена Петеровича Кьеркегора, чувствовал скрытый смысл полотен Винсента Теодоровича Ван Гога и Пабло Руисовича Пикассо, пытался раскрыть загадку генезиса жизни во Вселенной и переосмыслить проблему человеческого сознания…

– А потом, йодистый генезис? – волнуясь, спросил его Талгат.

– А потом я бросил пить, – горько проронил Полтавцев. – А такие вещи разве без бутылки поймёшь?! Вот так и пришлось начать снова…

Вином напившись книжных истин,
съев философских знаний плод,
так трудно состояться в жизни,
в которой всё наоборот…

Глава 246. САМОУПИЙСТВО (почти окончание)

Что там в своё время говаривал Сергеич о русском бунте – безжалостном и беспощадном[396]? Вот и пьянки у нас такие же: переходящие от слёз к драке, от драки к лобызанию, от лобызаниям к сомнениям в конечном торжестве справедливости и размышлениям о переустройстве Солнечной системы. А в нашей компании главным было то, что все персонажи мало того что старались произнести бессмысленные тосты, так ещё и не переставали вести разговорчики на всякие темы в перерывах между алкогольными па́йками. И если мой читатель думает, что покеристы обсуждали сегодняшние партии, делая так называемый разбор полётов, который Кулемзин называл *разбором пролётов*, то нет, ошибся ты, перелистывающий сейчас эти горькие (для Володи) страницы и весёлые для остальной компании.

[396] А. С. Пушкин «Капитанская дочка» – прим. лит. редактора

– А я вот читал, – с умным видом поведал Полтавцев, показав своим собутыльникам импортную бутылочку с красно-чёрной этикеткой, – что *некие* эксперты, царица лесная, доказали, что кока-кола не содержит консервантов.

– И это правильно, яйчики-бабайчики! – поддержал его литератор, отобрав поганую бутылочку и забросив её в бермудские кусты, – потому что консерванты в ней просто портятся!

Не ходите, дети, в школу –
пейте, дети, кока-колу!
Это чудный химикат –
сульфо-нитро-трифосфат!
Тот, кто квас и сбитень пьёт,
от прогресса отстаёт.

Подходите, не ленитесь –
кока-коле подивитесь!
Он желудки прожигает
и монеты растворяет,
унитазы отмывает,
саранчу уничтожает!
Можно двигатель отмыть,
пятна крови удалить,
стёкла чисто протирать
и одежду постирать!
В общем, это вам не квас!
Пейте, люди, – рад за вас!

Правда, на этом сообщении научная часть разговорчиков закончилась, а началась сплошная бытовуха.

– А не пропустить ли нам ещё по одной? – невинно поинтересовался Салихдзяныч, хитро поглядев на сопокерников.

– Ну ты это… можешь и пропустить, – урезонил его сторож. – А я это… лучше выпью!

– Ну, ладно, наливай! – согласился военный музыкант, после чего обосновал принятое решение:

– Ёкарный *недогон* – он ведь хуже смерти!

– Не понимаю, мать моя партия, – томно произнёс педагог, которому никак не давались народные словечки и выражения типа недогон, заправить баки, по 100 грамм и в школу не пойдём, посинячить у ларька и особенно простое слово, понятное всякому, кто был рождён в СССР (б) – *недоперепил.*

Здесь Муравлёв и Полтавцев решили помочь неразумному Курманбаеву вникнуть в суть проблемы.

– Давай пойдём простым логическим путём! – предложил Серёжа.

– Согласен! Наливай, святой Малевич! – поддержал предложение Валера и разлил всем по четверти в пластиковые тары.

– Исключительно для полноты йодистого пищеварения, – пробормотал старший прапорщик и опрокинул грязноватый стаканчик в пасть, после чего его примеру последовали остальные.

– Прижилось, – икнув, поведал Афанасьич..

Можно выпить пять стаканов –
только подноси,
но работать, как Стаханов, –
дедушка спаси!

Писатель, глядя на это безобразие, вытащил из кармашка свой миниатюрный телефонный аппаратик и хотел было произнести в чёрные дырочки что-то типа «Алло, психиатрия? Срочно приезжайте – тут человеку хорошо!», но немного подумал и передумал. «Нет, не время, пусть ещё немного пожируют», решил он. «Тем более, что до конца этого тома осталось всего каких-то 56 страниц…»

В это время охранник отобрал бутылочку у живописца и стал пенять ему за то, что Николаич якобы совсем разучился разливать на глаз, после чего стал совершать это действие сам. А Альбионыч, глядя на уверенно разливающего Полтавцева, подумал о том, что русские – прирождённые математики, так как первыми в мире сумели без остатка разде-

лить 0,5 на троих – до последней капли! А ведь научному сообществу хорошо известно, от чего скончался знаменитый Пифагор Мнесархович: он сошёл с ума и покончил с собой, потому что не смог *практически* решить эту задачу, которую, узнав, что он математик, предложили ему не совсем трезвые гости из далёкой Московии, случайно проплывающие мимо его родного острова Самоса!

Во всём хорош был Пифагор,
да только не во всём,
где русский Иванов Егор
разлил *пузырь* путём!

– А, может, по коньячку, мать честнáя? – залихватски выкрикнул сторож и даже на мгновение стал похож на неорганизованного прапорщика.

– Кстати, о коньячке, Серёжа, – подхватил идею литератор, не оставляющий наивную мечту о том, чтобы количество выпитого алкоголя на душу бермудского населения было как можно меньшим, – и о том количестве коньячка, которое приличествует приличному человеку. Есть у меня в тыквенном запаснике одна такая история. Не желаешь?

– Желаем! – хором ответили все присутствующие.

Марсианин поправил несуществующую складку на рубашке и рассказал вот что:

– Однажды знаменитый на весь СССР (б) советский гроссмейстер Михаил Таль ужинал с друзьями в сочинском отеле… хотя, какие тогда были отели?.. короче, в сочинской гостинице «Жемчужная». Экс-чемпиона мира, конечно, узнали очень многие посетители гостиничного ресторана, и вскоре к компании подошёл официант и протянул Талю бутылку дорогого марочного коньяка «Отборный. 40 лет» (вот такого):

, объяснив при этом, что это подарок от его армянских поклонников, и для верности даже показав на столик, где сидела группка каких-то небритых личностей.

Тогда гроссмейстер попросил официанта переслать им от своего имени две бутылки точно такого же коньяка, но удивился, когда через пару минут получил в ответ уже четы-

ре! «е2 – е4!», мелькнула у него при этом какая-то шахматная мысль. Таль на секунду задумался, затем взял одну из присланных бутылок, достал дешёвую советскую (б) шариковую ручку и размашисто написал на этикетке:

Согласен на ничью. М. Таль

, после чего отослал коньяк обратно с официантом.

Фишер, проявив былую смелость,
первым ходом пешкой съел ферзя,
потому что очень захотелось –
пó хрену, что так ходить нельзя!

Глава 247. САМОУПИЙСТВО (окончание)

«Как бы плавно перейти к окончанию этого безобразия?», пятый раз за текущую неделю подумал Володя. «А то как бы к новому понедельнику мои соперники не кончились все до одного…». Особенно доставало его поведение старшего трубача, который, как видно, чувствовал себя в коллективе штатских как генерал среди ефрейторов.

– Валера, неужели ты не понимаешь, – приобняв художника, взволнованно говорил обер-корнет в эту минуту, – что военные трубачи тоже участвуют в подлинной мировой феерии ёперной тождественности?

Муравлёв, не ожидая услышать такие страшные слова, сперва побелел, потом покраснел, а потом уж совсем по-покойницки густо позеленел, после чего всё-таки нашёл в себе силы на вопрос:

– А тождественность эквивалентна дуальности?

Правда, этот нелепый диалог тут же прервался, так как к игрокам (б), а ныне алкоголикам неожиданно подошла младшая дочка Батыршина, которая выглядела сейчас весьма экстравагантно – она вся была изваляна в песке, словно цыплёнок на заклание в панировочных сухарях.

– Подожди, девочка с забытым именем, – обалдело произнёс прапорщик. – Ты же сейчас должна быть в Кустанае – с мамой!

– А я тебе мнюсь, – ответила девочка и растаяла, как устрица на саксаульском солнце.

Устриц не успел поесть я,
как растаяли они!
Я с рассудком несовместен
или болт в мозгах возник?

И не успел Салихдзяныч произнести географическое слово Кустанай, как телефончик Альбионыча тревожно прозвенел, затем включился сам по себе, что уже происходило не первый раз – по причине неуёмной энергии талгатовской жены Аиды, а потом в пространство Бермудского Учпучмака пришёл и её визгливый голос:

– Ещё только седьмой час, а ты уже пьяный, как свинья!

«Вот так жизнь обгоняет мечту!», подумал писатель.

Плохо (или, напротив, очень хорошо) чувствовал себя Серёнька Афанасьич. Он вытащил из котомки последнюю бутылочку какой-то подозрительной бормотухи, но его персональный вестибулярный аппарат подвёл хозяина, заставив тело покачнуться, результатом чего стало падение всё ещё полной стеклотары с покерного столика. И тут Полтавцев совершил отчаянный вратарский прыжок и в падении всё-таки поймал заветную бутылочку. А пока он отдувался после незапланированного подвига, писатель вспомнил и кра-

тко рассказал занятную историю, что точно такой же прыжок однажды совершил итальянский вратарь Дино Клаудиович Дзофф[397] – в 1982 году в знаменитом четвертьфинале с Бразилией.

[397] Кстати, на тот момент он был капитаном сборной Италии и автором рекордной «сухой» серии (1142 минуты) в международных турнирах для сборных – прим. спорт. редактора

После этого он (Володя, а не Дзофф) только успел подумать, что в последние минуты ещё никак не отличились Мусаич и Николаич, как эстафету бессмысленных разговоров перехватил неугомонный преподаватель еврейского колледжа. Оказалось, что охранник уже успел налить всем из спасённой бутылочки, и Курманбаев принял ответственное решение сказать тост, ибо без его проникновенных слов идеологическое мероприятие могло бы превратиться в банальную пьянку.

– Наша страна, мать моя КПСС, невелика, – начал он, – но дух её могуч…

Марсианин не стал дожидаться, пока прапорщик в который раз побежит в кусты, а бодро закончил педагогическую мысль:

– … как дубы, которыми славятся наши пейзажи в коридорах власти!

Остальные не стали дожидаться реакции на этот демарш и молча опрокинули бодрящие напитки внутрь организмов.

Люди нашей страны
очень даже странны!

Последним выступающим, словно он записался заранее и сейчас сверился со списком ораторов, стал живописец. Правда, тут же оказалось, что свои слова к семи часам вечера у него закончились, и он, чтобы о нём не забыли в коллективе, поспешил обратиться за помощью к известному писателю, а в данное время поэту-литературоведу:

– Володя, а ты всех поэтов знаешь?

– Всех, яйчики-бабайчики, – безапелляционно заявил литератор, чтобы не вдавать-ся в подробности.

– А не можешь рассказать что-нибудь о Петрухе?

– К-к-каком Петрухе? – начал заикаться Альбионыч, но тут же овладел собой и сделал несколько предположений:

– Может, ты имеешь в виду Петра Вяземского? Или Петра Ершова? Или Петра Чаадаева? Или (не к ночи будь помянут!) Петра Мамонова?

– Невнимательный ты какой-то, старик, – попенял Валера знатоку разных фамилий. – Я же не о Петрах тебя спрашивал, а о Петрухе – который в Италии жил хрен знает сколько веков назад.

– А, так ты о Петрарке? – обрадовался литературный историк. – Конечно, знаю, и кое-что даже наизусть. Вот, например:

Вся мерзость на земле идет отсюда,
весь мир опутан щупальцами зла,
ты ставишь роскошь во главу угла,
презренная раба вина и блуда![398]

[398] Франческо Петрарка, «Сонет № 136» (1369) – прим. лит. редактора

– Презренная раба вина и блуда?! – воскликнул Полтавцев. – Так это же о Зуле! А откуда этот Петардов мог её знать?!

– Не Петардов, Серёжа, а Петрарка, – поправил его Кулемзин.

– Хорошо, Петрарка так Петрарка. А вот эта Петрарка твоя, она что, хорошо писала? – поинтересовался экс-текстильщик.

– А то! – похвалил поэтессу Альбионыч. – Она в Португалии жила. А ещё была у неё подружка – Мария Ремарк, так они там на па́ру такого жара давали. Да-а-а, были в средневековье поэты – богатыри, не мы…

– Как же ты много знаешь, ёперный знаток, – блеснула неожиданная слеза у младше-го фельдфебеля покерного коллектива.

– А ты завтра же брось пить и запишись ко мне на КИС-КИС, – предложил ёперный знаток из числа писателей..

– А эт' чё? – поинтересовался сторож, но вытащить книжечку «Для му.мы.» из котомки не смог, запутавшись кривыми руками в её лямках. – Название кошечки какой-то?

– Нет, дети мои, – улыбнулся вечный спонсор коллектива. КИС-КИС – это

Кулемзинские
Интеллектуально-
Сознательные
Курсы
Иностранных
Слов

«Да, по-моему, на сегодняшний день», подумал он, «настала пора окончательно расформировывать фирму «100 gramm LTD». И сразу же после этой печальной мысли пришёл второй телефонный звонок от еврейской жены Батыршина, но на него Володя отвечать не стал, а наложил на аппаратик вре́менное марсианское заклятие *ъъъаллоъъ*.

А автор, порадовавшись за своего героя Талгата, вспомнил, что книга уже заканчивается, а про еврейский коллектив персонажей ещё ничего не было сказано. А какая же русская книга о русской же трагедии личности может быть без еврейского вопроса?!

Я слышал раз, наверно, 100,
как раздаются ахи, вздохи,
что жить с евреями не то,
но без евреев как-то плохо!

Глава 248. О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ ВЕЧНОГО ПЛЕМЕНИ

Уже который день *сидели шиву* по покойному Абраше Цукерману его вполне таки ещё живые друзья Мойша Аронович и Яков Моисеевич, он же зять музыкального татарина. Дело это было заранее тухлым, так как траур шивы был нелёгким испытанием для взявшихся за него. Пара наших персонажей попивала чаёк с утра до вечера и страшно завидовала русским, у которых после одного-двух часов похоронной церемонии наступало более весёлое мероприятие, называемое поминками, когда поминать покойного можно было (в зависимости от настроения и денег) от нескольких часов до нескольких дней.

В иудаизме же, который по факту рождения приходилось исповедовать Мойше Ароновичу и Якову Моисеевичу, траурные церемонии длились страшно долго, к тому же были скучными и без вкусной еды, да ещё были разделены аж на пять периодов:

первый – когда между кончиной и погребением человек испытывает самое сильное потрясение;

второй – это первые три дня, посвящённые плачу и гореванию;

Как же, будешь тут спокойным,
коль остался я бедней:
я горюю, ведь покойный
должен был мне 100 рублей!

третий – семь дней после погребения и сидение шивы (чем, собственно, сейчас и занимались наши персонажи), во время которого участники принимают соболезнования;

четвёртый называется *шлошим* и длится уже 30 дней после погребения;

и, наконец, пятый, который длится целый год, во время которого жизнь вроде бы возвращается в нормальное русло, и работа снова становится обычной, но внутренне соблюдающий траур *как бы* всё ещё потрясён оборвавшейся связью с близким человеком.

Вот и представь теперь, мой читатель, как тяжело приходилось двум старым приятелям соблюдать все эти причиндалы, тем более, что покойного Абрашу они не очень-то и любили, и даже на похоронах между ними произошёл такой короткий диалог:

– Вы знаете, Яков Моисеевич, ведь наш Абраша скончался накануне своего юбилея. Это так неожиданно!

– Ничего неожиданного, Мойша Аронович, вы же знали этого старого еврея, который всегда чего только не делал, лишь бы не тратиться!

В доброй сказке про зверей
Айболит и Бармалей.
Блин, загадка для детей:
кто ж из них двоих еврей?!

Поэтому надо ли говорить, как тяжело сиделось нашим персонажам, поэтому время от времени они, словно взабытьи от горя, вели посторонние разговорчики, не забывая прихлёбывать жидкий чай, купленный заранее вскладчину. И, думаю, мой читатель вправе узнать, о чём же говорили приятели за празд… тьфу, поминальным столом:

– Мойша Аронович, а вы таки верите в искусственный разум?

– Вы знаете, Яков Моисеевич, я и в естественный не особенно-то верю.

После чего оба печально качали головами и замолкали, но ненадолго:

– Послушайте, Яков Моисеевич, а сколько ложечек сахара вы обычно кладёте себе в чай?

– Дома одну, в гостях таки четыре, а вообще люблю две…

После совместных вздохов по поводу незапланированных расходов разговорчики начинались вновь:

– А вам когда-нибудь приходилось скрывать, что вы еврей?

– А смысл, Мойша Аронович? Куда я таки, по-вашему, спрячу природный интеллект в глазах, гордый профиль и безупречные манеры?

Евреям от души я благодарен:
сколь многим всё-таки обязаны мы им,
ведь если б не были евреями другие,
то быть евреями пришлось бы нам самим!

И тут гость вспомнил, что на днях прочитал в газете «Вечерний Отцеябловск», что по случаю *дня города* сегодняшний день, то есть 29 августа, объявлен днём бесплатных телефонных звонков.

– Мойша Аронович, а давайте позвоним в Израиль!

– Кому, куда?

– Да Рабиновичу же, в Хайфу.
– Ой вэй, а давайте, ведь когда ещё такой случай представится!
– Ёсик, это Яша из Общеябловска! Как ты поживаешь? Как погода? Как Израиль?
– Да всё отлично, Яша: погода замечательная, всё время тепло, светит солнце, дешёвые фрукты, и мы каждый день купаемся в море!
После этого ответа раздражённый гость внезапно бросил трубку обратно на рычаг.
– Что случилось, Яков Моисеевич?
– Да этот Рабинович просто сволочь: он и там хорошо устроился!

Глава 249. О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ ВЕЧНОГО ПЛЕМЕНИ (окончание)

В общем, как видит мой читатель, сидящим шиву было не то чтобы весело, но всё же не так грустно. А чтобы грустно не стало и тебе, с трудом удерживающему в руках этот толстый двухкилограммовый том, то вот тебе подарок от автора под названием

Находчивость

Абраша Шварцман изменил жене,
и, чтоб не быть в немилости у бога,
надел он шляпу, намотал кашне,
и поспешил к раввину в синагогу.
«Хочу я отпущения грехов!
Попутал чёрт. Их только вы, почтенный,
отпу́стите, иначе, о-хо-хо,
не миновать мне огненной геенны!»
Но рабби, только выслушав рассказ,
затряс в сильнейшем гневе бородою:
«Ну как ты мог, бесстыжий ловелас,
нарушить наши древние устои?!
Догадываюсь: шлюха та – Юдифь,
племянница портного Розенберга.
Да с каждым третьим здесь она блудит!
С ней этот грех ты совершил, наверно?»
Услышав *нет*, почтеннейший раввин
тотча́с предположил: «Определённо,
имел ты этот страшный грех, кретин,
с Эсфирью – дочкой плотника Мовзона.
Блудница та известная, не с ней?
Опять не та? Тогда ответ мне ясен,
сейчас скажу – и возражать не смей:
конечно, это Зива Блюхенмассер –
сапожника жена! И вновь не та?
Послушай, надоел ты мне, ей-богу!
В морали есть последняя черта,
её ты преступил – и синагогу
покинь. А я грехов не отпущу,
и будешь ты наказан после смерти.
И забери – себе я не прощу,
коль то возьму, что ты принёс в конверте!»
Выходит тут на улицу Абрам,
соседи окружают в нетерпеньи:
«Давай поведай поскорее нам:

ну как там – получил ты отпущенье?»
«Представьте – нет!»
«Ну, парень, ты даёшь!
Чего ж тогда, как новый рубль, сверкаешь?
Улыбка до ушей, едрёна вошь!»
И тут Абраша гордо изрекает:
«Хоть рабби мне сказал, что я нахал,
и прыгать мне в аду на сковородке,
зато таких три адреса узнал!»
И удалился гордою походкой…

♠ ♠ ♠

А что же Аида – несчастная еврейская жена татарского мужа? А она вот уже который день изливала всю накопившуюся за годы семейной жизни обиду своей тёте, проживающей в городе Кустанае, и лишь её двум маленьким дочкам (кстати, тоже на 50 процентов еврейкам) было хорошо и весело: во-первых, он не слушали глупые *взрослые* разговоры, и, во-вторых, догадались взять с собой в другой город целый рюкзачок любимых игрушек. Сейчас они развлекались тем, что по очереди пускали *дрейдл* – четырёхгранный волчок, развлекаться которым еврейским детям, строго говоря, полагалось только во время зимнего праздника хануки. И если мой читатель никогда не видел этого странного еврейского девайса, изготавливаемого в целях экономии из дерева, то посмотри на него сейчас:

А автор, впав в привычный для него приступ просветительства, поясняет, что четыре значка, начертанные на дрейдле, означают первые буквы весьма странной фразы на иврите: «Нес гадоль хайя шам», то есть «Чудо великое было *там*». А чтобы понять, где именно там, он (автор, а не иврит) добавляет ещё одно пояснение: в Израиле вместо последней буквы *шин* пишут букву *пей*, и тогда фраза читается несколько по-иному: «Нес гадоль хайя по», или «Чудо великое было *здесь*»…

♠ ♠ ♠

А окончательно пьяненький Салихдзяныч, вертя в руках давно пустой пластиковый стаканчик, тихо бормотал себе под нос, обращаясь, как видно, к некоему человеку-невидимке:

– Я свою жену Аиду очень люблю! Вот бы ещё научить её не на своей дешёвой скрипочке, а на *басухе* подыгрывать, когда я пьяный песни ору – тогда бы вообще цены ей не было, а то она своим паскудным соло всё портит! Ведь так хорошо было вначале, так нет же, обязательно ей надо было подойти и начать знакомиться…

Глава 250. ОКОНЧАНИЕ ВАКХАНАЛИИ

Именно на этих словах почти что разведённого Альбионыч принял окончательное решение прекратить сегодняшнее безобразие. Он хотел сказать этим нетрезвым людям многое, но понял, что в том состоянии, в каком они находились сейчас, эти персонажи вряд ли смогут воспринять какую-нибудь полноценную лекцию о вреде пьянства, поэтому ре-шил ограничиться только коротким призывом к их «совести»

Для счастья и спокойствия души
есть два пути, и оба хороши:
допустим, ты – святая простота,
в ком совесть чище стёклышка чиста,
она сияет, словно горний свет!
Иль совести в тебе ни капли нет…

– Яйчики-бабайчики! – начал он и поднял вверх палец, призывая всех к тишине.

Неожиданно этому призыву повиновались не только игроки (б) и примкнувший к ним саксаульский гоген, но и старушки-пенсионерки, с любопытством уставившиеся на нового лжепророка, и даже дворовые дети, бросившие свои шумные и пыльные игры.

– Люди убивают невинную селёдку ради её шубы, – продолжил Володя, – они уничтожают несчастных крабов ради палочек! Про шоколад «Алёнка» я вообще помолчу…

Он сделал трагическую мхатовскую паузу и завершил спич страстным призывом:

– Люди, опомнитесь, пока не поздно!

– Это в смысле чего, мать честная? – шёпотом спросил первый бермудский алкоголик.

– Бухáть, говорит, плохо, святой Малевич, – так же тихо ответил ему второй бермудский алкоголик.

– Так что, ёперных бутылочек сегодня уже не будет? – поинтересовался у соседа по покерной скамеечке третий бермудский алкоголик.

– Думаю, что нет, мать моя партия, – горько отозвался четвёртый бермудский алкоголик.

– Все высказались? – задал прямой вопрос спонтанный лектор, после чего неожиданно завершил свою короткую лекцию, воскликнув:

– Да когда же наконец придёт Антихрист и превратит всё вино в воду[399]?!

Удивились на Лубянке:
«Вот народу не свезло:
прекратил Антихрист пьянку,
в воду превратив бухло!»

Затем марсианин повернулся в сторону старшего трубача и с удивлением заметил, что тот, вот только что выглядевший совершенно нетрезвым, сейчас смотрит куда-то в сторону загоревшимися глазами. Писатель перевёл глаза правее и увидел то, что так заинтересовало еврейского зятя. Оказалось, что на вечернюю смену вышли девицы вполне угадываемой профессии. *Деловой* костюм одной из подружек, который не обременяли лишние детали, состоял всего из трёх тряпочек. Это была некая Лолита, жившая неподалёку, в доме № 18, хотя в соседских разговорах охотно откликающаяся на имя Света. Её подруга Жози, с ног до головы одетая во всё кожаное, напоминала зачехлённую швейную машинку, и также имела в паспорте другое имя – Антонина.

[399] Отсылка к библейской истории в евангелии от Иоанна (2:1-12) – прим. автора

Девицы нарочито громко хохотали и стучали каблуками, как метрономами. Глядя им вслед, Талгат в очередной раз забыл о жене, детях и даже воинской присяге. По мнению известного оценщика Кулемзина, это был взгляд марала, всё ещё не утратившего своих (прости, русский язык!) репродуктивных способностей.

Помимо разных дней есть День путан:
пока по воле частника-шайтана
молчит прокатный на заводе стан,
со станом гибким план даёт путана.
Как пчёлок рой, путаны все в труде:
когда в стране без щучьего веленья
не производят ничего нигде,
они хоть производят… впечатленье!

Правда, надолго задерживаться возле коллектива, который, как неоднократно замечали Лолита и Жози, тратили всё свободное время на карты, а свободные деньги – на пьянку, они не стали, и вскоре затерялись в перспективе одного из катетов Великого ▲, ведущего к улице Жубанова.

Но тут наших героев ждало-поджидало новое испытание: в трёх метрах от покерного столика, где росли так часто упоминаемые в нашем великолепном повествовании кусты, раздался звук, который, судя по его нечленораздельности, издавала некая личность, явно не имеющая земного гражданства. Но мой уже окончательно увязший в нескольких тысячах страниц романа читатель, конечно же, догадался, что среди поруганной саксаульской флоры притаился враг дома № 17 и его окрестностей по кличке Глав-Бух, ранее названный родителями Русланом Кацоевым.

– По-моему, это знакомый всем нам самец белой горячки, – пробормотал литератор, посмотрев на Муравлёва, как бы требуя подтверждения своей мысли.

– Да уж, – не задержался с ответом Валера, – настоящий обломок третичной эпохи!

После этого Володя с удовлетворением подумал о том, что не зря назвал текущий том «Русской кочерги» в честь именно этого героя, так как только к этому времени тот приобрёл некий проблеск ума, традиционно отсутствующий у всех выдающихся живописцев типа Эдварда Кристиановича Мунка, Винсента Теодоровича Ван Гога, Франсуа Луиса Уильямовича Уэйна, Шарль-Жозефовича Лемуана или Ричарда Терриевича Дадда.

И только крыша, уезжая,
промолвит тихо мне вослед:
«Ты не волнуйся, дорогая, –
сейчас у многих крыши нет...»

Глава 251. ОКОНЧАНИЕ ВАКХАНАЛИИ (продолжение)

Затем к воплям Глав-Буха параллельно добавилось какое-то невнятное бормотание, и все поняли, что вместе с пропитоном в кустах прячется его подруга Галлюцинация, когда-то имевшая паспорт на имя Галины Смирновой. Что они там делали, было не видно, но зато вскоре стало слышно: вначале раздались какие-то чмокающие звуки, как будто кого-то лупили битой по голой заднице, затем вопли ещё на 92 децибела громче прежних, затем слова, которые национальные академии России и Саксаулии, несмотря на их ежедневные употребления, так и не решаются вставить в СССР, или Современный Словарь Сокращённого Русского. Одновременно со звуками внезапно налетевший ветерок донёс до покерного коллектива некий запах, который мог так называться только из приличия.

Воздух пахнет так невкусно –
по следам горячим скунса!
Я спросил его: «Дружок,
где ж ты взял свой запашок?!»

Прошло мгновение и, раздвинув кусты, нечистая парочка вывалилась на свет *дедушкин*. Оказалось, что Галлюцинация действительно лупит своего дружка чем попало, но Руслан (б), не в силах бежать быстрее, плёлся на страшно гнущихся ногах, пока наконец не шлёпнулся в пыль в трёх метрах от покерного столика.

– Споткнулся о реальность! – резюмировал движения пропитона Альбионыч, тем не менее пристально разглядывая его на предмет набора впечатлений для пятого тома своего великого романа. Глядел на это безобразие и Салихдзяныч, с тоской во взоре повторяя медитацию по раскрытию *анахата-чакры*, то есть пялился на помойных влюблённых остановившимся взором.

Особенно колоритно выглядел сейчас Глав-Бух, который на глазах вначале покраснел, потом позеленел, а потом побледнел и даже как-то осунулся, став поразительно похожим на графа Дракулу – перед тем, как в него вогнали осиновый кол. При побоях своей подруги по мусорному промыслу тело его конвульсировало, но было видно, что при (прости, русский язык!) экзекуции алкаш получает глубокое *аморальное* удовлетворение.

Сама же Галлюцинация лупцевала пропитона с методичностью колхозной молотилки, делая это уверенно, так как совершенно точно знала, что наутро её миленький не вспомнит ничего, и только будет недоумённо почёсывать в том месте, где до сих пор болит.

Галь, не надо в челюсть!
Галь, не надо в пах!
Ссорятся же люди
как-то на словах…

Хорошим же в этой отвратительной сцене было только то, что при сцене избиения вонючие персонажи постепенно стали передвигаться – всё дальше и дальше от игроков и художника, пока наконец не растворились в начинающейся дымке пятого вечера нашего повествования.

Уставшее солнце вначале как бы приготовилось провалиться за дома́, но пока всё ещё било своими последними лучами по стёклам до́ма № 21, стоявшего слева от левого катета Бермудского Учпучмака, но затем светило, словно бы опомнившись и свалившись с зенита, стало неумолимо скатываться к западу, как будто обладало неким компасом да к тому же умело им пользоваться, пока наконец не уткнулось в горизонт, где вот-вот должно было сплющиться, как проколотый детский шарик.

Прошло ещё несколько мгновений и оно уже завалилось за крышу до́ма № 16, а макушки деревьев, росшие перед зданием, чуть резче выступили на фоне налившегося янтарным цветом неба. Как-то неожиданно стало видно, что лето уже заканчивается, и на смену ему приходит старая подруга литератора Осень.

Листва облетает с деревьев,
листва облетает с кустов,
ведь осень, всего лишь, поверьте,
сезонная линька лесов…

Да, мой друг-читатель, очередной день, который мы провели вместе с нашими неутомимыми героями, близился к завершению, и Кулемзин, который лучше всех знал, как

провели его игроки, с горечью подумал о том, что перечень достижений Серёньки Афанасьича на покерном фронте мог бы сегодня уместиться на почтовой марке.

То, что пришёл именно вечер, вскоре подтвердили и комары, взявшиеся, как всегда, ниоткуда, но по-прежнему злые, словно летучие фашисты, которые тотчас стали мучить наших героев, да так сильно, что писателю даже пришлось прибегнуть к старой марсианской технологии *сссъъътрррръъ*, которая на Марсе успешно отпугивала назойливых пчъъъшшшлангъъъов, а на Земле – именно комаров.

В этот момент пришёл звонок на единственный телефонный аппаратик в этой странной компании. Альбионыч посмотрел на маленький мониторчик, расположенный над чёрными кнопочками, и с удивлением узнал митрохинский номер.

– Алло, – произнёс он, так как подозревал, что абонент, судя по состоянию, в котором его оставила покерная хевра, может звонить сейчас только из морга. – Это кто?

На крики покойника в морге
к нему прибежал санитар, –
увидев мышонка у норки,
труп громко на помощь позвал.
Его санитар успокоил,
рот ниткой суровой зашив,
чтоб мёртвый иллюзий не строил:
кто умер, тот больше не жив!

– Это Василий Васильевич! – твёрдым голосом доложился абонент.

– Васюхан, ты, что ли? – не поверил Володя.

– Я, – не стал отнекиваться антенщик. – Васюхан Васюханыч!

Вот так, мой читатель, только к концу этого пятого романа, мы с тобой наконец-то узнали отчество ещё одного нашего героя. А почему он не представился раньше? – спросишь ты. Да потому, что не было у него такого задания по Великому Плану Построения Романа «Русская кочерга»! И всё же не поленись заглянуть в конец главы 73 этого тома и порадуйся тому, что автор никогда тебя не обманывает!

– А как ты вообще разговариваешь? – полюбопытствовал писатель.

– А я проснулся и почувствовал, что у меня наступило вре́менное просветление, которое скоро должно закончиться. Вот я и подумал, что надо *обнадёжит*ь вас своей мечтой завтра с утра влиться в бермудский коллектив.

После этой страшно длинной фразы просветление, видимо, отступило от сознания старшего джуса, потому что дальше он произнёс:

– Вот поэтому мы с Еремеевым при установке *ненаправленной* антенны стараемся не путать апертуру[400] с электромагнитной линзой.

[400] Иначе говоря, раскрыв антенны – прим. тех. редактора

– А при установке направленной? – спросил литератор, который интересовался буквально всем – для того, чтобы было чем наполнять бесконечные страницы своего бесконечного романа.

– Тогда путаем целенамеренно, – объяснил Митрохин и отключился, а Володя расстроился, что так и не узнал, кто же этот таинственный Еремеев.

Без сурового конвоя,
зачастую сам на сам
неизвестные герои
тяжко бродят по томам…

Глава 252. ОКОНЧАНИЕ ВАКХАНАЛИИ (окончание)

Тут же выяснилось, что пока марсианин занимался разговором с отсутствующим товарищем, на покерной скамеечке образовалось сразу два кружка́ по интересам, разбитым по системе *дважды два*. Напротив Альбионыча сидели Батыршин и Муравлёв и, прижавшись друг к другу плечами, о чём-то тихо разговаривали, как братья-близнецы Пьер-Жан-Мари-Константин де Фоше и Мари-Франсуа-Этьен-Сезар де Фоше перед казнью, вспоминая свою неудавшуюся жизнь[401]. Кулемзин включил свой ВУЗ, то есть Великий Улавливатель Звуков, и услышал, как военный музыкант говорит разомлевшему художнику:

[401] Бригадные генералы французской армии, расстрелянные за бонапартизм во время Белого террора, последовавшего за поражением Наполеона при Ватерлоо и вторичным возвращением Бурбонов – прим. ист. редактора

– Ихнее виски вроде нашего самогона, только хуже.

– А наше? – спрашивал в ответ Валера.

– А наше мы ещё не придумали, – довольно логично отвечал Салихдзяныч.

Рядом же с Володей притулились Полтавцев и Курманбаев, которые тоже сидели плечом к плечу, как пролетарии на плакатах Дмитрия Моора, но в отличие от трубача и живописца, видимо, уже не могли разговаривать, но всё-таки пытались на пальцах что-то объяснить друг другу, и издалека казалось, что они сейчас играют в *тюремное очко*[402].

[402] Без карт, на пальцах – феня

Скажи-ка, дядя, ведь не даром
мы всё спалили перегаром?

Короче, зрелище было не более увлекательным, чем рост травы, – потому что повторялось изо дня в день, как настырная дробь $^{3}/_{10}$ с периодом три. «Слава *дедушке*, яйчики-бабайчики», подумал литератор, «нам не дано знать, прожили ли мы бóльшую половину жизни, но как часто мы уверены, что прожили *лучшую* её часть!»

Как пишут в плохих романах, *смеркалось*.

– Ну что, други мои, – решительно поднялся со скамеечки старший покерист, – как говорила некая Нюра Каренина, «До скорого!»

– Подожди, подожди, – неожиданно громко воскликнул Валера. – А сто грамм и чистую вилку?!

Все вздрогнули, а педагог даже начал шарить по карманам – видимо, в поисках холодного оружия, чтобы угодить нетрезвому товарищу, но нашёл там только украденную ещё вчера в квартире Муравлёва сломанную печеньку.

– Нет, нет, – отверг занимательное предложение Николаича Володя. – Съёмка на сегодня окончена! Всем спасибо!

Услышав эти страшные слова несговорчивого спонсора, покерные алкоголики как-то разом расслабили свои невидимые мышцы, и их фигуры, не меняя поз, стали выглядеть совершенно по-другому, словно некто просто-напросто взял да и убрал лезвие гильотины, невидимо висевшее над каждым из них.

Если вырос ты скотиной,
а блажишь, что ты – пиит,
над тобою гильотина,
как дамоклов меч, висит…

– Правда, чё ли всё? – сделал ещё одну жалкую попытку отсрочить неизбежное Серёнька Афанасьич, но в ответ получил ещё одно страшное предложение писателя-афоризматика:

– Никогда не поздно сказать своим друзьям *я буду скучать*, да и *пошёл на хрен* тоже не поздно…

Высказав всё, что он думал об этих людях, литератору стало легче, и он поймал себя на мысли, что 100 лет не был так счастлив, как в этот душный пока ещё летний вечер, который складывался из хрупких, но ещё не забытых переживаний.

Первым в поход в родные края отчалил живописец Муравлёв. Он долго шарился в складках штанов, пока не догадался заглянуть в один потайной карман, который во всём мире называется карманом для часов, а в России и Саксаулии – *пистоном*, и именно там нашёл монетку в 100 назарбаксов, которая попала сюда ещё в прошлом четвёртом томе, в главе 42. Сообразив, что именно столько сто́ит поезд на такси до до́ма, он выслушал невнятные пожелания долгого и счастливого пути, и наконец удалился в даль светлую – ловить так называемую тачку.

Вовсе не велосипедом
и не влёт, как атеист, –
я домой на тачке еду,
а везёт меня *тачкист*!

Затем по той же нужде, но в другую сторону отправилась привычная пара – Нуртай и Талгат. Старший прапорщик, держась за ручку педагога, как младший школьник, передвигался как бы онемевши, словно жертва Медузы Горгоны, и было видно, что ему совершенно не хочется выходить из ступора.

Курманбаев в это время хлопотал вокруг трубача, как мать, которой вернули ребёнка, заплутавшего в пустыне и питающегося мякотью саксаулов вперемешку с хвостами юрких малоазиатских ящериц Lacerta parva. Наконец Батыршин отключился, как перегревшийся светофор в час ♠, и добровольному помощнику пьяных военных показалось, что обер-корнет весит тонну, после чего он страшно пожалел, что ввязался в столь сомнительное предприятие, как доставка прапорщицкого тела по месту прописки.

– Да это говорю тебе я, татарский офицер, – на ходу страдал манией величия Салихдзяныч, – отслуживший 25 лет в песках среди фельдшеров!

И только после того, как нечистая парочка наконец скрылась в чреве подъезда, Альбионыч попрощался со сторожем:

– Ладно, Серёжа, покедова. Держи меня в курсе!

– В курсе чего? – попросил уточнения охранник.

– Выбор курса оставляю на твоё усмотрение, – улыбнулся Кулемзин, увидев, как охранник двинулся в сторону дома № 16 на так называемом автопилоте.

Пусть не пилоты мы с тобой,
не носим формы голубой,
не водим в небо самолёты,
но в нашей жизни на земле,
как на воздушном корабле,
порой нужны автопилоты.
Бывает, вмажешь грамм 600,
а, может, больше – как пойдёт,
в глазах закружат карусели…
Включаешь свой автопилот,

и пусть пурга в лицо метёт,
мы всё равно дойдём до цели!

Глава 253. О НЕПРИЯТНОСТЯХ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИИ

И вот наконец Бермудский Учпучмак освободился от присутствия всех главных героев нашего великого повествования, оставив на своей территории лишь нескольких старушек-пенсионерок, включая прикмнувшего к ним алкоголика дядю Петю, нескольких дворовых детей, коих озабоченные родители ещё не успели загнать на скромный летний ужин, да трудолюбивых муравьишек, изо всех малых силёнок спешивших завершить свой дневной наряд на разные работы, установленные им Верховным Муравьиным Вождём данного муравейника, где проживали несколько сот родственников.

У малышки муравья
муравьиная семья:
114 братишек –
рыжеватых муравьишек,
дядек – 325,
тёток – трудно сосчитать,
а сестрёнок-муравьишек
вдвое больше, чем братишек!

Ещё раз оглядев поле сегодняшней битвы, которая, к сожалению, закончилась так быстро, Володя отправился домой. Зайдя в подъезд, он быстренько включил свой РОУ, так как из тёмного чрева подъезда на него накатила смрадно-удушающая волна, идущая из чуть приоткрытой двери квартиры № 3, где, к несчастью для писателя, жилá его соседка Галлюцинация, которая когда-то имела паспорт на имя Галины Смирновой. А упомянутый тремя строками выше РОУ – тёзка знаменитого советского кинематографического сказочника[403] – был всего-навсего

Распознавателем
Одорологических
Ужасов

[403] Александр Артурович Роу (1906-1973) – советский кинорежиссёр, автор 14 фильмов-сказок – прим. кинoредактора

По дороге прихлопнув вонючую дверь ногой, Альбионыч наконец попал в родное Место-Имение, отключил РОУ и наконец перевёл дыхание. Он очень любил свою квартиркутрансформер, где, кроме узаконенных в документах отцеябловского БТИ[404] двух комнат, имелись ещё шесть, спрятанных в виртуальном для землян, но вполне материальном для марсиан пространстве – от завистливых соседей и, прежде всего, от коммуниста Курманбаева, живущего мечтой превратить тухлые странички своей книги компроматов в полновесные томá некоего уголовного дела, по которому все преступления Кулемзина против педагога могли бы воплотиться в реальные сроки отсидки.

[404] Бюро технической инвентаризации – в советское время организации, осуществляющие государственный технический учёт и техническую инвентаризацию объектов недвижимости в России, Белоруссии, Саксаулии и на Украине. Почему подобных организаций не было в других союзных республиках, история благоразумно умалчивает – прим. ист. редактора

Я с детства по тюрьмам скитался,
как будто родился для них:
мне было всего лишь три года,
а я уж зарезал троих!

И вот здесь, в родном ареале проживания нашего героя, с ним случилось сразу две неприятности – одна большая и одна маленькая. Маленькой неприятностью было то, что пока он сражался с дверью соседки-алкашки, в его собственную дверь проникла гигантская муха изурудного цвета, которая уже не первый год жила у Галлюцинации, как на помойке. Она (муха, а не Галлюцинация) сразу же начала облёт жилого пространства, осваивая новые неведомые территории.

«Что же делать?», почти классически подумал литератор. «Как избавиться от неожиданного агрессора? Клейкая лента «Липкая смерть»? О,О-диметил-О-2,2-дихлорвинил-фосфат… тьфу, «Дихлофос»? Польский аэрозоль «Bros»? Российский аэрозоль «Raid»? Электроловушка «ЭкоСнайпер»? Всё это, конечно, эффективные средства, но где их взять именно сейчас?!»

Подумав мгновение, литератор не нашёл ничего лучшего, как распахнуть окно и начать махать полотенцем, пока муха, оторопев от такой наглости, благополучно не нырнула в проём окна.

Жужжанье мухи возле носа
мой отдых превратило в ад!
Схватив флакончик «Дихлофоса»,
я был покончить с нею рад,
но вдруг себя представив мухой,
я не сумел пустить струю,
и вот она жужжит под ухом,
гуманность не ценя мою…

Вторая неприятность была значительно больше и по своей значимости соседствовала с бедой. А дело было так: покончив с мушиной проблемкой, Альбионыч на всякий случай заглянул в холодильник, тут же иблиснулся, поспешил в соседнюю комнату – с сейфом, вытащил из него немного денег и поспешил в лавку Калимы, пока она её не закрыла.

Магазинщица, уже не чаявшая сегодня ещё раз увидеть кого-нибудь из покерной *хевры*, страшно обрадовалась и даже заговорила стихами, рекламируя только что поступивший товар – от двоюродной сестры мужа Айши, которая нигде не работала, но с утра до вечера пекла разные штучки из теста, в которое закладывала весьма сомнительные наполнители. А стишок был такой:

А вот и чебуречки –
из горячей печки!

– Нет-нет, Калима, – начал отмахиваться писатель, но ловкая рекламщица – теперь уже молча – начала тыкать пальцем в какую-то колбасу, которую 15 минут назад привёз троюродный племянник двоюродной сестры мужа по имени Кайсар, изготавливавший её (колбасу, а не двоюродную сестру) в сарае своего частного дома в Каскелене – маленьком городке-спутнике Отцеябловска. Потенциальный покупатель пригляделся к этикетке и содрогнулся, обнаружив там страшную надпись: «Всё включено!»

Наконец он приобрёл аж шесть бутылочек «Тянь-Шаня» и с облегчением вышел на условно свежий воздух, где заметил, что розовое солнце уже коснулось краем горизонта, на котором сейчас чётко выделялся зоной сумрака юг. Кулемзин ещё несколько минут прес-

тупно халатно рассматривал природу, причём, старался вобрать в себя всю прелесть земного мира, как перед близкой кончиной, а затем вновь поспешил домой, повторив свой недавний маршрут: подъезд – дверь квартиры – кухня – холодильник, где наконец нашли упокоение спасительные бутылочки, одна из коих сразу же попала в морозильник, который славился тем, что работал как зверь – пивко, попавшее в его нутро, становилось если не ледяным, то холодным в течение па́ры минут! А оправдал свой поступок перед самим собой наш герой следующим рассуждением: «Деньги надо тратить на впечатления, а не на вещи, и именно поэтому я купил себе сейчас *впечатляющее* количество пивка»!

Будь доволен этой целью,
как наградой за труды:
много пива – знак веселья,
мало пива – знак беды!

Затем, как бы в награду за незапланированное путешествие, писатель вновь открыл морозильник, достал оттуда только что поставленную бутылочку «Тянь-Шаня», потрогал её со всех сторон, удовлетворённо хмыкнул и открыл. И только было собрался припасть к её целительному горлышку, как заметил, что муха, совсем недавно покинувшая квартиру, сидит на стекле окна и таращится на Володю, словно умоляя пустить её вновь.

«Ну не из «Катюши» же её было расстреливать!», подумал писатель и даже покачнулся, ведь невинное женское имя, взятое в кавычки, тут же спровоцировало его на очередной Хронотоп, правда, автор уверяет, что это будет последний Хронотоп в завершающемся пятом томе…

Глава 254. ПРО «КАТЮШИ» (Хронотоп № 37)

Надо сказать, что во время Великой Отечественной войны на вооружении Красной Армии (б) было много реактивных снарядов, но самые известные из них были зашифрованы как М-13, которые устанавливали на первые советские «Катюши», а сегодня историки считают началом тяжёлой реактивной артиллерии именно эти реактивные снаряды

М-13 были хороши – разумеется, для своего времени. Неожиданные и массовые обстрелы вызывали в немецких рядах страшную панику и ужас, но вот для полноценных наступательных действий они (М-13, а не немецкие ряды) мало подходили. И знаете, почему? Из-за слабого урона при стрельбе, ведь уничтожать надо было не только тяжёлую технику, но и укрепления противника, где пряталась живая сила. И вот где-то к середине 1942 года на вооружение РККА[405] поступили новые реактивные снаряды М-20, боевая часть которых была в три с половиной раза мощнее, чем у М-13, а ещё через какое-то время на вооружение приняли и М-30 – в шесть раз мощнее!

[404] ***Рабочее-Крестьянская Красная Армия – прим. ист. редактора***

Мы «Катюшею» гордимся,
всем врагам ответив «Стоп!»:
лупим немцев мы М-30,
а мечтаем о М-100!

Полученные войсками М-20 с лёгкостью прикрутили к «Катюше», но из-за чуть бо́льших размеров эти реактивные снаряды пришлось запускать в один ряд, а не в два, как это делали с М-13. А вот под М-30, которые были ещё больше, переделать направляющие никак не удавалось[406]. Поэтому для запуска М-30 поставили пусковые станки с са́мой простой системой регулировки угла наклона. На такой станок – прямо в заводской упаковочной та-

ре – укладывали сначала четыре, а потом и восемь М-30. Залп же производился при помощи обычной электрической сапёрной машинки, причём, как правило, в цепь включали несколько пусковых станков. А одновременность запуска придумали обеспечивать… сложением ударных импульсов, что многократно усиливало – эффект по сравнению с отдельными пусками.

[405] Замечу, что их всё-таки приспособили к «Катюше», но только в 1944 году – прим. ист. редактора

И вот из-за обычного и вполне понятного нежелания *конечных пользователей* читать документацию (а если точнее, то она быстро расходилась на солдатские самокрутки), на полях сражений нередко случалось следующее: во время подготовки к запуску красноармейцы частенько забывали убрать распорки, удерживающие снаряд в деревянном ящике, то есть заводской упаковке при транспортировке.

И что? – спросит меня внимательный читатель, далёкий от военного дела. А то, что если распорки не снимали, то вся эта махина стартовала… вместе с ящиком, а бывали случаи, что и вместе со станком! Вся конструкция имела размеры примерно полтора на два метра, поэтому неудивительно, что в рядах немцев сразу же возникли панические разговорчики о том, что русские совсем охренели, потому что стреляют по ним сараями!

Ну вот, теперь понятно, почему победили всё-таки мы?

Ох, «Катюша», ох, сбивалка –
на врага летит верстак:
побеждает всех смекалка,
раздолбайство и табак!

Глава 255. ДЕЛÁ ОТ ДУШИ (О пиве и рифмах)

Володя очень любил вечернее время – ту пору, когда дневные дела вроде бы все закончены, а до наступления ночи остаётся ещё уйма времени, когда можно позаниматься делами не обязательными, каким, например, была игра в *русскую кочергу* с друзьями-приятелями, а то, чем можно было заняться в относительной тишине – от души. К таким делам Кулемзин относил всего три: во-первых, распитие в гордом одиночестве бутылочки-второй любимого пивка, во-вторых, торжественный ужин, данный самому себе в честь заканчивающегося дня, и, в-третьих, литературный промысел, который не приносил никаких доходов, но был светлой и чистой отдушиной в мире, где давно уже правил некий урка с погонялом Чистоган.

Но в своём паскудном праве
(чтобы легче было жить?!),
чистоган на нервы давит,
заставляя всё копить!

Вот этому распорядку, обозначенному несколькими строками выше, наш герой и решил следовать в наступившие вечерние часы, поэтому первым делом выдул бутылочку «Тянь-Шаня», которую достал пару минут назад, но выпить не успел – из-за маленького приключения с мухой и большого воспоминания о «Катюше» военных лет.

Писатель с наслаждением сдёрнул лёгкую металлическую пробочку с сосуда, воткнул его себе в горло и стал потреблять волшебную жидкость до тех пор, пока не фыркнул, заперхался и чуть не подавился. И это было, конечно, не проявлением неумения употреблять подобные напитки, а просто в данный момент произошло то, что случалось и ранее, а име-

нно: во время поглощения Альбионыч неожиданно вспомнил замечательную книгу своего тёзки писателя Кира Булычёва[407] из цикла «Театр теней» под названием «Вид на битву с высоты», но, разумеется, не всю книгу целиком, а пару строчек – в тему своего нынешнего *употребления*: «Матвеич покупал пиво в банках, осторожно переливал его в отечественные бутылки, а потом употреблял. Так он унижал западный мир». Вспомнив этот отрывок, марсианин тихонько рассмеялся и допил бутылочку.

[407] Русский советский писатель-фантаст и драматург Игорь Всеволодович Можейко – прим. лит. редактора

Из всего «Театра теней» он любил именно эту книгу, так как её главный герой Гарик Гагарин, как и сам покерный гуру, был землянином инопланетного происхождения, ставший сотрудником Института Экспертизы, занимающегося изучением необъяснимых явлений. А не такими ли явлениями занимался и Кулемзин, проводя дневное время с персонажами романа «Русская кочерга»?!

В нашем мире объяснимо
всё, лишь кроме пива в нас –
это как мгновенный снимок,
что нам солнышко отдаст!

И тут Альбионыч услышал вначале тоненькое треньканье, какой издал бы серебряный колокольчик, смоченный 22 каплями русского самогона, если бы кому-то пришло в голову такое святотатство. Такой звук он (Альбионыч, а не самогон) слышал редко – только тогда, когда кто-то посторонний очень хотел донести до него некую мысль, но не мог этого сделать вслух по причине слишком далёкого расстояния от литератора, но вот прямо в его мозгу эта мыслишка всё-таки была слышна, хотя и очень тихо. На этот раз после серебряного треньканья ответственный квартиросъёмщик квартиры № 4 в доме № 17 второго микрорайона города Отцеябловска услышал вот что: «Ты так много пива пьёшь, Володя!», на что писатель, а в данное время, как оказалось, поэт, тут же откликнулся искромётным экспромтом:

Вот моё по жизни кредо:
лучше *пере* вместо *недо*!

Второй пункт намеченной программы был таким же замечательным, как и первый, потому что как бы продолжал начатое вечернее удовольствие. Пора было поужинать, тем более, что после обильного угощения в доме Васюхана Митрохина прошло уже много часов, и желудок писателя настоятельно требовал своего наполнения, напирая на то, что его владельцу предстоит ещё несколько творческих часов, а пустое брюхо будет явно мешать голове придумывать всё новые извивы описываемой жизни.

И это было справедливо: Альбионыч не раз замечал, что на голодный желудок, например, при написании стихов, ему приходили в голову банальные, или *быстрые* рифмы типа «кровь-любовь-морковь», а вот на сытый – такие шедевры, как «мотыльки-бутыльки», или рифма, найденная им у неплохого поэта Иосифа Бродского: «комната-er cogito[408]»

[408] Поэтому я – лат.

Он был рад, что остался один в тишине, правда, ещё не зная, что тишина эта всё-таки относительная, так как только автор этих строк ведал о том, что уже скоро она нарушится

целой серией непонятных телефонных звонков. Но сейчас, именно в это мгновение Володе было хорошо – и вот от чего:

Закончен день. Мне хорошо сидится
под старой лампой – символом огня.
Ещё одна прочитана страница
такого трудного большого дня.
Он был большим не просто ради слова,
он долог был осколком жизни всей,
и я в нём жил – решительно и снова,
ища, как знаков, новостей-вестей.
Но эти вести мне не подарили
ни муха, залетевшая в окно,
ни на столе шарами мандарины,
ни солнце, за окном утаено.
Отсутствию вестей не огорчился,
сидел покорно я, как сытый гриф,
и был так рад, что этот день случился,
что прожит он, и я остался жив…

Глава 256. ДЕЛÁ ОТ ДУШИ (О вечерней философии)

«Так», философски подумал писатель, «пора, однако, приступать ко второму пункту наступившего вечера!». После этой смелой мысли он проследовал в столицу своей квартиры, то есть кухню. И хорошо, что именно там находилось окно, которое открывало вид на осиротевший без игроков и примкнувших к ним персонажей Бермудский Учпучмак.

Так называемый *окаём*, или, проще говоря, рамки окна сразу же сузили горизонт его зрения до размера какого-то гигантского телевизора – примерно два на полтора метра. Но и этого хватало, чтобы разглядеть невесёлую картинку: дворовых детей разобрала семейная общественность, чтобы – по старой советской привычке – обязательно плотно накормить перед сном, пса Борю затащила в подъезд неутомимая старшая по дому Жанна Пантелеевна, которую выдумщик Кулемзин по-прежнему называл кратко и со знанием дела – Ж. П., отправилась домой и кошечка Несси, которая тоже решила перекусить после трудного дня, а вот куда именно, автор объяснит чуть позже, исчезли с лавочек старушки-пенсионерки, вспомнившие одну из строк своего строгого распорядка дня, то есть вечерний чай с сушками, размоченными в нём же, и только одна из них, а именно тётя Лида печально сидела в гордом одиночестве, словно солдатик в наряде.

Часами, днями и годами,
дежурить строго не устав,
старушки бдят за всеми нами,
чуть что милицию позвав!

Приглядевшись к пейзажу за окном, Володя увидел, что к этому времени над городом уже повисли лёгкие сумерки, отчего воздух казался густым и сладким, как клубничный сироп, между домами угадывалась смутная золотистая дымка, хотя по ближайшему к володиному строению дому № 16, где проживали два главных героя нашего повествования, то есть Нуртай и Серёжа, уже воровато крались сумерки лилово-денатуратных тонов. Хорошо был виден фонарный столб со светильником в верхушке, который ещё не начал свою работу, ибо какой-то Верховный Коммунальный Начальник города Отцеябловска недавно издал строгое распоряжение включать его не тогда, когда начнёт темнеть, а строго в 20.00 – до 31 августа, а вот уже с 1 сентября – в 19.00.

Альбионыч, не придерживающийся никаких правил ни в чём, по этому поводу однажды даже придумал мудрость, но ему никак не удавалось произнести её при Полтавцеве – для занесения в книжечку «Для му.мы», ибо Афанасьич ежедневно напивался гораздо раньше того срока, когда начинаешь думать о каких-то фонарях. Зато мой читатель с этого момента будет иметь уникальную возможность *в любое время* заглянуть на данную страницу 563 и вспомнить эту фразу, вошедшую в сборник «Современные пословицы и поговорки разных народов»:

Пока солнце не зайдёт, фонарю ничего не светит!

В руках сжимая фонари,
мы с нетерпеньем солнца ждём,
но от зари найдя ключи,
друг друга не узна́ем днём.
Должно быть, только нам дано
искать дорогу в липкой тьме,
и смело сделать шаг в окно,
дабы́ взлететь! Иль быть на дне...

Литератор с философским уклоном любил это вечернее время, когда бурное течение покерных страстей заканчивалось и можно было обдумать некоторые вещи, не дающие покоя много лет, в спокойной тишине ежедневного отцеябловского застоя. Вот и сейчас, глядя на внешний мир через стекло, отделяющее его от мира внутреннего, Кулемзин не мог решить, какому из двух текущих занятий отдать предпочтение: открыть ли холодильник на предмет изучения средств пропитания, который уже начал проявлять нетерпение путём механического ворчания, или немного поувлекаться привычной для него философией. Через мгновение победил пункт № 2, после чего в голове марсианина, словно кадрики киноплёнки, одна за одной начали проплывать мысли разной степени гениальности.

Отчего я такой гениальный?!
(Виртуальный иль всё же реальный?..)

«Меня всегда трудно понять, и вовсе не потому, яйчики-бабайчики, что я такой умный», думал единственный философ квартиры № 4. «Просто люди привыкли жить коллективным разумом, или так называемым всеобщим умом, не обладая своим собственным. И всё же единоличный разум – это единственный путь просветления, и он, конечно же, не для толпы. Если с этого пути избранных ломятся серые мыши жизни – наверное, это знак того, что всё идёт как надо, это значит, что я на верном пути…»

На этой мысли володин холодильник начал бурчать чуть громче, но даже этот призывный звук не смог отвлечь нашего героя от столь суровых рассуждений о человеческой природе бытия, и он продолжил свои раздумья.

«Только на демонстрации и баррикады ломятся то́лпы, потому что толпа может воспринять только глупость. Мудрость же – для единиц. Поэтому, люди знакомые и незнакомые, просто запомните Принцип Пирамиды Владимира Кулемзина:

Основание огромно,
вершина – одна!

У пирамиды много граней.
В воображенье изготовь

их – то, что можно отчеканить.
А в основании – любовь
попробуй разместить всерьёз.
Её из сердца перенёс.

Ты нанеси на грани знаки:
монетку, небо и хлеба́ –
пускай схлестнутся зодиаки.
А в основании – судьба
пускай лежит у пирамиды,
как обещание планиды.

Ты протяни смелее руку,
за грань немного подержись,
почувствуй, как науку, муку,
ведь в основании – вся жизнь
твоя, вполне остановима,
и тем от смерти отличима…

Альбионыч начал вспоминать и вспомнил, что что-то подобное – про пирамиду, только другую, когда-то читал у одного китайца, которого звали Лао-цзы[409] и который, несомненно, был хорошим человеком и умным мужиком. Здесь Володя припомнил, что в своей книге с непереводимым названием «Дао Дэ Цзин» этот мудрец написал поразившие его строки:

«Безымянное – начало Неба и Земли.
Именуемое – начало всех вещей.
Свободный от страсти видит дивную тайну Дао, подверженный страстям – только его проявления.
То и другое – одного корня, но зовутся по-разному.
То и другое – глубочайшее.
Путь от одного глубочайшего к другому – неисповедим»

[409] Лао-цзы – древнекитайский философ V-VI веков до н.э., один из основателей течения даосизма, прозванный в нароле Старый Младенец. Автор трактата «Дао Дэ Цзин» («Канон Пути и Благодати») – прим. философ. редактора

, после чего подумал, что хорошо китайцам – они умные, а вот для евроазиата, даже марсианского происхождения, – это было полной бредятиной! Хотя наш герой, как философ, понимал все эти слова как отдельные!

Включаю логику – фонарик философии,
но, видно, мне философом не стать,
ведь *любомудрие* такая штука тонкая!
Ещё 100 грамм – и просто лягу спать…

Глава 257. ДЕЛА́ ОТ ДУШИ (Об ужине)

Затем он вспомнил, что на кухне у него осталось ещё одно незавершённое дело – поглощение сегодняшнего ужина, и даже не ради того, что так было принято в обозримой части Вселенной, а только потому, чтобы пустой желудок не отвлекал его пото́м, когда он будет заниматься умственным трудом – писать продолжение романа «Русская кочерга»,

слушать хорошую музыку, отвечать на всякие глупые телефонные звонки, сочинять очередную сказку про Ленина (зачем?! – Вл. Г.), смотреть телевизор и т.п.

Володя подошёл к холодильнику, который уже весь изошёл от злости, видимо, оттого, что на него не обращают внимания, и наконец открыл его – только для одной цели: вспомнить, а что же именно ему предстоит отправить в свой организм в качестве ужина?

Человеку ужин нужен –
без него он безоружен,
ведь без ужина всё хуже,
он без ужина контужен,
потому с едой мы дружим,
затянув ремень всё туже!
Чтобы рот не стал твой у́же,
поглощай скорее ужин!

Но избавиться от философских мыслей, просто глядя в ледяное чрево агрегата, сразу не получилось. И тогда литератор, а в данное время философ-надомник, начал придумывать различные типы холодильников, если бы ими пользовались известные всем люди – химики, философы, математики, изобретатели и им подобные умники. И вот что он придумал.

Холодильник Шрёдингера[410]: в нём одновременно нет места и нет еды.

Холодильник Гейзенберга[411]: в нём есть еда, но это не точно.

Холодильник Менделеева: в нём всё по порядку, и то, чего в нём нет, тоже по порядку.

Холодильник Юнга[412]: с ним можно поговорить о еде.

Холодильник Римана[413]: еда в холодильнике является смесью всей еды, когда-либо положенной туда.

Холодильник Эйнштейна: чем быстрее ты кладёшь в него еду, тем еды становится меньше.

Холодильник Теслы[414]: он не включён в электричество, но еда охлаждается, правда, никто не знает как именно.

[410] Элвин Рудольфович Шрёдингер – австрийский физик-теоретик, один из создателей квантовой механики – прим. науч. редактора

[411] Вернер Августович Гейзенберг – немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики – прим. науч. редактора

[412] Карл Густавович Юнг – швейцарский психиатр и педагог, основоположник аналитической психологии – прим. науч. редактора

[413] Георг Фридрихович Риман – немецкий математик, автор понятия n-мерного многообразия – прим. науч. редактора

[414] Никола Милутинович Тесла – учёный, инженер, физик и изобретатель в области электротехники и радиотехники сербского происхождения – прим. науч. редактора

Но тут ворчание холодильника уступило новому ворчанию – на этот раз кулемзинского брюха, и он понял, что ужина не избежать. На память пришёл вот такой вариант сегодняшней вечерней еды, который мог бы называться китайским: две порции грибов *муэр* с ростками проросшего на четырнадцатый день бамбука и две же порции коричневого риса с креветками. Правда, через секунду ответственный квартиросъёмщик вспомнил, что съел именно такой ужин 1 год 4 месяца и 22 дня назад.

Я от горя просто нем,
мысли мрачные гоня:
всё, что ем, живёт во мне,
к сожаленью, меньше дня!

«А что же хлад грядущий мне готовит?», поэтически подумал Володя и встал вглядываться в нутро холодильника. И вот что он там увидел. Сегодняшний ужин Альбионыча был как всегда скромен: специально откормленные голуби, разделённые на половинки, маринованные в сливках и панированные солёной мукой с перцем, мускатным орехом, гвоздикой и тмином, а также ягодами можжевельника, подававшиеся на сухариках с джемом из красной смородины, и политые соусом из сливок на мадере. Ну, и сто́ило ли говорить моему искушённому читателю, что вся эта скромность была, разумеется, aux fines herbes[415].

[415] С приправой из душистых трав – фр.

«А как же мой здоровый образ жизни, мой знаменитый ЗОЖ?», подумал писатель, а автор, который знает своего героя уже не первый год, хочет пояснить, что Кулемзин, частенько забывая расшифровку этой мудрой аббревиатуры, иногда растолковывал её как *30 Жратв*! А уж если кто и вёл здоровый образ жизни в квартире № 4, так это володин телефончик, который просто не мог существовать *без зарядки*!

Пули в тире все зажуля,
буду злоупотреблять:
телефончик *заряжу* я –
и начну по всем стрелять!

И всё же мысли о здоровом питании не отпускали. Например, какая здоровая еда могла обойтись без овощей? Плохо было только то, что наш литератор не мог серьёзно думать о таких простых вещах, как редиске или какой-то там репе, а всегда начинал в так называемом уме придумывать некие конструкции для вставления их в свой пока недописанный роман «Русская кочерга». Вот и сейчас плодами его фантазии стали следующие нелепые фразеологизмы о разных овощных культурах:

дать на орех редиске,
начистить репу двум перцам,
дать в тыкву одному хрену,
получить по дыне,
сходить вечером в кабачок
и сорить там капустой!

И здесь своим боковым зрением он заметил, как на подоконнике появилась его любимая кошечка Несси, которая скрылась с территории Великого Игрового ▲ ещё в прошлой главе. Она спрыгнула на пол, потёрлась о ногу философа и разлеглась в углу, остро поглядывая на него (философа, а не на угол), как бы приглашая к диалогу, начинающемуся с вопроса: «А чем ты меня сегодня угостишь?». А марсианин, который раньше думал, что уже давно узнал на Земле *всё*, только сейчас увидел, что кошка – это лучший учитель отдыхать, и обрадовался этому новому знанию.

Он ещё раз открыл свой безразмерный домашний рефрижератор и вытащил оттуда большой кусок любительской колбасы, затем нарезал её на 16 кусочков поменьше и красиво разложил их на специальной тарелочке для кормления домашних животных, которых у него не было никогда. Несси лениво подошла к тарелочке, тщательно обнюхала предло-

женное блюдо, съела 15 кусочков колбаски, оставив один – как видно, из приличия, облизнулась, сказала: «Мяу, мяв-мяв, мррр!», что означало *grand merci* по-кошачьи, запрыгнула на подоконник и через мгновение скрылась в сумерках начинающегося вечера.

Я подумаю немножко
и пойду в свою кровать,
покормивши раньше кошку,
сам привыкши голодать!

«Быт, как его, яйчики-бабайчики, ни ругают, всё же великая вещь», подумал писатель, и автор тут же с ним согласился. Он и сам давно предполагал, что именно быт – с его мелочами, заботами и хлопотами, с переливами настроений, головной болью и запорами, с запахами кофе и табака, счетами за квартиру и телефон, с ежедневными газетами и новыми книгами, с обыденными злодействами и повседневными подвигами святости – именно быт примиряет нас с существованием драконов в душé, потайных комнат с пятнами крови, скелетов в шкафу, примеряет, исподволь меняя химию совести, пока однажды человек, как это сделала в своё время Нюра Каренина, вдруг не бросается под поезд – именно вдруг, что бы ни писал Толстой, ни с того ни с сего! А большинство из живущих под поезд не бросается – быт спасает…

И, конечно же, быт был не тем случаем, чтобы размышлять о смысле жизни, как это, делали, например, князь Андрей под дубом[416] или Григорий Мелехов над убитым австрийцем[417], но что уже произошло в действительности, каким бы это странным ни казалось, то и вошло именно на эту страницу.

[416] Л. Н. Толстой «Война и мир» – прим. лит. редактора
[417] М. А. Шолохов «Тихий Дон» – при. лит. редактора

Кому астероид, кому рубероид –
здесь каждый становится кем иль никем:
на каждой странице – другие герои,
и их приключения – в каждой строке…

Глава 258. О ВОСЬМОМ ЧУДЕ СВЕТА

И вот на этом самом месте засвербело что-то у автора в памяти, и даже показалось ему, что делает он сейчас что-то не то. И для того,чтобы развеять свои сомнения, открыл он свой памятный файл под названием «Великий План Построения V Тома Романа «Русская Кочерга», прочитал в нём наметки по поводу главы № 258 и понял, что действительно увёл повествование немного в сторону. А что же же случилось? Да то, что пятничный ужин нашего героя Кулемзина сегодня предполагал не каких-то специально откормленных голубей, а вовсе баранью ногу! А ведь он (автор, а не Кулемзин) хорошо знал, что вовремя не исправленная ошибка может породить ошибку следующую, а за ней ещё одну, ещё etc. Поэтому – короткий рассказ о том, как Володя готовил эту самую ногу.

В желаньях своих непременно упорствуй,
а главный совет прямо здесь запиши:
«Баранья нога – это вам не обжорство,
баранья нога – это искус души!»

– Знаете, что самое главное в приготовлении этого блюда? – говорил Альбионыч. – Это выбор! Да-да, банальный выбор той самой бараньей ноги.

Например, он был твёрдо уверен, что настоящую баранью ногу найти где-нибудь в Москве – просто нереально. Да, в столице России и других городах этой страны в магазинах иногда продаётся баранина, и в принципе можно найти её парной вариант, а иногда даже и *седл*о – в каком-нибудь крупном супермаркете. Но вот нóги…

– Скажите, девушка, а у вас есть баранья нога? – однажды спросил писатель продавщицу то ли в Воронеже, то ли в Иркутске.

– А как же! – жизнерадостно ответила девушка и продемонстрировала ему заботливо порубанную мясником когда-то идеальную ножку для запекания.

Но для запекания нужна именно цельная нога, а не её красивые кусочки. Кстати, для автора до сих пор является загадкой, как и что можно приготовить из этих кусочков.

Поэтому, если в голову покерного гуру приходила мысль приготовить именно это блюдо, он начинал осуществление её именно с восточного базара в своём родном городе.

Как объяснила Мише Люда,
второй язык – иной ресурс:
по-русски блюдо – это блюдо,
а по-английски – dish[418] и course[419]!

[418] Блюдо как большая глубокая тарелка, читается как диш – прим. переводчика
[419] Блюдо как кушанье, читается как курс – прим. переводчика

На таком базаре, который располагался всего в 8 минутах ходьбы от Бермудского Учпучмакав, баранина – в любом виде! – была в продаже круглый год. И это не шутка.

Наш литератор, на время превращающийся в пóвара, не бродил здесь долго и нудно, как делали это некоторые домохозяйки, чтобы через пару часов поиска сэкономить 100 назарбаксов, а сразу же шёл в павильон с указующей вывеской

, где первым словом было тоже мясо, но по-саксаульски, и быстро пробегал вдоль прилавков с бараниной, пока не замечал то, что нужно. Да, это была она – парнáя задняя нога!

– А какая должна быть эта нога? – спросит нашего героя внимательный читатель, на всякий случай открыв хранящуюся у него на кухне книжечку с тривиальным и пошлым названием «Рецепты». И Володя ответит ему:

– Трудно объяснить это человеку необразованному, тем более не восточному. Лично для меня это становится очевидным сразу! Но – попробую. Во-первых, не бросайтесь на кости, ибо модельные параметры – не для жратвы, а только для подиума. Худая баранина – худая во всех смыслах.

Я же опытный оценщик
по копытам и хвосту:
не люблю худых я женщин
и овец худых не чту!

Глава 259. О ВОСЬМОМ ЧУДЕ СВЕТА (окончание)

Поэтому искомая ножка – это ножка не молодой, но достаточно зрелой женщи…тьфу, овцы, но она не должна быть жирной, – короче, как и советовал в таких случаях мой приятель Пьерович, золотая середина!

– Какой Петрович? – спросит любопытствующий дилетант от кулинарии.

– Да не Петрович, яйчики-бабайчики, – объяснит ему марсианин, – а Леонардо Пьерович да Винчи, который наверняка тоже любил вкусно покушать, иначе откуда бы в его тыкву пришли такие замечательные идеи как подводная лодка, велосипед, чеснокодавилка и прожектор, не говоря уже о ножницах и шарикоподшипнике!

Во-вторых, если нет парнóго мяса, ищите ножку мороженую, но ни в коем случае не размороженную, ибо в таком виде структура волокон уже окончательно разрушена и вкус будет другой, а для тех, кто разбирается, вообще никакой.

В-третьих, попросите мясника обрубить голяшку и самый задок. Не знатоки всегда сетуют, что эти малосъедобные костлявости входят в вес ножки. А вот знатоки приберегают их на хаш[420].

[420] А ведь именно этим блюдом Кулемзин кормил своих гостей ещё в первом томе романа, в главе 277 «Ужин от героя» – прим. гл. редактора

В-четвёртых, там же, на базаре, Альбионыч находил или бруснику или клюкву – для соуса, потому что без соуса баранья нога – жратва, а с соусом – деликатес. Здесь же он покупал пáру крупных морковок, полкило чернослива без косточек и свежий чеснок.

Затем он перемещался в рядок, где торговали приправами, без которых баранья нога – (см. тремя строками выше!), находил там старого приятеля – грузина с грузинским акцентом и говорил ему

– Гурам, буду запекать ногу.

– Понял, дарагой! – начинал кричать кавказец, пританцовывая возле пакетиков, от которых шли волшебные запахи, а потом начинал шаманить словами:

– Пэрець чорний, пэрець бэлий, кинза сушоний, тимьян свэжий, паприка копчоний…

Куркума, кардамон, розмарин,
кориандр, корица и паприка –
если хочешь, поговорим
о возможностях вкуса и запаха.
Если хочешь, давай помолчим
о смещении факта во времени:

недосолим, недоперчим,
недоложим кунжутного семени…

И вот наконец всё выбрано, всё куплено, за всё заплачено – и бегом домой! А там первым делом включаешь духовку и нагреваешь её до 180° по старику Цельсию. И пока это происходит, выкладываешь на разделочную доску её – свою покупку! А дальше – всё просто: натираешь ногу горстью крупной соли, потом берёшь тонкий-тонкий нож и протыкаешь ногу в разных местах, а в полученные ямки кладёшь разрезанные пополам дольки чеснока. Затем в мраморной ступке растираешь смесь купленных перцев, кинзу, тимьян и паприку, добавляешь граммов 50 хорошего оливыча, и получившейся массой обмазываешь заветную ножку.

И пока она клейкая от такого состава, обкладываешь её со всех сторон крупными кружочками моркови в полсантиметра и половинками ягод чернослива, а потом заворачиваешь всё это богатство в алюминиевую фóльгу – лучше в два-три слоя. И – на противень!

А вот что потóм, думаю, никто из читателей этого кулинарного приключения не догадается, как говорит Серёнька Афанасьич, *ни в жисть*! Потóм Альбионыч делал вид, что страшно расстроился, так как забыл кое-что купить на базаре, но именно делал вид, потому что забывал вполне расчётливо – чтобы сходить ещё раз в любимую торговую точку. А это кое-что было свежей зеленью, свежими помидорами и свежим лавашем, которые можно было выбирать не спеша, торгуясь с базарными людьми

Покупаю всё я на базаре,
и базару страшно благодарен!

А потом надо найти на базаре ещё одно место, где тебя знают, потому что именно там продавщица с шекспировским именем Корделия[421] держит *для своих* несколько бутылочек лучшего в мире пивка «Тянь-Шань» – в холодильнике с детским мороженым. И вкушать его тоже не спеша, ведь то, что сейчас томится в твоей духовке, должно провести там не меньше двух часов. А как проведёшь эти часы дома, ведь это смертельно опасно для жизни, ибо медицине известны факты, когда люди в подобных жизненных ситуациях просто захлёбывались слюной!

[421] Младшая дочь короля Лира, героя одноимённой пьесы У. Шекспира (1606) – прим. лит. редактора

Затем повар с писательским образованием наконец возвращался в родной ареал проживания и по дороге к своему подъезду со счастьем слушал завистливые голоса соседок:

– Слышь, Петровна, а наш-то буржуй опять что-то вкусненькое готовит!

– И не говори! Пойдём-ка и мы – чай с сушками попьём…

Коль попил ты чаю с сушкой,
сразу тянет на подушку!

А Альбионыч тем временем уже вытаскивал ногу из духовки и, пока она остывала, делал брусничный (или клюквенный) соус по сáмому простому рецепту: растирал ягоды с небольшим количеством сахара-песка.

И вот – торжественный момент: вскрывается кокон из фóльги, восьмое чудо света

с сумасшедшим запахом!

выкладывается на блюдо, поливается соусом и, наконец, нарезается острейшим ножом. А затем на это же блюдо – половинки маленьких помидорчиков, листики рейхана и безжалостно порванные на части кусочки лаваша.

Parade-allée[422]!

[422] ***Парад-алле – фр.***

Глава 260. ДЕЛÁ ОТ ДУШИ (О вечернем телеэфире)

Володя очень любил эти тихие вечерние часы, когда он действительно оставался наедине сам с собой, когда где-то позади умирала обязаловка в виде ежедневных встреч с прирученными им персонажами, игрой в *русскую кочергу* и неумеренным употреблением пивка, а к концу дня и чего покрепче.

Иногда он просто слонялся по любимому Место-Имению, заглядывая в тайные комнаты, куда не было доступа никому из живущих на планете, иногда слушал любимую музыку или смотрел вечерние новости по телевизору, а иногда просто предавался умеренному чревоугодию, помня о том, что его брюхо, и так непомерно растянутое из любви к «Тянь-Шаню», должно хотя бы немного отдохнуть ночью. Дилемма *хлеба или зрелищ* для него просто не существовала, так как на первом месте всегда была еда, правда, под одну-другую бутылочки любимого пивка, а уж затем всё остальное.

Так что сегодня из категории зрелищ у писателя остались только два занятия – телевизор и музыка. И вначале он решил немного посмотреть, что же там такого интересного накопилось за день в телеящике, оставив любимую рок-музыку *на сладкое*.

Я включу заветный гаджет,
уроню пивко в живот:
телевизор мне покажет,
на Земле кто как живёт!

Литератор наугад ткнул в какую-то кнопку и сразу же чуть не ввязался в некий диалог

– Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, – поведал ему добрый мужской голос.

Альбионыч взял программу, издаваемую в виде журнальчика в 32 страницы, так как каналов развелось слишком много, нашёл нужный и прочёл о том, что в это время идёт популярная передача «Советы врача»

Затем всё стало хуже: на нескольких каналах подряд, видимо, по причине вечернего времени, шли какие-то политические новости, где ведущие бубнящими голосами рассказывали о том, как провели этот день избранники народа, перемежая своё бубненье видеорядом, подтверждающим, что, мол, да, хорошо провели!

– Жизнь налаживается! – радостно кричал какой-то депутат, судя по узким глазам, саксаульского мажилиса. – Поэтому новый закон об обязательном отчислении налога от пенсий предлагаю принять в первом чтении!

Его товарищи по мягким сиденьям тут же взметнули *руки вверх*, словно были участниками одноимённой поп-группы российского «певца» Сергея Жукова, а Кулемзин в это время подумал о том, что когда в правительстве говорят, что жизнь в стране налаживается, очевидно, такие сообщения были от слова *налажать*.

И никто не виноватый,
что сегодня, *та-та мать*,
налажали депутаты,
а народу разгребать!

«Вот чем хороша демократия в Саксаулии», продолжил раздумья писатель, «так это тем, яйчики-бабайчики, что народ и не спрашивают, а всё принимается единогласно…»

На другом канале проклюнулась практически та же картинка, только депутаты были не узкоглазыми, и Кулемзин понял, что смотрит на очередное заседание российской Думы.

– Нужно избавиться от трупа! – горячо кричал худой слуга народа.

– А, может просто закопаем? – сомневался слуга толстый.

– Да лучше растворить его в кислоте, – посоветовал радикальный Жириновский.

– А не инсценировать ли несчастный случай? – призвал собравшихся Явлинский.

– Господа депутаты, – постучал молоточком спикер парламента, – я понимаю, что многие из вас имеют судимости, но напоминаю, что мы сейчас обсуждаем вопрос захоронения тела Ленина…

Создавалось впечатление, что во всей России повсеместно закрыли дурдомá и все пациенты рванули на телевидение – учить народ жить.

Мне многое прощается,
мне многое дано:
сознанье расщепляется,
и мне не всё равно.
Ведь вижу мир я сказочный
и слышу голоса,
бываю очень радостный:
бывает – полоса,
когда и жить не хочется,
а мне кричат: «Живи!»
Я просто шизофреник,
чуть сбившийся с пути…

Володя, который смотрел эти политические бредни ежедневно – на всякий случай! – был твёрдо уверен, что все высвобожденные либо неиспользованные бюджетные средства надо срочно направлять на увеличение пенсий и пособий для инвалидов и стариков, а не на улучшение жизни самих депутатов. И, кстати, не потому, что речь идёт об инвалидах и стариках, и их жаль больше всего, а потому что это – единственная и самая опасная сила общества, которая способна при определённой организации смести любую власть, любой режим, не прибегая к использованию оружия. Только она, к сожалению, этого пока не знает, силы своей не осознаёт и, не приведи *дедушка*, когда-нибудь осознает. Против неё – по конституции – невозможно применять водомёты, ОМОН с дубьём и слезоточивый газ, на неё нельзя натравливать журналистов и собак. Так что по сравнению с голодным и обиженным пенсионером, террорист с бомбой – это просто локальное и безобидное недоразумение…

В стране сейчас пенсионер –
голодным страждущим пример!

На Первом канале вновь развлекался молодой ведущий Максим Галкин, который от души пытал разных людей в передаче «Кто хочет стать миллионером». Литератор, переключившись на этот канал, застал сценку, когда игрок с длинным носом выбрал подсказку *звонок другу.*

– Куда будем звонить? – поинтересовался ведущий.

– Моему старому другу Фиме – в Нью-Йорк.

– Ого, так далеко!

– Да, вот именно. О, Фима, привет! У нас таки всего полминуты, расскажи быстренько, как ты, как мама, перестало ли у неё болеть колено?

Фима, врубившись в ситуацию, зачастил, как итальянский пулемёт «Бреда» 1938 года. Наконец полминуты закончилась.

После чего Галкин удивлённо спросил у игрока:

– Но вы же не задали ему вопрос?

– Все вопросы, какие надо, – ответил длинноносый, – я уже таки задал. Фима так же разбирается в китайской поэзии, как и я, то есть совсем никак, так зачем же я буду терять полминуты, тем более, что звонить в Нью-Йорк так дорого. Короче, я забираю сто тысяч. До свидания!

Кто хочет стать миллионером?
Конечно, скажете, любой:
иметь *лимон* в своём кармане
не прочь седой и молодой.
Мечтают стать миллионером
доярка, сторож и шахтёр,
а так же столяр, токарь, пекарь,
строитель, дворник, сутенёр.
Хотели б стать миллионером
пожарник, милиционер.
Не хочет стать миллионером
лишь тот, кто есть миллиардер!

Глава 261. ДЕЛÁ ОТ ДУШИ (О вечернем телеэфире, продолжение)

Затем на пульте Альбионыча были ловко настроены идущие подряд 10 или 12 каналов, где с утра до вечера, и даже по ночам крутили разные фильмы – совковые, современные российские и саксаульские, а также так называемые западные. Например, на первом же открытом таком канале писатель застал середину очередного, судя по репликам гнусавого переводчика, голливудского блокбастера, и уже через минуту он (писатель, а не переводчик) выяснил, что фильм рассказывает о нелёгкой судьбе профессора теоретической физики, вынужденного бороться с представителями президентской администрации США, которые не верят, что элементарные частицы *антимоны*, которые он открыл, могут нечаянно уничтожить всё человечество. На второй минуте просмотра наш телезритель решительно переключил аппарат дальше, так как увидел, что профессора играет двадцатилетняя пышногрудая негритянка.

На следующем канале наш герой решил, что если посмотреть фильм «Годзилла» режиссёра Роланда Бруновича Эммериха 1998 года в обратной перемотке, то можно увидеть, как этот радиоактивный монстр (Годзилла, а не Эммерих) вначале отстраивает Токио, а потом *лунной походкой* Майкла Джозефовича Джексона уходит в океан!

На следующем канале тоже творилась привычная голливудщина – шла очередная картина про железного человека в исполнении Арнольда Густавовича Шварценеггера. Смотреть его было скучно, и Альбионыч стал придумывать сценарий для следующего «Терминатора», когда тот попадáет в Россию, где у него из-за мороза садится батарея, и последнее, что он слышит, это чьи-то радостные слова: «Да тут килограмм 50 *медяшки* будет!»

Переключаясь на следующий канал, Кулемзин вспомнил, как на днях читал в газете «Караван» странное сообщение о том, что одна саксаульская семья настолько полюбила фильм «Терминатор», что назвала сына Айлбибек[423]!

[423] *От англ. I'll be back – я ещё вернусь*

Небоскрёбы, небоскрёбы,
стены, лифты, этажи...
Расскажу я вам, ребята,
про восстание машин.
Чу! – сверкнуло синим светом,
ветром дунуло с реки.
– Терминатор, Терминатор! –
зашептались мужики.
Возле бара на хайвее
обступил народ гурьбой:
«Нержавейка?»
«Нержавейка!»,
отвечает наш герой

Вторым воспоминанием знатного саксаульского поэта и прозаика стал написанный им несколько лет назад стих под названием «**Повесть о ненастоящем человеке**», где речь шла всё о том же американском австрийце:

А потом легко, небрежно
и негромко так сказал:
– Мне нужна твоя одежда.
Парень дал. А кто б не дал?
Вдруг из темноты квартала –
робот жидкого металла!
Пули градом – всё, конец!
Но известно: пуля – дура,
Терминатор – молодец!
Наш герой с подбитым глазом
махом сгрёб врага в кулак,
тот – сквозь пальцы. Вот зараза!
Сразу видно – жидковат…
Мэй, сестра из медсанбата:
«Дайте, вас перевяжу!»
Улыбнулся он: «Не надо,
я до свадьбы заживу»
И поднялся Терминатор,
и ба-бах, тыгдым, бу-бух!
Всё, капут! А город думал,
что учения идут.
Вся Америка гадает:
чем героя наградить?
Может, на курорт отправить,
или орден приварить?
– Нет, ребята, я не гордый,
не такой я человек.
Так скажу: зачем мне орден?
Все равно я I'll be back!
Спи спокойно, Сара Коннор,
сохранит твой мирный сон
Терминатор – скромный робот
с человеческим лицом!

Но вот что было хорошего в таком множестве каналов, так это их количество, а, значит, и разнообразие (прости, русский язык!) контента. Кулемзин вспомнил один эпизод из своего советского детства: когда его родители купили первый в их семье чёрно-белый телевизор «Енисей-2», он показывал аж три программы, географически названные Москва, Отцеябловск и Фрунзе!

Сейчас же, ткнув пальцев в одну из кнопок пульта, писатель, словно какой-то медиум, вызвал из небытия странного персонажа женского рода. Из экрана телевизора его тут же начала буравить гла́зками знаменитая ведунья и предсказательница Пелагея Тимофеевна, а закадровый мужской голос объяснил ему (писателю, а не телевизору), что эта целительница не просто абы какая, а *животворная*, специально приехавшая в саксаульский Отцеябловск из Москвы, чтобы вернуть безутешным отцеябловкам ветреных мужей, заодно избавить их от алкогольной и табачной зависимости, поднять, если надо, у тех же мужей потенцию, а также вылечить всё население города от всех болезней, – как от тех, с которыми современная медицина всё ещё борется, так и от тех, на которые врачи всего мира никак не могли найти управу.

«Целительница Пелагея Тимофеевна вернёт вас к счастливой жизни!», истерично выкрикнул телевизор напоследок.

Шум в ушах. Я к бабе Вере –
баба лечит всё подряд:
равных нет в лечебной сфере,
так о бабе говорят.
– Баба Вера! – говорю ей, –
шум в ушах, спасенья нет,
помоги, не то умру я!
– Не спеши, – она в ответ.
– Шум в ушах – событье это
означает (верь молве!):
выбирают президента
тараканы в голове!

А, вспомнив старый телевизор «Енисей-2», Альбионыч подумал о том, что когда он случайно смотрит будничный эфир ведущих каналов, наполненный бесконечными тупейшими сериалами, бесконечными ток-шоу про текущий момент, бесконечными программами-сплетницами о жизни «элиты» и прочей мутотенью, то с тоской вспоминал настроечную телетаблицу, которую перед вечерним эфиром (так как дневного не было вовсе) всегда показывали для того, чтобы каждый счастливый телевизоровладелец мог покрутить антенну – для того, чтобы круг в центре этой таблицы не превращался в овал или ещё в какую геометрическую фигуру:

Каждый вечер – словно вызов,
аж бунтует естество:
я настрою телевизор –
для настроя моего!

Глава 262. ДЕЛÁ ОТ ДУШИ (О вечернем телеэфире, окончание)

Неожиданно нашего вынужденного телезрителя порадовал недавно открывшийся канал «Родное кино», который в данную минуту демонстрировал старый советский фильм 1942 года «Александр Невский». А марсианин, посмотрев его несколько минут, вспомнил одну историю, которая напрямую к фильму как бы не относилась, а вот косвенно – вполне. И речь здесь, например, пойдёт не о том, что Сергей Эйзенштейн был не единственным режиссёром фильма, как думают многие[424], и не о том, что Сергей Эйзенштейн был единственным автором сценария фильма, как думают многие[425], а об одной фразе, которую можно было *произвольно* вырвать мной из этого замечательного творения. Многие, наверное, помнят, как назвал князь Александр рыцарей Тевтонского ордена, с которыми и произвёл сражение на Чудском озере 5 апреля 1242 года? Вспомнили? Странно как-то он их назвал – *псы-рыцари*!

[424] Действительно, его соавтором был Дмитрий Васильев – прим. кинoредактора
[425] Действительно, его соавтором был Пётр Павленко – прим. кинoредактора

С детства я предполагаю
свой ответ на тот вопрос:
если рыцарь нападает,
значит, это точно пёс!

А вот откуда появилось это выражение, Кулемзин, который, как известно, знал всё на свете, сейчас тебе, мой крайне любопытный читатель, и расскажет.

Все, наверное, помнят, что в те далёкие советские (б) годы ни одно художественное произведение не было завершённым, если в нём не присутствовала идеологическая составляющая. Так вот доложу вам – и вы мне поверьте на слово – Эйзенштейн не сам придумал своих псов-рыцарей, а с помощью… Карла Генриховича Маркса!

Дело в том, что в одной своей книжке Генрихыч назвал тевтонцев Rittern Bunden, что по-немецки дословно означает «рыцари-братья» или «рыцарские союзы». Но печать в те годы оставляла желать лучшего – типографская краска на немецкой букве B немного облупилась, и переводчик прочёл Bunden как Hunden, то есть «собаки». Покрутил мозгами переводчик так и сяк: рыцарские собаки? собачьи рыцари? Ага, а давай-ка псы-рыцари! Коротко, энергично, ругательно – то, что надо!

Вот так, товарищи читатели, и делается история руками рассеянных немецких писателей, похмельных русских переводчиков и живущих в себе еврейских кинематографистов…

Идеологию воткнём в досуг –
был образ мнимый, станет он нам зримый:
всех рыцарей – и кобелей, и сук
под лёд опустим, как когда-то Дима!

Перелистываемые телезрителем каналы, казалось, не закончатся никогда. Например, по православному каналу, вообще весьма странному для Республики Саксаулия, показывали какой-то американский фильм о страданиях спасителя (спасателя? – Вл. Г.), и ли-

тератор невольно содрогнулся, увидев артиста в роли Христа – с намотанной на голову колючей сеткой-рабица.

А по неплохому каналу «Культура» демонстрировали старый, ещё 1996 года, фильм французского режиссёра Жиля Домениковича Мимуни «Квартира», где роль Лизы исполняла прекрасная Моника Беллуччи. Володя любил эту итальянку как дочь, и пересмотрел все 26 – на этот момент – фильмов с её участием.

Моника Беллуччи
Мордюковой лучше?

На следующем канале он застал самый конец культурных новостей, где ему поведали, что нынешний «Оскар», как лучшей актрисе 2003 года, вручили Николь Энтониевне Кидман (фильм «Часы», режиссёр Стивен Патрикович Долдри), хотя сам Кулемзин точно знал, что настоящее актёрское мастерство показала неизвестная актриса, изображающая неземное блаженство в рекламе лапши «Доширак»

Сразу несколько каналов типа «МузТВ» или «MuzZone» день и ночь гоняли по своим эфирам разную музыку – и западную, и старую советскую, и новую российскую. На первом же канале марсианин вздрогнул от отвращения, услышав окончательно вышедшую в тираж советскую звезду Софию Ротару, исполняющую «Только этого мало». Безобразно пела Ротару эту песню – с дебиловатой улыбкой, совершенно не понимая произносимых слов. А ведь это – Арсений Тарковский, он этот стих у своего сына в фильме «Сталкер» читал. Прежде всего, дебиловатость этого исполнения была вообще в том, что эти строки пели с радостью. А ведь это – драма. Вслушайтесь:

Всё, что сбыться могло,
мне, как лист пятипалый,
прямо в руки легло.
Только этого мало.
Листьев не обожгло,
веток не обломало...
День промыт, как стекло.
Только этого мало.

Вслед за Ротару на экране показался некий Сергей Жуков – кумир дебильных подростков, ибо кому, кроме дебилов, мог понравиться «хит» этого года под названием «Забирай меня скорей». Володя давно понял, что не только сам певец, но и авторы строк

Забирай меня скорей,
увози за сто морей,
и целуй меня везде –
18 мне уже!

тоже дурковатые: во-первых, по российской конституции возраст сексуального согласия – 16 лет, а, во-вторых, морей на Земле всего 63!

«Когда-то, яйчики-бабайчики», подумал марсианин, «мы наслаждались песнями легендарных зарубежных групп, где вокал и музыка были волшебными, а вот слова – хренотенью на постном масле. А советская эстрада отвечала супостатам, как водится, асимметрично – добротными текстами, средненьким исполнением и дрянненькой музыкой. И только российской попсе наконец-то удалось достичь абсолютной гармонии: ни голо-са, ни музыки, ни смысла!»

Ему понравились эти мысли, и мыслитель решил закончить эту тему ударно. И вот что он придумал: «Умер Виктор Цой – все стали рокерами, умер Майкл Джексон – все стали танцорами. Здоровья вам, Элтон Джон и Боря Моисеев!»

Луна обратной стороною
никак не повернётся к нам,
ведь мы планетой *голубою*
прослыли... Просто стыд и срам!

Последним каналом, который немного заинтересовал Валодю, был «Евроспорт», где показывали очередной теннисный турнир, и писатель при виде размахивающих ракетками девушек подумал о том, что интерес к женским шахматам резко бы возрос, если бы шахматистки при каждом ходе стонали, как Мария Шарапова.

Глава 263. ДЕЛÁ ОТ ДУШИ (О вечной музыке)

Редкий поздний вечер, плавно переходящий в ночь, мог обойтись у нашего героя без его любимой музыки. Наверное, здесь сказывалось то, что практически с сáмого советского детства и тяжёлый, и более лёгкий рок в той стране, где он родился и прожил почти 40 лет, был под запретом.

В стране внедряли рок-культуру
через ГБ, прокуратуру!

И что сейчас для него было лучше, чем послушать на ночь прекрасную музыку «The Beatles»! Кулемзин закрыл глаза и наугад вытащил с полки, где стояли несколько сот собранных им виниловых дисков, красивый квадратный конверт с двадцатью чёрно-белыми изображениями участников группы – по пять на каждого из четвёрки. Это был знаменитый битловский концерт 1964 года под названием «A Hard Day's Night»[426], откуда он и выбрал для прослушивания нежную композицию «And I Love Her»[427]. Володя знал, что песня была посвящена возлюбленной Пола Джеймсовича Маккартни в те годы – актрисе Джейн Ричардовне Эшер, и ещё раз поблагодарил неизвестную ему женщину за источник *такого* вдохновения.

[426] ***«Вечер трудного дня» – англ.***
[427] ***«И я люблю её» – англ.***

– I give her all my love,
that's all I do,
and if you saw my love
you'd love her too,
and I love her.
She gives me everything
and tenderly
the kiss my lover bring
she brings to me
and I love her…

– , признавался в любви юный тогда Маккартни под гитарный рифф своего друга Джорджа Харолдовича Харрисона. Кстати, этот рифф был не единственным необычным звуком в песне – кроме типичных для битлов гитар, здесь звучали также два редких инструмента в исполнении ударника[428] Ринго Ричардовича Старра – это кубинский сдвоенный барабан *бóнго* и кубинский же народный инструмент *клáве*, представляющий две палочки из твёрдого дерева. Альбионыч замер, слушая прекрасную музыку, и перевод сам собой сложился в его голове:

Отдать ей всю свою любовь –
вот то, чего хотел бы,
чтоб над рекой качнулись вновь,
как раньше, наши вербы.
Она отдаст мне всё своё –
и нежность, и тревогу,
а я отдам ей остриё
своей любви – как богу…

[428] Разумеется, ударника капиталистического труда! – прим. автора

Он ласково погладил по серебристому, как у ракеты, боку свой нынешний японский стереопроигрыватель с не очень-то японским названием «Audio-Technica», и внезапно вспомнил *вертушку*, с чего и началась его любовь к этой иноземной музыке. Уже в те годы как-то сразу потерялось название этого милого аппарата с вечно слетающим пассиком[429], потому что практически весь проигрыватель был сразу заклеен некими буржуазными картинками, которые в насквозь идеологическом СССР (б) удавалось достать с большим трудом. А вот изображение этого чуда советской технической мысли сохранилось – благодаря фотоаппарату «Смена-8» – кстати, первой самостоятельной покупке на заработанные юным Альбионычем и его братом Толей деньги от сбора яблок в общественном саду:

[429] Приводной ремень круглого (симметричного) сечения в ремённом приводе магнитофона или проигрывателя – прим. тех. редактора

Наш проигрыватель – не игрушка:
он был всем – нам, таким молодым,
мы его называли «вертушка»,
и вертели планету мы с ним.
Мы битлов понимали без скуки
и «Led Zeppelin» дивный рассказ –
их скрипучие хриплые звуки
были райским напевом для нас.
Но с тех пор мы прочистили уши,
и сегодня живя, как пример,
диски малые вместо «вертушек»
мы вписали себе в интерьер…

Глава 264. ДЕЛÁ ОТ ДУШИ (О сáмом главном)

Странно, конечно, звучит, но иногда Кулемзин обнаруживал в себе любовь к человечеству – одну из тех восьми древнегреческих любвей, которая именуется *агапе*, или бескорыстную любовь. Правда, он и раньше не сильно страдал мизантропией, просто у него не было причин любить человека только за то, что тот является существом одного с ним вида и имеет мозг вéсом около двух килограммов. И кто знает, может, по этой причине, а, может, и по какой-то другой, но однажды он уселся перед монитором, внимательно посмотрел на клавиатуру и написал красивыми буковками на виртуальном листочке название будущего произведения:

РУССКАЯ КОЧЕРГА

или
Трагикомедии смутного времени,
когда курс доллара сменил курс партии
(Мениппея-библия XXI века)

С тех прошло уже немало времени, пока скромная, как одинокая золотая жи́ла, повестушка в 100 страниц начала превращаться в полновесное золотое месторождение, начав осваивание которого, невозможно было остановиться, ибо обнаруженный пласт оказался просто неисчерпаемым. Нельзя сказать, что писание того огромного романа, коим занялся Альбионыч, заняло всё его время, – вовсе нет, всего лишь каких-то 2-3 часа в день, а вот то, что оно овладело всем его существом, проникло во все клетки его могучего организма, – сказать можно. «Одно из главных достоинств творчества», говорил он на встречах с читателями и почитателями, «это то, что нельзя быть рабочим и не работать, но можно стать писателем, даже если тебя никто не читает!», а себя со временем стал скромно именовать членом Союза Поклонников Собственного Таланта.

Судьба, как нужно, всё со мной наладила,
и больше у неё я не просил:
меня с пером родиться угораздило,
за что родителям моим – merci!

И всё-таки который год Володя находился в раздумьях: писать эту глобальную книгу, которая может изменить сознание многих людей, или нет. Иногда он представлял, какой песчинкой она будет среди мириадов так и не изменивших мир произведений, и ему становилось трезво и холодно. Но, перечитывая Альбера Люсьеновича Камю, Томаса Томасовича Манна или Жан-Поля Жан-Батистовича Сартра, он опять и опять приходил к мысли сотворить что-нибудь понятное, причём, не только для русскоязычного читателя, но и для поглотителя книг, так сказать, мирового, хотя по настоящему о переводе своего произведения не задумывался – дай, *дедушка*, дописать его хотя бы по-русски!

Так что же его (Володю, а не *дедушку*) останавливало? Глобальность задуманного? Невозможность объять необъятное? Нежелание вынести внутренние споры сам с собой на всеобщее обозрение? Нет и ещё раз нет, говорит вам автор этого фолианта. Просто наш герой чувствовал, что его философия так и не будет удовлетворена написанием подобной книги, и тайны бытия, терзающие его, так и останутся нераскрытыми. Тогда выходит – зачем писать?

Неужто для себя блистаю,
а для других мой блеск – запрет:
зачем писать, коль не читают,
а книжку тащат в туалет?!

Но начавшийся однажды зуд продолжался, и саксаульскому литератору порой становилось странно, что этот зуд не может пройти так долго. Он утешал себя тем, что, может, именно в процессе творчества и должна придти некая развязка? Ведь жизненная дорожка многих писателей – тому свидетельство: ежедневно на нашей маленькой планетке рождаются и умирают тысячи людей, но среди них время от времени появляются и исчезают именно писатели.

Длинными летними вечерами и короткими ночами, когда за окном его квартиры всё успокаивалось, и даже тишина становилась плотной и объёмной, он просто сидел перед камином и думал на старую для любого творца тему: а для чего же человек пишет книгу? Марсианин, познав земную жизнь во всех её ракурсах, давно понял, что нравственность существует сама по себе, и никакая книга ничего в ней не изменит, да и культура в целом тоже развивается по собственным законам. Тогда что – написать книгу для того, чтобы появилось несколько рецензий? Чтобы её раскупили люди, с которыми я, автор, вообще не

желаю знаться? Для кого же я тогда пишу? Да для себя, яйчики-бабайчики, ведь это только моё личное дело – наравне с клепто- и прочими маниями!

О, как же жизнь да и судьба трудна,
как мало от других порой отличия,
но привлекает мания одна –
сиятельная мания величия!

У Кулемзина на многочисленных пóлках стояли тысячи интересных книг, он глядел на них туманным взором и думал при этом: ну и что от того, что они стоя́т? Кто-то время от времени их читает, кто-то тешится диссертациями по ним, кто-то ими торгует, кто-то болеет собирательством. Но в принципе книги живут сами по себе. Мы как-то не привыкли содрогаться от мысли, что вот, мол, были люди – писали такие вещи! Нет, всё обыденно, ибо полагать, что книга пишется во имя культуры – наивно, а что для денег – подло.

Он давно понял, что любая книга (если, конечно, это не *самиздат* графомана) пишется для равновесия души, что изданная в переплёте бумажная книга – это такое же природное явление, как гроза или извержение вулкана.

Странные мысли! – воскликнет мой читатель, который, видимо, так и не смог привыкнуть к эдаким взбрыкам мозга нашего героя. А он (герой, а не мозг, хотя и мозг тоже) может на это возразить, что недаром в этих толстых книжках так много и коротких стишат, и стихов чуть подлиннее, ведь именно они и препятствуют тому, чтобы не сойти с ума писателю, который, как Жак-Ив Даниэлевич Кусто, всё глубже и глубже погружается даже не в мировые проблемы, а исключительно созданные в его неугомонной тыкве.

Да, это так: самое трудное в работе поэта – противостоять безумию. Альбионыч давно понял, что поэтическая строка всегда искусственна – она привязана к рифме, ритму стиха, попытке сделать её не естественной, как людская речь, а всего лишь искусственно красивой. И вот эти напряжения ума сдвигают в поэте планку на тот самый сантиметр, на тот самый дюйм, который уже никогда не совпадёт с мыслью обычного человека – не поэта.

Непостижимо всё в поэте:
вот только что в строке отверг
он во Вселенной три планеты,
где явно жить мог человек!
И потому не надо квакать:
мол, автор явно был нетрезв,
ведь это не садизм, однако,
а просто творческий процесс…

Глава 265. ДЕЛÁ ОТ ДУШИ (О сáмом главном, окончание)

Ответственный квартиросъёмщик поворошил угли в камине и продолжил своё странное для постороннего наблюдателя мысленное исследование. В сердце каждого поэта, думал он, наверняка есть свой код, который и позволяет ему добывать драгоценные слова́ и фразы прямо из ничего, хотя многие экзальтированные дамочки, с коими ему пришлось общаться на поэтическом сайте stihi.ru, говорили, что эти безумные строки им кто-то диктует прямо из космоса, а некоторые даже утверждали, что из Космоса!

Сам же он, в котором напрочь отсутствовали глупые амбиции по поводу своей гениальности, давно понял для себя, насколько же хреново вообще быть русским поэтом-классиком: всю жизнь стараешься, пишешь изо всех сил, придумываешь что-то невероятно красивое, а потом тебя в третьем классе просто *проходят*!

Мне позавидует Бальзак,
ведь у меня идей – рюкзак!

Поэтому ежедневное служение русскому слову – служение неспешное, без лишних (прости, русский язык!) экзальтаций и аффектаций, для него было просто работой, обычным трудом писателя-надомника. И именно в этом Володя был сравним, пожалуй, с одним древнерусским историческим героем – летописцем Пименом, который, как известно из источников, им же самим написанным, говорил о себе так:

Свидетелем господь меня поставил
и книжному искусству вразумил…

Альбионыч часто думал о том, что, пожалуй, за всю историю именно русской литературы не было написано ни одной книги, в которой прямо или косвенно не упоминалось бы о так называемой душе́, которую никак не могли отыскать медики, но где-то она всё-таки пряталась.

Понятно, что давно уже разобраны по косточкам все существующие душевные качества и даже определены грузоподъёмность и ёмкость человеческих душ, давно уже найдены применения как живым, так и мёртвым душам, давно научились их закладывать и отводить, душами научились кривить и отпускать их, бедных, на покаяние, от их имени дарить подарки и делать гадости. Также давно изобретены для души занятия, пища и даже праздники. В душу научились влезать и заглядывать в неё – нет ли там чего-то ценного и полезного для жизни?

Значительно ближе к нам по времени научились даже распознавать душевные болезни, а иногда и лечить их, и всё равно до сих пор люди убеждены, что чужая душа́ – это потёмки. Но если чужая потёмки, то своя – вообще непроглядная темень!

Не потому ли старая мысль глодала нашего героя снова и снова: настоящий писатель всегда одинок – в том смысле, в каком были одиноки Гоголь и Достоевский, Толстой и Чехов, Ахматова и Булгаков, Грин и Маяковский, Пастернак и Солженицын. И, конечно же, Сергеич, кому принадлежат эти горькие строки:

Ты царь: живи один.
Дорогою свободной
иди, куда влечёт тебя
свободный ум…

Володе в спорах с оппонентами возражали: и у Пушкина, и у Булгакова, да, наверное, и у Гоголя тоже были же, были дорогие им люди. Но люди для писателя, возражал Альбионыч, – это не более чем материал для изучения жизни, куры, которые в перьях и навозе не представляют никакой ценности, а вот в супчике – самое то. Крамола? Наверное, говорил он и добавлял: где-то рядом со мной мои (слава Случаю!) ещё живые родители, хороший умный брат, да и дети, кроме московского Вована Вованыча, наверное, где-то есть. Всех этих людей я люблю, и, скорее всего, даже больше, чем самого́ себя (уж себя я знаю лучше других). Так почему же тогда я ощущаю себя таким одиноким в своём Слове, своём Стихе, своей Книге? Может, потому что я – настоящий писатель?

(И именно в это время случился некий казус, которых и так много в нашем фолианте – в тот же миг уже основательно набравшийся за день художник Муравлёв, который сидел на полу в коридоре своей квартиры, не в силах добраться до кровати, неожиданно всхлипнул, параллельно с Кулемзиным думая свою горькую думу: «Так почему же я ощущаю се-

бя таким одиноким в своём мольберте, в своих красках, своей квартире? Может, святой Малевич, потому что я – настоящий художник?»)

А у нашего главного героя никак не кончались мысли. Любая книга, думал он, должна быть либо произведением искусства, либо вызовом обществу – другая цель литературной работы просто нелепа!

Как славен тот, кто может знать,
что он – никто. Но в день прекрасный,
свободный от трудов напрасных,
он с лёгкостью любови страстной
коснётся кистью иль пером
всего того, что есть кругом –
деревьев, листьев, звёзд... И сразу
померкнет *дедушка* и разум,
и мир состарится, и в нём
возникнет новый, где огнём
сжигая ложь, старьё и тени –
сгорает гений...

А завершились сегодняшние вечерние мысли Кулемзина тем, что он неожиданно осознал странный факт: сочиняя своё великое произведение, наш литератор использовал тот язык, который знал лучше остальных, то есть русский, и вот сейчас невольно обратил внимание на факт, что именно в этом языке все синонимы слова *страна* были тоже женского рода – например, отчизна, держава, родина, и только одно *отечество* среднего рода как-то стыдливо стояло чуть в стороне…

А чтобы мой читатель поскорее забыл все приведённые выше строки, навеянные больными рефлексиями нашего главного героя, вот тебе строки весёлые, которые можно помнить всю жизнь и даже рассказывать их внукам на Новый год, стоя на табуреточке и зарабатывая мандаринку. Итак, басня «**О глупых враках**»:

Склодовская с фамилией Кюри
однажды в старости уран себе достала –
она от Резерфорда услыхала,
что у урана радий есть внутри.
Она в лабораторию заходит,
свет гасит и с урана глаз не сводит,
вертит ураном так и сяк:
то растолчёт его, то в кислоте разжижит,
понюхает его, потом полижет –
уран не действует никак!
«Тьфу, пропасть!», говорит она.
«Ведь тот дурак,
кто слушал Резерфорда глупых врак!»

♠ ♠ ♠

А от урана только опухоль и рак!

Глава 266. ПРАВДИВЫЕ РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ

Писатель земли русской и саксаульской глянул вначале на часы, отметив, что они только что пробомбомкали 10 раз, хотя умные учёные и утверждали, что наступило аж 22 часа, а затем посмотрел в окно, в котором по причине позднего времени не было видно ни

хрена. Сумрак, помноженный на воспоминания о прошедшем дне, не придавал бодрости и оптимизма. Небо было большим и бездонным, словно Космос пробился сквозь заслон атмосферы и…

И здесь Володя вспомнил, что традиционно завершал каждый том своего великого романа какими-то сказочками о Ленине. «А не нарушить ли немного эту традицию, предложив моему читателю целую серию коротких, но правдивых рассказов о ВМП[430]?», подумал он, после чего тут же воплотил задуманное в свершённое. Итак, 12 историй…

Жил да был на свете Ленин –
лысый, маленький, холёный,
а поставил на колени
и угробил миллионы!

[430] ***Вождь мирового пролетариата – прим. ист. редактора***

1

Иногда Надежда Константиновна Крупская начинала перечитывать работы Владимира Ильича, и тогда из её комнаты неслось:

– Бездарь! Импотент! Что ты пишешь? Да ты же не можешь отличить настоящей проститутки от политической!

– К’гитикует, – вздыхал тогда Ильич и уходил к Инессе Арманд, объясняя:

– У Надюши опять к’гитические дни!

2

– У меня со львами разговор ко’готкий! – кричал вечерами Владимир Ильич, винтовкой гоняя Троцкого по коридорам Смольного. Надо сказать, что Ленин страстно любил сафари, но позволял себе эту буржуазную причуду только после работы…

3

Владимир Ильич очень любил разговаривать с часовыми. Бывало, возьмёт часового за пуговицу и рассказывает о классовой борьбе, пока тот замертво не упадет. Так и проходил везде без пропуска!

4

Ленин очень любил перечитывать роман Чернышевского «Что делать?». Однажды он так и сказал Надежде Константиновне:

– Знаешь, Надюша, великая вещь этот ‘гоман! Я ведь ‘газ 40 п’гочитал, а что делать, так и не понял!

Сидел Ильич и ел гуся,
храня в душе такую веру:
когда-нибудь Россия вся
последует его примеру…

5

Владимир Ильич очень любил Феликса Эдмундовича Дзержинского. Бывало, встретит его больного, вздохнёт и встревоженно скажет:

– Поезжайте лечиться, батенька. Ваше здо’говье – а’гхиважное дело для нашей па’гтии!

А сам путёвкой помашет – и в карман. Уж больно ему нравилось, как Феликс Эдмундович кашляет…

6

Однажды Ленин, вернувшись от Инессы Арманд, написал статью, но не мог придумать название. Читал, читал – и сам ничего не понял, а потом дал Надежде Константиновне посмотреть. Та хитро улыбнулась и говорит:

– А назови её, Володенька, «Материализм и эмпириокритицизм»

И как потом, сволочь, каждый раз хохотала, когда Владимир Ильич название статьи не мог выговорить!

7

Владимир Ильич очень любил задавать каверзные вопросы. Например, «С чего начинается Родина?». И сам же отвечал:

– Это же п’госто, това’гищи! С буквы ‘Г она начинается!

И начинал хохотать, ущипнув Феликса Эдмундовича.

Да будь я и негром преклонных годов,
и то, без унынья и лени,
я русский бы выучил только за то,
чтоб им не картавить, как Ленин!

8

Надежду Константиновну кое-что не устраивало во Владимире Ильиче, и иногда она ему об этом напоминала. А Ленин на это, не смущаясь, отвечал:

– Лучше меньше, да лучше!

9

Владимир Ильич и Надежда Константиновна часто ходили в кино, чтобы спокойно целоваться, не боясь вмешательства Дзержинского.

Кстати, Ленин так однажды и написал: «Важнейшим из искусств для нас с Надюшей является кино!». А потом однажды сходил в кино с Инессой Арманд, и Надюшу сразу же вычеркнул!

10

Когда Владимиру Ильичу докладывали, что его Лев Троцкий в приёмной дожидается, он спрашивал:

– А А’гманд там нет? Жаль... А к п’гоституткам я не хожу!

11

Вообще Ленин был редкостный полемист. Как пойдет сыпать апрельскими тезисами, только успевай голову руками прикрывать. Переспорить его мог один Феликс Эдмундович. Как начнёт, бывало, кашлять, и кашляет, и кашляет, пока у Ильича тезисы не кончаются. Только так в правительстве и сохранялся плюрализм мнений…

12

Владимир Ильич часто заваливал дымоход кирпичами – уж больно любил, когда к нему печников вызывали. Иногда даже Надежду Константиновну спрашивал:

– Как ты думаешь, дог’огая, кого сегодня лучше вызвать – печника или ходока?
Надежда Константиновна тогда отвечала:
– Сам ты, Володя, ходок ещё тот! Печника зови!

Некто и печник

В Горках знал его любой,
старики на сходку звали,
дети попросту, гурьбой,
чуть завидят, обступали.
За версту – как шёл пешком –
мог его узнать бы каждый,
только случай с печником
вышел вот какой однажды.
Видит издали печник,
видит: кто-то незнакомый
по лугу по заливному
без дороги – напрямик.
А печник и рад отчасти:
по-хозяйски руку в бок,
ведь при нашей прежней власти
пофорсить он разве мог?
– Эй ты, кто там ходит лугом!
Кто велел топтать покос?! –
да с плеча на всю округу
матюгами и понёс.
Разошёлся, а прохожий
улыбнулся, кепку снял.
– Хорошо ругаться можешь! –
только это и сказал.
Но печник – душа живая,
знай меня, не лыком шит –
припугнуть ещё желая:
– Как фамилия? – кричит.
Тот вздохнул, пожал плечами,
строгий, ростом невелик.
– Путин, – просто отвечает. – Путин!
Тут и сел старик...

♠ ♠ ♠

Есть мораль у этой сказки:
мог бы дед спокойно жить,
если б он кому попало
не повадился грубить!
Надо знать, кто тут начальник,
и чтоб так не погореть,
надо просто регулярно
теленовости смотреть!

Глава 267. НОЧНОЙ БЕРМУДСКИЙ УЧПУЧМАК

Сумрак, помноженный на воспоминания о прошедшем дне, не придавал бодрости и оптимизма. Небо было большим и бездонным, словно Космос пробился сквозь заслон атмосферы и приблизился к Земле, извещая, что день растаял, как случайный снег в апреле. В мелких лужах на асфальте плавали листья, машины шли медленнее обычного, с зажжёнными подфарниками, в городе стало заметно тише – звуки словно вязли в густом тумане. На просторах Бермудского Учпучмака, который, сам того не желая, был слепком всего Отцеябловска, хотя и весьма оригинальным, этой ночью стояла такая тишина, что было слышно, как куда-то уходит жизнь.

Альбионыч глядел в окно, чуть подняв голову, и замечал многие вещи, совершенно не видимые днём. В быстро темнеющем небе серебряной монеткой отсвечивала луна. Звонко роились мерцающие звёзды и другие блёклые тела невыразительной Солнечной системы. Родную марсианину Землю ровно освещали яркие пятнышки созвездия Весов, и Володя вспомнил, что оно всегда нравилось ему своей неагрессивностью, потому что было не бодающим, не кусающим, не стреляющим, а обычным созвездием с техническим уклоном.

Масштабы Вселенной – пока нераскрытый секрет:
созвездия россыпью, словно богатства из сказок,
и звёздные ветры стремятся к орбитам планет,
внося в атмосферу палитры невиданных красок…

Но вот ночное небо прочертила оторвавшаяся от коллектива Вселенной звезда, и, как бы сознавая своё бессилие перед тишиной, её пошел догонять одинокий собачий вой. Тлеющие вполнакала фонари улицы Жубанова печатали на земле узорчатые тени. Огромным чёрным парашютом на Отцеябловск опустилась душная южная ночь.

И тут писателю показалось, что духота вдруг уплотнилась, и он понял, откуда взялось это чувство: в его скромной двухкомнатной квартирке (исключая спрятанные марсианскими технологиями ещё 6 комнат-трансформеров) ему просто стало тесно. Он посмотрел в окна спящих домов №№ 16 и 18, стоящих справа и слева от его жилья, и заметил, что их освещённые квадратики перемежались с тёмными, и это делало картину похожей на огромный пасьянс.

«Надо выйти», подумал Кулемзин и, не откладывая решения, тут же его осуществил. Стремительно преодолев несколько метров тёмного подъезда, он оказался на так называемой улице, хотя до настоящей улицы Жубанова было где-то метров 20, но сзади него, а нужно было идти вперёд – в благословенный Бермудский Учпучмак. Глаза ночного ходока горели, как присыпанные горячим песком, в темноте угадывались незнакомые очертания предметов, казавшиеся мрачными и угрожающими.

Ночью Великий Игровой ▲ представлял собой абсолютную пустоту или, как писал в своих забубённых романах некий Вл. Горький, зону максимального отчуждения. Тишина, царившая здесь в этот час, была практически полной, и лишь какой-то загулявший сверчок вносил в неё свои нехитрые коррективы.

Мы все сверчки, заложники времён,
хоть мал ты иль велик, ничтожен иль умён:
наступит срок, и сменится эпоха –
кого-то вознесёт, кому-то станет плохо…

Бермудский Учпучмак наш герой, не лишённый литературных рефлексий, ночью называл «местом частых созерцаний и редких вдохновений», как, например, могла бы заметить в своих дневниках какая-нибудь придворная японка времён упадка правления рода

Фудзивара, – лет эдак за сто до начала сорокалетнего периода Гэмпей, если бы она не была плодом воспалённого воображения автора нашего правдивого повествования.

Марсианин подошёл к месту дневных сражений и потрогал покерный столик – даже ночью он был тёплым, как женская ладонь. Чуть шершавый металл бледно освещала потерянно висевшая луна, чей свет сегодня казался особенно ясным, холодным и далёким, как справедливость, которую мы все ищем, но никогда не находим.

Стих ветер. Звук шагов негромок,
везде становится светлей.
Луны нечаянный обломок
плывёт, качаясь, меж ветвей.
Как платья, пали тени с веток,
всё кругло, в мире – ни угла,
и ткань медлительного света
как шёлк, предметы облегла.
И времени исчезли чары,
и так мне просто и светло,
как будто будет всё сначала,
что было или быть могло…

Володя стоял в са́мом центре Бермудского Учпучмака и крутил головой, пока не увидел, как в нескольких чёрных ночных окнах окружающих домов сквозь водяную мелкоячеистую сетку дождя начали биться мертвенные синеватые сполохи, то теплея и становясь коричневыми, то исчезая вовсе. Судя по тому, как они слаженно вспыхивали и гасли, все саксаульцы в своих квартирах смотрели один и тот же дурацкий сериал про счастливую заокеанскую жизнь. Но вот погасли последние огоньки, практически все окна уже были тёмными, как душа коммуниста Курманбаева, и только одно окно в доме № 16, на третьем этаже, светилось – это была квартира *разведёнки* Тамары.

В чужом окне чужая женщина не спит.
В чужом окне она в судьбу свою глядит.
Чужая женщина в чужом окне гадает:
какая карта ей сегодня выпадает?

«Зачем мне всё это?», думалось литератору при виде зияющей бездны космоса. «Вот моя маленькая жизнь, этот мизе́рный атом, неразличимый среди миллиардов других, тёплый слабый сгусток живых клеток, никому особенно и не нужный, кроме разве что близких родственников. Зачем у меня в голове так больно и страшно ворочаются космические глыбы чужих времён, пространств, зачем грохочут описываемые и вспоминаемые во́йны, и ночь светлеет от пламени, и день чернеет от дыма?»

Внезапно он вспомнил знаменитые слова старика Канта о звёздном небе над нами и нравственном законе внутри нас, и подумал о том, что законы добра давно уже волнуют нас всё меньше, и мы уже почти не верим в их существование, вполне полагаясь на законы общественного развития.

Другое дело – звёздное небо: оно слишком зримо, слишком очевидно, чтобы можно было в нём усомниться, оно влечёт нас к себе и вызывает страх. Ничто, как мы знаем, не притягивает нас с такой силой, как нечто, внушающее нам страх. Оттого, наверное, и влекут нас к себе всякого рода зло, жуть знания о мире, пугающая возможность любви, страшная правда о себе и разномастная власть. Оттого и манит нас к себе звёздное небо Иммануила, полное загадочных и незнакомых тел.

Порой осознанно, но чаще безотчётно, иногда буквально, но больше в мечтах, стремимся мы приблизиться к источнику страха, дабы ещё более усугубить его, насладиться им сполна, испытать его в крайней мере – однако, в той лишь мере, чтобы адреналин не разорвал нам сердца́, или чтобы сам источник страха не погубил нас навсегда…

«А ведь жить – это счастье», просто подумал наш герой, после чего вспомнил свою старую фразу, навеянную не разумом, но сердцем и само́й жизнью:

Счастье есть сумма несчастий,
которых удалось избежать…

В несчастьях и счастьях ты креп и мужал,
себя разрывая на части.
Но вспомни, чего нынче ты избежал,
и тихо порадуйся счастью…

Альбионыч в последний раз перевёл взгляд на небо и, дождавшись падения какой-то, по-видимому, не очень важной и нужной звезды, загадал сокровенное желание и только после этого вновь зашёл в дом.

Глава 268. НОЧНЫЕ ЗВОНКИ

На тёмном небе виднелась какая-то белая тропа из разреженного воздуха – закрученная и петлистая, как пуповина. Володя подумал, что когда-нибудь именно по этой тропе он и возвратится в покинутую им утробу – во Вселенную. Он посмотрел на небо, манившее своей бездонной синевой и неизвестностью, и подумал, что, может быть, только там можно обрести настоящее счастье, потому что здесь, на Земле, оно всё не даётся в руки.

А что же остальные герои нашего романа? А они вели себя по-разному: кто провалился в сладкий алкогольно-сонный дурман сразу же, как только добрался до своей квартиры, кто ещё немного пободрствовал, выискивая по холодильникам и заветным углам винно-водочные заначки, а кто уже успел поспать часок-другой и теперь, раз выпить нечего, жаждал немного пообщаться.

Когда Полтавцев наконец-то дополз до своей квартиры, он с удивлением увидел, что с этого момента у него появился квартирант, а, вернее, квартирантка. Это была его подруга Зуля, которая уже несколько дней не приходила к нему в гости – по причине затяжного финансового кризиса сторожа. Но вот сегодня она сама получила аванс в автобазе, где работала сразу на трёх должностях: уборщицы, дворника и курьера – между четырьмя зданиями родного автопредприятия.

И враги мои не смогут
волюшку мою отнять:
я работаю помногу –
чтобы мало получать!

– Серёжа, – торжественно проговорила она. – Смотри, что у меня есть!

И показала Афанасьичу бутылку вина «Розовое креплёное»

– Ого, мать честна́я! – только и сумел вымолвить охранник, потянувшись к бутылке, как младенец к сиське.

– Нет-нет, постой, – отвела его руку подруга. – Вот скажи мне, чего ты хочешь больше всего?

– 200 грамм и шаурму! – без запинки выпалил ответственный квартиросъёмщик.

– Да нет, – поморщилась Зуля. – Скажи мне, что ты хочешь, в кровати…

– А-а-а, – понял сообразительный и, не раздеваясь, резко нырнул в мятую постельку, после чего, укрывшись нечистой простынкой, умильным голосом сообщил требуемое:

– 200 грамм и шаурму…

В голове духовный скрежет –
строчку эту запишу:
«Я стопарик тихо врежу,
шаурмою закушу!»

– Придурок! – взвизгнула подруга и, схватив бутылочку, стремительно выскочила из полтавцевского гнезда.

– Стой! – заорал тот голосом Остапа Бендера – в момент, когда у него украл колбасу отец Фёдор[431], но трезвая Зуля была проворнее своего пьяного дружка.

Афанасьич, поняв, что только что распрощался со своей очередной мечтой, на всякий случай проинспектировал пустой холодильник, а затем ещё раз поместил своё истомлённое сегодняшними битвами тело в холостяцкую кроватку. «Надо позвонить Альбионычу – посоветоваться!», решил он, выбрался из кроватки обратно и кое-как набрал заветный номер, после чего спросил у писателя:

– Володя, царица лесная, заснуть не могу. В чём дело?

[431] И. Ильф и Е. Петров «12 стульев», глава XXXVIII – прим. лит. редактора

Кулемзин вопросу не удивился, а ответил настолько просто, чтобы было понятно даже такому придурку, каким являлся Полтавцев:

– Однажды, Серёжа, у меня было тоже самое: пришла бессонница, да такая, что заставила меня, как дурака, считать овец. И вот считаю я, считаю, досчитал до конца, и вдруг последняя овца говорит: «С добрым утром!»

– А-а-а, – понял сторож, положил трубку и вновь оказался в кроватке, где тут же принялся за устный счёт, чего не делал со времени своей учёбы в начальной школе деревни Семижопино:

– Одна овца, две овцы, три овцы, один баран… А ты, дурак, как здесь оказался?!

Эта ночь сложилась как-то странно –
не случилось нам с тобой поспать:
я считаю медленно баранов,
без тебя измяв свою кровать!

Засыпая, он не переставал сожелеть об упущенной возможности и думал горькую думу: «Вот мне Володя как-то раз говорил, что противоположности сходятся. Почему же тогда я никак не могу сойтись с какой-нибудь умной, красивой и богатой женщиной, у которой на кухне стоит большой и вместительный холодильник со вкусной жратвой?», после чего наконец-то заснул.

Сон упал на него, как египетская пирамида, и под многотонной тяжестью, которая не позволяла двинуть рукой или ногой, он точно умер. Спящий Полтавцев напоминал большую угрюмую птицу, прилетевшую откуда-то из мезозоя.

Волшебная ночь располагала к откровенности, но поговорить было не с кем. Как это не с кем?!», возмутился автор этих строк. «А я на что? Неужели я брошу своих героев в этот ответственный момент, неужели не дам им насладиться общением с собутыль… тьфу, сопокерниками, собермудцами и соучпучмакцами?!»

Сказано – сделано.

Сценариста долбил режиссёр:
«Эх, писака ты мой дорогой,
если б было проделано всё,
что промолвлено было порой…»

Не сразу смог отойти в царство Морфея Гипносовича и педагог Курманбаев, которому страшно мешали уснуть прибыли зарубежных нефтяных корпораций. Нуртай в тоске гладил себя по ночной рубашке в области израненного володиными выпадами сердца и неторопливо подводил итоги дня, сладострастно записывая в заветную книгу жизни, сколько же бутылочек «Тянь-Шаня» ему сегодня досталось на халяву. Эта процедура немного успокаивала изнервниченного преподавателя еврейского колледжа, хотя все, и даже мои читатели, уже знают, что он раньше полуночи всё равно никогда не укладывался, так как по стойке смирно слушал гимн своей демократической родины.

Неспокойно в нашем мире,
у меня ж – наоборот:
гимн звучит в моей квартире –
значит, точно патриот!

После такого замечательного произведения спать расхотелось вовсе, потому что Мусаича начали одолевать мысли о родине, КПСС (б), как оплоте всемирного рабочего движения, и почему-то о директоре еврейского колледжа, где он работал, – Бенике Мойшевиче. Наконец он (Мусаич, а не Беник Мойшевич) не выдержал и позвонил своему идеологическому врагу – с тайной мыслью о том, что Володя обязательно посоветует ему что-нибудь, а он, как настоящий ленинец, обязательно сделает наоборот.

– Володя, это я, – без предисловий начал он разговор.

– Нет, Нуртай, – справедливо возразил писатель. – Володя – это я.

– У меня бессонница, мать моя партия, – пожаловался Курманбаев.

– Что, мальчики кровавые будят?

– Да я чувствую себя как-то неуверенно – наверное, из-за этого сон не приходит, – развернул жалобу педагог.

– А ты купи себе «Old Spice»[432], – вспомнив рекламу, ответил марсианин. – Только с ним ты почувствуешь настоящую уверенность!

[432] «Старая пряность» – англ.

Ночью мечты считаются снами.
Днём мечты считаются мыслями.

– Да я как-то не очень воспринимаю эти буржуазные названия, – ещё раз пожаловался на недостаток образования саксаульский ленинец.

– Тогда встань прямо сейчас, сходи к магазинчику Калимы, достучись до ночного продавца и купи себе бутылочку чего-нибудь лёгкого.

– Может, бутылочку лёгкой водочки? – загорелась надежда у Мусаича, но тут же погасла, так как тратить семейные деньги на такие легкомысленные напитки в его семье было строго запрещено.

– Да, – пожелал ему счастья философ, – литровую бутылочку самой лёгкой водочки.

И, в отличье от животных,
тянут что из ручейков,

водку пью я так охотно,
что становится легко!

После этого педагог тихо, чтобы не разбудить жену и детей, положил трубку и погрузился в сладкие сны о борьбе с оппортунизмом и разгильдяйством, которые точно являлись очередными сюрреалистическими продолжениями дневного бытия. От осознания того, что он только что сэкономил семейные деньги, которые мог бы неразумно потратить на спиртное, заснул Нуртай с удовольствием и во сне даже причмокивал губами.

Много хороших снов довелось увидеть Курманбаеву в эту ночь, но особенно запомнился ему один – о своём славном прошлом. Во сне он перелистывал календарь и думал о том, что на понедельник, как всегда, запланирован инструктаж комсомольского состава студенческих стройотрядов. И он готовился к нему, выписывая в тетрадочку слова́ Леонида Ильича Брежнева об этом надуманном движении. Слова́ ему очень нравились, они были правильными и такими мудрыми, как будто писал их не один человек, а некий коллектив авторов.

Оттого я обеспечен,
что зарплата словно дождь:
за вождя пишу я речи,
но читает речи вождь!

Впрочем, проинструктировать исполосованных нашивками и надписями стройотрядовцев он мог и безо всяких тезисов, вот только во сне откуда-то знал, что в свой понедельничный инструктаж ему надо было обязательно вставить слова из последнего циркуляра ЦК ЛКСМ Саксаулии (б), а вот вспомнить их он никак не мог!

Ещё один звонок Кулемзину пришёл от его нерегулярной подруги Стеллы, которая уже который день мучилась мыслями о том, как же неразумно она поступила, написав кровавую надпись на зеркале – своей помадой. «Надо было как-то помягче», в смятении думалось ей. «Хотя разве такой подлец что-нибудь поймёт?!»

Володя совершенно не ведал, что говорят в таких случаях, поэтому спросил ночную абонентшу то, что первым пришло в голову:

– Стелла, как ты думаешь, что может быть страшнее предсказуемой непредсказуемости?

– Только непредсказуемая предсказуемость! – уверенно ответила его недавняя гостья – словами, которые первые пришли в её голову.

Альбионыч поспешно отключился, и пока абонентша не позвонила ему снова, срочно включил её в так называемый *чёрный список* – до утра.

Разлуки истовые свечи
в сердцах пылают до венка.
Ужель пароль повторной встречи
впечатан в нашу ДНК?!

Глава 269. НОЧНЫЕ ЗВОНКИ (окончание)

С трудом добрался до своего второго этажа старший прапорщик Батыршин, который в строгом соответствии с пунктами устава, где говорилось о пеших переходах войск во время войны, отдыхал 5 минут после каждой девятой ступеньки. Затем он с нескрываемой радостью обнаружил, что дверь в его квартиру была открыта, потом пришёл в ужас,

что за время его отсутствия пришёл кто-то из еврейских родственников, затем была снова радость – оттого, что, во-первых, никто из родни не пришёл, и, во-вторых, что жильё не обворовали.

Он напился холодной воды, но не на кухне, куда было идти дальше, а из крана над ванной, попутно слушая ручеёк в унитазном бачке, который с каждым глотком Талгата урчал всё глуше, словно тоже собирался укладываться на ночь. В голове трубача вдруг возникла нелепая мысль: «Надо кому-то позвонить», и он несколько минут пытался перебрать в памяти всех своих знакомых, пока не наткнулся на Альбионыча, который знал всё на свете. И тогда обер-корнет вспомнил, какой вопрос мучил его уже несколько дней.

В голове шумят поносы,
на мозгах как будто шлем!
Страшно мучают вопросы:
где, когда, почём и с кем?!

Кое-как набрав кулемзинский номер, он дождался ответного алёканья и по возможности трезвым голосом, хотя и получилось не очень, спросил:

– Володя, а вот интересно, как называются жители города Осло?

– Думаю, старичок, что мой ответ, яйчики-бабайчики, тебе не понравится, – вежливо ответил литератор.

Эти невинные в общем-то слова́ показались Батыршину такими страшными, что в военной тыкве вдруг стало стремительно повышаться давление. Перед глазами поплыли какие-то кружочки, а изнутри головы завёлся червячок с мелкими острыми зубками, главной целью жизни которого оказалось стремление выбраться из непутёвой и пустой талгатовской головы и обрести что-то более съедобное. Потом что-то щёлкнуло, и старший музыкант неожиданно погрузился в спасительный сон. Психиатры хорошо знают, что иногда в мозгах пациентов срабатывает вот такая защита, отключающая сознание. Попросту говоря, с нашим героем случилось то же, что бывает в электрической цепи при многократной перегрузке – автомат выбивает и свет гаснет!

Тока нет – и суматоха
началась среди квартир:
свет погас и стало плохо –
словно пива не хвати…

Наконец военный музыкант добрался до кроватки, куда упал плашмя, словно раненый в жизненно важный о́рган боец. Здесь с ним произошло что-то оглушительное, как будто в его тыкве раздался взрыв. «Убили», догадался Салихдзяныч, покорно умирая – до утра.

Пока тело и мозг военного спали, послушно и умело выполняя свою работу, его живая душа обрела неслыханную свободу. Забыв о существовании земной тверди и тверди небесной, она возомнила себя единственной обитательницей и хозяйкой безграничного пространства, которой никто не нужен в собеседники, соглядатаи и соседи: ни земные диспетчеры в сутанах, ни птицы, ни даже сам *дедушка*, ибо двум богам никак было не ужиться в одной Вселенной.

Во сне бедному прапорщику было очень жарко – в организме, под завязку напичканном различными нехорошими напитками, вовсю перегорала их спиртовая составляющая, разжигающая большой костёр из пропитых внутренних о́рганов. И всё же когда к нему, спящему, подошёл его друг старшина Кожамкулов – почему-то в милицейской форме – и строго поинтересовался: «Какую температуру вы предпочитаете – 40° по Цельсию или Фаренгейту?», шнапс-капитан уверенно ответил: «По Менделееву!»

Менделеев придумал водку
исключительно для мужчин,
чтобы тяпнув с порога стопку,
избавляться от всех кручин.
Чтобы после второй невзгоды
отходили на задний план,
чтобы можно былые годы
вспоминать без душевных ран.
Чтобы третья всегда за даму,
а четвёртая за мечту,
чтобы видеть вокруг не драму,
а гармонию и красоту.
Рюмка пятая снизит планку,
распаляя к любви аппетит,
без хирургов простую вакханку
в Афродиту она превратит.
Дорогой ты наш Дмитрий Иваныч,
жаль, не выдумал гений твой,
как поллитра выкушав на ночь,
не проснуться с больной головой!

И, наконец, последний звонок за сегодняшний нелёгкий и длинный день в Личном Место-Имении Кулемзина раздался строго в 23.00 – как будто абонент Муравлёв следовал некоему плану.

– А что, святой Малевич, Тихий океан все время тихий? – без всяких предисловий поинтересовался художник.

«Эко их сегодня всех разобрало – на такие лёгкие вопросы», подумал Володя, а вслух спросил:

– А ты не можешь придумать что-нибудь поумнее?

– Могу, – радостно согласился Николаич. – Скажи, пожалуйста, отчего умерло Мёртвое море?

– У тебя что, депрессия проснулась?

– Что ты, – разочаровал писателя живописец. – У меня не депрессия, а как бы лёгкая задумчивость якобы на фоне хронической усталости.

Смотрю в окно, в глазах черно –
весь день бухали мы вино…
Я оценил теперича
талантище Малевича!

– А Наташа не вернулась? – поинтересовался Альбионыч.

– Нет, – радостно задышал Валера.

– Да, засыпáть в одиночестве тяжело, – пожалел его литератор. – И просыпаться невесело. Но зато спать роскошно! Кстати, а ты чего звонишь?

– Да я поспал немножко, а потом проснулся и заблудился – вместо кухни забрёл в чулан и нашёл там какую-то книжку – без обложки.

– А кто автор? – поинтересовался литератор, который всегда интересовался творчеством других литераторов.

– Без понятия, – как на духу признался невольный читатель.

– Ну, тогда прочитай хотя бы несколько строк.

– Ладно, – согласился Николаич, – слушай: «Все проблемы бытия в основе своей суть проблемы гармонии. Они возникают из ощущения неразрешённого противоречия и конфликта, но вместе с тем и из предчувствия возможного согласия и единства. И если наиболее прагматическая, животная часть человеческого существа вполне способна мириться с неразрешённым конфликтом и противоречием, то для полностью пробуждённого разума такое примирение совершенно невозможно. Но обычно материалистическому сознанию удаётся преодолеть этот внутренний конфликт, либо закрыв глаза на существующую проблему, либо согласившись на примитивный, тёмный, утилитарный компромисс»[433]. И что это за хрень?

[433]Шри Ауробиндо «Жизнь божественная», глава «Блаженство бытия: решение проблемы», издательство «Амрита», 2001

– Не знаю, – вынужденно соврал Кулемзин, так как знал, но не хотел сообщать выпившему товарищу сложные названия и само́й книги, и только что процитированной главы, а вот моему читателю повезло больше, так как он может опустить глаза на несколько строк ниже и узнать эту тайну из приведённой ссылки.

Люблю я книгу без обложки –
нагую, мягкую уже.
Она лежит, раскинув ножки,
в чуть пожелтевшем неглиже.
Люблю я книги умиранье
впотьмах, на пыльных чердаках,
когда слепая, без названья,
она лежит, как птичий прах...
И только друг щелей сквозняк,
её страницами играя,
юбчонку задирает с краю,
нетерпеливый, как маньяк.
Люблю я завалиться с книгой,
её, как де́вицу, раскрыть,
и содержания ковригу
сжевать, сглотнуть и позабыть.
Что мне она? Уже другая,
обложкой новою сверкая,
спешит, невинная, ко мне!
Её познаю в тишине,
переберу её подробно,
страницы жадно вороша, –
пусть корчится на месте лобном
её бумажная душа…

И как только в муравлёвской трубке раздались короткие гудки, Валере непреодолимо захотелось спать, как будто в его организме, вот только что горячо циркулирующем, разом закончился завод. Уже всосавшаяся дневная выпивка подняла его над землей, и живописец медленно и легко поплыл, и это волшебное гидродинамическое состояние отделило его от толпы всех остальных жителей нашего нелепого шарика. Он (художник, а не шарик) коснулся головой грязноватой подушки и через секунду дрых, как пшено продавши.

♠♠♠

Долго в эту ночь не могла уснуть проводница Ира – после телефонного разговора со своей подругой Настей. Она очень завидовала ей, а сегодня зависть ещё и усилилась, особенно после вот такой фразы подруги:

– Ты представляешь, Ира, мой Толик знает, что я замужем, и всё равно спит со мной уже полгода. Какие же подонки эти мужики!

«Ах, как же мне хочется», подумала володина соседка, «мартини, фруктов и последствий!»

Кошмары снились антигерою нашего романа – бывшему советскому таксисту омуртаю. Сегодня во время поездок по городу в поисках хлеба насущного у его старой колымаги в который раз застучали клапаны, и ему пришлось заехать в автомастерскую. Но там на его предложение посмотреть машину мастер ответил, что если бы это была не *волга*, а лошадь, то лично он рекомендовал бы её пристрелить – чтоб не мучилась!

Плохо было и то, что омуртаевская супруга Анна Петровна, задыхаясь от духоты, забыла прикрыть окно в кухне, и маленькую квартирку хапуги тотчас оккупировали комары.

Сегодня ночью я не спал,
изнемогая от жары,
и свой кровавый ритуал
вновь исполняли комары...

Спал и остальной город, спал как тяжелобольной старик – неподвижно, безмолвно и почти бездыханно. Казалось, что он уже никогда не проснётся, придавленный к жёсткой, неуютной постели бременем прожитых лет, неустроенностью и полной безнадёгой нынешней жизни. И не мешали этому сну ни свет тусклых отцеябловских фонарей, ни даже звёзды, что светили сейчас не дыша и не мигая, как в почётном карауле у гроба товарища Сталина.

«Не забыть бы про очередную колыбельную», подумал наш герой и в тот же миг присоединился ко всему спящему городу

Глава 270. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ПЯТОГО ТОМА

Эта колыбельная была несколько необычной, так как несколько лет назад Володя, в то время работавший на одном российском стихосайте, написал её нá спор – всего в две рифмы! – и до этой страницы не показывал никому. Так что ты, мой читатель, как советский алкоголик (б), будешь третьим – после автора и проигравшего спор поэта. Итак…

.

Спи, мой ангел, тихо, сладко,
а не то получишь в лоб.
Спит животное лошадка,
спит растение укроп.
Спят в углу твоём рогатка,
мячик и калейдоскоп,
дремлет с двойками тетрадка,
засыпай, мой остолоп.
Спит в буфете шоколадка,
в сковородке эскалоп,
спят в кастрюле два початка,
а в стакане спит сироп.
На подушке спит заплатка,
сладко спит наш гардероб:
спят галоша и перчатка,
дремлет бабушкин салоп.
Спят медведь и куропатка,
дремлет стадо антилоп,
спит на дереве цикадка,
а на стенке дрыхнет клоп.
Молотилка спит и жатка,
в поле спит забытый сноп,
в огороде дремлет грядка,
а в стручке ночует боб.
Спят стерлядка и зубатка,
спит бархан, и спит сугроб,
спит в селе российском хатка,
а в Нью-Йорке небоскрёб.
Спит не севере канадка,
а на юге эфиоп, –

он во сне кряхтит с устатка,
белозуб и черножоп.
Спит в Китае азиатка,
дремлет в Венгрии набоб,
спят Машутка и Ванятка,
дремлют Вилли, Дик и Боб.
Спят Чукотка и Камчатка,
дремлет город Конотоп,
дремлет Киров (то есть Вятка),
и давно уснул Майкоп.
Меж крольчат храпит юннатка,
дремлет в шахте рудокоп,
на батуте – акробатка,
а в комбайне – хлебороб.
Спит на съезде делегатка,
а в приходе дремлет поп.
Спят метиска и мулатка,
спят еврей и юдофоб.
Спит сантехник наш Васятка,
а в кармане у него б
сладко дрыхнула б *десятка*,
кабы он не пил взахлёб.
Спят морячка и солдатка,
дремлют барин и холоп,
ортодокс и ренегатка,
филантроп и мизантроп.
Спит парашютист Игнатка,
притулившись между строп,
спит заморский страж порядка
под названьем скромным *коп*.
Спит в цитатнике цитатка,
спит в стихах изящный *троп*,
дремлет в книжице закладка,
спит поэт – пижон и сноб.
Спит брошюрка-самиздатка,
книга спит про Перекоп,
спит Эзоп, писавший кратко
(он, Эзоп, давно усоп).
Спит в журнале опечатка,
в анонимке спит поклёп.
В кошельке ночует взятка,
с ней в обнимку дремлет жлоб.
Дремлет шприц, со спиртом ватка,
спит на стёклышке соскоб,
в конвалюте спит облатка,
а в ушах – фонендоскоп.
Спят ключица и лопатка,
спит в кишечнике микроб,
спят яичники и матка,
спят плоды в тиши утроб.
Спят наядка и дриадка,
дремлют Аргус и циклоп.
Одиссейская повадка –
спать вдали от Пенелоп.
Спит рекламная прокладка,
эротично спит секс-шоп.
У иконы спит лампадка,
а в пробирке – изотоп.
Спит в бумажнике зарплатка
(кое-как главбух наскрёб).
Спит в дурдоме психопатка,
хахаль спит среди зазноб.
Спят чечётка и ламбадка,
буги-вуги и хип-хоп,
балалайка и трёхрядка,
три притопа и прихлоп.
Спит могильная оградка,
тих и нем в могиле гроб.
Дрыхнут туз, валет, девятка,
под тюрьмою спит подкоп.
Спят чума и лихорадка,
спят чесотка и озноб.
Дремлют порох и взрывчатка,
спят пожары и потоп.
Не тесна твоя кроватка,
спи и ты, мой губошлёп!
Не веди себя ты гадко,
как пяти-шести-кантроп…

Ночь была непрозрачна, но виделась поэту её исподволь просвечивающее *звучание* – как на картине Рембрандта *подмалёвок* бывает проложен белилами, и они просвечивают через все верхние слои и подсвечивают их.

Город был тих, пустые ночные улицы казались необычными, редкие запоздавшие машины проносились, будто стараясь успеть к завтраку. Жара спáла, и прохожие в этот поздний час попадались всё ещё достаточно часто – люди, измождённые ночным зноем и дневными испарениями, не спешили ложиться спать. На нагретых за день скамейках кое где ещё сидели старушки, в освещённых окнах беспокойно маячили фигуры саксаульцев, озабоченных завтрашним днём. И все они сейчас думали только одно, но почему-то по-английски: «The show is over![433]»

[433] ***Представление окончено! – англ.***

Конец третьей части
Конец пятого тома